РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура.

Сборник статей

Москва 2013

Редколлегия:
д.и.н. Т.В. Волокитина (ответственный редактор),
д.и.н. Г.П. Мурашко.

Рецензенты:
д.э.н., проф. Ю.А. Борко
к.и.н. П.А. Искендеров

Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е… Экономика, политика, культура. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 482 с.

Сборник материалов конференции, состоявшейся в Институте славяноведения РАН, отражает сложные процессы, развивавшиеся в Советском Союзе и странах «восточного блока» в 60-е гг. XX в. Авторы сосредоточили свое внимание на наиболее актуальных и дискуссионных вопросах. Среди них – попытки реформирования экономической модели социализма, противоречивая внутренняя политика «раннего» Брежнева, сочетавшая отказ от ряда непродуманных «волюнтаристских» экспериментов Н.С. Хрущева и частичную ревизию решений XX съезда КПСС о «культе личности» Сталина, определение векторов дальнейшего развития в странах «социалистического лагеря» в условиях набиравшей силу научно-технической революции, особенности либерализации в Западной Европе и некоторых восточноевропейских странах и др.

Для историков, обществоведов и всех интересующихся политической и культурной историей XX столетия.

© Институт славяноведения РАН, 2013

ISBN-10 5-7576-0281-3
ISBN-13 978-5-7576-0281-3

© ИСл РАН, 2013

Н.М. Куренная

Парадоксальное и драматическое время... Вместо вступления

Десятилетие, начавшееся на рубеже 1950-х – 1960-х гг., называют романтическим, противоречивым, легендарным, «весной столетия», эпохой «ренессанса», временем массовых ожиданий и т.д. Такое многообразие метафор и определений свидетельствует, прежде всего, о действительно непреувеличенном значении этого периода в мировой истории XX века (не в последнюю очередь благодаря его необычайно пассионарному характеру). Импульсы, идущие от событий и открытий, совершенных в эти годы, будут еще долго ощущаться, а интерес к этому времени становиться все значительней. Вот уже и в интернете появился информационный журнал «60-е», веб-сайт «Жизнь в СССР», посвященный советской цивилизации, в том числе и этому десятилетию, опубликованы серьезные работы о духовной атмосфере и повседневности тех лет, о людях, создававших и конструировавших новое общество; созываются научные форумы, анализирующие с политической, идеологической и экономической сторон этот период. Постепенно с периферии общественного интереса 1960-е годы перемещаются ближе к его центру.

Исторический период, который теперь называют обобщенно «шестидесятые годы», начался в конце пятидесятых и продолжался до чехословацких событий 1968 г., положивших начало новому этапу в истории так называемого социалистического лагеря, постепенно утрачивавшего свою, во многом видимую, а скорее только заявленную, культурно-политическую монолитность. Существует и другое мнение, касающееся периодизации указанного этапа. Например, писатели П. Вайль. и А. Генис считают началом этого периода 1961 г., когда состоялся XXII съезд КПСС, провозгласивший программу построения коммунизма.

Реакция советского общества, как и других социалистических стран, на разнообразные научно-технические открытия, политические и экономические изменения, социальные и творческие переходы была далеко не одинаковой, о чем свидетельствовали события 1956 года в Польше и Венгрии, 1968 года в Чехословакии. Однако надежда на более достойную жизнь, предчувствие перемен все-таки были всеобщими, что способствовало возникновению особого духовного климата. Писатель Ю. Ким так охарактеризовал это время: «Это резкое переощущение времени, истории и человека в ней». Результаты такого духоподъемного исторического этапа, который можно обозначить,

как пограничный, переходный, сказались на ускоренном развитии различных областей человеческой деятельности – от науки и техники до появления значительных произведений литературы и искусства. Обозначилась тенденция к появлению в художественной литературе новых тем, главным в которых было восстановление в правах человеческой личности, к осознанию писателями той истины, что человек – не только продукт истории, но и ее творец[1].

Такая интенсивность и результативность развития, на наш взгляд, объясняются, прежде всего, вступлением в зрелый период нового поколения, «зараженного» жизнелюбием, некоей витальностью, которое выросло в атмосфере победы над фашизмом.

Для того, чтобы представить масштаб десятилетия, о котором мы говорим, обозначу события этого периода, имевшие всеобщее мировое значение. Начало освоения Космоса, которое изменило представления о месте человека во Вселенной, полет Юрия Гагарина и связанная с ним эйфория. «Образовательный бум» и заключение договоров об ограничении и запрещении ядерных испытаний. Карибский кризис 1962 г. Создание и триумф группы The Beatles. (Позднее Джон Леннон, один из создателей легендарного музыкального коллектива, так определит влияние атмосферы этого времени на последующую историю: «Если кто-нибудь скажет, что любовь и мир – это клише, которое ушло вместе с шестидесятыми, это будет его проблемой…». Это было и ярчайшее десятилетие в истории мировой моды – от мини-юбки, символа новой волны эмансипации (первая, как известно, относится к рубежу веков), до изобретения синтетических тканей. Зарождение движения хиппи (кульминация – 1967 г.) и связанная с ним сексуальная революция; массовые студенческие волнения, охватившие в 1968 г. многие страны мира. Начало процесса глобализации, образование 32-х независимых государств Африки, которое Л. Джонсон, президент США, считал следствием «международного коммунистического заговора».

Из значительных отечественных политических и культурных событий упомянем лишь некоторые. Это – хрущевская «оттепель», сокращение армии на 1 200 000 человек, борьба с церковью (в 1959 г. было закрыто 18 монастырей, за первую половину 1960-х гг. по всему СССР из 13,6 тыс. храмов закрыли более 5 тыс.), основание Академгородка в Новосибирске, денежная реформа 1961 г., первое в ис-

[1] История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Т.1.М., 1995. С. 137.

тории СССР значительное (свыше 30%) повышение цен на продукты питания в 1962 г., и в том же году – тщательно скрываемые властью события в Новочеркасске, расстрел демонстрантов и казнь семерых участников. По существу – это была первая веха в истории противостояния властям такого масштаба. Начало экономической реформы А.Н. Косыгина (1965 г.). В области литературы и культуры – первые спектакли «Современника» и Театра на Таганке, первые публикации произведений писателей-«деревенщиков»; охвативший, прежде всего, молодежь горячий интерес к поэзии; публикация романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (журнальный вариант) в 1966–1967 гг., который упомянутые выше исследователи 60-х гг. П. Вайль и А. Генис отнесли к разряду книг, совершивших переворот в сознании советского интеллигента, способствовавших формированию исторической памяти общества в большей степени, чем «объективные» научные (или наукообразные) исследования[2].

И если еще несколько лет назад этот период зависал в мертвой зоне общественного интереса[3], то теперь налицо усиливающаяся по разным причинам ностальгия по тем временам. Один из основателей сайта «60-е» Дж. База считает, что повышенный интерес к этим годам обусловлен, скорее всего, тем, что «все, что есть сейчас в мире, имеет корни из 60-х».

Имеет смысл внимательнее посмотреть на культурный и политический контекст шестидесятых годов с учетом так называемого человеческого измерения, не забывая и о собственных впечатлениях. Как писал Андрей Платонов, «только сверху кажется – внизу масса, а внизу люди живут». 1960-е годы в жизни советских людей, в истории СССР, очевидно, были лучшим временем, имея в виду, прежде всего, его духовную атмосферу. Естественно, временем не идеальным, но, по сравнению с другими десятилетиями, самым, как сейчас модно говорить, позитивным. В наши дни история «шестидесятых» и неразрывно связанная с ней история «шестидесятников» активно «используются» самыми разными интеллектуальными и политическими силами в собственных, как правило, идеологических целях.

Одним из наиболее важных событий, способствовавших оживлению духовной атмосферы в нашей стране, было появление целой плеяды творчески одаренных людей, рожденных накануне и в первые

---

[2] *Вайль П., Генис А.* 60-е: мир советского человека. М., 1998.

[3] *Зорин М.* Секта пятидесятников. В кн.: Мы предчувствие, предтеча… М., 1997. С. 330.

военные годы. Они первыми чутко уловили «ветер перемен» и попытались отразить его в своем творчестве – в поэзии, изобразительном искусстве, музыке. Все вместе они, по существу, и составили новое социально-идеологическое явление, которое позже назовут – «шестидесятничеством». (Название этому явлению дал литературный критик С. Рассадин, опубликовав в одном из номеров журнала «Юность» в 1960 г. статью, посвященную новым именам в литературе). За этим культурным феноменом стояли судьбы, идеалы, убеждения людей, пробудивших к жизни, по мнению многих, серьезно подзабытые понятия «свободы убеждений», «равенства», свободы слова.

Одними из предшественников «шестидесятничества» и диссиденства (что, замечу, не одно и то же) стали участники чтений на площади Маяковского у памятника поэту, который открыли в 1958 г. Об этом в своей книге «И возвращается ветер…» написал Владимир Буковский. (Как тут не вспомнить о гении места. Площадь Маяковского – Триумфальная и нынче место для демонстрации другого, иного от властей, мнения). По существу, невинное занятие – чтение своих и чужих стихов – поначалу не вызывало каких-либо репрессивных мер. Но вскоре власти поняли опасность таких мероприятий. К концу 1961 г. на площади начались массовые аресты. Один из участников этих чтений Э. Кузнецов вспоминал: «Все мы были жертвами нашего воспитания. Поэтому мыслили исключительно в рамках большевистского опыта, доведенного до нас большевистской литературой. Мы тогда не ставили целью свержение власти. Все, что мы сделали или хотели сделать, было формой жесткого протеста, не более. (Устроили выставку Рабина, Кропивницкого, издавали альманахи). Перед нами с самого начала вставал вопрос: ну, стихи – а дальше что? Многие из участников чтений искали в политике нечто новое, например, “третий путь” – за народ, за рабочий класс, за социальную справедливость, но без марксизма и коммунизма…»[4].

Увлечение поэзией в те годы было поголовным. Слушание и чтение стихов на время затмило все остальные занятия. Достаточно вспомнить поэтические вечера в Политехническом музее, распространившиеся затем по всей стране, которые были одними из главных культурных событий своего времени. Через поэзию, через бардовскую песню прорывался «нерв поколения», обозначился круг жи-

[4] *Кузнецов Э.* Я родился на Земле. В кн.: Мы предчувствие, предтеча. М., 1997. С. 211.

вотрепещущих проблем, в них же искали и ответы на экзистенциальные вопросы.

Молодежь почти не интересовал предыдущий социальный и эстетический опыт. Пройденный предшествующими поколениями исторический путь казался ненужным, опыт жизни родителей – малоинтересным, как и картина социальной истории, поскольку была, как казалось молодым, хорошо известна. Интерес был направлен на то, что было до 1917 г., на то, что казалось интересней, эстетически привлекательней в революционной эпохе и в самом начале 20-х годов. (Мой однокурсник в 1965 г. просил у меня стихи О. Мандельштама, которые к тому времени были, как бы, запрещены. Его имя наше поколение почти не знало, естественно, не было знакомо и с его творчеством. (Хотя интерес к поэзии на нашем первом курсе факультета журналистики МГУ был велик, существовала группа начинающих поэтов, уже выпустивших свои небольшие поэтические сборники).

О повальном увлечении поэзией вспоминает и правозащитница Людмила Алексеева: «Стихами болели тогда люди, ни прежде, ни позже поэзией и вообще литературой особенно не интересовавшиеся. По всей Москве в учреждениях и конторах машинки были загружены до предела: все, кто мог, перепечатывали для себя и для друзей – стихи, стихи, стихи». Впервые в истории нашей страны были так широко известны имена поэтов, ставшие кумирами и символами современной им культуры – Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава. Лирика, по существу, становится «формой времени». В 1963 г. Анна Андреевна Ахматова – чуткий камертон еще только вызревающих изменений в обществе – создает стихотворение «Все в Москве пропитано стихами». Откликаясь на развернувшуюся в эти годы научно-техническую революцию, молодое поколение литераторов вводило в ассоциативное поле своей поэзии новейшие представления и понятия – аэропорты, ракеты, пластмассы, протоны, атомные электростанции, рок-н-ролл…

Наряду с всеохватным увлечением поэзией расширялся и интерес к современной прозе. По данным социологов, проводивших опросы в эти годы, наиболее популярными у городской и сельской интеллигенции и школьников старших классов были книги М. Шолохова, К. Симонова, Д. Гранина, Ю. Германа, А Фадеева. Исследующая массовую литературу и читательские предпочтения Г.П. Сидорова, считает, что «с начала 1960-х в Советской России предме-

том массового повседневного потребления стала художественная литература»[5].

Конечно, «шестидесятники» не были монолитом, единым лагерем. Историк Ю. Афанасьев, один из представителей этого поколения, считает, что в их убеждениях и действиях просматривается смутное единство в чем-то таком, что «трудно даже выразить рационально: душевный порыв, нравственная устремленность, раскрепощенность духа, желание “обнять небо” и уехать в тайгу “за туманом”… Но это трудно выразимое настроение было реальностью»[6].

Многие разделяют точку зрения о том, что «эта генерация в значительной мере сформировала язык и ментальность свободомыслящей советской интеллигенции, сохранившей свое приоритетное положение практически до последних лет перестройки»[7].

Но в наши дни все активнее отстаивается и другой взгляд на «шестидесятников», отмечается его «вредоносность». Например, исследователь русской истории А.И. Фурсов подвергает суровой критике, во-первых, роль интеллигенции в нынешнем российском мире и начинает ее с критики самого термина «интеллигенция», который он считает туманным образом, метафорой, на самом же деле, по его мнению, интеллигенция – это ни что иное, как «нижний господский слой»[8]. Во-вторых, «шестидесятники», по мнению Фурсова, это группа творческой интеллигенции, которая была при власти, но изображала «гонимых», регулярно ездила за границу и в 60-е, и в 70-е годы, печаталась в эти же годы. Фурсов советует «не ловиться на шестидесятнические мифы», созданные «сытой, литературной советской номенклатурой», которая профессионально занималась саморекламой. Знаковыми, хотя и разными, фигурами этого объединения он считает Евгения Евтушенко и Юлиана Семенова.

О знаменитых представителях творческой интеллигенции этого времени, их образе жизни свидетельствует и Е. Московская в своих записках, названных «Повесть о жизни с Алешей Паустовским», которые были напечатаны в 1997 г. «Привилегированное пространст-

---

[5] *Сидорова Г.П.* Массовая литература и читательские предпочтения 1960-х – начала 1980-х гг. В ж.: Социологические исследования №2 (322), 2011. С.129.

[6] http://www.russ.ru / *Афанасьев Ю.Н.* Доклад: Шестидесятники: итоги бездумного пути. Авторизованная стенограмма.

[7] Там же.

[8] *Фурсов А.И.* Тяжелое наследство 60-х. http//baldin.ru/news/a-53.html

во населяли не только члены ЦК КПСС, но и деятели литературы и искусства. Ближний круг – соседи по даче – весь генеральский поселок “Трудовая”. В ближнем кругу встречались А. Кривицкий, К. Симонов, Натан и Евгения Рыбаки и брат ее Корнейчук. Непревзойденным рассказчиком был дядя Степа Михалков»[9]. О этической какофонии «шестидесятничества» говорит в своем докладе и Ю. Афанасьев. Среди творческой и бюрократической элиты, особенно ее молодого крыла, в 60-е гг. получают распространение «самиздат» и журналы «Континент», «Грани», «Посев», «Вестник»[10].

Однако слова Фурсова о том, что «шестидесятничество – реакционная утопия советского общества, идейное оформление частичного возврата при Хрущеве во власть тех, кого из этой власти вычистили», на мой взгляд, излишне резкие, поскольку «шестидесятники» были очень разные и огульно обвинять всех, мягко говоря, несправедливо.

Выступая в прошлом году в фонде Горбачева, Афанасьев в своем докладе «Шестидесятники: итоги бездумного пути. Горизонт сознания» довольно самокритично и глубоко проанализировал основные черты этого явления, его слабые стороны, источники, которые их питали. Он также остановился на понятии «интеллигенция», поскольку никто не подвергает сомнению исключительно интеллигентский характер «шестидесятничества». Свои соображения он подкрепил словами Георгия Федотова о том, что «русская интеллигенция есть группа, движение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей».

Афанасьев считает, что «шестидесятники, в целом, как некое явление нашей культуры и поколенческая целостность, продемонстрировали неспособность к осмыслению и постижению России в XX веке. Хотя некоторые из них в чем-то опередили не только тогдашнее, но и, возможно, нынешнее время, а кто-то волею судеб оказался далеко или в стороне от действительности той поры. Целое поколение как будто опрокинулось в детство человечества, когда мировосприятие было преимущественно эмоциональным. У него как бы вдруг заработало одно только правое полушарие, предназначенное для образного мышления, дающее возможность мечтать и фантазировать, а не левое, отвечающее за аналитику».

---

[9] *Московская Е.* Моя жизнь с Алешей Паустовским. «Независимая газета», приложение «Кулиса». 1997, №№ 1–2.

[10] *Козлова Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 440.

Общая наиболее типичная черта этого поколения, которую отмечают многие исследователи 60-х, – нескрываемая инфантильность. Афанасьев считает, что «имитация (деятельности) и неумение (помыслить и понять Россию) – ключевые… понятия для характеристики этого поколения. Закономерный инфантилизм шестидесятников проявился в их "поздней зрелости", в позднем взрослении».

О том, что «молодежь 60-х, это, по существу, первое поколение, которое восприняло юность не как краткий миг между детством и зрелостью, а как полноценный пласт жизни», – говорят и социологи М. Герасимова и С. Чуйкина. «И в моде, в быту появился какой-то детский стиль – ткань в крупную клетку, в горошек, простые геометрические фигуры. В воздухе витала идея юности. На Западе и в СССР ампирный столик оказывался на помойке, а в домах появлялись треугольные столики, плафоны в виде усеченных конусов. Конструктивизм снова сделался моден. Подростковый подход к проблемам быта был широко распространен в советском обществе».

Но подростковый период, как в жизни человека, так и в жизни общества длится очень недолго. Закончились духоподъемные 1960-е, по общему мнению, в 1968 г. с вводом советских танков в Чехословакию.

Расширяющийся интерес к этому времени ставит перед его исследователями целый ряд вопросов. И одним из главных можно считать вопрос о причинах такого массового и всеохватного прорыва во всех областях науки, культуры, экономики в мировом масштабе. Представляется, что эти фундаментальные сдвиги произошли, в первую очередь, из-за сложившейся к этому времени демографической ситуации. Самой многочисленной группой, по крайне мере в СССР, стала молодежь, родившаяся в самом конце НЭПа (1927–1928 гг.), в период наиболее многочисленного в XX веке «детского бума»[11]. К началу 1960-х гг. это было поколение, условно говоря, тридцатилетних и сорокалетних, уже получивших образование и профессию состоявшихся людей. К ним примыкало менее малочисленное, но тоже достаточно широко представленное поколение «двадцатилетних», только-только вступающих в жизнь в относительно стабильной экономической и политической обстановке. К тому же рост уровня жизни после войны был экономической базой для рождения массовой молодежной культуры. С настроением обновления, «оттепели» сов-

[11] *Рыбаковский Л.Л.* Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России. В ж.: Социос № 7. 2005. С. 87.

пало и настроение возраста. Уже в 1990-е гг. один из «шестидесятников» Е. Евтушенко высказался по поводу особенностей своего поколения: «Исторический перелом после 1953 г., после XX съезда партии утвердил новое поэтическое поколение во всех наших республиках, в силу возраста незапятнанное трагическими ошибками прошлого».

С определенной долей условности можно говорить о 1960-х гг. как о начальном этапе послевоенной глобализации, замедлившей свое развитие в 1980-х, но вновь набравшей силу к концу XX века. Идеи в науке, мотивы в художественной культуре, мода на новые модели поведения распространялись по миру подобно бродячим сюжетам в литературе, странствующим из одной страны в другую, нередко меняя свой облик в зависимости от новой среды бытования, но сохраняя основополагающие элементы. И к нашему сегодняшнему дню из далеких теперь и таких непростых шестидесятых тянется духовная нить, заставляя переосмысливать и благодарить прошлое…

В.А. Шестаков

Реформа А.Н. Косыгина и административно-командная система СССР

На фоне многочисленной и разножанровой зарубежной литературы[1], посвященной самой значительной и глубокой из экономических реформ в СССР послевоенного времени (в советской публицистике она получила имя Косыгина, а в западной − Косыгина-Либермана), работ отечественных авторов крайне мало[2]. Более того, в последнее десятилетие в разработке этой темы наблюдается явный спад. В целом это не случайно. Не решив тех задач, которые ставила власть по модернизации советской системы, не сумев предотвратить распад СССР, реформа (по принципу, у победы тысячи отцов, а поражение всегда сирота) не интересна сегодня ни сторонникам социалистического выбора, ни их оппонентам по обеим сторонам границ. Как следствие, многие аспекты проведения важнейшей

---

[1] *Ryavek K.* Implementation of Soviet economic reform. N.Y., 1975; *Berniner J.S.* Soviet industry from Stalin to Gorbachev. Essays on management and innovation. Gower House, 1988 ; *Lagasse Ch.* Etnreprise sovietique et le marche. P. 1979; *Berniner J.S.* Economic reform in the USSR // The Soviet Union under Brezhnev and Kosygin. The transition years / Ed. By J.W. Strong/ N.Y., 1971; *Dickhut W.* Die Restauration des Kapitalismus in der Sowjetunion. Stuttgart, 1974; *Nove A.* An economic of the U.S.S.R. L., 1970; *Hohmann H.-H.* Limits of growth, limits of change Soviet economy in the Brezhnev era. Koln, 1981.

[2] *Лисицына Л.Н.* Из истории подготовки экономической реформы 1965 г. // История СССР. 1971. № 2; *Бурлацкий Ф.М.* Хрущев: наброски к политическому портрету // Литературная газета. 24 февраля 1988 г.; *Павлов В.* Поражение. Почему захлебнулась косыгинская реформа // Родина. 1995. № 11; Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А.Н. Косыгине ./ Сост. Т.Т.Фетисов / М., 1997; *Байбаков Н.К.* От Сталина до Ельцина. М., 1998; *В.В. Гришин* От Хрущева до Горбачева: политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996; *Ольсевич Ю.Я., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе: анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000; *Андриянов В.И.* Косыгин. Серия биографий. М. 2003; *Гвишиани А.Д.* Феномен Косыгина. Записки внука. М., 2004; *Зенькович Н.* Самые закрытые люди. Энциклопедия биографий. М., 2003; *Антонов М.* Цена реформаторства // Красная звезда. 25 апреля 2007 г.; *Ванюков Д.А.* Эпоха застоя. М., 2008. *Попов Г.Х.* Реформирование нереформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М., 2009.

реформы советского времени остаются в тени. Прежде всего, не ясен до конца главный вопрос о причинах ее свертывания. Мнения западных аналитиков, обстоятельно исследовавших ход и характер реформы, тем не менее, на этот счет разошлись. В целом в западной немарксистской литературе преобладает мнение о сопротивлении бюрократии, разногласиях в партийно-государственном руководстве СССР[3]. Часть исследователей основные причины неудачи видят в самой концепции реформы и тех экономических проблемах, которые она породила[4]. В отечественных исследованиях 1980-х – 1990-х гг., несмотря на определенные успехи в разработке этой проблемы, также нет единой точки зрения на причины неудачи реформы. В спектре мнений, которые высказывались исследователями по этому вопросу, преобладают суждения, близкие к оценкам, которые давались в западной литературе[5]. В историографии последних лет, посвященной результатам экономической реформы, акцент чаще всего делается на том, что реформа была заторможена советским руководством, указывается на соперничество Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина[6]. Несомненно, в условиях практически абсолютной власти первого лица, предусматривавшей принятие решений по всем сколько-нибудь важным вопросам на самом высоком уровне, субъективный фактор сыграл не последнюю роль в судьбе экономической реформы. Однако нет серьезных оснований думать,

---

[3] См. *Schapiro L.* The government and politics of the Soviet Union. N. Y.,1977. P. 161-162. *Dyker D.* Half-hearted reform: the new planning decree // Soviet analyst. Vol. 8. 1979. № 20. P. 5.

[4] *Davies R.W.* Economic planning in the USSR // The Soviet economy: continuity and change. Boulder, 1981. P. 32.

[5] *Воробьев Ю.Ф.* К исследованию опыта реформы 1965 года // Вопросы истории развития хозяйственного механизма в СССР. М., 1988. С. 243; Очерки экономических реформ. М., 1993. С. 230; Реформа управления экономикой: проблемы и поиск /Под ред. А.Г.Аганбегяна/. М., 1987. С.9; *Веденеев Ю.А.* Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР. Историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1990. С. 59.

[6] См. *Пихорович В.Д.* Невостребованная альтернатива рыночной реформе 1965 года // Марксизм и современность. 2004. № 1. С.110–117; *Байбаков Н.К.* Указ. соч. С. 159; Реформы А.Н.Косыгина и причины их неудач. Воспоминания // Вопросы истории. 2009. № 1, 2; *Гришин В.В.* Катастрофа. От Хрущева до Горбачева // Брежнев. Уйти вовремя. М., 2012. С.8–9.

что отрицательное отношение Брежнева к реформе стало главной причиной ее краха. Так же, как и считать косыгинскую реформу жертвой атаки «слева» со стороны «софэистов»*[7]. Сейчас, когда российское общество заметно продвинулось в понимании своего прошлого, подобные подходы и выводы представляются односторонними. Как показывает анализ недавно рассекреченных архивных документов[8], отторжение экономической реформы было связано не столько с традициями политической и общей культуры российского общества, ментальностью элит и населения, сколько с особенностями советской системы. Важнейшую роль в крахе косыгинской реформы сыграли такие системные факторы, как специфическая политическая структура советского общества, государственная (общенародная) собственность, отрицание рынка и конкуренции, полная закрытость экономики, подавление свободы личности, архаичная организация основных институтов, неподконтрольная обществу бюрократия. Этот вывод вполне подкрепляет и опыт реформирования в таких разных странах социалистического блока, как Венгрия, Чехословакия, Югославия[9]. Историческая практика конца XX в. в полной мере подтвердила вывод известного венгерского экономиста Я. Корнаи о том, что «независимо от того, возникает ли социалистическая экономика в стране обездоленного мужика или в стране с процветающим фермерством и развитой промышленностью, укомплектован ли государственный аппарат нечистыми на руку чиновниками или же педантичными немецкими бюрократами, коммунистическая система, в конечном счете, обнаруживает одни и те же неэффективные черты. Эти черты являются *специфически системными* и не вытекают из тех

* Сторонники системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Подробнее см. ниже.

[7] *Павлов В.* Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995. С. 258; *Бокарев Ю.П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970-е – 1980-е годы. М., 2007. С. 235.

[8] См.: Генеральный секретарь Л.И. Брежнев.1964-1982 // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Специальное издание. М., 2006.

[9] *Корнаи Я.* Венгерская реформа: подходы, надежды и реальность // Вопросы экономики. 1988. № 12. С. 92; *Голубович З.* Югославское общество и «социализм»: кризис югославской системы и возможности ее эволюции // Проблемы Восточной Европы. 19-20. N. Y., 1987. С. 95.

или иных национальных особенностей»[10]. Далеко не случайно сегодня многие российские и американские историки утверждают, что была некая неизбежная, предопределенная одним или несколькими необоримыми факторами, «прямая линия», ведущая от Октября к сталинизму и распаду[11]. Безусловно, опыт XX в. показал границы исторического детерминизма, наличие альтернативных «развилок», но вместе с тем подтвердил и предложенную известным экономистом, социологом и политологом К. Поланьи концепцию зависимости социально-экономических изменений от исторически сложившихся социальных институтов, культуры и национального менталитета. Советская «колея» оказалась столь глубокой, что за десятилетия советской истории исключила возможность появления настоящих реформаторов и проведения «настоящих реформ».

Уже первые шаги косыгинской реформы показали, что ее главное отличие от реформ в Венгрии при Я. Кадаре или от «Пражской весны» состояло вовсе не в степени радикализма. Разница заключалась в том, что и в Венгрии, и в Чехословакии имелся более или менее развитый реформистский проект, вокруг которого консолидировались широкие круги сторонников перемен. И чехословацкие, и венгерские реформаторы основывались на четкой социально-политической концепции, имели ясные программы, которые и пытались проводить в жизнь[12]. В Чехословакии программа социально-экономических реформ была разработана в академических кругах под руководством директора Института экономики АН ЧССР Оты Шика, а большая часть академической интеллигенции не равнялась на власть, партию и марксистскую идеологию. В СССР к началу реформы ничего подобного не было. Советский социализм представлял собой мобилизационный проект, успех которого оказался четко ограниченным во времени. Уже к началу 1950-х гг. значительная часть потенциала мобилизационной системы себя исчерпывает. Заканчиваются краткосрочные выгоды, связанные с отключением рыночных механизмов и построением жесткой вертикали управления, характерные для первого этапа ее жизненного цикла. К этому времени изживает себя безжалостная мобилизация

[10] *Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. Пер. с англ. М., 2000. С. 13–14.
[11] *Коэн, Стивен.* «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза? М., 2011. С. 11.
[12] *Корнаи Я.* Венгерская реформа... С. 92.

ресурсов деревни. На смену быстро снижающемуся налогу с оборота на сельхозпродукцию приходят дотации аграрному сектору[13]. А без наполняемого деревней «котла» нечем было обеспечить привилегии рабочего класса и номенклатуры. Социальная база созданного Сталиным политического режима быстро сокращалась. Эти обстоятельства заставляют власть уже с конца 1950-х гг. начать реформирование системы. К 1965 г. стало очевидно, что в советской экономике не все в порядке. Симптомом неблагополучия стал переход страны от положения крупного экспортера зерна к положению импортера. Но к радикальным переменам не были готовы ни руководство страны, ни значительная часть населения, адаптировавшаяся к репрессивному государству и не верящая в возможность его изменения. В жестко обличительном варианте доклада, подготовленным Д.С. Полянским «на всякий случай» для выступления на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС, приводилось немало примеров резкого ухудшения экономических показателей за годы «великого десятилетия», однако ответственность за провалы в хозяйственной политике возлагалась исключительно на Н.С. Хрущева, его «волюнтаризм и субъективизм»[14].

Проведение экономической реформы, предложенной новым председателем правительства А.Н. Косыгиным после вынужденной отставки Хрущева, обосновывалось в официальных источниках необходимостью «вскрыть огромные внутренние резервы социализма, которые используются далеко не полностью». На самом деле, как показали уже ее первые шаги, реформа означала серьезный отход от сталинской и хрущевской моделей социализма и мобилизационной экономики. Именно эти обстоятельства во многом и предопределили ее судьбу. Ожидаемого властью «соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования» не получилось. В 1970-е гг. Советский Союз все больше становился экспортером преимущественно сырья и минералов, подобно большинству стран «третьего мира», и был не в силах конкурировать с ведущими мировыми экспортерами промышленных товаров. В 1985 г. по экспорту промышленных товаров СССР опус-

[13] *Гайдар Е.Т.* Аномалии экономического роста: в 2-х томах. Т. 2 . М., 1997. С. 422.

[14] «Таковы, товарищи, факты». Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском Пленуме ЦК КПСС (вариант) // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 2. С. 104–108.

тился с 11-го места в мире, которое занимал в 1973 г., на 15-ое[15]. Реформа не только не укрепила социализм, но еще больше расшатала его экономическую и социальную базу. Предприятия в условиях реформы продемонстрировали своекорыстное стремление к необоснованному завышению премий, наращиванию децентрализованных капиталовложений без учета их эффективности, сокрытию производственных резервов и другим злоупотреблениям, следствием чего стало усиление инфляционного давления и разбалансированность экономики. Далеко идущим незапланированным последствием косыгинской реформы явился бурный рост теневой экономики[16].

Эти обстоятельства позволяют говорить о главной причине неудачи модернизации экономики СССР в 1960-е – 1970-е гг. В условиях НТР самый сильный фактор советской системы – человеческий, которым власть многие годы не без оснований гордилась, оказался ее «ахиллесовой пятой». В послевоенные годы в развитых странах Запада человек, его культура, образование, знания, умения, здоровье, душевное состояние становятся решающим фактором прогресса, прорыва в постиндустриальную эпоху. Поэтому инвестиции в «человеческий капитал» становятся стратегическим приоритетом. Прорыв в постиндустриальную эпоху на Западе также был немыслим без риска и духа предпринимательства. В СССР, в первую очередь в силу причин системного порядка, наблюдались иные тенденции и процессы.

Отдавая в течение десятилетий предпочтение конформистам, ставя в невыгодное положение и даже подавляя людей с критическим мышлением, советская система сформировала миллионы пассивных иждивенцев и фактически уничтожила социальную и идейную базу перемен и реформ. В стране отсутствовали идеологические дискуссии о будущем, не были сформулированы представления о перспективах развития, не сформировались и социальные силы, готовые поддержать конкретные планы преобразований. Недовольство рабочих по экономическим вопросам не сопровождались выдвижением политических и социально-экономических требований, как это было, начиная с 1950-х гг., в Венгрии, Польше и других восточноевропейских странах. Массовые беспорядки в Новочеркасске в 1962 г., в которых

---

[15] *Бжезинский З.* Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке. N.Y., 1989. С. 44.

[16] *Сущенко В.А.* История российского предпринимательства. Ростов-на-Дону, 1997. С. 67.

участвовали более 4 тыс. чел., явились стихийным ответом на повышение властью розничных цен, а не результатом организационной подготовки оппозиционных сил. Народ выступал как стихийная, грозная, недовольная и готовая к разрушению сила, но не имел позитивных идей и программ[17]. В обстановке жесточайшей цензуры, контроля «сверху» в сфере науки и культуры у населения до поры до времени не могли возникнуть сомнения в верности коммунистической идеи и эффективности созданной на основе марксистского учения плановой системы. Официальная пропаганда изо дня в день создавала образ советской экономики как экономики процветающей, успешно догоняющей Запад. Как следствие, даже та часть интеллигенции, которая отвергала тоталитарные основы существующего режима, продолжала верить в социалистическую идею. Дискуссии об альтернативной модели социализма, развернувшиеся в Восточной Европе благодаря польскому экономисту О. Ланге, автору теории «рыночного социализма», в Советском Союзе не получили сколько-нибудь широкого отражения. Нарастающая критика плановой системы в странах Восточной Европы была достоянием узкого круга людей. Написанная на основе модели О. Ланге книга С. Бруса «Общие проблемы функционирования социалистической экономики» о возможности допущения при социализме разных форм собственности и передаче всех функций управления экономикой на места, изданная почти во всех социалистических странах, практически не была известна русскоязычному читателю[18].

К началу косыгинской реформы ни партийная верхушка, ни диссидентские круги не имели своего проработанного реформистского проекта. В советском обществе не было общей концепции обновления, как не было и понимания масштабов и сложности этой задачи[19]. Составители вышедшего в «тамиздате» в 1974 г. сборника статей с весьма характерным названием «Из-под глыб» с горечью отмечали: «Много десятилетий ни один вопрос, ни одно крупное событие нашей жизни не было обсуждено свободно и всесторонне, так чтобы мочь нам произнести истинную оценку путей происшедшего и путей

---

[17] *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999. С. 384, 388.

[18] *Бокарев Ю.П.* Указ. соч. С. 216.

[19] *Арбатов Г.А.* Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 280.

выхода из него. Все подавлялось… без заботы о прошлом, а значит и о будущем»[20].

Монополизм КПСС на распространение идей и информации, всеобщая придавленность мысли стали причиной тому, что марксизм продолжал импонировать массовому сознанию и части интеллигенции своей достаточно доступной и непротиворечивой системой объяснения мироустройства. Не случайно основанная в 1963 г. генералом П.Г. Григоренко оппозиционная КПСС организация называлась «Союз борьбы за возрождение ленинизма», а он сам был еще убежденным марксистом-ленинцем[21]. Столь же наивен был организатор «Союза независимой молодежи» в г. Владимире В.И. Борисов, пытавшийся в 1968 г. зарегистрировать созданную им организацию в исполкоме местного совета[22].

Возникшее в годы хрущевской «оттепели» диссидентское движение поначалу ориентировалось исключительно на защиту интересов личности от посягательств государства, на проблемы, связанные с осуществлением свободы слова и творчества. Попытки сформулировать общие требования в социально-экономической области, исходившие с середины 1950-х гг. от небольших групп или одиночек, действующих подпольно (группа Краснопевцева в Москве, группа «Колокол»), успеха не имели. Подпольные группы в Алма-Ате, Рязани, Свердловске, Красноярске и ряде других городов СССР в своих программах и распространяемых листовках наряду с общедемократическими требованиями (свобода слова, печати, освобождения политзаключенных и т.д.) выставляли и социальные (повышение заработной платы рабочим и стипендий студентам, улучшение жилищного положения), но на основы системы не покушались[23]. После суда над Синявским и Даниэлем (1966 г.)[24] в «самиздате» распространялись открытые обращения к деятелям науки и искусства, предупреждающие об опасности повторения сталинских репрессий в

[20] Из-под глыб. Сб. статей. Paris, 1974. С. 3.

[21] *Григоренко П.Г.* В подполье можно встретить только крыс. М., 1997. С. 9, 371.

[22] *Савельев А.В.* Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950-х – 1970-х гг. // Вопросы истории, 1998. № 4. С. 116.

[23] *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс-Москва, 1992. С. 314.

[24] См.: Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989.

случае молчаливого одобрения таких процессов обществом. Петиции и выступления против ресталинизации смогли затормозить ее наступление. Однако, отстаивая права человека, защищая индивидуальные свободы, диссиденты фактически не имели программы социальных преобразований. До середины 1960-х гг. сравнительно немногочисленными были и публикации диссидентской литературы. Инакомыслящие использовали преимущественно полукустарные множительные средства. Большую часть этих материалов составляли петиции, жалобы и заявления, поданные диссидентами в советские инстанции, копии судебных протоколов, судебно-медицинских экспертиз. «Самиздат» почти не обращался к социально-экономическим проблемам. Долгое время единственным материалом на данную тему была лекция будущего академика экономиста А.Г. Аганбегяна «О советской экономике»[25]. Лишь с конца 1960-х гг., когда к диссидентскому движению стали примыкать представители академических кругов, оно переходит к резкой критике существующего режима. Как правило, это были представители естественно-научного и технического профиля – физики, математики, кибернетики[26]. Пополняя ряды диссидентов, они начинали специализироваться в новом для себя гуманитарном направлении. Весной 1968 г. в «самиздате» появилась статья известного физика А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». В ней он смог первым поднять перед обществом и властью вопрос о цивилизационном отставании России от Запада. Прежде чем пойти на столь беспрецедентный для советского человека шаг, академик пытался довести свои предложения по вопросам общественного устройства до партийного руководства СССР, направляя их Л.И. Брежневу, Н.В. Подгорному и А.Н. Косыгину. Убедившись в тщетности попыток прямого разговора с «верхами» о необходимых, с его точки зрения, реформах, Сахаров принял непростое решение «зайти с другой стороны»[27]. В работе были четко обозначены два тезиса – первый о необходимости интеллектуальной свободы в качестве единственной гарантии осуществимости научно-демократического подхода к политике, экономике и культуре. И второй – о необходимости конвергенции социалистической и капиталистической систем как альтернативе

[25] *Алексеева Л.М.* Указ. соч. С. 312.
[26] *Савельев А.В.* Указ. соч. С. 113
[27] *Горелик Г.* Андрей Сахаров. Наука и Свобода. М.- Ижевск, 2000. С. 347.

гибели человечества во всеобщей термоядерной войне[28]. Как позднее объяснял сам автор, основные мысли, которые он пытался развить в «Размышлениях», не являлись очень новыми и оригинальными. В основном это была компиляция либеральных, гуманистических и «наукократических» идей[29]. Однако высказываясь за необходимость глубоких экономических и социальных реформ и критикуя преступления Сталина, Сахаров считал советскую систему вполне жизнеспособной, поскольку она, по его мнению, принесла народу «огромные материальные, культурные и социальные достижения…возвеличила нравственное значение труда»[30]. Трагические потери и неудачи социалистического строительства Сахаров связывал, как и большинство населения страны, с личными ошибками советских лидеров. Но с советским руководством дискуссии не получилось. Даже весьма авторитетному академику П.Л. Капице не удалось добиться обсуждения социальных идей Сахарова в узком кругу Президиума АН СССР [31]. Несмотря на замалчивания и препоны со стороны официальных властей, «Размышления» получили определенный отклик в обществе, выразившийся в достаточно активной и продуктивной дискуссии продолжавшейся фактически все 1970-е гг.[32]. В том же 1968 г. свою попытку «разговора с ЧЕСТНЫМИ людьми, которые ИСКРЕННЕ ВЕРИЛИ в наши “высшие ценности”, а слова “буржуазная демократия”, “враждебное окружение”, “империализм США” имели для них реальный отрицательный смысл», предприняли «временно переквалифицировавшиеся из физиков-математиков в политологи-экономисты» Б. Альтшулер и П. Василевский[33]. В статье «Время не ждет», получившей в «самиздате» название «Ленинградская программа», они развивали известную концепцию о Новом классе в применении к советским реалиям тех лет. Ее главный вывод: «Научно-техническая революция поставила перед советской системой дилемму: либо реформы, либо отставание в мирном соревновании с капитализмом; однако никакие реформы невозможны в условиях выкачивания гигантских средств из сферы потребления, при приоритет-

[28] *Сахаров А.Д.* Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе // Тревога и надежда. 2-е изд. М., 1991. С.30, 36.
[29] Там же. С. 11.
[30] Там же. С. 38.
[31] *Горелик Г.* Указ. соч. С. 428.
[32] *Сахаров А.Д.* Указ. соч. С. 45–46.
[33] См.: Независимая газета. 22 мая 1998. С. 8.

ном развитии военной промышленности»[34]. Назначение письма авторы видели в том, «чтобы способствовать широкому и открытому обсуждению важнейших проблем»[35].

Власть вновь не сочла нужным вступать в какой-либо диалог, а любые попытки обновления системы трактовала как покушение на социализм. Предложив обществу и власти в письме к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу позитивную программу, академик Сахаров первым из инакомыслящих поддержал начавшуюся косыгинскую реформу, потребовав всемерно углублять ее, расширять сферу эксперимента и делать выводы из его результатов[36]. Некоторые оппоненты пошли значительно дальше Сахарова. В работах М. Руденко «Экономические монологи» и Ю. Орлова «Возможен ли социализм нетоталитарного типа», появившихся в середине 1970-х гг., рассматривались социально-экономические основы советского общества[37]. В своем знаменитом эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?» А. Амальрик предсказал скорый развал советской системы[38]. Однако, в конечном итоге, за все время существования диссидентского движения не было сделано ни одной попытки критического анализа социалистической экономики в целом, самой ее идеи. По свидетельству известного экономиста И.Я. Бирмана, в годы реформ «не нашлось буквально ни одной "лежащей в столе" работы, направленной против социалистической экономики. Даже НТС* не решался открыто пропагандировать капитализм. А о методе "возвращения" из социализма в капитализм никто не помышлял»[39]. Не ставя целью борьбу с властью, не предполагая радикальных перемен государственного строя, диссидентские круги, как уже отмечалось

---

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] *Сахаров А.Д.* Указ. соч. С. 41; *он же.* Памятная записка// Погружение в трясину (Анатомия застоя). М.,1991. С. 569.

[37] *Алексеева Л.М.* Указ. соч. С.321.

[38] *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину… С. 643.

* Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС) – политическая организация русских эмигрантов. В рассматриваемые годы содействовала развитию «самиздата», поддерживала диссидентское и правозащитное движение в СССР.

[39] *Бирман И.* Я – экономист (О себе любимом.) М., 2001. С. 218–219.

выше, так и не смогли создать реальный и одновременно привлекательный общественный идеал и альтернативную официальной, правительственной, программу экономических реформ. Либералы-романтики, руководствовавшиеся нравственными побуждениями, они апеллировали к властям и в силу этого были вынуждены ограничиваться критикой отдельных проявлений существовавшего политического режима. По существу, это был протест ради протеста – без позитивной программы, без конструктивных идей, без социальной почвы[40]. Ценой за отказ от политики становится «философия пессимизма». Сомневаясь в правильности экономических основ социализма, считая СССР закрытым тоталитарным обществом, «страной под маской»[41], Сахаров в 1970-е гг. не видел реальных путей изменения системы, кроме как «создания идеалов»[42]. Американский историк С. Коэн назвал это состояние «кризисом идей», тупиком, из которого нет выхода[43].

Не случайно в канун реформы для большинства населения причины нарастания негативных явлений виделись в засилии бюрократов, корысти и пренебрежении начальством своими обязанностями[44]. Возникла парадоксальная ситуация: с одной стороны, советское общество вполне созрело для перемен, а с другой, – сколько-нибудь серьезного движения в поддержку реформы не было.

Из-за неспособности гражданского общества сформулировать в 1950-е – 1970-е гг. свой, альтернативный, путь реформирования советской экономики Косыгин и другие сторонники хозяйственной реформы в высшем руководстве СССР могли рассчитывать лишь на

---

[40] *Богораз Л., Голицын В., Ковалев С.* Политическая борьба или защита прав? Двадцатилетний опыт независимого общественного движения в СССР // Погружение в трясину… С. 538.

[41] Там же.

[42] *Сахаров А.Д.* За и против. 1973 год: документы факты, события. М.,1991. С. 58.

[43] *Коэн С.* Переосмысливая советский опыт. Benson, 1968. С.160.

[44] В рукописи, ходившей под названиями «Российский путь перехода к социализму и его результаты», «Завещание Варги», «Вскрыть через 25 лет» (авторство приписывалось акад. Е.С. Варге) и содержавшей резкую критику экономической системы СССР, в частности, утверждалось, что «Советский Союз превратился в государство, в котором полностью правит господствующая бюрократия» (Полис. 1991. № 1. С. 78). В 1994 г. стало известно, что работа была написана профессором МГУ Г.Н. Поспеловым.

разработки, ведущиеся в рамках официального реформизма. Вопреки устоявшимся представлениям, еще в годы правления Хрущева образовались две группы параллельно работающих реформаторов. В начале 1962 г. в Государственном научно-экономическом совете при Совете министров СССР, созданном Хрущевым для обеспечения властных структур свежими идеями, начинается дискуссия о «совершенствовании планирования и ценообразования». Собранные председателем Госэкономсовета А.Ф. Засядько «сто ведущих экономистов страны» с энтузиазмом взялись за подготовку проектов совершенствования социализма[45]. Споры развернулись вокруг единого параметра оценки эффективности социалистического предприятия и целых отраслей, который позволил бы сделать экономику прозрачной и эффективной. Но еще в 1956 г. никому не известный харьковский экономист Е. Либерман опубликовал в «Коммунисте», журнале ЦК КПСС, статью о порочности планирования от достигнутого[46]. Несмотря на довольно революционный для тех лет характер предложений, статья осталась незамеченной, как и другие его публикации[47]. Узнав о дискуссии в Экономсовете, Либерман подготовил новую статью «План, прибыль, премия», которая была по предложению Хрущева опубликована в газете «Правда» 9 сентября 1962 г.[48] (расширенный вариант был опубликован опять-таки в «Правде» 20 октября 1964 г. под названием «Еще раз о плане, прибыли и премии»), что на бюрократическом языке говорило об интересе к этой теме со стороны «верхов». Трагические события лета 1962 г. в Новочеркасске, показав властям, что принудительное снижение удельных затрат труда путем «планового» повышения норм выработки чреваты в новых общест-

[45] *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев. Реформатор (Трилогия об отце). М., 2010. С. 807–808.

[46] *Либерман Е.Г.* Планирование промышленного производства и материальные стимулы его развития // Коммунист. 1956. № 10.

[47] *Либерман. Е.Г.* Хозрасчет машиностроительного завода. М., 1950; *он же.* Хозяйственный расчет и материальное поощрение работников промышленности» // Вопросы экономики. 1955. № 6; *он же.* Об экономических рычагах выполнения плана промышленностью СССР // Коммунист. 1959. № 1; *он же.* Основные проблемы комплексной механизации и автоматизации производства. Харьков, 1961.

[48] По мнению С.Н. Хрущева, 9 сентября не было случайной датой: на следующий день Н.С. Хрущев разослал членам Президиума ЦК КПСС записку о новом этапе реформы // *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 810.

венных условиях социальной нестабильностью, заставили Хрущева обратить внимание на экономические методы управления. Объективно публикация статьи Либермана сыграла исключительно важную роль в формировании общественного мнения. Для подавляющего большинства советских экономистов его идеи были истинно-революционными[49]. Предложив применить к экономике СССР теоретические положения О. Ланге, он впервые публично атаковал в советской печати негативные последствия плана-закона, а также нарушил табу на обсуждение роли прибыли, хотя, как и другие, не сумел глубоко обосновать ее значение. В то время политическая цензура не позволяла затрагивать тему частной собственности, а главное – Либерман «недооценил роль цены, которая должна определяться не абстрактной схемой, а на рынке»[50]. Как и многие современники, он считал систему хозяйствования в СССР в целом эффективной, а трудности и неудачи в советской экономике объяснял принятой системой планирования из центра всех без исключения показателей деятельности предприятий. По мысли экономиста, предлагаемая им реформа была воплощением ленинского принципа материальной заинтересованности трудящихся в успехах социалистического строительства. Либерман предлагал сохранить централизованное планирование в прежнем виде лишь для немногих важнейших производств, а во всех остальных случаях ограничить его несколькими главными показателями при одновременном предоставлении руководителям предприятий реальных полномочий и права хозяйственной инициативы. Он предлагал также оценивать деятельность предприятий, прежде всего, в соответствии с получаемой ими прибылью и, чтобы повысить заинтересованность администрации и рабочих в увеличении этой прибыли, разрешить использование части ее на расширение и модернизацию производства и культурно-бытовые услуги[51]. Все эти, в принципе, простые предложения харьковский ученый вынужден был облечь в сложные математические формулы, чем придал им «научный» вид.

Предложенная экономистом формула – прибыль, деленная на основные фонды, – исключала не только вал, но и планирование от достигнутого, которое было невыгодным предприятию. Предлагалось исчислять премии не по выполнению плана, а в зависимости от при-

[49] *Бирман И.* Указ соч. С. 179–180.
[50] *Либерман Г.Е.* План, прибыль, премия // Правда. 9 сентября 1962 г.
[51] Там же.

были. Идеи Либермана приобрели много сторонников в академических кругах, в среде хозяйственных руководителей и получили определенную официальную поддержку. В процессе обсуждений их участники мало-помалу проникались сознанием необходимости глубоких экономических реформ[52]. В августе 1964 г. незадолго до отставки Хрущев согласился на испытание системы, предложенной Либерманом, на двух текстильных фабриках – московской «Большевичке» и горьковском «Маяке». Уже первые мероприятия дали положительные результаты. Предприятия не только выполнили, но и перевыполнили планы производства, реализации продукции и прибыли[53]. Той же осенью Хрущев поручил экономическим ведомствам и Государственному комитету по науке и технике дать предложения по статье академика В.А. Трапезникова «За гибкое экономическое управление предприятиями», опубликованной в «Правде» по итогам его поездки в августе 1964 г. в Японию.[54] Вскоре была создана специальная комиссия во главе с членом коллегии Экономсовета Л.А. Ваагом. Активная дискуссия, развернутая в прессе, затрагивала многих «священных коров» советского строя[55]. Именно тогда впервые всерьез заговорили о ценовой реформе, призванной привести в соответствие с требованиями НТР стоимостную структуру производства и цену рабочей силы. В этой дискуссии остро столкнулись две экономиче-

[52] *Бирман И.* Указ соч. С. 243.

[53] *Гвоздев Б.И., Покровский В.К.* Из истории подготовки экономической реформы 1965 года в СССР // Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунистического общества. М., 1970. С. 253–254.

[54] *Трапезников В.* За гибкое экономическое управление предприятиями // Правда. 17 августа 1964 г.

[55] *Зверев А.* Против схематизма в решении сложных вопросов // Вопросы экономики. 1962. № l; *Федорович М.* Надо смотреть вперед // Экономическая газета. 1962. № 45; *он же.* Не прибыль, а снижение себестоимости // Правда. 20 сентября 1962 г.; *Воробьева А.* Исходной базой стимулирования может быть только план // Вопросы экономики. 1962. № 11; *Бор М.З.* Внутренняя противоречивость предложений проф. Е.Г. Либермана // Экономическая газета. 1962. № 46; *Гатовский Л.* Создать новую систему планирования // Там же; *Сухаревский Б.* О совершенствовании форм и методов материального стимулирования // Там же; *Илюшин С., Рушенбур А.* За более эффективные методы хозяйствования // Плановое хозяйство. 1965. № 1; *Петраков Н.Я.* Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. М., 1966 и др.

ские школы: «описатели» и «конструктивисты». «Описатели», то есть плановики, обвиняли своих оппонентов в том, что они являются адептами либеральной лозаннской школы, молятся на прибыль и «скрытую руку» рынка. Авторы многочисленных публикаций избегали прямых выпадов против системы, но они легко угадывались под внешне безобидными формулировками. Академик В.С. Немчинов в журнале «Коммунист» доказывал, что система материально-технического снабжения в СССР является серьезным препятствием экономическому развитию страны. Он же одним из первых в 1965 г. смог сказать, что «система, которая настолько скована сверху донизу, опутывает узами технологическое и социальное развитие …рано или поздно сломается под давлением реальных процессов экономической жизни»[56]. К этому времени многим экономистам и руководителям производства стало ясно, что хозяйственный механизм неэффективен в принципе. Практика постоянно ставила под сомнение одно за другим «фундаментальные» положения официальной политической экономии. Для преодоления «временных» трудностей требовались иные методы управления экономикой, иные стимулы к росту. Реакцией на застой в традиционной экономической науке (бесконечное цитирование «классиков» марксизма-ленинизма, комплиментарное комментирование выступлений партийных лидеров) стало рождение на излете хрущевской «оттепели» весной 1960 г. другого реформаторского направления - экономико-математического (ЭМН)[57]. Претендуя на открытие новой экономической теории социализма, так называемой конструктивной политэкономии (в противовес традиционной или описательной политэкономии социализма), экономисты-математики предложили своеобразный заменитель рынка – систему оптимального функционирования экономики (СОФЭ), где вместо нормальных равновесных цен предлагались искусственно рассчитанные, «математические» цены, вытекавшие из оптимального плана, цены без стоимости. По существу, речь шла о математической имитации рыночных цен, всего объективного процесса ценообразования, устанавливавше-

[56] *Немчинов В.С.* О дальнейшем совершенствовании планирования и управления хозяйством. М., 1965. С. 53.

[57] См.: Применение математических методов в экономике и планировании // Труды научного совещания о применении математических методов в экономических исследованиях и планировании (4–8 апреля 1960 г.) / Отв. ред. В. Немчинов/ М., 1961.

го баланс между спросом и предложением[58]. По замыслу разработчиков СОФЭ должна была полностью вытеснить товарное производство, заменив его системой экономико-математических операций.

Поначалу власть поддержала экономико-математическое направление экономической науки, подводившее, казалось бы, современную техническую базу под традиционную систему централизованного управления советской экономикой и ополчившееся на верхний эшелон научной бюрократии, «островитяновых с пашковыми»[59]. Суля принципиальный эффект, оно не предполагало институциональных изменений в системе. Другая причина благосклонности «верхов» заключалась в том, что к началу 1960-х гг. резко усилилась роль фактора организации и управления. В США численность управляющих в общем составе работоспособного населения возрастает в течение 1950-х гг. с 40 до 51%. Поток экономико-статистической информации стал настолько мощным, что обрабатывать его вручную или с помощью примитивной техники становилось все сложнее. В СССР только в промышленности, где общий рост численности промышленно-производственного персонала составил 34%, численность занятых в сфере управления предприятием возросла на 63%[60]. Немалое значение имел тот факт, что все западные экономики, используя компьютеры, уверенно выбрались из послевоенных трудностей и успешно двинулись вперед. Под западным же влиянием особый интерес к применению ЭВМ для экономических расчетов проявляли советские военные. А.Н. Косыгин, будучи первым заместителем Председателя Совета министров СССР, идею использования ЭВМ активно поддерживал. По его поручению в 1962 г. был разработан проект Общегосударственной автоматизированной системы планирования и управления в народном хозяйстве (ОГАС). В 1963 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, в котором говорилось о необходимости создания в стране Единой системы планирования и управления (ЕСПУ) и Государственной сети вычислительных центров. (Позже понятие ЕСПУ в официальных документах трансформировалось в ОГАС)[61]. К 1964 г. на базе лаборатории академика Немчинова был учрежден Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ). Появились и другие

[58] *Кудров В.М.* Крах советской модели экономики. М., 2000**.** С. 91.
[59] *Бирман И.* Указ. соч. С. 256.
[60] *Ведута Е.Н.* Государственные экономические стратегии. М., 1998. С. 195.
[61] *Хрущев С.Н.* Указ соч. С. 912.

организации, занимавшиеся экономико-математическими методами. Бесперспективность попыток оптимального народнохозяйственного планирования выявилась уже в начале 1970-х гг. Оказалось, что даже теоретически из центра невозможно рассчитывать оптимальный план для всего народного хозяйства, поскольку число возможных вариантов было сопоставимо с числом «атомов во вселенной». К этому времени пятилетний план включал 12 млн. единиц различных продуктов с их полной спецификацией, соответствующей 48 тыс. плановым показателям. Другими словами, в среднем каждый «продукт» в плановых предписаниях включал еще 250 разновидностей. Но главное – директивное оптимальное планирование не учитывало вероятностный характер любых производственных процессов, отвергало инициативу и предприимчивость исполнителей плана на местах. Была и еще одна, может быть, решающая, причина, делавшая невозможной реализацию СОФЭ. Кибернетическая система затрудняла маскировку военных расходов, оборонной промышленности. В 1970 г. состоялось расширенное заседание Госплана, на котором проект СОФЭ окончательно отвергли. Реальная заслуга экономико-математического направления заключалась в развенчании политэкономической болтовни: в литературе стало меньше обосновывающих цитат, экономисты стали больше считать, само экономическое мышление упорядочилось. ЭМН вывело советскую экономическую науку на путь, которым следовали западные экономические школы, и наладило контакты с западными коллегами. Часть современных исследователей утверждает, что власти, сделав выбор в пользу «либермановской концепции», не использовали «великолепный шанс, который давало в нашей стране внедрение автоматизации управления социалистическим хозяйством». Это, вкупе с политикой насильственного внедрения рыночных методов управления, закономерно привело наше хозяйство к печальному концу»[62]. В свою очередь, другая часть исследователей, опираясь на известные высказывания бывшего премьера В.С. Павлова, наоборот, считает, что деятельность сторонников СОФЭ явилась ключевым фактором, затормозившим развитие косыгинской реформы[63]. Рассекреченные в последние годы докумен-

[62] *Пихорович В.Д.* Указ. соч. С.112; Как погас ОГАС – http://situation.ru/app/j_art_333.htm.

[63] К примеру, А. Салуцкий утверждает, что именно СОФЭ «торпедировала и похоронила косыгинскую реформу» – e-reading.org.ua›bookreader.php/1004896.

ты российских архивов позволяют утверждать, что в реальности выбор концепции хозяйственной реформы в высших эшелонах власти происходил вовсе не между противостоящими школами экономистов – «конструктивистов» и «описателей», рыночников и антирыночников. Высшее советское руководство рассматривало экономическую теорию как разновидность идеологии, как инструмент партийной пропаганды. У многих хозяйственных руководителей давно сложилось пренебрежительное, высокомерное отношение к экономической науке вообще и к теории в особенности. Не столько, естественно, за «схоластическое теоретизирование, умозрительно сконструированные законы, сколько, за неспособность экономистов и ученых найти некое магическое средство, которое позволило бы все улучшить, ничего не меняя». Официальная экономическая наука была в состоянии выполнять лишь единственную функцию – апологии сложившейся модели социализма. В начале 1960-х – середине 1970-х гг. и софэисты, и их оппоненты всерьез полагали, что социалистическая экономика обладает наивысшей эффективностью[64]. Вопрос стоял о том, проводить реформы или не проводить. По свидетельству Н.К. Байбакова, на одном из заседаний Политбюро Н.В. Подгорный, занимавший тогда должность председателя Президиума Верховного Совета СССР, вопрошал: «На кой черт нам эта реформа? Мы что плохо развиваемся, что ли?» После его выступления мнения разделились; некоторые полагали, что условия для реформы в советском обществе еще не созрели[65]. Действительно, высшее руководство страны интуитивно чувствовало: начни настоящие реформ, раскачай систему, все рухнет. Советские элиты оказались совершенно не готовыми к новым вызовам. В силу неразвитости демократических институтов несколько поколений советских людей были обречены испытывать на себе слабое руководство. Система не обладала эффективным механизмом, обеспечивающим приток к государственному управлению сильных людей, и тем более возможностью поправлять и даже предотвращать неправильные решения, а в случае необходимости их менять, тем более менять самих политических лидеров. В результате косыгинская реформа оказалась не результатом борьбы за реализацию определенного, заранее разработанного плана, а лишь отражением сложившегося в данный конкретный момент соотношения сил в Политбюро ЦК КПСС. У организаторов смещения Хрущева не было

[64] *Кудров В.М.* Указ соч. С. 58.
[65] *Байбаков Н.К.* Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 276.

собственной, сколько-нибудь внятной идейно-политической платформы. К ее формулировке приступили уже после его отставки. Более того, не было и единства, поэтому процесс этот проходил в борьбе, хотя и развертывавшейся в основном за кулисами[66]. Менталитет правящей элиты полностью исключал такие понятия, как «рынок» и «самостоятельность хозяйствующих субъектов», допускал только ограниченное материальное стимулирование отдельных работников по результатам их труда. Судя по недавно рассекреченным документам, сам Брежнев до «Пражской весны» был настроен на некоторые перемены, думал о реформах. Система работала плохо, на ручном управлении. Генсек это понимал, правда, по его же выражению, «кусками», т.е. на уровне отдельных примеров. Постоянно возвращаясь к вопросу об улучшении хозяйственного руководства в центре и на местах[67], он, однако, до конца своих дней оставался убежденным сторонником администрирования, усиления соцсоревнования и морального стимулирования. Воспринимая доводы в пользу материального стимулирования работников, Брежнев был не прочь награждать передовиков труда автомашинами, мотоциклами[68]. Он начал модернизацию с хорошо знакомой ему области, явно рассчитывая, что реформа аграрной сферы станет мотором для модернизации всей советской экономики. Как показывает анализ документов из Архива Президента РФ, Брежнев просчитался с выбором объекта для начала кардинальной реформы. В целом результаты мер мартовского пленума не достигли своих целей. Образцом модернизации село не стало и лавров реформатора Брежневу не принесло. Аграрная бюрократия в середине 1960-х гг. меньше всего хотела реформ и не была к ним готова. Она рассчитывала и в дальнейшем получать все больше благ, не отвечая при этом за результаты. Столкнувшись уже в первые дни реализации аграрной реформы с серьезным противодействием партаппарата, Брежнев, чтобы сохранить свой пост, выдвинул под огонь критики консервативных сил премьер-министра. В силу этого реформа изначально строилась на полумерах: сочетала план и рынок при определяющей роли плана. В популистских целях на начальном этапе реформы в промышленности Брежнев оказывал Косыгину поддержку. Более того, считая реформы «мелковатыми», в одной из записок он предлагал даже «не ставить мелкие заплатки, а создать но-

[66] *Арбатов Г.А.* Указ. соч. С. 182.
[67] Архив Президента Российской Федерации. Ф. 80. Оп. 1. Д. 382. Л. 57–60.
[68] Там же. Д. 134. Л. 108, 112, 128.

вую систему управления, которая бы полностью соответствовала современному этапу развития экономики»[69]. Но по мере утверждения своего единовластия генсек утратил к реформам всякий интерес. Наиболее консервативная часть высшего руководства воспользовались событиями 1968 г. в Чехословакии для того, чтобы окончательно свернуть на старый путь, поскольку, как показывал чехословацкий опыт, следующим шагом за либерализацией экономической сферы становилась либерализация политическая. С началом болезни Брежнева (1976 г.) вопрос реформирования полностью переходит под контроль партийных чиновников. Но все же главным препятствием для реформ стал сам Косыгин. Глава правительства хорошо осознавал необходимость перемен, но его планы также не носили радикального характера. Идейно преданный социалистической системе Косыгин был продуктом авторитарной политической системы и верил в нее, возможно, просто потому, что не представлял себе никакой другой[70]. Он не мог подняться до идеи отказа от социалистического строя. Ему были чужды идеи НТР и всего того, что составляло суть современной эпохи. Замысел осторожного Косыгина состоял в том, чтобы освободить Центр от части второстепенных функций и переложить их на нижестоящие звенья управления и, прежде всего, на предприятия.

За личной неготовностью советских лидеров возглавить «выход» из социализма стояла более фундаментальная причина: поставить под сомнение вопрос существования социализма в СССР могло или военное поражение, или глобальный сбой в работе всех частей его механизма. Во время проведения косыгинской реформы ни первого, ни второго не было[71]. Все это и предопределило, в конечном счете, ее неудачу.

---

[69] Там же. Л. 80.

[70] *Арбатов Г.А.* Указ соч. С. 185.

[71] *Попов Г.Х.* Указ. соч. С. 92–93.

Г.П. Мурашко

НТР и советская научно-техническая интеллигенция: формирование новых взглядов на исторические перспективы развития СССР в 60-е годы XX века

К началу 60-х гг. XX в. основным определяющим вектором мирового развития стала научно-техническая революция, набиравшая силу в промышленно развитых странах мира. Порожденная человеческим разумом, открывавшим миру новые энергетические источники и совершенствовавшим технологии промышленного и сельскохозяйственного производства, эта революция неизбежно вела к трансформации структуры общества, изменяя роль и место конкретных социальных групп в сфере общественных отношений. В 1961 г. «отец» американской атомной бомбы Я. Оппенгеймер, определяя специфику развития этого времени и подчеркивая роль науки, утверждал, что «из всех ученых, которые существовали на Земле со времени появления "человека разумного", 90% живут в XX веке»[1].

Что касается СССР, то эта «генеральная линия» мирового развития накладывалась в 60-е годы на две разновекторные по своей политической направленности общественные тенденции. Их корни, по-видимому, следует искать в различном восприятии в советском обществе решений XX съезда КПСС и последовавших за ним мер, направленных на ликвидацию наиболее вопиющих проявлений тоталитаризма в «социалистическом обличии». Реабилитация жертв репрессий и осуждение культа личности Сталина дали импульс росту самостоятельности в поведении больших групп людей, прежде всего, в среде творческой и научной интеллигенции. Правящий слой партийной и государственной номенклатуры в новых для него условиях стал испытывать затруднения в осуществлении управления обществом привычными для него командно-административными методами. После отставки Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. часть партийного и государственного аппарата видела выход из создавшейся ситуации в пересмотре решений XX и XXII съездов КПСС. Реабилитация Сталина рассматривалась в этой среде как идеологическая гарантия неприкосновенности основ системы их власти.

Насколько позволяют судить доступные на сегодняшний день документы российских архивов, наряду с указанной тенденцией в советском обществе в этот период вырисовывалось и другое видение перспектив развития страны. Оно стало формироваться в среде науч-

[1] *Křen J.* Dvé století Střední Evropy. Argo, 2005. S. 721.

но-технической и творческой интеллигенции и базировалось на осознании социальной значимости тех глобальных изменений, которые вызывались переходом индустриально развитых стран в новую постиндустриальную стадию развития. В 1965 г. академик А.М. Румянцев, являвшийся членом ЦК КПСС и ответственным редактором «Правды», попытался поставить на общественное обсуждение проблему роли и места интеллигенции в новых исторических реалиях, отличавшихся не только от эпохи Маркса и Энгельса, но и от эпохи Ленина. В опубликованных им статьях он развивал тезис о том, что в современных условиях реальное место и социальная функция интеллигенции в обществе существенным образом меняется.[2]

Ответ со стороны научно-технической интеллигенции на эти статьи последовал достаточно оперативно в виде открытого письма академика П.Л. Капицы редактору «Правды» от 14 сентября 1965 г. Его автор предлагал критически проанализировать проблему отношений партии с наукой и интеллигенцией. Полемизируя с тезисом Румянцева о необходимости усиления руководства, «опирающегося на авторитет знаний и исторический опыт партии» в управлении художественными процессами, Капица перевел эту проблему в принципиально иную плоскость. По его мнению, творческий талант не требует и не терпит никакого руководства, поскольку «сам является направляющей силой». «Не надо бояться сознаться, – писал он, – что попытки партийного руководства научным творчеством дали отрицательные результаты. Это особенно было наглядно видно за последнее десятилетие, при попытках административно направлять биологию по неправильному пути». Вывод Капицы был однозначен: «Непосредственное руководство большим искусством и наукой – неосуществимый процесс»[3]. При этом он не преминул подчеркнуть, что современные партийные идеологи ограничивают свою деятельность только решением проблем, которые стояли перед обществом еще во времена Ленина, игнорируя то принципиально важное обстоятельство, что за 40 лет, прошедших со смерти Ленина, в мире произошел ряд социальных изменений, и на повестку дня выдвинулись новые проблемы. «Пожалуй, самая значительная из всех проблем нашего времени, – подчеркивал ученый, – это влияние научно-технической революции на производительность труда и, следова-

[2] См.: «Правда» 21 февраля, 19 сентября 1965 г.

[3] Из писем академика П.Л. Капицы: «Талант не требует руководства» // Книжное обозрение. 1989. № 43.

тельно, на занятость общества. Проблемы свободного времени и легкой жизни у нас уже стоят, а скоро, по мере нашего материального развития, станут еще острее, чем у капиталистов… Очевидно, что нам надо решать проблему свободного времени иными путями, чем в капиталистическом мире, но вместо того, чтобы искать решение этого вопроса, наше руководство пытается его замять»[4].

Направленное в «Правду» письмо по цензурным соображениям, естественно, не было опубликовано. Но реакция аппарата ЦК КПСС на него оказалась весьма оперативной. По инициативе отдела агитации и пропаганды при активной поддержке помощника Генерального секретаря Л.И. Брежнева по идеологии В.А. Голикова тема интеллигенции была немедленно снята со страниц «Правды», а главный редактор академик А.М. Румянцев был в скором времени переведен на работу в АН СССР.

Такая реакция консервативной части руководства ЦК КПСС, увидевшей в постановке вопроса о новой функции интеллигенции в обществе, в требовании свободы от партийного руководства и контроля покушение на руководящую роль партии, не могла, в свою очередь, не вызвать среди интеллигенции опасения, что на предстоящем XXIII съезде КПСС могут быть предприняты попытки пересмотра решений XX и XXII съездов. Поэтому два письма Брежневу в феврале 1966 г., подписанные представителями научной и творческой интеллигенции, следует рассматривать как своего рода предупредительную акцию с целью умерить стремления части партийного аппарата провести ревизию партийных решений и попытаться добиться реабилитации Сталина[5]. Среди 38 человек, подписавших эти письма, советскую науку представляли академики А.А. Арцимович, П.Л. Капица, А.М. Леонтович, И.М. Майский, С.Д. Сказкин, А.Д. Сахаров, И.Е. Тамм, А.А. Алиханов, Ю.А. Жданов и др.

XXIII съезд КПСС, «бесцветный и консервативный, не сделавший ни одного шага вперед»[6], внешне продемонстрировал, что курс в сфере идеологии не подлежит изменению. Но материалы,

---

[4] Там же.

[5] Подробнее см.: *Мурашко Г.П.* «Пражская весна» и советская интеллигенция: к вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму // 1968 год. «Пражская весна» Историческая ретроспектива. М., 2010. С. 394–395.

[6] *Арбатов Г.* Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 118.

хранящиеся в фондах РГАНИ, весьма убедительно свидетельствуют, что определенная корректировка курса тем не менее была предпринята. Произошло это в октябре 1966 г. на Всесоюзном совещании-семинаре идеологических работников[7]. На уже заранее, сразу после XXIII съезда, из Москвы на места было спущено пожелание «умерить антисталинские настроения»[8].

Связь между указанным совещанием-семинаром и кампанией «идеологической бдительности» в отношении научно-технической интеллигенции в «наукоградах», возникших как крупные научные центры к началу 1960-х годов, можно проследить достаточно четко на примере города «мирного атома» Обнинска.

Как научно-исследовательский центр Обнинск сформировался вокруг Физико-энергетического института (ФЭИ), где работали с начала 1950-х годов крупнейшие специалисты в области физики и энергетики – Д.И. Блохинцев, А.И. Лейпунский, А.К. Красин, В.И. Малых. Помимо всего прочего под их руководством создавалась первая в мире атомная электростанции. Разворачивалась в Обнинске и деятельность Института медицинской радиологии, в стенах которого трудился генетик мирового уровня Н.В. Тимофеев-Ресовский. Его лаборатория была переведена в 1963 г. с Урала в Обнинск. В городе открыт был также филиал Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова.

К середине 1960-х годов основной контингент населения Обнинска составляли выпускники различных вузов и университетов страны, получившие образование в первое послевоенное десятилетие. Как вспоминает старший научный сотрудник Института теоретической и экспериментальной физики В.З. Нозик, распределенный в Физико-энергетический институт в 1959 г.[9] после окончания университета, «в институте работали совсем молодые люди. Например, од-

[7] Российский государственный архив новейшей истории (далее - РГАНИ). Ф. 5. Оп. 58. Д. 516. Л. 58 –76.

[8] *Бовин А.* XX век как жизнь. М., 2003. С. 153.

[9] В эти годы сила ФЭИ была такова, что отдел кадров Института проигнорировал распоряжение о распределении молодого специалиста в одну из школ-семилеток Читинской железной дороги», куда получали назначение все выпускники еврейской национальности. Через Министерство среднего машиностроения нужный Институту специалист был направлен в ФЭИ.

ного из самых замечательных физиков фермиевского типа*, теоретика и экспериментатора, считали «старым» и непривычно называли Игорем Ильичем. А он умер в 37 лет»[10]. К середине 1960-х годов многие из них, уже имели научные степени кандидатов и докторов наук. В динамично развивающейся науке, какой в те годы была ядерная и нейтронная физика, становление ученых происходило весьма быстро.

Интенсивная научная работа, сопровождалась, особенно в годы «оттепели», активизацией общественно-политической жизни. В начале 1960-х гг. в ФЭИ было создано общественное объединение «Дом ученых». В его Программный совет входили представители разных институтов, но лидерами были молодые ученые ФЭИ. Совет возглавлял А.И. Абрамов – научный сотрудник ФЭИ, а «мотором» его деятельности и несомненным идейным вдохновителем был сотрудник теоретического отдела В.А. Павлинчук. Большое значение для успеха работы «Дома ученых» имело участие в ней доктора физико-математических наук В.Ф. Турчина – до того научного сотрудника теоретического отдела ФЭИ. Замечательный теоретик, Турчин в 33 года сумел правильно оценить магистральные пути развития науки будущего и сосредоточился на проблемах кибернетики[11].

Совету удалось достаточно быстро установить прочные связи с редколлегией журнала «Новый мир», которую возглавлял тогда А.Т. Твардовский, и с широким кругом писателей, духовно близких этому журналу. Как свидетельствует один из друзей и учеников Турчина, член правления «Дома ученых» В.З. Нозик, перед интеллигенцией Обнинска с докладами на различные темы в 1964–1966 гг. выступали писатели В. Каверин, В. Тендряков, К. Симонов, В. Дудин-

---

* Ферми, Энрико (1901–1954) - итальянский физик-теоретик и экспериментатор, один из создателей ядерной и нейтронной физики, лауреат Нобелевской премии (1938).

[10] *В. Нозик.* Час пик. В Нью-Йорке умер Валентин Турчин. Физики помнят – http://vobninske. ru./ chaspik/ 13 97html

[11] В 1964 г. после защиты докторской диссертации В.Ф. Турчин по приглашению начальника отдела Института прикладной математики проф. М.Р. Шура-Бура был переведен из Обнинска в Москву (распоряжение об этом издал Президент АН СССР В.М. Келдыш), где стал работать в области кибернетики, создав принципиально новый язык программирования Рефал и свою научную школу. Подробнее см.: Памяти Валентина Турчина – http://hrights. ru/text/b28/ Chapter 12%201. htm

цев, члены редколлегии «Нового мира» В. Лакшин и Ю. Виноградов, историк А. Некрич и др. [12]. Организатором таких встреч была литературная секция «Дома ученых» и ее руководитель заведующий лабораторией, сотрудник филиала Физико-химического института А.Г. Васильев.

Через членов Программного совета «Дома ученых» в Обнинск попадал и весьма популярный в те годы в советском обществе бесцензурный источник информации – «самиздат». Именно через «самиздат» интеллигенция Обнинска познакомилась с работами М. Джиласа «Новый класс» и «Три встречи со Сталиным», с небольшой, но весьма интересной книгой Е. Варги «Русский путь к социализму», с «Письмом Раскольникова Сталину», а также романом А.И. Солженицына «В круге первом». В отделе Н.В. Тимофеева-Ресовского в Институте медицинской радиологии работал автор первого «самиздатовского» исследования истории утверждения «лысенковщины» в биологии – книги «История биологической дискуссии в СССР. 1929–1966 гг.» Ж.А. Медведев.

Органы КГБ, безусловно, располагали информацией о хождении в Обнинске «самиздатовской литературы», но, по-видимому, в период «оттепели» не придавали этому особого значения. По воспоминаниям доктора физико-математических наук, заслуженного деятеля науки Н.С. Работнова (в 1960-е гг., будучи молодым кандидатом наук, он работал в теоретическом отделе ФЭИ), « самиздат… читался всем теоротделом взахлеб и размножался секретарем начальника отдела на служебной пишущей машинке. Это в режимном-то институте, где копии всех шрифтов лежали в органах!» [13].

Однако после XXIII съезда КПСС, по мере укрепления в ЦК КПСС позиций сторонников консервативного курса во главе с М.А. Сусловым и особенно после того, как возглавивший в 1967 г. Комитет госбезопасности Ю.В.Андропов создал в КГБ «Пятое управление» – специальную структуру по контролю за настроениями интеллигенции и искоренению инакомыслия в ее среде, общественно-политическая атмосфера в стране стала меняться. Изменилась она и в Обнинске. Об этом весьма недвусмысленно свидетельствует фрагмент протокола заседания бюро горкома КПСС, состоявшегося по-видимому во второй половине 1967 г. На нем обсуждалась работа

---

[12] *В. Нозик.* Указ. соч.

[13] *Николай Работнов.* Давно…в шестидесятые // Город (журнал). Обнинск.1998. № 3 – http:/gorodobninsk.ru/archiv/ 3 –1998cont/ istor/ htm

общественного объединения «Дом ученых». На заседании отмечалось, что за последнее время в стране ряд ученых, писателей и другие лица «подписывали всевозможные письма-протесты и направляли их как в ЦК, так и в зарубежные пресс-центры. Особое торпедирование политработы произошло со стороны "Дома ученых". Мы верили его организаторам, но тенденция к сенсации и злорадство над отдельными ошибками партии проявилось в организации встреч с определенно настроенными лицами, а в зале устраивались бурные овации по каждому щекотливому высказыванию. То, что происходило, конечно, не может подорвать основы государства, но распространяло плесень в умах людей»[14].

Как сообщали в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС из Калужского обкома партии, «изучив обстоятельства дела, обком КПСС поручил Обнинскому горкому партии рассмотреть вопрос о фактах распространения политически вредной литературы в Физико-энергетическом институте на бюро. В постановлении бюро горкома КПСС от 29 ноября 1967 г. этому была дана принципиальная партийная оценка, намечены меры по улучшению воспитательной работы среди научно-технической интеллигенции… Бюро горкома КПСС строго указало директору института т. Родионову М.П. и научному руководителю т. Лейпунскому А.И. на недостаточную требовательность к руководителям отделов и лабораторий за постановку воспитательной работы»[15].

По рекомендации «сверху» обнинский горком КПСС создал специальную комиссию из членов горкома и представителей руководства ФЭИ по проверке состояния идеологической работы в теоретическом отделе Института, где секретарем партийного бюро являлся Валерий Алексеевич Павлинчук. На заседании указанной комиссии Павлинчук отстаивал право коммунистов знакомиться с историей своей страны по документам. Он признал факты чтения «самиздата», но категорически отказался назвать имена тех, кому давал читать и от кого он получал «бесцензурную литературу». В марте 1968 г. бюро горкома вынесло решение об исключении В.А. Павлинчука из КПСС «за распространение антисоветской литературы и неискренность перед партией»[16]. Исключение неизбежно влекло за собой

---

[14] *Алексей Собачкин.* « Плесень в умах людей» – http: //gorodobninsk. ru//archivcont/ istor. htm.

[15] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 21. Л. 27.

[16] Там же.

лишение «допуска к секретности» и, следовательно, автоматическое увольнение из теоретического отдела ФЭИ. Попытки коллег отстоять Павлинчука, его аппеляция в калужский обком КПСС не увенчались успехом, поскольку о сложившейся ситуации был уже информирован отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС[17]. Молодому физику-теоретику была оставлена только одна возможность – работать в Обнинске дворником. Сложившаяся стрессовая ситуация вызвала обострение хронического заболевания, в результате чего 31 июля 1968 г. ученый скончался. Как показывают документы, Павлинчук до последнего часа оставался верным своим убеждениям. Его подпись стоит под коллективным письмом пяти советских граждан (П. Григоренко, А. Костерина, В. Павлинчука, С. Писарева, И. Яхимовича), направленным 28 июля 1968 г. А. Дубчеку, членам КПЧ и всему чехословацкому народу. Авторы документа осудили кампанию, развернутую в советских средствах массовой информации по дискредитации политики, проводимой руководством ЦК КПЧ, заявили о поддержке курса на демократизацию[18].

Смерть В.А. Павлинчука вызвала шок в научном сообществе Обнинска. Хотя власти постарались не допустить скопления народа, запретили публикацию некролога в местной газете, проведение гражданской панихиды и определили строго ограниченное время похорон[19], прощание с ученым приобрело характер политической акции. Несмотря на все запретительные меры, подкрепленные присутствием на улицах милиции и сотрудников органов госбезопасности, вызывающе демонстративно фотографировавших участников траурной церемонии, гроб с телом покойного был при полном молчании пронесен на руках через весь город. В траурной процессии, шедшей под дождем, приняло участие несколько сотен человек. В ЦК КПСС поступило сообщение, что в похоронах участвовала также «группа лиц, в известной мере связанная с Павлинчуком. Среди них Родин А.В. – ответственный работник ЦК ВЛКСМ, Литвинов П. (г. Москва) –

[17] Об этом свидетельствует тот факт, что 14 мая 1968 г. из этого отдела на имя секретаря ЦК П.Н. Демичева была направлена докладная записка «О недостатках в работе Обнинского ГК КПСС по идейному воспитанию интеллигенции».

[18] Хроника текущих событий. Выпуск пятый. Декабрь 1968 г. С. 3.

[19] В информации Калужского обкома в ЦК КПСС указывалось, что «похороны организовывались руководством института и прошли в основном по намеченному сценарию» (РГАНИ.Ф. 5. Оп. 60. Д. 21. Л. 30).

племянник бывшего наркома иностранных дел СССР, Л.И. Богораз (г. Москва) – жена осужденного Даниэля, Дремлюга В. (г. Ленинград) – историк, Генкин (г. Москва) – поэт, Медведев Р.А. (г. Москва) – научный сотрудник института Академии педагогических наук, брат Медведева Ж.А., Григоренко А. (г. Москва) – сын бывшего генерала Григоренко, Копылов Г. (г. Дубна) – научный сотрудник»[20].

Похороны В.А. Павлинчука явились открытой демонстрацией протеста научно-технической интеллигенции против преследования людей за инакомыслие. Для властей прозвучал один из первых сигналов того, что начавшееся закручивание «идеологических гаек» вряд ли будет иметь поддержку в этой среде. Напротив, именно здесь, как показывают факты, шли поиски альтернативных путей развития страны, способных обеспечить ее переход в новую эпоху – эпоху научно-технической революции.

В апреле 1968 г. академик А.Д. Сахаров закончил свою знаменитую работу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», получившую через «самиздат» широкую известность в различных кругах советской интеллигенции[21]. 26 июня 1968 г. А.Т. Твардовский делает весьма обстоятельный конспект этой работы, особо выделив в заключение «пять опасностей», которые, по мнению Сахарова, угрожают человеческой цивилизации: А. – термоядерное оружие, сделавшее термоядерную войну угрозой самому существованию цивилизации; Б. – возрастающая угроза всеобщего голода в «более бедной» половине Земного шара; В. – изменение облика Земли, «среды питания», проблемы гигиены; Г. – развитие нацизма, национализма, милитаризма, опасность демагогических полицейско-диктаторских режимов; Д. – угроза интеллектуальной свободе, высшим человеческим ценностям, «смыслу человеческой жизни (судебные политические процессы, цензура, реставрация сталинизма). «Соль вещи, – записал в своем дневнике Твардовский, – не в самой по себе конвергенции, а ближайшим образом в “интеллектуальной свободе”, в возможности бесстрашной, непредвзятой и всесторонней информации, обсуждений, дискуссий»[22]. Среди первых читателей этой работы Сахарова были М.И. Ромм, писательница Е.С.

---

[20] Там же.

[21] Подробнее см.: *Мурашко Г.П.* Указ. соч . С. 403–405.

[22] *Твардовский А.* Новомирский дневник. Т. 2. М., 2009. С. 282–283.

Гинзбург, историк В.П. Данилов, философ Г.С. Батищев и другие представители гуманитарной интеллигенции[23].

Та часть советской интеллигенции, которая понимала всю опасность неосталинизма, увидела в работе А.Д. Сахарова демократический вариант альтернативы курсу, предлагаемому апрельским (1968 г.) пленумом ЦК КПСС[24]. Будущее социализма связывалось автором с необходимостью решения двух проблем: 1. обеспечить мирное сосуществование стран с различным общественно-политическим строем, углубляя его до уровня осуществления мирного сосуществования через долгосрочный политический курс на сближение двух экономических систем (конвергенцию); 2. обеспечить реализацию принципа интеллектуальной свободы. В рамках решения этой задачи вопросы, связанные с получением и распространением информации, с обеспечением свободы слова, открытых дискуссий и обсуждений, рассматривались как ее естественные составляющие. «Тройная свобода мысли в современном обществе, – писал Сахаров, – находится под тройной угрозой: со стороны рассчитанного опиума “массовой культуры”, со стороны трусливой мещанской идеологии, со стороны окостенелого догматизма бюрократической олигархии и ее излюбленного оружия – идеологической цензуры»[25]. Чтобы реализовать эту программу, предстояло, по мнению автора, выработать новый научно-демократический подход к решению вопросов внутренней и внешней политики. Раскрытие каждой из поставленных проблем превращалось в доказательство Сахаровым несостоятельности политического курса, реализация которого стала разворачиваться в стране под давлением приверженцев неосталинизма. В заключение он писал: «Мы уверены, что мировая коммунистическая общественность также отрицательно относится ко всем попыткам возрождения неосталинизма в нашей стране – ведь это было бы страшным ударом по притягательной силе коммунистических идей во всем мире. Но ключ к перспективной перестройке государственной системы лежит в интеллектуальной свободе. Это поняли, в частности, в Чехословакии, и мы без сомнения должны поддержать

[23] *Жорес Медведев, Рой Медведев.* Солженицын и Сахаров. Два пророка. М., 2004. С. 55.

[24] Подробнее об апрельском (1968 г.) пленуме ЦК КПСС см: *Мурашко Г.П.* Избранное. М., 2011 . С. 529–531.

[25] *Сахаров А.* Тревоги и надежды. М., 2006. С. 72.

их смелую и очень ценную для судеб социализма инициативу»[26]. Судя по воспоминаниям современников, позиции Сахарова разделяли П.Л. Капица, М.А. Леонтович, Л.А. Арцимович и др.

Осенью 1968 г. внимание КГБ привлекла появившаяся в «самиздате» работа В.Ф. Турчина «Инерция страха», которую он посвятил памяти Валерия Павлинчука. В ней была поставлена коренная проблема развития советского общества в 1960-е гг. – проблема ухода от тоталитарной системы управления. «Со смертью Сталина, – писал Турчин, – началось возрождение нашего общества, и сейчас мы совершаем переход от тоталитарного режима к коммунистическому, переход мучительно медленный, к сожалению. (На языке иносказаний это называется “преодоление последствий культа личности”)»[27]. Причину трудностей перехода Турчин усматривал в реализовывавшемся властями «табу» на идеологию. Автор считал, что только очистив идеологию от «скверны сталинизма» можно будет начать процесс демократизации, включить в него «лучшие кадры советской интеллигенции, объединить партию и весь народ на основе абсолютно сознательных, глубоких и искренних убеждений»[28]. Важнейшей задачей в этих условиях становилось, как указывалось в работе, преодоление догматизма, порожденного страхом отказа от устаревших формул. «Боясь вырваться из круга идей столетней давности, мы становимся посмешищем для всего образованного мира… Сталин не требовал от идеологии убедительности, она ему была не нужна. Но нам-то она нужна! Если мы отказались от беззакония и массового уничтожения людей как средства обеспечения единства, то мы должны предложить какое-то другое средство»[29]. Такое средство Турчин видел в демократизации общества и гарантии реальных демократических свобод.

Это положение подтверждалось анализом задач, встающих перед обществом в условиях набиравшей темпы научно-технической революции, когда на первый план стали выдвигаться вопросы организации и управления. « Наш век, – писал Турчин, – это век сложных индустриальных и социальных систем, век организации и информации… Информация больше необходима современному обществу, чем сталь или нефть. И вот именно на информацию накладыва-

[26] Там же. С. 110.
[27] РГАНИ, Ф. 5. Оп. 60. Д. 41. Л. 51.
[28] Там же.
[29] Там же. Л. 52–53.

ют у нас самые тяжелые оковы… Для развития наук и практического применения научных методов необходимо выполнение двух условий: свободное распространение информации о предмете исследования и возможность объективного непредвзятого рассмотрения, то есть полная интеллектуальная свобода»[30]. Однако, делал он вывод, ни то, ни другое условие в социально-экономической области знаний не выполнено. Ученые не могут свободно собирать информацию об обществе и распространять ее, не могут выдвигать теоретические положения. «Смешно думать, что в таких условиях может развиваться практика научного управления… Пока не будут установлены основные демократические свободы, разговоры о научном управлении останутся пустым звуком»[31].

Вывод автора однозначен: отсутствие элементарных демократических свобод преграждает обществу путь вперед, поскольку мешает развивать экономику, науку, культуру. «Такое положение в современной высокоразвитой индустриальной стране является исторически абсурдным, оно противоречит ее социальной системе и может сохраняться только по инерции»[32]. Пережитки сталинского периода, по мнению Турчина, сказываются на развитии экономики не только из-за невозможности научного подхода к проблемам организации и управления, но и из-за общего снижения творческого потенциала всех профессий.

Сопоставляя работы Сахарова и Турчина, нельзя не отметить их схожей общей направленности – стремления донести до правящих партийно-государственных кругов понимание назревшей необходимости диалога с интеллигенцией как социальным слоем общества, роль которого в условиях научно-технической революции становится ведущей. В том, что подобные работы «наверху» читались, сомнений у обоих авторов не возникало. Но формулируемые в них предложения по-разному воспринимались и оценивались даже в рамках одного ведомства. Сам Турчин вспоминал, как на одном из допросов в КГБ полковник, ведущий его «дело», откровенно говорил, что «Инерция страха» «была у нас (сотрудников госбезопасности. – *Г.М.*) встречена с большим интересом и активно обсуждалась»[33]. Председатель же КГБ Ю.В. Андропов увидел в «Инерции страха», судя по его

[30] Там же. Л. 56.
[31] Там же. Л. 58.
[32] Там же. Л. 62.
[33] Памяти Валентина Турчина.

докладной записке в ЦК КПСС, только одно – сомнение автора в научной обоснованности коммунистического мировоззрения и его стремление пересмотреть теоретические положения основоположников коммунизма. «Он призывает, – сообщал Ю.В. Андропов в октябре 1968 г. в ЦК КПСС, – требовать реального осуществления демократических свобод, гарантированных конституцией, проведения реформ по демократизации жизни общества и повышения роли интеллигенции в управлении страной»[34].

Как же реагировала власть на подобное инакомыслие в среде ученых? Были ли с ее стороны попытки искать пути к диалогу? Доступный исследователям материал скорее позволяет говорить о том, что в конкретной обстановке осени 1968 г. власть отдавала явное предпочтение силовому варианту в отношениях с интеллигенцией.

В этом плане весьма показательна судьба научного сообщества Обнинска. Ученые вспоминают, что в прежде искрившихся творчеством институтах воцарилось черное уныние после погрома, учиненного партийными властями под руководством нового секретаря горкома КПСС. До приезда в Обнинск он «успешно» руководил сельским хозяйством в Спас-Деменском районе Калужской области. Отступников искали повсюду. «Кризис, как инфекция, пошел по лабораториям, интеллектуальная элита покидала город…»[35]. Уже с начала августа 1968 г., сразу после похорон В.А. Павлинчука, начали работать комиссии по выявлению участников траурного шествия. Выдвигаемые обвинения в политических ошибках, в протаскивании чуждых советской действительности взглядов, в утрате бдительности, а также в игнорировании политических мероприятий (так иносказательно именовался отказ от участия в митингах в поддержку военной акции стран Варшавского Договора в Чехословакии) давали основания для вывода: «не рекомендуется на занятие должности по конкурсу в научных учреждениях». Многие ученые – физики, химики, биологи, лишенные «допуска к секретности» и «не прошедшие по конкурсу», вынуждены были покинуть «город мирного атома»… Научный потенциал одного из ведущих исследовательских центров страны стал ощутимо снижаться. Это вынужден был уже в 1969 г. признать научный руководитель ФЭИ академик А.И. Лейпунский, констатировав в институтской газете «Атом» отставание советской науки от США,

[34] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 40. Л. 4.

[35] *Кузеев И.* За нашу и вашу свободу. Похороны диссидента - http//www.sovsekretno. ru/magazines/article/ 2004.

Англии, Франции и даже ФРГ. Он признал, что «положение в ядерной физике у нас не блестяще», а руководимый им институт «сейчас не тот, чтобы выполнить задачу в полной мере»[36].

В конце 1968 г. по «наукоградам» и научным центрам страны было разослано закрытое Письмо ЦК КПСС о политической ситуации в Обнинске. К сожалению, о его содержании пока можно судить опосредованно, по материалам партийной прессы. В журнале «Коммунист» № 18 за 1969 г. была опубликована статья П. Свиридова «Партийная забота о воспитании научно-технической интеллигенции». В ней резкой критике подвергалась работа обнинского горкома партии за то, что за последние пять лет он «ни разу не обсудил на своем пленуме вопросов идейно-политического воспитания научных работников, а бюро горкома даже не нашло времени проанализировать задачи, вытекающие из постановления ЦК КПСС о мерах по развитию общественных наук и их роли в коммунистическом строительстве»[37]. Характерно при этом, что все негативные моменты в работе с научной интеллигенцией иллюстрировались, главным образом, на примерах институтов Обнинска. Статья давала ясно понять, что любое инакомыслие будет пресекаться властями.

В такой весьма не простой обстановке, в марте 1970 г. А.Д. Сахаров, В.Ф. Турчин и Р.А. Медведев направили письмо руководителям советского государства – Л.И. Брежневу, А.Н. Косыгину и Н.В. Подгорному. В нем излагалось видение путей развития страны в условиях научно-технической революции. Как впоследствии рассказывал В.Ф. Турчин, оно было написано по его инициативе. Идея письма была в том, «чтобы обратить внимание правительства на необходимость радикальной либерализации и демократизации общества, без чего экономике страны угрожал полный провал». «Изложив суть в виде общих положений, я понес текст Сахарову. По правде говоря, я сам, не будучи академиком, не собирался его подписывать. Было бы лучше, весомее, если бы это письмо подписали человек 20 солидных ученых, членов Академии наук. Андрею Дмитриевичу идея понравилась, но он сказал, что сильно сомневается, что найдет хотя бы одного академика, а не то, что двадцать, который бы рискнул поставить подпись под такой бумагой. И оказался прав. Недели две он искал союзников среди ученых с академическими званиями и не нашел. Тогда он предложил – ведь дело-то нужное! – письмо все равно по-

[36] Там же.
[37] Коммунист. 1969. № 18. С. 45.

слать по назначению, дополнив его перечнем конкретных мер, необходимых для начала процесса демократизации. Эту работу он взял на себя, в результате чего в письме появилось около 20 пунктов – предложений по реорганизации политической системы страны. А подписали мы его втроем – Сахаров, я и Рой Медведев»[38].

Возникает вопрос: почему академическое сообщество, выступившее в начале 1966 г. против намерений консервативной части партаппарата реабилитировать Сталина, через три года, весной 1970 г., инертно наблюдало за попытками отдельных представителей научной интеллигенции противостоять набиравшей силу волне неосталинизма, направленной на консервацию и сохранение прежних методов управления обществом?

Ответ, по-видимому, следует искать, прежде всего, в той трансформации общественных настроений в СССР, которая произошла после силового подавления «Пражской весны» в Чехословакии и преодоления кризисной ситуации 1969–1970 гг. в Польше. Советскому обществу, в том числе и интеллигенции, была наглядно продемонстрирована «результативность» силовых методов управления. В этих условиях часть ее представителей, утратив надежды на реформирование, начала дрейф к диссидентству, пополняя ряды тех, кто не связывал свое будущее с существующим в стране политическим строем, другая, отмежевавшись от власти, временно ушла во «внутреннюю эмиграцию», заняв откровенно пассивные общественные позиции. Изменению общественных настроений в среде научно-технической интеллигенции на рубеже 1960-х – 1970-х гг., по-видимому, способствовало и то обстоятельство, что в это время в СССР наблюдался новый виток усиления военно-промышленного комплекса, с которым немалая часть ее была связана напрямую.

Но вернемся к документу, подготовленному Сахаровым и Турчиным. По существу, это было предложение организовать диалог между властью и представителями интеллигенции. В доступной, приемлемой для восприятия партийно-государственного аппарата форме, в письме ставились проблемы, связанные с необходимостью проведения мероприятий, направленных на демократизацию общественной жизни. Их неизбежность обосновывалась «наличием тесной связи проблем технико-экономического прогресса, научных ме-

[38] Памяти Валентина Турчина.

тодов управления с вопросами свободы информации, гласности и соревновательности»[39].

Письмо начиналось с анализа экономической ситуации, сложившейся в стране за последние десять лет. Проиллюстрировав на конкретных примерах отставание СССР от уровня промышленно развитых стран в разных сферах экономики, авторы акцентировали внимание на том, что чем новее и революционнее та или иная отрасль экономики, тем больших масштабов достигает этот разрыв. «Мы опережаем Америку по добыче угля, отстаем по добыче нефти, очень отстаем по добыче газа, безнадежно отстаем по химии и бесконечно отстаем по вычислительной технике… Не лучше обстоит дело в сфере научных и технических открытий. И здесь не видно возрастания нашей роли. Скорее наоборот. В конце 50-х годов наша страна была первой страной в мире, запустившей спутник и пославшей человека в космос. В конце 60-х годов мы потеряли лидерство…». Именно это обстоятельство было для авторов одним из убедительных доказательств «все возрастающего различия в ширине фронта научной и технологической работы у нас и в передовых странах Запада»[40].

Источником трудностей, порождающим отставание СССР, авторы письма считали антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в сталинский период. Таковыми, по их мнению, были внеэкономическое принуждение, ограничение обмена информацией и интеллектуальной свободы. Их вывод: «Не подлежит сомнению, что с началом второй промышленной революции эти явления стали решающим фактором, стали основным тормозом развития производительных сил»[41].

Обращаясь к опыту хозяйственной реформы 1965 г., авторы письма настойчиво подчеркивали, что мероприятия, проводимые в ее рамках, недостаточны для выполнения поставленных задач. Эти мероприятия необходимо подкрепить реформами в сфере управления, информации и гласности, без чего они просто не смогут быть проведены в жизнь.

Главный вывод авторов письма: препятствия, тормозящие развитие экономики в нашей стране, лежат в сфере общественно-

---

[39] Обращение к руководителям СССР Л.И. Брежневу, А.Н. Косыгину и Н.В. Подгорному // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 150.

[40] Там же. С. 152.

[41] Там же. С. 153.

политической, а поэтому любые меры, не устраняющие этих препятствий, не станут эффективными. Из сделанного вывода следовало, что в условиях второй промышленной революции особую значимость и актуальность приобретала проблема взаимоотношений государства и интеллигенции. «Свобода информации, – пишут они, – необходима интеллигенции по природе ее деятельности, ее социальной функции. Стремление интеллигенции к увеличению этой свободы является законным и естественным. Государство же пресекает это стремление путем всевозможных ограничений, административного давления, увольнения с работы и даже судебных процессов. Это порождает разрыв, взаимное недоверие и глубокое взаимное непонимание, делающее трудным плодотворное сотрудничество между партийно-государственным слоем и самыми активными, то есть наиболее ценными для общества, слоями интеллигенции. В условиях современного индустриального общества, когда роль интеллигенции непрерывно возрастает, этот разрыв нельзя охарактеризовать иначе как самоубийственный»[42].

Только курс на демократизацию, по мнению авторов, мог устранить разрыв между партийно-государственным аппаратом и интеллигенцией. Поэтому не удивительно, что подавляющая часть конкретных мероприятий, предлагавшаяся в заключительной части письма, была направлена на изменение структуры управления обществом. Речь шла о включении в общественную практику таких демократических элементов, как повышение степени информированности общества путем прекращения глушения заграничных радиостанций, свободная продажа иностранной литературы, облегчение международной переписки и т.д. В качестве важнейшего шага к демократизации предлагалось создать институт общественного мнения с обязательным условием публикации материалов, показывающих отношение населения к важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. В рамках перехода к демократическим методам управления обществом актуализировался вопрос об амнистии политзаключенных, установлении общественного контроля за местами заключения и психиатрическими учреждениями, а также обеспечении независимости судов и прокуратуры от исполнительной власти, «местных влияний, предрассудков и связей». Указывалось и на необходимость принятия законов о печати и информации, которые обеспечивали бы

[42] Там же. С. 154.

общественным организациям и группам граждан возможность издания собственной печатной продукции.

Показательна концовка письма: «Не существует никакого другого выхода из стоящих перед страной трудностей, кроме курса на демократизацию, осуществляемого КПСС по тщательно разработанной программе. Сдвиг вправо, то есть победа тенденции жесткого администрирования, "завинчивание гаек" не только не решит никаких проблем, но, напротив, усугубит до крайности эти проблемы и приведет страну к трагическому тупику. Тактика пассивного выжидания приведет в конечном итоге к тому же результату. Сейчас у нас есть еще шанс встать на правильный путь и провести необходимые реформы. Через несколько лет, может быть, будет уже поздно» [43].

В сопроводительном письме за подписью Сахарова, адресованном руководству страны, сообщалось, что в случае, если ответа на письмо не будет, то текст документа станет достоянием гласности[44]. Текст до властей дошел, но официального ответа не последовало. «Как бы то ни было, – вспоминал позднее В.Ф. Турчин, – я уверен, что идеи, изложенные в письме, дошли до первых лиц партийно-государственного аппарата. В КГБ мне говорили: мы, мол, понимаем, что писали вы с лучшими целями, но теперь необходимо, с политической точки зрения, опубликовать протест против использования вашего письма антисоветскими элементами на Западе, они неверно его толкуют, иначе наша общественность вас не поймет. Я отвечал, что общественность все поймет, если сможет прочесть текст письма в наших газетах. Само собой разумеется, в советской прессе того времени никогда не публиковались демократические идеи диссидентов»[45].

К настоящему времени исследователям удалось установить, что с письмом знакомились не только Брежнев, Косыгин и Подгорный, но также члены Политбюро ЦК КПСС Мазуров, Воронин, Кириленко, Шелепин и Черненко[46]. Однако обсуждения его не проводилось.

Реакция же властей до авторов письма была доведена опосредованно. Как свидетельствует Р. Медведев, А.Д. Сахаров был приглашен к президенту АН СССР В.М. Келдышу, получившему соот-

---

[43] Там же. С. 156.

[44] *Жорес Медведев, Рой Медведев.* Указ. соч. С. 62.

[45] Памяти Валентина Турчина.

[46] *Жорес Медведев, Рой Медведев.* Указ. соч. С. 63.

ветствующее указание «сверху». Заверив Сахарова, что он сам вполне разделяет его демократические убеждения, Келдыш изложил позицию руководства страны: народ не готов к демократии. «Вы не представляете, – говорил Келдыш, – насколько плохо живут наши рабочие, крестьяне, служащие. И если завтра мы введем свободу печати и начнем проводить другие демократические реформы, то люди могут нас просто смести. Дать этим людям демократические права нельзя, надо сначала обеспечить их благосостояние»[47]. Изложенная Келдышем позиция, по-видимому, была калькой с позиции главы КГБ Андропова, который, как свидетельствуют документы, считал, что бóльшую свободу мнений и информированности можно позволить не ранее, чем через 15-20 лет. «Сейчас же… может все пойти в разнос – жизненный уровень народа крайне низок, культурный уровень тоже, школьное дело поставлено отвратительно… Меня беспокоит другое: границы будут нерушимы в военном отношении, а во всех других отношениях в результате расширения контактов, потока информации они станут прозрачными… Наше общество созреет до этого, как я уже говорил, лет через 15-20, когда улучшатся условия существования людей»[48].

Таким образом, вышеизложенный материал позволяет говорить о том, что к концу 1960-х – началу 1970-х годов советской правящей элитой был взят курс на повышение закрытости общества через активизацию политической цензуры, усиление репрессий путем сохранения механизмов управления, свойственных тоталитарному режиму, базировавшемуся на социалистической идеологии. Попытки отдельных представителей научно-технической интеллигенции убедить власти, что вступление страны в принципиально новую фазу технологического развития невозможно без демократизации политической системы, не были восприняты партийным руководством страны. Следствием этого явилось нарастание в общественных настроениях советской интеллигенции инакомыслия и диссидентства в 70-е – 80-е гг. XX в. а, на что власть отвечала усилением репрессий, стимулируя тем самым отток высококвалифицированных кадров за рубеж. На сегодняшний день мы не располагаем точными статистическими данными о числе эмигрировавших из страны ученых. Известные

[47] Там же.
[48] «Новое время». 1993. № 38. С. 43.

цифры весьма приблизительны – от 60 до 250 тыс. чел.[49]. Среди покинувших родину ученых оказался и В.Ф. Турчин. Физик-теоретик, крупнейший специалист в области теории вычислительных систем за свою правозащитную деятельность в 1973 г. лишился возможности работать по специальности, а в 1976 г. был поставлен перед выбором – длительный срок тюремного заключения или эмиграция. Его талант, знания и опыт были успешно реализованы в Институте математики при Нью-Йоркском университете.

В столь недальновидной, идеологически зашоренной и тенденциозно-охранительной политике правящей партийно-государственной «верхушки» по отношению к интеллигенции и следует, по-видимому, искать одну из важнейших причин нарастающего отставания нашей страны на этапе перехода в постиндустриальное общество. В те, теперь уже далекие шестидесятые, властью была заложена «мина замедленного действия», сработавшая спустя несколько десятилетий и во многом определившая издержки и мучительные «откаты», с которыми современная Россия пытается двигаться по пути прогресса и демократии.

[49] *Захаров В.Е.* Наука в России и современном мире. // В защиту науки. Бюллетень № 10. М., 2012. С. 12 .

В.А. Твардовская

Переписка из двух «лагерей» (А. Тойнби и Н.И. Конрад о судьбах человечества)

Переписка английского историка А.Тойнби с советским востоковедом, академиком Н.И. Конрадом, опубликованная в 1967 г. в «Новом мире», остается для советской печати акцией беспрецедентной[1]. С «буржуазными историками» – представителями «лагеря капитализма» – не принято было вступать в диалог: их следовало обличать в ненаучном подходе и реакционности. Подобные обличения в советской историографии в полной мере относились и к Арнольду Тойнби (1889–1975) – историку с мировым именем, автору 12-томного труда «Постижение истории» (1934–1961). Широкой популярностью на Западе пользовалось изданное огромными тиражами и переведенное на многие языки двухтомное изложение Д. Соммервилом первой половины этого труда Тойнби.

В СССР работы Тойнби не издавались. При этом о его «несостоятельной концепции» мировой истории было написано немало работ. Однообразие их содержания заставляет предположить, что авторы чаще пользовались публикациями своих предшественников по теме, нежели первоисточником. Английский историк подвергался критике за религиозные убеждения, идеализм, детерминизм, исторический пессимизм, за свои взгляды на классовую борьбу и оправдание колониального режима[2].

---

[1] Диалог историков. Переписка А.Тойнби и Н.Конрада // Новый мир. 1967. № 7. С.174–185. Далее ссылки на эту публикацию даются в тексте статьи с указанием страницы. Переписка историков перепечатана вместе с ее дальнейшим продолжением в кн.: *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. М., 1995.

[2] См. библиографию работ советских историков об А. Тойнби в статьях: *Косминский Е.А.* Историография А. Тойнби // Вопросы истории. 1957. №1; *Шефман А.С., Сергеев Е.А.* Критика концепции А. Тойнби в советской науке // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Сборник. Казань, 1976. Назову здесь лишь статьи, предшествующие публикации переписки А.Тойнби и Н.Конрада в «Новом мире»: *Семенов Ю.Н.* Вынужденные признания и тщетные надежды // Вопросы философии. 1963. №10; *Чесноков Г.Д.* Несостоятельность концепции А. Тойнби о прогрессе // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1965. № 6; *его же.* Проблема цивилизации и философии истории А.Тойнби // Вопросы философии. 1966. № 10.

А. Тойнби начал издаваться в нашей стране лишь в 1990-е гг., тогда же стали о нем писать иначе, отдавая должное и его заслугам в науке. Но впервые о взглядах Тойнби на историю и современность, на прошлое и будущее человечества, советские читатели могли узнать от него самого из публикации «Нового мира». Впервые тому, кого причисляли к представителям «реакционной буржуазной науки», была предоставлена столь широкая трибуна – страницы этого популярного литературно-художественного и общественно-политического журнала, редактором которого был поэт А.Т. Твардовский.

Многие советские историки в годы «перестройки» заявили себя сторонниками отвергаемых прежде «либерально-буржуазных концепций» и с прежним пылом порицали уже марксизм. Стоит напомнить, что в свое время никто из них в печати не высказался в поддержку новомирской публикации равноправного диалога Н.И. Конрада и А. Тойнби.

Сама его история примечательна. Николай Иосифович Конрад (1891–1970) – советский историк, востоковед, филолог, лингвист, переводчик японской и китайской классики. Академик Конрад уже сотрудничал с «Новым миром», опубликовав здесь в 1964 г. яркую статью «Шекспир и его эпоха». Наряду с другими работами, посвященными общности и различиям в истории и культуре стран Востока и Европы, она вошла в его книгу «Запад и Восток». Журнал Твардовского едва ли не первым откликнулся на нее рецензией[3].

Главную идею книги Конрада известный историк и археолог А.Л. Монгайт видел в обосновании единства человеческого рода. Рецензент оговаривается, что идея эта не нова: предложенная эволюционистами, она была развита марксистской наукой. «Но никогда еще историк не обладал такой суммой знаний для доказательства этой идеи, как во второй половине XX века, ибо материал наших знаний о прошлом человечества непрерывно возрастает в количестве и улучшается в качестве». Хотя Конрад упоминал Тойнби «лишь вскользь», Монгайт полагает, что «вся его книга – это по сути как бы полемика с этим кумиром современной западной историографии». Ведь они расходятся в главном: концепции локальных цивилизаций Тойнби противостоит концепция единства человеческой истории. Эсхатологическим настроениям английского историка, порожденным

[3] *Конрад Н.И.* Запад и Восток. М., 1966; *Монгайт А*. История и прогресс // Новый мир. 1966. № 10.

остротой переживаемого нами исторического момента, противостоит оптимистическая вера в прогрессивное развитие исторической деятельности человека, стремление видеть в гуманизме то великое начало человеческой деятельности, которое вело человека до сих пор по пути прогресса»[4].

Как видим, новомирский автор повторил ряд претензий к Тойнби, высказанных в советской литературе: отрицание общих закономерностей исторического развития, исторический пессимизм, эсхатологизм. И в то же время Монгайт признавался, что среди исследований по философии истории, которая занимается «поисками общих законов исторической жизни, размышлениями о смысле и пользе истории», на него «наибольшее впечатление в XX веке произвели труды О. Шпенглера и А. Тойнби».

Познакомившись с новомирским отзывом на книгу Конрада, Тойнби заинтересовался ее автором и направил ему в январе 1967 г. письмо. Думается, его побудило к этому не только упоминание о критике его концепции истории: вряд ли он не знал об оценках ее в советской историографии. Английский историк уже из самого общего обзора трудов Конрада увидел определенные точки соприкосновения с ним в подходе к истории. «Мне представляется, что Вы и я сходимся во взглядах на дела человеческие в большей степени, чем Вы предполагаете» (С. 175). Это заявление Тойнби, сделанное в самом начале его письма подтверждается и ответом Конрада, и дальнейшей их перепиской.

В дружеском послании Тойнби советский историк почувствовал не только интерес к проблемам, занимающим его самого, но и близкую ему склонность к «размышлениям о смысле и пользе истории». Конрад ответил английскому коллеге обстоятельным письмом. Он остановился на своих с ним расхождениях в понимании исторического процесса, поделился размышлениями о роли истории и о проблемах современности. Завязалась переписка, продолжившаяся за пределами «Нового мира» и прервавшаяся со смертью Н.И. Конрада в сентябре 1970 г.

Естественно, что Конрад познакомил с письмом Тойнби и своим ответом на него Монгайта, рецензия которого положила начало контактам английского и советского историков. Сообщая об этом Б.Б. Вахтину, своему ученику и постоянному ленинградскому корреспонденту, академик о самой переписке с Тойнби упоминал как о

[4] *Монгайт А*. Указ. соч. С. 272.

факте тому известном. По-видимому, копии писем он уже Вахтину послал, как посылал в ходе работы фрагменты своих исследований, получая и от своего ученика подготовленные им статьи[5].

А.Л. Монгайт, активно сотрудничавший с «Новым миром», принес письма Тойнби и Конрада в редакцию. Ему хотелось познакомить новомирцев с таким, как теперь говорят, «эксклюзивным материалом». Если бы не этот его порыв, переписка Тойнби и Конрада так и ходила бы в копиях по рукам. Но в редакции сразу же ею серьезно заинтересовались. «Следствием этого, – рассказывал Конрад, – была немедленная просьба дать им этот материал для помещения в первом же возможном № их журнала». По его свидетельству, новомирцев особенно привлекли два обстоятельства: 1) «новизна в нашей практике именно *такого* контакта советского ученого с капиталистическим» и 2) острота, затронутых в его ответе Тойнби тем [6].

Но именно эти обстоятельства внушали опасения. Контакт, в который вступили английский и советский ученый, был действительно в тех условиях необычным. Речь шла о переписке из двух противостоящих «лагерей» – социалистического и капиталистического, на которые был тогда разделен мир. При признании их «мирного сосуществования» противоречия между ними объявлялись непримиримыми, их «холодная война» то ослабевала, то усиливалась, грозя перейти в «горячую».

К тому же принцип «мирного сосуществования» двух систем, воспринятый внешней политикой СССР, не распространялся на идейную область. Еще в разгар «оттепели» партийной властью был подтвержден запрет на любое «примиренчество» с чуждой марксизму-ленинизму идеологией. В декабре 1962 г. группа деятелей культуры (И.Г. Эренбург, А.А. Сурков, М.И. Ромм, С.Т. Коненков и др.) обратилась к первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву с письмом о необходимости разных направлений в искусстве. Они призвали признать право на «мирное сосуществование» за разными идеологиями, но получили жесткий отпор[7].

---

[5] Письмо Н.И. Конрада Б.Б. Вахтину 30 марта 1967 // *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы… С. 362. См. здесь же переписку Н. Конрада с Б. Вахтиным.

[6] Там же. С. 362. Курсив автора.

[7] Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964. Документы. М., 1998. С. 293, 297–298, 310; *Твардовский А.Т.* Новомирский дневник. Т. 1. М., 2010. С. 279, 603–604.

Когда готовилась публикация переписки Тойнби и Конрада, обстановка на «идеологическом фронте» усложнилась в связи с приближавшимся 50-летием Октябрьской революции. В тезисах ЦК КПСС о подготовке к этому юбилею итоги и перспективы развития страны рассматривались в свете непримиримой борьбы «между силами прогресса и реакции» – социализмом и капитализмом. В передовых статьях партийных изданий постоянно напоминалось об «обострении идеологической борьбы» [8].

Хотя возможность международного сотрудничества деятелей науки при этом не отрицалась, но советским ученым предписывалось сотрудничать с «капиталистическими» с позиций «партийности, революционности, принципиальности в борьбе за утверждение коммунистических идеалов»[9]. Подобным требованиям принятая к изданию «Новым миром» переписка Тойнби и Конрада вряд ли соответствовала.

Думается, их диалог остается образцом научного общения историков, стоящих на разных позициях. В нем отразилось взаимное уважение, стремление понять собеседника, а также то ощущение равенства в споре, без которого не может быть и самого спора. Видно было, что советский историк знаком с трудами зарубежного, и у него сложилось свое мнение о нем, не совпадающее с утвердившимся в отечественной литературе. Конрад считал, что в трудах Тойнби не только «дан огромный тщательно обработанный фактический материал», но в них «чувствуется разум человека нашей сложной эпохи» (С. 179). Он называет английского исследователя «одним из самых глубоких знатоков истории человеческой культуры» (С. 184–185). Подобной оценки представителя современной «буржуазной историографии» в советской печати еще не появлялось. Необычным было и согласие вступивших в диалог историков в решении ряда проблем. Николай Иосифович, переживший в прошлом арест и заключение, хорошо знал опасность подобного взаимопонимания между представителями разных мировоззрений там, где предписывалась непримиримость к любым отклонениям от марксизма. Все это объясняет, почему советский академик не сразу решился предать свою переписку с А. Тойнби гласности.

---

[8] О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции // Правда. 8 января 1967 г.; см. передовые 13 января, 23 февраля, 19 марта, и след.

[9] Труд и долг советского ученого // Коммунист. 1967. № 3. С. 11.

Но новомирцев «материал настолько воодушевил», что они, по словам Конрада, были даже обеспокоены его нерешительностью: «Услыхав, что я колеблюсь, тут же стали убеждать меня не отказываться»[10]. Обстановка в редакции была в тот момент менее напряженной, чем обычно. 1966 год закончился выводом из редколлегии А.Г. Дементьева (заместителя главного редактора) и Б.Г. Закса (ответственного секретаря). Но Твардовскому удалось пополнить редколлегию по своему выбору. Конрад почувствовал в редакции боевой настрой. Новомирцы, как он писал в Ленинград, «торжествуют победу и рвутся… в бой».

На самом деле, для редакционного коллектива это была лишь кратковременная передышка среди многотрудных будней журнала, находящегося под пристальным вниманием властей. Редактор стремился печатать все, что талантливо и правдиво, откликаться на острые проблемы современной жизни, культуры и науки. Поэтому нападки на «Новый мир» не прекращались и в период «оттепели», и в последующие годы «похолодания» политического климата. Журнал Твардовского обвиняли в отступлении от «социалистического реализма», «дегероизации» советской действительности, подверженности влияниям Запада. Редакционная статья «Правды» (27 января 1967 г.) усматривала «серьезные недостатки» «Нового мира» в «зыбкости идейных позиций», «подчеркивании теневых сторон жизни», «отставании от времени».

Можно было предвидеть, что переписка Тойнби и Конрада встретит трудности на пути к читателю. А трудностями на текущий год редакция была обеспечена в достаточном количестве. Предстояло пробивать сквозь цензурные преграды повести В. Быкова, Ф. Искандера, В. Семина, рассказы В. Некрасова, роман А. Рыбакова «Дети Арбата»: все эти произведения были объявлены в проспекте «Нового мира» на 1967 г. Далеко не все в редакции одобрили публикацию, грозившую навлечь на журнал новые неприятности. Конрад признавался в письме к другу – академику П.Н. Беркову, что публикация переписки с. Тойнби доставила ему «серьезные волнения», поскольку «совсем не так просто прошла». «Среди членов редакции было несколько человек, категорически возражавших против опубликования и письма (оно ведь исходит от историка, единодушно осужденного нашей исторической наукой), и ответа – особенно ответа!». Неблагоприятны были и отзывы внешних рецензентов: акаде-

[10] *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы... С. 362.

мика упрекали в том, что он «“идет на соглашение” с реакционным буржуазным историком». «Знаю, что в решении печатать основную роль сыграло категорическое мнение А.Т. Твардовского», – свидетельствовал Конрад[11].

Редактор «Нового мира» готов был идти на риск, если считал материал значительным и нужным. Таким Твардовский счел письма из двух разных миров, представляемых двумя разными по мировоззрению историками, где прозвучала их общая мысль о единстве человечества. Она в их переписке воспринималась поэтом как главная и самая актуальная.

Готовил текст к печати Ю.Г. Буртин, в 1967 г. ставший старшим редактором отдела «Политики и науки». Можно с уверенностью предположить, что он был среди тех активных защитников публикации, которые «особенно просили не смягчать ничего». Николай Иосифович признавался, что он даже «кое-что заострил». Конрад свидетельствовал, что «ни одного слова» в его ответе не было изменено: напечатано *так, как было написано* еще до разговора о напечатании». Оговорка редакции в преамбуле к публикации, что она не может присоединиться к некоторым важным положениям ответа Конрада, считая их спорными, были автору понятны (С. 175). П.Н. Беркову, которому они «резанули слух», он объяснял, что это «то отражение критических суждений, которого нельзя было избежать». Редакция предвидела и цензурные придирки к тексту неординарного диалога.

Переписка двух историков по-своему выявила ту изоляцию, в которой находилась историческая наука в СССР, и одновременно ярко показала важность зарубежных контактов. Тойнби пришлось объяснять, что его взгляды дошли до русского оппонента «не вполне точно». «Если бы они были именно такими, какими Вы их воспринимаете, я сам бы критиковал их и притом, в значительной степени, – в Вашем же духе (С. 175). Английский историк ссылался на последний том своего труда («Перемены и привычки»), вышедшего в 1966 г., в котором он многое пересмотрел и оценивал иначе. Несколько позднее Конрад получит от него этот том, а ему пошлет свою книгу «Запад и Восток», переведенную на английский язык (М., Наука, 1967).

В этой статье я остановлюсь лишь на некоторых проблемах современности, которые занимали двух историков. Разногласий Конрада и Тойнби в оценках исторического процесса в прошлом коснусь

[11] Там же. С. 363.

бегло, постольку, поскольку они имеют отношение к пониманию проблем середины XX века. Тем более, что в статьях, посвященных диалогу историков в «Новом мире», основное внимание уделено именно дискуссии о прошлом развитии человечества[12].

В первых томах «Изучения истории» Тойнби исторический процесс представал в виде отдельных, изолированных цивилизаций, проходивших свой прерывистый цикл развития от зарождения и расцвета до разложения и гибели. Новые цивилизации на их месте возникали, чтобы также погибнуть. По его заключению, эти локальные историко-культурные единицы (монады) не были связаны между собой, после их гибели каждая цивилизация начиналась как бы заново, не наследуя предшествующим. Отсюда, в частности, и следовал вывод в советской литературе об историческом пессимизме Тойнби. Монгайт противопоставлял его в этом плане Конраду, который понимал исторический процесс как единый поток, с общими закономерностями, видя проявления их и в Древнем мире, и в Средневековье.

В письме к Тойнби советский историк особо останавливается на вопросе о судьбах культур, доказывая, что цивилизации не исчезали бесследно. Разве не осталась от ахейской цивилизации Илиада, которая, по мысли Конрада, – не начало новой литературы, а итог предшествующего ее развития (С.183). Он берет себе в союзники исследователя античности С. Утченко, цитируя его новомирскую статью «Акрополи Эллады». Ни названия статьи, ни автора Конрад не упоминает, дав лишь глухую ссылку на журнал, где она печаталась. Возможно, он учитывал, что автор резко критикует А.Тойнби. Оспаривая его утверждения, Утченко пишет, что уже в видимом упадке ахейской цивилизации «заложены основы возрождения... Совершается одно из величайших таинств истории – качественный скачок, момент перехода в иное качество в мучительном, прекрасном и неотвратимом процессе вечного обновления человека – человечества – бытия» (Новый мир. 1962. № 7. С. 172).

---

[12] *Монгайт А.Л.* Переписка Н.И. Конрада и А. Тойнби // Проблемы истории и теории мировой культуры. М., 1974; *Воробьева О.В*. Неоконченный диалог. Размышления Н. Конрада и А. Тойнби об исторических судьбах Европы и России // Вестник Воронежского университета. Серия 1. Гуманитарные науки. 1992. № 2; *Нарыкова Н.М.* Н.И. Конрад и А. Тойнби: страницы малоизвестной переписки // Вестник Ставропольского университета. 1998. Вып. 13.

Прошлая история в работах советского историка-марксиста служит одним из доказательств возможности единства человечества в настоящем и веры в исторический прогресс. Книга Конрада «Запад и Восток», составленная из его статей разной проблематики и разных лет, пронизана идеей общности человечества, единства его истории. Об этом английский историк мог получить самое общее представление уже из упомянутого отзыва на нее в «Новом мире». Рецензент определял ее содержание как рассказ «о единстве человеческого рода, реальном, вопреки традиционному делению на Запад и Восток», о непрерывающейся духовной традиции от древности до наших дней[13].

Подтверждение единства человечества Конрад видит в сходности историко-культурных явлений народов Востока и Запада. Однотипные явления в искусстве и литератур, по наблюдению Конрада, создаются при вступлении и разных народов на одну и ту же ступень общественно-исторического развития. Так он доказывает, что через эпоху Ренессанса прошли народы всего мира. Для Китая, по периодизации исследователя, это VIII–XII вв., для Италии XIV–XVI, для Средней Азии IX–XIII. Прекрасно знающий литературу не только Китая, Японии, но и Европы, Конрад показывает сходство и близость мотивов поэзии народов Востока и Запада периода Ренессанса. Сравнительный анализ в области литературы и, в частности, поэзии китайской и европейской раскрывает в них «общечеловеческое, а значит – самое глубинное». Своим ученикам академик внушал, что постигать это единство и утверждать его – «это и есть наш путь, очень большой путь». «Чем выше исследователь, – писал он, – тем лучше он видит великое дыхание истории, проносящееся над всем *человечеством,* а оно, дыхание, в своем направлении *едино*, оно исходит из единого великого источника. И оно обращено также к единому во всех видах: человеку!»[14].

Тойнби, несомненно, относился к такого рода исследователям.

В письме к Конраду он существенно корректирует свои взгляды, высказываясь, что «структура прошлого была менее "монадна"», чем он ранее предполагал. Теперь он считает, что она была обусловлена «прежней недостаточностью человеческих связей». В наш век, по словам английского историка, «уничтожение расстояний… дошло до такой степени, что впервые открыло перед человечеством воз-

[13] *Монгайт А.* История и прогресс… С. 272.

[14] *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы... С. 331, 393. Подчеркнуто автором.

можность слиться в одно общество (С. 177). Конрад дополняет это соображение не менее важным фактом развития средств коммуникации – печати, радио, телевидения. Интернет еще не занял столь серьезного места в жизни людей, а в СССР кибернетика и компьютеризация долгое время третировались.

И английский и советский историки отмечают тяготение человечества к единству, не упоминая о разделении ни на классы, ни на два «лагеря». «Человеческие существа нуждаются во взаимном общении, чтобы реально осознавать общую им человечность и, следовательно, быть способными жить вместе, как члены одной семьи» (С. 177) – это утверждение Тойнби находит понимание у советского историка. Он верит: человечество достигнет «того единства, о котором говорили Вы, о котором в своей книге говорю я, за которое борются все добрые люди доброй воли на земле». Только это единство, по словам Конрада, «нельзя просто получить: его нужно не только выстрадать, но и заслужить собственными усилиями» (С. 185).

Внешний рецензент «Диалога историков» не без едкости вопрошал: «А на какой основе мыслится автором это единство? Вместо того, чтобы, противопоставить нашу концепцию единства реакционной концепции английского буржуазного историка, автор идет на соглашение с ним»[15]. Историки, вступившие в диалог из двух миров, находившихся в состоянии «холодной войны», давали одинаковый и простой ответ на этот вопрос. В их письмах лейтмотивом звучит мысль, что в основе единства человечества лежит сама принадлежность к человеческому роду. «Наиболее важным в человеческом существе – также и наиболее важным для него – есть его человеческая природа». Прежде, чем принадлежать к какой-нибудь расовой, национальной, экономической или культурной группе, он должен быть человеком – и наша человеческая природа объединяет всех нас»[16]. Общим для историка-марксиста и «буржуазного исследователя» оказалось убеждение, что мир интегрируется не только экономическими интересами, но и этим сознанием родства людей.

Советский ученый признается своему зарубежному коллеге, что «особо острым чувством единства человечества», которое проявилось и в его книге «Запад и Восток», он обязан «исторически новому общественному строю» своей многонациональной страны, тому, что в русле ее культуры «слились самые различные культурные

[15] Там же. С. 363.
[16] Там же. С. 413.

потоки» (С. 178–179). Это оказалось вполне понятно Тойнби. Он делится своим взглядом на СССР «со стороны» – из-за рубежа. «Вашу страну населяют столько различных народов, говорящих на разных языках, принадлежащим к разным культурам, что она может рассматриваться как модель мира, сочетая это культурное разнообразие с экономическим, социальным, политическим единством. Вы в Советском Союзе продемонстрировали, что может быть сделано в мире, как в целом, что может быть сделано в будущем». Тойнби особо отмечает, что в Советском Союзе вступили в сотрудничество Восток и Запад, в то время как в бывших западноевропейских империях они разделились. Он выражает надежду придти в будущем к такой форме мирового сообщества – на основе равенства[17].

В одной из статей Конрад процитировал это высказывание Тойнби, историка, которого, по его словам, «у нас принято бранить». Он пояснил, что оно взято из ответа Тойнби на то его письмо, которое «известно тем, кто читает "Новый мир"». Конрад посчитал необходимым при этом заметить, что «мы не столько модель мира, сколько создающийся его образец. Наша межнациональная общность только строится, нам многое еще придется преодолеть в самих себе»[18].

И советский, и английский историки не отождествляли единство человечества с единообразием развития и культуры разных народов. Общей их проблемой было найти сбалансированное равновесие между разнообразием и единством. Решая эту «культурно-историческую задачу», Конрад считал, что к общечеловеческой культуре принадлежит все, что обращено к будущему – «все, что думает, волнуется, обуреваемо тревогой за мир, за человека – все это, в каком бы облике оно ни выступало, – все это современно и подлежит изучению. Поэтому современен для нас и экзистенциализм: ведь именно тревогой за будущее человечества вызвана его неудовлетворенность прежними прогрессистскими концепциями хода мировой истории…» (С. 182).

Здесь Конрад открыто пренебрегает установкой официальной идеологии на «социалистический реализм» как единственно верное направление литературы и искусства в настоящем и будущем. Он, по сути, отвергает оценку экзистенциализма в советских справочных

---

[17] Там же. С. 412–413.

[18] *Конрад Н.И.* Средневековое возрождение и Алишер Навои // Иностранная литература. 1969. № 2. С. 217.

изданиях как вредного порождения загнивающей буржуазной культуры, «крайнюю форму идеалистического мракобесия».

Столь же многообразны в размышлениях двух историков и варианты социально-экономического развития на пути к единству человечества. Тойнби считал возможным сочетание социализма с предпринимательством. Конрад предлагал «всемерно учитывать не только те формы социализма, которые установились в нашей стране, но и те, что сложились в других социалистических странах» (С. 182).

Оба историка сошлись во мнении, что никогда еще идея единства человечества не имела столь веских подтверждений в науке о прошлом и в настоящем, как в середине XX века. И никогда не была она так значима и актуальна, как в этот атомный век. Она по-своему поддерживалась учением К. Маркса об общих закономерностях естественно-исторического развития человечества, о социально-экономических формациях, через которые проходят все народы. Но, несмотря на это, в советской официальной печати идея единого человечества не прижилась. Ее вытеснил постулат о непримиримых противоречиях двух систем – социализма и капитализма. Он здесь не подлежал пересмотру, хотя плохо согласовывался с принципом мирного сосуществования во внешней политике СССР.

Оба историка, и английский, и советский, как видно из их переписки, убеждены, что, только осознав общность своей судьбы, человечество может выжить в атомный век. Отвергая причисления его к детерминистам, Тойнби писал, что он далек от признания предопределенности исторических явлений, и для него повторяемость войн в прошлом не означает неизбежность их в будущем. В отличие от других живых существ, человеческой природе присущи две способности – сознательность и способность сделать выбор. При всей ограниченности этой свободы выбора, она, по словам Тойнби, «достаточно велика, чтобы быть решающей для судьбы нашего рода. Вступив в атомный век, мы обладаем выбором между уничтожением нашего рода (и, м.б., даже превращением нашей планеты в лишенную любых форм жизни) и улучшением нашего образа жизни на планете» (С. 178).

Признание, что «холодная война» может завершиться вселенской катастрофой, и дало основание в советской историографии считать взгляды Тойнби эсхатологическими. Но такую перспективу не могли отрицать многие современники «предкатастрофного века», как назвал XX столетие советский историк и философ М.Я. Гефтер. Реальность подобного варианта развития мировой истории отразилась

и в поэзии А. Твардовского. «В случае главной утопии, – // В Азии этой, Европе ли, – // Нам-то она не гроза: // Пожили, водочки попили, // Будет уже за глаза… Жаль, вроде песни той, – деточек, // Мальчиков наших и девочек, // Всей неоглядной красы…// Ранних весенних веточек // В капельках первой росы…» (1969). Под «главной утопией» поэт подразумевал стремление построить мир на одной «единственно верной» основе.

Отвечая английскому коллеге, Конрад согласен с ним, что «сейчас человечество стоит перед необходимостью выбора». «Но Вы, как я понимаю Вас, отнюдь не считаете это дело простым. Вы, как мне кажется, с горечью говорите, вот мы вступили в атомный век, а живем еще некоторыми категориями доатомного века!». Эту мысль Конрад дополняет своим наблюдением: «вот мы вступили в социалистический век, а очень многие из нас все еще живут категориями досоциалистического века. Да, человек может обгонять историю, но люди обычно отстают от истории» (С. 184).

В ответ на «вызов времени» Тойнби называет себя и своего адресата оптимистами. «Я надеюсь, что мы не начнем мировой атомной войны и что шаг за шагом мы будем перерастать в единое человеческое общество» (С. 179).

Оптимизм историков основывался на вере в человека. Оба были приверженцами гуманизма – течения, признававшего в человеке высшую ценность бытия, считавшего его мерой всех вещей и идей. Конрад доказывал, что гуманизм порожден не Ренессансом, а возник еще в древности. Гуманизм выступает в их переписке основным критерием прогресса – сложного и противоречивого в XX столетии.

«Вы сделали мне честь, сочтя меня оптимистом, – писал Николай Иосифович. – Разумеется, оптимистом как историка. И обрадовали меня тем, что сказали, что и Вы в этом отношении со мною. Выходит, что два очень разных историка, работающих очень поразному, независимо друг от друга пришли к историческому оптимизму. Иначе, впрочем, и быть не могло: история все-таки чему-то научает» (С. 185).

Отмечая определенное сходство во взглядах советского и английского историков, Монгайт в духе времени подчеркивает принципиальное различие их позиций. «В основных своих положениях идеалистическая философия истории Тойнби несостоятельна», – заключал он «с позиций марксизма»[19]. Поскольку Тойнби не призна-

[19] *Монгайт А.Л.* Переписка Н.И. Конрада и А. Тойнби. С. 145.

вал определяющей основой развития общества экономику и полагал, что К. Маркс ошибался, считая ее «ключом ко всему», Монгайт охарактеризовал английского историка как антимарксиста.

Однако единственного ключа к пониманию общественного развития действительно не существует. В отказе признать способ производства «ключом ко всему» Тойнби столь же прав, как не прав, видя определяющий фактор исторического процесса в развитии идей.

Признание главенства экономики в марксизме не было столь абсолютным, как доказывали догматики. Марксистская теория не отрицала того, что в иные периоды первенствующее влияние на развитие общества может оказать и политика. Сама грань между материальным и идеальным в марксисткой мысли, при ее всей определенности, иногда оказывалась весьма тонка. Это видно, к примеру, по цитате из работы К. Маркса и Ф. Энгельса, в письме Конрада. Она о том, что «первым и самым важным из прирожденных свойств материи является движение, не только как механическое и математическое движение, но еще больше как стремление, жизненный дух, напряжение, или, употребляя выражение Якоба Бёме, мука материи» (С. 185)[20] .

Конрад оставался марксистом, признававшим учение о естественно-историческом развитии общества от одной социально-экономической формации к другой. Но советскому историку явно не хватало в этом учении серьезной разработки этических категорий. Не случайно он невольно выдвигает этическое начало человеческого поведения на первый план, как бы стремясь восполнить существующий пробел в марксизме.

Высшим достижением прогресса Конрад считает не достижения науки и техники, а выработку этических норм поведения и всей общественной жизни. Он убежден, что движущая сила прогресса – борьба добра и зла. В этой борьбе он признает высшим этическим началом в человеке совесть. Совесть как «великое начало человеческой природы, направляющее всю деятельность человека», совесть как «удивительное свойство человеческого начала в человеке». Совесть позволяет не бросать надежды на будущее человечества даже в

[20] Н.Конрад цитирует работу К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 142).

самые тяжелые времена»[21]. Эти размышления исследователя истории Запада и Востока от ее древности до современности, на первый взгляд, выражены несколько старомодно. И все же, похожие скорее на житейские наблюдения, чем на научные выводы, они остаются верными как для эпохи Шекспира, так и для нашего времени. При этом они вовсе не отменяют признания роли способа производства, установленной марксистской теорией.

Отмеченные сближения и расхождения во взглядах историков разного мировоззрения, вступивших в переписку из разных миров, убеждают что непроходимой пропасти между ними не существовало. Они понимали друг друга, поскольку вели диалог с общечеловеческих позиций. Замечание Монгайта, что Тойнби «в стремлении к единству человечества не принимал во внимание ни различия социальных систем, ни классов»[22], может быть отнесено и к Конраду. Разумеется, оба исследователя учитывали эти различия в современном мире. Но и Конрад, и Тойнби в грядущей истории отводили решающее значение общности человеческого рода.

Эту основу человеческого единения политологи и социологи как раз сбрасывали со счета. Само упоминание о ней было непривычно для советской литературы. Не случайно книга Конрада «Запад и Восток» при самой положительной оценке заслужила упрек в «излишнем антропологизме»[23]. Считалось, что единение возможно только на классовой и, соответственно этому, идейно-политической основе. Характерен призыв центрального партийного органа – газеты «Правда» – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», ставший ее своеобразным подзаголовком и эпиграфом к содержанию. В современном пестром, многообразном и яростном мире классовая общность лишь усиливала существовавший раскол мира.

Симптоматично, что в энциклопедиях и философских словарях 1950-х – 1980-х гг. нет такого понятия, как человечество. Есть «коммунизм» и «социализм», «империализм» и «капитализм», даже «гу-

---

[21] *Конрад Н.* Шекспир и его эпоха // Новый мир. 1964. № 9. С.214–215. В советских Энциклопедиях и Философских словарях давалось иное определение этой этической категории: «совесть – общественно-воспитуемая способность человека».

[22] *Монгайт А.Л.* Переписка Н И. Конрада и А. Тойнби. С. 151.

[23] *Суровцев Ю.* Исторические пути мировой культуры // Знамя. 1968. № 4. С. 241–242.

манизм», разделенный определениями на «социалистический» и «буржуазный», но «человечества» нет.

Появление в советской прессе «Диалога историков», где обсуждалось опасное положение дел на планете Земля, общие интересы человечества, было неожиданным и остается до сих пор не вполне объяснимым. Отвечая на свой же вопрос, как публикация такой переписки стала возможной, автор статьи, ей посвященной, объясняет это «оттепелью». Но к 1967 г. «оттепель» уже сменилась явным похолоданием политического климата в стране. И в этой же статье как раз показано, как некоторое оживление в исторической науке начала 1960-х гг. сменилось привычным порядком с его догматизмом, ориентацией на указания сверху, дискуссиями, исход которых был предрешен[23].

Думается, в публикации Диалога историков есть определенный элемент случайности, подготовленный закономерностями. Закономерным было попадание писем в «Новый мир» – никакому другому советскому изданию они вряд ли могли быть предложены. Момент для подобной публикации был облегчен пристальным вниманием цензуры к другим материалам номера: повести И. Грековой «На испытаниях» и статье Е. Гнедина «Не меч, но мир (Заметки о становлении советской дипломатии)». В письмах Тойнби и Конрада солидный пласт специально научно-исторического материала заслонял злободневную тему писем, выраженную без резкости, академически сдержанно.

В редакции «Нового мира» относили письма историков к труднопроходимым материалам и предвидели препятствия на пути их к читателю. Но реакцию цензуры точно спрогнозировать было невозможно: при всей ее бдительности и здесь бывали свои случайности. К примеру, новомирцы был готовы к серьезному сопротивлению Главлита роману Ф. Абрамова «Две зимы и три лета». Но это произведение о северной послевоенной деревне прошло сквозь цензурные препоны с минимальными потерями. А вот дело с публикацией «Театрального романа» М. Булгакова, неожиданно для редакции сильно затянулось и потребовало больших хлопот. Вопреки опасениям, «Диалог историков» особых препятствий к выходу в свет не встретил.

---

[23] *Воробьева О.В.* Указ соч. Автор при этом опирается на воспоминания историка А.Я. Гуревича. Стоит отметить, что он друг Н. Конрада, состоявший с ним в переписке (См.: *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы…).

Публикация не прошла незамеченной в зарубежной печати. Авторитетная английская газета «The Observer», откликаясь на нее, особо отметила необычно теплый тон Конрада, звучавший «величайшим контрастом с теми атаками, которые до того предпринимались по отношению к А.Д. Тойнби советскими историками». Это было воспринято как признак перемен в самом стиле полемики советских ученых с иностранными. Конрад справедливо посчитал такой вывод «несколько преждевременным»[24]. Заинтересовались «Диалогом историков» и в Японии, где перевод книги Конрада «Запад и Восток» вышел с перепечаткой из «Нового мира» переписки автора с А.Тойнби. Но вряд ли можно согласиться с тем, что их диалог «положил начало свободному обмену мнениями между отечественными и зарубежными историками»[25]. Еще на долгое время общение Тойнби и Конрада на страницах советского журнала будет оставаться исключением из установленного порядка.

Восприятие в научной среде «Диалога историков» не могло быть однозначным. В окружении Конрада его встретили с одобрением и воодушевлением. Его единомышленниками были академики И.М. Майский, В.М. Жирмунский, П.Н. Берков, ученики Николая Иосифовича. Их отзывы остались в переписке Конрада и по ним можно предположить, что ими не исчерпывалась поддержка «Диалога». Разумеется, нашлись карьеристы и догматики, осудившие Конрада. «Резко отрицательную» и «прямо оскорбительную» оценку его письма к Тойнби дал публично на одном из заседаний чл.-корр. АН В.Г. Трухановский[26]. Автору монографий, разоблачающих «агрессивный английский империализм», позиция советского академика, выступившего против разъединения человечества, не могла понравиться.

В советской печати «Диалог историков» не обсуждался. Критиковать эту публикацию не решились, а поддержать не могли, ее просто замолчали. Мысли собеседников о необходимости единения перед угрозой самоистребления человечества еще надолго останутся запретными. Они никак не согласовывались с постулатом о непри-

---

[24] *Dev Murarka.* Russian praise Arnold Toynbee // Observer. 1967.; Письмо Н.И. Конрада акад. И.М. Майскому 7 сентября 1967 г. // *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы… С. 365.

[25] *Воробьева О.В.* Указ соч. С. 131.

[26] *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы… С. 365.

миримых противоречиях двух систем, с уверенностью в окончательной победе социализма.

В июне 1967 г. А.Д. Сахаров вместе с американским журналистом Э. Генри написал статью об опасности термоядерной войны, грозящей самоистреблением человечества. Авторы выступали против разобщающей его проповеди несовместимости мировых идеологий. Разрешения на публикацию ЦК КПСС не дал. Статья попала в «самиздат», появившись в «Политическом дневнике» Р.А. Медведева. Она же легла в основу большой работы Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», получившей распространение как его «Меморандум». Здесь эти мысли были высказаны в развернутом виде, разработаны меры, способные прекратить разобщение стран и народов, предотвратить возможность военных конфликтов. По свидетельству Сахарова, это его выступление, ставшее известным широко в мире, долго замалчивалось в советской печати, пока не подверглось здесь критике[27].

На протяжении 1970-х гг. в «самиздате» к «диалогу взаимопонимания», к осознанию, что Земля у человечества – одна, и она его общий Дом, призывал историк и философ М.Я. Гефтер, упоминая среди своих предшественников «Новый мир» Твардовского. Гефтер настаивал, что «завтрашний день Мира» – в «неедином единстве», а не в «искомом тождестве»[28].

Ход истории побуждал к новому мышлению, иному взаимодействию в области международных отношений, а в официальной печати продолжало постулироваться противоборство двух систем с их непримиримыми противоречиями. И мысли не допускалось, что человечеству грозит самоуничтожение в случае, если непримиримость завершится конфликтом.

Положение изменилось лишь с приходом к власти М.С. Горбачева. 4 февраля 1988 г. Генеральный секретарь КПСС дал интервью французской коммунистической газете «Юманите». В нем он во всеуслышание признал, то, что двумя десятилетиями ранее было уже сказано двумя историками – английским и советским – на страницах «Нового мира»: «проблема выживания человечества может оказаться неразрешимой». Он провозгласил «крутой перелом в международных

---

[27] *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда. М., 1991. С. 11 и след. А. Твардовский в дневнике 1968 г. конспектирует «Меморандум» Сахарова 1968 г. (*Твардовский А.* Новомирский дневник. Т.2. М., 2010. С. 177–183).

[28] *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет М., 1991. С. 155, 175, 184.

отношениях и внешнеполитическом мышлении» предстоящей «революционной задачей». Интервью Горбачева было перепечатано во всех центральных советских газетах.

Спор и согласие английского и советского историков в 1967 г. убедительно свидетельствуют, что ученым (как и деятелям культуры) намного легче придти к взаимопониманию и договориться, чем политикам.

В состоявшемся Диалоге историки проявили высокий профессионализм и чувство ответственности за происходящее в мире. Между тем состояние советской исторической науки в эту пору в научной среде многими оценивалось весьма критически. Разумеется, в публикуемых историографических обзорах оно выглядело вполне благополучным. Но порой в печать прорывались признания, что историческая наука скомпрометировала себя в глазах современников, с одной стороны, коньюнктурщиной – «нарушением исторической правды во имя политической целесообразности», с другой стороны, догматизмом[29]. «Кризис традиционного историзма» осознавался и профессиональными английскими историками. Историческую науку и здесь упрекали, в том, что она «отстала от изменяющегося мира», потеряла веру в то, что исследования прошлого помогут контролировать будущее[30].

Диалог советского и английского историков показал, что в исторической науке есть живые силы, вооруженные опытом прошлого, верящие в его значимость, чуткие к современности. Тем не менее вряд ли можно согласиться, что Диалог этот получил «широкий общественный резонанс»[31]. Он ведь, как говорилось, в печати замалчивался. Но важно, что он состоялся и был опубликован. Это событие не могло пройти бесследно. Оно, несомненно, способствовало подспудной работе общественно-политической мысли. Ведь очень важно было, что тревожный сигнал об опасности для всего мира прозвучал в противовес официальному оптимизму. И не менее важно было в пору затянувшейся «холодной войны» напомнить, что враждующие стороны принадлежат к одному человеческому роду.

---

[29] *Монгайт А.* История и прогресс. С. 172.

[30] *Нейман А.М.* Некоторые тенденции развития немарксистской мысли в Англии и теоретико-познавательные воззрения Э.Х. Карра // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Сборник. М., 1969. С. 177–178.

[31] См. комментарий к переписке Н.Конрада с А. Тойнби в кн.: *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы… С. 519.

Твардовский потому и придавал публикации переписки Тойнби и Конрада особое значение. Еще до выхода ее в свет старался привлечь к ней внимание, пропагандировал ее в окружении «Нового мира». В письме к Тойнби он характеризует его диалог с Конрадом как «документ большой научной и общественной ценности»[32]. Документ этот зафиксировал в расколовшемся на два «лагеря» мире общественные настроения и стремления, не совпадавшие с политикой властей. Диалог историков в «Новом мире» – одно из важных свидетельств, как отвечали на «вызов времени» представители передовой интеллигенции, и как отставали от них политики.

Участие в диалоге и для английского, и для советского историка не было рядовым событием. Тойнби, выступив в советском журнале, по сути, стал среди «буржуазных историков» первопроходцем и, судя по его письмам Конраду, не жалел об этом. А для советского академика это был связанный с риском, серьезный общественный поступок, о котором он вспоминал с гордостью. После вынужденного ухода А.Т. Твардовского из «Нового мира» Николай Иосифович писал ему: «Думаю о Вас как об одном из тех, кем поддерживается честь и величие нашей с Вами страны. Именно Вы делаете это как поэт, создавший “Василия Теркина”, “Дом у дороги”, “За далью – даль”. Делали это как общественный деятель своим (в тексте письма неразборчиво. – *В.Т.*) “Новым миром”. Одним из авторов этого “Нового мира”, благодаря Вам, стал и я. И я Вас благодарю за это – пусть мимолетное – присоединение к большому общественному делу. Теперь это отошло в прошлое: я мог работать только в “Новом мире” Твардовского. Ваш Н. Конрад»[33].

Современный мир уже не расколот на два «лагеря». Но в нем не прекратились военные конфликты, не исчезли «горячие точки». Изменился общественный строй в нашей стране, где резко возросла людская разобщенность. Мысли, высказанные английским и советским историками о единстве всех, принадлежащих к роду человеческому, не потеряли значимости.

---

[32] Письмо А.Т. Твардовского Арнольду Джозефу Тойнби 23 августа 1967 г. / Нева. 2010. № 10; См. также: *Твардовский А.Т.* Новомирский дневник. Т. 2. С. 62.

[33] Письмо Н.И. Конрада А.Т. Твардовскому 21 июня 1970 г. // Личный архив А.Т. Твардовского. Подлинник. Опубл. в: Нева. 2010. № 10.

Многое изменится, когда они станут учитываться в политике и будут положены в основу общественных и экономических отношений в стране и мире.

Г.В. Костырченко

Н.С. Хрущев и Союз советских писателей: проблема диалога власти с творческой интеллигенцией

Когда Н.С. Хрущев в начале 1956 г. решил развенчать на XX съезде КПСС «культ личности» Сталина, причем очень ограниченно, без затрагивания основ советской системы, он вряд ли предполагал, какими последствиями обернется его инициатива. В фазе своей кульминации хрущевская «оттепель» не только породила массовые волнения в Польше и Венгрии, но и вызвала серьезное идейное брожение в самом СССР, особенно в среде гуманитарной творческой интеллигенции. Пораженная так называемым «венгерским синдромом» советская номенклатура очень опасалась того, что пример масштабного антикоммунистического выступления в Восточной Европе может оказаться заразительным для советского общества. И поскольку Хрущев считал, что семена социального катаклизма в Венгрии были посеяны литературным кружком Шандора Петёфи, власти озаботились в первую очередь «наведением порядка» в Союзе советских писателей (ССП). Вряд ли им была неведома знаменитая фраза Е.А. Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт». Это хорошо понимал еще Сталин, назвавший писателей «инженерами человеческих душ» и создавший ССП как главный пропагандистский «приводной ремень» партии.

Не случайно в инициировавшем «закручивание гаек» письме Президиума ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» подчеркивалось: «Центральный Комитет считает необходимым особо отметить, что некоторое оживление нездоровых проявлений и высказываний, отражающих взгляды, чуждые интересам нашего народа, имеет место и среди отдельных политически незрелых и обывательски настроенных писателей и работников искусства».

Симптоматично, что, решившись в «воспитательных целях» на немыслимое при Сталине публичное общение с творческой элитой страны, Хрущев решил первым делом приструнить «отбивавшихся от рук» писателей.

Первым контактом такого рода стала состоявшаяся 13 мая 1957 г. на Старой площади встреча членов Президиума ЦК с почти семьюдесятью ведущими литераторами страны. Хрущев озвучил на ней следующие основные установки, адресованные интеллигенции: 1) оценка деятельности Сталина должна определяться «диалектиче-

ски» и ни в коем случае не сводиться к негативной критике, что чревато очернением партии и всей системы власти («Я Сталина хвалил за то, что он был несгибаемым человеком, он не страшился обрушить меч на голову врага, но я осуждаю Сталина за то, что он допустил, чтобы под этот меч попали наши друзья»); 2) только власть определяет меру либерализации системы и не допустит никакой самодеятельности снизу («Мы никогда не стояли за такую демократию, которая без берегов, без руля и без ветрил, у нас достаточно и ума, и сил для пресечения этого»); 3) главное в творчестве писателей не художественное мастерство, как впрочем, и не отстаивание моральных принципов, а преданное служение власти («Писатели, как и при Сталине, являются первыми помощниками партии, ее лучшей опорой… они – защитники самого главного участка идеологического фронта»). Отталкиваясь от этих ключевых тезисов, Хрущев первым делом встал на защиту писателей-сталинистов, на которых, как он выразился, «незаслуженно… привешивают ярлык лакировщика» и которых пытаются «затоптать… смешивают с грязью». Назвал Н.М. Грибачева и С.П. Бабаевского «нашими людьми… преданными партии», они «шли за партией, верили Сталину, воспевали Сталина»[1].

Яркой демонстрацией властной силы, которую набрала тем временем высшая бюрократия, стал спровоцированный ею разнос «прозападного» абстрактного искусства, учиненный Хрущевым на юбилейной выставке в Манеже «30 лет МОСХ». Во время посещения 1 декабря 1962 г. он неожиданно яростно и вульгарно раскритиковал представленные на ней картины художников-модернистов[2].

Спустя несколько недель, 17 декабря 1962 г., на встрече с творческой интеллигенцией в Доме приемов на Ленинских горах Хрущев метал громы и молнии в приверженцев «формализма», теперь уже в литературе. При этом особенно досталось от него Евтушенко, который еще осенью 1961 г. отважился в поэме «Бабий Яр» затронуть весьма болезненную для «верхов» тему антисемитизма. Масла в огонь подлила 13-ая (кантатная) симфония Д.Д. Шостаковича на стихи поэмы. Ее премьера, прошедшая в Московской консерватории и вызвавшая восторг публики, заставила власти действовать более решительно. Это стало очевидным после того как, дрог-

[1] Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: В 2-х тт. Т. 2. / Гл. ред. Н.Г. Томилина, отв. сост. М.Ю. Прозуменщиков / М., 2009. С. 446–462.

[2] Там же. С. 522–533.

нув под давлением кремлевского руководства, Евтушенко переработал текст «Бабьего Яра».

Уже на следующей встрече членов Президиума ЦК с творческими деятелями, устроенной 7–8 марта 1963 г. в кремлевском здании бывшего Сената, Хрущев не столько ругал поэта, сколько старался оправдать его идейные прегрешения. Он говорил: «…Тов. Евтушенко много написал стихотворений хороших, которые любят и молодежь, и взрослые… Но, как говорится, никто не гарантирован от неправильных представлений, ошибок. Я считаю, что ничего контрреволюционного у него нет, но что он неправильное направление взял и неправильную трактовку взял, когда писал стихотворение (так в тексте. – *Г.К.*) "Бабий Яр", – это грехи молодости, а может быть, это навязали ему более опытные [люди], и [они] преследовали более определенную политическую цель вредную, а он воспринял это неправильно и сделал. …Поэтому это кому-то нужно было, нужно было оживить эту националистическую сионистскую крысу под видом борьбы с антисемитизмом, а он (Евтушенко. – *Г.К.*) этого не понял, не разобрался в этих сионистских позициях»[3].

Талантливый поэт и глубокий мыслитель Д.С. Самойлов тонко подметил, что «чувство принадлежности к системе всегда выручало Евтушенко», а его «необычайное тщеславие» было «снабжено верными датчиками пределов дозволенного»[4]. По большому счету, исполненная идеализма поэзия Евтушенко как никакая другая была созвучна человеческой натуре Хрущева и лучше других способна была своим романтическим флером скрадывать утопизм и бесперспективность его реформистского прожектерства. Тот же Самойлов утверждал: «Хрущевизм был политикой переходного времени, евтушенковщина − его искусством»[5].

Обильные словоизвержения Хрущева на знаменитых встречах с интеллигенцией зимой-весной 1962–1963 гг. показывают, что его не особенно тревожили «антисоветские выпады» кинорежиссера М. Ромма или тем более Евтушенко. Однако советский лидер определенно усматривал немалую интеллектуальную угрозу режиму в общественно-литературной активности И. Эренбурга. И эти его опасения, как представляется, не были беспочвенными. Ведь в уже вышедшей в середине 1950-х гг. повести «Оттепель» Эренбург обозна-

[3] Там же. С. 607, 626.

[4] *Самойлов Д.С.* Памятные записки. М., 1995. С. 360–364.

[5] Там же. С. 362.

чил (пусть и неявно) собственную, не зависимую от режима идейную позицию, которая была воспринята идеологическим начальством как интеллектуально-либеральная альтернатива официальному марксизму-ленинизму. Чутко подмечая такое отношение власти к Эренбургу, А.И. Солженицын писал: «…Им (руководителям страны. – *Г.К.*) тогда он (Эренбург. – *Г.К.*) казался вождем оппозиции, грозной фигурой»[6].

Однако «верхи» тревожил не столько подспудный нонконформизм Эренбурга сам по себе, сколько «пагубное» влияние его свободомыслия на советскую интеллектуальную элиту, чьим властителем дум он становился все больше по мере того, как падал авторитет официальной идеологии.

Воспринимая Эренбурга как неформального идеологического лидера в СССР, Хрущев именно его считал ответственным за «атаку на партию» по еврейскому вопросу. И хотя вроде бы никто иной как Евтушенко своим «Бабьим Яром» накалил глобальные страсти вокруг этого «вопроса», тем не менее, Хрущев, что называется, грешил именно на Эренбурга, рассуждая примерно так: «старый и опытный еврей» Эренбург − главный, он − идеолог «скрытой антисоветчины», а «молодой русский» Евтушенко − только «запутался», попав под влияние сионистской пропаганды[7].

Кроме того, Хрущева, несомненно, терзала ревнивая обида на то, что молодой и талантливый Евтушенко (вместе со значительной частью образованного слоя общества) предпочел ему, партийному вождю, так сказать, скрытого буржуазного эстета, исподволь ратующего за «мирное сосуществование в области идеологии».

Именно после разносов, учиненных Эренбургу Хрущевым на встречах с интеллигенций, писатель, затравленный и уже тяжело больной, вынужден был предпринять унизительное «хождение» в кремлевскую Каноссу. В письме Хрущеву от 27 апреля 1963 г. Эренбург заверял: «… Я – человек дисциплинированный и не буду ни говорить, ни писать ни у нас, ни за границей того, что может противоречить решениям партии. Должен прямо сказать – я никогда не придерживался идеи мирного сосуществования идеологий и не раз пи-

---

[6] *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 48.

[7] Никита Сергеевич Хрущев... С. 548–549, 612; *Эренбург И.Г.* Собрание сочинений: В 8 тт. Т.8. Люди, годы, жизнь. Кн. пятая (главы 14–27), шестая, седьмая / Сост. и подг. текста И.И. Эренбург, Б.Я. Фрезинский; коммент. Б.Я. Фрезинский. М., 2000. С. 481.

сал, что всеобщее разоружение не будет ни в коем случае означать идеологического разоружения… Да если бы я стоял за отказ от борьбы против идеологии капитализма, я был бы попросту изменником»[8].

Вместе с тем Эренбург не стал каяться за прегрешения и ошибки, усмотренные властью в его воспоминаниях «Люди, годы, жизнь», – книге, в которой он попытался подвести нравственный и творческий итог своей жизни. Эти составленные в западной интеллектуальной манере мемуары были с самого начала восприняты партаппаратом настороженно, поскольку там подозревали автора в претензии представить альтернативный официальному взгляд на прошлое и настоящее советского общества. Тем не менее, «верхи», вынужденные считаться с популярностью писателя в западных леволиберальных кругах, санкционировали их публикацию. В личной беседе с Эренбургом в августе 1963 г. Хрущев, дабы угомонить настырного мэтра, могущего подпортить внешнеполитический имидж СССР, заверил писателя: «Вы сами будете цензором»[9].

Однако аппаратная бюрократия, все решительнее подминавшая под себя Хрущева, конечно, не собиралась соблюдать никакие данные Эренбургу «антицензурные гарантии». 17 сентября 1964 г. Президиум ЦК КПСС постановил признать «…нецелесообразным публикацию мемуаров И. Эренбурга в данном виде»[10]. А менее чем через месяц мечтавшие о «стабильности» ближайшие соратники неисправимого прожектера Хрущева сместили его со всех партийно-государственных постов.

А затем произошло парадоксальное. Руководство ЦК, занятое после низвержения Хрущева исключительно дележом власти, сочло за благо для себя не обострять отношения с либеральной общественностью. Благоразумно «умыв руки», ЦК распорядился 11 ноября 1964 г. передать вопрос о публикации мемуаров И. Эренбурга в жур-

---

[8] «Я не понимаю литературы равнодушной». Письма И.Г. Эренбурга Н.И. Бухарину, И.В. Сталину, Я.Г. Селиху, Н.С. Хрущёву, Д.Т. Шепилову // Источник / Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 2. С. 120–121.

[9] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т.1 / Гл. ред. А.А. Фурсенко/. М., 2003. С. 761.

[10] «Эренбург не сделал выводов…» О публикации мемуаров писателя // Источник / Вестник Архива Президента Российской Федерации. 2000. № 2. С. 103–107.

нале «Новый мир» на усмотрение самой редколлегии. Данное решение далось партбоссам нелегко, ибо и после основательной авторской переработки рукописи они продолжали считать, что в ней «сохраняется акцент на антисемитском характере некоторых выступлений против космополитизма в литературе и искусстве» (подчеркнуто в документе. − Г.К.).

Несомненно, это была победа Эренбурга, чьим автобиографическим запискам о самом неблагоприятном для советского еврейства периоде сталинского правления все же удалось преодолеть последние цензурные рогатки, хотя ради этого автору и пришлось в немалой степени поступиться первоначальным текстом. Воспользовавшись благоприятным стечением обстоятельств, главный редактор «Нового мира» А.Т. Твардовский включил первые главы шестой книги мемуаров «Люди годы, жизнь» уже в январский (1965 г.) номер журнала, а заключительные − в мартовский[11].

Куда более драматичным финалом завершилась схватка с цензурой другого ведущего советского писателя той поры В.С. Гроссмана. Обнадеженный дыханием «оттепели» в литературе, он в 1960 г. завершил вторую часть своей дилогии о войне, роман «Жизнь и судьба», который считал самым главным из всего им написанного. Однако, как показали последующие события, Гроссман неосмотрительно решил опубликовать новое произведение в журнале «Знамя». Его главный редактор В.М. Кожевников настойчиво добивался этого, но, прочитав рукопись и будучи обескуражен чересчур вольными, в его представлении, философскими рассуждениями автора о политической родственности диктатур Гитлера и Сталина, поспешил передать ее, как выразился позднее Гроссман, «куда надо»[12]. После этого заработал аппаратный механизм запрещения романа и расправы с его создателем. Тревожную кнопку, запустившую репрессивную бюрократическую машину, нажал завотделом культуры ЦК КПСС Д.А. Поликарпов, который 9 декабря 1960 г. «сигнализировал» в Секретариат ЦК о том, что роман «Жизнь и судьба» «представляет собой сборник злобных измышлений о нашей действительности, грязной

[11] Там же. С. 108–109.

[12] *Липкин Семен.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. *Анна Берзер.* Прощание. М., 1990. С. 60.

клеветы на советский общественный и государственный строй»[13]. В качестве одного из экспертов, ангажированных ЦК для негласного разбора романа, выступил сломленный ГУЛАГом литературовед и критик Б.Л. Сучков. Будучи заместителем главного редактора «Знамени», он в рецензии обратил внимание своего шефа на следующие «негативные моменты» в рукописи: «Прозрачно намекается на якобы существующее сходство между двумя борющимися тоталитарными системами. Оно не только в подавлении личности, но и в расистском подходе к евреям, в осуществлении политики государственного антисемитизма. …Еврейский вопрос является исходным для Гроссмана для оценки всех событий мировой истории, и здесь он проявляет несомненные черты национализма… Роман должен рассматриваться как произведение, враждебное нашей идеологии»[14]. Решение о дальнейшей участи «Жизни и судьбы» состоялось 19 декабря 1960 г. на заседании редколлегии журнала, прошедшем без участия Гроссмана, сославшегося на сердечный приступ: «политически враждебная» рукопись была единогласно признана недостойной публикации. Участвовавший в этом заседании один из руководителей Союза советских писателей (скорей всего, секретарь правления ССП Г.М. Марков) сказал тогда фразу, ставшую печально знаменитой: «…Напечатать книгу можно будет через 250 лет»[15]. Сразу после вынесения запретительного вердикта Кожевников позвонил Гроссману и «настоятельно» порекомендовал «изъять из обращения экземпляры рукописи…и принять все меры к тому, чтобы роман не попал во вражеские руки»[16].

Со своей стороны власти, дабы предотвратить возможную «идеологическую диверсию врага», очень скоро предприняли решительные действия. Утром 14 февраля 1961 г. на квартиру Гроссмана на Беговой улице явились двое сотрудников госбезопасности в штат-

---

[13] Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы / В.Ю. Афиани (отв. ред.), З.К. Водопьянова (отв. сост.), М.Ю. Прозуменщиков и др. М., 2005. С. 415.

[14] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 36. Д. 120. Л. 74–75.

[15] «Я прошу свободы моей книге». Письмо Василия Гроссмана о романе «Жизнь и судьба» // Источник / Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 3. С. 133.

[16] *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М., 1990. С. 178–179.

ском. Предъявив писателю ордер на арест романа, они произвели обыск, забрав все материалы «Жизни и судьбы» (машинописные «чистовые» экземпляры, черновики, наброски, эскизы и пр.). Одновременно были конфискованы и подготовительные материалы не менее «крамольной» публицистической повести «Все течет», над которой писатель работал с 1955 года.

Сразу же после ареста романа Гроссман потребовал объяснений от ЦК, резонно усмотрев в описанных действиях КГБ попрание социалистической законности, о соблюдении которой, как внушалось официальной пропагандой, власти только и пеклись. Однако на Старой площади его согласились выслушать только спустя две недели. 1 марта 1961 г. писателя принял Поликарпов, который в присутствии двух подчиненных (потенциальных свидетелей в пользу начальника) принялся с порога его распекать с барственной снисходительностью: «Многократный орденоносец, член правления Союза писателей, а что написал!»[17] Гроссман, тем не менее, не стал каяться, более того, твердо настаивая на собственной правоте, заявил: «Литература должна жить только правдой, какой бы тяжелой она ни была… Книга эта («Жизнь и судьба». − *Г.К.*)… продиктована любовью к людям, к их страданиям, верой в людей. … Он не отрекается от того, что написал, что это было бы нечестно, неискренне после того, как к нему применили репрессии»[18].

Между тем начавшийся осенью 1961 г. второй виток десталинизации позволил Гроссману, собравшись с духом и остатками сил, вновь открыто выступить в защиту главного труда своей жизни. Именно к Хрущеву, решившемуся в октябре на XXII съезде КПСС на новые разоблачения преступлений Сталина, на вынос его тела из Мавзолея и тем самым подогревшему общественные либеральные настроения, и обратился писатель, наивно надеясь спасти свое творение, плененное «чиновниками-сталинистами». В письме от 23 февраля 1962 г. Гроссман дважды призвал лидера страны «вернуть свободу» его книге. В этом исполненном отчаяния и душевной боли послании Гроссман больше риторически, чем с надеждой на конкретный ответ вопрошал: «Как понять в свете идей XXII съезда партии» тот факт, что «в наше время у писателя производят обыск, отбирают у него книгу, пусть полную несовершенств, но написанную кровью

[17] *Липкин Семен*. Указ. соч. С. 63.

[18] Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 436–437.

его сердца… и грозят ему тюрьмой, если он станет говорить о своем горе?»[19].

22 марта 1962 г. письмо литератора стало предметом специального рассмотрения на Президиуме ЦК. Секретарю ЦК М.А. Суслову было поручено «принять писателя Гроссмана и провести с ним беседу в духе состоявшегося обмена мнениями…». Судя по протокольной записи этого заседания, Суслову предлагалось предостеречь литератора-вольнодумца в следующих выражениях: «Вы апеллируете к нам и готовитесь к борьбе. Ваше произведение за нас или против? Советуем быть осторожным»[20].

А для самого писателя настали месяцы томительного ожидания. Боясь пропустить звонок из ЦК, он, по свидетельству близких, почти перестал выходить из дома... Когда спустя полгода (!) после отправки письма Хрущеву в квартире Гроссмана раздался, наконец, телефонный звонок, писателя, уже, видимо, ни на что не надеявшегося, не оказалось как на зло на месте...

Долгожданная встреча Гроссмана в ЦК состоялась 23 июля 1962 г. и пришлась на пору очередного «закручивания гаек». Власти перешли в решительную контратаку против угрожавших ей проявлений социальной активности. Еще в начале июня в Новочеркасске были жестоко подавлены войсками массовые рабочие волнения и забастовка, вызванные повышением розничных цен на молоко и мясо, а также значительным увеличением норм выработки на местных промышленных предприятиях.

Выполняя поручение Президиума ЦК, беседовал с Гроссманом Суслов. Около трех часов, судя по записи, сделанной писателем по горячим следам, он выслушивал нравоучения и «доказательства» вредоносности романа «Жизнь и судьба». Вот выдержки из законспектированного Гроссманом монолога Суслова: «Вы пишете (Хрущеву. – *Г.К.*), что книга ваша написана искренно. Но искренность не единственное условие для создания современного художественного произведения. …Я не читал вашей книги, но внимательно прочел многочисленные рецензии и отзывы, в которых много цитат из вашего романа. …Ваш роман враждебен советскому народу, его публикация принесет вред не только советскому народу и государству, но и всем, кто борется за коммунизм за пределами Советского Союза... Роман принесет пользу нашим врагам... Ваш уход с позиций, с которых бы-

[19] «Я прошу свободы моей книге». С. 133–135.
[20] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 551, 1097–1098.

ли написаны ваши книги “Степан Кольчугин”, “Народ бессмертен”, “За правое дело”, я объясняю вашей самоизоляцией, погружением в личные переживания, преувеличенным, чрезмерным интересом к темным сторонам периода культа личности. Вы отвернулись от огромного количества положительных явлений современности. … Вы считаете, что мы нарушили в отношении вас принцип свободы. Да, это так, если понимать свободу в буржуазном смысле. Но у нас иное понимание свободы. …Мы восстанавливаем ленинские нормы демократии. Но ленинские нормы демократии – это не буржуазные нормы демократии. …Вы знаете, какой большой вред принесла нам книга Пастернака. Для всех, читавших вашу книгу, для всех, знакомых с отзывами о ней, совершенно бесспорно, что вред от книги “Жизнь и судьба” был бы несравнимо опасней для нас, чем от “Доктора Живаго”. …В вашей книге имеются прямые сопоставления нас с гитлеровским фашизмом. В вашей книге неправильно, неверно описаны наши люди, коммунисты. Разве могли бы мы с такими людьми, как вы описали, победить в войне?.. Ваша книга полна ваших сомнений о правомерности нашей советской системы. …Напечатать вашу книгу невозможно, и она не будет напечатана. Нет, она не уничтожена. Пусть лежит. Судьбу ее мы не изменим... Партия и народ не простят нам, если мы опубликуем вашу книгу. Это только увеличит количество крови»[21].

Глубоко разочарованный услышанным, писатель попробовал заговорить о возвращении рукописи. Но Суслов жестко оборвал его следующей, очевидно, заранее подготовленной фразой: «Нет, нет, вернуть нельзя. Издадим пятитомник, а об этом романе и не думайте»[22].

Подводя итог вышеизложенному, приходится констатировать: хотя после Сталина режим власти в СССР и избавился от присущих ему репрессивных крайностей, однако в основе своей он попрежнему оставался антидемократическим. Правящая бюрократия, представлявшая собой закрытую управленческую корпорацию, предпочитала и далее «рулить» страной без реального участия общества, что порождало, с одной стороны, коррупцию, цинизм, апатию и социальный эскапизм в виде массового алкоголизма и ухода «в быт», а

[21] *Фельдман Д.М.* До и после ареста: судьба рукописи Василия Гроссмана // Литературная Россия. 1988. 11 ноября. № 45. С. 16–17.
[22] *Липкин Семен.* Указ. соч. С. 68.

с другой, − стихийный молодежный протест («дело Льва Краснопевцева» и т.п.).

Предпринятое Хрущевым развенчание «культа личности» носило дозированный, непоследовательный и противоречивый характер. Да и саму эту кампанию он инициировал, во-первых, преимущественно ради того, чтобы застраховать номенклатуру от повторения прежнего «беспредела» госбезопасности, во-вторых, дабы дискредитировать и добиться низвержения своих политических конкурентов, заклейменных им как «антипартийная группа», и лишь в-третьих, чтобы повысить уровень благосостояния рядовых граждан, несколько расширив их социальные (но не политические!) права, причем – в пределах минимума, необходимого для «укрепления морально-политического единства» советского народа.

И все же начавшаяся «оттепель» позволила более или менее самостоятельно мыслившей творческой интеллигенции, еще недавно придавленной жестким прессом перманентных идеологических проработок и «чисток», перевести дух и обрести робкую надежду на лучшее будущее.

Возникший в обществе оптимистический настрой способствовал повышению его творческого потенциала, необходимого для создания новых талантливых произведений в области литературы и искусства. Однако либерально настроенная интеллигенция недолго пребывала в плену радужных иллюзий. Горькое разочарование она испытала сразу, как только попыталась донести до публики плоды своих вдохновленных «оттепелью» трудов. Она убедилась в том, что идеологическая цензура партии хотя и не свирепствует уже как в сталинские годы, но остается такой же «непробиваемой» для всего, в чем усматривалась претензия на свободу творчества.

Это стало особенно очевидным, когда власть, напуганная социально-политическим обострением в Польше и Венгрии, вновь стала с конца 1956 г. натягивать ослабленные, было, административные «вожжи» и ужесточать цензуру.

Вот почему либеральная интеллигенция, которая поначалу с энтузиазмом восприняла официальные декларации о восстановлении «социалистической законности», в дальнейшем все более скептически относилась к подобной риторике, призванной камуфлировать продолжавшееся (пусть и в меньших масштабах) попрание государством гражданских прав и свобод.

По этой причине демократически настроенная творческая элита, воспринимавшая Хрущева после XX съезда КПСС как новоявлен-

ного «царя-освободителя», испытала разочарование. Окончательное охлаждение к нему в этом слое произошло после XXII съезда партии (1961 г.), на котором Хрущев, хотя и инициировал второй этап десталинизации, но так и не решился на сколько-нибудь основательное реформирование страны, подменив его тупиковым «коммунистическим проектом» – утопией, обернувшейся впоследствии социальным застоем.

Попытка либеральной интеллигенции стимулировать власть к основательному демократическому обновлению страны вызвала лишь раздражение в «верхах», предпринявших в ответ серию показательных словесных порок наиболее «отбившихся от рук партии фрондеров». На этих организованных в «воспитательных целях» встречах руководства КПСС с работниками литературы и искусства Хрущев постарался в полной мере продемонстрировать номенклатурному слою свою корпоративную преданность, в том числе и посредством риторики с элементами антисемитизма. Даже такой тяготевший к сталинизму высокопоставленный чиновник, как первый секретарь МГК КПСС Н.Г. Егорычев, впоследствии утверждал, что эти встречи прошли «постыдно плохо, а сам Хрущев основательно подорвал свой авторитет среди творческой интеллигенции»[23].

По сути, Хрущев оказался заложником межеумочной позиции − «ни сталинизма, ни демократизации». Это окончательно «развело» власть с социально активной интеллигенцией, причем не только с либеральной, но и неопочвеннической. Приверженцы обоих этих направлений начали постепенно отмежевываться от бесплодной официальной идеологии, все более обособляясь в собственных идеологических катакомбах. С противоположных позиций они принялись подспудно оппонировать власти, которая, оказавшись на идеологической обочине, способна была реагировать на подобные «вольности» разве что следуя примитивному охранительному принципу «тащить и не пущать».

Между тем проблема свободного диалога власти и общества всегда стояла в Советском Союзе достаточно остро. Практиковавшиеся во второй половине 1950-х − первой половине 1960-х гг. публичные встречи высшего советского руководства с творческой элитой были чрезвычайно важны для нормального функционирования

[23] После XX съезда… Интервью с Н.Г. Егорычевым / О.Б. Небогин // Вопросы истории КПСС. 1991. № 5. С. 103.

советской системы. На них некоторые либерально настроенные интеллигенты пытались донести до власть имущих нелицеприятную правду и даже отваживались на осторожную критику. Однако их здравые суждения не были услышаны, потонув в куда более мощном потоке менторских речей «начальства» и льстиво вторивших ему «благонамеренных» литераторов и деятелей искусства. Поддержав публикацию некоторых антисталинистских произведений таких авторов, как Солженицын и Евтушенко, Хрущев сделал это не столько в осуждение недавних массовых бесчеловечных репрессий, сколько в сиюминутных интересах манипулирования высшей бюрократией. Причем, организуя жесткий цензурный прессинг таких олицетворявших «оттепель» писателей, как Эренбург и Гроссман. Хрущев вряд ли понимал, что тем самым самолично подрывает собственный курс на либеральное обновление страны, а значит, по сути, занимается политическим самоубийством. По злой иронии судьбы он осознал это только постфактум, когда, находясь уже не у дел, стал надиктовывать свои мемуары. Впрочем, лучше поздно, чем никогда…

Л.И. Шинкарев

Специальный отчет № 4 И. Ганзелки и М. Зикмунда о поездке по Советскому Союзу (1963–1964 гг.): судьба документа

Секретный Специальный отчет № 4 (СО-4) Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда о поездке по СССР в 1963–1964 гг., напечатанный на пишущей машинке в 12 экземплярах, был направлен авторами А. Новотному и Л.И. Брежневу (по договоренности с ними). Не предназначенный для печати, до сих пор не вышедший у нас отдельным изданием и не ставший объектом исследований, этот 173-страничный документ мало кому известен в России. Между тем, он представляет, по нашему мнению, исторический интерес, по крайней мере, в трех отношениях:

– как первая попытка бескомпромиссного комплексного анализа политико-экономической ситуации в СССР конца 1950-х – начала 1960-х годов, предпринятая профессионалами европейской, точнее чешской, экономической школы. И. Ганзелка и М. Зикмунд, в отличие от других зарубежных и даже советских коллег, использовали не только статистику, архивные материалы, печатные источники, но и опирались в большинстве случаев на собственные впечатления от двухлетнего путешествия по СССР. Их маршрут включал местности, почти не доступные (или ограниченно доступные) для других исследователей, в том числе советских;

– как работа зарубежных интеллектуалов, испытывавших уважение к советскому народу, к его истории и культурному наследию, понимавших роль СССР в цивилизационных процессах XX столетия, при этом знакомых с мировой практикой. Преодолев «железный занавес», объехав 76 стран Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Австралии, Океании, они имели возможность рассматривать ситуацию в СССР сквозь призму мирового опыта;

– как откровенный документ, предназначенный для информирования чехословацкого и советского руководства с целью показать, как на рубеже 1950-х – 1960-х годов в атмосфере эйфории, связанной, в том числе, и с отдельными социально-экономическими успехами СССР, стали проявляться усталость общества и беспомощность власти.

Авторы надеялись, что их анализ сложившейся системы, еще казавшейся нерушимой, но уже с очевидными признаками эрозии, даст властям в Москве и Праге толчок к размышлениям и, главное, к

практическим действиям по реформированию политических, экономических и социальных отношений.

Этого не случилось. В восприятии документа неизбежным было соприкосновение, как двух оголенных и находившихся под напряжением проводов, разных, несовместимых подходов. Эти подходы представляли:

с одной стороны, молодое чешское поколение, выросшее в гражданском обществе с богатой историей, воспитанное на демократических идеях Томаша Масарика; к этому поколению принадлежали, в частности, авторы СО-4 и чешские политики-реформаторы, критиковавшие сложившуюся в своей стране систему централизованного директивного планирования, искавшие способы преодоления ее недостатков;

с другой стороны, советское руководство, плоть от плоти тоталитарного государства с его тяжелым историческим наследием, «единственно верным учением», оторванностью от реальной жизни, сомнительной нравственностью.

Эта картина при всем ее неизбежном схематизме и упрощении, тем не менее, давала, на наш взгляд, ощущение неотвратимости «короткого замыкания».

Оно пришлось на начало «Пражской весны» и предшествовало танковому вторжению в Чехословакию. Последовавшие за ним «разряды» сокрушили многие надежды и ожидания, в том числе и замысел путешественников. Их личные судьбы были сломаны, но чудом уцелел машинописный документ, который остается в истории одной из первых в 1960-е годы попыток, вопреки общепринятым тогда официальным оценкам ситуации в СССР, глубоко и объективно разобраться в коренном вопросе: что происходит, когда над экономикой главенствует политика, и где выход.

Почему путешественники предварили книгу об СССР Специальным отчетом № 4

Автор настоящих заметок познакомился с И. Ганзелкой и М. Зикмундом семь месяцев спустя после того, как 13 сентября 1963 г. их «Татры» были переправлены на теплоходе «С. Орджоникидзе» из Японии в Находку и в обстановке сердечности всюду, где они появлялись («Здесь мы дома!» – изумлялись путешественники), началось их продолжительное, рассчитанное на пять лет, долгожданное странствие. По итогам поездки, курируемой Академией наук ЧССР и Ака-

демией наук СССР, путешественники предполагали собрать материал для пятитомной книги об СССР. Пользуясь возможностью самим намечать маршруты поездок, в том числе в «закрытые районы», за первые два года энтузиасты объехали Дальний Восток, Сибирь, Урал, прошли от Памира в Средней Азии до Крайнего Севера. На запланированных для дальнейших поездок территориях (четверть от всех, изначально намеченных) они предполагали побывать в 1967–1968 гг.

Приглашенный Ганзелкой и Зикмундом в поездку с ними на «Татрах-805» от Ангары до Енисея (1100 км.), встречаясь потом с путешественниками в Новосибирске, автор этих строк стал свидетелем энтузиазма, непредвзятости, добросовестности, с которыми они собирали материалы для правдивой книги об СССР.

Ганзелка и Зикмунд сочли важным, не дожидаясь окончания поездки, поделиться своими первыми наблюдениями с руководством Советского Союза и ЧССР. Отложив на время задуманные книги, фильмы, радиопередачи, они со всею искренностью принялись за служебную справку, за казавшийся им неотложным анализ явлений, их в странствии обеспокоивших.

Кто знал тогда, что впереди будет «Пражская весна», что оба войдут в ряды известных в Чехословакии демократических публицистов, глашатаев перемен, а с грохотом советских танков обоим путешественникам на 20 лет будет перекрыто возвращение к незавершенной работе?

Путешественники были в СССР четыре раза (1954, 1958, 1962, сентябрь 1963 – октябрь 1964 г.).

На приеме в Кремле в октябре 1964 г. по случаю завершения полета космического корабля «Восход» к находившимся среди гостей путешественникам подошел Л.И. Брежнев, в эти дни сменивший Н.С. Хрущева на посту Первого секретаря ЦК КПСС: «Я читал ваши секретные доклады по Западному Ириану*, Индонезии, Японии. Очень интересно. Когда же появится такой же откровенный анализ советской действительности? Надеюсь, вы пришлете мне и этот ваш “закрытый отчет”?»[1]

Оказалось, президент А. Новотный, которому Ганзелка и Зикмунд направляли секретные аналитические доклады, без ведома ав-

---

* Западный Ириан – западная часть острова Новая Гвинея, входящая в состав Индонезии (Прим. ред.).

[1] Беседа автора с И. Ганзелкой 27 июля 1989 г., г. Москва. (Аудиозапись). (Архив автора).

торов передавал их советскому руководству. «Мы, конечно, обещали, что Брежнев получит чешский текст доклада в переводе на русский язык и будет первым, кто познакомится с нашим анализом и предложениями. Они касались концепции развития советского общества, принципиальных структурных вопросов. Мы собирались изложить мысли о том, как освобождаться от хронических болезней вашей экономики, планирования, социальной жизни. И предупреждали, что это будет совсем откровенно и откровенно критично. Брежнев одобрил наши намерения. Он только начинал руководить страной и выглядел другим человеком по сравнению с тем, каким мы его узнали позже. "Если впечатление будет положительным, я вам напишу", – пообещал Брежнев. Мы возразили: нам интересней, если впечатления будут отрицательные. "Ладно, – согласился он, – я вас приглашу в Москву, мы уединимся на даче и обо всем поговорим"»[2].

Направляя А. Новотному экземпляр для пересылки Л.И. Брежневу (1965 г.), авторы писали в сопроводительном письме о желании, «чтобы наши самые близкие друзья знали точное содержание отчета, который касается именно их», и настоятельно просили: «Если отчет будет переводиться у нас, то мы хотели бы видеть перевод перед его отправкой в Москву. Если же перевод будет сделан в Москве, то просим как можно скорее направить нам один экземпляр. Мы знаем, что как у нас, так и в Москве, имеются квалифицированные переводчики, но, учитывая их большую загруженность, мы опасаемся некоторых неточностей. Мы очень заинтересованы, чтобы текст на русском языке был точным и адекватным по смыслу.

Основные факты, изложенные в этом отчете, мы совершенно откровенно обсудили в СССР с ответственными советскими товарищами – от руководящих работников райкомов и обкомов КПСС до руководителей партии, правительства, Академии наук или отдельных организаций. В отчете мы рассматриваем лишь явления, подтвержденные в этих беседах.

Что же касается подходов и соображений программного характера…, то из них мы обсудили лишь некоторые. Мы считаем, что будет правильным, если остальные предложения – наиболее ответственные – рассмотрит вначале Президиум партии (КПЧ. – *Л.Ш.*), так как они касаются вопросов совершенно принципиального значения. Если Президиум сочтет это целесообразным, мы с радостью примем

[2] Там же.

участие в обсуждении данного отчета с тем, чтобы дополнить и разъяснить все, что требуется»[3].

Отчет содержал введение (об условиях работы экспедиции в СССР) и семь разделов: 1. Впечатления и выводы за первый квартал работы в СССР; 2. Два основных периода развития СССР; 3. Нынешнее положение – результат исторического развития (критический раздел); 4. Комплексные выводы (общий взгляд на нынешнее положение); 5. Перспектива развития СССР по выводам экспедиции; 6. ЧССР и СССР – взаимные отношения, сопоставление исторической и современной специфики их развития; 7. Предложения и соображения.

Трудно понять, что́ вызвало раздраженную реакцию советского руководства, если не познакомить читателя хотя бы кратко, пунктирно, с текстом, который авторы, отчасти по тогдашним своим убеждениям, а отчасти для страховки (иногда излишней), сопровождали ссылками на работы В.И. Ленина. Они знали, с кем имеют дело, и не хотели непривычным для партаппаратчиков стилем насторожить московских и пражских функционеров.

Что открылось Иржи Ганзелке и Мирославу Зикмунду в поездке по Советскому Союзу

Объясняя, почему их внимание сосредоточено по преимуществу на проблемных моментах, составители отчета замечают, что если переносить на бумагу многочисленные положительные впечатления и фокусировать внимание адресатов только на них, то польза от этого была бы равносильна тому, как если бы они «возили дрова в лес». Авторов интересует «возникновение, утверждение, наличие и возможности устранения *тормозов* социалистического развития» (здесь и далее курсив мой. – *Л.Ш.*)[4].

Говоря о богатых природных и иных ресурсах СССР, о достижениях в экономике, в других жизненно важных сферах, авторы признают, что попали в лабиринт возникших у них вопросов, которые сводятся к пяти основным:

---

[3] Сопроводительное письмо И. Ганзелки и М. Зикмунда – А. Новотному. (Архив М. Зикмунда в г. Злине (Чешская Республика). Машинопись. Копия).

[4] *И. Ганзелка, М. Зикмунд*. Спецотчет № 4 . (Архив автора. Копия. С. 1–2). Приводимые в дальнейшем фрагменты из Спецотчета № 4 даны по этой же копии, переданной И. Ганзелкой и М. Зикмундом автору настоящей статьи в 1990 г.

– Что тормозит социалистическое развитие в СССР?
– Как возникли эти «тормоза»?
– Что их укрепило и придало им вид опасной естественности?
– Почему они до сих пор не устранены?
– Как их устранять?

В новейшей истории СССР они выделяют два периода: ленинский и сталинский (период деформации предыдущего, ленинского). Оценки авторами ведущих политических фигур страны первой половины XX в. сегодня выглядят хотя и не бесспорными, но в общем вошедшими в массовое сознание. Будем учитывать, что И. Ганзелка и М. Зикмунд формулировали свое отношение к политическим деятелям вскоре после XX съезда КПСС, более полувека назад. Опираясь на документы и свидетельства очевидцев, с которыми встречались, путешественники самостоятельно, одними из первых исследователей в начале 1960-х гг. определяли место той или иной фигуры в историческом процессе. С их оценками, по существу, совпадают позднейшие выводы советских историков и публицистов времен перестройки.

Ленинский тезис о возрастающей классовой борьбе, пишут авторы, был тесно связан с эрой военного коммунизма, с периодом 1919–1921 гг.; Ленин сам был против террора вплоть до покушения на него на заводе Михельсона; только тогда он призвал ответить на белый террор красным террором, но и это кровавое время продолжалось, по мнению авторов, лишь до 1921 г. и имело строгую направленность – «на защиту революции и народа, и никогда против народа»[5].

Сталинский период, подчеркивали авторы, «пока изучен и освещен лишь поверхностно и в общих чертах, для тактических нужд решения некоторых частных политических проблем». Проблематику культа этой личности, по их мнению, следует рассматривать во внутренних взаимосвязях, подходить к ней без драматизации и не ради достижения моментальных целей. «Серьезный научный и объективный анализ сталинского периода должен преследовать единственную цель: *создать такую автоматику действия общественных сил, которая обеспечила бы раз и навсегда постоянный иммунитет социалистического общества против любых рецидивов "культа"*»[6].

[5] Там же. С. 12.
[6] Там же. С. 16.

Учитывая, что тема Сталина для многих болезненна, «нет нужды в этом отчете заниматься его поведением, начиная с детских лет и школьных парт…». Хотя несомненно, что «характер, степень ментального и психического равновесия и личная жизнь вообще, естественно, могут пролить свет на множество роковых шагов Сталина…». Возможность и обязанность анализа и исторической оценки этой личности, считали авторы, лежит, прежде всего, на советских историках, психологах, специалистах по этике и, «по крайней мере, в заключительной фазе – также на психиатрах»[7].

Когда заходит речь о личности, которая в силу своего положения способна влиять на судьбы государства и мира, то не следует, говорится в работе, брать в расчет ее субъективные интересы. Решающим критерием должен быть объективный результат деятельности, проявляющийся в развитии общества. Жизнь в России «в течение столетий была обременена иконами: бог, царь, губернатор, офицер, чиновник, купец, дьячок – все они в соответствии с традицией, историческими навыками и по закону были наделены абсолютной властью над соответствующим кругом простых людей». Отсюда следует, что «каждый общественный деятель должен постоянно находиться под контролем самой широкой общественности» и перед нею, подчеркивают авторы, – именно *перед нею* отвечать «за каждый свой ответственный шаг»[8].

Вряд ли подобные утверждения были близки миропониманию Брежнева и его окружения, пришедших к высшей власти в те дни, когда Ганзелка и Зикмунд формулировали тезисы этого документа.

Следующий, «критический», раздел отчета, содержит анализ общественных явлений, с которыми путешественники столкнулись за время поездок по СССР, начиная с 1954 г. Речь о явлениях, не утративших актуальности и еще долго продолжавших тормозить развитие страны. Под лупой путешественников – экономика, услуги населению и торговля, транспорт, человеческие отношения и быт, а также «идеологический фронт», культура, искусство, наука (в том числе соотношение между общественными, естественными и точными науками).

Все существенные положения авторы, напомним, обсуждали «с ответственными товарищами из СССР» и при анализе обращаются

[7] Там же. С. 21.
[8] Там же. С. 23.

лишь к таким явлениям, «которые в результате всех дискуссий являются несомненными и доказанными».

В экономике их поразили «*бесхозяйственные растраты* материальных и людских ресурсов»; многие годы они являются объектом формальной критики, «которая в месте своего действительного проявления почти никого внутренне не беспокоит и не волнует», к ней относятся «как к само собой разумеющемуся или вообще никак не относятся… Ясно, что советское хозяйство опасно кровоточит, если столько машин на новых заводах простаивает и столько людей вокруг них суетится, или же бездействует, а предприятия докладывают в отчетах о *плановых* потерях. Каждый капиталист вылетел бы в трубу при таком дилетантстве и безразличии, какие имеют место, например, на заводе Амуркабель в Хабаровске. Руководящий работник на этом заводе говорит: “осваиваем”, но он говорит это уже пятый год...»[9].

Причину «огромного и играющего резко тормозящую роль экономического кровотечения в СССР» авторы видят, прежде всего, в устаревших принципах и бюрократически перегруженной *практике планирования*. Поскольку основные направления развития в плане определяются сверху, часто дилетантами, на основах скорее политических (пропагандистских), нежели экономических, это «убедительно опровергает представление о научности советского экономического планирования».

Пример – практика использования автомобиля «Волга». Срок эксплуатации машины (8 лет) определен без учета состояния дорог, пробега, возможностей сервиса и т.д. В результате одни машины становятся «пожирателями запасных частей», держатся на ходу сверхнапряжением человеческих усилий, а другие, хорошо сохранившиеся, подлежат списанию. Подобные примеры служат, с иронией пишут авторы, убедительным доказательством превосходства социализма над капитализмом: от такой практики капитализм давно бы погиб.

С недоуменным сочувствием Ганзелка и Зикмунд описывают, как сотни миллионов трудовых часов колхозники ежедневно просиживают утром на хозяйственных дворах, в ожидании дневных заданий, в то время пока их начальство спорит о том, как организовать в этот день работу. «Это происходит даже в таких образцовых колхозах, каким является, например, колхоз “Родина” в Алтайском крае».

---

[9] Там же. С. 24.

Интересно, что анализируются явления обычные, уже тривиальные в коллективном сознании, хорошо известные в ту пору советским исследователям и публицистам, однако не все отваживались писать о них, особенно в документах, направляемых высшему руководству, тем более формулировать выводы: «Внутреннее утомленное безразличие к общественному добру является прямым результатом сталинской системы, при которой "думали наверху", а человека "внизу" запугали при помощи физического и морального террора и заставили молчать в отношении самых крупных ошибок, именно когда они появлялись "наверху". Рядовой человек завоевывал доверие своих начальников скорее за счет согласия в отношении приказов сверху и за счет критики столь же бессильного соседа и товарища. Ответственность нельзя отделить от правомочий нигде и ни в чем. В результате разделения гибнет и то, и другое» [10].

Сфера услуг, оказываемых населению, и торговли в СССР, по наблюдениям авторов, соответствовала уровню слаборазвитых стран, а иногда не дотягивала и до этой планки. Продавцы освоили тон феодалов, пишут авторы, покупатели выступают в роли просителей и подданных. Система (подпольная, но прививашаяся) «услуга за услугу» является элементом первобытного общества с обменной торговлей.

Составителей отчета смущает уровень мышления разработчиков экономической политики, их недальновидное отношение к транспортным проблемам. Власти не способны осознать, что из-за крайне ограниченных возможностей воздушных, водных, железных, автомобильных дорог перспективные ресурсные районы находятся как будто в спячке. *Недоступные* богатства не являются богатством. Вспоминая, что в 1963 г. в Японии путешественники ехали на поезде со скоростью 210 км в час, они задаются вопросом: почему в СССР поезда дальнего следования (скорые) способны продвигаться только как транспорт начала XX века. Ежегодные прямые потери в результате неразвитой дорожной сети в СССР составляют около 3 млрд. новых рублей, а косвенные потери еще выше.

Другой пример: казахстанские степи ежегодно дают сельскохозяйственную продукцию примерно на 10 млрд. рублей. Только 10% потерь из-за бездорожья ежегодно составляет около миллиарда рублей. Вместе с другими потерями (преждевременная амортизация машинного парка и т.д.) годовые потери возрастают до 1 млрд. 200

[10] Там же. С. 47.

млн. рублей. Но на строительство новых дорог в этой местности государство отпустило в 1964 г. 6 млн. 800 тыс. рублей или 0, 068% стоимости производимой здесь сельскохозяйственной продукции. В результате бездорожья здесь потеряли примерно в 171 раз больше, чем было отпущено средств на дорожное строительство, призванное эти потери предотвратить. Такими подсчетами никто не занимался. Для министерства шоссейных дорог республики, пишут авторы, «наши приблизительные и импровизированные подсчеты были сюрпризом. Они восприняли их как ценную идею. Но мы не гордимся этим. Нам скорее обидно, что такой простой факт был для них открытием»[11].

Подобные откровения не часто встречались в трудах отечественных экономистов, в большинстве своем выражавших официальную позицию, отвечающую партийным решениям или выступлениям высших руководителей, озабоченных тогда, в соответствии с установками XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.), «переходом к развернутому строительству коммунизма».

Рассматривая проблему человеческих отношений, авторы обращаются к распространенной на Западе формуле о «*таинственной русской душе*». Встречаясь со множеством людей в центре и на периферии, они пришли к пониманию, что эта «загадочность» в достаточной мере надуманна. «Простой человек на Руси должен был в течение столетий стремиться создать путем терпения, жизненного опыта, мудростью и хитростью, скрывая чувства души своей, единственно возможный защитный барьер против произвола царя, губернатора, феодала, чиновника, офицера, купца. Он верил лишь своим самым близким друзьям и родным, жене и детям. После революции в ленинском СССР наблюдался огромный прилив социалистической демократии. Но после установления сталинских методов простой человек в интересах самосохранения начал вновь защищаться замкнутостью и молчанием даже перед самыми близкими ему людьми. Было много случаев, когда даже отец не мог вслух думать перед своим сыном, высказывать свои опасения и сомнения перед своей женой.

Несмотря на этот столетний опыт, простой советский человек является исключительно искренним, откровенным и настоящим. В области чувств он не знает компромиссов и хитростей, столь типичных для многих стран западного мира. У него сердце или на ладони, и тогда без оговорок, или же оно заперто на девять замков. Эти замки

[11] Там же. С. 63.

он откроет сам и сознательно, убедившись, что их можно открыть, или же они останутся закрытыми под тяжестью столетнего, уже наследственного страха, недоверия, осторожности и выработавшейся внутренней системы самозащиты. “Таинственность русской души” – это настоящая бессмыслица. Русская душа прозрачна до дна, но она покрыта ужасными рубцами столетнего опыта»[12].

Путешественники присматривались к *молодежи*, с которой связывали будущее страны через 10–20 лет. В отношении к ней чувствуется привкус обвинения или осуждения, при этом часто забывают, что молодежь такова, какой ее воспитали… Хотя власти пессимистично и возбужденно относятся к поведению молодых, они, по мнению авторов, забывают, что поколение, вступающее в жизнь, всегда критически воспринимает опыт отцов. У молодежи больше жизненной энергии, фантазии, смелости и «горячего желания внести немедленно, зачастую поспешно, свой собственный вклад в жизнь общества».

Наряду с этим явлением, «биологически почти закономерным», как бы к нему ни относиться, авторы уловили специфическую советскую особенность. Его откровенно выразил один из их собеседников-педагогов: «Задача нашего учителя – *произвести из всех материалов людей, отвечающих ГОСТам»*. При этом учителя так перегружены внешкольной работой, что их учебные программы «находятся в состоянии застоя», а в результате «средний интеллект учащихся выше среднего интеллекта учителей». Чувствуя это, учащиеся «ищут ответ на свои вопросы вне школы и вне комсомола, который не любит чрезмерно любопытных вопросов. Они обращаются поэтому к телевидению, кино, специальным журналам и, прежде всего, к дискуссиям… Однако, раньше или позже, произойдет *потрясение,* вызванное столкновением с реальной жизнью»[13].

По наблюдениям путешественников, часть молодежи теряет доверие к ответственным деятелям как к личностям, убеждаясь, что важные посты занимают не всегда «самые лучшие люди». В результате происходят столкновения между молодыми людьми и ответственными работниками. Но часто люди на верхних этажах власти «воспринимают и истолковывают это как столкновение с принципами, на которых зиждется государство».

---

[12] Там же. С. 70.
[13] Там же. С. 73.

В работе подчеркивается, что огромная идеологическая машина в СССР работает хотя и шумно, но однообразно и, главное, впустую, «поскольку не проникает в душу людей».

Указывая, что советская реальность, в том виде, как она сложилась, деформирует нормальные отношения между людьми, путешественники назвали и неизбежные последствия этого: стирается грань между правдой и ложью. Пережитые в 1930-е и более поздние годы массовые репрессии привносили в общественные отношения страх, лицемерие, притворство. А в сфере социальной и культурной вели к стагнации науки и искусства, установлению жесткой административной системы, монополии на информацию.

Спецотчет № 4, вместе с тем, содержит продуманную концепцию преобразования общества на демократических началах, многими моментами предваряющую программу горбачевской перестройки. Авторы выступают против абсолютного контроля за информацией о внешнем мире и плотного фильтра для внутренней информации. Факты засекречивались, говорится в отчете, под предлогом, что они могли быть использованы врагами. «Главным, кто не знал и не должен был знать этой правды, был советский народ. Это было фактическое *сокрытие правды перед собственным народом».*

В брежневские времена написать обо всем этом и к тому же адресовать написанное самому генсеку и его окружению фактически означало сунуть голову в пасть тигра.

Почему чиновники опасались встреч Ганзелки и Зикмунда с рядовыми гражданами

Хотя предмет нашего разговора – судьба конкретного документа, нелишне обратиться к условиям, в которых происходило знакомство путешественников с реальностями российской глубинки. Прекрасно говорившие по-русски, они просили сопровождавших их «сотрудников академических учреждений» не препятствовать общению с людьми, пусть даже случайными, встреченными на дорогах: ведь они журналисты. Однако сопровождающие делали все возможное, чтобы если не предотвращать, то сводить к минимуму незапланированные контакты, а главное, получать информацию – когда, с кем, о чем у путешественников были беседы. Слежка и контроль нередко велись топорно («по-медвежьи»), и уже в первые дни поездки по Приморью на этой почве стали возникать недоразумения.

По воспоминаниям академика В.А. Виноградова, назначенного руководителем Оперативной группы АН СССР по осуществлению поездки чехословацких путешественников, однажды Ганзелка и Зикмунд заметили, что едут по шоссе, свободному от других машин. Оказалось, что следовавшие впереди сотрудники ГАИ загоняли все машины на обочины. Путешественникам это было не по душе, они заявили протест.

«Второе недоразумение, – пишет Виноградов, – произошло в придорожной столовой. Зикмунд и Ганзелка заранее выразили желание пообедать в одной из таких столовых, назвали примерное время. Когда вошли в столовую, она оказалась пустой. Путешественники удивились. Но им объяснили, что обеденное время уже закончилось. Во время обеда в столовую никто не зашел. Заподозрив обман, Ганзелка пошел проверить дверь. Как он и предполагал, она оказалась запертой. Это их возмутило. В этом действии они усмотрели стремление помешать их возможным контактам с советскими людьми. В дальнейшем, обедая или ужиная в таких столовых, кто-то из них обязательно проверял, не заперты ли двери. Они все время подчеркивали, что хотели бы иметь больше времени и возможностей для общения с простыми рабочими, колхозниками, служащими»[14].

В центре, а часто и на местах, по сложившейся в структурах власти традиции к иностранцам относились с подозрением, приписывая им тайную цель – сбор секретной информации. Недоверие проявлялась не только к зарубежным визитерам, но и к собственному народу. Постоянные застолья и тосты «за дружбу» в отдельных случаях не могли замаскировать неискренность официальных речей и фальшь дежурных улыбок. Гости это, несомненно, чувствовали, и в этом – одна из причин, почему путешественников так тянуло к простым людям, искренним в своих проявлениях, а не проинструктированным властями встречать гостей «как надо». Естественность поведения всегда рождает ответные добрые чувства и к конкретным людям, и к народу в целом.

Оба чеха, люди в высшей степени деликатные, тонко чувствующие, в Спецотчете с еле заметной улыбкой отмечают, что приветствовали манеру своих проводников постоянно, а по возможности ежедневно информировать ЦК КПСС и МВД о путешественниках: «Регулярная и непосредственная информация ответственных работников в Москве о деятельности экспедиции была весьма целесооб-

[14] Там же. С. 87.

разной, учитывая, что участники экспедиции высказывали откровенно зачастую весьма критические соображения».

Отмечая с тою же улыбкой «отрицательные» моменты в организации поездки, особенно в начальный период, они относят к таковым «чрезмерное гостеприимство, большое количество формальных и повторяющихся выступлений довольно много "показухи", простоватую пропаганду и избитую черно-белую агитацию старого типа, шаблонный прием делегаций».

Представляя, с кем они имеют дело и как их отчет будут читать в Кремле, путешественники торопливо оговариваются, что эти явления «были всегда вызваны лишь *местной* инициативой, привычкой, отсутствием опыта или недостаточно широким кругозором, но ни в коем случае злым умыслом»[15].

Ситуацию проясняет Виноградов, которому ЦК КПСС поручил встретиться с путешественниками перед их отъездом на короткий срок из Москвы в Прагу в 1964 г. и в неофициальной обстановке «выяснить их планы использования многочисленных материалов, собранных во время путешествия по СССР».

По словам академика, поручение не было случайным: «Из краев, областей и республик в ЦК поступала информация, что чехословацкие путешественники не всегда правильно воспринимают нашу действительность, нередко высказывают поверхностные суждения, делают ошибочные выводы и т. д.».

За ужином в «Серой гостиной» Дома ученых 5 ноября 1964 г. во время разговора, который носил «очень откровенный характер», устроители встречи получили интересующую информацию. «Ганзелка и Зикмунд благодарили нас за помощь, постоянно оказывавшуюся во время путешествия».

Но академику Виноградову этого показалось мало: в заключительном тосте он «выразил надежду, что собранные путешественниками материалы никогда не будут использованы во вред советско-чехословацкой дружбе». «Когда я произнес эти слова, – вспоминает Виноградов, – Иржи Ганзелка вскочил и заявил, что он не ожидал услышать от меня такие слова и если бы не наши дружеские отношения, то он никогда больше не подал бы мне руки. Я сказал, что он меня неправильно понял…»[16].

---

[15] Там же.

[16] *Виноградов В.А.* Мой XX век. Воспоминания. М., 2003 г. С. 204.

Сопровождавшие Ганзелку и Зикмунда в их поездках местные чиновники посылали подробные «отчеты» в Академию наук СССР, а главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик Н.М. Сисакян направлял копии заинтересованным сторонам, включая руководство КГБ при Совете министров СССР, начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР маршала С.С. Бирюзова и др.

Как поняли путешественников Брежнев и его окружение

Итак, на протяжении полутора лет (1963-1964 гг.) Ганзелка и Зикмунд собирали материал и четыре месяца писали секретный текст для высших эшелонов власти, работая неутомимо, добиваясь точности, как если бы это было главным делом их жизни. Экземпляр № 1 они передали А. Новотному; он не раз перечитывал отчет, делал пометки, а отправлять второй экземпляр по каналам правительственной связи в Москву не торопился. Он уважал авторов, но лежавший перед ним анализ советской действительности был неожидан, ничего подобного он не читал и мучительно гадал, какой может быть реакция Леонида Ильича; не подумают ли в Кремле, получив документ из его рук, что он разделяет выводы путешественников. Ему не хотелось, да и небезопасно было, представать перед Москвой критиком советской действительности.

По всему чувствовалось, что Новотный вряд ли решится передать Брежневу документ. «Может быть, нам самим попытаться сделать это?» – спросили Новотного путешественники. «Ну, конечно! – с облегчением согласился он. – Пусть товарищ Брежнев, раз он вас просил, получит отчет из ваших рук»[17].

Возник вариант отправить материал по каналам посольства СССР в Праге. Но что-то удерживало Ганзелку и Зикмунда от такого посредничества. Не ясно было, как к документу отнесутся советские дипломаты, в каком переводе и с какими комментариями отчет будет отправлен. Путешественники попросили Новотного сделать перевод силами чехословацкой стороны. За перевод взялся Ян Сынек, их добрый знакомый, сотрудник международного отдела ЦК КПЧ, сын расстрелянного гитлеровцами известного чешского антифашиста.

Время шло, Новотный отмалчивался. И тогда Ганзелка с пражского почтамта послал телеграмму: «Москва, Кремль, Брежневу.

[17] *И. Ганзелка, М. Зикмунд.* Спецотчет № 4. С. 21.

Доклад подготовлен, просим сообщить, когда и каким образом передать…».

На следующий день Зикмунд из Готвальдова (ныне г. Злин) приехал к Ганзелке в Прагу. Неожиданно к ним нагрянул второй человек в посольстве СССР в Чехословакии советник-посланник И.И. Удальцов: «Вы что себе позволяете?! Вы должны были прийти в посольство, мы бы послали шифровку в Москву». В ответ он услышал: «Если бы мы пришли в ваше посольство, Брежнев нашу телеграмму не получил бы никогда»[18].

В посольстве такого не прощают.

А ответа из Москвы все не было.

Весной 1966 г. Ганзелка позвонил Зикмунду: из Дворца съездов сообщили, что, оказывается, Брежнев уже дней пять находится в Праге, через час его везут в аэропорт. Нужно срочно передать ему рукопись. Ганзелка задыхался: «Столько дней в Чехословакии и позвонить в последний час, будто мы его холопы! Ходить на кабана у него есть время! Я не хочу с ним встречаться…». «Ирко, Ирко, – сказал я, – подожди, не кипятись. Все-таки пойди, вручи ему папку, но дай понять, чтó мы об этом думаем»[19].

Ганзелка поехал во Дворец съездов, Брежнев принял папку, как ни в чем не бывало, повторив, что непременно прочтет, пригласит для разговора. Не хочется гадать, но весьма возможно, прочти Брежнев эту рукопись вдумчиво, перестройка в СССР началась бы раньше, чем к власти пришел М.С. Горбачев. Но читать Брежнев не любил, да и времени не было. Он передаст папку с рукописью своим помощникам, а те будут читать в состоянии шока: с таким откровенным и глубоким взглядом на внутреннее и внешнее положение СССР им еще встречаться не приходилось. Они могли шептаться о тех же проблемах между собой, как о большой государственной тайне, но чтобы журналисты! да еще иностранцы! такое увидели! И им – на вершине власти! – на эти вещи открывали глаза! Это было недопустимо.

Путешественники представления не имели, какая суета началась вокруг их имен. Уловив настроение в московских «верхах», советское посольство в Праге теперь отслеживало каждый шаг Ганзелки и Зикмунда, вчитываясь в их публикации, искало скрытый смысл

---

[18] Беседа автора с И. Ганзелкой 6 января 1990 г., г. Прага. (Аудиозапись). (Архив автора).

[19] Там же.

между строк, чтобы окончательно дискредитировать чехословацких путешественников в глазах московского руководства. Так, 6 июня 1968 г. посольство направило в ЦК КПСС за подписью посла С.В. Червоненко переводы статей Ганзелки и Зикмунда о поездке по Советскому Союзу, опубликованных в газете «Млада фронта» и журнале «Свет Совету». Посольство сочтет, что эти публикации «носят недружественный характер». По мнению дипломатов, следовало подготовить и опубликовать в советской печати аргументированный и обстоятельный ответ «на эти выпады против КПСС и советского социалистического строя». Не все, однако, потеряли голову. Критика в адрес известных в СССР и в мире путешественников могла вызвать протесты правозащитников, либеральной интеллигенции, части населения, которая встречала Ганзелку и Зикмунда, прониклась к ним симпатией. Кому это надо? И в ЦК сочли разумным «пока не реагировать».

До военного вторжения оставалось 57 дней...

Помощники Брежнева, знакомые с оценками советского посольства в Праге, тоже сочли документ «антисоветским». Для функционеров это была команда: «ату!». Как вспоминает Иржи Ганзелка, «еще недавно работники ЦК КПСС (Колесников, Громов, Удальцов), связанные с Чехословакией, относились к нам с очень искренней дружбой. В 1967 г. мы с моим другом с семьями полетели на отдых в Крым и по пути сделали остановку в Москве. Я встретил Колесникова и Удальцова. И не мог поверить глазам. Ледяные лица! На мое приветствие даже не кивнули. Как будто не они когда-то с двух сторон обнимали меня. Я по привычке спрашиваю: “Что случилось, скажите!” – “Ничего не случилось”. И снова ледяные лица»[20].

Но еще раньше, весной, не понимая, что происходит, ощущая, как вокруг них сгущается вязкая, неприятная атмосфера, Ганзелка и Зикмунд пишут письмо Брежневу. Позднее Зикмунд передаст мне копию. С его разрешения публикую текст письма с небольшими сокращениями:

«Дорогой и уважаемый Леонид Ильич! Приблизительно два года тому назад в последний день [работы] XIII съезда КПЧ мы по вашему желанию, высказанному в октябре 1964 г. в Москве, передали вам Спецотчет № 4. Вы сказали, что не позже, чем через три месяца либо письменно сообщите свое мнение, либо – если материал

[20] Беседа автора с М. Зикмундом 3 октября 1990 г., г. Готвальдов (Злин). (Аудиозапись). (Архив автора).

окажется интересным – пригласите нас к себе на дачу, чтобы поговорить в спокойной обстановке, вдали от телефонов и каждодневных забот. До настоящего времени мы не получили ни письма, ни приглашения. Наоборот, замечаем явления, для нас совершенно неожиданные.

1. После передачи материала начал исчезать по отношению к нам дружеский тон официальных советских инстанций. Нам весьма искусно не дали возможности участвовать в открытии выставки наших фотографий в Москве. Нас перестали приглашать в советское посольство в Праге, старые друзья из числа должностных лиц прекратили с нами связь. Мы для них стали подозрительными и даже врагами СССР.

2. Работники аппарата ЦК КПСС (например, С.И. Колесников и др.) распространяют в Москве и Праге слухи, что мы написали антисоветский памфлет (подразумевается наш Спецотчет, переданный лично вам!). Они признаются, что сами не читали. Следовательно, налицо инспирированная и умышленно организованная против нас кампания.

3. Мы понимаем, что люди с ограниченным кругозором и упрощенным мышлением считают своими друзьями лишь льстецов. Однако эти люди распространяют свои извращенные суждения, прикрываясь именем и авторитетом представляемого ими учреждения (в данном случае ЦК КПСС).

4. Тем самым они препятствуют окончанию нашей работы в СССР (у нас запланирована еще шестимесячная поездка по западным областям, после чего мы могли бы приступить к литературной обработке материала в целом). И те же самые люди упрекают нас – опять же, не в глаза, а за нашей спиной – в том, что мы изменили Советскому Союзу и больше не желаем о нем писать.

Мы уверены, что вы как Генеральный секретарь ЦК КПСС найдете возможность, несмотря на занятость более важными делами, осуществить то, что предложили нам при получении Особого отчета в Праге. Мы просим вас об этом со всей серьезностью.

В СССР нас всегда окружала атмосфера искренней дружбы. Она была основным условием успешной работы. Поскольку вы, уважаемый Леонид Ильич, нашли в нашем отчете доказательства такого отношения и с нашей стороны, вы, несомненно, найдете способ, как выбить клин недоверия и подозрительности, вбитый интриганами между советской общественностью и нами.

Уверены, что у вас нет оснований сомневаться в том, что при составлении отчета, как и при написании этого письма, мы не руководствуемся какими-либо личными соображениями. Если бы нам не были дороги судьбы наших ближайших друзей, мы бы остались только приятными гостями и хвалили бы все и вся, как это обычно делается в застольных тостах.

В течение многих лет чиновники в СССР привыкли принимать гостей, готовых все хвалить и со всем соглашаться. Мы понимаем, тяжело привыкать к друзьям, которые хотят дружбе служить, а не прислуживать. Пора и у вас, и у нас быть осторожнее с друзьями, у которых на устах только приятные слова.

Уважаемый Леонид Ильич, мы просим вас ответить нам прямо, без посредников. Мы верим, что проделанная работа дает нам право на такую просьбу, тем более что мы обращаемся с ней после почти двух нелегких лет ожидания.

Искренне, как всегда, жмем руку и с нетерпением ждем ответа.

Ваши Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд.

Примечание: до конца марта мы в Праге, затем 4-5 недель работаем на Цейлоне. Адрес: Посольство ЧССР, Коломбо. Вернуться в Прагу надеемся до середины мая»[21].

Подготовить заключение о рукописи Ганзелки и Зикмунда поручили двум отделам ЦК КПСС – отделу пропаганды и отделу по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Полторы страницы текста были готовы только к июлю 1968 г., в самый разгар политической кампании против чехословацких реформаторов, когда в штабах стран Варшавского Договора уже по картам прокладывали маршруты дивизий для предстоящего броска.

Вот фрагменты этого заключения:

«Особый отчет № 4, написанный Ганзелкой и Зикмундом в декабре 1964 – марте 1965 г. и направленный в ЦК КПЧ, а также в адрес тов. Л.И. Брежнева в порядке информации, посвящен целиком внутреннему положению СССР и содержит впечатления от их неоднократных поездок по Советскому Союзу… Судя по его содержанию, изложенному на 173 страницах, Ганзелка и Зикмунд явно претендуют на роль беспристрастных исследователей всего периода развития советского государства, его политики и различных сторон современной

[21] Письмо И. Ганзелки и М. Зикмунда Л.И. Брежневу от 18 марта 1968 г. (Архив автора. Ксерокопия).

жизни советского народа. Весь отчет составлен в остро критическом духе, выдержан в поучающих назидательных тонах. В ряде мест он носит открыто недружественный и клеветнический характер по отношению к нашему строю и советским людям. Об этом, в частности, свидетельствует рассуждение авторов о "навыках сталинского периода, которые весьма упорно продолжают существовать". Они утверждают, что в СССР до сих пор сохранилось от сталинской эпохи отчуждение руководителей от масс, привилегии, чиновничья иерархия, что область человеческих отношений социалистического общества в СССР "является, очевидно, одной из наиболее глубоко и трагично отмеченной сталинским периодом". Народ, – пишут они, – разучился в долгий период сталинского террора под воздействием произвола органов безопасности верить именно этому методу, методу выступлений, деклараций, призывов, кодексов, наставлений и убеждений сверху". "Средние и местные руководящие кадры, – подчеркивается в отчете, – руководимые привычкой и показателями выполнения производственных планов, хотя и повторяют весьма часто "все для человека", но в ежедневной практике рассматривают человека, прежде всего, как составную часть производственного процесса, причем со старых, нетворческих, антинаучных позиций". Говоря о состоянии экономики СССР, Ганзелка и Зикмунд пишут: "советское хозяйство опасно кровоточит".

Все эти факты преподносятся авторами отчета не как отдельные явления, а как общая система, присущая нашему строю. Характеризуя это как "узкую концепцию социализма", Ганзелка и Зикмунд призывают перейти к "широкой концепции социализма", которая дает полную возможность прямого активного участия самых широких слоев народа в решении основных вопросов, фактически передает всю власть широким народным массам, "активизирует все творческие силы народа".

Недавно Ганзелка выступил в печати еще с одним заявлением (например, беседа в журнале "Свет Совету" № 20, 1968 г.), которое выдержано в таком же тенденциозном недружественном духе»[22].

В сопроводительном письме к подготовленному Заключению заведующий отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран К.В. Русаков и заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС В.И. Степаков констатировали: «В

[22] Российский государственный архив новейшей истории (далее - РГАНИ). Ф. 5. Оп. 7. Д. 56. Л. 3.

указанном отчете Ганзелка и Зикмунд грубо извращают некоторые периоды истории и современного развития Советского Союза, допускают клеветнические измышления в отношении социалистической системы и КПСС. Несмотря на то, что Ганзелка и Зикмунд, передавая свой отчет в ЦК КПЧ и ЦК КПСС, подчеркивали его секретный и доверительный характер, они, как объявила газета "Млада фронта", дали согласие на публикацию отчета в печати. 18 и 19 мая с.г. этой газетой была почти полностью опубликована 2-я глава отчета ("Два основных периода развития СССР"), в которой наряду со многими другими измышлениями проводится мысль о том, что в Советском Союзе до сих пор не устранены "деформации" сталинского периода из партийной и общественной жизни. Антисоветские измышления содержатся также в беседе с Ганзелкой и другими, опубликованной 14 мая с.г. журналом "Свет Совету".

Бывший посол ЧССР в Советском Союзе т. О. Павловский в беседе с совпослом в ЧССР т. Червоненко (тел. № спец. 695–697 от 6 мая с.г.) поставил вопрос о целесообразности приглашения в СССР в этом году Ганзелки и Зикмунда и о приеме их для беседы в ЦК КПСС. Сами Ганзелка и Зикмунд обратились в ЦК КПСС с письмом, в котором также ставят вопрос о приезде в Москву и беседе в ЦК КПСС по поводу их отчета.

Считали бы целесообразным внести следующие предложения.

1. Учитывая нынешнюю позицию Ганзелки и Зикмунда, опубликовавших составленный в тенденциозном духе "закрытый" отчет о поездке в Советский Союз, от приглашения их в Москву воздержаться.

2. Поручить МИД СССР через посла ЧССР в СССР т. В. Коуцкого обратить внимание чехословацкой стороны на опубликование в печати отчета Ганзелки и Зикмунда, а также выступлений Ганзелки с тенденциозным недружественным освещением фактов, относящихся к жизни Советского Союза и клеветническими выпадами против политики КПСС, подчеркнув, что такие выступления противоречат интересам советско-чехословацкой дружбы.

3. Поручить Агентству Печати Новости (т. Бурков) и редакции "Литературной газеты" (т. Чаковский) подготовить статьи по поводу антисоветских выступлений Ганзелки и представить предложения в ЦК КПСС о их публикации в советской и зарубежной печати.

4. С МИД СССР (т. Кузнецов В.В.) пункт 2 настоящих предложений согласован.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зав. Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран К. Русаков,

Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС В. Степаков. 11 июля 1968 года» [23].

Руководство ЦК КПСС согласилось с предложениями Русакова и Степакова. Дорога в Советский Союз Иржи Ганзелке и Мирославу Зикмунду была перекрыта. Тысячи страниц документов, записей, набросков, битком набитые ящики фото- и киноматериалов о самом важном в их жизни путешествии, в таких масштабах никому до сих пор не удававшемся, навсегда остались в их архиве.

История публикаций: Шайнфельд – Прага – Хабаровск – Москва

С тех пор, как И. Ганзелка и М. Зикмунд завершили работу над Спецотчетом (февраль1965 г.), бурные события в Восточной Европе, прежде всего, оккупация Чехословакии в 1968 г., почти на четверть века отодвинули возможность публикации рукописи. В годы «нормализации» оба путешественника подвергались преследованиям. Ганзелка зарабатывал на жизнь садовником, Зикмунд – переводами материалов, изредка печатавшихся под чужими именами. В 1989 году их друзьям удалось тайно переправить копию их рукописи через границу в Баварию, в городок Шайнфельд (Scheinfeld), в Центр документации чехословацкой литературы, где был создан архив «самиздатовских» изданий. К рукописи прилагалось предисловие Мирослава Галушки и послесловие Милана Шимечки («Траурная новость»), впервые опубликованное в подпольном писательском ежемесячнике в ноябре 1987 года[24].

Несколько экземпляров рукописного издания в Шайнфельде М. Зикмунду удалось перевезти в Прагу «для внутреннего потребления».

С избранием в 1989 г. на президентский пост в Чехословакии В. Гавела, давнего друга путешественников, выходящий в Праге на чешском языке ежемесячник «Советская литература» печатает Спецотчет № 4 тремя частями – в марте, апреле, мае 1990 г., за три месяца до выхода книжного издания[25].

---

[23] Там же. Л. 6.

[24] Zvlášní zpráva. Č. 4. Předluva. I ć.

[25] Sovětskaja literatura. Praha, 1990. Č. 1,2,3.

В 1990 г. Народное издательство в Праге впервые официально издает Спецотчет № 4 отдельной книгой с предисловием Милана Шимечки «Каждая страница с красным грифом секретности». Тираж книги (92 тыс.экз.) очень быстро разошелся[26].

Так же коротка история публикации рукописи и фрагментов из нее в СССР.

В августе 1989 г., находясь в Москве, И. Ганзелка встретился с редакцией журнала «Северные просторы», с его согласия Анна Алексеевна Капица познакомила редакцию с хранившейся у нее четверть века рукописью (как она попала в семью П.Л. Капицы – ниже). В первом (январь–февраль) номере за 1990-й год журналу удалось опубликовать из Спецотчета небольшой фрагмент[27].

В том же 1989 г. И. Ганзелка передал копию рукописи автору статьи, а в 1990 г. М. Зикмунд послал копию почтой в Хабаровск другу путешественников В.С. Сысоеву, писателю и тигролову, сопровождавшему их в поездке по краю. В.С. Сысоеву удалось опубликовать Спецотчет № 4 с кратким своим предисловием «Рядом с Ганзелкой и Зикмундом» в двух номерах журнала «Дальний Восток» (№№ 6 и 7 за 1991 г.)[28].

В том же году фрагменты Спецотчета и комментарии к ним опубликовала в Москве газета «Совершенно секретно».[29].

О других зарубежных изданиях ни М. Зикмунду, с которым мы поддерживаем связь, ни Музею И. Ганзелки и М. Зикмунда в Злине не известно[30].

Первые читатели рукописи в России – П.Л. Капица и А.Д. Сахаров

Еще в 1964 г., будучи в Москве по пути в Прагу, И. Ганзелка и М. Зикмунд встречались с академиком Петром Леонидовичем Капицей и его женой Анной Алексеевной, которые в ту пору принадлежали к узкому кругу советской элиты, отличались независимыми взглядами и

[26] Ibidem. Č. 3.

[27] Северные просторы. 1990 г. № 1.

[28] *Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд.* «Совершенно секретно». Предисловие В.С. Сысоева «Рядом с Ганзелкой и Зикмундом» // Дальний Восток (г. Хабаровск). 1991. №№ 6, 7.

[29] *Леонид Шинкарев.* Секретный отчет // Совершенно секретно. 1991. № 9.

[30] И. Ганзелка умер в Южной Чехии, в городке Тршебони, в феврале 2008 г.

пользовались высочайшим уважением мировой научной общественности. Путешественники знали, что великий физик по принципиальным соображениям отказался участвовать в разработках, направленных на создание атомного оружия, чем вызвал крайне настороженное отношение властей. П.Л. Капица был, вероятно, первым из советских ученых, кто на антифашистском митинге в Колонном зале Дома Союзов в октябре 1941 г. отважился публично предупредить об опасности, связанной с возможностью создания атомного оружия. Впоследствии из-за конфликта с Л.П. Берией ученый был уволен с работы и подвергнут опале.

Великий гуманист, человек большого ума, он произвел огромное впечатление на чехословацких путешественников. Симпатия и доверие были взаимными. И. Ганзелка и М. Зикмунд нашли возможность тайно передать П.Л. Капице Спецотчет № 4.

Видимо, глубина анализа ситуации в СССР произвела на П.Л. Капицу такое сильное впечатление, что он посчитал важным поделиться прочитанным с академиком А.Д. Сахаровым. «Во время наших встреч, – вспоминал Сахаров, – Капица показал мне рукопись книги известных путешественников Ганзелки и Зикмунда о путешествии по СССР, присланную ему авторами. Их богато иллюстрированные фотографиями книги о путешествиях в Африку, Южную Америку и другие страны много издавались в СССР, но тут "вышла осечка". Хотя книга написана с большой симпатией к нашей стране, но в силу многих откровенных замечаний и наблюдений таких сторон жизни, которые обычно не попадают в поле зрения туристов, а нам – примелькались, она оказалась неприемлемой для цензуры. Ганзелка и Зикмунд пишут о непостижимом расточительстве, в особенности по отношению к природным ресурсам и продуктам людского труда, о том, как под колесами тяжелых грузовиков превращается в пыль антрацит, которого хватило бы на всю Чехословакию, об армиях партийных чиновников, их некомпетентности. Поездка Ганзелки и Зикмунда пришлась на момент отставки Хрущева; с сарказмом пишут они, как "чиновники выстраивались в очередь для присяги новому руководству". В какой-то форме фактически Ганзелка и Зикмунд пишут о закрытости страны, об ее информационной глухоте и немоте. Из их книги я заимствовал сравнение нашей страны с автомобилистом, одновременно нажимающим на газ и на тормоз»[31].

[31] *Андрей Сахаров.* Воспоминания: в двух томах. Том первый. М., 1996 г. С. 418.

Уместно сказать, что в 1989 г. Анна Алексеевна Капица, пользуясь знакомством А.Н. Яковлевым, одним из видных партийных функционеров, добилась поручения Академии наук СССР пригласить И. Ганзелку в Москву. Анна Алексеевна и Иржи Ганзелка встречались на квартире академика, в его лаборатории-музее, он был в редакции «Известий», виделся с Евгением Евтушенко, Леном Карпинским. Автору этих строк выпало сопровождать И. Ганзелку на Новодевичье кладбище, к могиле Петра Леонидовича.

Вместе с А.Д. Сахаровым П.Л. Капица многое сделал, чтобы о Спецотчете № 4, который власти пытались скрыть от советской общественности, узнали близкие им люди, олицетворявшие собой совесть российской науки и культуры.

Перед читавшими был документ, являвшийся продуманным, аргументированным диагнозом хронической болезни общественно-политической системы СССР с реальными предложениями выхода из тупика, из которого, как многим казалось, выхода не было.

В официальной Москве вспомнят путешественников 23 августа 1968 г., когда в Кремль привезут чехословацких реформаторов «для переговоров» с советским руководством во главе с Брежневым. Речь зайдет о проходившем тогда в Праге подпольном съезде, избравшем руководящие органы партии. Цитирую фрагмент протокола:

«*Брежнев.* Товарищ Биляк, по сообщениям, в новый Центральный Комитет избраны 12 авторов "2000 слов". Можно себе представить атмосферу.

Подгорный. И Ганзелка, наверное, избран.

Брежнев. Этот чешский миллионер, который за счет чешского народа, за счет других стран и за счет нашей страны совершил экзотическую поездку и разбогател. Ему мало было денег...»[32].

Но это уже не о Спецотчете № 4 и его авторах, а только об интеллектуальном уровне хозяев Кремля, у которых не нашлось времени эти 173 страницы *прочитать*.

[32] РГАНИ. Ф.89. Оп. 38. Д. 57. Л. 108.

И.И. Орлик

Восточная Европа в политике Запада в 1960-е годы: новые тенденции. Историческая ретроспектива

1960-е гг. ознаменовались появлением новых черт во внутренней жизни Советского Союза и других социалистических стран. Изменения наблюдались и в их внешней политике, в активных выступлениях за мирное сосуществование государств двух систем.

Все эти новации, получившие в публицистике определение «оттепель», были не только замечены на Западе, но и определили некоторую корректировку политики западных держав в отношении СССР и его союзников, прежде всего, стран Восточной Европы. Наметился, пусть робкий, отход от жесткого противостояния между Востоком и Западом. Сторонники угрожающих социалистическим странам доктрин «сдерживания» и «освобождения», анализируя новую ситуацию, постепенно пришли к выводу, что после XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 г., и развенчания культа личности Сталина советская система претерпевает существенные изменения. По мнению западных экспертов, советская внешняя политика приняла более оборонительный характер, чем недавняя «экспансионистская».

Отсюда наиболее дальновидные западные аналитики делали вывод, что у США и СССР появился ряд общих интересов и, прежде всего, обоюдная заинтересованность в том, чтобы выжить в наступившем ядерном веке.

Однако единства в подходе к изменению политики Запада не было. В поисках новой стратегии шла острая борьба между силами, выступавшими за смягчение политики в отношении стран социализма и крайне правыми элементами, которые продолжали выступать с позиции доктрины «освобождения».

Многие представители правящих кругов западноевропейских стран предпочитали воздерживаться от шагов, которые могли привести к еще большему обострению напряженности в Европе. В связи с этим они высказывались за постепенную нормализацию отношений с восточноевропейскими социалистическими странами. Да и в Соединенных Штатах росло число сторонников изменения политики в отношении Восточной Европы.

Им, как в США, так и в Западной Европе противостояли крайне правые силы, придерживавшиеся старой, жесткой политики в отношении стран социализма и отстаивавшие основные положения доктрины «освобождения». Между сторонниками этих полярных то-

чек зрения подчас возникали довольно острые конфликты, как это, например, было в Соединенных Штатах во время избирательной кампании 1960 г. Именно тогда кандидат на пост президента от Демократической партии Дж. Кеннеди, критикуя политику правительства Д. Эйзенхауэра в отношении восточноевропейских стран, выдвинул идею «мирного наступления» в Восточной Европе. В речи 2 октября 1960 г. в Чикаго на конгрессе американцев польского происхождения Кеннеди изложил некоторые основные пункты политики, которую намеревались проводить демократы. Она предусматривала дифференцированный подход к странам Восточной Европы; пересмотр закона Бэттла, запрещавшего торговлю с коммунистическими странами; оказание экономической помощи тем странам Восточной Европы, которые проявят готовность ослабить свои связи с СССР[1]. Некоторые из этих положений Кеннеди обосновывал еще раньше, в частности в речи о целях Соединенных Штатов в отношении Восточной Европы, произнесенной в Сенате 21 августа 1957 г.[2] Предложения Кеннеди в значительной мере основывались на тех рекомендациях, которые были разработаны Комиссией по иностранным делам Сената США, возглавлявшейся сенатором-демократом Дж. Фулбрайтом. Они отражали противоречивость двух направлений политики в отношении стран социализма: открыто агрессивного, в духе старых методов «освобождения», и еще не оформившегося курса «мирного наступления». В них содержались, с одной стороны, оправдание политики Эйзенхауэра, с другой, – вынужденные признания бесперспективности политики «освобождения».

Реальное соотношение сил заставило таких видных идеологов внешней политики США, как Р. Страус-Хюпе, У. Кинтнер, С. Поссони, которые «обосновывали» политику Запада в отношении социализма, заняться разработкой новой стратегии. Составляя специальную программу действий, отражавшую внешнеполитическую стратегию в отношении социалистических стран, они стали концентрировать внимание на «экономических и психологических» операциях, «культурных связях», расширении деятельности радиостанции «Го-

[1] J.F. Kennedy and Poland. Selection of Documents. 1948–1963. N.Y., 1964. P. 71.
[2] Ibid. P. 32; *J. Kennedy.* The Strategy of Peace. N.Y., 1960. P. 85.

лос Америки» и других средствах «воздействия на страны Восточной Европы»[3].

В течение 1960 г. и особенно первой половины 1961 г. (после прихода к власти Кеннеди) в официальных правительственных органах США и во многих исследовательских центрах при университетах разрабатывались различные варианты новой доктрины, призванной стать основой политики в отношении стран Восточной Европы. Характерной чертой большинства вариантов было признание тезиса Кеннеди о дифференцированном подходе к социалистическим странам. Восточноевропейские страны были разделены на две группы: «отрываемые» (от советского блока. – *И.О.*) (eruptible) и «неотрываемые» (noneruptible)[4]. Румыния, Венгрия, Польша и ГДР, согласно этой классификации, относились к первой группе, так как они отличались более сильными традиционными связями с Западной Европой и в силу этого их было легче «оторвать» от социализма. Примерно такой же классификации придерживались автор книги «Советский блок» З. Бжезинский[5] и некоторые другие американские международники, занимавшиеся проблемами внешней политики западных держав в отношении стран социализма.

Наиболее полно новая концепция политики в отношении Восточной Европы была изложена в июле 1961 г. в журнале «Форин эффеарс». Как в свое время статья Д. Кеннана на страницах этого журнала представила общественности доктрину «сдерживания», так и сейчас в статье З. Бжезинского и В. Гриффитса, наряду с признанием провала доктрины «освобождения», обосновывались надежды на новую политику. Она получила название «мирного вовлечения» (peaceful engagement) Восточной Европы в «свободный мир»[6].

Отмечая, что «Соединенные Штаты никогда не имели реалистической и эффективной внешней политики в отношении Восточной Европы», авторы статьи уже не призывали ее население к организации контрреволюционных мятежей и военных переворотов. Их программа обосновывала возможность с помощью «мирного вовлечения» добиться раскола в лагере социализма, «преобразования существующих режимов» и т.п.

---

[3] *R. Strausz-Hupé, W. Kintner and S. Possony.* A Forward Strategy for America. N.Y., 1961.

[4] US News and World Report. 26.IX.1960.

[5] *Z. Brzezinsky.* The Soviet Blok. Cambridge, 1960.

[6] Foreign Affairs. July 1961.

Новая внешнеполитическая доктрина Соединенных Штатов в то же время должна была стать основой общей политики Запада в отношении социалистических стран. По сравнению с доктриной «освобождения», которая была направлена против всего социалистического мира, рамки новой концепции были сужены: она распространялась только на Восточную Европу.

Провозглашение доктрины «мирного вовлечения» Восточной Европы (ее принципы излагались не раз в официальных выступлениях президента Кеннеди) не означало еще действительного изменения американской политики. Всякий раз, когда в конгрессе обсуждались вопросы установления и расширения связей с социалистическими странами, крайне правые силы выступали против каких-либо «либеральных» мер. И хотя в годы президентства Кеннеди были предприняты некоторые практические шаги по улучшению отношений с Восточной Европой, в целом американская политика продолжала оставаться такой же, как и при Эйзенхауэре. Однако сам факт официального провозглашения президентом Кеннеди необходимости изменений в этой сфере имел большое значение, так как мог оказать – а впоследствии и оказал – влияние на другие страны Запада. Кроме того, определенная часть правящих кругов США продемонстрировала стремление пересмотреть старую политику и наметить, хотя бы в общих чертах, путь для разработки и проведения новой политики.

Политика «мирного вовлечения» отразила намерение Запада переместить центр тяжести в восточноевропейской политике с открыто агрессивной на относительно мирную. При этом цели оставались неизменными. Изменялись лишь средства, что вело, в свою очередь, к известным изменениям и в политической стратегии. Характерной чертой этой стратегии становилась «постепенная, тщательная и мирная работа» для «углубления трещин» в социалистической системе[7].

Заняв после убийства Кеннеди пост президента, Л. Джонсон попытался придать политике «мирного вовлечения» более активную форму и в то же время формально утвердить ее как базу общей политики всех западных держав в отношении социалистических стран Восточной Европы. 23 мая 1964 г. в речи при открытии научной библиотеки имени Дж. Маршалла в Лексингтоне (штат Вирджиния) Джонсон предложил обновленную формулу внешней политики США: «Строить мосты в Восточную Европу». «Это будут мосты

[7] *J. Kennedy*. Op. cit. P. 72.

расширенной торговли, идей, туризма и гуманитарной помощи, – провозгласил президент. – Интересы и перспективы прогресса Восточной Европы связаны с расширением ее отношений с Западом»[8].

Политика «наведения мостов» не являлась единственной основой стратегии в отношении стран Восточной Европы. Во-первых, часть правящих кругов западных держав, особенно в Соединенных Штатах и ФРГ, продолжала отстаивать необходимость проведения «жесткого» (в духе доктрины «освобождения») курса в отношении Восточной Европы[9]; во-вторых, что особенно существенно, военные аспекты политики Запада по-прежнему играли важную роль в конкретной внешнеполитической практике западных держав.

Политика «наведения мостов» стала конкретизированным вариантом доктрины «мирного вовлечения», а ее первый пункт – расширение торговых связей с социалистическими странами – также не был чем-то новым. Еще во время предвыборной кампании 1960 г. Дж. Кеннеди предлагал сократить ограничения на торговлю со странами Восточной Европы, а став президентом, официально заявил в конгрессе о необходимости пересмотра торговой политики США в отношении стран социализма.

На протяжении 1964–1965 гг. в конгрессе США, в американской печати шла длительная дискуссия по вопросу «либерализации» внешнеэкономической политики в отношении стран социализма, в частности, в регионе Восточной Европы. Развернулась борьба между сторонниками и противниками нормализации торговых отношений со странами социализма и в различных комиссиях Сената. В отличие от Соединенных Штатов, страны Западной Европы значительно быстрее и активнее стали к середине 1960-х гг. налаживать свои отношения с восточноевропейскими странами. При этом они руководствовались не только соображениями политики «наведения мостов», но и возрастающей потребностью в нормальных отношениях, особенно экономических, со странами социализма.

Новой чертой во взаимоотношениях западноевропейских государств со странами Восточной Европы стали в 1964–1965 гг. взаим-

[8] New York Times. 24.V.1964.

[9] В середине марта 1966 г. Комитет республиканцев в Палате представителей США опубликовал заявление по коренным вопросам американской внешней политики, в котором содержался призыв к возврату политики «балансирования на грани войны» и «освобождения» стран социализма.

ные визиты государственных деятелей. Отмечая стремление социалистических стран к нормализации отношений с Францией, парижская «Монд» подчеркивала в связи с этим большое значение визитов в Париж министров иностранных дел Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии. «Франция продолжает развивать свою деятельность в направлении стран Восточной Европы», – отмечала газета[10].

В Западной Европе стали внимательнее прислушиваться к предложениям социалистических стран по обеспечению европейской безопасности. Отражая взгляды определенной части английских правящих кругов, газета «Гардиан» писала в последний день 1964 г. о возможности «достигнуть соглашения о сохранении определенного равновесия сил в Европе», «договориться о замораживании вооруженных сил»[11].

К середине 1960-х гг. во внешней политике западных держав наметился известный поворот в сторону расширения экономических связей с социалистическим миром, особенно со странами Восточной Европы. Новые черты в экономической политике Запада свидетельствовали о признании многими политическими деятелями необходимости нормализации отношений. Это отчетливо стали понимать реалистически мыслящие политические деятели и экономисты. Но установить нормальные экономические связи после стольких лет «холодной войны», которую западные державы вели в торговле, – было делом весьма сложным, требовавшим определенного времени. Дж. Кеннан в вышедшей в 1964 г. книге «Об отношениях с коммунистическим миром» писал, что торговля между Западом и Востоком «ставит перед западными государственными деятелями наиболее сложные и трудно решаемые проблемы»[12]. Однако во многом сложность их решения усугублялась нежеланием отойти от старых позиций, с которых западные державы проводили экономическую политику в отношении социалистических стран. Тот же Кеннан вынужден был признать, что в практических делах нередко «игнорируются уроки и прецеденты прошлого»[13]. О причинах, подталкивавших определенные круги американских промышленников к установлению торговых связей с восточноевропейскими странами, английский журнал «Нейшн» писал: «Для Соединенных Штатов нет иного способа изба-

[10] Le Monde. 14.I.1965.
[11] Guardian. 31.XII.1964.
[12] *G. Kennan.* On Dealing with the Communist World. N.Y.,1964. P. 21.
[13] Ibid.

виться от своих излишков товаров и снизить безработицу, кроме как торговать с социалистическими странами»[14].

Сторонникам расширения торговли с социалистическими странами и создания более или менее нормальных условий для такой торговли приходилось преодолевать серьезные препятствия. 2 апреля 1963 г. президент Кеннеди в послании конгрессу просил хотя бы частично отменить установленный в 1962 г. запрет на предоставление таможенных льгот социалистическим странам. Президент предлагал принять закон, который позволил бы вернуть Польше и Югославии права наиболее благоприятствуемых наций. Однако предложение Кеннеди вызвало у многих членов конгресса негативную реакцию.

Дискуссия о возможности и целесообразности расширения экономических связей США с социалистическими странами показала, что все более широкие круги делового мира Соединенных Штатов приходили к выводу о необходимости пересмотра прежней внешнеэкономической политики. Об этом заявил 13 марта 1964 г. на заседании сенатской комиссии по иностранным делам государственный секретарь Д. Раск, признавший необходимость пересмотра законодательства по вопросам торговли с социалистическими странами[15].

23 марта 1964 г. президент Л. Джонсон в речи, посвященной политике «наведения мостов», вновь подтвердил необходимость «расширенной торговли» с восточноевропейскими странами. Однако и в 1964 г., несмотря на призывы к конгрессу «серьезно подумать о внесении важных изменений» в действующее законодательство о торговле, никаких специальных законов принято не было.

В послании о положении страны 4 января 1965 г. Джонсон вновь заявил, что «правительство, которому помогают профсоюзные деятели и предприниматели, исследует пути увеличения мирной торговли с Восточной Европой». 16 февраля 1965 г. президент назначил специальный комитет по торговым отношениям со странами Восточной Европы и Советским Союзом. Председателем комитета стал И. Миллер, а членами комитета – представители деловых кругов и видные экономисты.

Через два с половиной месяца, 29 апреля, комитет представил Джонсону доклад, в котором выражалась рекомендация «дать президенту дискреционное право заключать коммерческие соглашения с отдельными коммунистическими странами, если он решит, что по-

[14] Nation. 25.III.1963.
[15] New York Times. 27.XI.1963.

добные соглашения будут отвечать национальным интересам, и предоставлять этим странам по этим соглашениям тот тарифный режим, который мы распространяем на всех наших других партнеров по торговле».

Обоснованием законопроекта, который был составлен «комитетом Миллера», являлись как экономические, так и политические соображения. Так, новое положение о тарифах правительство США рассчитывало использовать для того, чтобы «воздействовать на ход событий в Восточной Европе» и таким образом добиться определенных политических результатов.

Вторым соображением была экономическая целесообразность. Впервые за все послевоенное время правительство Соединенных Штатов официально признало «особое значение для американского сельского хозяйства и некоторых отраслей американской промышленности» расширения экономических связей с социалистическими странами. Высказывались также опасения конкуренции с другими странами Запада. «Мы без нужды ограничиваем наше влияние в Восточной Европе по сравнению с влиянием других стран, ведущих или начинающих вести там более широкую торговлю», – говорил Д. Раск.

Довольно острая полемика по вопросу о торговле с Восточной Европой велась в западноевропейских странах. В Англии многие крупные промышленники выступали за расширение торговли с социалистическими странами. При этом они аргументировали свою позицию трудностями общегосударственного масштаба. «Мы говорим сейчас о твердом ядре безработицы…, – отмечалось в письме группы промышленников в газету «Таймс». – Возникает очень серьезная национальная проблема. Мы хотим привлечь внимание к тому факту, что сейчас мы теряем ценные экспортные заказы на миллионы фунтов стерлингов»[16].

В этом же письме отмечалось, что английское министерство торговли ограничивает, а в большинстве случаев запрещает импорт товаров из социалистических стран. «Наш экспорт в страны восточного блока срывается из-за ограничений, созданных нами самими», – с беспокойством отмечала «Таймс».

Почти одновременно с опубликованием этого письма лейбористы-члены парламента потребовали в Палате общин снятия ограничений на торговлю с социалистическими странами.

[16] Times. 22.XI.1963.

В середине 1963 г. 20 ведущих английских промышленников в области металлургии, станкостроения и машиностроения опубликовали доклад, в котором призвали к расширению торговли с социалистическими странами. По подсчетам авторов доклада, устранение существующих ограничений даст возможность за пять лет троекратно увеличить объем торговли Англии со странами Восточной Европы, так как этот регион отличается «более быстрыми и стабильными темпами экономического роста, чем в Западной Европе»[17]. Это же отмечала и «Файнэншл таймс»: «Экономика коммунистических стран развивается очень быстро, и они являются, без сомнения, подходящим для Англии потенциальным рынком»[18].

Обсуждение проблемы торговли с Восточной Европой привело в 1964 г. к серьезным подвижкам: правительство Англии было вынуждено пойти на снятие ограничений и расширение экономических связей со странами социализма.

В том же русле развивались события в ФРГ. Введенные ранее правительством ограничения на торговлю с восточноевропейскими странами подверглись резкой критике со стороны промышленных кругов. Эта проблема стала предметом специального обсуждения представителей обеих сторон. Критикуя позицию тех, кто выступал против торговли с Восточной Европой, западногерманский журнал «Фольксвирт» подчеркивал: «Если Федеральная республика допустит свое выпадение из торговли с Востоком, то она в один прекрасный день останется последним солдатом холодной войны, который еще верит в действенность эмбарго»[19].

К середине 1960-х годов состояние торговли западных держав с восточноевропейскими странами существенно изменилось. Значительное расширение экономических связей наблюдалось, в первую очередь, со стороны стран Западной Европы.

Помимо экономической стратегии, в официальных и полуофициальных учреждениях США и других западных держав прогнозировалось развитие политической ситуации в Восточной Европе, намечались перспективные направления общей политики Запада. Так, по признанию американского внешнеполитического идеолога Г. Кана, на Западе создавались различные «модели» поэтапного отрыва от-

[17] Ibid. 8.VI.1963.
[18] Financial Times. 21.III.1963.
[19] Volkswirt. 28.II.1964.

дельных восточноевропейских стран от социалистической системы[20]. При разработке общей стратегии Запада аналитики исходили из определения стратегической важности Восточной Европы в международной жизни. Значение восточноевропейского региона вполне определенно было сформулировано в сборнике «Соединенные Штаты Америки и Восточная Европа», выпущенном Американской ассамблеей и Фондом Форда и содержащем материалы проведенного 27–30 апреля 1967 г. обсуждения проблем американской внешней политики. Во введении к сборнику отмечалось: «Восточная Европа была и остается одним из решающих регионов земного шара. Она представляет собой существенную часть европейского континента и является по-прежнему одним из центров мировой культуры, экономической и военной мощи, политической и интеллектуальной активности. В этом регионе проживают более 120 млн. человек… В Восточной Европе сосредоточены внушительные источники квалифицированной рабочей силы, растущие промышленные мощности, значительный сельскохозяйственный потенциал и большие запасы дефицитного сырья. Кроме того, этот регион занимает жизненно важное стратегическое положение в Европе и во всем мире»[21].

Во второй половине 1960-х гг. на Западе развернулась особенно активная дискуссия по вопросу о перспективах политики в отношении стран Восточной Европы. Совершенно очевидно было желание довольно значительной части правящих кругов США сохранить старый курс времен «холодной войны». В то же время представители умеренно-реалистической тенденции предпринимали поиски других путей проведения политики в отношении стран социализма.

В конце 1960-х гг. идеологи внешней политики западных держав стали уделять большое внимание разработке стратегии в отношении стран социализма на будущее десятилетие. Одновременно предпринимались попытки разработать новую, общую для всех западных государств, программу действий, также рассчитанную на перспективу. Характерны в этом плане рекомендации Комитета по выработке национальной политики США. Комитет был учрежден Американской ассоциацией содействия ООН; в его состав вошли многие известные американские ученые-международники, в том числе Г. Киссинджер, ставший вскоре одним из главных советников пре-

[20] Fortune. 5. XI.1968. P. 18.

[21] The United States and Eastern Europe. Report of the Thirty-first American Assembly, April 27–30, 1967. N.Y., 1967. P. 186.

зидента Р. Никсона по внешнеполитическим вопросам, а затем и государственным секретарем США.

Разработанный Комитетом пространный документ «К проблеме умиротворения Европы», опубликованный в начале 1969 г., содержал рекомендации правительству США и странам-членам НАТО и отражал некоторые новые подходы Соединенных Штатов к европейским проблемам.

Как отмечал в предисловии к документу председатель Совета Американской ассоциации содействия ООН А. Гольдберг, «Комитет по выработке национальной политики по-новому взглянул на то, что, возможно, является наиболее важным и сложным в комплексе внешнеполитических проблем, с которыми столкнулось новое правительство»[22]. Гольдберг подчеркивал далее «настоятельную необходимость переоценки американской политики в отношении Европы, как Восточной, так и Западной». При этом он считал, что рекомендации комитета заслуживают самого серьезного изучения руководящими политическими деятелями как в США, так и за рубежом, потому что эти рекомендации касаются «политических проблем и вопросов безопасности, с которыми сталкиваются США и их атлантические союзники по НАТО»[23].

Документ этот заслуживает внимания, так как в нем отражены несколько измененная концепция американской политики в отношении социалистических стран Восточной Европы, а также наиболее характерные черты всей западной стратегии в отношении европейских стран социализма.

Отмечая ослабление единства Запада в проведении общей политики относительно социалистических государств, авторы рекомендаций подчеркивают, что «восстановление экономики западноевропейских стран и растущее неверие в возможность советского нападения создали обстановку для возрождения различных национальных интересов или, быть может, даже стимулировали их оживление». В конце 1960-х гг. США вынуждены были пересмотреть свою европейскую политику, «заново определить место Европы в своей глобальной стратегии»[24].

В европейской политике США исходили, прежде всего, из того, что западноевропейская экономическая интеграция должна со

[22] Toward the Reconsiliation of Europe. Washington, 1969. P. 4.
[23] Ibid. P. 17.
[24] Ibid. P. 19.

временем привести к значительному политическому единству и что это было бы в интересах США. Однако в связи с тем, что многие западноевропейские страны были серьезно заинтересованы в развитии отношений с государствами, не входящими в Общий рынок, различные шаги для создания политического единства оказались малоэффективными.

США исходили также из того, что расширяющиеся двусторонние отношения между странами Западной и Восточной Европы, дополненные участием в многосторонних организациях, «могли привести и, возможно, привели бы в определенном смысле к растущему ослаблению напряженности, либерализации в Восточной Европе, а затем и к отделению восточноевропейских стран, если бы процесс шел постепенно».

В рассматриваемом документе отмечалось: «Комитет считает, что прежние предпосылки и предположения, часть которых иногда имела значение при формировании политического подхода США, не могут более рассматриваться как исходные при выработке политики США. Нужны новые меры, чтобы придать Западу свежие силы и обновленное чувство общности целей, а также для того, чтобы продвинуться по пути к решению тех принципиальных проблем, которые более двух десятилетий являлись причиной неопределенности и неустойчивости в сердце Европы»[25].

К числу «новых мер», в первую очередь, относилось «укрепление Запада». Комитет рекомендовал правительству США подчеркнуть значение, придаваемое Соединенными Штатами отношениям с Западной Европой, и то, что «от Запада потребуются сплоченность и единство». В связи с этим были даны подробные рекомендации по укреплению системы НАТО.

Большое место в рекомендациях Комитета отводилось проблеме взаимоотношений двух германских государств. При этом подчеркивалось, что «нельзя оставлять Западную Германию одну в поисках собственного одностороннего или двустороннего решения…». Дистанцируясь от старого, жесткого курса в отношении социалистических стран, авторы указывали, что «для того, чтобы покончить с расколом Европы на условиях, обеспечивающих безопасность европейских народов, несомненно, потребуется длительный период согласований, сопровождающихся обширными и организованными консуль-

[25] Ibid. P. 22.

тациями на Западе, продолжительными переговорами со странами Восточной Европы…»[26].

Анализ нового соотношения сил в мире приводил авторов рассматриваемого документа к некоторым вполне реалистичным рекомендациям: «Сделать новый шаг по пути к европейскому урегулированию. Необходимо согласовать рамки переговоров между Востоком и Западом по этому вопросу». Новые меры по обеспечению безопасности в Европе, включающие ограничение вооружений и контроль над ними, по мнению авторов доклада, должны были стать неотъемлемой частью урегулирования и «способствовать, а не нарушать устойчивое военное равновесие в этом районе. Они также должны предусматривать создание специального аппарата для урегулирования кризисов»[27].

Хотя подготовленные американскими аналитиками рекомендации в основном подтверждали главные стратегические направления политики, которые были разработаны на рубеже 1950-х – 1960-х гг., тем не менее, нельзя не видеть и новых принципиальных черт. Они свидетельствовали о попытках некоторых политиков, адекватно оценивавших реальное соотношение сил в мире, найти новые пути проведения внешнеполитического курса. Применительно к политике Запада в отношении Восточной Европы эти черты проявлялись в медленном, но довольно последовательном признании возможности и необходимости дальнейшей нормализации и расширения связей между государствами двух систем.

Отношения между западными державами и странами Восточной Европы на рубеже 1960-х – 1970-х гг. становятся важным элементом процесса общей разрядки международной напряженности. Постепенная нормализация отношений с социалистическими странами основывалась на признании западными державами территориальных изменений после Второй мировой войны, реальностей послевоенного развития и, главное, принципа мирного сосуществования. Однако мирное сосуществование отнюдь не означало отказа от концепции «мирного преобразования социалистических стран», порожденной надеждой Запада на изменение социально-политического строя в странах Восточной Европы.

Противоречия между отдельными политическими группировками в США и в каждой из западноевропейских стран по вопросам

[26] Ibid.
[27] Ibid.

политики в отношении социалистических государств на протяжении первой половины 1970-х гг. временно сглаживались. В середине десятилетия, по мере утверждения принципа мирного сосуществования, каждая группировка старалась показать, что именно она является проводником реалистической политики в отношении стран Восточной Европы.

Однако наряду с этой тенденцией в эти годы дает о себе знать и другая – разъединяющая эти группировки и отражающая кризисные ситуации в странах Запада. Эта тенденция стала проявляться все более отчетливо в связи с активизацией в ряде стран Запада, в первую очередь в США, крайне правых сил, связанных с военно-промышленным комплексом, и в связи с выступлениями правых элементов против разрядки международной напряженности.

Что касается общей стратегии Запада в отношении мира социализма, то определенная позитивная динамика проявлялась на различных многосторонних совещаниях, особенно на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки, где была выражена согласованная политика западноевропейских стран по вопросам отношений с социалистическими государствами. В это время ощущается растущая координация внешней политики западноевропейских государств в отношении стран Восточной Европы. Однако она не имеет постоянного характера, хотя вопросы отношений с социалистическими странами широко обсуждались и в НАТО, и в руководящих органах ЕЭС, и на многочисленных встречах глав правительств западных держав, и даже в так называемом Билдербергском клубе – ежегодной неофициальной встрече крупных политиков, дипломатов, банкиров, промышленников, военных, представляющих наиболее влиятельные круги Западной Европы и США.

В основе политики западных держав в отношении восточноевропейских стран продолжали оставаться дифференцированный подход к каждой социалистической стране, сформулированный в свое время идеологами политики «наведения мостов», стремление противопоставить каждую отдельную социалистическую страну общим интересам «содружества». Для этого предпринимались попытки поставить в исключительное, преимущественное положение те или иные социалистические страны. И в этом отношении каждое западное государство пыталось действовать новыми, учитывавшими условия разрядки методами.

На изменение политики западноевропейских государств в отношении Восточной Европы существенное воздействие оказывало

также стремление каждого из них быть первой скрипкой в европейском оркестре, увеличить свой вес в Общем рынке, проводить самостоятельный, независимый от Соединенных Штатов, внешнеполитический курс. Если в середине 1960-х гг. лидером в развитии отношений со странами социализма была Франция, то к началу 1970-х гг. ведущая роль перешла к Федеративной Республике Германии. К середине же десятилетия западноевропейские государства находились почти в равном положении в своих отношениях со странами Восточной Европы, не считая, конечно, различий в масштабах торговли.

* * *

Итак, 60-е годы XX столетия – это время первых попыток отхода западных держав от жесткого курса в отношении социалистических стран, первых надежд Советского Союза и его партнеров по восточному блоку на разрядку международной напряженности и мирное сосуществование. Но на эти годы выпало также и начало формирования новой западной стратегии, реализовывавшейся вплоть до конца XX века.

Обе противоборствующие стороны не использовали в полной мере появившиеся в 1960-е – 1970-е гг. реальные возможности для выхода из «холодной войны» и налаживания эффективного сотрудничества.

В целом в отношении Восточной Европы стратегия Запада оказалась, по мнению ее создателей, более эффективной, чем советская политика. Однако насколько плодотворной будет эта стратегия для восточноевропейских народов в дальнейшем, особенно в условиях начавшегося в первые десятилетия XXI в. острого экономического и финансового кризиса, – покажет время.

В.В. Марьина

Советская «оттепель» в зеркале чехословацких документов: некоторые вопросы внешней политики СССР и положения в «социалистическом лагере»

Черно-белый памятник работы Э. Неизвестного на могиле Н.С. Хрущева как нельзя лучше отражает суть этого человека, занявшего после И.В. Сталина посты первого секретаря ЦК КПСС (1953) и председателя Совета министров СССР (1957). Вознамерившись очистить социализм от «скверны сталинизма», Хрущев, сам вышедший из «сталинской шинели» как человек и политик, не смог до конца освободиться от этой «скверны». Хотя, возможно искренне, а, возможно, потому, что очень хотел удержаться таким образом у власти, и пытался это сделать. Адепты и последователи Хрущева из «социалистического лагеря» также не могли да и не хотели окончательно расстаться с прошлым. Все они являлись более или менее дерзкими, но все же «сыновьями Сталина», в характере которых просматривались некоторые национальные черты.

Однако, думается, все же именно Хрущев стоял у истоков идеи построения «социализма с человеческим лицом», хотя сам он этот термин не употреблял и познакомился с ним уже будучи в отставке. О том, что Хрущев пытался – хорошо ли, плохо ли – реформировать сталинскую модель социализма свидетельствуют, как его практическая деятельность, так и его мемуары, в которых достаточно критически оценивается все содеянное Сталиным и советской властью. Проводимая ею политика, писал Хрущев, «отбрасывает человечество от идеалов социализма, что может иметь исключительное историческое значение для будущего, для судеб мирового социализма»[1]. И в этом, как свидетельствует история конца XX столетия, Хрущев оказался прав. Идее социализма и тем более коммунизма в том виде, как они были сформулированы и претворены на практике большевиками и их последователями, потерпели сокрушительное поражение.

История подтвердила и другие выводы Хрущева, в частности: «Прослеживается печальная закономерность: из диктатуры пролетариата чуть ли не всюду рождается диктатура партии, а из нее – диктатура личности над трудящимися классами, над завоевавшей победу партией и даже над своими соратниками»[2]. Он отмечал как положи-

---

[1] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева (продолжение) // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 85.

[2] Там же.

тельные, так и отрицательные стороны коммунистической партии. Первые, по мнению Хрущева, состояли в том, что она «может служить инструментом перестройки общественной жизни на основе социализма», вторые – в том, что «ее организационная система позволяет также кому-то одному использовать ее ради злоупотреблений властью… Необходим более действенный контроль снизу над вождями, то есть подлинная демократия»[3].

К сожалению, все эти мысли, вероятно, пришли к Хрущеву только после его отставки. «Во власти» же, вознесенный стечением обстоятельств и собственными усилиями на самую верхушку партийной и государственной иерархической лестницы, он вовсе не считал, что злоупотребляет «служебным положением», и всеми силами старался «продавить» собственные, зачастую сумасбродные, идеи, направленные, по его мнению, на совершенствование социализма. Впоследствии это стало называться волюнтаризмом. За десять лет правления Хрущева не возник также действенный механизм «контроля снизу над вождями», то есть, по его словам, «подлинная демократия». Да и вопрос – желал ли он этого в действительности?

Внешняя политика СССР периода правления Хрущева тоже носила отпечаток его личности. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в основу советского внешнеполитического курса была положена доктрина мирного сосуществования между социализмом и капитализмом. XXI съезд КПСС с легкой руки своего партийного лидера объявил о полной и окончательной победе социализма в СССР и начале перехода к строительству коммунизма. 15–27 сентября 1959 г. Н.С. Хрущев посетил США, где провел переговоры с американским президентом Д. Эйзенхауэром, отстаивая принцип мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем. А с 28 сентября по 4 октября советский лидер находился с визитом в Китайской народной республике и пытался убедить Мао Цзедуна в необходимости признания этой доктрины. Надо сказать, что поездка в США произвела на Хрущева огромное впечатление, в первую очередь с точки зрения технологических и экономических достижений страны, и особенно в области сельского хозяйства. Но, тем не менее, он остался сторонником колхозной и совхозной его форм в виду их большей, как ему представлялось, продуктивности и индустриального характера.

[3] Там же.

Но отношения с Западом налаживались с трудом. Периоды ослабления напряженности сменялись ее усилением. Как пишет В.С. Христофоров, на рубеже 1960-х гг. специалисты из КГБ СССР сумели расшифровать американскую шифрпереписку, что позволило советскому руководству быть хорошо осведомленным в секретах американской внешней политики[4]. К концу 1960 г. советско-американские отношения зашли в тупик, требовалось приложить усилия для выхода из него. 3 декабря 1960 г. КГБ проинформировал Хрущева о некоторых намерениях в области внешней политики США вновь избранного президента страны Дж. Кеннеди. Отмечалось, что он намерен уделить внимание улучшению американо-советских отношений, особенно в области разоружения. Уже в 1961 г. можно будет заключить соответствующее соглашение, если стороны сделают дальнейшие шаги навстречу друг другу. В декабре 1960 г. председатель КГБ А.Н. Шелепин направил в ЦК КПСС еще одну записку, в которой сообщалось, что заявление недавно состоявшегося Совещания коммунистических и рабочих партий «сильно обескуражило посольство США, так как в нем содержится большое количество очень серьезных и резких нападок на США, которых не было даже в самое напряженное время “холодной войны”». В марте 1961 г. в КГБ были изучены материалы, поступившие из заграничных резидентур и подготовлена записка с изложением мнения дипломатических представителей ведущих стран Запада о политике нового правительства США. К власти в США, по мнению западных дипломатов, пришли более молодые и энергичные политические деятели, а представлявший демократов Кеннеди может внести много нового во внешнюю политику страны. Отмечалось, что США будут проводить активную и гибкую политику, стремясь перехватить инициативу у Советского Союза. Хрущева обнадежило появление на посту президента представителя демократов, к которым он еще со времен Ф. Рузвельта испытывал бóльшие симпатии, чем к республиканцам. Советский лидер надеялся на радикальное улучшение советско-американских отношений. Однако эти надежды не оправдались: начало деятельности ново-

[4] *Христофоров В.С.* Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди: подготовка и проведение встречи в Вене в 1961 году. По документам российских архивов // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 22. (В статье использованы главным образом документы Центрального архива Федеральной службы безопасности России).

го президента США свидетельствовало о продолжении прежнего внешнеполитического курса Вашингтона[5].

Следует отметить, что Хрущеву в это время стало гораздо труднее проводить советский внешнеполитический курс, поскольку международное коммунистическое движение было уже не столь монолитным, как при Сталине. Наметилась и тенденция ослабления позиции СССР как главы и руководителя «социалистического лагеря». Начали постепенно слабеть центростремительные силы, обеспечивавшие его единство при Сталине. Хрущев, говоря о его политике в «бывших странах народной демократии», отмечал, что дружбу с ними Сталин «понимал односторонне, стремясь, чтобы они обязательно и во всем следовали в фарватере советской политики, особенно при контактах с Западом и в Организации Объединенных Наций… С руководителями этих стран Сталин строил контакты на основе абсолютного их подчинения и не терпел никаких особых мнений, а не только простых возражений»[6]. Хрущев решил, что такого рода отношения лишь вредят делу строительства социализма в мире. Он ослабил диктат со стороны Москвы и несколько «отпустил узду» в отношениях с «братскими» странами. В апреле 1956 г. было ликвидировано созданное в 1947 г. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий, так называемый Коминформ, оказывавший влияние, главным образом, на европейские компартии. В 1955 г. Хрущев признал ошибки, допущенные Сталиным в отношении Югославии, с которой СССР восстановил дипломатические отношения. В том же году вступил в силу Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Наряду с СССР его подписали Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия, признанные равноправными партнерами Советского Союза. В период «правления Хрущева» продолжал действовать и созданный в 1949 г. СЭВ, хотя между его членами начали обнаруживаться все большие противоречия и недовольство друг другом. Подросшие «дети» Москвы, как и в обычных семьях, стали проявлять несходство характеров и желание освободиться от «родительской опеки». Наиболее ярко это проявилось в венгерских событиях 1956 г. Попытка неповиновения тогда была жестоко пресечена путем введения советских войск в эту страну. Но «порка» помогла ненадолго, и трещины в здании «социалистического лагеря» продолжали увеличиваться. Конструкция посте-

[5] Там же. С. 24–27.

[6] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева... С. 77.

пенно расшатывалась. Решения XX съезда КПСС не вызвали восторга китайских коммунистов. Между СССР и Китаем ухудшились отношения, и их напряженность все более возрастала. То же можно сказать и об отношениях между Советским Союзом и Корейской народно-демократической республикой. Вслед за Пекином и Пхеньяном, вставшими на путь открытой конфронтации с Москвой, свое недовольство ее политикой стали проявлять Бухарест и Тирана. Албания с 1962 г. не участвовала в созданной на основе Варшавского договора организации, а в сентябре 1968 г. вообще вышла из нее. Польша (В. Гомулка) и ГДР (В. Ульбрихт) также все чаще начали высказывать свои претензии к Советскому Союзу. Пожалуй, наиболее сговорчивым и послушными из «подросших» детей оставались Чехословакия (А. Новотный) и Болгария (Т. Живков). Это следует, как из мемуаров Хрущева[7], так и ряда других документов, в частности, из наблюдений экспертных аналитиков НАТО[8]. Об этом же свидетельствуют документы, опубликованные чешскими историками: информация о заседаниях Политического консультативного комитета стран-участниц Варшавского Договора в мае 1958 г. и феврале 1960 г.[9]; материал о совещании первых секретарей центральных комитетов коммунистических партий стран Варшавского Договора в августе 1961 г.[10]; запись беседы чехословацкой делегации с Хрущевым в Москве в июне 1962 г.[11]; запись о встрече Хрущева, Новотного, Ульбрихта и Гомулки в Варшаве в июле 1964 г.[12]. Однако советская доминанта в «социалистическом лагере» сохранилась.

Некоторое время назад в Чешской республике М. Рейманом и П. Луняком была опубликована книга «Холодная война. 1954–1964 гг. Советские документы в чешских архивах». В момент выхода в свет книги неофициальных документов, касающихся внешней политики СССР в указанные годы, опубликовано было совсем мало[13]. И сегодня введение в научный оборот новых документов со-

---

[7] Там же. С. 77–94.

[8] *Христофоров В.С.* Указ. соч. С. 20.

[9] *Reiman M., Luňák P.* Studená válka 1954–1964. Sovětské dokumenty v českých archivech. Brno, 2000. S. 77–81, 136–147.

[10] Ibid. S. 308–313.

[11] Ibid. S. 360–361.

[12] Ibid. S. 379–388.

[13] См.: *Корниенко Г.М.* Упущенная возможность. Встреча Н.С. Хрущева и Дж Кеннеди в Вене в 1961 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 2; Беседа

храняет актуальность. Посему считаю полезным ознакомить российского читателя с теми архивными материалами, которые в свое время были выявлены чешскими историками и стали достоянием гласности.

В книге на чешском языке опубликованы документы, касающиеся деятельности СССР на международной арене. Эти материалы с информационной целью направлялись в Прагу чехословацким посольством в Москве. Они хранились в фонде архива ЦК КПЧ, ныне переданном в Национальный архив Чешской республики. Документы представляют собой более или менее подробные сообщения о зарубежных поездках Хрущева и других советских государственных деятелей, записи (в том числе и стенографические) бесед Хрущева и А.А. Громыко с президентами США (Д. Эйзенхауэром и Дж. Кеннеди), с политиками других стран: Индии (Дж. Неру), Великобритании (Дж. Макмилланом), Италии (А. Фанфани), Франции (Ш. де Голлем), и др. В книгу включены и некоторые документы «чехословацкого происхождения», т.е. вышедшие из-под пера чехословацких политиков и дипломатов сообщения о внешней политике Советского Союза. В пражском архиве сохранились в основном оригиналы на русском языке, но некоторые из направленных в Прагу документов обнаружены только в чешском переводе, то есть так, как они представлялись в ЦК КПЧ.

В десятилетии 1954–1964 гг. авторы книги выделяют ряд характерных периодов: 1953–1958 гг. – время первого ослабления международной напряженности, 1959–1962 гг. – вызревание и развитие «берлинского» и «карибского» кризисов, 1963–1964 гг. – начало нового спада напряженности в мире. Оценивая десятилетие в целом, Рейман и Луняк пишут: «Речь идет о времени, когда Соединенные Штаты и Советский Союз становились, учитывая рост их вооруженной силы, действительными сверхдержавами, которые могли исклю-

Г.К. Жукова и Д. Эйзенхауэра на Женевском совещании 1955 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 5; Стенографическая запись заседания Политического консультативного комитета стран-участниц Варшавского договора. Москва, 4 сентября 1961 г. // Новая и новейшая история. 1999, № 2; авторами книги опубликованы материалы встречи Хрущева с руководящими деятелями ЦК КПЧ и правительства ЧССР 1 июня 1961 г. в Смоленицах (под Братиславой) // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998, № 3.

чительно своим решением изменить и даже уничтожить международную систему»[14].

В опубликованных документах Хрущев предстает, с одной стороны, как целеустремленный и расчетливый государственный деятель, отстаивавший интересы СССР и «социалистического лагеря» перед лицом представлявшегося ему враждебным Запада; с другой, – как дерзкий, решительный, отчаянный игрок, способный на сумасбродные действия ради достижения поставленной цели. Так советский лидер выглядел, например, в момент кубинского («карибского») кризиса, поставившего мир на грань войны, когда произошло «лобовое столкновение» Хрущева с Кеннеди. В этой ситуации, как считают авторы указанной книги, Хрущев потерпел поражение и утратил значительную часть авторитета как внутри страны, так и за рубежом.

Советский лидер считал себя крупным теоретиком социализма и любил поговорить на эту тему не только со своими соратниками и единомышленниками из «социалистического лагеря», но и с «классовыми врагами», стремясь не столько убедить их, сколько, видимо, четко обозначить свои идеологические позиции. Яростным, напористым, убежденным сторонником социалистических идей он выглядел, например, в стенографических записях бесед с Кеннеди и Фанфани летом 1961 г. Встреча Хрущева с Кеннеди проходила в Вене 3–4 июня 1961 г., вскоре после официального вступления в должность 35-го президента США. В советские времена об этой встрече мало что было известно. Например, в фундаментальном труде о внешней политике СССР (под редакцией А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева, первый из которых также присутствовал на этой встрече) о ней упоминается только вскользь в связи с рассмотрением проблем прекращения ядерных испытаний и заключения договора о всеобщем и полном разоружении[15]. А между тем, в ходе четырех бесед Хрущева с Кеннеди и в их выступлениях во время торжественных протокольных обедов затрагивалась масса других чрезвычайно актуальных вопросов, касавшихся как взаимоотношений обеих стран, так и ситуации в мире. Впервые об этом рассказал дипломат Г.М. Корниенко[16], а

[14] *Reiman M., Luňák P.* Op. cit. S. 7.

[15] История внешней политики СССР 1917–1975. Т. 2. 1945–1975 гг. М., 1976. С. 412.

[16] *Корниенко Г.М.* Указ. соч.

недавно, опираясь на материалы ЦА ФСБ России, В.С. Христофоров[17].

В Москве тщательно готовились к встрече Хрущева и Кеннеди. Вопросы ее подготовки и проведения, как и прогноз ожидаемых результатов, обсуждались на заседаниях Президиума ЦК КПСС. Представили свое мнение на этот счет и аналитики КГБ. В документе, направленном Шелепиным Хрущеву 31 мая, говорилось: «По имеющимся сведениям Кеннеди намерен в основном ограничиться обменом мнениями об общем состоянии международных отношений. Он не имеет конкретных предложений по урегулированию спорных международных проблем и рассчитывает, что, заняв в ходе переговоров жесткую, но внешне миролюбивую позицию, он сможет не только повлиять на политику СССР, но и укрепить положение США среди своих союзников». Предполагалось, что Кеннеди при обсуждении вопроса о запрещении испытания ядерного оружия попытается навязать советской стороне англо-американскую точку зрения, а при неуступчивости – свалить на СССР вину за возможный срыв переговоров[18].

По дороге в столицу Австрии Хрущев остановился в Смоленицах (под Братиславой), где состоялась его беседа с представителями ЦК КПЧ и правительства ЧССР. Этот чрезвычайно любопытный материал опубликован авторами указанной чешской книги в журнале «Источник» (1998, № 3). Поэтому, не останавливаясь на документе подробно, скажу лишь, что советский лидер весьма откровенно говорил о политике СССР и США, а также о тех вопросах, которые предстояло обсудить в Вене: запрещение испытаний ядерного оружия и разоружение, заключение мирного договора с Германией и превращение Берлина в свободный город, положение в Лаосе. Хрущев затронул и некоторые вопросы «социалистического лагеря»: Албании, Китая, ситуации в СССР. А. Новотный рассмотрел положение в ЧССР. Все эти темы нашли отражение и в пространной речи Хрущева на обеде в его честь[19].

В Праге была получена подробная информация о встрече Хрущева и Кеннеди в Вене 3–4 июня 1961 г. Это – записи трех бесед лидеров СССР и США и по два выступления Хрущева и Кеннеди на приемах в американском и советском посольствах в Австрии. В пер-

[17] *Христофоров В.С.* Указ. соч.
[18] Там же. С. 29.
[19] *Reiman M., Luňák P.* Op. cit. S. 193–210.

вый день после соответствующего обмена дипломатическими любезностями речь зашла о возможностях сохранения мира при условии обеспечения безопасности и защиты интересов как СССР, так и США. Собеседники показали себя «зрелыми борцами»: один – за дело социализма, другой – за дело капитализма. Ни тот, ни другой не сдали своих идеологических позиций и не пошли на компромисс. При этом 67-летний Хрущев не отказывал себе в удовольствии со свойственной ему безапелляционностью поучать 44-летнего Кеннеди. Советский лидер, признав, что СССР пока еще более бедная, чем США, страна, заявил, что скоро она станет богаче, для чего необходимо мирное сосуществование и соревнование социалистической и капиталистической систем. Подчеркивая неизбежность победы социализма во всемирном масштабе, Хрущев вместе с тем отрицал стремление Советского Союза навязать силой кому-либо, а особенно американцам, эту систему. Кеннеди в ответ заявил, что тоже свято верит в идеи капитализма и готов защищать их с такой же решимостью, как Хрущев отстаивает свои идеи. Пусть история рассудит наш спор, – сказал тогда советский лидер. Если вы можете при вашей системе, продолжал он, обеспечить более высокий уровень экономического развития, то победите вы, и мы это призна́ем; если же социалистическая система обеспечит более высокий уровень развития экономики, промышленности, культуры, то победим мы. Менее, чем через три десятка лет суровая и безжалостная Клио «рассудила» спор двух лидеров: Советский Союз и возглавляемый им «социалистический лагерь» перестал существовать, «бархатные» и разной окраски «небархатные» революции повернули эти страны на рельсы капиталистического развития[20].

Во второй день собеседники в различной связи снова возвращались к ранее затронутым общим проблемам, но обсуждалось и много конкретных вопросов, касавшихся политики обеих стран в отношении Ирана, Кубы, Китая, Кореи, Лаоса, Турции, Югославии, Камбоджи, Бирмы, Анголы, Конго, Алжира и т. д., а также испытаний ядерного оружия, разоружения, подписания мирного договора с Германией, статуса Западного Берлина, возможности заключения договора между СССР и ГДР и пр. При этом Хрущев и Кеннеди не избегали колкостей в отношении друг друга. Взаимопонимания по

[20] См.: Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007.

важнейшим вопросам политики в мире достигнуто не было. Договорились лишь о прекращении огня в Лаосе и стремлении создать там независимое суверенное государство[21].

Значение венской встречи состояло в том, что были максимально уяснены позиции сторон по ряду актуальных проблем и установлены личные контакты, но практически она закончилась ничем: оба лидера остались при своем мнении даже по большинству конкретных вопросов. А их было обсуждено немало: страны Азии и Африки, Югославия, Польша, мирный договор с Германией и Западный Берлин, договор о всеобщем и полном разоружении, запрещение испытаний ядерного оружия и т.д. Кеннеди, как оказалось, был гораздо более жестким оппонентом Хрущева, чем предыдущий американский президент Эйзенхауэр. Как пишет Христофоров, Хрущеву и Кеннеди не удалось достигнуть по обсуждавшимся вопросам взаимопонимания: «Отчасти это объяснялось тем, что Кеннеди рассматривал встречу, прежде всего, как ознакомительную. Отчасти, наверно, потому, что Хрущев выдвигал, по существу, нереальные цели, полагая их достижимыми. Его по-прежнему больше всего заботила германская проблема. Он добивался политического признания ГДР США и другими странами Запада, узаконения раскола Германии на два государства. Он ставил вопрос об удалении западных держав из Западного Берлина и снова говорил о необходимости поставить во главе ООН трех генеральных секретарей. Кеннеди не согласился ни с одним из этих требований»[22]. Вероятно, это и привело впоследствии к усилению международной напряженности. В августе 1961 г. произошло новое обострение кризиса вокруг статуса Западного Берлина. 13 августа 1961 г. по инициативе В. Ульбрихта была возведена так называемая Берлинская стена между западной и восточной частью Берлина. В октябре 1962 г. Москва, рассчитывая оградить Кубу от американской экспансии, попыталась осуществить силовой нажим на Вашингтон, разместив втайне от американского правительства ракеты с атомными боеголовками средней дальности на территории Кубы, что и спровоцировало так называемый Карибский кризис.

3-5 августа 1961 г., т.е. вскоре после вышеупомянутой венской встречи, Хрущев провел несколько бесед в Москве с главой итальянского правительства А. Фанфани. Советский лидер снова обращался к тем вопросам, которые он обсуждал с Кеннеди, пытаясь дополни-

[21] *Reiman M., Luňák P.* Op. cit. S. 210–262.
[22] *Христофоров В.С.* Указ. соч. С. 33.

тельно разъяснить и аргументировать позиции СССР. Особое внимание, помимо прочего, Хрущев уделил ликвидации колониальных режимов, этому, по его словам, «вопросу вопросов», и помощи СССР народам колониальных стран в их борьбе за независимость. Наряду с проблемами общего и международного характера рассматривались и некоторые аспекты советско-итальянских отношений (судьба итальянских военнопленных, развитие торговли и пр.)[23].

К опубликованным в книге Реймана и Луняка документам приложен обзор четырех статей американского политического обозревателя У. Липпмана о его двухчасовом интервью с Хрущевым в конце октября 1961 г., опубликованных в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» 10–11 ноября 1961 г. Целью поездки Липпмана в Москву, по его словам, было уяснение советской политики в отношении США. Хрущев характеризовал советско-американские отношения как «плохие» и «нисколько не улучшающиеся». Он утверждал, что Даллес и Черчилль («этот старый волк») надеялись, что после смерти Сталина изменится внутренняя политика СССР, а когда этого не произошло, когда стало ясно, что Советский Союз хочет лишь ослабить международную напряженность на основе status quo, Запад возвратился к тактике «холодной войны». Запад надеялся, по словам Хрущева, что «нас одолеет, но мы никогда не свернем с пути социализма. Никогда!». Далее Липпман расшифровывал, что вкладывал Хрущев в понятие status quo: во-первых, существующие границы не могут быть изменены путем войны (изменения границ немецкого и корейского государств путем воссоединения обеих частей могут произойти только на основе их «взаимной договоренности»); во-вторых, социальные и экономические революции, происходящие ныне в России и Китае, а также в других странах Азии и Африки, являются составной частью этого status quo и должны быть в качестве таковых признаны («В то время, как мы смотрим на status quo, как на моментальную ситуацию, Хрущев смотрит на него, как на процесс постоянно идущего революционного изменения»); в-третьих, баланс военных сил («ни одна из обеих держав не может в прямом конфликте одолеть другую»). Разговор касался и немецкого вопроса, возможности мирного объединения Германии, ремилитаризации ее западной части. Хрущев, по словам Липпмана, говорил об этом «долго и с большей страстностью», чем о каких-либо других вопросах, сравнивал возникшую ситуацию с ситуацией кануна Второй мировой войны, давал оценки «Мюнхену»

[23] *Reiman M., Luňák P.* Op. cit. S. 265–308.

и мотивировал заключение советско-германского пакта в августе 1939 г. Далее Хрущев развивал мысль о возможности нападения НАТО на СССР: если США увидят, что проигрывают «холодную войну», то, по всей видимости, перейдут к «горячей» войне. Оседлав своего любимого конька, советский лидер утверждал, что США «переживают последние годы своего величия, поскольку вскоре будет доказано преимущество социалистической системы перед капиталистической, что именно отсюда исходит угроза для Америки, а вовсе не от советской водородной бомбы. Поднимался вопрос о разоружении и контроле над ним. Вы хотите, прежде всего, контроля, сказал Хрущев, мы хотим сначала доверия. Представьте себе, продолжал он, что вы заведете с кем-нибудь дружбу, и ваш новый приятель в первую очередь попросит ключи от вашего дома, и когда США просят ключ от нашего дома, мы говорим «Идите к черту!». Таким образом, считал советский лидер, можно говорить со слабой и зависимой страной, а не с Советским Союзом. Мы подозреваем вас, заявил Хрущев, что вы хотите получить ключ от нашего дома раньше, чем подпишете договор о дружбе; совершенно необходимо, чтобы договор о дружбе предшествовал инспекции и контролю.

В этой связи следует упомянуть о, вероятно, малоизвестном российскому читателю факте – намерении советского правительства заключить договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и США. Об этом сообщается в недатированной и неподписанной информации о послании Н.А. Булганина Д. Эйзенхауэру, полученной в Праге в январе 1956 г. Глава советского правительства писал, что улучшение советско-американских отношений – дело, которое назрело и является неизбежным. Предлагалось развивать и укреплять дружественные отношения между народами СССР и США на основе равноправия, взаимного уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга, а также решать международные споры в соответствии с положениями Хартии ООН. Особых иллюзий насчет принятия американцами этого предложения у советского правительства не было. В комментариях к документу указывается, что проект договора и ответ Эйзенхауера были опубликованы на Западе[24].

Из опубликованных документов следует, что одним из важнейших направлений внешней политики Советского Союза в начале 1960-х гг. являлось обсуждение с Западом и решение германского

[24] Ibid. S. 53–55.

вопроса: взаимоотношений «двух Германий», условий их объединения, возможного подписания мирного договора СССР с ГДР. Естественно, что большое значение при этом имели отношения между советским и восточногерманским лидерами, Н.С. Хрущевым и В. Ульбрихтом. А они, отношения, по всей видимости, оставляли желать лучшего. Об этом свидетельствует, в частности, один из опубликованных документов. 6–7 июня 1962 г. в Москве прошло заседание представителей стран-участниц СЭВ. Участвовала в нем и представительная делегация во главе с А. Новотным. 8 июня Хрущев встретился с ней для обсуждения вопросов, связанных с экономическими отношениями между СССР и ЧССР. Но, согласно чехословацкой записи двухчасовой беседы, речь шла также о ситуации и позициях Ульбрихта, на которого Хрущев был сердит. Вот как выглядят его оценки в указанном документе: «В ходе беседы несколько раз речь заходила о ГДР и особенно о позиции тов. Ульбрихта по ряду вопросов. Товарищ Хрущев и товарищ Новотный согласно констатировали, что выступление товарища Ульбрихта на заседании стран-участниц СЭВ было, по меньшей мере, несвоевременным и нескромным. Товарищ Хрущев заявил, что содержавшиеся в выступлении товарища Ульбрихта данные о сельскохозяйственном производстве в ГДР не соответствуют действительности, что товарищ Ульбрихт не имеет представления о действительной ситуации в ГДР. В последнее время товарищ Ульбрихт выступает с заявлениями, касающимися как внутриполитической ситуации в ГДР, так и решения германского вопроса, с которыми мы не можем согласиться, которые свидетельствуют о незнании проблематики и догматическом, неправильном подходе к делу.

После моего вчерашнего выступления, сказал товарищ Хрущев, товарищ Ульбрихт, например, заявил: “Так, может быть, я не должен строить социализм в ГДР?” Товарищ Ульбрихт ставит вопрос так, как будто оказывает нам некую милость тем, что строит социализм. Он представляет себе вещи весьма упрощенно. Например, постоянно требовал, как можно более быстрого подписания мирного договора с ГДР. При этом мы все знаем, что мы уже достигли того, чего мы хотели достичь заключением договора. Однако подписание договора могло бы привести к экономической блокаде, прежде всего, ГДР. Тогда бы товарищ Ульбрихт первым пришел и потребовал у нас золота. Нам известно это уже по прошлому. Он всегда приходит и требует от нас помощи. Но, навряд ли, это пойдет так дальше. Немцы против нас воевали, но сегодня у них более высокий жизненный

уровень, чем у нас, а мы должны постоянно давать и давать. Надо также приложить руку к делу. ГДР располагает большими резервами, у них низкая производительность труда». Далее Хрущев привел «типичный пример» с производством судов. «Товарищ Ульбрихт заявил, что если мы не будем заказывать их суда, он закроет верфи. Но у нас есть возможность купить такие же суда (да еще с высокими гарантиями и поставками необходимых запасных деталей) по более низкой цене в других странах. Не будем же мы нести ущерб от торговли с ГДР лишь потому, что товарищ Ульбрихт заупрямился вместо того, чтобы стремиться поднять производительность труда на верфях ГДР. Мы будем вести торговлю только на основе мировых цен. Это смог бы каждый, жить за счет соседа. Это – никакое не искусство и для этого не требуется большого ума. Как может кто-либо приходить с такой идеей – ликвидировать верфи, – когда в их строительство было вложено столько человеческого труда».

Новотный «подлил масла в огонь», проинформировав Хрущева о визите чехословацкой партийной делегации в ГДР в мае 1962 г., во время которого Ульбрихт заявил о мнимой (как считал Новотный) задолженности Чехословакии Германской демократической республике, а также о его «несерьезном подходе» к отдельным обсуждавшимся проблемам. Хрущев продолжал: «Во время наших последних встреч… я товарища Ульбрихта несколько раз остро критиковал за его взгляды, и поэтому он с некоторого времени является на беседы со мной один, чтобы остальные товарищи из ПБ СЕПГ (Политбюро Социалистической единой партии Германии. – *В.М.*) не знали, о чем мы говорим. Я опасаюсь за дальнейшее развитие в ГДР именно в связи со взглядами товарища Ульбрихта… Я боюсь, что на его поведении начинает сказываться его возраст, я знаю это чересчур хорошо на примере Сталина. В связи с огромной властью, которую имеет товарищ Ульбрихт, эти симптомы старости весьма опасны»[25]. Через два с небольшим года в наличии таких симптомов был уличен своими коллегами по партии и сам Хрущев.

О неладах и напряженности в «социалистическом лагере» свидетельствует и запись о встрече Н.С. Хрущева, А. Новотного, В. Гомулки и В. Ульбрихта 21 июля 1964 г. в Варшаве (см. Приложение). На ней обсуждался вопрос о созыве очередного совещании представителей коммунистических и рабочих партий, а также о ситуации внутри коммунистического движения. Предполагалось провести ука-

[25] Ibid. S. 360–361.

занное совещание в конце 1965 г.[26]. Но этим планам не суждено было сбыться: 14 октября 1964 г. на заседании ЦК КПСС Хрущев «добровольно» отказался от всех занимаемых им постов и, по существу, был отправлен в отставку.

Этому событию посвящен опубликованный Рейманом и Луняком документ, который называется «Письмо посла Чехословакии в СССР О. Павловского А. Новотному о беседе с секретарем ЦК КПСС Ю. Андроповым, касающейся причин отставки Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров»[27]. Документ свидетельствует, что новое руководство КПСС пока сохранило курс на информирование своих союзников о важнейших внутри- и внешнеполитических действиях СССР. Из письма чехословацкого посла явствует, что о решениях ЦК КПСС была информирована Л.И. Брежневым также польская делегация. Правда, неясно, все ли компартии получили подобные разъяснения и имела ли место такая практика в дальнейшем. Документ интересен определенной информацией о том, как проходило в СССР обсуждение «закрытого письма» ЦК КПСС об отставке Хрущева, как партийные организации различных уровней реагировали на случившееся[28]. Далее приведены, правда, весьма скудные и со слов Павловского, сведения о реакции в Чехословакии на смещение Хрущева: первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный, который до этого был в числе тех, кто однозначно поддакивал Хрущеву, теперь безоговорочно одобрил уход последнего с политической сцены. В свете наших теперешних знаний о смещении

[26] Указанное совещание состоялось лишь в 1969 г. и рассматривало положение в коммунистическом движении после подавления «Пражской весны» в августе 1968 г.

[27] *Reiman M., Luňák P.* Op. cit. S. 388–396.

[28] В настоящее время эти документальные материалы стали доступны исследователям. Архив Президента Российской Федерации рассекретил часть таких документов. Например, наряду с постановлениями Пленума ЦК КПСС и Президиума ЦК КПСС об освобождении Н.С. Хрущева от всех занимаемых им партийных и государственных должностей, рассекречены Записка секретаря ЦК КПСС В.Н. Титова об откликах трудящихся на Постановление Пленума ЦК КПСС от 14 октября 1964 г., записи бесед членов Президиума ЦК КПСС с руководителями братских партий, шифрограммы представителей КГБ при СМ СССР, советских посольств и другие материалы об информации братских партий о решении Пленума ЦК КПСС об отставке Хрущева (Ф. 3. Оп. 22. Д. 16, 17, 19) – Бюллетень рассекреченных документов федеральных государственных архивов. Выпуск 8. М., 2007.

Хрущева ясно, что официальная версия происшедшего, изложенная Андроповым Павловскому, была лишь частью правды, политическим декорумом отставки, явившейся, по сути, не спонтанным и скоротечным актом, а результатом, если не заговора, то сговора его соратников, которым надоели бесконечные импровизации Хрущева, как внутри страны, так и на международной арене, его волюнтаризм, грубость и непредсказуемость. Закончился период, впоследствии названный «хрущевской оттепелью», создавшей, в частности, определенные предпосылки для вызревания в ЧСР концепции строительства социализма «с человеческим лицом» и развития процессов, приведших к «Пражской весне» 1968 г.

Теперь о том, какие объяснения получил Павловский от Андропова. Их встреча по инициативе Андропова состоялась 28 октября 1964 г., то есть через две недели после пленума ЦК КПСС. Посол писал: «Товарищ Андропов мне сказал, что считает необходимым и для нас определенно полезным сообщить мне подробную информацию о том, как до сих пор проходит ознакомление партийного актива с мотивами отставки Хрущева. Прежде всего, он (Андропов. – *В.М.*) подчеркнул, что отклики на отставку в основном такие, как и предполагал Президиум (ЦК КПСС. – *В.М.*), и даже превосходят все ожидания. Он подчеркнул, что когда Президиум решил отправить в отставку т. Хрущева, то исходил из знания ситуации и взглядов, господствующих в партии, и, следовательно, при твердой уверенности, что это решение будет полностью понято партией и народом».

«Товарищи были твердо убеждены, – продолжал Павловский, – что должны сделать этот шаг, чтобы не был нанесен дальнейший ущерб строительству коммунизма, чтобы не нарастали серьезные трудности внутри партии, утрата доверия к партии в массах и постепенная потеря авторитета в международном коммунистическом движении. Товарищ Андропов иллюстрирует свои слова тем, что ни внутри, ни вне страны не могло принести пользу, когда т. Хрущев раздавал, например, самые различные обещания, которые не мог выполнить, когда по его инициативе и непреклонной воле проводились самые различные реорганизации управления, от которых люди уже устали и которые не понимали, когда он хвастливо заявлял, что в ближайшее время догонит и перегонит Соединенные Штаты Америки, но при этом люди ощущают постоянный недостаток продуктов, когда в то же время в некоторых местах нет даже хлеба и прочего. Все это люди видели и чувствовали и поэтому принимают решение о

его смещении абсолютно спокойно, не только без оговорок, но и с полным согласием, и это принятие еще лучше, чем ЦК ожидал».

Далее Андропов сказал послу, что «ни на одном активе или собрании местной организации КПСС не было до сих пор ни одного голоса против решения ЦК КПСС». Он подчеркнул, «что является реалистом, что полностью осознает то, что могут быть люди, которые не согласны или имеют какие-либо оговорки, но, однако, такие открытые голоса несогласия не были зарегистрированы». Андропов, по словам Павловского, «однозначно оценивает мужество и ленинскую принципиальность ЦК КПСС и его Президиума и смелость, с которой ЦК выступил против нарушений ленинских методов в жизни партии, и, невзирая на личность, положил конец этим явлениям. Единогласно люди говорят о том, что видели нескромность Хрущева, хвастовство и авторитаризм, которые не могли принести партии и советскому народу ничего, кроме вреда».

Затем Андропов проиллюстрировал эти «общие утверждения» конкретными примерами отдельных заводов, колхозов, совхозов и институтов на основе сводок и писем, которые получили ЦК КПСС и редакция «Правды». В письме приведены некоторые из них, поступившие с завода им. Кирова в Минске, из узбекского колхоза «Политотдел», Ситкинского колхоза Тюменской области, от партийных организаций Института ядерной физики, Союза композиторов Армении и т.д. Андропов особо отметил, что искажается история «и преувеличивается роль Хрущева в Великой Отечественной войне», приведя в пример, в частности, первый том «Истории КПСС». Как доказательство насаждения нового культа личности Андропов указал на то, что пресса, кино и другие средства массовой информации были использованы для популяризации Хрущева, что «ненормальным является создание специальных документальных фильмов о его поездках за границу (Индия, США и т. д.), что “Правда” стала семейной газетой т. Хрущева и пр. (В связи с этим Андропов информирует, что широко критикуется и книга “Лицом к лицу с Америкой”[29])».

Перейдя к обзору писем отдельных людей, «коммунистов и беспартийных», Андропов отметил, что, одобряя принятое решение, они задают вопрос, чтó делается, чтобы нарастание «культа личности» снова не повторилось, поскольку за этим кроется не только усилие самого Хрущева, но и «многих тех, кто его безгранично превозносил в стране и за границей, не зная меры его восхваления», «появ-

[29] Книга о посещении Хрущевым США в сентябре 1959 г.

ляются голоса, утверждающие, что никто не подорвал веру в партию так, как он», требуют, «чтобы уже никогда не давались пустые обещания, поскольку это грозит опасностью распространения появившейся в народе поговорки “не болтай, как болтал Хрущев”». Андропов перечислил конкретные вопросы, которые задавались в письмах, относительно ошибок Хрущева и дальнейшей политики партии. По некоторым из них Павловский получил разъяснения.

Андропов заметил, что ознакомительная кампания с письмом ЦК КПСС завершается и сверх этого больше ничего делаться не будет: «они не хотят повторить ошибок, которые совершил т. Хрущев в методах критики Сталина, когда его критику сделал главным объектом своей деятельности, причем таким образом, что позитивное влияние критики XX съезда позднее стало превращаться в свою противоположность», «они намерены не развивать критику личности, а целеустремленно и обдуманно делать шаги к исправлению ошибок».

Павловский ознакомил Андропова с содержанием и результатами заседания ЦК КПЧ, касающимися смещения Хрущева. Он подчеркнул, что «ЦК КПЧ одобрил заявление Президиума [ЦК КПСС] и полностью его поддерживает», особо отметив, «что ЦК КПЧ считает единство взглядов с КПСС прочной основой нашей политики, в которой ничего не изменилось и не изменится». На вопрос Андропова, «как принимают и понимают люди этот вопрос», посол очень коротко сообщил, «что многие люди были взволнованы происшедшим, что многие не понимали способ, каким отставка была проведена, что существует, как и у них [в СССР], вопрос, что́ необходимо сделать, чтобы такие явления больше не повторялись». Что касается способа отставки, то Андропов посчитал, что «он был совершенно нормальным, отвечающим как ленинским нормам партийной жизни, так и создавшейся ситуации». Далее он обрисовал, как конкретно проходило заседание Президиума ЦК КПСС и почему было принято решение об отставке Хрущева. В его присутствии, говорится в письме посла, «они высказали свою критику и принципиальное несогласие вообще с его действиями… Сначала он протестовал и ругался, потом же признал свои ошибки и принял критику с оговоркой, что он уже стар, что страдает склерозом, и сам заявил, что на заседании ЦК, где должен был решаться вопрос, выступать не будет. Так он и сделал, а заседание ЦК КПСС после доклада т. Суслова пришло к известным выводам». Андропов отметил, что недовольство деятельностью Хрущева в Президиуме ЦК КПСС нарастало постепенно и стало особенно явственным в последние два года, подтвердив это конкретными приме-

рами волюнтаристских, авторитарных действий Хрущева без учета мнений Президиума ЦК КПСС. «Т. Андропов подчеркнул, – писал Павловский, – что, если говорить о “культе личности” Хрущева, то нельзя сравнивать со Сталиным, до такой степени “культ” уже не вырос, и даже объективно не мог вырасти. Сила партии этого не допустила, хотя он прилагал усилия к этому. Он усвоил многие методы, которые полностью свидетельствовали об этом – считать себя всезнающим и говорить по поводу всего и обо всем, начиная с сельского хозяйства, затем управления национальной экономикой и партией и кончая внешней политикой». «Кроме того, Андропов утверждал, что с его (Хрущева. – *В.М.*) стороны имели место проявления грубости в отношении коллег, недопустимые и оскорбительные окрики и т. д. Кроме того, его чертой была забывчивость, поскольку он часто менял указания, грубо отвергал разработанные предложения, которые сам до этого вносил, и оскорблял при этом сотрудников и т.д. Его забывчивость была, несомненно, вызвана старостью и склерозом сильной степени. Андропов утверждал, что он (Хрущев. – *В.М.*) вообще не помнил даже людей, с которыми встречался и пр.».

Павловский получил также информацию о переговорах Л.И. Брежнева с делегацией ПОРП: «Переговоры проходили, дескать, хорошо и в хорошей атмосфере. Т. Брежнев ее подробно информировал о пленуме ЦК КПСС, а т. Гомулка, дескать, заявил, что они согласны и поддерживают это решение, что они сами чувствовали многие ошибки т. Хрущева и их негативное влияние на мировое коммунистическое движение». Речь шла также об отношениях с Китаем (по словам Андропова, они «все сделают для налаживания отношений с Китаем, но без отхода от принципиальных позиций») и ФРГ (Андропов: «социалистические страны не могли понять его (Хрущева. - *В.М.*) действия и принципиально, зачем туда вообще хочет ехать»). Что касается переговоров с ФРГ, то Андропов заявил, что «об этих шагах будут советоваться с нами (то есть Чехословакией. – *В.М.*), и, прежде всего, с теми странами, которые в этом вопросе напрямую заинтересованы».

В заключении Андропов подчеркнул, что «решение о смещении товарища Хрущева было необходимостью, что нельзя было ждать вплоть до его смерти, а затем выступить с его критикой, поскольку тогда бы такие действия действительно никто бы не понял».

Приложение

Запись о встрече Н.С. Хрущева, А. Новотного, В. Гомулки и В. Ульбрихта в Варшаве 21 июля 1964 г.[30]

4 августа 1964 г., Прага

Вечером 21 июля 1964 г. состоялась встреча товарищей Н.С. Хрущева, А. Новотного, В. Гомулки и В. Ульбрихта, во время которой были обсуждены актуальные вопросы международного коммунистического движения. Было решено сначала обсудить вопрос, касающийся созыва совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Товарищ Хрущев изложил точку зрения ЦК КПСС. Он подчеркнул, что с совещанием можно было бы не спешить, если бы не продолжалась фракционная деятельность руководства КП Китая и публичная полемика, однако, учитывая сложившуюся ситуацию, этот вопрос поставлен на повестку дня.

Китайцы, сказал он, были первыми из тех, кто добивался созыва совещания, но сегодня изменили тактику, выступают против его проведения и открыто говорят о том, что оно могло бы состояться через 4–5 лет или позднее. Нельзя допустить, чтобы они навязывали нам свою волю и чтобы мы далее откладывали решение этого вопроса.

Руководство КП Китая ведет дело совершенно целенаправленно к расколу коммунистического движения. ЦК КПСС того мнения, что было бы неправильно организовывать совещания так, чтобы обсуждались две существующие противоположные линии и велись дискуссии о разногласиях во взглядах. Наоборот, следует исходить из программных документов – Декларации 1957 г. и Заявления 1960 г., на основе которых был бы выработан новый документ, в котором были бы зафиксированы и обобщены все новые явления, имевшие место в мировом развитии после совещаний, и с этих позиций определены новые стратегические и тактические принципы мирового коммунизма. Т. Хрущев подчеркнул, что жизнь подтверждает право-

[30] *Reiman M., Luňák P.* Op. cit. S. 379–388.

ту нашей программной линии, линии XX съезда КПСС. Он предложил, чтобы первым этапом в подготовке совещания был созыв редакционной комиссии, для участия в работе которой были бы приглашены 26 партий, как в 1960 г.

При этом следует считаться с тем, что комиссия в этом полном составе не соберется и что некоторые партии откажутся участвовать в ее работе. Могут участвовать хотя бы только 20 партий, однако нам это не должно помешать. Определенно откажется от участия КП Китая, поскольку нынешнюю ситуацию, когда подавляющее большинство коммунистических партий отвергает ее платформу, она считает для себя невыгодной. Не примут участия, очевидно, Корейская партия труда[31], Вьетнамская партия трудящихся, а также КП Японии. Что касается КП Индонезии, то он (Хрущев. – *В.М.*) сказал, что в ее руководстве проявляются значительные колебания. Когда она говорит с китайцами, то соглашается с ними, когда же говорит с нашими представителями, соглашается с нами, так что нельзя определить, будет она участвовать или нет.

Товарищ Хрущев высказал также мнение, что необходимо считаться с тем, что участие может отвергнуть и Румынская рабочая партия. Он подчеркнул при этом, что КПСС было поручено на совещании 1957 г. выступать с инициативой созыва совещаний братских партий и что она таким образом не будет делать ничего, что противоречило бы праву, которое ей дано международным коммунистическим форумом. Товарищ Новотный заметил, что эту точку зрения в 1957 г. разделял и подписался под ней также и Мао Цзедун.

Редакционная комиссия, продолжал т. Хрущев, выработала бы проект документа, который затем был бы обсужден на совещании, которое могло бы состояться где-нибудь осенью будущего года. На совещание были бы приглашены 81 партия, как в 1960 г., и только в его ходе был бы обсужден вопрос об участии представителей других партий. Затем свою точку зрения на совещание высказали другие товарищи.

Товарищ Новотный сказал, что Президиум ЦК КПЧ на своих заседаниях уже трижды занимался ситуацией в международном коммунистическом движении. Мы того мнения, что интересы коммунизма по необходимости требуют созыва совещания коммунистических и рабочих партий в как можно более сжатые сроки. Мы полагали, что нужно было бы созвать совещание, на котором была бы создана ре-

[31] Так в тексте. Правильно: Трудовая партия Кореи.

дакционная комиссия, которой было бы поручено выработать соответствующий документ. После выступления т. Хрущева я, однако, думаю, что предложенный им порядок действий лучше и что таким образом первым этапом был бы созыв редакционной комиссии.

В 1960 г., продолжал т. Новотный, наступил новый момент в мировом развитии и в коммунистическом движении, в отношении которого мы должны выработать точку зрения. Так, например, в Африке, Азии и Латинской Америке произошли изменения, которые должны были бы быть обсуждены на международном форуме и которые мы должны были бы принципиально оценить. Конкретно т. Новотный указал на развитие ситуации в Алжире, на создание алжирского Фронта национального освобождения. После обсуждения этих и других вопросов редакционной комиссией на совещании можно было бы и подумать о возможном приглашении представителей этих революционных сил. Потом он напомнил, что в некоторых коммунистических партиях Латинской Америки отсутствует единство взглядов, и во многих случаях мы сталкиваемся с тем, что одна часть представителей определенной партии говорит так, а другая иначе.

Затем выступил т. Ульбрихт. Он сказал, что Политбюро ЦК СЕПГ также занималось этим вопросом, и его точка зрения совпадает с точкой зрения ЦК КПСС. Созыв редакционной комиссии 26 партий абсолютно соответствует согласованным в коммунистическом движении принципам. Он высказался в том смысле, что, если КП Китая не примет участия в совещании, то скомпрометирует себя в глазах коммунистического движения. Затем он говорил о том, как вести далее публичную полемику. С нашей стороны, сказал он, не следует прибегать к грубому тону и ругательствам, это мы оставим китайцам, определенно в этом мы их не превзойдем. Мы действуем аргументированно и уважительно, опираясь на существующие факты. Надо, чтобы мы действовали наступательно. Такие действия приводят к наилучшим результатам. Он ссылался на наступательный дух их пропаганды в германском вопросе после их посещения Советского Союза, что привело, дескать, к успехам, которых они до того времени еще не имели.

Затем т. Гомулка сформулировал точку зрения ЦК ПОРП. Я согласен, сказал он, с т. Хрущевым, что сначала надо созвать редакционную комиссию. Если в ее работе примет участие менее 26 партий, это не так важно. Мы иногда оказываемся излишне в плену чисел, которые ранее сами определяем. Следует инициативно начать вырабатывать документ. Для руководства КП Китая характерно, что

оно в настоящее время ведет сосредоточенную пальбу против КПСС, а остальные коммунистические партии оставляет более или менее в покое. Цель ясна: изолировать КПСС от коммунистического движения. Этому необходимо воспрепятствовать и добиться, чтобы китайцы вынуждены были противопоставить себя широкому фронту. Как только редакционной комиссией будет выработан проект документа, руководство КП Китая вынуждено будет занять по отношению к нему позицию и выступить не только против КПСС, но и против других партий. Я полагаю, сказал т. Гомулка, что документ, выработанный редакционной комиссией, должен быть разослан коммунистическим и рабочим партиям, чтобы они дали свои замечания. Затем снова собралась бы редакционная комиссия, которая эти замечания проработала бы и, возможно, пригласила бы представителей партий, имеющих замечания, для консультаций с ними по имеющимся позициям. Потом можно было бы приступить к созыву совещания.

Участники встречи констатировали, что их взгляды на подготовку и созыв совещания одинаковы. Было решено, что редакционная комиссия приступит к работе осенью этого года с тем, чтобы сначала выработать проект тезисов нового документа, который будет разослан коммунистическим и рабочим партиям для замечаний. На втором же этапе она соберется, чтобы на основе замечаний выработать окончательный текст документа. Проект документа и открытые вопросы затем обсудит совещание коммунистических и рабочих партий, которые могли бы собраться приблизительно осенью будущего года.

В ходе совещания имел место и обмен мнениями по другим вопросам.

На вопрос, каков был результат переговоров с делегацией Румынской рабочей партии во главе с т. Маурером, Н.С. Хрущев привел целый ряд фактов. При этом он подчеркнул, что не разделял и не разделяет оптимизм, например, т. Подгорного, что касается позиции румын. Он открыто сказал, что отношения с РРП находятся на грани разрыва. Товарищ Хрущев согласился с замечанием т. Новотного, что главной причиной нынешней позиции румынских товарищей является национализм.

Потом он заявил, что дело Румынии является, по его мнению, также делом американской разведки. Уже много времени назад на Западе начали распространяться слухи о том, что Хрущев стремится

к свержению Георгиу-Дежа[32]. Американская разведка это, очевидно, изощренным способом использовала, и Деж этому вымыслу поверил. В этой связи он припомнил известный случай с Тухачевским, когда гитлеровская разведка посредством президента Бенеша вызвала у Сталина недоверие к маршалу Тухачевскому, который затем стал жертвой и был физически ликвидирован, как и другие кадры советской армии.

Парадокс состоит в том, сказал т. Хрущев, что мы не видим в настоящее время никакой ведущей личности в Румынии, которая могла бы заменить Дежа. По моему мнению, Деж на своем месте. Между нами и румынами не было никаких спорных вопросов, и для их нынешней позиции у них нет никаких мотивов. Однако они действуют лицемерно, имеют двойное лицо. После моего последнего визита в Румынию (в 1961 г. – *В.М.*) казалось, что все будет в порядке, а потом вдруг ни с того ни с сего они стали обниматься с китайцами.

Делегация во главе с Маурером, сказал далее т. Хрущев, вела себя в СССР удивительно. Румыны привезли с собой даже своих собственных поваров, не говоря уже об охране. Румынская делегация обвинила КПСС, что в своих рядах она распространяет информацию о том, что в румынской партии ведется якобы антисоветская пропаганда, что, дескать, не соответствует действительности. Мы открыто заявили румынским представителям, что они действительно так поступают, и привели ряд доказательств этого.

Товарищ Хрущев рассказал как о курьезном факте, что румыны переименовали даже улицу Пушкина, мотивируя это необходимостью борьбы с «культом личности». Он упомянул также о посещении одной румынской народнохозяйственной делегацией Ленинграда, где ее советские товарищи очень тепло приняли, поскольку ничего не знали о позициях румын – дело в том, что советские люди не были в этом смысле еще информированы. Однако румынская делегация вела себя недружественно. При посещении завода на вопрос, довольны ли они поставляемым им оборудованием, они ответили, что советские машины очень плохие, и в других случаях говорили о СССР весьма неуважительно. Когда мы спросили у делегации Маурера, сказал т. Хрущев, какие у них претензии к оборудованию, которое мы им поставляем, ее члены ответили, что никаких, поскольку речь идет о машинах самого высокого качества, и рассыпались усиленно в лю-

[32] Г. Георгиу-Деж – первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии, председатель Государственного совета Румынской народной республики.

безностях. При этом мы понимаем, сказал т. Хрущев, что такое излишнее восхваление не к месту, мы знаем о своих недостатках, но это другой вопрос. Факт, что румыны ведут себя неискренне, один раз говорят одно, другой – другое, просто, как им это выгодно.

Делегация Маурера нас также обвинила, что, дескать, в Румынии работает советская разведка. Товарищи, заверяю вас, продолжал т. Хрущев, что с такой практикой мы покончили сразу после смерти Сталина. При жизни Сталина это действительно было, но с этим мы сразу же и решительно рассчитались.

Что касается экономических вопросов, то вы знаете их точку зрения. Они отвергают высшие формы экономического сотрудничества. Я сказал им, что это их дело. Если захотите, пожалуйста, но не вмешивайтесь в сотрудничество других. Они потребовали, чтобы вопросы сотрудничества со странами-членами СЭВ, по которым у них с нами разногласия, они решали вне рамок СЭВ. Это нельзя квалифицировать иначе, как вмешательство, проистекающее из их националистического престижа. Как вы знаете, мы обратились в связи с развитием нашей химической промышленности к социалистическим странам с предложением сделать заказы. Румыны на это не отреагировали. Когда я в беседе с их делегацией констатировал, что они проявили в этом плане незаинтересованность, они стали утверждать, что это неправда, что, наоборот, они заинтересованы и т.д. После возвращения делегации Маурера они нам сообщили, что хотели бы для нас строить суда.

Румыны также просили, чтобы мы, как и в ОАР, построили в Румынии нечто подобное Асуанской плотине на тех же условиях – кредит на 12 лет при 2,5% [годовых]. Мы им сказали, что они не могут об этом просить и что в случае Асуанской плотины речь идет о других вещах. Они этого явно не поняли и чувствовали себя обиженными.

Они говорили о нас, что мы, дескать, против индустриализации Румынии и стремимся всеми мерами ее затормозить. Представьте себе, товарищи, такой вздор! Мы построили в Румынии тракторные, автомобильные, металлургические и ряд других заводов. Ведь то, что у них есть, они построили преимущественно с нашей помощью, и при этом без колебаний утверждают, что мы препятствуем индустриализации их страны. Только коммунисты такие глупцы, что бескорыстно помогают другим. Например, и в Индии мы построили металлургический завод и ныне покупаем часть его продукции.

Товарищ Новотный заметил, что мы также имеем в этом плане плохой опыт с Румынской народной республикой, и привел некоторые примеры (например, дело Подунайской низменности).

Далее товарищ Хрущев говорил о том, что, если румыны будут продолжать ту же линию, это, естественно, скажется и на экономике. Мы не будем в ущерб себе помогать кому-то, если он к нам относится таким образом. Мы будем исходить из принципа взаимной выгоды, и как только этот принцип проведем в жизнь, румын это, естественно, коснется. Мы не будем, например, поставлять им сырье и некоторые товары, которые у нас узкопрофильные и которыми мы, таким образом, нормально не торгуем.

На переговорах с делегацией Маурера румынские представители нам сказали, что мы якобы обвиняем их в том, что они хотят получить обратно Бессарабию. Мы им ответили, что это бессмысленно, поскольку не заинтересованы в том, чтобы этот вопрос обсуждать. И, наоборот, мы с удовлетворением констатируем их утверждение, что у них нет никаких подобных амбиций, и поэтому этим вопросом не следует больше заниматься. Я открыто заявил делегации Маурера, что зависит от них, хотят они с нами дружить или нет. В конце концов, мы – соседи, и в этом ничего нельзя изменить. Однако если они не захотят, чтобы мы как соседи ходили друг к другу в гости, то мы примем это к сведению. Однако, это не довод к тому, чтобы на нас плевать через забор.

Под конец, сказал т. Хрущев, мы разговаривали с румынами уже гораздо более мирно и от некоторых высказанных претензий дистанцировались. Переговоры должны быть продолжены в начале августа между мной и Дежем, если его здоровье ему это позволит.

Если же румыны будут вести себя по отношению к нам недобро, сказал т. Хрущев, естественно, мы не будем молчать и скажем свое слово. Ведь, кроме прочего, является историческим фактом, что во время войны Румыния была на стороне Гитлера и ее армия сражалась против нас. В связи с этим он вспомнил о своем пребывании на Сталинградском фронте, где главный удар пришелся прямо на участок, который держали румынские войска. Во вражеских рядах был в то время и Маурер. Он упомянул о происхождении Маурера, который был во времена королевского режима адвокатом и которому Деж обязан, поскольку тот был его защитником на процессе против него до войны.

Американцы и вообще империалисты в настоящее время стремятся как можно больше использовать проявления национализма.

Так это и в случае с Румынией. Они будут ее заманивать, соблазнять, особенно, что касается экономической сферы (кредиты и т. д.), но только глупец может думать, что империалисты будут помогать социалистическим странам, коммунистам. Естественно, что как только они достигли бы своей цели, т.е. отрыва социалистических стран друг от друга, так сразу же им «ударили бы в спину».

В ходе разговора т. Хрущев сослался на слова т. Новотного о необходимости дать оценку процессам в развивающихся странах, и остановился на некоторых наблюдениях, вынесенных из переговоров с Бен Беллой, Насером, Арефом[33] и другими. Он позитивно оценил политический профиль Бен Беллы, о котором заявил, что он «умница» (светлая голова). Деятельность Насера он также оценил положительно. Он вспомнил, что в прошлом встречался с ним, что послал Насеру открытое критическое письмо, но что в последнее время их взаимоотношения хорошие и что Насер его тепло принял. На процессы в Алжире, ОАР и других развивающихся странах, сказал т. Хрущев, мы не можем смотреть догматически, наоборот, следует их изучать и оценивать как положительные процессы. Иногда мы находимся в плену старых догм, которые мешают нам видеть вещи в правильных пропорциях и свете.

В этой связи он напомнил, что Фидель Кастро во время их последней встречи критиковал Бен Беллу за то, что землю, оставленную французскими колонизаторами, не передал крестьянам, а вместо этого организовал государственные хозяйства. На Кубе, дескать, такой большой ошибки не сделали и отдали землю бедным крестьянам. Т. Хрущев на это ответил, что сделали правильно, как он – Кастро, так и Бен Белла, поскольку вопрос нельзя рассматривать схематически. Представьте себе, продолжал т. Хрущев, что этот взгляд навязали Кастро наши товарищи из ЦК. Они ссылались на то, что этот вопрос был с точки зрения марксизма решен уже давно и однозначно, при этом ссылались на решение Коминтерна, который тогда критиковал венгерских коммунистов и указывал на тот факт, что партия не разделила помещичью землю между крестьянами, как на одну из причин поражения Венгерской советской республики. Мы долго воспитывались на упрощенных понятиях и поэтому и сегодня действуем в некоторых случаях по формулам, которые не учитывают разнообразие развития.

---

[33] А. Бен Белла – президент и глава правительства Алжира; Г.А. Насер – президент Египта; А.С. Ареф – президент Ирака.

Потом он говорил о том, что очень плохое впечатление на него произвел Ареф, которого Насер пригласил в ОАР во время его визита, чтобы дать ему возможность встретиться с ним. Надо понять, сказал далее т. Хрущев, что социализм стал великой силой. О нем говорят также в Йемене и других странах, хотя следует учитывать и то, что его содержание, как оно толкуется деятелями развивающихся стран, не совпадает с марксизмом-ленинизмом. Насер, например, подчеркивает, что верит в Бога, хотя я думаю, что он врет, и связывает социализм с религией. Коммунисты – прирожденные атеисты, но и к этому вопросу не следует подходить догматически.

Во время встречи говорилось также о германской проблеме. Товарищ Новотный изложил позиции нашего ЦК по этому вопросу. Т. Хрущев сказал, что ситуация в ФРГ движется к новому Рапалло (Рапалльскому договору 16.04.1922). Товарищи Гомулка и Ульбрихт возразили, что так далеко, конечно, дело не зашло, и выразили с этим взглядом несогласие. Мы не должны заниматься этим вопросом, сказал т. Хрущев, поскольку он неактуален. Естественно, что боннские круги делают все для этого, и прежде всего своей экономической политикой они хотели бы добиться того, чтобы ГДР осталась на бобах, что, конечно же, ерунда, и они никогда этого не смогут достичь. С другой стороны, надо видеть, что прежде превозносимое западногерманское экономическое чудо уже вообще не является чудом. ФРГ требуются, и западногерманские предприниматели добиваются установления экономических отношений с нами. В этой связи он привел известный случай отказа поставлять трубы Советскому Союзу. Сегодня нам предлагают трубы шведы и англичане, и на западногерманские круги это, очевидно, будет оказывать давление.

Они будут все более понимать, как сказал далее т. Хрущев, что увязывать экономические отношения с нами с политическими условиями совершенно нереально. Трезвомыслящие деятели в Бонне хорошо знают, что объединения Германии они не могут добиться без и против СССР, без и против ГДР. Сегодня мы дали согласие на то, чтобы Аджубей[34] принял приглашение трех редакций газет Западного Берлина. При этом немцы нам дали знать, что это приглашение сделано с согласия Эрхарда[35]. Мы считались с тем, что Аджубей несомненно будет принят многими западногерманскими магнатами, Ма-

[34] А. Аджубей – главный редактор «Правды», зять Хрущева.
[35] Л. Эрхард – канцлер ФРГ.

нессманом, Круппом и Бейтцем, представителями общественности ФРГ. Посмотрим, с чем он вернется.

Товарищ Хрущев затем поведал историю о том, как в последний раз принимал посла ФРГ в СССР. Если его предшественник Кролл был умный человек, то ее новый посол – совершенный идиот. Он просил о приеме в то время, когда у нас с визитом был Вальтер Ульбрихт. Я решил, что приму его только после отъезда последнего. Он пришел ко мне и начал читать немецкий текст. Я прервал его, сказав, что не понимаю, чтобы дать возможность переводчику перевести на русский. Он однако продолжал, как ни в чем ни бывало. Я прервал его повторно, а когда и это было безрезультатно, так я рассердился и сказал ему, зачем же он в таком случае просил меня принять его, что он мог бы бумагу передать Министерству иностранных дел, которое бы мне прислало перевод, и что его визит я считаю совершенно излишним. Он просил меня, чтобы я позволил ему дочитать, что самое главное – в заключении. В конце было, что Эрхард приглашает меня посетить ФРГ[36]. Я спросил, содержит ли заявление, которое он зачитал перед этим, политические условия. Все это ввергло меня в раздумья. Эрхард этим приглашением, видимо, добивается и того, чтобы и я его пригласил в СССР. Товарищ Громыко заметил, что Эрхард делает ставку на США в отличие от Аденауэра, который хотел больше опираться на Францию и Великобританию. Товарищ Ульбрихт после этого развивал мысль, что главной целью ФРГ является получение атомного оружия в рамках НАТО.

По вопросу о Франции т. Хрущев заметил, что политика «величия Франции» де Голля нереальна. Де Голль не имеет никакой опоры, он не ориентируется на США, делает ставку на ФРГ, но никогда не бывает, чтобы более слабый подчинил себе более сильного, а ФРГ сильнее Франции.

Товарищ Новотный высказал мнение, что де Голль, учитывая ситуацию, в которой он находится, и нынешнее международное положение Франции, будет, очевидно, искать с нами контакты. Затем он упомянул о том, что де Голль не выполнил решение штаба НАТО о перемещении французских дивизий поближе к нашим границам. Я передал ему через нашего посла, что этот шаг мы приняли с удовлетворением. И хотя де Голль, естественно, делал это, не имея в виду ЧССР, и думал, прежде всего, о том, чтобы не открыть свои границы

[36] Визит не состоялся, поскольку в октябре 1964 г. Хрущев был отозван со всех занимаемых им постов.

на Рейне, я реагировал на его решение, как на позитивный шаг в отношении ЧССР.

В ходе обсуждения т. Хрущев упомянул также о том, что Мао Цзедун уже вообще трезво не рассуждает, что совершенно сошел с ума. Он засмеялся и сказал, что разделяет мнение, с которым недавно встретился, что Мао станет мудрым лишь тогда, когда будет лежать в мавзолее. Он проводит политику ножа, животной ненависти и ликвидации противников.

В Китае, Корее и Албании существуют порядки, которые гораздо хуже, чем у нас в период «культа личности», с которым мы навсегда и твердо покончили. Этим объясняется и коварство, к которому прибегают китайцы. Мао когда-то в разговоре с Микояном о Ким Ир Сене называл его фашистом, как Гитлера, а затем китайцы перед корейцами обвинили в этом нас. Он упомянул также о том, что китайцы непрестанно вызывают пограничные споры. Они начали с Индии, сказал т. Хрущев, спором о территории, которая вообще не имеет ценности (точно: где нельзя даже …), не взирая на то, что между Индией и Китаем при прежних режимах никаких территориальных споров не существовало. Теперь они провоцируют пограничные инциденты и с нами. Обзывают нас империалистами и упрекают нас за экспансивную[37] политику русских царей. Мы ни в коем случае не защищаем русских царей. Они проводили такую же грабительскую политику, как правители Китая и властители других стран. Но ведь это немыслимо, чтобы то, что относится к далекому прошлому, стало предметом разговоров о территориальных изменениях между коммунистами.

Затем т. Хрущев говорил о трудностях с корейцами. Он упомянул об очень остром обмене мнениями между послом СССР в Корее Московским и заместителем председателя Совета министров Ли Джу Дженом, когда корейцы требовали, чтобы договор о торговле на 1965 г. готовился иначе, чем прошлогодний, который, дескать, для них невыгоден. Они хотят, чтобы мы у них покупали машины, которые совершенно некачественные и которые мы сами уж давно перестали производить, как совершенно ненужные. Мы им сказали, чтобы они улучшили качество своих машин, и тогда мы будем их ввозить. Учитывая нынешние позиции Корейской партии труда, сказал т. Хрущев, мы вынуждены в отношениях с ними проводить принцип взаимной выгоды. Никто этому не может удивляться.

[37] Так в тексте. Следует читать: экспансионистскую.

На вопрос, каковы результаты визита в скандинавские страны, т. Хрущев ответил, что он ими в целом доволен и что поездка была успешной. Беседы были откровенными. В связи с этим он упомянул, что, например, Герхардсен (норвежский премьер-министр и председатель социал-демократической партии[38]) его спросил при подходящем случае, что он думает о том, разбирается ли Бен Белла в социализме. Я ответил ему, что он (Бен Белла. – *В.М.*) сделал для социализма больше, чем его (Герхардсена. – *В.М.*) социал-демократическая партия за всю свою историю.

Позитивно оценил т. Хрущев визит в СССР делегации Японской социалистической партии. Он упомянул о том, что Мао Цзедун высказался в поддержку Японии, что касается возвращения Советским Союзом Курильских островов. Делегация ЯСП хотела говорить по этому вопросу. Мы им заявили, что только тогда, когда они придут к власти, мы будем с ними этот вопрос обсуждать. Товарищ Новотный заметил, что Курильские острова имеют большое стратегическое значение и что их возвращение Японии понравилось бы американцам, которые там немедленно создали бы свою военную базу.

В заключение встречи ее участники констатировали единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам. Товарищ Гомулка заявил, что очень рад, что состоялась встреча в этом составе. Товарищ Хрущев заметил, что этот состав представляет собой передний фронт нашего движения и что от его прочности в значительной степени зависят дальнейшие успехи мирового коммунизма. Он сказал, что было бы, вероятно, неплохо, чтобы этим составом был также выработан проект тезисов нового документа, который затем разработала бы редакционная комиссия.

[38] Правильно: Норвежской рабочей партии.

А. Животич

Советский Союз и югославско-албанские отношения (1956–1961)

Для «социалистического лагеря» вторая половина 1956 г. была ознаменована рядом потрясений. В некоторых восточноевропейских странах стремление к радикальной десталинизации государства и общества, политической, экономической и социальной либерализации стало реакцией на решения XX съезда КПСС. Силы, выступавшие за проведение реформ, были наиболее мощными в Венгрии и Польше. Югославия, все еще не завершившая нормализацию отношений с восточноевропейскими странами и имевшая репутацию первой страны, воспротивившейся гегемонии СССР, заняла предельно независимую позицию в отношении известных событий и, особенно, венгерского кризиса. Ввиду того, что югославская позиция по Венгрии отражалась и на ее связях с другими социалистическими странами, она не могла не сказаться на отношениях с Албанией – самым бескомпромиссным с идеологической точки зрения членом восточного блока. Кризисные явления, имевшие место в «социалистическом лагере», совпали по времени с Суэцким кризисом. Югославия играла активную роль в его урегулировании, что также в значительной мере сказывалось на ее отношениях с восточноевропейскими странами, которые старались выступать единым фронтом[1]. Позиция югославского правительства влияла на развитие отношений с Албанией. Наряду с этим, внимание албанской дипломатии, стремившейся к нормализации отношений с Афинами, было занято кипрской проблемой и все более острым противостоянием между Грецией и Турцией. Этот вопрос волновал и Югославию, которую объединяли узы союзничества и с Грецией, и с Турцией, что серьезным образом сказывалось и на ее отношениях с Албанией.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, во время визита в Югославию (22–29 октября 1956 г.) официальной румынской делегации во главе с Г. Георгиу-Дежем значительное внимание было уделено обсуждению ситуации в Венгрии. Совершенно

---

[1] Об отношении Югославии к Суэцкому кризису см., например: *Животић А.* Југославија и Суецка криза 1956–1957. Београд, 2008; *Rajak S.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u 1956. godini i Mađarska kriza u izveštajima britanskih diplomata u Beogradu // Istorija XX veka. 2000. № 2. S. 83–97; *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006.

неожиданно для румынских гостей Й.Б. Тито и Э. Кардель подвергли критике советскую экономическую доктрину и внешнеполитический курс Кремля, особенно его венгерское направление. Тогда же Тито открыто заявил, что не понимает политику албанского руководства, настаивающего на сохранении существовавшего положения вещей и отрицающего необходимость проведения реформ[2]. Тем не менее, переговоры произвели глубокое впечатление на членов румынской делегации. Спустя месяц в Бухаресте Деж в разговоре с советником посольства СССР в Бухаресте В.Ф. Николаевым подчеркнул, что, по его мнению, югославы занимают неправильную позицию по отношению к Э. Ходже. Деж заявил также, что намеревается обратиться к Тито с предложением своего посредничества[3].

Понимая, что советская политика направлена на полное уничтожение в Венгрии реформаторских сил, албанское правительство приняло решение неукоснительно следовать в фарватере Москвы. 8 ноября 1956 г. на заседании по поводу 15-ой годовщины основания компартии Албании Э. Ходжа в выступлении, посвященном важным вопросам внутренней и внешней политики, остановился и на кризисе в Венгрии. Ответственность за происходившее в стране он возложил на международную реакцию и американский империализм, стремившийся упразднить в Венгрии социализм и реставрировать фашистскую диктатуру Хорти. Ходжа подчеркнул, что албанский народ ненавидит внешних врагов-империалистов, подготовивших заговор, обманувших честных трудящихся Венгрии и развязавших контрреволюцию, направленную на восстановление «ненавистного режима графов, Ватикана, капиталистов, империалистов и лжедемократов»[4]. Хотя Югославия не упоминалась напрямую, речь Ходжи изобиловала аллегориями, за которыми легко угадывались обвинения в адрес Белграда в связи с его оценками венгерских событий, отношениями с Западом и странами «социалистического лагеря».

---

[2] Архив Југославије (далее – AJ). Кабинет Председника Републике (далее – КПР). I–3–а / 27–8 (Записка о переговорах югославской и румынской государственных делегаций, 22–29 октября 1956 г.).

[3] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Отв. ред. Т.М. Исламов / М., 1998. С. 694–696.

[4] AJ. КПР. I–5–с / 1259 (Выдержки из речи Э. Ходжи на торжественном заседании по поводу 15-й годовщины основания Коммунистической партии Албании, состоявшемся в Тиране 8 ноября 1956 г.).

13 ноября 1956 г., обращаясь к албанскому Народному собранию, премьер-министр М. Шеху подчеркнул, что албанское правительство осуждает империалистических агентов, антимарксистских антисоциалистических демагогов, использовавших недовольство части венгерских трудящихся, организовавших контрреволюционные банды, которым открыл дорогу «бандит и враг социализма Имре Надь, желавший восстановления капитализма». По словам оратора, произошедшее стало горьким уроком для всех, кто стремится к построению социализма, для всех марксистско-ленинских партий. Шеху воспользовался возможностью снова указать на подтвержденную международными событиями правильность политического курса албанских коммунистов. Он заверил депутатов, что Албанская партия труда (АПТ), извлекая уроки из венгерских событий, повысит бдительность, перекроет путь агентам империализма и капитализма в свои ряды[5]. На практике это означало, что компартия и впредь будет придерживаться сталинистских принципов, исключавших возможность самореформирования и подразумевавших ужесточение внутренних репрессий в целях сохранения общественного строя в неизменном виде. Шеху отметил также, что основой албанской внешней политики является крепкий союз с СССР.

Позиция Югославии по венгерскому вопросу и реакция на нее албанского руководства вызывали острые разногласия с советскими дипломатическими представителями в Белграде. 13 ноября 1956 г. заместитель государственного секретаря Д. Видич в разговоре с послом Н.П. Фирюбиным упомянул статью Ходжи в «Правде», содержавшую ряд обвинений по поводу политики Белграда в отношении стран-членов «социалистического лагеря». По мнению югославов, заявления Ходжи противоречили решениям XX съезда КПСС, и, в первую очередь, теоретическим установкам, определявшим характер отношений между социалистическими странами. Югославов тревожил тот факт, что статья Ходжи, опубликованная в «Правде», могла отражать позицию советского партийного руководства. Фирюбин, разнервничавшийся после слов Видича, постарался убедить его в незначительности того, что публикует пресса. При этом советский дипломат заметил, что сам он не обращает внимания на критические материалы о советской внешней политике, помещаемые время от времени в югославской прессе, особенно в «Борбе», за подписью Д.

[5] Там же. С /1268 (Резюме речи М. Шеху на заседании Народного собрания Албании 13 ноября 1956 г.).

Чосича и Г. Алтмана. Видич, со своей стороны, пояснил, что таковы взгляды писателей и журналистов, а не партийного руководства[6]. Разговор, завершившийся в дружеской атмосфере, четко очертил направления развития советско-югославских отношений, напрямую влиявшие и на отношения Югославии с Албанией.

Вскоре последовала реакция руководства АПТ на речь Тито в Пуле. 23 ноября 1956 г. в партийном органе газете «Зери и популит» была напечатана редакционная статья «К вопросу о недавней речи Йосипа Броза». В статье указывалось, что политические взгляды Генерального секретаря Союза коммунистов Югославии противоречили марксистско-ленинскому учению, принципам международной солидарности трудящихся и международного рабочего движения. Не была обойдена вниманием и оценка югославским лидером венгерских событий как спонтанного и оправданного восстания. («Зери и популит» характеризовала события в Венгрии как контрреволюционный переворот). Прямым намеком на позицию Югославии звучали слова о «враге, с которого сорвана маска, который показал свое подлинное лицо». «Ясно, – продолжал автор редакционной статьи, – чего хотели те, кто скрывался за демагогическими лозунгами исправления ошибок ради достижения истинной демократии, полного национального суверенитета и благосостояния масс». Цитируемая статья содержала обвинения Тито в полном отказе от марксистско-ленинского курса. Автор статьи оправдывал советское военное вторжение, подчеркивая, что Советы выполнили свой интернациональный долг – во второй раз освободили венгерский народ и защитили мир во всем мире, не допустив превращения Венгрии в очаг войны и агрессии. Укрыв И. Надя в своем посольстве, указывалось в статье, югославы вызвали праведный гнев венгерского и других социалистических народов, стремившихся сорвать попытку «империалистического реванша». Югославская печать подверглась нападкам за то, что, публикуя материалы о кружке Петёфи и перепечатывая «контрреволюционные» венгерские статьи, она подстегивала контрреволюцию в Венгрии. Острой критике подверглась позиция Тито в поддержку борьбы с культом личности, якобы продиктованная стремлением посеять рознь внутри социалистического и международного

[6] AJ. КПР. I-3-а/1254 (Запись беседы заместителя государственного секретаря Д. Видича с послом СССР Н.П. Фирюбиным на торжественном обеде 13 ноября 1956 г. в честь советской военной делегации, устроенном начальником Генштаба Л. Вучковичем).

рабочего движения, а также разделение им коммунистов на сталинистов и несталинистов. Резко отреагировала газета и на завышенную самооценку Белградом роли Югославии в международных делах.

Отдельного комментария удостоилась югославская позиция в отношении Албании. Антисталинистский выпад Тито был воспринят как критика руководства АПТ. Кроме того, вербальной атаке подверглась и югославская пресса, постоянно нападавшая в своих публикациях на албанское государство и партию. Подчеркивалось, что АПТ «твердо защищала свою страну, народ, свободу, марксистско-ленинскую линию, дружбу с СССР» и служила главным препятствием югославским империалистическим намерениям.

Резко осудив вмешательство Югославии во внутренние дела Албании как антимарксистское и шовинистическое проявление, автор отметил, что усилия Тираны нормализовать отношения не встретили поддержку и понимание югославской стороны. Выступление Тито в Пуле представляло особую опасность, поскольку в нем содержался призыв к свержению внутреннего строя Албании и ее правительства. Заканчивалась статья подтверждением приверженности партийного руководства прежнему курсу и решимости в будущем дать отпор любым тенденциям, чреватым повторением венгерского сценария[7]. В целом редакционная статья «Зери и популит» положила конец попыткам югославско-албанской нормализации и ознаменовала собой начало нового этапа противостояния. Было ясно, что Албания не пойдет ни на какие изменения внешнеполитического курса, что внутриполитические реформы и либерализация общественной жизни исключены.

26 ноября 1956 г. вышеупомянутая речь Тито стала предметом обсуждения в ходе беседы главы правительства М. Шеху и временного поверенного в делах СССР в Албании Хошева. Суммировав обвинения, опубликованные в албанской печати, Шеху подверг позицию Тито серьезной критике. Хошев, в целом, с ней согласился, оговорившись, однако, что считает ее слишком резкой, особенно в той части, которая касается отношения Белграда к событиям в Венгрии. Советский дипломат заметил, что, хотя принципиальные позиции их

[7] Там же.

стран совпадают, манера поведения албанского руководства не вызывает в Москве одобрения[8].

На выступление Тито отреагировал и дипломатический корпус в Тиране. Болгарский посол пытался совместить несовместимое: критикуя советское вторжение в Венгрию, одновременно похвально отзывался о позиции СССР в данном кризисе. Венгерский посол, пребывавший в панике, обратился к югославскому коллеге Милатовичу с просьбой о возможном представлении политического убежища, на что получил положительный ответ. Польский посол, поддержав позицию Югославии, жаловался, что находится в полной изоляции: албанцы запретили своим бывшим студентам поддерживать какие-либо контакты с польским посольством, переводчица-албанка уволилась, советский посол его игнорирует[9].

В начале декабря после возвращения из Москвы Э. Ходжа инициировал обсуждение в руководстве вопроса о положении в Югославии и перспективах сотрудничества с этой страной. В направленном от имени Политбюро обращении к албанским коммунистам указывалось, что югославская теория о различных путях построения социализма ошибочна и заслуживает острой критики, что политика Белграда наносит вред всем силам социализма, служит препятствием дальнейшему развитию политических и партийных контактов между Югославией и Албанией. Политбюро осудило югославское вмешательство во внутренние дела Венгрии, приведшее к многочисленным человеческим жертвам, разорению венгерского народного хозяйства и попытке дискредитации советского внешнеполитического курса[10]. Решения Политбюро стали для Ходжи карт-бланшем на проведение кампании против Югославии, которая была вскоре развязана. В мемуарах Ходжа также вспоминает, что во время разговора в Тиране с советским послом он жестко критиковал СССР за попустительство

[8] Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 128. Д. 477. Л. 20-24 (Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Албании Хошева с М. Шеху 27 ноября 1956 г.).

[9] AJ. KПР. I–5–c /1207 (Телеграмма посольства в Тиране в Государственный секретариат иностранных дел от 28 ноября 1956 г.).

[10] Постановление Президиума ЦК КПСС о направлении руководителям коммунистических и рабочих партий материалов о взаимоотношениях КПСС и СКЮ // Советский Союз и венгерский кризис... С. 733–734.

Югославии[11]. Доступные в настоящее время источники не дают возможности верифицировать подобное утверждение.

Югославская сторона по своим разведывательным каналам получила упомянутые выше решения Политбюро, о чем Тито 3 декабря 1956 г. оповестил Хрущева[12]. Обращение Тито к Хрущеву было мотивировано не только действиями албанского руководства, но и, в целом, отношением «социалистического лагеря» к Югославии в связи с ее позицией по Венгрии. Хрущев в своем ответе, который последовал только 10 января, заявил, что Кремль критиковал албанское руководство из-за спорного документа, принятие которого наносит вред развитию югославско-албанских отношений. Албанская сторона быстро отреагировала, заявив, что документ – фальшивка и дело рук «врагов социализма». Кроме того, Хрущев отрицал, что советское партийное руководство давало Ходже какие-либо инструкции, которые могли бы негативно повлиять на отношения Югославии с Албанией и СССР. Советский лидер также обвинил югославскую сторону в проведении разведывательной деятельности в странах народной демократии[13]. Тито отверг обвинения в шпионаже, подчеркнув в ответном письме, что в Албании имеется много несогласных с политикой руководства коммунистов, предоставляющих в распоряжение югославских товарищей соответствующие сведения, что документ, о котором идет речь, – подлинный, и что его легче объявить фальшивкой, чем взять на себя за него ответственность. Кроме того, югославский руководитель заметил, что, насколько ему известно, советское руководство также располагает важными югославскими документами, но при этом он не обвиняет его в шпионаже[14]. Переписка Тито и Хрущева отразила не только плохие отношения между двумя балканскими государствами, но и свидетельствовала о значительных разногласиях между югославским и советскими «верхами», что грозило ухудшением отношений ФНРЮ и СССР.

Вступив в новую стадию конфликта с Югославией, Албания одновременно стремилась упрочить свои связи с остальными странами советского блока. Первой страной с которой было решено наладить более тесный контакт, стала Болгария, ближе всех расположен-

[11] *Hoxha E*. The Khrushchevites: Memoires. Tirana, 1980. P. 102.
[12] AJ. 507/IX-KMOB ЦК СКЈ, СССР. 119/I-83 (Письмо Й.Б. Тито Н.С. Хрущеву от 3 декабря 1956 г.).
[13] Там же. 119/I-92 (Письмо Н.С. Хрущева Й.Б. Тито от 10 января 1957 г.).
[14] Там же. 119/I-95 (Письмо Й.Б. Тито Н.С. Хрущеву от 1 февраля 1957 г.).

ная географически и наиболее перспективная с точки зрения политического и экономического сотрудничества. В январе 1957 г. в Тиране во время визита болгарской официальной делегации был подписан ряд двусторонних соглашений, в числе которых соглашение о долгосрочном кредите, представляемом Болгарией, планы сотрудничества в социальной и культурной сферах, протокол о научном сотрудничестве на 1957 г. и договор о торговле на 1957 г.[15] 30 января 1957 г. М. Шеху подробно проинформировал о прошедших переговорах советского дипломата Хошева, который приветствовал подобный вид сотрудничества двух балканских государств[16]. Албанско-болгарское сближение отвечало интересам СССР с экономической и политической точки зрения. С одной стороны, оно содействовало внутренней консолидации «социалистического лагеря» после событий в Польше и Венгрии, а, с другой, позволяло переложить часть бремени экономической помощи Албании на плечи Болгарии.

Особое внимание в это время албанская сторона уделяла задаче укрепления кадровой основы партии. Здесь, прежде всего, она рассчитывала на помощь Москвы: было принято решение увеличить число партработников, офицеров и студентов, направляемых для обучения в Советский Союз. Одна из задач, которая ставилась при этом перед ними, – научиться вести борьбу с потенциальными либеральными тенденциями в собственной стране[17].

Советская сторона основательно изучила положение в АПТ, что позволило ей выработать стратегию в отношении Албании[18].

15 февраля в беседе с послом ФНРЮ В. Мичуновичем Н.С. Хрущев информировал, что после визита албанской делегации сам собирается в Тирану и на месте определит, как организовать помощь Албании в развитии ее народного хозяйства и, в первую очередь, аграрной сферы. Советский лидер снова обвинил Югославию в шпионаже против Албании, что вызвало несогласие Мичуновича, вынужденного доказывать необоснованность данного обвинения. Однако

---

[15] AJ. KПР. I–5–c/1440 (Записка о пребываниии болгарской правительственной делегации в Албании).

[16] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 128. Д. 477. Л. 18–19 (Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Албании Хошева с Шеху от 30 января 1957 г.).

[17] Там же. Л. 25–34 (Документы об обучении албанских студентов, офицеров и партийных руководителей в 1957 г.).

[18] Там же. Л. 5–12 (Доклад советского посольства в Тиране о положении в Албанской партии труда.).

главным в беседе, несомненно, являлось высказанное Хрущевым пожелание к югославской стороне добиться потепления между Албанией и Югославией. Мичунович возложил вину за напряженность на Албанию, развязавшую антиюгославскую кампанию, несмотря на то, что Югославия много сделала для укрепления албанской независимости. Хрущев, еще раз подчеркнув, что СССР выступает за улучшение отношений между Югославией и Албанией, заметил, что несогласие между ними вносит разлад и в отношения между ФНРЮ и СССР[19].

Под влиянием Кремля албанцы публично высказали намерение к сближению с Западом и, в частности, к восстановлению дипломатических отношений с США и Великобританией. Новый поворот албанского внешнеполитического курса был напрямую связан с недавними переменами в СССР, который стремился к большей открытости с Западом, усилению собственного влияния на Ближнем Востоке и нормализации отношений с Югославией с целью компенсации дипломатического и политического ущерба, понесенного вследствие особой позиции ФНРЮ в венгерском кризисе.

Во время визита албанской делегации в Москву советский лидер постарался сгладить противоречия между Тираной и Белградом. 17 апреля 1957 г. на приеме в Георгиевском зале Кремля Хрущев, игравший роль миротворца, в присутствии журналистов и дипломатов «организовал» беседу посла Мичуновича с Ходжей. Последний, заявив Мичуновичу о желании развивать дружественные отношения с Югославией на основе марксизма-ленинизма, перешел к жалобам на поведение в Тиране югославского посланника А. Милатовича, который якобы занимался разведывательной деятельностью, неоднократно нарушал запрет на посещение иностранцами отдельных районов Албании, поддерживал контакты с оппозицией. Мичунович в острой форме отверг обвинения Ходжи, заявив, что Милатович, которого он лично хорошо знает, не является врагом Албании.[20] Упорство, продемонстрированное собеседниками, свело усилия Хрущева примирить стороны на нет.

Пребывание в Москве албанской делегации существенно отразилось на отношениях Тираны и Белграда. Очевидно, по совету Кремля албанцы за несколько дней до отъезда в Москву приостано-

---

[19] AJ. КПР. I-5-c. 1259 (Доклад о беседе с Н.С. Хрущевым от 15 февраля 1957 г.).

[20] *Mićunović V.* Moskovske godine (1956–1958). Zagreb, 1977. S. 136–138.

вили антиюгославскую кампанию в прессе. Взяв паузу в идеологическом противостоянии, албанское руководство, тем не менее, одновременно продолжило критику югославской внешней политики, акцентировав внимание на спорных международных проблемах[21]. По возвращении из Москвы Ходжа и Шеху объявили, что албанское правительство будет придерживаться политики добрососедства, основанной на принципах мирного сосуществования, марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Указав на необходимость улучшения отношений с Югославией, они подчеркнули вину Югославии в обострении противоречий. Следовательно, именно Белград, по мнению албанцев, должен был сделать первый шаг к примирению[22]. Само албанское руководство мало что сделало для уменьшения напряженности.

Югославская сторона положительно отреагировала на заявления Шеху и Ходжи, расценив их как хорошую основу для начала диалога. 9 мая 1957 г. посланник Милатович в беседе с помощником министра иностранных дел Албании Н. Насе позитивно оценил развитие событий и выразил надежду, что идеологические расхождения не станут препятствием для развития межгосударственных отношений. Дипломаты согласились, что следует развивать сотрудничество и совместно преодолевать возникающие разногласия, основываясь на общности интересов двух стран[23].

Дипломатические представители восточноевропейских стран в Тиране по-разному оценивали вышеописанные усилия албанского руководства. Болгары, например, выступали с примирительных позиций, заявляя, что обе стороны одинаково виноваты во взаимном охлаждении[24]. Одновременно вследствие резких перемен в восточном блоке, а также ввиду неоднозначного отношения к Албании восточноевропейские государства увеличили свое дипломатическое присутствие в этой стране. Пришедшееся на вторую половину 1957 г. по-

[21] Дипломатски архив Минестарства спољних послова Републике Србије (далее – Политичка архива (далее – ПА)). ПА–1957, Албанија. Ф. 1. 49879 (Доклад А. Милатовича в Государственный секретариат иностранных дел от 30 апреля 1957 г.).

[22] Там же.

[23] AJ. КПР, I-5-с. 1242 (Телеграмма посольства в Тиране в Государственный секретариат иностранных дел от 10 мая 1957 г.).

[24] ДАСМИП. ПА-1957, Албанија. Ф. 1. 413245 (Запись беседы секретаря Ковачича с 3-м секретарем посольства Болгарии Николовым 6 июля 1957 г.).

тепление между Югославией и восточноевропейскими странами было недолговременным. Уже осенью наметилось новое противостояние с СССР, постепенно сказывавшееся на отношениях Югославии и с другими государствами. На негативный характер тенденции влияли отказ Белграда подписать декларацию 12-ти компартий о положении в социалистическом блоке и отношениях между партиями, проект Устава и Программы Союза коммунистов Югославии, а также решения VII съезда СКЮ, созванного весной 1958 г. В этих условиях хрупкие отношения с Албанией, которые могли в любой момент обостриться, грозили трансформацией партийно-идеологической «склоки» в межгосударственный конфликт. Кроме того, предыдущие разногласия отнюдь не были преодолены, а на горизонте уже появились новые. В этой ситуации выходом из сложившейся ситуации для Югославии снова стали укрепление связей с Западом, активизация внешнеполитической деятельности по консолидации государств, не состоящих в каких-либо блоках, и объединению их в Движении неприсоединения.

Одним из проявлений нового витка обострения отношений с Югославией стала начатая в Албании на рубеже 1957-1958 гг. «антиревизионистская» кампания, поводом для которой стал отказ Белграда присоединиться к декларации 12-ти компартий. По сообщению албанской прессы, декларация тщательно прорабатывалась в партийных организациях, в том числе и на уровне «первичек». Главной темой обсуждения была борьба с ревизионизмом, его проявлениями, тенденциями. Обсуждались связи компартий, подчеркивалась руководящая роль Советского Союза в международном коммунистическом движении. В борьбе с ревизионизмом основной упор делался на задаче крепить партийные ряды при опоре на СССР[25]. Такой акцент недвусмысленно выдавал критическую позицию албанского руководства по отношению к югославской компартии, упорно отрицавшей руководящую роль Советского Союза, отстаивавшей самостоятельность и право принятия решений по вопросам собственной внутренней и внешней политики без оглядки на Москву.

Дипломатические службы восточноевропейских стран поразному реагировали на начало нового противостояния. 14 марта болгарский посол в Тиране Атанасов в беседе с югославским колле-

[25] ДАСМИП. ПА-1958, Албанија. Ф. 1. 41440. (Телеграмма посольства в Тиране в Государственный секретариат иностранных дел от 21 января 1958 г.).

гой резко раскритиковал политику Югославии в отношении Албании, заявив о ее нереалистичности: бесперспективно было бы ожидать, что албанцы будут относиться к югославам так же, как к болгарам, с которыми они плодотворно сотрудничают. Поправить ситуацию, по мнению Атанасова, могла бы встреча на высшем уровне[26]. Болгарский торговый атташе в Тиране Станчев убеждал секретаря югославского посольства Урошева, что Белград перегибает палку и преувеличивает прегрешения албанцев, от которых, в принципе, нельзя ожидать взаимности, так как они все больше зависят от СССР[27]. Схожей позиции придерживались и дипломатические представители ГДР, которые, впрочем, выражали недовольство узостью контактов с Албанией, сведенных лишь к сфере экономики[28]. Совсем по-другому высказывался посол Чехословакии Телух. Передавая Милатовичу слова Ходжи о желании дружить с Югославией, немецкий дипломат выразил сомнения в искренности албанского руководителя и свои опасения общего ужесточения политики восточного блока по отношению к Югославии[29]. Записи бесед с другими сотрудниками чехословацкого посольства в Тиране фиксируют их оценки действий албанской стороны как крайне неуклюжих и неискренних. Югославии же, по их мнению, следовало продемонстрировать добрую волю и сделать первый шаг по пути улаживания конфликта[30]. Венгры, в отличие от пессимистически настроенных чехословаков, ожидали югославско-албанского потепления и перехода от деклараций к конкретным шагам по улучшению двусторонних отношений[31]. Румынские представители, демонстрируя якобы полную незаинтересованность, отказывались комментировать югославско-албанский конфликт[32].

---

[26] Там же. Ф. 1. 46867 (Запись беседы посланника Милатовича с послом Болгарии Атанасовым 14 марта 1958 г.).

[27] Там же. Ф. 1. 49897 (Запись беседы секретаря Урошева с торговым атташе посольства Болгарии Станчевым 12 марта 1958 г.).

[28] Там же. Ф. 1. 49899 (Запись беседы секретаря Урошева с первым секретарем посольства ГДР Буссе 13 марта 1958 г.).

[29] Там же. Ф. 1. 46547 (Запись беседы посланника Милатовича с послом Чехословакии Телухом 9 марта 1958 г.).

[30] Там же. Ф. 1. 42911 (Запись беседы с О. Шигудом, вторым секретарем посольства Чехословакии, 7 октября 1958 г.).

[31] Там же. Ф. 1. 415694 (Запись беседы секретаря Урошева с первым секретарем посольства Венгрии Храбецом 26 июня 1958 г.).

[32] Там же. Ф. 1. 49999 (Запись беседы со вторым секретарем посольства Румынии 13 марта 1958 г.).

Готовившийся визит Хрущева в Албанию послужил поводом для временного прекращения антиюгославской кампании в прессе и публичных заявлениях партийных лидеров. Дежурные статьи, разоблачавшие югославский ревизионизм, уступили место восхвалению советской помощи Албании. Только в комментариях о достижениях албанского народного хозяйства нашлось место для утверждения, что они стали лучшим ответом «адской клевете западных империалистов и их прислужников – белградских ревизионистов». Впервые за несколько месяцев из сатирических изданий исчезли карикатуры, высмеивавшие Югославию.

Причины прекращения антиюгославской кампании были связаны с политикой СССР. На нее повлияли, в первую очередь, результаты женевской конференции, ослабление позиций Кремля среди стран «третьего мира», а также неэффективность самой кампании и высокая вероятность того, что в результате дальнейшего противостояния всплывут новые проблемы, решать которые советскому руководству совсем не хотелось. Н.С. Хрущев позднее отмечал обеспокоенность Москвы развернувшейся в прессе югославско-албанской дуэлью, которая наносила огромный урон всему социалистическому лагерю. Их мемуаров Хрущева следует, что албанские руководители накануне его визита были предупреждены: советская сторона не потерпит антиюгославских выпадов ни в какой форме[33].

Настойчивая «рекомендация» Москвы быть сдержаннее сработала: антиюгославский «привкус» имели разве что утверждения в прессе, что СССР «освободил Албанию в 1948 г.»[34].

Что касается визита, то Хрущев использовал его для продвижения идеи безатомной зоны на Балканах как ответ на строительство американских военных баз в Италии и Греции, вызывавшее протесты в этих странах. По югославскому вопросу Хрущев и Ходжа высказались за поддержание дружественных отношений между Югославией и Албанией на основе взаимного невмешательства во внутренние дела, равноправия и уважения национального суверенитета. Оба руководителя отказались от открытого осуждения югославской «ревизионистской» политики, однако за их словами о «современном ревизионизме» ясно угадывался и его носитель. Иными словами, перспектива осуждения в дальнейшем югославского принципа строительства со-

[33] *Хрущев Н.С.* Воспоминания. М., 2006. С. 317.

[34] ДАСМИП. ПА-1959, Албанија. Ф. 1. 414265. (Телеграмма посольства в Тиране в Государственный секретариат иностранных дел от 23 мая 1959 г.).

циализма была достаточно очевидной. На практике это актуализировало ряд спорных проблем в отношениях между Югославией и Албанией[35].

Хрущев вспоминал, что беседы с албанскими руководителями проходили напряженно: серьезным камнем преткновения был вопрос о характере режима в Югославии. Албанцы утверждали, что Югославия не является социалистический страной, в то время как советская сторона доказывала, что югославы – коммунисты, но имеют иные теоретические установки[36].

Декларация, принятая по итогам визита Хрущева, фактически устанавливала советское покровительство Албании. Идея дружбы с Белградом на основе взаимного уважения, равноправия и невмешательства была озвучена, в первую очередь, с расчетом на албанские, а не на советские интересы[37]. Таким образом, становилось понятно, что за спиной Албании стоит Советский Союз.

Это обстоятельство существенным образом повлияло на дальнейший ход событий. Албания оказалась перед необходимостью постепенно корректировать «югославское» направление своей политики, правда, не настолько, чтобы принципиально изменить сформулированную ранее позицию. Вместе с тем зафиксированная в документе по итогам визита констатация, что после принятия Московской декларации, осудившей ревизионизм, была достигнута консолидация в рядах всех компартий как залог единства «социалистического лагеря» в целом, хотя и выдавала желаемое за действительное, вела, тем не менее, к переориентации противостояния с межгосударственного уровня на партийно-идеологический. Это подразумевало отказ от грубых нападок и переход к более тонким и интеллигентным методам борьбы[38].

В результате кампания против Югославии внешне стала более завуалированной. Однако при внимательном рассмотрении становится очевидным, что ее основные, сущностные, установки остались прежними: албанцы, как и ранее, настаивали на том, что югославский призыв к сотрудничеству балканских государств неискренен, что

---

[35] Там же. Ф. 1. 414982. (Оценка результатов визита Н.С. Хрущева в Албанию).

[36] *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 318.

[37] ДАСМИП. ПА-1959, Албанија. Ф. 1. 412302 (Телеграмма посольства в Тиране в Государственный секретариат иностранных дел от 3 июня 1959 г.).

[38] Там же.

Югославия принижает роль и значение Албании, не желает признавать в ней равного партнера, вмешивается во внутренние дела, обучает и засылает на ее территорию группы диверсантов и шпионов из числа албанских политэмигрантов с целью дестабилизировать ситуацию на севере страны. Звучали обвинения, будто Югославия не желает решать некоторые из межгосударственных вопросов, таких как проблемы мелиорации, гражданства, контактов албанских граждан со своим посольством в Белграде. Особенно тяжелым был упрек в том, что Югославия поддерживает греческие территориальные претензии к Албании, что не только не осуждает греческую политику, но и считает «политикой активного сосуществования». В связи с этим утверждалось, что Югославия заинтересована в нестабильности и конфликте между двумя соседними странами[39]. Заметим, что это совершенно не соответствовало реальным внешнеполитическим усилиям Белграда, направленным на нормализацию отношений Тираны и Афин.

Осенью 1959 г. кампания против Югославии опять набрала ход. Все более явные разногласия с СССР и все более очевидная переориентация албанского руководства на Китай актуализировали те проблемы, которые под давлением Москвы были временно законсервированы. Антиюгославские заявления снова приобрели публичное выражение, причем из уст не только партийных и государственных руководителей, но и ораторов на партийных собраниях на местах. Одновременно были усилены меры полицейского надзора над югославскими дипломатами в Тиране[40]. Стремясь снизить «градус» напряженности, Тито был вынужден почти что оправдываться, отрицал наличие лично у него каких-либо антиалбанских намерений[41].

Представители албанского режима, декларируя улучшение отношений с Югославией, на практике делали все, чтобы их ухудшить. Однако к концу 1959 г. поток обвинений в недружественном поведении Югославии несколько иссяк. Причина этого заключалась в том, что партийное руководство столкнулось с новым вызовом. Отвлечься

[39] Там же. Ф. 1. 416603 (Телеграмма посольства в Тиране в Государственный секретариат иностранных дел от 17 июня 1959 г).

[40] Там же. Ф. 1. 431550. (Записка о состоянии югославско-албанских отношений от 1 октября 1959 г.).

[41] Из говора Председника ФНР Југославије Јосипа Броза Тита у Никшићу 20 септембра 1959. о неистинитом приказивању историјских чињеница од стране албанских руководилаца // Борба. 21. септембар 1961.

от Югославии албанцев заставили разногласия с СССР, ставившие под сомнение будущее Албании и ее народа, полностью зависимых от советской экономической и военной помощи.

В конце 1959 г. последствия политико-идеологических противоречий между СССР и Югославией сошли на нет, а межгосударственные связи стабилизировались и стали медленно укрепляться[42]. Уровень албанско-советских отношений, напротив, стремительно снижался. Советская сторона все активнее критиковала албанское руководство за идеологическую косность и неумелое управление народным хозяйством, а албанцы искали выход в усилении ориентации на Китай. Югославия, в свою очередь, с одной стороны, стремилась не оставлять без ответа албанские выпады в свой адрес, а, с другой, прилагала усилия к нормализации отношений с восточным блоком, что неминуемо вело к уменьшению весьма интенсивного политического и экономического сотрудничества с Западом.

В сложившейся обстановке советская сторона считала целесообразным убедить Белград сделать жест доброй воли и направить в Тирану посла, просигнализировав, таким образом, о своей готовности развивать добрососедские отношения[43]. В Белграде же, напротив, полагали, что в сложившейся атмосфере этого делать не стоит, тем более что послу пришлось бы регулярно выражать протест против того, что́ говорится о его стране. Югославская сторона, стараясь не усугублять конфликт, не отвечала на постоянные выпады албанцев, и, надо сказать, подобное терпение было высоко оценено советскими представителями. Кстати, они старались выяснить истоки неприязни албанцев к югославам. Югославская сторона усматривала причины в том, что албанцы возлагали на нее ответственность за ликвидацию выдающихся албанских партийных руководителей в первые послевоенные годы. В случае нормализации отношений данный вопрос был бы неминуемо поднят. Такое объяснение получили советские представители[44].

Москва регулярно информировала Белград о развитии отношений с Албанией. Как свидетельствуют документы, поначалу совет-

---

[42] Об улучшении советско-югославских отношений см. подробнее: *Трипковић Ђ.* Побољшање југословенско-совјетских односа 1961–1962 // Токови историје. 2008. № 3-4. С. 76–97.

[43] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ, СССР. 119/I-139 (Запись беседы на ужине у советского посла 17 марта 1960 г.).

[44] Там же.

ское руководство надеялось на скорое урегулирование противоречий при посредничестве Китая, который поддерживал Тирану небезоговорочно. Со своей стороны, югославские дипломаты в беседах с советскими коллегами высказывали рекомендацию великим державам «держать дистанцию» с Албанией. Что же касается улучшения югославско-албанских отношений, то не только Белград, но и Тирана должна была, по их мнению, продемонстрировать свою добрую волю в этом вопросе[45].

За разрывом советско-албанских дипломатических отношений, происшедшем 9 декабря 1961 г., в Югославии следили с особым вниманием. Советник посольства и временный поверенный в делах Югославии в Албании Г. Здуич, руководствуясь соображениями безопасности, сразу перебрался в Охрид и сообщил в Государственный секретариат по иностранным делам, что «Советы» приступили к выводу всего персонала своего диппредставительства, а советский генерал, находившийся в Тиране в качестве представителя Варшавского Договора, уже уехал. Здуич сообщал о тяжелом положении в Албании, о военной мобилизации и выдвижении войск к греческой и югославской границам. Просил прислать ему в помощь какого-нибудь опытного дипломата, а также школьного учителя из Титограда для детей югославских дипломатов, так как советская школа в Тиране закрылась[46]. Югославское правительство не одобрило действия Москвы, полагая, что разрыв дипломатических отношений с международной точки зрения выглядит как неуместная, нецивилизованная мера. Югославская дипломатия также полагала, что Запад не упустит представившейся возможности развязать кампанию против Советского Союза, аргументы которого ни для кого на Западе не будут убедительными. В Белграде считали, что западная общественность не воспримет советскую версию, будто Албания подрывала монолитность восточного блока, что Москву обвинят в давлении на одну из самых маленьких и слабых стран в мире с целью подчинения ее своей воле, и пр. Югославы не без основания предполагали, что советский конфликт с Албанией подстегнет интерес к ней со стороны За-

[45] AJ. КПР, I-5-c/2471. (Запись беседы помощника государственного секретаря И. Вейводы с советником посольства СССР Дедушкиным 1 июня 1961 г.).

[46] ДАСМИП. ПА-1961, Албанија. ф. 1. 436618. (Телеграмма посольства в Тиране в Государственный секретариат иностранных дел от 9 декабря 1961 г.).

пада. В частности, Греция попробует реализовать озвученные ранее претензии. Трудно сказать, насколько убедительно звучали для югославов заверения советской стороны о том, что в случае развития событий по такому сценарию СССР выступит в защиту Албании[47].

Столкновение Албании и Советского Союза породило ряд политических проблем. При этом речь шла не только об идеологических противоречиях и конфликте по линии Москва–Тирана. В описываемых событиях важную роль играл Китай, неуклонно уменьшавший собственную зависимость от СССР и стремившийся выйти из прежде единого блока. При этом, добиваясь самостоятельности, Китай выступал с предельно бескомпромиссных, радикальных идеологических позиций. Данное обстоятельство также усугубляло отношения Албании и СССР. Китай стал новым покровителем Албании, что, усилив ее позицию в противостоянии с Советским Союзом, повлекло за собой разрыв со всем восточным блоком. Выход из него и сближение с Китаем привлекли внимание западных держав к положению Албании, а также к новой геостратегической ситуации на Балканах в целом. Особая заинтересованность была у Греции, долгие годы находившейся в состоянии конфликта с соседней страной, а также у Италии, видевшей в новом обострении обстановки возможность реализации своих территориальных интересов за счет Албании.

В результате советско-албанского конфликта Югославия оказалась в весьма неоднозначном положении. С одной стороны, она стремилась к нормализации отношений с СССР, а, с другой, критиковала его за контрпродуктивные шаги, выглядевшие анахронизмом. Западные державы внимательно следили за реакцией Белграда, ожидая от него прояснения собственной позиции. Югославское правительство старалось не реагировать на придирки и оскорбления, доносившиеся из Тираны, предпочитая наблюдать за ее борьбой против восточного блока, руководимого Советским Союзом. Пекин, чьи отношения с Москвой характеризовались ростом напряженности, также отметился крайне жесткой кампанией по разоблачению югославского варианта построения социализма. В ситуации соперничества великих держав Югославия старалась держаться в стороне. Двусторонние контакты с Албанией были сведены к минимуму: поддерживался лишь ограниченный товарообмен. В условиях конфликта с СССР и

[47] AJ. КПР. I-5-c/2479 (Запись беседы помощника государственного секретаря И. Вейводы с советником посольства СССР Дедушкиным 20 декабря 1961 г.).

его союзниками по блоку албанское правительство, не прекращавшее антиюгославской пропаганды, неоднократно предпринимало попытки сближения с Югославией. Белград последовательно отвергал подобные инициативы, не желая ни поддерживать режим Ходжи, ни портить отношения с Советским Союзом и Западом. Ориентация Албании на Китай, ее самоизоляция от соседних государств, стран восточного и западного блоков, в расчете на эффективность присоединения к странам «третьего мира», откровенное лавирование между Востоком и Западом на долгие годы обусловили исключительно плохие отношения Албании с Югославией.

(Перевод с сербского яз. А.А. Силкина)

Т.А. Покивайлова

От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех

В сентябре 1965 г. состоялся визит в Москву румынской партийно-правительственной делегации во главе с Н. Чаушеску. Это была первая поездка румынского лидера в СССР в качестве Генерального секретаря ЦК Румынской рабочей партии (РРП) после смерти в марте 1965 г. Г. Георгиу-Дежа. Несколькими месяцами ранее Бухарест посетила советская партийная делегация, возглавляемая Л.И. Брежневым, которая присутствовала на IV съезде РРП (IX съезде РКП).

Необходимо отметить несколько важных факторов, которые отразились на взаимоотношениях Москвы и Бухареста и привели к дистанцированию Румынии от СССР.

Напряженность в отношениях между советским и румынским руководством начала нарастать в середине 1950-х гг. после XX съезда КПСС. Г. Георгиу-Деж оказался среди тех немногих лидеров сталинской формации, кому удалось удержаться у власти, несмотря на попытки Н.С. Хрущева сместить его и заменить кем-нибудь из его окружения.

Поддержав политику СССР по подавлению венгерской революции, румынское руководство в 1958 г. добилось вывода советских войск с территории Румынии, что позволило ему в какой-то степени снизить советское давление на Румынию. Как отмечалось в справке, составленной в МИД СССР и датированной 6 ноября 1964 г., с конца 1962 г. стал наблюдаться «некоторый отход Румынии от общей линии социалистических стран»[1]. Румынское руководство искусно использовало противоречия в международном рабочем движении, прежде всего, разногласия между СССР и Китаем. В условиях конфронтации между Западом и Востоком оно заняло особую, отличную от СССР, позицию по ряду международных вопросов. Разногласия начали проявляться также в рамках Организации Варшавского Договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Начиная с майской сессии СЭВ 1958 г., Румыния стала выступать против интеграционных процессов в рамках стран содружества. Особенно остро

[1] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0125. Оп. 54. П. 289. Д. 16. Л. 17.

эти противоречия проявились на сессии Исполкома СЭВ в Варшаве 10–13 мая 1963 г.[2]

Однако ЦК КПСС, не желая усугублять противоречия с Румынией, обвинил постоянного представителя СССР в Совете М.А. Лесечко в том, что он «не проявил необходимой гибкости». «Не надо было принимать резолюцию, не было бы расхождения с румынами... Учесть на будущее, – подчеркивалось в протоколе заседания, – можем иметь отдельные расхождения с отдельными странами»[3]. В постановлении ЦК КПСС от 23 июля 1963 г., касающемся вопроса о проведении совещания в рамках Варшавского пакта, говорилось: «Румын не дразнить»[4].

Негативные последствия имели также визиты Н.С. Хрущева в Румынию в 1962 и 1963 гг. В свойственной ему манере Хрущев вел себя бестактно, грубо, вмешиваясь во внутренние дела страны, делая порой замечания по сугубо конкретным вопросам местного значения и поучал «румынских товарищей». Так, например, при посещении бухарестского завода по ремонту железнодорожного подвижного состава, который к 1960-м годам начал выпускать также оборудование для химической промышленности с использованием западных технологий и оборудования, советский лидер обратил внимание на необходимость применения нового, более совершенного оборудования и инструмента, что «позволило бы добиться более высокой производительности труда, а, следовательно, обеспечить и более высокий уровень жизни народа». Среди прочего Н.С. Хрущева интересовали вопросы развития румынского сельского хозяйства, в частности, возделывания кукурузы. Как отмечалось в отчетах МИД СССР об итогах визита советской партийно-правительственной делегации в РНР, во время посещения Научно-исследовательского института зерновых и технических культур «Фундень» Хрущев сделал румынам «некоторые критические замечания, в частности, по вопросу возделывания кукурузы на силос и применения квадратно-гнездового способа посева». Он упрекнул руководство РНР в том, что в НИИ «нет ни одного

---

[2] *Стыкалин А.С.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 373.

[3] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг.: в 3-х тт. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004. С. 719.

[4] Там же. С. 734.

гектара кукурузы, засеянного таким способом»[5]. Безусловно, такого рода замечания со стороны руководителя великой державы не могли не вызвать у румынской стороны понятного раздражения.

Однако на встречах руководителей двух стран речь шла также и о вещах куда более серьезных, чем возделывание кукурузы квадратно-гнездовым способом. Во время неофициального визита Н.С. Хрущева в Румынию в 1962 г. Г. Георгиу-Деж заявил советскому лидеру, что Румыния не нуждается более в присутствии в стране представителей советских спецслужб и предложил ликвидировать советскую агентурную сеть на территории страны, созданную в Румынии еще в 1940-х – 1950-х гг. Подобное требование свидетельствовало о стремлении румынского руководства к независимости от Москвы и к снижению давления со стороны Кремля.

Заметим, что к началу 1960-х гг. чистка в армии и спецслужбах от «советских агентов» шла уже полным ходом. Учитывая достаточно сильное советское влияние в румынской армии и спецслужбах, руководство РРП провело кадровые перестановки и массовые увольнения офицерского состава из армии и правоохранительных органов. В рамках Отдела контршпионажа было создано специальное бюро, которое занималось выявлением и слежкой за лицами, подозреваемыми в связях и предоставлении информации советским органам, прежде всего, через представителей советского посольства в Бухаресте и консульских отделов, расположенных в других городах Румынии. Под подозрение подпадали бывшие коминтерновцы и антифашисты, а также члены интербригад, воевавшие в Испании, румынские граждане, женившиеся на русских женщинах или обучавшиеся в СССР, и т.д[6]. Всячески ограничивалось посещение румынскими гражданами советского посольства. Приведем лишь один, но весьма показательный пример. 4 февраля 1965 г. на приеме в посольстве по случаю 17-ой годовщины подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и РНР директор румыно-советского музея Скарлат Калимаки, (бывший антифашист, член КПР с 1932 г., которого называли «красный принц» в связи с тем, что еще в межвоенный период он, человек знатного происхождения, отказался от всего своего богатства) в беседе с корреспондентом газеты «Правда» рассказал следующее: «Уже после того, как он полу-

[5] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 55. П. 282. Д. 4. Л. 16–17.

[6] *Watts, Larri L.* Fereşte-mă, doamne, de prieteni. Războiul clandestin al blocului sovietic cu România. Bucureşti, 2011, P. 207, 213–214, 216–217, 219.

чил приглашение на прием в посольство, ему позвонили из АРЛУС (Общество румыно-советской дружбы) и порекомендовали на прием не ходить. Он возмутился такой постановкой вопроса и, твердо заявив о своем намерении пойти в советское посольство, поинтересовался, откуда может исходить подобное несуразное указание. Ему ответили, что оно исходит из протокольного отдела МИД РНР (заметим в связи с вышесказанным, что все приглашения румынским гражданам в соответствии с установленным порядком направлялись через этот отдел). Тогда Калимаки позвонил заместителю министра иностранных дел Эдуарду Мизинческу, выразил ему свое недоумение по поводу действий протокольного отдела МИД и заявил, что в советское посольство он ходил еще в 1937 г., когда вокруг этого посольства сновали агенты румынской сигуранцы, что у него нет никаких оснований не ходить туда сейчас, и он намерен пойти на прием в посольство СССР, даже если против него применят силу. В ответ Мизинческу обещал выяснить, в чем дело. Спустя некоторое время Калимаки вторично позвонили из протокольного отдела и сообщили, что на прием ему можно пойти»[7]. Данная информация была направлена советским послом в Румынии И. Жигалиным в Москву в Международный отдел ЦК КПСС как свидетельство нарастания антисоветских настроений в руководстве Румынии. Можно привести и другие подобного рода факты: увольнение со службы советских граждан, имевших вид на постоянное жительство в Румынии, прежде всего русских женщин, вышедших замуж за румын и не принявших румынское гражданство, понижение по службе их мужей, увольнение их из армии и силовых ведомств, насаждение всякого рода препятствий для карьерного роста и т.д.

Тем не менее, как свидетельствуют документы, нельзя было сразу, одним махом уничтожить дружеские чувства румынских трудящихся, интеллигенции, рядовых коммунистов к СССР, чувства солидарности с советским народом, которые десятилетиями воспитывались в румынском обществе. В справке, направленной 17 июня 1963 г. на имя министра иностранных дел Н.П. Фирюбина по итогам визита в СССР делегации Великого Национального собрания Румынии, проходившего в период с 12 по 29 мая, особо отмечалась приветливость и сердечность члена делегации поэта и общественного деятеля Михая Бенюка, его теплые слова и здравицы в честь советского народа и его руководителей, что вызывало «некоторое недо-

[7] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 55. П. 292. Д. 16. Л. 1.

вольство и осуждение со стороны руководителей делегации»[8]. В то же время, как подчеркивалось в справке, выступления руководителей делегации были выдержаны в сухом официальном тоне. Так, при посещении ленинградского Балтийского завода, как отмечалось в справке, «в выступлении члена делегации секретаря Ясского обкома РРП о помощи СССР и сотрудничестве с СССР не было сказано ни слова»[9].

В пропаганде стала подчеркиваться, главным образом, роль внутренних факторов, собственного опыта в социалистическом строительстве. Все это нашло свое политическое оформление в Декларации о позиции Румынской рабочей партии по вопросам международного коммунистического и рабочего движения, принятой на апрельском (1964 г.) пленуме ЦК РРП, которую неофициально называли «Декларацией независимости». В ней говорилось о том, что в основу своих международных отношений РРП ставит в качестве «непоколебимых принципов своей политики соблюдение равенства, суверенитета, независимости и невмешательства во внутренние дела суверенных государств и коммунистических партий и выступает за распространение этих принципов на международной арене как неукоснительное требование развития сотрудничества и сближения между народами». В заявлении РРП подчеркивалось, что она также последовательно выступает против любых форм и мер, которые ограничивают суверенитет государств и противоречат этим принципам, таким, как предложения о едином плане сотрудничества стран, входивших в СЭВ, о создании различных надгосударственных органов планирования и управления; оправдывался отход Румынии от общей позиции стран ОВД и т.д. Особое внимание акцентировалось на «необходимости единства и сотрудничества со всеми социалистическими странами»[10] (имелись в виду Китай и Албания, с которыми у СССР в этот период были непримиримые разногласия).

Заявление румынского руководства преследовало цель не нормализации отношений внутри «социалистического содружества», а, прежде всего, обоснования своего «особого курса», курса лавирования в рамках мирового коммунистического движения, противопоставления себя другим странам «содружества», прежде всего, СССР, в условиях советско-китайского конфликта. По сути, «Декларация о

[8] Там же. Оп. 53. П. 286. Д. 16. Л. 18.
[9] Там же.
[10] Sĉinteia. 1964. 24, 26 aprilie.

независимости» была направлена против доминирующей роли СССР во взаимоотношениях со странами советского блока. Своей политикой противостояния СССР румынское руководство в условиях противоречий на международной арене пыталось также получить расположение к себе западных держав и добиться преференций с их стороны. Как считает американский профессор, специалист по истории Румынии Л. Уотс, целью Декларации было не только утверждение независимости Румынии, но и уменьшение диктата СССР в странах Центральной и Юго-Восточной Европы[11].

Попытки советской стороны ликвидировать разногласия на встрече партийно-правительственных делегаций СССР и Румынии, проходившей в Москве 7–14 июля 1964 г., не достигли цели, хотя с советской стороны делалось все, чтобы добиться взаимопонимания. Глава делегации Н.В. Подгорный заявил, что советское руководство согласно с основными положениями Декларации РРП, как бы не заметив ее подтекст, но никак не может согласиться с позицией РРП по отношению к Китаю. «Нельзя ставить на одну доску СССР и Китай, заявлять, что в противоречиях, которые появились и обострились, повинны обе страны», как считает румынская сторона. Что же касается экономического сотрудничества, то оно должно строиться на взаимной выгоде, необходимо учитывать интересы как одной, так и другой стороны и, более того, и интересы других, основываясь на братских отношениях на базе интернационализма. «Никто не отрицает независимость и суверенитет Румынии», – отметил Н.В. Подгорный[12].

К вышесказанному можно добавить, что и до этого реакция со стороны руководства КПСС на Декларацию была весьма пассивна. Было принято негласное решение: Декларацию не публиковать и не обсуждать, чтобы не нагнетать обстановку (Декларация была опубликована только в бюллетене ТАСС 26 апреля 1964 г.)[13].

На проводившихся после пленума РРП партактивах румынских коммунистов стали открыто выдвигаться обвинения в адрес Советского Союза и советского руководства в политике диктата и навязывании своего мнения другим социалистическим странам, в стремле-

[11] *Watts, Larri L.* Op. cit. P. 248.
[12] *Buga V.* O vară fierbinte în relaţii româno-sovietice. Convorbirii de la Moscova din iulie 1964. Bucureşti, 2011. P. 18.
[13] *Catanus D.* Reactia moscovite la «Declaraţie» din aprilie 1964 // Dosarele istorie. Bucureşti, 2004. № 4. P. 42–45.

нии превратить Румынию в аграрно-сырьевой придаток более развитых социалистических стран[14]. По-сути, начала разворачиваться антисоветская пропаганда. Активно подключились к ней и средства массовой информации.

Это привело к сворачиванию культурных и научных связей между двумя странами. Было закрыто издательство «Русская книга», Румыно-русский музей в Бухаресте, ограничивало свою деятельность Общество культурных связей Румынии с СССР (АРЛУС), сократилось преподавание русского языка в школах и вузах страны. По данным 1963 г., в румынских школах осталось всего 4 тыс. преподавателей русского языка по сравнению с 80 тыс. преподавателей английского языка. Был закрыт Педагогический институт русского языка и литературы им. Горького, основанный в 1948 г. Вместо него было создано отделение русского языка и литературы на филологическом отделении Бухарестского университета. В румынских школах прекратилось преподавание истории, экономики и географии СССР. Эти школьные предметы стали изучаться в общих курсах всемирной истории, экономики и географии. 31 июля 1963 г. румынское руководство приняло решение не направлять в дальнейшем румынских слушателей на обучение в Высшую партийную школу в Москву, сократить число студентов, обучающихся в СССР, а также потребовать, чтобы студенты, направляемые в Советский Союз, были хорошо подготовленными, «способными дать отпор любым попыткам и инсинуациям, направленным против политики РРП и Румынии»[15].

В области экономической политики «особый курс» Румынии нашел свое отражение в обосновании линии на независимое развитие народного хозяйства, на ускоренные темпы индустриализации и универсализацию промышленного производства. По-сути, сохранилась советская модель создания самостоятельного замкнутого хозяйственного комплекса, сложившаяся еще в 20–40-е годы XX в. в условиях построения социализма в одной, отдельно взятой стране, каковой и являлся в то время Советский Союз.

Начиная с середины 1950-х гг., советское руководство, поддержанное большинством стран-членов СЭВ, взяло курс на развитие международного разделения труда, специализацию и кооперирование народного хозяйства, что соответствовало объективным закономерностям мирового развития и перспективам эффективного

[14] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 55. П. 292. Д. 15. Л. 197, 200.
[15] *Buga V.* Op. cit. P. 40–44.

и рационального развития экономики соответствующих стран, подъему их производительных сил. Это обусловливалось, как подчеркивалось в документах КПСС и выступлениях ее руководства, «объективными тенденциями все большей интернационализации хозяйственной жизни, которая многократно усилилась в наши дни быстрым научно-техническим прогрессом»[16]. «На основе международного социалистического разделения труда, широкой специализации и кооперирования производства, – как подчеркивал первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, – национальные хозяйства стран социализма будут развиваться наиболее плодотворно и широко, дополняя друг друга и образуя постепенно единый, слаженный хозяйственно-экономический комплекс, в котором каждый имеет свое место, свои задачи и в котором каждая страна, каждый народ обретут еще более прочную основу в решении национальных задач социалистического строительства»[17]. При этом акцент делался именно на промышленном развитии, содействии «индустриализации ранее аграрных стран, ускоренном подъеме их экономики и культуры, упрочении самостоятельности и независимости всех государств социалистической системы»[18]. В документах КПСС неоднократно подчеркивалось, что все это представляет длительный, постепенный процесс, который должен пройти целый ряд этапов[19]. Такова была концепция КПСС, поддержанная большинством стран-членов СЭВ.

Румынские теоретические постулаты, касающиеся социально-экономического развития страны, вступали в противоречие с общей линией остальных стран-членов СЭВ. Ориентация Румынии на универсализацию экономики и технико-экономическую самостоятельность, по мнению румынского руководства, должна была ослабить экономическую и политическую зависимость Румынии от Советского Союза и других стран-членов СЭВ. В то же время Румыния всячески стремилась расширить свои экономические отношения с западными капиталистическими странами, пытаясь получить от Запада экономическую и научно-техническую помощь[20].

---

[16] *Хрущев Н.С.* Насущные вопросы развития мировой социалистической системы // Проблемы мира и социализма. 1962. № 9. С. 5.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 7.
[19] Там же.
[20] См.: Приложение. Из заметок Л.Б. Валева (Личный архив Э.Б Валева).

Поэтому не случайно, на наш взгляд, резкую реакцию не только со стороны румынских ученых, но и со стороны румынского руководства вызвала сугубо академическая статья профессора Московского университета Э.Б. Валева, написанная им по материалам доклада, зачитанного на научной сессии, организованной в МГУ и опубликованной в Вестнике Московского университета (Серия География, № 2 за 1964 год). Румынскому руководству нужен был предлог открыто заявить о своей позиции.

Заметим, что это была не первая и не единственная статья советского ученого. Э.Б. Валев в течение многих лет занимался экономической географией придунайских стран. Большое внимание в своей работе он уделял и Румынии: активно сотрудничал с румынскими учеными-географами, неоднократно бывал в Румынии, проводя экспедиционные исследования на местах. В 1963 г. в серии «У карты мира» вышла книга Валева «Румыния (Экономико-географический очерк)». Любопытная деталь. Через посольство РНР в Москве книга была направлена на предварительный отзыв румынским ученым-географам в Румынию. Книга получила положительный отзыв[21]. В опубликованной в 1964 г. коллективной монографии «Экономическая география социалистических стран зарубежной Европы» Э.Б. Валеву принадлежат разделы по Румынии, Болгарии, Югославии и Албании. Кроме того, он написал ряд работ по этой проблематике, посвященных Болгарии.

[21] В отзыве, написанном на русском языке доцентом географического факультета Педагогического института Юлианой Поп, в частности, говорилось: «Очень глубоко проанализирована глава народного хозяйства, автор теоретически обосновывает дело, связывает явления этой части работы с теми, которые касаются изучения районов. По своим масштабам глава, предназначенная экономическим районам, свидетельствует о том, что автор уделяет особое внимание теоретическому обоснованию и их практическому применению. Здесь проанализированы вопросы, касающиеся рационального разделения труда, и, исходя из необходимости осуществления такого разделения, которое соответствовало бы промышленному и сельскохозяйственному развитию с целью социалистического строительства и повышения благосостояния трудящихся. Каждая область представляет собой специализированный подрайон, комплексно развитый, как экономическая единица данного района, подчеркивается то положение, что в условиях актуального экономического районирования стран народной демократии необходимо учесть международное распределение труда в мировой социалистической системе» (Из личного архива Э.Б. Валева).

В вышеназванной статье Э.Б. Валева содержались предложения ученого-географа по решению перспективных задач хозяйственного развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР, что содействовало бы росту производительных сил и решению общих проблем эффективного и рационального использования придунайских территорий, а также комплексного использования самого Дуная без нарушения суверенитета стран и изменения границ или создания каких-либо надгосударственных органов.

Нужно заметить, что предложения ученого выдвигались в чисто научном плане и касались оценки использования этого района в перспективном экономическом развитии придунайских территорий Румынии, Болгарии и СССР с учетом их географических и природно-климатических условий. Как считает автор, основываясь на собственных исследованиях и опубликованных материалах, придунайские районы Румынии, Болгарии и Советского Союза, «имеют много общих черт и хозяйственных особенностей, отличных от соседних территорий»[22]. В порядке обмена мнениями он в качестве примера проанализировал некоторые проблемы, связанные с развитием производительных сил в районах, прилегающих к низовью Дуная. «Ученые, в том числе и географы придунайских социалистических стран, по мнению Э.Б. Валева, могут и должны принять более широкое участие в решении проблемы наиболее эффективного комплексного использования ресурсов Дуная. С этой целью важно, как считает Э.Б. Валев, совместное участие географов СССР, Румынии и Болгарии в работах по выявлению наиболее рациональных направлений развития района нижнего Дуная»[23]. Безусловно, в своей работе автор учитывает официальные документы, посвященные перспективной программе экономического сотрудничества стран-участниц СЭВ, проблемам международного разделения труда, специализации и кооперирования в рамках мирового социалистического содружества. При этом главной задачей развития этих районов он считает индустриализацию придунайских районов, в том числе и Румынии. Для этого, убежден автор, у Румынии имеются достаточно серьезные предпосылки. Во-первых, местные природные ресурсы. Во-вторых, значительные трудовые резервы. В-третьих, благоприятное транспортно-

[22] *Валев Э.Б.* Проблемы экономического развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР // Вестник Московского университета. Серия У. География. 1964. № 2.
[23] Там же.

географическое положение, широкие возможности развивать некоторые промышленные отрасли на привозном сырье и топливе, поступающем по дешевому дунайско-черноморскому пути. Особое значение для индустриализации этих районов, по мнению Э.Б. Валева, имеет их относительная близость к крупнейшим районам тяжелой индустрии Украины – Донбассу и Приднестровью и их морским воротам – Одессе (Ильичевску), Николаеву, Херсону и Жданову*. В-четвертых, обращение к традициям и опыту, которые сложились в этих районах и которые могут быть широко использованы в дальнейшем развитии некоторых наиболее перспективных для них отраслей, например, нефтяной, машиностроительной, пищевой.

В-пятых, вопросы, связанные с подъемом сельского хозяйства. И, наконец, вопрос формирования производственных комплексов с участием нескольких социалистических стран[24].

В статье подчеркиваются успехи развития районов Нижнего Дуная за годы социалистического строительства и перспективы их развития. «...Используя указанные природные и трудовые ресурсы, расширяющиеся связи с другими районами социалистических стран, – пишет Э.Б. Валев, – районы Нижнего Дуная производили уже в 1963 г. в 8–9 раз больше промышленной продукции, чем накануне Второй мировой войны или ко времени окончания послевоенного восстановительного периода»[25]. Как считает автор, предстоят еще более значительные масштабы будущего индустриального развития. «Уже теперь отчетливо видны основные звенья формирующегося Нижне-Дунайского производственно-территориального комплекса, его специализация в рамках мирового социалистического хозяйства и основные производственные связи между придунайскими частями Румынии, Болгарии и СССР»[26]. Именно на развитие производственных связей и общего потенциала социалистических стран на примере отдельных сопредельных территорий особое внимание обращает автор статьи. В статье советского ученого речь идет не о социалистической интеграции, а о развитии хозяйственного комплекса с участием нескольких социалистических стран в ходе расширения межгосударственного экономического сотрудничества и «выяснения

* г. Жданов - до 1948 г. и с января 1989 г. – г. Мариуполь Донецкой области, порт на Азовском море (Прим. ред.).

[24] Там же. С. 57.

[25] Там же.

[26] Там же. С. 58.

наиболее рациональных направлений (подчеркнуто мною. – *Т.П.*) формирования производственно-территориальных комплексов не только внутри отдельных стран, но и некоторых районах нескольких сопредельных стран». Как подчеркивает Э.Б. Валев, «в процессе подъема производительных сил некоторых сопредельных социалистических стран возникает ряд общих экономических проблем, которые рационально решать общими усилиями нескольких государств» в ходе расширения уже существующего между Румынией, Болгарией и СССР межгосударственного сотрудничества[27]. Именно в этом плане нужно понимать высказывание советского ученого «о наличии объективных предпосылок для формирования в будущем Нижне-Дунайского межгосударственного производственного комплекса со специализацией в нефтегазохимии и некоторых отраслях машиностроения (нефтяного, судостроения, электротехники, сельскохозяйственных машин и др.), в интенсивном поливном земледелии зерно-овоще-виноградарского направления и опирающихся на него отраслей пищевкусовой промышленности, на обслуживании транспортных потребностей социалистических государств, использующих дунайско-черноморский водный путь и сухопутные магистрали в области нижнего Дуная»[28]. Ни о каких-либо изменениях или стирании государственных границ, нарушении суверенитета социалистических стран, создании надгосударственных органов, а тем более нарушении территориальной целостности стран, их расчленении, в чем обвинила советского ученого румынская сторона, в статье нет ничего и в помине. Особое внимание он уделяет строительству Галацкого металлургического комбината как свидетельству успешного и благотворного сотрудничества между СССР, Румынией и Болгарией. Большие перспективы также, по мнению автора, может получить развитие целлюлозно-бумажной промышленности на базе переработки тростника в дельте Дуная, а также пшеничной соломы. Э.Б. Валев считает, что в связи с необходимостью экономического подъема области дельты Дуная и рационального использования ее почвенно-растительных и рыбных ресурсов важное значение приобретают совместные усилия Румынии и СССР как придунайских государств. К этим вопросам относится разумное сочетание использования плодородных прирусловых земель под сельское хозяйство, под камышовое хозяйство, при сохранении нерестилищ, а также проблема специали-

[27] Там же. С. 56–57.
[28] Там же. С. 64.

зации и координации работы крупнейших портов Нижнего Дуная[29].Совместное строительство гидросооружений может дать мощный импульс развитию поливного земледелия. Однако, как отмечает Э.Б. Валев, это может привести к угрозе затопления и потере значительных сельскохозяйственных территорий. Поэтому необходимо проведение больших работ по предохранению прилегающих к Дунаю территорий Болгарии, СССР и особенно Румынии от затопления. И по логике вещей здесь были бы рациональны совместные усилия Румынии, СССР и Болгарии[30].

В области развития сельского хозяйства в вышеупомянутой статье речь шла о развитии интенсивного, высокотоварного производства с учетом благоприятных природно-климатических условий в придунайских районах Румынии, (производство, в первую очередь, зерновых, овощных культур, винограда и фруктов), способного не только удовлетворить внутренние потребности региона, но и создать резервы для экспорта сельскохозяйственной продукции. «Область Нижнего Дуная одновременно с превращением в район мощной индустрии разовьется в перспективе в еще более значительный, чем теперь, район производства товарной сельскохозяйственной продукции в рамках стран социалистического содружества»[31]. Возможно за этот пассаж и ухватились в дальнейшем румынские ученые и политики, обвинив Э.Б. Валева в намерении превратить Румынию в аграрный придаток развитых стран социалистического содружества.

Однако статья Э.Б. Валева была использована румынской стороной в политических и пропагандистских целях. В ответ на его статью в румынском журнале «Вьяца экономикэ» № 24 от 12 июня 1964 г. появилась публикация румынского экономиста Костина Мурджеску, который впоследствии сам признался, что исходил «не из научных, а патриотических позиций»[32]. Советского ученого обвинили в ущемлении суверенитета Румынии и даже в попытках нарушения территориальной целостности страны, в расчленении ее территории, ее народного хозяйства, в намерении создания наднациональных органов, в желании превращения Румынии в аграрно-сырьевой прида-

[29] Там же.
[30] Там же. С. 63–64.
[31] Там же. С. 62.
[32] См: http://moscova.mae.ro/

ток других стран социалистического содружества и т.д.[33]. Смысл статьи грубо извращался. Так, предложение Э.Б. Валева о формировании в будущем производственно-территориальных комплексов трактовалось таким образом, что они, якобы, должны были стать совместной собственностью нескольких стран, хотя в статье ученого нет даже и упоминания об этом. Добавим к вышесказанному тот факт, что, как свидетельствуют материалы беседы заместителя председателя Совета министров РНР Георге Гастона-Марина с американскими представителями, именно румынское руководство в тот период ставило перед ними вопрос о создании совместных предприятий[34]. В противовес этому, как видно из статьи Э.Б. Валева, он нигде не говорит «о произвольном слиянии хозяйств сопредельных территорий двух или нескольких социалистических государств, в чем обвиняет его румынский экономист, и что, по мнению последнего, нарушает не только суверенитет, но и территориальную целостность страны»[35]. Но ведь речь шла, как уже подчеркивалось выше, всего лишь о рациональном использовании экономического потенциала сопредельных государств - Румынии, Болгарии и СССР.

Кроме того, статья К. Мурджеску была написана в недопустимо оскорбительном тоне. Чего только стоит такой пассаж румынского экономиста: «В конце концов, мы могли бы сказать: Читатели, все, что мерещится автору, (т.е. Э.Б. Валеву), это его личное дело. Так и было бы в действительности, если бы автор не пытался в то же время перечеркивать своим карандашом карту нашей родины. А этого ему нельзя позволить»[36].

Вполне справедливо, как нам кажется, в своей работе, вышедшей в 2007 г., румынский историк, академик Флорин Константиниу указал, что после 23 августа 1944 г (т.е. со времени перехода Румынии в дружественный СССР лагерь. – *Т.П.*) ни один из советских ученых никогда не подвергался такой резкой критике[37].

---

[33] См: Взгляды, противоречащие основным принципам экономических отношений между социалистическими странами. Перевод на русск. яз. статьи К. Мурджеску (Из личного архива Э.Б.
Валева).С. 3, 9.

[34] См: Приложение. Из записок Л.Б. Валева (Личный архив Э.Б. Валева).

[35] См: Взгляды, противоречащие... С. 3, 9.

[36] Там же. С. 36.

[37] *Constantinuu Fl.* De la Rautu si Roller la Musat si Ardeleanu. Bucureşti, 2007. С. 277.

Все обвинения, выдвинутые румынской стороной против советского ученого, экстраполировались румынской стороной на советское руководство. Не случайно на уже упомянутой встрече партийно-правительственных делегаций КПСС и РРП в Москве в июле 1964 г. глава советской делегации Н.В. Подгорный специально остановился на статье Э.Б. Валева, которая наделала столько шуму в Румынии. Он отметил, что «до этого она была известна лишь узкому кругу географов. По крайней мере, до ее появления, заявил он, никто из советских руководителей о ней ничего не знал и ее не читал, и что она является выражением собственных суждений ученого»[38]. Статьей Э.Б. Валева заинтересовался сам секретарь ЦК КПСС, член Политбюро М.А. Суслов. Он обратился через своего помощника в партийный комитет МГУ с просьбой прислать ему статью. Прочитав ее и не найдя ни малейшего повода для критики, он все же потребовал у партийной организации МГУ объяснительную записку[39].

В свою очередь, партийное бюро географического факультета обсудило на одном из своих заседаний вопрос о публикации статьи Э.Б. Валева. По содержанию статьи принципиальных замечаний сделано не было. Имелись лишь некоторые конкретные предложения[*]. В

[38] *Buga V.* Op. cit. P. 40–44.

[39] В партийный комитет МГУ. Объяснительная записка парткома географического факультета МГУ по поводу критики в румынском журнале статьи Э.Б. Валева (Из личного архива Э.Б. Валева).

[*] В докладной записке в партийный комитет МГУ отмечалось, что «в статье Э.Б. Валева нет положений, в какой бы то ни было мере игнорирующих или задевающих суверенитет Румынии (равно как и суверенитет других государств, о которых идет речь в статье). Наоборот, автор различными способами подтверждает необходимость сохранения и уважения суверенных прав государств, участвующих в совместном решении проблем, общих для их пограничных районов. Говоря о наличии объективных предпосылок для формирования в будущем Нижне-Дунайского межгосударственного производственного комплекса, Э. Б. Валев указывает, что этот комплекс будет состоять из районов, входящих каждый в состав своей страны (это положение отражено и в названии статьи. На приложенных к статье картах показаны придунайские районы трех государств, разделенные государственными границами Автор подчеркивает необходимость тесного сотрудничества между придунайскими социалистическими странами (являющимися, бесспорно, суверенными государствами) в решении общих экономических проблем и вовсе не говорит о создании каких-то надгосударственных органов». «В свете всего вышесказанного, говорится далее в записке, вызывает полней-

записке отмечалось, что «содержание и выводы упомянутой статьи румынского журнала никак не вытекают из содержания статьи Э.Б. Валева. Румынские авторы проявляют совершенно явную тенденциозность и предвзятость в оценке положений, содержащихся в статье Э.Б. Валева. В то же время в записке указывалось, что «нельзя не обратить внимание на то, что критические замечания румынских товарищей находятся в противоречии с некоторыми положениями Совещания представителей коммунистических и рабочих партий стран-участниц СЭВ по вопросу об основных принципах международного социалистического разделения труда»[40]. Вместе с тем, чтобы застраховать себя на будущее от подобных ситуаций, партийный комитет географического факультета МГУ предлагал усилить контроль и консультации при публикации статей по экономической географии, связанных с международными вопросами. Содержалась также просьба о направлении подобных статей перед их публикацией для просмотра в соответствующие отделы ЦК КПСС и контроля со стороны Главлита, который, кстати, не возражал против публикации работы Э.Б. Валева[41]. Все это еще раз подтверждает, что статья Э. Б. Валева являлась не заказной со стороны высшего руководства страны, а выражала его собственные позиции и взгляды.

К антироссийской, а следовательно, и к антисоветской пропаганде подключились румынские историки. В 1964 г. в Бухаресте под редакцией академика Андрея Оцетя была опубликована работа под названием «Маркс о румынах». В нее были включены отрывки из рукописи К. Маркса, находившейся в архиве Маркса и Энгельса в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Это были в основном пассажи, взятые К. Марксом из работ буржуазных авторов, касающиеся политики царской России, в том числе и в отношении Дунайских княжеств – Валахии и Молдавии. Политика царской России изображалась как экспансионистская, ничего не говорилось об освободительной миссии России на Балканах, важной роли России в создании здесь ряда независимых государств. В то же время в работе речь шла о «незаконности» передачи Турцией России Бесса-

шее недоумение утверждение, содержащееся в редакционной статье румынского журнала «Вьяца экономика»...о том, что будто бы в статье Э.Б. Валева не принимается во внимание суверенитет Румынии и предлагается расчленение ее территории и национальной экономики».

[40] Там же.

[41] Там же.

рабии, территории которая Турции якобы не принадлежала[42]. Напомним, что начиная с XV–XVI вв., Дунайские княжества находились в вассальной зависимости от Османской империи и к 1812 г. не имели самостоятельного государственного статуса, а привилегии (признаки государственности и определенная автономия), которыми пользовались княжества, были отвоеваны у Османской империи с помощью России в ходе русско-турецких войн XVIII – начала XIX вв. Публикация подобной работы из архива К. Маркса дала румынским историкам повод для пересмотра истории российско-румынских отношений, а политикам – для развертывания антироссийской пропаганды со ссылкой на вождя мирового пролетариата.

Известно при этом, что важные документы, касающиеся принятия решений руководством РРП, в те времена были засекречены, а на поверхности, в официальных документах, все еще звучали заверения о дружбе и сотрудничестве между Румынией и СССР, между румынским и советскими народами. И только открытие государственных и партийных архивов в Румынии и их доступность в настоящее время для исследователей позволяют проникнуть в закулисные перипетии политики румынского руководства. К сожалению, нельзя сказать того же о российских архивах, многие документы которых в значительной степени все еще сохраняются под грифом «секретно».

Таким образом, предпосылки для проведения в жизнь «особого курса» стали формироваться еще до прихода к власти Н. Чаушеску. Он унаследовал и развил тот курс, который стал формироваться еще при его предшественнике. Как считает российский историк А. Васильев, именно в 1964–1965 гг. во внешней политике Румынии сложился «особый курс»[43]. Гипертрофирование национального фактора привело, в конечном итоге, к формированию концепции «национального коммунизма».

Таковы были условия, в которых проходил визит румынской партийно-правительственной делегации в Москву в сентябре 1965 г.

Советское правительство придавало большое значение встрече на высшем уровне между делегациями КПСС и РКП, тем более что из советского посольства в Бухаресте поступали обнадеживающие

---

[42] *Anton M., Chiper I.* Înstauraria regimului Ceauşescu. Continuitate si reptură în relaţiile romăno-sovietice. Bucureşti, 2003. P. 276–277; *Constantiniu F.* De la Rautu si RolLer la Musaf si Ardeleanu. Bucuresti. 2007. P. 274–276.

[43] *Васильев А.* «Особый курс» Н. Чаушеску – внешняя политика в условиях лимитирующих факторов // Россия XXI. М., 2001. С. 72–97.

заявления. Так, в одном из сообщений из Бухареста говорилось, что после смерти Георгиу-Дежа румынской стороной были сделаны заявления о желании развивать и углублять дружеские связи с СССР. Утихла антисоветская пропаганда.

Встречали румынскую делегацию 3 сентября в лучших торжественно-помпезных традициях советских времен. Еще 16 августа 1965 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС, в котором среди прочего говорилось:

«На подступах к г. Москве в случае благоприятной погоды самолет встретить (и проводить) эскортом военных самолетов. На аэродроме при встрече (проводах) произвести артиллерийский салют (21 залп). На аэродроме выстраивается почетный караул, предусматривается присутствие глав дипломатического корпуса. Исполняются гимны СРР и СССР. Поездки делегации в Ленинград и Волгоград. Приветствие делегации трудящимися от аэродрома до резиденции.

3 сентября.

Соответственно: обед в Грановитой палате (Большой Кремлевский дворец).

4 сентября.

Начало переговоров после посещения румынской делегацией Мавзолея В.И. Ленина и возложения венков.

5 сентября.

Отдых на загородной даче.

6 сентября.

Посещение Волгограда.

7 сентября.

Отлет из г. Волгограда в г. Ленинград.

9 сентября.

Отлет в г. Москву (или отъезд на спец. поезде). Возможны переговоры.

10 сентября.

Резервное время. Переговоры провести 10 сентября с.г. в Кремлевском дворце; митинг советско-румынской дружбы с выступлением Л.И. Брежнева.

Подписание документов. Прием на 600 человек»[44].

На встрече обсуждались вопросы двусторонних отношений, а также политика СССР и Румынии на международной арене.

[44] АВП РФ. Оп. 55. П. 292. Д. 16. Л. 10–18.

В области международных отношений румынская делегация особый акцент делала на своей позиции сотрудничества со всеми социалистическими странами, имея в виду, как уже отмечалось выше, Китай и Албанию. Н. Чаушеску заявил, что решение Консультативного политического комитета Варшавского Договора (КПК ОВД) со ссылкой на то, что в 1961 г. на его заседание не прибыл руководитель Албании, было ошибочным. Н. Чаушеску выступил с критикой деятельности Комитета, его технического секретариата, заявил о необходимости более тщательной подготовки его заседаний, предварительных консультаций с руководством всех стран, входивших в ОВД[45]. Отметим в связи с вышесказанным, что, действительно, к середине 1960-х гг. в связи с отходом Румынии от общей линии в рамках ОВД его документы не всегда предварительно направлялись в Румынию. Румынское руководство особо подчеркнуло свою роль посредника в переговорах между СССР и Китаем[46]. На самом деле, позиция Румынии являлась попытками проводить свою независимую политику отхода от курса Москвы и лавирования между различными центрами сил на международной арене.

В сфере экономики были затронуты вопросы расширения экономического и научно-технического сотрудничества. Речь шла также о предоставлении Румынии кредита для оплаты закупок вооружения у СССР, о переработке в СССР урановой руды, поставляемой из Румынии, и возвращении чистого урана назад для использования его в атомной энергетике, о помощи СССР в строительстве совместной с Югославией гидроэлектростанции «Железные ворота» на Дунае и т. д.[47].

Для решения задач двустороннего экономического сотрудничества было принято решение создать совместную комиссию. В то же время румынская сторона выступила с предложением изменить статью 20 Конвенции о судоходстве на Дунае, предусматривающую деятельность совместной администрации на участке Брэила – Килийское гирло, как устаревшую, поскольку она была принята еще в 1948 г., и, по мнению выступавшего по этому вопросу Г. Маурера, не отвечала современным условиям. Г. Маурер заявил, что в данный момент вместо совместной комиссии необходимо создать автономное управле-

[45] *Anton M., Chiper I.* Op. cit. P. 138–141.
[46] Ibid. P. 117–188, 131–132, 142.
[47] Ibid. P. 132.

ние участков Дуная, принадлежавших каждой из стран[48]. Советская сторона согласилась модифицировать данную статью, касающуюся деятельности совместной администрации в устье Дуная.

Руководитель советской делегации Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев осудил «субъективизм» Н.С. Хрущева, отметил, что его замечания о том, что и как нужно делать по конкретным вопросам экономического развития, вызывали только негативные эмоции[49]. По сути, он согласился с румынской точкой зрения, что «в экономическом строительстве могут применяться самые разнообразные формы, и это не противоречит нашим принципам». В то же время он подчеркнул, что «необходимо, конечно, использовать взаимный опыт и практику социалистического строительства»[50]. Румынская сторона выступила с предложением создать совместную двустороннюю комиссию по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Со своей стороны, советское руководство поддержало это предложение[51].

Среди проблем, которые были подняты румынской стороной, был и вопрос о возвращении румынского золота, которое оказалось в России еще в годы Первой мировой войны. Выступивший по этому вопросу член Политбюро Румынской компартии Александру Бырлэдяну напомнил, что в годы Первой мировой войны, когда Румыния выступила на стороне Антанты, немецким войскам удалось перейти в наступление и оккупировать большую часть территории Румынии. Возникла угроза занятия противником всей территории Румынии. В этих условиях по просьбе румынской стороны румынский золотой запас Национального банка Румынии, историко-культурные и художественные ценности, в том числе и драгоценности румынской королевы Марии, а также картины, архивы, иконы, ценные бумаги ряда банков и т.д., были отправлены на хранение в Москву.

Первая партия, отправленная в декабре 1916 г., еще при царской власти, по румынским данным, приведенным А. Бырлэдяну, состояла из 1738 особых ящиков (кассет) с золотом общим весом 93 тонны и двух ларцов с ювелирными изделиями королевы Марии.

[48] Ibid. P. 134–135.
[49] Ibid. P. 157.
[50] Ibid..
[51] Ibid. P. 133, 171.

Вторая партия прибыла в Москву уже после падения монархии при Временном правительстве[52].

Касаясь истории вопроса, со своей стороны замечу, что транспортировка румынского имущества производилась в условиях войны, дезорганизации власти, развала на фронтах, грабежей и насилия. Поэтому трудно говорить с полной уверенностью о сохранности всего груза. По прибытии в Москву также не было проведено тщательной проверки доставленного груза. Он взвешивался оптом, выборочно каждый десятый ящик, а затем все это суммировалось. При складировании 188 ящиков в запасную кладовую московской конторы Государственного банка разборка и проверка ящиков вообще не производилась, а оценка делалась на основе устного заявления уполномоченного Национального банка Румынии. В основном же золото и драгоценности были размещены в кладовых Кремля. При этом замки на дверях кладовых были установлены таким образом, что попасть в них можно было, только имея два разных ключа от дверей, при этом один из ключей хранился у румынского представителя, а второй – у российского (после победы большевиков – у советского).

Дальнейшая судьба румынского золота выглядит так. После оккупации в декабре 1917 г. румынскими войсками Бессарабии, входившей с 1812 г. в состав Российской империи, советское правительство объявило о разрыве дипломатических отношений с Румынией. В постановлении Совета народных комиссаров от 13 января 1918 г. говорилось о том, что «хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа»[53]. Именно на эту оговорку обратил внимание в своем выступлении А. Бырлэдяну в качестве аргумента в пользу передачи румынскому народу золотого запаса Румынии. «Сегодня, в рамках новых отношений между социалистическими странами, между двумя народами, которые идут по пути строительства социализма и коммунизма, мы ставим перед вами проблему о передаче золотого запаса его истинному собственнику – румынскому народу». Далее следовал следующий пассаж: «Мы считаем, что возвращение золотого запаса, помимо важного экономиче-

[52] Ibid. P. 133–134.

[53] *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 198–199.

ского значения для нашей страны, будет иметь и особое политическое значение. Это будет означать выполнение того, что еще Ленин считал необходимым осуществить, и это продемонстрирует в высшей степени принципиальные отношения, на которых базируется дружба и братское сотрудничество между нашими народами»[54]. Справедливости ради, нужно отметить тот факт, что румынское правительство нарушило подписанное премьер-министром А. Авереску российско-румынское соглашение от 5–9 марта 1918 г., которое предусматривало вывод румынских войск из оккупированной ими Бессарабии, и тем самым предрешило судьбу румынского золота[55]. Бырлэдяну также напомнил, что подобные жесты со стороны советского правительства были и в прошлом: «В 1935 г. после установления дипломатических отношений между СССР и Румынией советское правительство возвратило Румынии часть имущества: архивы, исторические документы, произведения искусства, некоторые из которых были чрезвычайно важными для нашей страны. Однако тогда не было возвращено золото Национального банка…»[56].

В связи с этим добавим от себя, что в 1956 г. по решению советского правительства Румынии были возвращены все драгоценности, ювелирные изделия, археологические находки, в том числе и золотые, представляющие огромный исторический интерес, картины, рукописи, иконы – все то, что находилось в Советском Союзе, хранилось и сберегалось в кладовых Кремля[57].

9 сентября 1965 г., уже после того, как румынская делегация посетила Волгоград с целью ознакомления с его достопримечательностями и возвратилась в Москву, было продолжено обсуждение вопросов, связанных с румынским золотом. В поддержку А. Бырлэдяну выступила «тяжелая артиллерия» – Н. Чаушеску и Г. Маурер.

Реакция советского руководства на инициативу румынской стороны была явно негативная. Объясняя эту реакцию, нельзя не учитывать тот факт, что отношения между руководством двух стран за прошедшие со времени XX съезда КПСС годы значительно ухудшились, что отразилось и в дискуссиях на встрече. Поэтому нельзя

---

[54] *Anton M., Chiper I.* Op.cit. P. 133–134.

[55] *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Указ. соч. С. 216–217.

[56] *Anton M., Chiper I.* Op.cit. P. 133.

[57] *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Указ. соч. С. 258–259.

удивляться, что в своем ответе Л.И. Брежнев выразил недоумение, что «через 50 лет был поднят вопрос, касающийся взаимоотношений между царской Россией и королевской Румынией, и сейчас, – продолжил Брежнев, – началась дискуссия между двумя социалистическими странами, которые в свое время отказались от признания подобных договоров, установили братские дружеские отношения, вместе пережили Вторую мировую войну, нашли в себе силы отказаться от всех неприятностей, связанных с войной, с потерями советского народа в этой войне и несчастьями, постигшими румынский народ»[58]. По мнению Брежнева, «потребовались десятилетия, чтобы избавиться от боли и страданий, которые надолго осели в душах людей». Далее Брежнев остановился на некоторых из моментов этой истории. «Как следует из имеющихся материалов, – подчеркнул Брежнев, – общее количество груза, отправленного в Россию в целом соответствует тем данным, о которых говорил Бырлэдяну. Однако четкого контроля за отправленными ценностями, – по словам Брежнева, – не было, так как все это происходило в условиях войны, и транспортировка ценностей шла на доверии. Когда же позднее часть ящиков была вскрыта, то обнаружилась, среди прочего, одежда королевской семьи и другие вещи, принадлежавшие, возможно, монастырям и частным лицам или попавшие туда случайно во время транспортировки. Существует перечень, того, что было в этих ящиках: обувь, белье, были и ложки»[59]. Обратившись к истории, Брежнев заявил, что «после установления Временного правительства информация о румынском золоте теряется. Затем была Гражданская война, и часть золота была для сохранности переправлена в Пермь, Омск, Казань. Часть золота во время Гражданской войны была захвачена белогвардейцами, которые, возможно, передали иностранным государствам за поставки обмундирование и оружие, и осела в зарубежных банках. Остальная часть хранилась в кладовых Кремля». Брежнев повторяет версию, что залогом сохранности румынских ценностей в Кремле являлось наличие у советской стороны лишь одного из ключей от дверей кладовых, что гарантировало, якобы, от односторонних действий[60].

Однако, как следует из документов зарубежных архивов, в частности, французских, эта договоренность неоднократно нарушалась

[58] *Anton M., Chiper I.* Op.cit. P. 173–174, 190.
[59] Idid. P. 172–173.
[60] Ibid. P. 173.

под прямыми угрозами советских представителей отобрать ключи силой[61].

Дело в том, что после разрыва дипломатических отношений между Советской Россией и Румынией один из ключей от кладовой Кремля был передан на хранение французскому консулу, находившемуся в Москве. А тот под давлением советских представителей, по крайней мере, дважды им его передавал. Под предлогом того, что в кладовых хранилось советское имущество, некоторые ящики оттуда изымались. Инвентаризации румынских ценностей, хранящихся в Кремле, долгое время не проводилось.

Наконец, в 1922–1924 гг. была произведена их полная инвентаризация.

В начале 1920-х гг. в связи с изменившейся международной обстановкой и возможными российско-румынскими переговорами нарком иностранных дел РСФСР В.Г. Чичерин обратился в ЦК РКП(б) с предложением провести инвентаризацию румынских ценностей, переданных Румынией России в 1916–1917 гг. 14 мая 1922 г. этот вопрос был вынесен на заседание Политбюро ЦК РКП(б), и по записке Чичерина было принято положительное решение.

К осмотру и оценке румынских ценностей, находившихся в кладовых Кремля, комиссия под председательством заместителя начальника Гохрана Гершатера при участии контролеров Гохрана, ювелира и рабочих приступила 5 августа 1922 г. Приступая к работе, комиссия установила: при вскрытии кладовых печати оказались в целости, двери и замки - в исправности, люки и окна в кладовых закрыты, стекла и решетки не повреждены.

Что же оказалось в кладовых? По свидетельству членов комиссии ящики лежали в беспорядке. Можно предположить. что так они и были складированы. Некоторые из ящиков были не опечатаны, а на некоторых печати и замки были сломаны. При первоначальном осмотре ящиков оказалось, что упаковка на многих ящиках была плохая, содержание не соответствовало имеющейся описи, а в некоторых ящиках оказались пустые футляры из под драгоценностей и пустые гнезда в ювелирных изделиях. В ряде случаев трудно было произвести оценку вещей. К тому, о чем говорилось выше на встрече румынской и советской делегаций, можно добавить, что, наряду с дра-

[61] Arhives du Ministere des Affaires Etrangeres. Paris. Serie Z. Europe. C. 582 g. Dossier.9. Roumain 90. Tresor roumanie a Mossow.

гоценностями, а часто и вперемежку с ними, находились меховые вещи, уже изъеденные молью и покрытые плесенью, одежда, белье, поношенная обувь, металлическая, стеклянная и фаянсовая посуда (всего 280 мест) и т.д. Здесь же находились ящики с вином. Был обнаружен также и один ящик со взрывчатыми веществами. Комиссия, поразмыслив, решила ящики с вином обвязать веревками и опечатать, а ящик со взрывчаткой изъять и передать по назначению во избежание угрозы взрыва. После осмотра ящики упаковывались, завязывались веревками и опечатывались. Золота среди ящиков обнаружено не было. Не было также и сундучков с драгоценностями королевы Марии.

В заявлении, которая сделала комиссия по результатам работы говорилось, что речь идет не только об учете и оценке румынского имущества, но и о его сохранности и создании условий для его хранения. Поэтому, по заключению комиссии, был необходим более тщательный разбор румынских ценностей с целью инвентаризации, осмотра и оценки каждой вещи.

23 июля 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило Секретариату ЦК и НКИД образовать «Особую комиссию» для разбора, классификации и оценки румынских ценностей. Комиссию возглавил видный деятель компартии и советского государства Александр Гаврилович Шляпников. Через год, 20 июля 1924 г. он сообщил в Политбюро ЦК РКП(б) о том, что «Особая комиссия» свою работу закончила. В протоколе комиссии общая стоимость румынских ценностей была указана в 1 млн. 700 тыс. руб. золотом. В 1940 г. была начата последующая инвентаризация румынских ценностей, которая была прервана войной и завершилась только в 1948 г. Описи первой и второй инвентаризаций совпали. Именно по этим описям румынские ценности летом 1956 г. были переданы румынскому правительству.

Между тем у Советского Союза, а ныне и у России, существуют контраргументы против удовлетворения требований румынской стороны о передаче Румынии румынского золотого запаса. И об этом говорил Л.И. Брежнев на сентябрьской встрече в Москве. Брежнев отметил, что, согласно документам, в годы Первой мировой войны королевская Румыния задолжала России за поставки оружия и других военных вещей около 300 млн. долларов, что соответствует 274 тоннам золота. Поэтому, если мы поднимаем одну проблему, нужно поднимать и другую, т.е. говорить о взаимных претензиях. Тогда нужно говорить, по мнению Брежнева, и о потерях, которые понес советский народ в годы Второй мировой войны, когда Румыния вы-

ступила против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии. «Ущерб, нанесенный за годы войны только в Одессе и Крыму, составил суммы в 100 раз больше, чем те, о которых сегодня говорится. Поэтому речь идет не столько о финансовых вопросах, сколько о политических». Репарации в 300 млн.долларов, которые заплатила Румыния за ущерб, нанесенный в годы Второй мировой войны, как считал Брежнев, были символическими. Мы считаем, – заявил Брежнев, – что вопрос должен быть закрыт».

В то же время румынская сторона заявила, что она оставляет открытым вопрос о возвращении ей ценностей королевской Румынии, переданных царскому правительству в годы Первой мировой войны[62].

Однако и до сих пор вопрос о румынском золоте периодически поднимается румынской стороной, как на официальном уровне, так и в румынских средствах массовой информации, будоража общественное мнение. Хотя в настоящее время существует двусторонняя комиссия историков России и Румынии, призванная изучать эту проблему, в отечественной историографии не существует сколько-нибудь значимых работ по этой проблематике. Поэтому автор статьи рассматривает анализ данной проблемы, которая обсуждалась на встрече партийно-правительственных делегаций в сентябре 1965 года, как одну из немногих попыток обратиться к изучению этой темы.

Румынская сторона обратилась к советскому руководству с просьбой передать в архив Института истории при ЦК РКП документы, касающиеся деятельности румынской секции Коминтерна[63]. Решение этого вопроса затянулось до начала 1990-х г., когда Румынии были переданы ксерокопии документов из фонда румынской секции Коминтерна.

В целом же, оценивая итоги визита румынской партийно-правительственной делегации в СССР, советские дипломаты фиксировали отсутствие каких-либо принципиальных изменений во внутренней и внешней политике Румынии, отмечали китайское влияние в различных сферах общественной и политической жизни страны. Это относилось, например, к румынским ответам на советское предложение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства, о нераспространении ядерного оружия, к оценке индийско-пакистанского конфликта, к выступлению главы румынской

[62] *Anton M., Chiper I.* Op.cit. P. 174.
[63] Ibid., P. 173–174, 190.

делегации на VI конгрессе Всемирной федерации профсоюзов в Варшаве. Кроме того, МИД Румынии в одностороннем порядке принял решение о сокращении взноса в Институт ядерных исследований в Дубне. Сохранялось также прежнее отношение к советским гражданам, проживающим в Румынии, и к румынским гражданам, женатым на советских женщинах. Продолжало сокращаться поступление советской литературы и прессы, а в некоторых районах страны, например в Трансильвании, слышимость советского радио была настолько плохая, что населению приходилось, как правило, слушать радио Бухареста, Будапешта и западные радиостанции[64]. Особых надежд на улучшение советско-румынских отношений и в будущем не предвиделось, хотя в определенные периоды румынское руководство продолжало «игры» на двух или более столах.

Итак, в конце нахождения у власти Г. Георгиу-Дежа начал формироваться особый курс румынского руководства по целому ряду вопросов международной и внутренней политики. В пропаганде стала особо подчеркиваться роль внутренних факторов и собственного опыта социалистического строительства[65]. Это нашло отражение также в идеологической, экономической политике, в особых взглядах на деятельность и задачи СЭВ и Варшавского договора, международного коммунистического движения в целом, в ориентации на западные страны и определенную зависимость от капиталистических государств[66].

Одновременно началось дистанцирование Румынии от СССР. В адрес советского руководства стали выдвигаться обвинения в проведении политики диктата и навязывании своего мнения другим социалистическим странам, в стремлении сохранить Румынию на положении аграрно-сырьевого придатка более развитых стран содружества[67].

Политика, формирование которой пришлось на последние годы жизни Г. Георгиу-Дежа, в полном объеме была воспринята при его преемнике Н. Чаушеску, несмотря на декларативные заявления последнего о желании улучшить отношения с Советским Союзом и другими странами-членами СЭВ и ОВД. По сообщениям, поступавшим из советского посольства в МИД СССР, «в Бухаресте стала под-

[64] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 58. П. 301. Д. 28. Л. 112.
[65] Там же. Оп. 54. П. 289. Д. 16. Л. 200.
[66] Там же. Оп. 55. П. 292. Д. 15. Л. 127.
[67] Там же. Л. 197–200.

черкиваться дальновидность и реалистичность политической линии РКП, его руководства и лично Генерального секретаря ЦК РКП Н. Чаушеску. …Главным критерием интернационального вклада Румынии, по мнению ее руководителей, являлось, прежде всего, строительство социализма в своей стране». Несмотря на декларативные заявления руководства РКП о развитии демократии в Румынии, на самом деле в общественно-политической жизни страны совершенно явно нарастали тенденции тоталитаризма и формировался культ личности Чаушеску. По мнению советского посольства, политика руководства РКП и правительства СРР, его особая линия во внутренних и внешних делах преследовала цель «сплотить на национальной основе все слои населения», и это в какой-то степени румынскому руководству удавалось [68].

[68] Там же. Оп. 58. П. 301. Д. 28. Л. 131.

Приложение

Из заметок советского слависта, зав. сектором истории народно-демократических революций и социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения АН СССР доктора исторических наук Любомира Борисовича Валева

В № от 24 ноября, американская газета «Нью-Йорк Джорнэл Американ» опубликовала статью своего обозревателя Воба Консидайна, совершающего поездку по Румынии в составе группы журналистов, сопровождающих американского издателя Херста. В этой статье он рассказывает о беседе группы с заместителем председателя Совета министров РНР Георге Гастон-Марином. Консидайн пишет: «Человек, ставший движущей силой, повлиявший на решение Румынии порвать цепи, которые приковали ее к догматической советизированной экономике, заявил сегодня в Бухаресте Уильяму Рудольфу Херсту-младшему, что его страна хотела бы, чтобы ... капиталисты вкладывали свои капиталы в ее экономику на основе полного партнерства».

В редком и поразительно откровенном интервью Георге Гастон-Марин рассказал американскому редактору и его сотрудникам о целом ряде планов, которые еще недавно навлекли бы на его голову все громы и молнии разъяренного Кремля.

Если программа этого инженера, получившего подготовку во Франции и ставшего наиболее прогрессивным специалистом в области планирования экономики из числа специалистов Румынии и советских сателлитов, принесет какие-либо плоды, Румыния возглавит движение Восточной Европы в сторону, как он называет, социалистического капитализма.

Говоря как человек, много делающий для развития румынской программы, этот крепкий молодой заместитель премьер-министра, производящий впечатление человека с Мэдисон-авеню, заявил г-ну Херсту: “Нет никаких причин, которые помешали бы американским фирмам пустить корни в Румынии и работать с нами. Сейчас мы имеем в Нью-Йорке 8–10 специалистов, ведущих переговоры в этом направлении. Мы уже подписали соглашение о закупке у вас комплексного оборудования для двух заводов синтетического каучука, аммиачного завода, завода искусственных удобрений и нового завода каталитического крекинга для нашего района Плоешти.

Соглашение, которое мы недавно подписали с вами, дает нам право на закупку некоторых патентов и лицензий, но мы хотели бы расширить эти отношения. Америка импортируют очень много товаров из Европы. Почти все, что она импортирует, мы и вы могли бы производить здесь, в Румынии. У нас имеется более необходимое сырье и более дешевая рабочая сила, чем в Западной Европе.

Предположим, что сюда пришли бы Форд и “Дженерал моторс”. Пусть они пришлют сюда свое оборудование, и мы построим здесь заводы. Каждый американский промышленник будет принят здесь с радостью. У нас есть высококвалифицированные рабочие. Вместе мы могли бы выпускать машинное оборудование, химикалии, ткани, обувь, продовольственные товары – почти все. Вместе мы могли бы найти огромный третий рынок среди встающих на ноги новых стран. Прибыли? Разумеется, будут и прибыли, и они выплачивались бы в долларах. Государство, как партнер, сделало бы все возможное, чтобы каждое предприятие умело руководилось так, как это сделали бы вы в качестве капиталистического партнера. Никто не хочет работать, если его труд не приносит прибыли. Наше партнерство было бы отнюдь не филантропической затеей”.

Но Херста не так легко убедить.

“Кто бы руководил подобным заводом?”, – спрашивает он. В ответ Гастон Марин пожал плечами и подарил ему обезоруживающую улыбку.

“В принципе румынское правительство, – сказал он. – Но это не умаляло бы роли американских специалистов на месте. На практике это не отличалось бы от того порядка, которого вы придерживаетесь, допустим, в Индии, только там ваши люди стали партнерами частных компаний, а здесь они

были бы партнерами государства. Отношения с государством надежнее. Частные компании иногда терпят банкротство. Государство не обанкротится никогда".

...Коммунистический Китай? О, да, мы торгуем с ним, и наш представитель находится в Пекине. Мы надеемся увеличить объем торговли. Китай присылает нам руду, текстиль, рыбу".

Гастон-Марин и другие румынские руководители были глубоко возмущены прошлогодним предложением советского специалиста-плановика о включении Румынии в нижнедунайский промышленный комплекс (Речь идет от Э.Б. Валеве). Этот проект предусматривал объединение соответствующих промышленных потенциалов Румынии, Венгрии (на самом деле не Венгрии, а СССР. – *Т. П.*) и Болгарии в единый комплекс, которым на практике руководили бы из Москвы в интересах общего блага государств, лежащих за железным занавесом. Румынии в подобном комплексе была бы отведена роль поставщика сельскохозяйственной продукции. "Нам никогда не говорили об этом прямо, – рассказывает Гастон-Марин. – Если бы нам сказали, что мы будем превращены во что-то вроде огорода, мы просто послали бы их подальше и предложили им выращивать свои собственные овощи".

В конечном итоге проект создания нижнедунайского промышленного комплекса так и не вышел за рамки обсуждения советскими теоретиками, и Гастон-Марин сомневается, чтобы новые руководители в Кремле отстаивали бы его. "СССР остается большим, дружественным соседом. Мы надеемся сохранить наши добрые отношения с ним".

Е.Ю. Гуськова

Европейский либерализм 60-х годов XX века и югославские реалии

Либерализм, который проявился в Югославии в 1960-е гг., безусловно, отличался от европейского течения, декларировавшего буржуазные ценности и свободы во всех сферах. Особенностью Югославии было то, что либерализм не представлял собой цельную систему взглядов, оформившуюся как общественно-политическое течение, не опирался на идеи частной собственности, предпринимательства и свободного рынка; либералы даже не сомневались в роли государства в экономике страны, а лишь стремились к ее ограничению, не отрицали коммунистическую идеологию, не подвергали сомнению нерушимость власти Й. Броз Тито. Приоритетными им представлялись такие ценности, как демократия, свобода самовыражения (средства массовой информации, литература, культура), власть права, невмешательство партии в работу политических институтов, модернизация экономики.

Различия с Европой обусловлены идеологической, национальной и политической спецификой развития страны в то время. Вспомним, что 1950-е гг. принесли народам Югославии не только некоторую стабильность, но и надежду на перемены к лучшему в экономике, социальной сфере, на бесконфликтную внешнюю политику. Начавшаяся было реорганизация государственного аппарата создавала иллюзию демократизации, борьбы с бюрократизмом, расширения прав республик и коллективов трудящихся.

Как пишет сербский историк Л. Перович, рыночные элементы в экономике, открытость миру, импорт новых технологий, развитие туризма, возможность работы за рубежом, свобода передвижения, попытка демократизации партии создавали ощущение перемен[1]. Казалось, что о многом можно говорить и писать, непосредственно участвовать в реформировании политической и экономической систем. Так, в первой половине 1960-х гг. в словенских и хорватских журналах появились статьи по актуальным общественным и конституционным вопросам, в острой форме освещались национальные разногласия, культурная и языковая политика, национальная экономика. В Словении и Македонии обсуждалась проблема равноправия словенского и македонского языков, в Хорватии – самостоятельность хор-

[1] *Nikezić M.* Srpska krhka vertikala /autor uvodne studije Latinka Perović/. Beograd, 2003. С. 10.

ватского. Однако партия и ее вождь по-прежнему старались держать под контролем все сферы деятельности федерации. В декабре 1962 г. Й. Броз Тито негативно отреагировал на «оппозицию в культуре», следствием чего стало закрытие словенского журнала «Перспективы». Недовольство руководства вызвала публикация на страницах издания «несоциалистической» по форме полемики[2].

Тенденции, усиливавшие республиканскую самостоятельность, проявились при разработке Конституции (1963 г.) и подготовке материалов VIII съезда СКЮ (1964 г.). Творцы Конституции исходили из того, что государство должно отмирать, поэтому надо ограничить его монополию. Но особое внимание предлагалось обратить на теорию самоуправления, которое, как надеялись, даст новое направление развития югославской экономике и социально-политической сфере. После VIII съезда СКЮ во всех республиках стали широко обсуждаться национальные проблемы, ранее не поднимавшиеся.

Появившиеся в 1960-е годы первые признаки либерализма выражались в требованиях свободы печати, автономии университета, независимости судопроизводства, невмешательства партии в работу политических институтов. Но власти понимали, что всякая серьезная реформа в этой сфере для них губительна. По словам Л. Перович, у югославских коммунистических властей сочетались «критика Сталина и укрепление нашего варианта сталинизма»[3]. Рубеж 1960-х – 1970-х гг. ознаменован готовностью к реформам и в партии, и в обществе, поэтому либералы искали способ «коррекции» югославского социализма, прежде всего, в области экономики, политических отношений, отношений республик и центра, демократизации партии. Они хотели ввести плюрализм в политические отношения[4].

Реформа партии, федерации и экономической системы породили поляризацию сил в партии и обществе. Обозначились два течения: 1) либеральное и 2) консервативное. Первое стремилось к открытому обществу, рыночной экономике, модернизации, реформе партии, политическому плюрализму (свобода фракций), «эластичной», то есть гибкой в своем функционировании, федерации, пересмотру прав и обязанностей республик и центра.

---

[2] Slovenska novejša zgodovina: Od programa Zedinjenja Slovenoja do mednarodnega priznanja Republike Slovenije 1848–1992. Knj. 2. Ljubljana, 2005. S.1033–1034, 1039, 1078–079.

[3] *Perović L.* Ljudi, događaji i knjige. Beograd, 2000. S.10.

[4] Slovenska novejša zgodovina... S. 1058.

В противоположность этому консерваторы не стремились к переменам, они защищали уже сложившуюся административную экономику, централистскую федерацию, доминирующую роль партии. Наиболее интенсивной борьба этих двух течений стала после IV пленума СКЮ, студенческих событий 1968 г., а особенно после оккупации Чехословакии в 1968 г. и появления идей еврокоммунизма. После мирной «поколенческой» смены части руководства СКЮ, которая произошла на IX съезде партии (1969 г.), либеральное течение окрепло во всех республиках. Й. Броз Тито никак не реагировал на эти тенденции, позволяя реформировать все, что не может поколебать его власть. Правда, иногда граница между новым и прочностью его власти становилась тонкой, призрачной, что приводило, как в случае с Хорватией, к нежелательным явлениям. Поэтому в начале 1970-х гг. Тито был вынужден делать все, чтобы упрочить свою власть, сохранить функции главного политического арбитра, что оправдывалось целью защиты и сохранения Югославии.

Словенский ученый Б. Репе – автор исследования о либерализме – полагает, что либерализм – общеюгославское явление, чье существование хронологически можно обозначить серединой 1960-х – серединой 1970-х гг. Он связывает либерализм с демократическими изменениями в обществе, оппозиционным движением, с идеологическими различиями, которые сильнее всего проявились в Словении, Хорватии и Сербии. Некоторые явления отмечались и в Македонии. Как пишут словенские историки, при всех различиях либерализм в югославских республиках объединял критический взгляд на способ управления партией и государством. Но имелись и различия: в республиках он имел разную окраску. Так, в Хорватии либерализм проявился как национализм[5]. В связи с тем, что «маспок»* поддержала хорватская эмиграция, которой была близка усташеская идеология, национализм в Хорватии свернул с либерального пути[6]. Своеобразное проявление либерализма отмечалось и в Сербии, и в Словении, и в Македонии.

Либерализм стал особенно ярким явлением в Сербии. Его лидером был Марко Никезич. До 1968 г. он занимал пост главы внешнеполитического ведомства – государственного секретаря по ино-

[5] *Repe B.* «Liberalizem» v Sloveniji // Borec. 1992. № 9–10. S. 935.

* Аббревиатура от хорв. «masovni pokret» (массовое движение). С ним связан взрыв национализма в Хорватии во второй половине 1960-х гг.

[6] Slovenska novejša zgodovina... S.1058.

странным делам. В ноябре 1968 г. М. Никезич возглавил Союз коммунистов Сербии (СКС). Его избрание было неожиданным для многих членов партии (кандидатуру предложил предыдущий глава сербских коммунистов Петар Стамболич). Считалось, что для такой должности необходим авторитет, фигура национального масштаба, а Марко Никезич таковым не являлся. Его поддерживали в других республиках, в автономных краях, за рубежом. В белградской же печати о нем говорили как о «новом» (читай – чужом) человеке*. М. Никезич с самого начала выступал за перемены в партии и обществе, но полагал, что ставить вопрос о необходимости изменений надо осторожно, постепенно, заручившись согласием ведущих людей в партии и особенно И. Броз Тито. «Я думал, – писал М. Никезич, – что он может пойти значительно дальше в развитии демократии как раз потому, что был неприкосновенным… Я хотел его видеть человеком, который возглавляет нашу эволюцию».

М. Никезич полагал также, что сторонники государственного социализма считали его прозападно настроенным за то, что, руководствуясь общемировыми «западными формулами», он мечтал о европеизации страны. Он был убежден, что главная опасность для независимости Югославии исходила от Советского Союза. По его мнению, так думали 90% сотрудников Секретариата иностранных дел. Однако из-за исторической привязанности народа Югославии к России, ставить «западника» во главе Сербии было рискованным делом[7].

М. Никезич как лидер сербских коммунистов много выступал, ездил по республике, встречался с рядовыми гражданами, учеными, студентами, рабочими, офицерами, полицейскими. Это была попытка «открыть» СКС, вызвать диалог в партии и обществе. Он выстраивал и проверял свою ориентацию, двигаясь «в рамках дозволенного»[8]. К началу 1970-х годов М. Никезич имел сторонников во всех республиках СФРЮ, для которых он был фигурой, представляющей альтернативные взгляды государственному социализму, национализму, реталинизации партии и децентрализации государства. В Сербии к либералам относились по-разному, но М. Никезич постепенно приобрел сторонников, среди которых – Миялко Тодорович, Коча и Милентие Поповичи, Латинка Перович, Драги Стаменкович, Мирослав Печуй-

[7] *Nikezić M*. Op. cit. S.12–13.
[8] Ibid. S.11.

лич, Мирко Тепавац и другие[9]. Македонский либерал Славко Милосавлевски писал, что в октябре 1972 г. число приверженцев либеральной линии в СКС составляло абсолютное большинство, в то время как «консервативно-догматическая струя» оказалась в меньшинстве[10].

М. Никезич считал Й. Броз Тито виноватым, что диалог в партии не состоялся. «Если бы он задержал Трипало, Кавчича, Црвенковского, нас в Сербии, мы могли и не быть на руководящих должностях, но был бы хоть какой-то диалог, и события бы не обрели застойный характер»[11]. Милосавлевски предположил, что Тито боялся появления нового лидера в одной из республик, в частности, в Сербии, чья популярность могла затмить его лидерство.

Известный историк Б. Петранович полагает, что в Сербии под руководством М. Никезича сформировался другой вид оппозиции – ненационалистической (по сравнению с Хорватией), более скрытой, хотя и противостоящей существующим методам управления[12]. Л. Перович подтверждает, что «сербские либералы не были националистами»[13]. М. Никезич был убежден, что Сербия и Югославия должны двигаться к современной экономике, демократизации общества, освобождению от старых кадров и от доминирования югославской политической верхушки. Главную опасность он видел в реставрации бюрократического централизма, который грозил задушить демократию, и настаивал, чтобы югославские «верхи» не вмешивались в сербские дела. Тогда и Сербия перестанет заботиться обо всей Югославии.

В сербской историографии последних лет появился тезис, что Тито расправился с сербскими либералами для того, чтобы уравновесить свою жесткую позицию в отношении «массового движения» в Хорватии. Однако сами сербские либералы такую оценку не разделяют. Неточным является тезис, считает Мирко Джекич, что Тито для равновесия после расправы с «маспоком» поспешил «отыскать» либерализм в Сербии. Тито «не был инициатором дискуссий вокруг так

---

[9] *Đukić S.* Slom srpskih liberala: Tehnologija političkih obračuna Josipa Broza. Beograd, 1990. S. 24.

[10] *Милосављевски С.* Страв од промени. Скопје,1991. С. 94.

[11] *Nikezić M.* Op. cit. S. 14.

[12] *Петрановић Б.* Историја Југославије 1918-1988. Књ. 3. Београд,1988. С. 408.

[13] *Perović L.* Op. cit. S. 14.

называемого либерализма у нас. Это были мы сами. Я сам неоднократно принимал участие в этом»[14].

Л. Перович, непосредственная участница тех событий, подчеркивает, что сербское партийное руководство не осуждало «маспок» и не давало оценок хорватскому движению. В силу такой позиции «после осуждения партийного руководства в Хорватии… под удар должно было попасть и сербское партийное руководство». Сербское руководство, пишет ученая, квалифицированное федеративными властями как технократическое, либеральное, прозападное, что означало антисамоуправленческое, прокапиталистическое, советофобское, со своими взглядами (на рынок, реформу, демократию) объективно представляло преграду для формирования нового соотношения сил в Югославии[15].

Македонец С. Милосавлевски понимал и поддерживал сербское руководство, объясняя, что руководство Сербии стремилось «к модернизации Сербии, к рациональной концентрации средств в республике для технологического обновления и развития промышленности, большей демократической свободе в сфере культуры и общественной информации», а также к конституционным реформам и совершенствованию федерации[16]. По его мнению, тогдашних либералов трудно было обвинить в антиюгославских или антисоциалистических взглядах. В таком случае Тито должен был бы признаться, что он против «современной Сербии» (основного лозунга сербских либералов), против технологического прогресса и европейского уровня развития. Тито скорее волновал уровень самостоятельности сербских коммунистов, не обивавших его пороги ради «советов» и «консультаций». Кроме того, он боялся появления нового лидера-конкурента. Соглашаясь на реформы, выступая даже их организатором, Тито оставлял неприкосновенным демократический централизм, что давало возможность держать партию в узде и оставлять за собой последнее слово.

В начале 1970-х гг. сербские либералы были осуждены как носители чуждой идеологии. Несмотря на широкое распространение идей либерализма в руководстве СКС, Тито смог расправиться с ними традиционными методами, когда сначала партийцы исключались из ЦК, потом из СКЮ, затем ограничивались их основные права – на

[14] Цит. по: *Nikezić M.* Op. cit. S.14.
[15] Ibid. S. 44.
[16] *Милосављевски С.* Указ. соч. С. 93.

работу, на информированность, на участие в общественной жизни. Оценивая позже причины неудачи либерализма в Сербии, Л. Перович делает вывод, что в столкновении 1971–1972 гг. это течение в СКС потерпело поражение потому, что, его считали анисоветским, антититовским, оппортунистическим, техно-менеджерским, элитным. В нем подозревали «троянского коня» в Союзе коммунистов Югославии, рупора классового врага. Позже все эти определения отпали, и течение стало называться просто либеральным. «Это было не случайно. Либерализм – известная ересь в международном коммунистическом движении: им всегда обозначали те течения, которые стремились не только к критике деформаций и изменению системы, но и к постепенной ревизии целей», – замечает Л. Перович[17].

М. Никезич подал в отставку в октябре 1972 г. Его посчитали защитником чуждых Союзу коммунистов Югославии идей. И он, действительно, отстаивал ценности западноевропейской цивилизации, либеральную экономику и власть права, прежде всего, а также антицентрализм и антинационализм[18].

После расправы с либералами как носителями чуждой идеологии в Сербии в начале 1970-х гг. возникло еще одно явление, которое не нашло отражения в исторических работах: с осени 1972 г. началась смена директоров наиболее крупных предприятий Сербии. В их число попали хозяйственники, возглавлявшие крупные предприятия, являвшиеся хребтом экономики Сербии[19]. Среди них: директор югославского гиганта «Югометал-комбинат» Миодраг Чеперкович, генеральный директор Генералэкспорта (Генекса) Влада Вишнич, директор завода «Црвена застава» Првослав Ракович, генеральный директор Электронске индустрие в Нише Владимир Ясич, директор сети универмагов «Београд» Чедомир Еленич, генеральный директор Прокатного цеха им. Слободана Пенезича-Крцуна фабрики аллюминия Влайко Бркович (7 лет тюрьмы за «хозяйственную деятельность») и др.[20]. Директоров снимали как технократов, менеджеров или либералов. Показательно, что кампания увольнений распространилась и в других сферах общественной жизни: за несколько лет было отстранено от должности около 4 тыс. руководите-

[17] *Perović L.* Op. cit. S. 11.

[18] *Nikezić M.* Op. cit. S. 10, 30–31.

[19] *Груић Р.* Како смо смењени: Говоре бивши директори великих колектива у Србији. Београд, 1989. С. 23.

[20] Там же.

лей не только в экономике, но и в науке, образовании, культуре, информации. Подобного процесса не было в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине. Каковы причины этого явления? Те, кто претворял эти решения в жизнь, говорили о «новой ситуации», «новом этапе самоуправления», концепции «основных организаций объединенного труда», требующих новые кадры[21]. Некоторые считали, что осуществлялась «осмысленная акция дезинтеграции больших систем и уничтожение так наз. центров отчужденной финансовой власти», что речь шла о дезинтеграции федеральной власти и создании национальных экономик[22]. Ведь, по словам Чедо Еленича, «большие системы ломали республиканские границы»[23].

Словенский либерализм проявлялся иначе, чем в Сербии. Он выражался в критике существовавшей экономической системы и в планировании ее структурных изменений. Основной принцип словенских либералов, который они отстаивали, базировался на идее республиканского суверенитета, сначала экономического, а затем и политического. Словенцы не возражали против социализма и ведущей роли Союза коммунистов, но настаивали на плюрализме. Самым радикальным было предложение о реорганизации Социалистического союза трудового народа Югославии (ССТНЮ) * на началах Народного фронта с возможностью вхождения в него организаций с различными позициями, имеющих право критиковать проводившуюся политику. Обозначилась перспектива возникновения двухпартийной, а затем и многопартийной политической системы[24].

Идея межнациональных отношений, понимаемая в Словении как отношения между республиками и центром, тяготела к конфедерализму. Под последним подразумевались: экономическая и финансовая самостоятельность республик, территориальная организация обороны с возможностью служить в собственной республике, языковое равноправие в армии, прямые связи с республиками без посредничества центра, бóльшая самостоятельность в международных отношениях.

---

[21] Там же. С. 111.
[22] Там же. С. 46
[23] Там же. С. 106.
* Общественная организация, созданная для объединения различных организаций и течений в единый союз с целью согласования разных позиций, но не игравшая оппозиционной роли в политической системе.
[24] *Repe B*. Op. cit. S. 937.

Как единая система взглядов программа словенских либералов не существовала, ученые выводили ее из выступлений, речей и высказываний приверженцев либерализма. Не существовало в Словении и центра либерализма. Теоретические основы либерализма в разных вариантах освещались на страницах журнала «Теория ин пракса». Представителей либеральных взглядов можно было встретить в Республиканской скупщине, в первичных организациях Союза коммунистов Словении, в партийном комитете Любляны, в Люблянском университете, в редакциях средств массовой информации, среди экономистов, выступавших за реформы[25]. А в глазах многих словенцев центром притяжения либералов являлся Станета Кавчич, председатель словенского правительства в 1967–1972 гг.

Станета Кавчич считается символом словенского либерализма[26]. Он выступал за полицентричное развитие экономики и ее связь с другими республиками и соседними государствами Европы. Словения могла стать, по его мнению, мостом между развитыми и неразвитыми странами. Как деятель-практик Кавчич много внимания уделял вопросам развития энергетики, сферы услуг, экологии, искал в экономике «оптимальность», акцентировал внимание на перспективных отраслях, считал, что следует использовать благоприятное географическое положение Словении, соседство капиталистических Австрии и Италии, к которым Словения в конце 1960-х гг. начала приближаться по уровню жизни. В экономических программах Кавчича и его сторонников преобладали идеи децентрализации. Либеральная концепция словенцев была близка социал-демократической модели с ее концепцией «рыночной экономики и социального государства»[27].

В Словении процесс либерализации приобрел форму «партийного либерализма», который словенские историки связывают с событиями 1968 г. и возможностью демократизации в обществе после падения А. Ранковича*. Этот процесс, по их мнению, тесно связан с экономической реформой, со стремлением к большему суверенитету, хотя сам Союз коммунистов не хотел отрекаться от монополии на принятие решений. Это и определяло всю политику Словении до конца 1972 г. Изначально большинство требований касалось либера-

[25] Ibid.
[26] Slovenska novejša zgodovina... S. 1057.
[27] *Repe B*. Op. cit. S. 938.
* Александр Ранкович в 1945–1966 гг. возглавлял Службу государственной безопасности, считался вторым человеком в партии и стране.

лизации экономики, усиления роли рынка и введения планово-рыночных отношений. Но для этого надо было осуществить демократические изменения в политической системе. Чтобы усилить роль республик, необходима была децентрализация политической власти, считали словенские либералы[28].

«Дорожная афера»* отразила острое противостояние между Словенией и центром и разделила руководство Словении на либералов, группировавшихся вокруг Кавчича, и консерваторов, объединявшихся вокруг представителя Словении в партийном руководстве страны Э. Карделя, председателя Союза коммунистов Словении Ф. Попита и председателя Скупщины С. Крайгера. В конфликт вмешалось руководство СКЮ; возникшую коллизию расценили как проявление словенского национализма, под удар критики попали «националисты» и «либералы» из числа партийных кадров, а также некоторые средства массовой информации республики. Фигура Э. Карделя в этих событиях была неоднозначной. В Белграде его считали словенским националистом, но он вел себя как классический партиец на высокой должности: не шел против вождя и партии и в этом был консервативен, но, как мог, отстаивал идеи самостоятельности Словении, участвуя в жесткой партийной борьбе.

С либералами начали расправляться весной 1971 г. Кавчич в октябре 1972 г. был обвинен в связях с политической эмиграцией. Начались «идеологические чистки» в республике на всех уровнях.

С либерализмом боролись и в Македонии. Но и в этой республике имелись свои особенности: если новые тенденции и существовали, то были слабо выражены, однако борьба против них велась серьезно. Как отмечалось в партийных документах Союза коммунистов Македонии (СКМ), после XXI заседания Президиума СКЮ партийцам в республике *советовали* бороться с носителями либерализма в республиканской партийной организации и выводить их из политического руководства. На пленумах ЦК СКМ 27 декабря 1971 г. и 18 января 1973 г.звучала острая критика таких явлений в партии, как национализм, сектантство, антисамоуправленческие тенденции либерализма. Последние включали в себя «техно-бюрократическое отрицание» классового характера социалистической демократии, роли СКЮ на современном этапе развития общественных отношений. Либералы, подчеркивалось на пленумах, хотели бы изменить роль ЦК и свести ее к разработке общих положений, предоставив рядовым ком-

[28] Slovenska novejša zgodovina... S. 1057.

мунистам самим решать все проблемы партийной и общественной жизни. Они якобы выступали за политический полицентризм, за дистанцирование Союза коммунистов от процессов самоуправления, за передачу управления экономическими вопросами самоуправления менеджерам-технократам.

Как считает один из участников событий, либерализм в Македонии нельзя сравнивать с подобным явлением в Сербии, поскольку республика была крайне неразвитой в экономическом и политическом отношении, имела слабую социальную структуру. В силу этого на основе размышлений о необходимости политических и экономических перемен не представлялось возможным объединить критически настроенные силы и тем более создать в их лице реальную опасность для политической власти в Югославии[29]. Правда, в СКМ тоже наблюдались две тенденции, боровшиеся за власть и влияние: сторонники «status quo», с одной стороны, и протагонисты структурных изменений, с другой. Причем, последние не ставили под сомнение ведущую роль СКЮ, конституционный строй и систему самоуправления. Как вспоминает С. Милосавлевски, он в те годы высказывался за политический плюрализм, общедемократическое развитие, право на забастовку.

Милосавлевски и был объявлен главным носителем либеральных идей в республике. 28 октября 1972 г., накануне приезда Й. Броз Тито в Македонию, он «по собственному желанию» был выведен из состава Президиума ЦК СКЮ и ЦК СКМ[30]. Вождю надо было показать, что коммунисты республики выполнили указание руководства партии по борьбе с либеральными тенденциями в партии. Двумя месяцами позже своих постов лишились партийные функционеры высокого ранга – Милан Недков, Томислав Чокрецки, Димитар Мирчев, Чамуран Тахир, ряд профессоров юридического факультета Скопского университета, Люпчо Арнаудовски, секретарь Секретариата внутренних дел Исполнительного совета Македонии. Окончательно с либерализмом в Македонии было покончено в январе 1973 г. на 36-ом пленуме ЦК СКМ. «Аргументированная» критика либерализма прозвучала в докладе Ангела Чемерского, назвавшего поименно его основных представителей. Коммунисты Македонии решили бороться с «либеральными и квазидемократическими» тенденциями собствен-

[29] *Милосављевски С.* Указ. соч. С. 106.

[30] *Огњановски* Р. Македонија во седумдесеттите години. Скопје, 1990. С. 21, 23, 114.

ными силами, называя их бюрократическо-этатическими, унитаристскими, информбюровскими и даже… консервативными[31]. Серьезной критике подвергся и Крсте Црвенковски, член Исполнительного бюро Президиума СКЮ, которому пришлось выступить с самокритикой, признать свои ошибки, что продлило его политическую жизнь еще на некоторое время.

В Союзе коммунистов Югославии борьбу с негативными явлениями в республиках объясняли заботой о сохранении единства страны. В партийной литературе писали об огромном давлении Хорватии, Словении и Македонии на союзную администрацию и серьезной конфронтации руководства республик с союзными органами. Все эти явления характеризовались как «проникновение национализма, анархо-либерализма и догматизма в политическую жизнь», как «идейно-политическое выражение бюрократическо-этатических и технократических тенденций в развитии общественно-экономических отношений»[32]. После таких определений даже рядовому коммунисту становилось ясно, что борьба с этими тенденциями должна быть беспощадной.

Таким образом, либерализм югославского образца не представлял собой какого-либо единообразного явления во всех республиках. Наиболее выраженным, хотя и осмотрительным, в рамках существующей политической системы, он был в Сербии, где к партийной власти пришла команда единомышленников, работавших по пяти основным направлениям: «Современная Сербия»; либерализация экономики; отказ от «сербского югославянства» и поворот к собственным нуждам; привлечение способных и профессиональных кадров; сотрудничество, а не конфронтация с другими республиками. В Словении он носил характер предложений по демократизации экономики и большей самостоятельности республик. В Хорватии стремление к переменам проявилось в националистическом вихре «маспока». В Македонии либерализм был слаб и спорадичен, а борьба с ним напоминала скорее идеологическо-политическую кампанию в рамках укрепления власти Й. Броз Тито в условиях готовящейся дефедерализации и децентрализации, а также растущей самостоятельности республик. В масштабах страны цель либерализма заключалась в реформировании существующей строго централизованной общественно-экономической системы и определенной демократизации. Следует

[31] Там же. С. 119.

[32] Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985. С. 448.

подчеркнуть, что конституционная реформа, последовавшая за описываемыми событиями, попыталась частично удовлетворить требования республик, одновременно строго регламентировав их рамками новых законов. Постепенно складывались такие отношения, которые обрисовывали возможность народов и народностей осуществлять свои суверенные права непосредственно в республиках и краях. Но именно децентрализация расшатывала некогда прочную федерацию, просуществовавшую только до начала 1990-х годов. Идеи либерализма смогли найти свое полное выражение только после распада Югославии в 1991 г. и уже в каждой самостоятельной республике, некогда входившей в состав СФРЮ.

Б.Й. Желицки

Венгерская экономическая реформа 60-х – начала 70-х годов XX века: социальные аспекты

1960-е и первая половина 1970-х гг. представляют собой один из наиболее успешных периодов восходящего общественно-политического и экономического развития того строя, который мы именовали социализмом советского образца. Эти годы считаются наиболее благополучными и в полувековой истории политических режимов, установленных с небольшими различиями в конце 40-х гг. XX столетия во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы и просуществовавших до 1990 г. Обладая всеми характерными атрибутами строго централизованной партийно-государственной власти и коммунистическими идейными принципами, командно-директивной системой хозяйственно-экономического управления и общественного распределения, они перманентно переживали разного рода кризисы. Несмотря на это, система в целом, как и режимы в отдельных странах, всегда упорно сопротивлялись любым изменениям, чреватым отходом от «оригинала». Национальные руководства не желали признавать необходимость не только политической модернизации, но и экономических реформ, которые могли бы сделать режимы более гуманными для широких слоев населения. Тем не менее, попытки экономического, да и политического реформирования или хотя бы частичного видоизменения режимов периодически имели место. Наиболее ярко это проявилось в Венгрии, Чехословакии и СССР, но стремления к переменам наблюдались и в других странах региона.

Функционирование государственно-политического и социально-экономического механизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, скопированного со сталинской модели общественного управления, после кончины в 1953 г. советского харизматического лидера сразу же начало давать весьма ощутимые сбои. События 1953 г. в ГДР показали, что система остро нуждается в неотложной корректировке «сверху». Властные структуры ощутили необходимость допущения хотя бы частичных перемен. Правда, они, в отличие от глубоких реформ, могли дать лишь временный эффект, что и подтвердилось на практике. Предпринятые новым советским руководством действия в силу внутрисистемных причин лишь несколько отсрочили проявление открытого социального протеста. Они оказались недостаточными для предотвращения более серьезных потрясений, которые уже в 1956 г. дали о себе знать – сначала летом в польской Познани, а затем осенью – в Венгрии.

В Венгрии после 1953 г., благодаря экстренным мерам советского руководства, на некоторое время удалось блокировать проявления социального недовольства. Временный перелом произошел в стране также во многом благодаря усилиям нового премьер-министра страны И. Надя, предпринявшего первую попытку несколько смягчить давление тоталитарного пресса на общество и внесшего отдельные изменения в экономическую и социальную политику страны. Однако ортодоксальные политические силы во главе с лидером компартии М. Ракоши уже в 1955 г. прервали этот многообещающий процесс, перекрыли возможность реализации реформаторских начинаний премьер-министра, первого коммуниста-реформатора послевоенной Венгрии, чем, по сути, и помешали выходу страны из тупика. Уже осенью 1956 г. Венгрия оказалась в состоянии стремительно углублявшегося общественно-политического кризиса, приведшего к крайней его форме – революции.

Своей неожиданностью и вообще возможностью столь масштабного стихийного проявления масс в стране «социалистического лагеря» венгерская революция, без преувеличения, потрясла мир. Но завоевания революции (как и прежние мирные реформаторские попытки и начинания периода 1953–1955 гг.) были сведены на нет, уничтожены совместными усилиями внутренних ортодоксальных и внешних имперских сил, использовавших для этого советское вооруженное вмешательство. Казалось, что после поражения революции реформаторским идеям и, тем более, возможности их реализации настал конец, что новым реформам в Венгрии больше не бывать. Однако действительность опровергла такие предположения.

Думается, уместно констатировать, что в условиях социализма советского типа поворот к реформам почти всегда происходил с опозданием, необходимые перемены откладывались, а затем и тормозились, что обусловило, в конечном счете, крах всей системы. Кстати, вряд ли можно отрицать, что не только в 1960-е годы, но и в последующие десятилетия функционирования системы, когда она медленно, но все же совершала некий переход от авторитарной стадии своего развития, и «реальный социализм» начал приобретать более гуманистические черты, сопротивление реформам по-прежнему оставалось довольно значительным. И хотя в новых условиях в разных странах европейского региона «реального социализма» реформаторские инициативы временами вновь и вновь проявляли себя, их авторы редко получали общую поддержку властных структур и, как правило, реформы если и начинались, нигде не были доведены до логи-

ческого завершения. В этой связи далеко не безосновательны рассуждения о нереформируемости той системы социализма, которая существовала в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. Вместе с тем некоторые коммунисты-реформаторы, непосредственные участники событий прошлых лет, оставались при убеждении, что при благоприятных условиях система подлежала реформированию. Так, в частности, полагал и инициатор венгерской экономической реформы 1968 г. Режё Нерш (в советской литературе он известен как Ньерш), хотя преобразования в Венгрии также не были доведены до конца.

Революция 1956 г. явилась для Венгрии тем рубежом, после которого в политическом мышлении власти и в сознании широких масс наступил коренной перелом: сформировалось четкое понимание неизбежности реформ. Стало ясно, что после революции много чего нельзя было продолжать делать по-старому. Это понимание явилось глубинной причиной будущей реформы, как в общественно-политической, так и в социально-экономической сфере.

Обновленное партийно-политическое руководство ВНР во главе с Я. Кадаром – руководителем Рабоче-крестьянского революционного правительства страны и лидером Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) отказалось от возможного курса на формальное исправление «ошибок» и «перегибов», допущенных М. Ракоши и его сторонниками, и решило пойти на некоторые уступки населению, несколько видоизменив прежнюю, дискредитировавшую себя социально-экономическую политику. В постреволюционных условиях это нашло поддержку советского руководства, которое оказало помощь венгерским коммунистам не только в политическом, но и в экономическом отношении.

Уже в 1957 г. в Венгрии начала реализовываться *коррекционная политика*. И хотя она еще не называлась реформой, но содержала в себе ее элементы, была направлена на частичное облегчение социально-экономического положения людей, и в первую очередь крестьянства, которое находилось в наиболее тяжелом положении. Не будучи прямым продолжением насильственно прерванных реформаторских инициатив и начинаний 1953–1955 гг., эта политика, однако, опиралась именно на их основы. Как в свое время и И. Надь, новое руководство также начало действовать с села, добиваясь таких перемен в сфере сельского хозяйства, которые оказались бы способны изменить социально-экономическую ситуацию в постреволюционной Венгрии, способствовать примирению в венгерском обществе.

В выборе политической линии далеко не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в составе высшего кадаровского руководства партии и страны (ЦК и Политбюро ВСРП, правительства) четверо функционеров – Я. Кадар, Д. Каллаи, Э. Кишхази и Д. Марошан – в свое время прошли через ракошистские застенки. Еще двое – Ф. Мюнних и Л. Фехер – при режиме Ракоши оказались на периферии политической жизни. К тому же после революции из райкомов партии в высшие руководящие структуры теперь пришли и некоторые представители нового поколения, среди них Б. Биску, Е. Фок, Ш. Ронаи, М. Шомоди и др., которые по своему мышлению и представлениям о будущем страны отличались от кадров ракошистской эпохи. И все же новые идеи и подходы, как и осуществление позитивных преобразований венгерского села и всей аграрной сферы, стали заслугой не столько политиков, сколько ученых-аграрников, сделавших необходимые выводы из отрицательного опыта рубежа 1940-х – 1950-х гг. Особо следует отметить политика-агрария Л. Фехера и ученого-экономиста и социолога Ф. Эрдеи, досконально изучивших проблемы венгерского села и, главное, предложивших конкретные планы по его преобразованию. Достаточно указать на своеобразие проведения коллективизации сельского хозяйства (она была, как известно, провозглашена одной из важнейших закономерностей социалистического строительства). Венгерские власти еще летом 1957 г. дали понять крестьянству, что своевременное завершение кооперирования на селе является задачей № 1. Характерно при этом, что отказ от добровольного вступления в кооперативы был увязан со своего рода легендой, главным действующим лицом в которой был Н.С. Хрущев. Подчеркивалось, что если венгерский крестьянин не пойдет добровольно в кооператив, то Хрущев не получит согласия своих соратников из высшего советского политического руководства на проведение в Венгрии кооперирования по своему усмотрению, и тогда придется повторно пережить насильственную коллективизацию по колхозному типу так, как она проводилась в начале 1950-х гг. сторонниками Ракоши.

Кооперирование крестьянства в Венгрии было завершено, как известно, к весне 1963 г. и осуществлялось специфически, не советскими методами. Венгерские экономисты-аграрники, стремясь подобрать наиболее подходящие для страны варианты кооперирования, тщательно изучили опыт кооперативов Дании и некоторых скандинавских стран. Поначалу они намеревались внедрить формы датских

сельскохозяйственных кооперативов, однако в итоге получилось что-то свое, оригинальное.

Сам процесс, как и формы кооперации, стали для того времени новацией в «социалистическом лагере»: на селе создавались разного типа хозяйственные производственные объединения, в которых земля оставалась в частной, групповой или коллективной собственности. Возникшие производственные объединения впоследствии оказалось возможным приобщить к экономическим реформам.

Власти ВНР осознали, что успешно провести процесс кооперирования в сельском хозяйстве возможно только с согласия и при содействии самих крестьян, поэтому в ряде вопросов пошли им навстречу. В этой связи характерно, что даже в Тезисах ЦК ВСРП по аграрной политике говорилось не о сплошной или массовой коллективизации, а о «постепенном превращении сельского хозяйства в современное крупное товарное производство». В Венгрии утвердился принцип постепенности и использования разных форм кооперации (от самих низших до высших), и, что важно, земля оставалась в собственности крестьян. Учитывалась также незаменимая роль и значение приусадебных хозяйств. Такой подход успокоил деревню, примирил ее с коллективизацией. В результате кооперирование завершилось уже в начале 1960-х гг. (в 1962 г. вне кооперативного сектора сельского хозяйства оставалось всего лишь 150 тыс. частных хозяйств, а к 1967 г. – 70 тыс.). При этом за двадцать лет (1950–1970 гг.) сельское хозяйство покинуло в общей сложности около 1 млн. чел.[1], что было связано с перекачкой рабочей силы в промышленность.

Для Венгрии, наряду с отмеченными преобразованиями на селе, с начала 1960-х гг. важное значение приобрела проблема *совершенствования системы управления хозяйственно-экономическими процессами*. Решалась она посредством реформы, первые подходы к которой были сделаны в 1957 г. Но намеченные тогда реформаторские по духу изменения, явно не соответствовавшие теоретическим догмам, требовали осторожности и без должной предварительной подготовки, проверки на практике не могли быть внедрены в экономическую жизнь страны. Суть этих новаций в сельских условиях заключалась в отмене обязательных государственных поставок, в их замене закупками сельхозпродукции, а также в создании специального фонда для развития села. В городских условиях они проявились в

[1] *Pető Iván, Szakács Sándor.* A hazai gazdaság négy évtizedének története, 1945–1985. I. kötet. Budapest, 1985. 464.old.

сокращении плановых предписаний промышленным предприятиям, в испытании на практике возможностей предоставления им права прямого выхода на внешний рынок со своими товарами, а также в частичной корректировке системы ценообразования и оплаты труда. Разумеется, тогда эти частичные коррекции в системе управления проводились лишь в порядке эксперимента. В целом они еще не ломали сложившуюся ранее директивную систему управления экономикой, но постепенно становились важным заделом для предстоящей экономической реформы. При проверке функционирования системы выявилось, что сокращение плановых предписаний на 1957–1964 гг. в сфере промышленности поначалу вызывало даже некоторое недовольство со стороны отдельных предприятий, успевших привыкнуть к потере самостоятельности, к получению спущенных «сверху» Центральным плановым управлением конкретных заданий. Тогда же девяти машиностроительным заводам в порядке эксперимента было предоставлено право на самостоятельный экспорт своей продукции и даже на частичный импорт. Приобретенный начальный опыт в целом оказался полезным, хотя одновременно показал, что предприятия, долгое время оторванные от свободной реализации товаров собственного производства, оказались неспособными добиться нужных результатов[2]. Схожие результаты дали и выборочные испытания по совершенствованию системы управления промышленными предприятиями. Уроки экспериментов оказались весьма поучительными и полезными, они впоследствии были использованы для совершенствования экономической политики страны, создавали определенный задел для будущих преобразований.

Все вышеописанное явилось прелюдией венгерской экономической реформы, подготовка и проведение которой пришлись уже на 1960-е гг. К середине десятилетия источники экстенсивного роста национальной экономики оказались исчерпанными, а наступивший вслед за стабилизацией политического положения этап спокойного общественного развития настоятельно требовал неуклонного роста жизненного уровня населения страны. Именно на гарантиях улучшения материального положения людей и держалась власть нового поколения политиков во главе с Я. Кадаром. Сознавая это, кадаровское руководство вплоть до конца своего существования стремилось обеспечить необходимый поступательный рост народного благосос-

[2] *Berend T. Iván, Ránki György.* Gazdaság és társadalom. Tanulmányok hazánk és Kelet Európa XIX-XX. századi történetéről. Budapest, 1974. 502. old.

тояния, соблюдая достигнутое с народом негласное соглашение. Для этого и была нужна реформа, нацеленная на создание более эффективной экономики.

Чехословацкий вариант представляется наиболее комплексным из реформ 60-х годов, однако он больше был нацелен не на сферу экономики, а на изменения в политической структуре (социализм «с человеческим лицом», реальное возрождение традиционной социал-демократии и пр.), из-за чего воспринимался ортодоксальными силами в восточном блоке как явление, опасное для системы. Судьба реформы широко известна. Отметим, что впоследствии даже такой убежденный реформатор, как «отец» венгерской реформы 1968 года Режё Нерш, как-то назвал ее из-за недостаточной подготовленности «поспешной и начатой с опозданием»[3]. Данная фраза содержала указание на то, что предшественники чехословацкого партийного лидера Александра Дубчека пренебрегали реформами, и новой политической элите страны приходилось попытаться наверстать упущенное.

В отличие от чехословацкой венгерская реформа 1968 г. затрагивала почти исключительно экономическую сферу. Она стала первой в советском блоке реформой, которая инициировала отказ от директивной плановой системы, отводила место рынку, товарно-денежным отношениям и опиралась на принципы материального стимулирования. Она была нацелена на изменение системы управления экономикой и официально называлась *реформой экономического механизма.* В основу было положено органическое сочетание принципов плановости с элементами рынка. Введению реформы в жизнь – официально это произошло 1 января 1968 г. – предшествовала тщательная, заблаговременно проведенная подготовительная работа. При этом отдельные элементы будущей реформы подвергались предварительному испытанию практически с 1957 или с 1965 г., о чем говорилось выше.

Авторы реформы исходили из необходимости решительно, но не демонстративно отказаться от социальной и политической модели сталинизма, перестать считать советскую модель классическим образцом для подражания, а тем более единственной и окончательной для социализма. Они развернули собственные поиски нового механизма управления экономическими процессами. При этом, однако, они исходили из того, что после проведения необходимых изменений в планировании, в ценообразовании и финансовой системе, рассчи-

[3] 1968 utóélete // Látóhatár. 1988. október. 114. old.

танных на 15 лет, можно будет осуществить некоторую коррекцию или даже перестройку хотя бы части самой политической системы. Это означает, что венгерской реформой впоследствии предполагалось охватить также отдельные сферы политической системы, включить в модель 1968 г. элементы, в соответствии с которыми произошла бы реорганизация министерств, реформирование правительственного управления, а также системы местных Советов[4]. Правда, после обсуждения проекта реформы в ЦК ВСРП лишь положения о местном самоуправлении, существенно расширявшие права и полномочия местных органов власти, остались в документе, да и то они тогда не особенно широко афишировались.

Инициаторами разработки и испытания нового механизма управления экономикой являлись секретарь ЦК ВСРП по экономике Р. Нерш и заместитель председателя Совета министров ВНР Л. Фехер. В конце 1963 г. ими была образована инициативная группа экономистов (М. Айтаи, Й. Богнар, И. Вайда, Е. Вильчек, А. Кишш, И. Парди, Д. Петер, Я. Шебештен, Б. Чикош-Надь, Ф. Эрдеи и И. Фришш)[5], которая во главе с Р. Нершем осуществила критический анализ состояния всего народного хозяйства ВНР. Летом 1964 г. группа пришла к выводу, что малая коррекция для исправления положения дел в экономике страны недостаточна. Экономисты убедились в неотложной необходимости менять весь механизм управления экономикой. В качестве первого шага было решено начать в 1965 г. испытания основных параметров будущей реформы в аграрном секторе (в качестве «предреформы» или частичной реформы), чтобы накопленный таким образом опыт использовать с 1968 г. во всей экономике. В условиях сельского хозяйства подверглись проверке соответствующие экономические регуляторы. Касались они, прежде всего, системы управления экономикой, повышения материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда, выявления способов их долевого участия в производстве и получении прибыли. Испытывались новые, не существовавшие ранее формы кооперативов, в защиту крестьянства (ущемленного ранее насильственными методами коллективизации и массовым уходом людей в промышленность) принимались законы, укреплявшие самостоятельность разного вида хозяйственных единиц. Венгерским сельхозкооперативам были

[4] Visszapillantás az 1968-as reformra. Beszélgetés Nyers Rezsővel // Látóhatár. 1988. október. 183. old.

[5] *Huszár Tibor.* Beszélgetések Nyers Rezsővel. Budapest, 2004. 289. old.

даны свобода и достаточно широкие возможности для выбора и развития собственного производства. Они получили право создавать свое подсобное производство, налаживать взаимовыгодное сотрудничество с приусадебными хозяйствами, что отличало их от производств колхозного типа. В результате часть кооперативов уже с середины 1960-х годов превратилась в серьезные предпринимательские организации на базе групповой или коллективной собственности. При этом в условиях реформы уже во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. все члены кооперативов могли претендовать на один хольд (0,57 га) пахотной земли, используемой для собственных нужд, им разрешалось содержать скот или даже малую домашнюю ферму с несколько увеличенным участком земельных угодий. Когда в 1966–1967 гг. проводилась предварительная проверка функционирования механизма управления экономическими процессами («предреформа»), и сельское хозяйство в этом отношении стало своеобразным «испытательным полигоном», участие членов кооператива или семей в долевой обработке земли было признано важным нововведением как одна из форм повышения трудовой активности и роста материальной заинтересованности крестьян в результатах своего труда. При этой системе семьи (или группа работников), взяв на обработку определенную земельную площадь, могли получать с нее для себя от 25 до 50% собранного урожая. Все это существенно отличало венгерских крестьян от советского колхозника, вызывало в их среде удовлетворение, способствовало росту материального положения, обеспечивало достаток. Кроме того, в сельском хозяйстве, а затем и в промышленности, начала действовать система премирования и авансирования[6]. На селе создавались и успешно функционировали также сбытовые кооперативы. Такая «предреформа» в сельском хозяйстве дала сразу же значительный экономический эффект, тогда как внедрение подобных же регуляторов и стимуляторов на промышленном производстве не сопровождалось столь существенными результатами и требовало более тщательной подготовки.

Вопрос «о критическом пересмотре всего экономического механизма»[7], направленного на повышение эффективности материального производства, на уровне ЦК ВСРП впервые обсуждался в де-

[6] *Romsics Ignác*. Magyarország története a XX. Században. Budapest, 2000. 425–428. old.

[7] A Magyar Szocialista Munkáspárt határozatai és dokumentumai, 1963–1966. Budapest, 1968. 107. old.

кабре 1964 г. И хотя инициаторы еще тогда пообещали, что реформа не затронет сферу политики, сохранит социалистический характер системы и производственных отношений, что государственная собственность разделяться не будет, и во главе предприятий по-прежнему останутся назначаемые властями директора, уже тогда и там появились как сторонники, так и противники (правда, еще пассивные) нового экономического механизма. В вопросе поддержки и принятия реформы, а, следовательно, и в комплексной модификации управления всей экономикой, решающим оказалось слово Я. Кадара, пообещавшего отстоять нововведение перед советским руководством. Вслед за этим в 1964–1966 гг. проводился масштабный критический анализ двух основных аспектов реального состояния всего венгерского народного хозяйства. Было решено, с одной стороны, выявить положительные моменты в экономической жизни страны за 1957–1964 гг., которые следовало сохранить в дальнейшем, а, с другой, определить тормозящие факторы, от которых предстояло избавиться. Новая система экономического управления была призвана более рационально и эффективно решать проблемы всего народного хозяйства Венгрии. Необходимость в реформе вместе с тем подняла немало вопросов, на которые пока не было ясных и четких ответов. Поэтому инициаторы с самого начала понимали, что в первоначальные замыслы придется вносить необходимые изменения в рабочем порядке.

Непосредственная подготовка реформы началась, таким образом, еще в 1964 г. и прошла три стадии: критический анализ проблем экономической жизни; формирование общей концепции новой системы управления; разработка конкретных государственных и общественных мер, а также определение программных задач. Работа требовала также соответствующей проверки на практике, на местном и отраслевом уровне (и в этом плане наиболее пригодным опять-таки оказалось сельское хозяйство). Параллельно на созданных разнообразных курсах велась подготовка кадровых специалистов, проводились консультации и обмен мнениями с руководящими работниками-практиками разных отраслей экономики. Это было важно, тем более, что реформаторы с самого начала были вынуждены пообещать, что оставят на месте основной кадровый состав предприятий, что реформа не затронет административный аппарат и правительственные органы.

К разработке концепции реформы были привлечены около 300 экспертов, квалифицированных специалистов под руководством Р. Нерша, а к ее обсуждению – несколько тысяч экономистов, теорети-

ков и практиков, хозяйственных и политических работников, занятых в государственных организациях и учреждениях, общественных организациях.

Развернулась также соответствующая пропагандистская работа в печати и на телевидении. Особо подчеркивалось, что разработка и введение реформы не противоречат общественно-политической системе, находятся в русле развития других социалистических государств, где также отмечаются стремления к переменам. Отмечалось также, что новая система управления экономикой является продуктом коллективного творчества и сохранит социалистический характер производственных отношений.

Концепция реформы исходила из того, что истощаются важнейшие источники экономического роста, следовательно, дальнейшее развитие страны становится возможным только на основе интенсивного использования внутренних резервов. Ситуация требовала оживления и интенсификации экономической жизни, ее освобождения от излишних ограничителей, преодоления бюрократических тенденций, повышения ответственности руководителей и рядовых тружеников, устранения факторов, сдерживающих развитие личной инициативы. Для этого и предлагалось преобразование хозяйственного механизма, а в его рамках введение новой системы экономического управления, которая органически сочетала бы плановость с использованием факторов рынка. Концепцией предполагалось создание так называемого регулируемого рынка с гибкой системой косвенного управления экономическими процессами.

В соответствии с концепцией реформы государство при новой системе с помощью центрального народно-хозяйственного планирования определяло лишь главные цели и направления экономического развития, основные соотношения отраслей экономики, желательные темпы и условия их роста, равно как и заработной платы на предприятиях. К его компетенции относились, соответственно, и определение размера налога с прибыли, а также правила внешней торговли. Но государство отказывалось от централизованного определения подробных плановых заданий предприятиям и местным органам власти. Ликвидировалась практика, когда «сверху» спускались обязательные плановые поручения; предприятия получали право на самостоятельные действия, они могли проявлять инициативу, свободно определять свои производственные приоритеты. Государство впредь только посредством своей экономической политики, с помощью финансово-экономических регуляторов (налогообложением прибыли, отчисле-

нием из нее в госбюджет, условиями кредитования и пр.) могло влиять на предприятия, на их заинтересованность в выборе своей «ниши» в товарном производстве и ассортимента продукции, равно как и во внешнеторговых поставках.

В качестве целей реформы экономического управления майский (1966 г.) пленум ЦК ВСРП определил необходимость принятия решений по любому экономическому вопросу именно там, где «сосредоточено больше информации и имеется заинтересованность». Таким образом, партийный форум одобрил практику составления планов и принятия решений на местном уровне, т.е. в соответствии с интересами предприятий и трудового коллектива.

Пленум заострил внимание на стимулировании предприятий к большей гибкости и разумному риску (ради рентабельности), установлении непосредственных отношений между производителем и покупателем, повышении инициативности и участия рабочих и служащих в контроле и управлении экономическими процессами. Все эти аспекты нашли отражение в концепции реформы.

В документах IX съезда ВСРП, прошедшего в конце октября – начале ноября 1966 г., в связи с задачами, которые предстояла решать реформе, указывалась «необходимость повышения роли товарно-денежных отношений в рамках планового хозяйства»[8].

Иными словами, новый механизм экономического управления предлагал при сохранении основных показателей народнохозяйственного плана ввести в действие экономические рычаги регулирования, т.е. придать важные функции товарно-денежным отношениям, воздействию рынка. Включение рыночных элементов в систему управления было призвано стимулировать материальное производство и одновременно использовать принципы материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда.

Одним из важнейших рычагов воздействия на процессы экономического развития у государства оставалась ценовая политика и система ценообразования. Новая система цен должна была отражать совокупное воздействие таких трех факторов, как общественные затраты, соотношение спроса и предложения, различные государственные преференции. С 1968 г. было решено ввести гибкую систему смешанного ценообразования, которая должным образом ориентировала бы как государственные органы, так и производителей и потребителей. Она вводилась постепенно и предполагала децентрализовать

[8] Ibid. 553. old.

право на установление цен, но при этом государство сохраняло за собой возможность следить как за их стабилизацией, так и формированием уровня. Была установлена такая ценовая разновидность: 1) твердые государственные цены на основные потребительские товары и услуги; 2) максимальные государственные цены, когда государство определяло их максимум; 3) лимитированные государственные цены, для которых государство устанавливало коридор (высшие и низшие границы, при которых конкретная цена зависела от производителя); и 4) свободные цены (договорные), которые устанавливались по соглашению между производителями и потребителями их продукции[9]. Не вдаваясь в подробный анализ сложной системы ценовой политики, отметим, что в 1968 г. удельный вес свободных цен составлял 14%, а в начале 1970-х гг. – 23%[10]; в дальнейшем, к середине 1970-х гг., по мере развития реформы и роста самостоятельности предприятий к категории «либерализованных» (две последние ценовые группы вместе взятые) уже принадлежали примерно 60% цен. При этом реформа цен, поэтапное введение которой было рассчитано на 15 лет, не должна была привести к снижению жизненного уровня ни одного из значительных социальных слоев венгерского общества и контролировалась государством. Иными словами, реформаторы продолжали считаться с базисными социалистическими требованиями, из-за которых отдельные экономисты впоследствии и называли венгерскую реформу 1968 г. половинчатой.

В соответствии с принципами реформы все три типа предприятий (крупные государственные, мелкотоварные (ремесленные или кустарные) и самоорганизующиеся кооперативные) в равной мере признавались социалистическими по своему характеру, и на них распространялись одинаковые условия регулируемого рынка. При этом все они должны были вести самостоятельную деятельность и, находясь в «свободном плавании», соревноваться, конкурировать друг с другом. Предприятия сами принимали решения о характере производства и перспективах развития, одинаково были заинтересованы в выборе ассортимента и реализации товаров, в экспортно-импортной деятельности, в получении доходов, а также в распределении опре-

[9] *Нерш Режё.* Экономическая политика и реформа экономического механизма в Венгрии // Этюды о Венгрии, Т. IV. Будапешт, 1969. С. 63–64.
[10] *Желицки Б.Й.* Венгерский опыт соотношения революции и реформ // Власть–общество–реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 162.

деленной части прибыли (около 25–30%) среди трудящихся. Государственные предприятия, которые находились в общенародной собственности, также должны были самостоятельно решать все вопросы планирования и производства. Они возглавлялись директорами, которые несли ответственность за эффективность хозяйствования, за использование доверенного им производства. Директоров госпредприятий назначал и освобождал собственник (государство).

Наряду с государственными промышленными предприятиями в условиях реформы особое значение придавалось и развитию мелкотоварного городского кооперативного сектора, возрожденного в своих правах после почти полного исчезновения в ракошистский период. Вместе с признанием и восстановлением многосекторности венгерской экономики реформа дала толчок формированию различного рода кооперативов, находившихся в коллективной и групповой собственности, и оказала им всяческую поддержку, как в сфере материального производства, так и в оказании услуг для населения. Таким образом, вслед за сельскохозяйственными кооперативами восстановилась в своих правах и кустарная промышленность, получившая распространение преимущественно в сфере услуг и обслуживания.

Для жизни и деятельности промышленных предприятий, как и производственных кооперативов всех типов, в условиях реформы весьма важной стала новая, более эффективная система управления и дифференцированного вознаграждения, которая опиралась на использование экономических рычагов, на хозрасчет при одновременном развитии принципа самоуправления. В сельском хозяйстве поощрялось формирование групповой собственности на землю[11]. Присутствие рядом с государственным и кооперативным мелкотоварного сектора в качестве выполняющего важные дополняющие функции, становилось в новых экономических условиях обычным явлением. Оно получило распространение и всеобщее признание. Особенно ощутимым стало возрастание его роли в сфере сельского хозяйства в виде мелкотоварного производственного семейного или индивидуального подряда или предпринимательства, которые в 1970 г. уже давали до 60% сельскохозяйственного дохода[12]. Важную дополняющую роль стали играть мелкие предприятия в сфере ремесла и торговли, в системе обслуживания населения. В условиях социализма они также были признаны не просто допустимыми, но и полноправ-

[11] *Нерш Режё.* Указ соч. С. 66.
[12] *Pető Iván, Szakács Sándor.* Op. cit. 454. old.

ными хозяйственными единицами, причем не только на коротком этапе развития (как при советском НЭПе), но и в перспективе. Так, если взять статистические данные ВНР за 1979 г., то можно заметить, что госсектор экономики давал 73,7% валового товарного производства, кооперативный – 18%, а возрожденный мелкотоварный – 8,3%. Еще более значительным стал удельный вес мелкотоварного производства в сфере обслуживания населения – 44,2%, тогда как доля госсектора составляла 31,4%, а кооперативного – 24,4%[13].

Благодаря реформе возросла эффективность всей венгерской экономики. Переход на новую систему хозяйственного управления не сопровождался сбоями в работе народного хозяйства, реформа не только сохранила, но, как показала практика, стимулировала экономический рост. Причем, уже в первые годы реализации реформы удалось добиться высокой эффективности общественного производства. Национальный доход страны только за 1968 г. вырос на 6%, промышленное производство увеличилось на 5%, реальные доходы населения выросли на 9%[14]. Свидетельством положительных сдвигов в экономике в результате введения реформы являлись показатели третьего пятилетнего плана (1966–1970 гг.), три года из которых приходились уже на начало реформы. Рост национального дохода за пятилетку вместо 19–21 % по плану составил 31%, а реальные доходы населения выросли соответственно с 14–16% до 34%, причем рост был более значителен за годы реформы. Нельзя не отметить, что доходы крестьян росли при этом более высокими темпами, чем у рабочих и служащих (соответственно 41 и 31%)[15]. В этом проявились как преимущества опережающего перехода села на новую систему экономического управления, так и стремление реформаторов преодолеть резкое отставание оплаты труда крестьян от промышленных рабочих. Самостоятельность, предоставленная реформой предприятиям, привела к тому, что большинство из них также сумело наладить эффективное и рентабельное промышленное производство, сделала их заинтересованными в прибыли. Прибыль промышленных предприятий только за 1968 г. примерно на 20% превысила запланированный уровень, а предназначенный к раздаче фонд участия в прибыли вырос на 26%. В итоге именно самостоятельность и материальная заинтересо-

[13] *Nyers Rezső.* Útkeresés – reformok. Budapest, 1988. 71. old.
[14] *Богота Бела, Гарам Йожеф.* Об опыте реформы хозяйственного механизма в Венгрии. Будапешт, 1970, С. 4–6.
[15] *Stark Antal.* Népgazdaságunk 30 éve. Budapest, 1975. 85. old.

ванность обеспечивали экономический рост, доходы предприятий и самих работников, занятых на производстве. Уже в первые два года реформы улучшилась товарная структура внутреннего рынка, произошли положительные сдвиги в снабжении населения товарами. В 1969 г., по сравнению с предшествующим годом, значительно, на 18%, вырос экспорт венгерских товаров, был восстановлен внешнеторговый баланс страны. Хотя реформа затронула 43% потребительских цен, их уровень в 1968–1969 гг. оставался относительно стабильным, не превысив прогнозируемого уровня в 1–2% (реально поднялся всего на 0,5%)[16]. Поэтому не удивительно, что введение свободных цен было спокойно воспринято населением страны и не вызвало роста социального недовольства. Более того, возросший товарный ассортимент и возможности заработать дополнительным или сверхурочным трудом в рамках добровольно создаваемых «хозяйственно-трудовых сообществ» (Gazdasági Munkaközösségek) на основной или побочной работе, стимулировали рост трудовой активности, являя собой при этом форму своеобразной «самоэксплуатации».

Оказались необоснованными опасения специалистов относительно снижения занятости и появления безработицы. На промышленных предприятиях, наоборот, в первые годы реформы произошел трехпроцентный рост числа работающих, чего нельзя было предвидеть. Скептики полагали, что в ряде отраслей появится стремление избавиться от лишних рабочих рук. Перемещение же рабочих между отраслями появилось несколько позже, когда рабочая сила начала «перетекать» туда, где зарплата и доходы были выше. Начало реформы выявило и некоторые другие непредвиденные, а подчас и негативные явления, которые сопровождали реформу (в частности, медленно развертывалась конкуренция между государственными промышленными предприятиями, слабые все еще ждали государственных дотаций, сохранялась уравниловка и не сразу обеспечивалась дифференциация в распределении прибыли между работниками и др.), но некоторые из них устранялись по ходу реформы. При всем этом венгерская реформа, хотя, действительно, и являлась «половинчатой» – мало охватывающей политическую сферу и ограничивающей действия рынка – содержала гораздо больше полезного для страны и народа, чем негативного.

---

[16] *Нерш Режё.* Указ. соч. С. 68; Hazánk, Magyarország. Budapest, 1970. 352–354. old.

В целом реформа с самого начала полностью доказала свою жизнеспособность, но в нелегкие и переменчивые 1970-е – 1980-е гг. ее ожидали не только взлеты, но и резкое торможение, а затем и падение. В обнадеживающие же 1960-е она стала основным инструментом для достижения намеченных целей экономического роста, социально-экономического развития страны и повышения жизненного уровня венгерского народа. «В 1968 г. нашей конкретной целью являлось то, чтобы перейти Рубикон между старой и новой моделью управления экономикой. И этого мы добились, – отмечал в 1982 г. в интервью теоретическому журналу ВСРП «Társadalmi Szemle» («Общественное обозрение») главный организатор реформы Р. Нерш. – В дальнейшем до 1970–1971 гг. мы двигались вперед. Затем остановились и застряли в своем развитии где-то на полпути к принципиальной модели»[17]. Конечно, Р. Нерш по известной причине обошел тот факт, что первый же год развернутого внедрения новой венгерской системы управления экономикой совпал с чехословацкими событиями 1968 г. Он умолчал также и о вынужденном участии Венгрии в «общей акции» социалистических государств против соседней реформаторской Чехословакии, а ведь трагический исход «Пражской весны» не мог не отразиться на судьбе венгерской реформы.

В марте 1968 г. в Дрездене на совещании руководителей шести социалистических государств, где обсуждались проблемы Чехословакии, Я. Кадар попытался защитить чехословацких руководителей от массированного наступления противников реформирования социализма. При этом он отметил, что не с января 1968 г., а гораздо раньше начались проблемы в этой стране и именно *из-за отсутствия реформы*. А реагируя на выступление В. Ульбрихта, призвавшего ввести войска в Чехословакию для «наведения порядка», он сослался на венгерский опыт и отметил, что в Венгрии, где дислоцировались советские войска, избежать выступления масс осенью 1956 г. не удалось. Венгерский лидер стоял на своем до конца июля 1968 г., т. е. до самого вторжения войск шести стран Варшавского Договора в Чехословакию.

Несмотря на неблагоприятные внешнеполитические условия, венгерская экономическая реформа продолжалась. Вплоть до середины 1970-х гг. она помогала устранять несбалансированность внешнеэкономических связей Венгрии. Правда, в 1972 г. венгерскому руководству в подмосковном Завидове пришлось выслушать «братские

[17] *Nyers Rezső*. Op.cit. 408–409. old.

упреки» в свой адрес от Л.И. Брежнева. Генеральный секретарь ЦК КПСС указал на некоторые отрицательные или «опасные тенденции», которые появились в венгерской экономике под воздействием реформы (более высокие заработки в кооперативном, чем в государственном секторе, переход квалифицированной рабочей силы из промышленности в кооперативы, высокие цены на модные товары, которые не всем доступны и др.), что, по его мнению, могло грозить социальным конфликтом. Все это свидетельствовало об усилении антиреформаторских тенденций, как в самой Венгрии, так и за ее пределами. И, тем не менее, если среднегодовые темпы экономического роста Венгрии за 1961–1965 гг. составляли 4–5%, то за годы реформы, в 1966–1975 гг., превысили 6%[18]. Реальные же доходы населения страны за 1960-е и первую половину 1970-х гг. удвоились[19], что явилось важным объективным показателем и несомненным позитивным результатом реформы.

Таким образом, введение реформы венгерского экономического механизма, которую сопровождали большие надежды и ожидания, принесло немало положительного для экономики и населения страны. Ее результаты оказались особенно ощутимыми, как отмечалось, с точки зрения роста жизненного уровня венгерского народа. Реформа вызвала неподдельный интерес среди реформаторских сил и в других странах «реального социализма», включая ученых и экономистов в Советском Союзе[20]. Однако излишняя осторожность и непоследовательность действий высшего политического руководства ВНР в вопросе о продолжении реформы, ее фактическое торможение под воздействием внешних и внутренних экономических и политических факторов (особенно после 1973 г.) привели к необоснованному откату. Этот процесс Р. Нерш назвал впоследствии возвратом к «централизации в тени»[21]. В этом, безусловно, сыграла негативную роль и так называемая рабочая оппозиция, которая сформировалась в высшем партийно-государственном руководстве. Она демонстрировала явные антиреформаторские настроения, выражала недовольство бóльшими выгодами, полученными в результате реформы крестьян-

[18] Ibid. 415. old.

[19] *Szerencsés Károly.* Magyarország története a második világháború után(1945–1975). Budapest, 1990. 156.o.

[20] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том второй. От стабилизации к кризису 1966-1989. М., 2002. С. 400–4001.

[21] *Nyers Rezső.* Op.cit. 404. old.

ством, по сравнению с рабочим классом. Как следствие, в 1974–1975 гг. под внешним и внутренним давлением своих постов лишились такие известные реформаторы, как Р. Нерш и Л. Фехер, а также активный участник разработки реформы Е. Фок (в 1967 г. он занял кресло премьер-министра ВНР в целях обеспечения правительственной поддержки реформе). Правда, устранение этих лиц прошло «покадаровски» – не сразу, а растянуто во времени, что позволяло сохранять миф о якобы продолжавшейся реформе.

Рассуждая впоследствии о судьбе венгерской реформы, рассчитанной на 15 лет, и оценивая ее основные достижения и недостатки, Р. Нерш, в частности, подчеркивал: «С помощью экономического механизма венгерская экономика хорошо приспосабливалась к современным условиям, к относительно благоприятной ситуации. В первые шесть лет реформа достигла серьезных успехов: ускорилось экономическое развитие… Наблюдались изменения в рыночных отношениях, ускорился рост реальной заработной платы и реальных доходов трудящихся. Однако намеченные реформой цели до 1972–1973 гг. не удалось полностью реализовать, еще требовались дальнейшие шаги, направленные на развитие экономической конкуренции, а также на приток капитала по тогдашней программе. С 1973 г. эти направления в большинстве случаев не реализовались. В результате экономический механизм остался в недоразвитом состоянии, он застыл, более того, на этапе 1973–1978 гг. в некоторых частях даже деградировал. С 1979 г. в экономической политике произошли перемены, но с того времени приоритетом стало уже не стремительное экономическое развитие, а восстановление внешнеэкономического равновесия страны и обеспечение ее международной платежеспособности. Если ранее среди приоритетов числились повышение реальных доходов и реальной зарплаты населения, то теперь необходимым стало сохранение уровня реальных доходов, а в исключительном случае даже их небольшое снижение»[22].

В 1978–1979 гг. в условиях наметившегося нового экономического спада, взрывообразного скачка цен на энергоносители и быстрого роста внешней задолженности страны руководство ВСРП после полосы неопределенностей и бездействия снова заговорило о возобновлении, продолжении реформы, но время уже было упущено, а переломить стремительно ухудшавшуюся ситуацию не удавалось. Политическому руководству Венгрии приходилось довольствоваться

[22] Ibid. 297–298. old.

удержанием достигнутого уровня в сфере экономики и социальной жизни, а упомянутое негласное соглашение власти с обществом оказалось под угрозой. Приближались роковые 1980-е гг., окончательно потрясшие систему «реального социализма».

Т.В. Волокитина

Тодор Живков: «... НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ую республику СССР»)

Несмотря на далеко не простые в историческом прошлом отношения России и Болгарии (напомним хотя бы об участии Болгарии во враждебных России и СССР коалициях во время Первой и Второй мировых войн), в массовом сознании и русских, и болгар длительное время явно доминировал факт освобождения Россией Болгарии от османского ига в результате Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Для болгар, особенно старшего поколения, русские оставались «братушками», внуками и правнуками «деда Ивана». Советские люди воспринимали Болгарию как дружественную страну, близкую по языку, вероисповеданию, традициям, во многом по ментальности населения, словом, как похожую на Советский Союз, почти «свою», народную республику.

Но дело не ограничивалось эмоциональными оценками. После падения единоличного режима Тодора Живкова в конце 1989 г. болгарская общественность впервые узнала, что в «верхах» существовали конкретные планы превращения Болгарии в одну из республик Советского Союза, что четырежды, в 1963 и 1973 годах, пленумы ЦК БКП принимали по этому вопросу ответственные политические решения, а болгарские «друзья»* обсуждали подобную перспективу с советскими руководителями. А тогда, почти четверть века назад, о том, что документы по данному вопросу существуют и находятся на особом режиме хранения в Центральном партийном архиве, то есть, попросту говоря, засекречены, впервые заявил в интервью директор архива Ст. Георгиев[1]. Вскоре после заявления Георгиева историк Др. Драганов на страницах еженедельника «Народна култура» опубликовал сенсационную статью под броским заголовком «Еще немного и нас бы не стало». Опираясь, по его словам, на источник «второго порядка» – выступление секретаря ЦК БКП М. Григорова на февральском (1964 г.) пленуме партии, автор попытался воссоздать предше-

---

* Традиционное для советских партийных документов наименование руководства социалистических стран и правивших в них коммунистических партий.

[1] Работническо дело, 16 декември 1989 г.

ствующие этому события, равноценные, как считал Драганов, «предательству национальных интересов» Болгарии[2].

Реакция бывших руководителей была вполне предсказуемой – сначала замешательство, затем амнезия и, наконец, полное отрицание. Это относилось и к нескольким интервью Т. Живкова в национальной и зарубежной печати. Однако с течением времени вопрос начал постепенно проясняться. Хотя первостепенные источники оставались по-прежнему недоступными исследователям, их отсутствие до некоторой степени восполняли воспоминания партийных и государственных функционеров из окружения Живкова, опубликованные в начале 1990-х гг. В мемуарах появились сначала краткие, а затем и более подробные сведения об интересующих нас событиях. При этом одни авторы (например, бывший первый заместитель председателя Совета министров НРБ Живко Живков) стремились выйти из-под удара критики, возложить всю вину на «бая Тошо»[3], другие (помощник болгарского лидера по политическим вопросам Костадин Чакыров) пытались приуменьшить значение содеянного, представив болгарского руководителя «достаточно зрелым политиком», осознававшим абсурдность идеи «16-ой республики» «как в международном, так и в чисто болгарском плане» и не имевшим намерения реально связать Болгарию «с чем-то необратимым»[4]. Чакыров, кстати, одним из первых привлек внимание читателя к событиям 1973 г., то есть ко второй попытке болгар поставить перед советским руководством вопрос о вхождении Болгарии в состав СССР. Сам Т. Живков, понимая, что в изменившейся обстановке замалчивать или отрицать вопрос о «16-ой республике» не удастся, предложил следующее объяснение: «взамен красивых словосплетений» Болгария получала от сотрудничества с Советским Союзом огромные экономические выгоды[5]. Подтекст такой трактовки очевиден: представить позицию болгарского руководства как высокопатриотическую, отвечавшую коренным интересам страны. Эту же версию Живков воспроизвел позднее и в своих мемуарах, подчеркнув, что на практике речь шла не о присоедине-

[2] *Драганов Др.* Как замалко щеше да ни няма. Една от идеите на Тодор Живков // Народна култура. № 52, 29 декември 1989 г. С. 5.

[3] *Живков Ж.* Кръглата маса на Политбюро. 16-та република. Случаят Кремиковци. Разгромът на Тексим. Чехословашките събития. Крах на едноличната власт. София, 1991. С. 37–48.

[4] *Чакъров К.* Втория етаж. София, 1990. С. 125.

[5] *Живков Т.* Срещу някои лъжи. Паралелни етюди. София, 1993. С. 66.

нии Болгарии к СССР, а об их сближении, что это был жизненно необходимый курс, не наносивший ущерба национальному суверенитету[6]. Фактически аналогичная позиция прочитывается и в воспоминаниях бывшего главы правительства Станко Тодорова, хотя, в отличие от многих своих соратников, он публично признал, что для Т. Живкова и членов тогдашнего ЦК БКП это было «недостойным актом»[7].

В годы перехода Болгарии к новой общественной модели тема «16-ой республики» превратилась в объект острых дискуссий, участники которых далеко не всегда пытались объективно разобраться в событиях прошлого, руководствуясь в первую очередь своими партийными пристрастиями и политической конъюнктурой. Показателем крайних негативных настроений явилось интервью представителя антикоммунистической оппозиции, главного прокурора республики И. Татарчева в феврале 1992 г., в котором он заявил, что потребует у лидеров прежнего режима ответа за «национальное предательство». Однако дальше слов дело не пошло: до конца своего мандата Татарчев больше не возвращался к этому вопросу.

Наступало время и серьезных научных исследований. В 1993 г. свет увидела статья доцента (ныне профессора) Софийского университета И. Баевой, в которой идея «слияния» Болгарии и СССР трактовалась как «пустые обещания» болгарской стороны, дававшиеся взамен колоссальной экономической помощи «старшего брата» и соответствовавшие «своеобразному пониманию» национальных интересов Болгарии Т. Живковым[8]. Очевидное созвучие выводов заявлениям бывшего болгарского лидера, как и то, что статья была опубликована на страницах официального органа преемницы БКП – Болгарской социалистической партии, в руководство которой входила автор, дали впоследствии повод коллегам-историкам охарактеризовать ее как «заказную», как дань политической конъюнктуре[9]. Заметим, однако: менялись времена, менялась политическая конъюнктура, а позиция Баевой остается неизменной. Не повлиял на нее и открыв-

---

[6] *Живков Т.* Мемоари. София, 1997. С. 487–488.

[7] *Тодоров Ст.* До върховете на властта. Политически мемоари. София, 1995. С. 113.

[8] *Баева И.* «Сближението» между България и Съветския съюз (1963–1973) // Ново време. 1993. № 1. С. 123.

[9] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Политиката на БКП за превръщане на България в съветска република (От идейни постулати към практически действия) (Част I) // История и съвременност. Нов български университет. Годишник на департамент «История». Т. 1. София, 2006. С. 173–174.

шийся доступ к архивным документам, в частности обнародование в 1994 г. первоисточника – стенограммы декабрьского (1963 г.) пленума ЦК БКП, на котором обсуждался вопрос об экономическом сближении СССР и Болгарии с перспективой их политического слияния[10]. В своих работах Баева последовательно проводит мысль о том, что в основе «самого авантюристического политико-экономического хода» Живкова лежал прагматизм, отвечавший его трактовке национальных интересов. Итогом же явилось получение щедрой экономической помощи от Советского Союза. Принципиальный вывод исследовательницы заключается в том, что никаких конкретных шагов по реализации принятых в 1963 г. решений по «слиянию», или, как любил говорить Живков, «маневру», не предпринималось. А когда спустя 10 лет, в 1973 г., болгарский лидер вновь извлек на белый свет «запылившуюся» идею 16-ой республики, она, по словам Баевой, оказала «почти магическое воздействие» на Л.И. Брежнева. Итогом ее реанимации явились дополнительные поставки болгарам нефти и электроэнергии, предоставление новых кредитов[11].

Позицию Баевой разделяют и другие исследователи, в частности, известная своими работами по экономической истории И. Марчева. Тщательный анализ доступных источников также подвел ее к выводу об экономически выгодных для страны замыслах Живкова. Вместе с тем, касаясь идеи «16-ой республики», исследовательница

---

[10] 1963 – отричането от България. Стенограма от пленума на ЦК на БКП от 4. XII. 1963 г. за присъединяването на България към Съветския съюз. София, 1994.

[11] *Баева И.* Винаги в плен на Големия брат // 168 часа. 1999. № 42; *она же.* България и Съветския съюз след Втората световна война – прагматизмът на българската позиция // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 425–433; *она же.* «Сближението» между България и Съветския съюз (1963–1973) // България и Източна Европа. София, 2001. С.106-123; *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2002. София, 2002. С. 178–180; *Баева И.* Прагматикът, управлявал 35 години България // Български държавници. 1944–1989. София, 2005. С. 184–204; *она же.* Тодор Живков – политик и държавник, прагматик и хитрец или всичко това заедно? // в: *Кастелов Б.* Тодор Живков – мит и истина. 563 щриха към портрета. София, 2005. С. 795, и др.

подчеркивает понимание Живковым «невыполнимости» своего предложения[12].

Однако «невыполнимость» еще не означает отсутствия попыток осуществления замысла. Именно на эту сторону дела обратили внимание болгарские историки Л. Стоянов и Ж. Лефтеров, указавшие на закономерность и последовательность «антигосударственной и антинациональной политики» Живкова[13]. Обратившись к выявлению ее идейных истоков, ученые внимательно проанализировали вопросы разработки и эволюции положения классиков марксизма об отмирании государства, напомнили о ленинских установках о будущем группировании отдельных федераций свободных наций вокруг революционной России и о трактовке Сталиным переходных форм будущего сближения народов – федерации и конфедерации. Нельзя не отметить новаторский характер вывода авторов о конкретных практических шагах во исполнение решений пленумов 1963 и 1973 гг. Не вступая в прямую полемику, И. Баева в одной из последних статей в очередной раз подчеркнула, что Живков «не имел намерения помочь Болгарии исчезнуть с карты Европы», а напоминания время от времени советским «друзьям» о перспективе «слияния» с СССР «играли роль разменной монеты в переговорах по экономическим вопросам[14]. К этому заключению примыкает, на наш взгляд, точное наблюдение С. Милановой о трансформации активно использовавшегося лозунга «вечной болгаро-советской дружбы», превращении его в политическую тактику, из которой Живков сумел извлечь огромные дивиденды в сфере экономики и культуры[15].

Современная болгарская историография в целом отражает два подхода к изучению болгаро-советских отношений: политический и экономический. Двусторонние экономические связи в соответствии с

---

[12] *Марчева И.* Тодор Живков – пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953–1964 г. София, 2000. С. 255, 256, 259.

[13] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част I). София, 2006; (Част II). София, 2010.

[14] *Баева И.* България и Съветският съюз след Втората световна война – икономически връзки и зависимости // Признание и всеотдайност. В чест на 70-годишния юбилей и 40-годишната научна дейност на проф. д.и.н. Витка Тошкова. София, 2011. С. 278, 281.

[15] *Миланова С.* Деформация представлений о болгаро-советской дружбе в годы социализма // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010. С. 321, 323, 326.

этим, как правило, оцениваются болгарскими учеными отрицательно с точки зрения политики и положительно – с точки зрения экономики[16]. Независимо от подобного деления характерной чертой, определяющей сегодня состояние научных исследований, является постоянное обогащение их источниковой базы, в частности, внимательное изучение широкого круга документов из коллекции БКП, официально переданной в 1993 г. в качестве отдельного фонда в Центральный государственный архив Республики Болгария. Они позволяют проанализировать процессы, развивавшиеся «за кулисами» реальной политики, реконструировать механизм принятия важнейших политических решений в социалистической Болгарии практически на всех этапах ее существования. Однако, как справедливо подчеркивают болгарские коллеги, особо важные для них документы российских архивов пока еще введены в научный оборот далеко не в полной мере[17].

В отечественной историографии, характеризующейся малочисленностью работ по периоду 60-х – 70-х гг. XX в., вопрос о «16-ой республике» длительное время вообще не поднимался. (Характерный пример – отсутствие хотя бы упоминания об этом в фундаментальном трехтомном труде Института международных экономических и политических исследований РАН, специально посвященном становлению, развитию и краху «реального социализма»[18]). Первым из отечественных исследователей обратился к данной теме историк-болгарист Ю.Ф. Зудинов. Поддерживая тезис о прагматической позиции Т. Живкова, он попытался в новом ракурсе объяснить ее мотивацию. По мнению ученого, Болгария никогда за всю свою историю не могла самостоятельно, своими силами, решать собственные проблемы, искала выход в том, чтобы «прислониться» к более сильному партнеру. В этом исследователь усматривал глубинные причины эксплуатации идеи «16-ой республики». «Что же касается государствен-

[16] Подробнее см.: *Марчева И.* Болгаро-советские экономические отношения. 1944–1991 гг. (Историографические зарисовки) // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания... С. 544.

[17] *Баева И.* Историческата наука за следвоенна България – в търсене на модела // Предизвикателствата на промяната. Национална научна конференция. София, 10–11 ноември 2004 г. София, 2006. С. 259.

[18] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в трех томах / Гл. ред. акад. А.Д. Никипелов/ М., 2000.

но-политического объединения Советского Союза и Болгарии, подчеркивал ученый, то оно вряд ли было нужно Т. Живкову»[19].

Развивающийся медленно и притом с «откатами» процесс рассекречивания документов российских архивов негативно отражается на формировании стойкого исследовательского интереса отечественных ученых к проблематике 1960-х – 1970-х гг. Тем не менее, в последние годы здесь отмечается обнадеживающая позитивная динамика[20], с которой связано появление работ, написанных на качественно новой, оригинальной источниковой базе[21]. Предлагаемая вниманию читателя статья – попытка автора содействовать этому процессу, опираясь на впервые вводимые в научный оборот документы из Архива внешней политики РФ. Хронологические рамки статьи ограничиваются 60-ми годами XX века.

* * *

Начало единоличного правления Т. Живкова датируется 1962 годом, когда в его руках оказалась сосредоточенной, помимо партийной, и высшая государственная власть. Это совмещение, отменившее принципиальное решение апрельского (1956 г.) пленума ЦК БКП, как и метод его осуществления (последовательное устранение политических конкурентов), отразили фактический переход в Болгарии к общественно-политической модели, получившей впоследствии название «живковизм». Отныне, как указывается в болгарской историографии, основные вызовы власти будут поступать не со стороны соратников, претендующих на то, чтобы потеснить Живкова на партийно-государственном Олимпе[22]. «Ахиллесовой пятой» коммунистического режима вплоть до его падения в конце 1980-х гг. остаются

[19] *Зудинов Ю.Ф.* «Реальный социализм» в болгарском варианте: от «сталинизма» к «живковизму» (Социально-политические аспекты) // Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева/ М., 2003. С. 404–405.

[20] Речь идет, прежде всего, об издании в серии «Архивы Кремля» фундаментальной публикации «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3-х томах / Гл. ред. А.А. Фурсенко/ М., 2003–2008.

[21] *Стыкалин А.С.* Советско-болгарские отношения в 1953–1964 гг. по материалам Президиума ЦК КПСС // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания... С. 527–541.

[22] *Баева И.* Тодор Живков – политик и държавник... С. 792.

проблемы экономики, которые болгарский руководитель в соответствии со своими представлениями пытался решать зачастую волюнтаристскими методами.

Утвердилась подобная практика еще в конце 1950-х гг., когда Живков начинает активно участвовать в разработке экономической стратегии.

В июне 1958 г. на VII съезде БКП был озвучен принципиальный идеологический тезис о «полной победе социалистических производственных отношений» в Болгарии[23]; в октябре на пленуме ЦК БКП объявлено об ускорении темпов экономического развития, а уже в ноябре очередной пленум принял решение не просто о сокращении сроков третьей пятилетки, рассчитанной на 1958–1962 гг., а о «скачке в развитии... страны», который, по словам Т. Живкова, позволит шагнуть «на 10 лет вперед»[24]. Вряд ли можно считать новые подходы Живкова полностью самостоятельными: перед ним были яркие примеры, в первую очередь, модель большого китайского «скачка». Думается, что болгарский лидер был наслышан и об амбициозных планах Хрущева, воплотившихся двумя месяцами позднее в принятой XXI съездом КПСС программе построения материально-технической базы коммунизма в Советском Союзе[25].

Представленные в докладе Живкова цифры рисовали заманчивые перспективы, но были абсолютно нереалистичными. Так, в сельскохозяйственной отрасли согласно директивам пятилетнего плана первоначально предусматривалось увеличение объема производимой продукции на 35%, что само по себе предполагало небывалые темпы среднегодового роста, а в связи с объявленным ускорением этот показатель достиг 74%. Для решения поставленной задачи уже в 1960 г. объем сельскохозяйственного производства 1958 г. предстояло превзойти в три раза. Хотя на пленуме говорилось о более полном использовании производственных мощностей и внутренних резервов производства, о развитии собственной сырьевой базы, болгарское руководство, безусловно, изначально рассчитывало на помощь Советского Союза. С ней, подчеркивал Т. Живков, «мы сможем взять любую крепость». На сей раз «крепостью» была объявлена реализа-

[23] VII конгрес на БКП. Резолюции, директиви, решения. София, 1958. С. 15.

[24] Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 357. Л. 140.

[25] Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. Т. II. М., 1959.

ция задач пятилетки в 3–4 года. При этом врагом № 1 Живков назвал «неверие» коммунистов в выполнение поставленных задач, подчеркнув, что руководитель, не способный обеспечить штурм этой крепости, должен освободить место в бою для другого, более способного командира[26].

«Фронтовая», откровенно пропагандистская, лексика не помогла. Итоги 1959 г., как с тревогой отмечалось в материалах советского посольства в Софии, показали, что намеченная программа в целом оказалась нереальной, а по сельскому хозяйству «явно надуманной». Советские наблюдатели в аналитических материалах прямо констатировали провал «скачка» 1958–1959 гг., называя в качестве главной причины «слабости в планировании» – производственные задания недостаточно научно обоснованы и экономически обсчитаны, что требует внесения постоянных изменений и уточнений, широко распространена порочная практика включения в планы поставок предприятиям продукции и полуфабрикатов с недостроенных (!) заводов, и пр. Не удалось решить основные проблемы сельского хозяйства – зерновую и животноводческую, следствием чего явилась острая нехватка в 1959 г. мяса, молока и других продуктов, вызвавшая сильное недовольство населения[27]. Во второй половине 1960 г. темпы развития экономики пришлось снизить. По сообщениям из советского посольства, лозунг «скачка» стал замалчиваться, а затем незаметно сошел на нет, сменившись установкой на «ускоренное экономическое развитие страны»[28]. Подготовленный болгарскими экономистами проект перспективного плана развития на 1961–1980 гг. был подвергнут аппаратом экономического советника советского посольства обоснованной критике. Соответствующее заключение в декабре 1960 г. было направлено из Софии министру иностранных дел А.А. Громыко[29].

В документе, помимо прочего, были поставлены и такие принципиальные вопросы, как целесообразность развития в Болгарии машиностроения «такими темпами и в таком объеме и номенклатуре, как в проекте», необходимость корректировки роста объемов отдельных видов производства в соответствии с потребностями страны, вы-

[26] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 074. Оп. 51. П. 225. Д. 109. Л. 57.

[27] Там же. Оп. 53. П. 234. Д. 36. Л. 95; Оп. 51. П. 227. Д. 22. Л. 140; Д. 23. Л. 163–164.

[28] Там же. Оп. 53. П. 234. Д. 36. Л. 74.

[29] Там же. Оп. 51. П. 227. Д. 22. Л. 73–82.

бор «экономически правильного направления» в развитии народного хозяйства и установление «правильных пропорций», и др. Подчеркивались сложности обеспечения болгарской промышленности сырьем, трудности сбыта готовой продукции из-за ее низкого качества и неспособности выдержать конкуренцию, отсутствие необходимого опыта и собственных квалифицированных кадров. Документы свидетельствуют, что советские специалисты, анализируя состояние и долгосрочные перспективы советско-болгарского экономического сотрудничества, заостряли в то время внимание на необходимости координации промышленного производства в рамках СЭВ, ставили вопрос о назревшем переходе к сотрудничеству с социалистическими странами «на взаимной основе», предполагавшей и обратную связь, т.е. предоставление ими Советскому Союзу товарных и иных кредитов. Среди претензий к болгарской стороне указывалось на ее «слабое реагирование» на рекомендации по части промышленной специализации, желание производить максимально широкий ассортимент продукции, низкое качество товаров и сельскохозяйственной продукции, поставляемой в соцстраны, в том числе в СССР (по признанию самих болгар, они полагали, что емкий советский рынок «перемелет» любое количество продукции при любом ее качестве), систематическое сокращение посевных площадей под пшеницу в расчете на решение зерновой проблемы за счет СССР и пр.[30]

Тем не менее, складывается впечатление, что болгарская сторона не извлекла необходимых уроков из тревожной ситуации. Более того, у руководителей страны возникло очередное искушение «скачком», правда, на сей раз под влиянием внешнего, советского, фактора. На XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.) была принята новая Программа КПСС, отразившая не только расчеты на построение в Советском Союзе к 1980 г. коммунистического общества, но и стремление КПСС к интеграции и укреплению мировой социалистической системы в политической, экономической и культурной сферах. В документе подчеркивалось, что главным итогом такого курса станет все большее сближение социалистических наций. Союзникам по восточному блоку было предложено последовать советскому примеру[31]. Предусматривалась озвученная еще на XXI съезде возможность вы-

[30] Там же. Л. 147–149.
[31] XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 276.

равнивания их экономического и культурного уровня как предпосылка одновременного с СССР перехода к коммунизму[32].

Для болгарского руководства, верного блоковой дисциплине и заявившего, что программа КПСС является также и программой БКП, иного выхода, как обращения к идее очередного «скачка», на сей раз почти прямо в коммунизм, не было. Это нашло отражение в скорректированном проекте перспективного плана развития экономики страны до 1980 г. В июле 1962 г. проект был рассмотрен советскими и болгарскими экспертами, в августе последовали консультации в Государственном научно-экономическом совете Совета министров СССР. В окончательном варианте документа, получившем одобрение Политбюро ЦК БКП[33], а затем и VIII съезда партии (ноябрь 1962 г.), предусматривался рост промышленной продукции в 6,5–7 раз, сельскохозяйственной – в 2,5 раза, машиностроения – в 16-17 раз, химической – в 25 раз. Национальный доход предполагалось увеличить в 4,5–5 раз[34]. Тем самым в течение 20 лет предстояло создать экономическую основу для перехода к развернутому строительству материально-технической базы коммунизма в Болгарии.

Нереальность поставленных задач выявилась весьма скоро, и с учетом этого советские наблюдатели, хорошо знакомые с состоянием народного хозяйства, время от времени пытались «придерживать» болгар. Как отмечал в обзоре экономического положения Болгарии за 1962 г. советник посольства СССР по экономическим вопросам А.Г. Гусев, болгарская сторона часто намечает «непосильный объем строительства, рассчитывая, как правило, на помощь Советского Союза», и на предварительной стадии рассмотрения просьб «мы всегда...стремимся сдерживать друзей... Однако болгарские товарищи нередко решение этих вопросов переносят в вышестоящие советские организации»[35]. Чрезмерную увлеченность болгар «головокружительными и фантастическими задачами», «самодовольство и неудержимое стремление вперед» при игнорировании неизбежных трудностей и недостатков неоднократно отмечал в беседах с советским послом Г.А Денисовым зимой 1961 г. посол ЧСР в София И. Веселы[36].

---

[32] Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. Т. II. М., 1959. С. 419.

[33] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 53. П. 234. Д. 35. Л. 102.

[34] *Марчева И.* Тодор Живков – пътят към властта... С. 236.

[35] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 54. П. 238. Д. 29. Л. 4.

[36] Там же. Оп. 53. Д. 231. Л. 5, 14.

Не удивительно поэтому, что реалии оказались гораздо менее оптимистическими, чем выкладки партийного съезда. Хотя «манипуляции с показателями» дали возможность в 1962 г. констатировать, что в основных отраслях производства «большой скачок» состоялся[37], уже в феврале 1963 г. болгарская сторона была вынуждена объявить режим строжайшей экономии и борьбы с расточительностью во всех звеньях государственного и партийного аппарата, приняла решение сократить объем капитальных затрат, в частности в тяжелой промышленности, ввести нормирование отдельных продуктов питания (яиц, сыра, брынзы и др.), причем, на периферии это было сделано раньше, чем в столице, повысить розничные цены на большую группу продовольственных и промышленных товаров и некоторые виды тарифов и услуг, то есть сделать, по признанию первого заместителя председателя Совета министров НРБ Живко Живкова, «маленький шаг назад»[38]. Этот шаг оказался не единственным: проведенная в 1963 г. болгарскими экономистами новая экспертиза неопровержимо доказала, что при ограниченных природных ресурсах и значительных финансовых и иных проблемах, в том числе неумолимо растущей валютной задолженности Западу (в начале 1958 г. она исчислялась в 20,8 млн. долларов США, а в январе 1960 г. уже в 120 млн.[39]), выдержать предложенные темпы невозможно. Предстояло срочно искать выход.

По всей вероятности, важным стимулом и определителем вектора в размышлениях Живкова явились серьезные изменения, предпринятые в 1962–1963 гг. в деятельности СЭВ по инициативе советского руководства. Имеется в виду разработка Долгосрочной программы расширения и укрепления экономического и научно-технического сотрудничества стран-членов СЭВ с перспективой создания единого коммунистического хозяйства (июнь 1962 г.) и принятое годом позже, в июле 1963 г., решение создать Международный банк экономического сотрудничества, проводя многосторонние рас-

[37] *Марчева И.* Проблемите на модернизацията при социализма: индустриализацията в България // Изследванията по история на социализма в България. 1944–1989. София, 2010. С. 200.

[38] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 54. П. 236. Д. 7. Л. 10, 11.

[39] Там же. Оп. 51. П. 226. Д. 13. Л. 34.

четы в так называемых переводных рублях, и др.[40] Тенденция к экономическому сближению социалистических стран приобретала, таким образом, вполне конкретные очертания. Адекватно оценивший этот процесс Живков уже в июле 1962 г. на пленуме ЦК БКП заявил о перспективе «полного органического слияния» экономик стран-членов СЭВ[41], надо полагать, озвучив замыслы советского руководства.

Представляется, что в не меньшей степени на болгарского лидера повлияли попытки (июль 1963 г.) советской стороны форсировать экономическую интеграцию восточноевропейских стран, декларировав создание в рамках СЭВ единого планового органа. Хотя тому помешало активное сопротивление румын, Живкова, как показали дальнейшие события, эта идея, несомненно, «зацепила».

Документы свидетельствуют, что на том этапе болгарская сторона не упускала из вида и вопросы развития государства в контексте считавшегося неизбежным политического слияния стран «социалистического лагеря» с СССР. Это было замечено и иностранными наблюдателями. Основываясь на Декларации ЦК БКП по итогам прошедшего в декабре 1960 г. в Москве совещания коммунистических и рабочих партий, посольство Великобритании в Софии констатировало, что формулировка документа о переходе Болгарии в будущем в коммунизму на основе единства компартий и народов стран советского блока «может предвещать переход страны к какому-либо более продвинутому статусу»[42]. Взяв на вооружение установки XXII съезда КПСС и положения принятой на нем Программы партии о всесторонней интеграции соцстран в экономике, политике и культуре и дальнейшем сближении социалистических наций, болгарское руководство, тем не менее, сочло нецелесообразным переименование НРБ в «социалистическую республику». На встрече Живкова с советским идеологом Л.Ф Ильичевым в Софии в апреле 1962 г. болгарский лидер подчеркнул, что название республики «народная» в большей мере отвечает положению Программы КПСС об общенародном государстве[43], а на VIII съезде БКП подчеркнул все большее сближение

[40] Подробнее см.: *Никова Г.* «Реформите» в СИВ през 60-те години на XX век и България // България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2008. С. 646–658.

[41] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част I). С. 211.

[42] Съветска България през три британски мандата. 1956–1963. Их архива на Форин офис за събития и личности в България. София, 1994. С. 82.

[43] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 53. П. 231. Д. 7. Л.33.

по своим задачам и функциям болгарского народно-демократического государства с общенародным советским[44].

Судя по архивным документам, именно во время июльского (1963 г.) заседания в Москве по вопросам СЭВ болгарская сторона впервые подняла перед советским руководством вопрос об экономическом и политическом слиянии с СССР. Развивая в одной из бесед идею Г. Димитрова об осуществлении тесного экономического сотрудничества между Болгарией и СССР, Живков уточнил, что это сотрудничество должно быть настолько тесным, чтобы отвечать целям слияния наций, «к чему мы идем и придем в ходе коммунистического строительства»[45]. Исследователи обратили внимание на благоприятную для подобного заявления политическую конъюнктуру: после крупных неудач в международных делах (Карибский кризис, создание Движения неприсоединения с его антиблоковой направленностью, неспособность утвердить советское влияние в странах «третьего мира», несмотря на колоссальные финансовые вливания, утрата лидирующих позиций в международном коммунистическом движении и, в частности, влияния на Югославию, Албанию, Корею, Китай, наконец, первые, еще слабые, признаки начинавшейся эрозии Варшавского пакта и СЭВ) советскому руководству и лично Хрущеву было важно добиться хотя бы частичного зримого успеха во внешней политике[46]. Не следует забывать и о внутренних трудностях, проявившихся в Советском Союзе: рывок к коммунизму явно откладывался, углублялся конфликт между населением и властью, выражаясь в том числе и в социальном противостоянии (пиком стали кровавые события в Новочеркасске летом 1962 г.), растущие критические настроения в партийно-государственном руководстве в связи с волюнтаристскими действиями лидера и его «шараханиями» из крайности в крайность ослабляли позиции Хрущева. У Болгарии в этих условиях появилась неплохая возможность использовать югославский и румынский «факторы» в своих интересах: укрепить имидж последовательного и верного союзника Москвы, «утяжелить» собственный геополитический «вес» в одном из наиболее конфликтогенных регионов мира – на Балканах.

Не менее важное значение имели и факторы идеологического порядка. «Десталинизатор» Хрущев, провозгласивший возврат к ау-

[44] Там же. П. 234. Д. 36. Л. 150.
[45] Там же. Оп. 54. П. 238. Д. 28. Л. 72.
[46] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част I). С. 213–214.

тентичному марксизму-ленинизму, «искаженному» Сталиным, вполне логично обратился к прежним идеям единого экономического пространства для стран социализма и создания на этой основе единой советской республики как формы общенародного государства с отдаленной перспективой его постепенного отмирания. Болгарская инициатива сближения вплоть до полного слияния с центром будущей мировой коммунистической державы, надо полагать, не могла вызывать принципиального отторжения у догматика-«романтика» Хрущева. Однако на состоявшейся во время пребывания в Москве летом 1963 г. встрече Т. Живкова, Б. Велчева и Ст. Тодорова с членами Президиума ЦК КПСС реакция Хрущева на болгарское предложение о будущем слиянии с СССР отразила явное понимание советским руководителем прагматизма болгар. Живков не случайно вспоминал о шутливом заявлении Хрущева: «Вы хотите, чтобы Болгария пришла к нам, поскольку сейчас имеете на душу населения по 30 кг мяса, а мы – по 45. И вы придете, чтобы потреблять по 45 кг». Но в целом, по словам болгарского руководителя, «советские товарищи [были] недалеки от такой идеи более тесного сотрудничества»[47], хотя и заняли достаточно осторожную позицию: вопрос следует подработать и придать ему официальный характер[48].

По всей вероятности, Живков решил «ковать железо пока горячо». Вернувшись из Москвы, он в спешном порядке, 31 июля, созвал пленум ЦК, на котором предложил обратиться с письмом к ЦК КПСС и советскому правительству, аргументируя необходимость «создания более тесной связи между советской и болгарской экономикой с перспективой их сближения и дальнейшего политического слияния [обеих стран]». Отдав дань критике китайской и румынской позиции, Живков произнес знаменитую фразу, ставшую впоследствии поводом для серьезных политических обвинений: «Румынские и китайские товарищи говорят об уважении суверенитета. А для народа суверенитет – это когда он имеет что есть и на что жить. Счастье и благоденствие народа – вот что значит суверенитет. Мы работаем для народа, а не для формы»[49]. Живков предложил «начальную форму» будущего объединения: создание при Госплане СССР сектора или отдела планирования экономики Болгарии с учетом кооперирования и специализации, прежде всего, с Советским Союзом. Намечавшийся

[47] Цит. по: *Баева И.* «Сближението» между България и Съветския съюз... С. 94.

[48] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част I). С. 213.

[49] Цит. по: *Марчева И.* Указ. Соч. С. 254–255.

масштаб кооперирования впечатлял: до 50-60% болгарской экономики предстояло связать с советской. Как подчеркнул Живков, «включить нас в свои расчеты» будет для Советского Союза делом более выгодным, нежели искать какой-то новый режим взаимного сотрудничества. «После этого постепенно пойдем дальше»[50].

Бурные аплодисменты пленума, однако, фиксировали лишь внешнюю сторону дела. Подготовленный Живковым в августе проект письма в Москву вызвал, по некоторым сведениям, неоднозначную реакцию в Политбюро ЦК БКП. Попытки болгарского лидера «продавить» свою идею в полном объеме не увенчались успехом[51]: в частности, было снято содержавшееся в первоначальном варианте указание на форму объединения в виде «федерации или конфедерации». В скорректированном виде документ, представленный как записка Политбюро ЦК БКП «По вопросу более тесного экономического, политического и культурного сотрудничества и сближения между Народной Республикой Болгарией и СССР», был вручен Т. Живковым послу Н.Н. Органову при личной встрече и 2 октября 1963 г. передан в Москву по телеграфу. 10 октября записка (оригинал и подготовленный в посольстве перевод) обычным порядком была направлена Органовым Хрущеву[52].

В записке особенно акцентировалась экономическая составляющая сближения, о политическом слиянии говорилось только как об отдаленной перспективе, признавалось, что его форсирование явилось бы «большой ошибкой». В качестве первого шага по «сближению и более тесному связыванию экономик» предлагалось создание при Госплане СССР смешанного планового органа обеих стран для осуществления планирования всех отраслей, по которым экономика НРБ будет кооперирована с экономикой Советского Союза. Нет сомнений, что Живков попытался обратить в свою пользу провал советского предложения сформировать единый для всех стран СЭВ плановый орган, о чем говорилось выше. Заявив о перспективности решения сложнейших и острых вопросов кооперирования, специализации, цен и расчетов, ресурсов и пр. на двусторонней основе, коль

[50] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 54. П. 238. Д. 28. Л. 72; *Марчева И.* Указ. соч. С. 255.
[51] Подробнее см.: *Живков Ж.* Указ. соч. С.37–40.
[52] Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 243. Л. 41–44 (перевод с болг. яз.); Л. 45–50 (оригинал на болг. яз.); документ опубл. в: Президиум ЦК КПСС. 1953–1964. Т. 3. Постановления. 1959–1964. М., 2008. С. 608–610.

скоро это не удается сделать на многосторонней, Живков фактически сформулировал своеобразную альтернативу для Болгарии деятельности Совета. Болгарская сторона заявила также и о готовности обсудить любые другие конкретные предложения «советских товарищей» по этому вопросу[53].

Материалами, раскрывающими ход обсуждения указанной записки советскими руководителями, мы не располагаем, да и не факт, что такое обсуждение имело место. Более того, есть основания считать, что вопрос поначалу «замкнулся» на Хрущеве, перед которым письмо из Софии поставило резонный вопрос о возможностях использования инициативы болгар, прежде всего, в интересах всего восточного блока. Предстояло учесть и возможную реакцию на болгарский прецедент в международном коммунистическом и рабочем движении. Словом, вопросов было гораздо больше, чем ответов. Не внесла окончательную ясность и проведенная по инициативе Хрущева встреча в Москве в начале октября с Т. Живковым и Ст. Тодоровым. Позднее Живков рассказывал, что ехал в Москву с целью предварительной консультации «по существу» дела и был убежден, что «товарищ Хрущев и советские товарищи не воспримут такую постановку вопроса и поэтому приготовился говорить долго и убеждать их в правильности его постановки и самой перспективы». Однако этого не потребовалось: реакция Хрущева оказалась положительной. Подробного обсуждения не было. Хрущев ограничился повторением принципиальной установки о неизбежности слияния всех социалистических стран в будущем, но отказался от обсуждения его конкретных форм, заявив: «Трудно сейчас сказать, может быть, будет федерация, может быть, конфедерация. Трудно сказать, как это будет»[54]. В своих воспоминаниях Тодоров расценивает позицию Хрущева как неприятие в то время болгарской инициативы[55], но нам представляется, что на октябрьской встрече был четко определен предел возможного в постановке указанного вопроса. 21 октября 1963 г. на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев информировал «о беседе с т. Живковым». Черновая протокольная запись лаконична: «М[ожет] б[ыть], выгодно создать совместный плановый орган»[56]. Формулировка явно указывает на приоритет экономической составляющей в

[53] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 243. Л. 44.

[54] Цит. по: 1963 – отричането от България... С. 97, 99.

[55] *Тодоров Ст.* Указ. соч. С. 113.

[56] Президиум ЦК КПСС. 1953–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М. 2004. С. 761.

размышлениях советского руководителя, к которым он решает подключить соратников. Только на этой стадии члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС и секретари ЦК получили возможность непосредственно ознакомиться с болгарским документом: 24 октября по указанию В.М. Молотова записка была разослана указанным адресатам[57].

Вместе с тем, тот факт, что вопрос «О дальнейшем более тесном сближении и слиянии в перспективе Народной Республики Болгарии с Советском Союзом» был вынесен 4 декабря 1963 г. на пленум ЦК БКП свидетельствует о полученном в Москве принципиальном одобрении. Партийный форум утвердил письмо-обращение к советскому руководству. Таким образом, высказанная еще в июле 1963 г. Москвой рекомендация придать вопросу официальный характер была выполнена.

Материалы пленума опубликованы и доступны сегодня исследователям. Причем, при их анализе объектом внимания авторов, как правило, становятся те установки Живкова, которые в период болгарской гласности обрели скандальный характер.

К их числу, прежде всего, следует отнести утверждение, что для большинства болгар Советский Союз является «второй родиной», что перспектива будущего объединения «вызовет у подавляющей части болгарского народа небывало высокий политический и трудовой подъем», что русский язык должен стать языком международного общения, и пр. Вместе с тем Живков точно нащупал «невралгические точки» своего замысла, несколько раз подчеркнув в докладе, что никакого посягательства на болгарскую нацию не будет, и Болгария в семье советских социалистических республик останется «во всех отношениях суверенным и равноправным членом», что болгарский язык, национальный характер культуры, литературы и искусства будут сохранены и получат возможности дальнейшего развития. Многократные заявления на пленуме о том, что слияние с СССР не является непосредственной задачей, были, на наш взгляд, призваны сгладить предполагаемую острую реакцию части болгарского общества на эту перспективу. Надо признать, что, в конечном счете, Живков, в известной степени противореча самому себе, продемонстрировал более точное понимание ситуации, нежели некоторые его соратники, прежде всего из числа «старой гвардии», убежденные в единодушном

[57] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 243. Л. 51.

одобрении слияния «народными массами»[58]. «Мы, Политбюро, – подчеркнул Живков в конце заседания, – считаем, что не с таким уж энтузиазмом вся наша партия и народ воспримут это. Будут круги, которые не воспримут идею [слияния]. Мы это должны учитывать»[59].

Тем не менее, эйфория, охватившая отдельных участников пленума, в связи с перспективой для Болгарии стать «одной из республик СССР», нашла выражение в предложениях открыть болгарские границы для советских граждан, превратить Болгарию в курорт для стран «социалистического лагеря» и, в первую очередь, для СССР (Л. Аврамов)[60], а Болгарскую академию наук – в «филиал АН СССР» (проф. И. Попов)[61]. Конкретное звучание приобрел и вопрос о сроках объединения: реальным, например, был назван срок в 10-15 лет (Д. Дичев)[62]. Реагируя на это, Т. Живков заявил: «Слияние *не может произойти в этом году* (здесь и далее курсив мой. – *Т.В.*), когда трудности переживает Советский Союз и мы. Очевидно, что это слияние произойдет в условиях подъема и дальнейшего улучшения материального и культурного положения нашего народа. *Не представляю себе, что нужно ждать 15–20 лет, но и за 2–3 года это не произойдет.* Это не значит, что мы не сделаем решительного шага. Может быть, через 2 года откроем границу»[63].

С подъемом некоторые участники пленума (Д. Дичев) подчеркивали, что в постановке вопроса о слиянии с СССР болгарское руководство опередило другие страны «социалистического лагеря» («Мы впереди на 1–2 ступени»), выражали также желание, чтобы они последовали болгарскому примеру: «Было бы еще радостнее, если бы вместе, группой, все социалистические страны объединились вокруг СССР и создали конфедерацию. Но пока для всех стран это невозможно» (С. Стоименов)[64]. Что касается целесообразности согласования идеи слияния с компартиями стран «социалистического лагеря», то мнения разделились. В целом, на наш взгляд, возобладал взвешенный подход: «Не следует думать, что мы легко решим вопрос [в международном плане]» (Д. Димов)[65]. Предложения «не ставить брат-

[58] 1963 – отричането от България... С.38–39, 61, 64, 71, 72.
[59] Там же. С. 98.
[60] Там же. С. 76–77.
[61] Там же. С. 85
[62] Там же. С. 59.
[63] Там же. С. 98.
[64] Там же. С. 70.
[65] Там же. С. 91.

ские коммунистические партии перед фактом, а получить одобрение чехов, венгров, поляков» (Д. Дичев), «лучше проработать вопрос о реакции социалистических стран» (Р. Видински)[66] резко контрастировали с категоричной позицией Р. Дамянова: «Другим партиям говорить не следует»[67].

Отдельные критические голоса, хотя говорить о таковых можно, на наш взгляд, с определенной натяжкой, касались акцентов доклада Живкова о «выгодах для Болгарии» от слияния с СССР. Прозвучали предложения сделать упор на идее «равноценного партнерства» обеих стран, разделив поровну все его выгоды и тяготы (Л. Крыстанов)[68], разъяснять «великое самопожертвование» советского народа, поскольку в некоторых районах СССР люди живут хуже, чем у нас (Н. Папазов)[69], но, вместе с тем, не считать, что «повиснем на шее у советской стороны: они постятся, а мы разговляемся» (Р. Видински)[70]. Некоторые выступавшие (Е. Матеев, И. Башев) пытались акцентировать внимание, прежде всего, на экономической интеграции[71], вероятно учитывая опыт ЕЭС. Поднимался при обсуждении и вопрос о корректности использования термина «слияние», на котором настаивал Живков, и замене его определением «объединение» (Ф. Козовски)[72]. В конечном счете, именно оно было закреплено в решении пленума и нашло отражение в письме-обращении в Москву. Это ставит под сомнение утверждение болгарских авторов, что данное изменение осуществилось под нажимом советской стороны[73].

Показательно, что участники пленума обошли вопрос о необходимости выяснить мнение «народных масс», от имени которых они выражали «радость и восторг». Мимоходом его затронул Т. Павлов, подчеркнувший, что *«нет смысла проводить по этому вопросу референдум»*, а следует ограничиться широкой и серьезной разъяснительной кампанией, опубликовав для начала «прекрасный доклад» Т. Живкова[74]. На невозможность «завтра объявить народу о решении

[66] Там же. С. 58, 73.
[67] Там же. С. 61.
[68] Там же. С. 88.
[69] Там же. С. 85.
[70] Там же. С. 73.
[71] Там же. С. 95.
[72] Там же. С. 101.
[73] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част I). С. 221.
[74] 1963 – отричането от България ... С. 38.

ЦК присоединиться к Советскому Союзу» и необходимость длительной подготовки указал Д. Димов[75]. Итог подвел Живков, призвавший «нигде, ни в каком виде не говорить кому бы то ни было» о решениях пленума. Мотивация: «...Это не только наш вопрос, это вопрос и Советского Союза. Мы не знаем, чтó конкретно имеет в виду Советский Союз в плане практической реализации. Мы в Политбюро обсуждаем, а что думает Советский Союз, не знаем. ... Решение ЦК остается решением только для ЦК, пока не договоримся с советскими товарищами. Иначе создадим трудности»[76].

Вместе с тем, по всей вероятности, самому Живкову перспектива политического слияния представлялась более простой и понятной, нежели экономическое сближение. Как вспоминал Живко Живков, на стадии подготовки письма советскому руководству в ответ на предложение оставить в тексте мотивировку только экономического сближения, он услыхал раздраженный ответ Т. Живкова: «Сближение, сближение... Что значит это сближение?»[77] Дальнейшие события показали, что отсутствие у болгар полной ясности в этом вопросе сохранялось на протяжении длительного времени.

Вскоре после пленума в беседе с советским послом размечтавшийся Живков заметил: хорошо, если бы Советский Союз включал в свой народнохозяйственный план развитие экономики Болгарии, так, как это делает Совет министров СССР в отношении союзных республик[78]. Мог ли болгарский руководитель не понимать, что такой вариант фактически приравнивал Болгарию в экономическом, административном и политическом отношении к остальным советским республикам, - вопрос чисто риторический.

Несмотря на предупреждения Живкова хранить в тайне всю информацию о пленуме, она все же просочилась в общество, обрастая слухами о превращении «советской губернии» – Болгарии в «16-ую советскую республику», о грядущих перестановках в болгарском руководстве, о готовности болгарских руководителей отдать югославам Пиринскую Македонию, о чем якобы договорились в Москве, и пр.[79].

Важной хронологической вехой в планах объединения явился 1964 год. В условиях эскалации конфликта между КПСС и КПК и

[75] Там же. С. 91.
[76] Там же. С. 97–98.
[77] *Живков Ж.* Указ. соч. С.41.
[78] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 57. П. 248. Д. 28. Л. 9.
[79] Там же. Оп. 55. П. 242. Д. 30. Л. 24–25.

острой критики китайцами Программы КПСС болгарская инициатива приобретала для советского руководства особое значение. Вписав ее в контекст развития мировой социалистической системы, придав установкам о сближении и слиянии закономерный характер, можно было попытаться поднять престиж Москвы, усилить роль КПСС как лидера мирового социализма. Перед замыслом Т. Живкова зажегся «зеленый свет», а для него самого открылись прекрасные перспективы резко нарастить свой политический капитал в глазах советского руководства.

В феврале 1964 г. представительная болгарская делегация во главе с Живковым прибыла в СССР. Встреча по своей торжественности и размаху явно превосходила все подобные визиты – в ней участвовали руководители Молдавии, Украины, РСФСР, Президиум и Секретариат ЦК КПСС в полном составе, члены правительства, дипкорпус. Переговоры проходили на высшем уровне. На повестке дня два вопроса: 1) обсуждение решения декабрьского пленума ЦК БКП и 2) информация о работе над планами 5-ой болгарской пятилетки и вопрос о предоставлении Болгарии дополнительного кредита.

Выступая по первому вопросу, Живков сразу же высоко поднял планку, противопоставив «разделению и разобщенности, националистическим, по сути, центробежным проявлениям», наблюдаемым во взаимоотношениях социалистических стран, как между собой, так и с СССР, «еще большее сближение, вплоть до объединения между ними». «Наша партия, – подчеркнул он, – считает необходимым показать пример марксистско-ленинского решения [этого] вопроса...»[80].

Остановившись на принципиальном вопросе о форме объединения, Живков подверг критике «ошибочную» установку и проводимую после Второй мировой войны на ее основе политику Г. Димитрова по созданию болгаро-югославской федерации. Также «ошибочной» был объявлен и замысел более широкой по составу Балканской федерации «в отрыве от Советского Союза». «Этот лозунг сегодня не актуален и не реален», – подчеркнул болгарский руководитель. При наличии целого клубка противоречий между Москвой, Белградом, Афинами, Бухарестом и Анкарой Живков сделал беспроигрышный ход.

Крайне важным с точки зрения реализации идеи объединения явилось предложение о создании Межправительственной двусторонней комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудни-

[80] Цит. по: *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част I). С. 222–223.

честву, предполагавшее усиление прямых связей между министерствами, ведомствами, институтами, административными и территориальными органами, партийными и общественными организациями и пр. Живков, однако, не ограничился сугубо экономическими вопросами, указав на исключительную важность выработки согласованных позиций в вопросах идеологии, культуры и внешней политики.

И, наконец, нельзя не отметить еще один тонкий ход Живкова – напоминание, что объединение может породить надежды на стремительное улучшение жизненных стандартов в Болгарии, а если это не произойдет, то возникнет большое разочарование и даже всплеск антисоветских настроений. Советская сторона, иными словами, получила в аккуратной форме намек «не экономить» на Болгарии.

Рассмотрение конкретной экономической ситуации в стране (об этом, помимо Живкова, говорил в подробном докладе и Ст. Тодоров) закончилось просьбой болгар более чем вдвое увеличить размер кредита на следующую пятилетку: к уже отпущенным 300 млн. руб. добавить еще 400 млн. Это вызвало остроумную реплику ироничного А.И. Микояна. Когда Хрущев, обращаясь к Тодорову, назвал его «нашим дорогим Станко Тодоровым...», Микоян поправил: «Не дорогой, а золотой...»[81].

По итогам переговоров Болгария получила 300-миллионный кредит, меньше чем запрашивала. Ей было, кроме того, обещано техническое содействие в строительстве крупных промышленных предприятий, в том числе трех заводов по производству электронного оборудования.

Эпицентром встречи явилось выступление Хрущева, представлявшее собой изложение концепции развития всего «социалистического лагеря» по пути интеграции – вплоть до оформления конфедерации. Поблагодарив ЦК БКП за «мужество, зрелость» и поддержав в принципе предложение болгар, Хрущев предложил план конкретных действий: уже на ближайшем заседании Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора (ПКК ОВД) обосновать необходимость начавшейся подготовки конфедерирования НРБ и СССР; особо подчеркнуть при этом внешнеполитический момент и напомнить, что на юге Болгария граничит со странами НАТО – Турцией и Грецией. Эта задача была возложена на Т. Живкова как на руководителя страны-инициатора. (К сожалению, отсутствие в нашем

[81] *Тодоров Ст.* Указ. соч. С. 114.

распоряжении материалов ПКК ОВД не дает возможности ответить на вопрос, выполнил ли болгарский руководитель порученное).

Вместе с тем, обойдя вопрос о конкретных сроках объединения, оба лидера указали на недопустимость спешки, на необходимость создания экономических, политических и идеологических предпосылок. Окончательный итог подвело указание Москвы на то, что «вопрос об объединении НРБ с СССР по политическим и экономическим причинам, а также соображениям международного характера в настоящее время является преждевременным»[82]. Как указывалось в одной из справок V Европейского отдела МИД СССР, «болгарские товарищи согласились с этим мнением»[83].

Встреча завершилась, подписанием, помимо совместного заявления для печати[84], соглашения о создании Межправительственной советско-болгарской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, замысел действия и объем задач и полномочий которой наводит на определенные размышления. За Комиссией закреплялись функция согласования стратегических планов развития, право действовать на разных уровнях – от правительства до конкретных хозяйственных структур, создание самостоятельных временных и постоянных органов, наличие утверждаемого правительствами фактически собственного устава (Положения, в соответствии с которым она осуществляет свою деятельность), наконец, право контроля тех органов и ведомств, на которые Комиссией возлагались конкретные задачи. Характерно, что Комиссия должна была действовать бессрочно, что подчеркивало ее особый статус фактического рабочего органа сближения[85].

Визит в Москву вызвал в Болгарии новую волну слухов. Советское посольство в Софии, внимательно отслеживая ситуацию в стране, систематически информировало о настроениях болгар. В по-

---

[82] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 55. П. 241. Д. 13. Л. 59.

[83] Там же. П. 242. Д. 33. Л. 52.

[84] Совместное Советско-болгарское заявление // Правда, 21 февраля 1964 г.; Съвместна българо-съветска декларация // Вярност за вярност, дружба за дружба. Речи и документи във връзка с посещението на партийно-правителствена делегация на Народна република България начело в др. Тодор Живков в Съветския съюз. 16–21 февруари 1964 година. София, 1964. С. 23–34.

[85] Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Том III. 1959–1969. М., 1987. С. 203–206.

литписьме временного поверенного в делах СССР в Болгарии И. Ильина от 27 марта 1964 г. подчеркивалось, что «многие не поняли смысла и значения переговоров, вели вокруг них неправильные и порой вредные разговоры». Поездку в Москву чаще всего объясняли экономическими трудностями Болгарии и намерением получить от советской стороны дополнительную помощь, но высказывалось также мнение, что поводом явились разногласия между БКП и румынской компартией, напряженность в международном коммунистическом и рабочем движении и даже неурегулированность кипрского вопроса. (Заметим, что последняя причина была явно связана с трудностями и издержками в решении вопроса о турецком национальном меньшинстве в Болгарии). Часть населения, как бывало и прежде, поспешила обвинить старшего брата» в корыстных действиях: намерении поглотить Болгарию, лишить ее независимости, превратить в собственный сельскохозяйственный придаток. Волнение вызывало и ожидавшееся в связи с этим существенное снижение жизненного уровня населения[86]. Волна слухов вызвала обеспокоенность и у некоторых иностранных дипломатов. Посол СФРЮ в Софии Маркович, как отмечали советские наблюдатели, пытался выяснить у секретаря ЦК БКП М. Григорова отношение болгар к «давно забытому вопросу о так называемой Балканской федерации»[87].

В начале июля 1964 г. в Москве состоялось первое рабочее заседание Межправительственной комиссии. Используя предоставленные ей полномочия, Комиссия приняла рекомендации государственным плановым органам обеих стран и поручила им разработать конкретную процедуру согласования перспективных планов. Был решен вопрос о предоставлении Болгарии дополнительного долгосрочного кредита в 120 млн. руб. (Таким образом, ранее запрашиваемый 400-миллионный кредит был все же получен, и даже с превышением в 20 млн. руб., хотя и «в рассрочку»). Вскоре при правительстве Болгарии и почти во всех министерствах были созданы специальные отделы и службы, курирующие вопросы двустороннего научно-технического сотрудничества. Практическое выполнение решений Межправительственной комиссии было возложено на специальный отдел государственного внешнеторгового предприятия «Техноимпекс», подотчетный Государственному комитету планирования НРБ и Совету министров НРБ.

---

[86] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 55. П. 242. Д. 29. Л. 25–26.

[87] Там же. Д. 30. Л. 25; Оп. 54. П. 236. Д. 7. Л. 10.

Итак, в середине 1964 г. в Болгарии уже существует специальная структура, призванная осуществлять экономическую интеграцию с Советским Союзом. Судя по опубликованным болгарскими экономистами сведениям, она действовала достаточно эффективно[88].

Документы свидетельствуют, что болгарская сторона, постоянно подчеркивая важность экономического сближения с Советским Союзом, не упускала из виду и перспективу государственно-политического объединения. Во время пребывания в Болгарии в связи с празднованием 20-летия социалистической революции советской партийно-правительственной делегации во главе с Л.И. Брежневым этот вопрос неожиданно для гостей был поднят вновь, причем публично. По сообщению советского посольства, на митинге в г. Казанлыке Живков якобы заявил, что при соответствующих условиях можно ставить вопрос о вхождении Болгарии в СССР, но сейчас этот вопрос является преждевременным. В материалах посольства, отмечалось два интересных момента: во-первых, не было установлено, кто из двух Живковых – Тодор или Живко – выступал на митинге, и, во-вторых, что болгарские газеты этот пассаж выступления не опубликовали[89]. Заметим, что нет сведений об этом и в подробной информации о пребывании советской делегации, помещенной в нескольких номерах газеты «Правда». Обращает на себя внимание также тот факт, что, по некоторым сведениям, Брежнев во время визита настойчиво интересовался, не вызовет ли перспектива объединения всплеска антисоветских настроений в стране.

Позиция советской стороны и самого Хрущева в вопросе объединения оставалась неизменной, хотя он, видимо, испытывал определенные колебания. Это подтверждается материалами заседания Президиума ЦК КПСС 10 сентября 1964 г., на котором Хрущев подводил итоги своей поездки в Чехословакию. Он, в частности, сообщил о том, что А. Новотный поднял вопрос о вхождении Чехословакии в СССР на правах «16-ой республики». Как следует из стенограммы заседания, чехословацкий руководитель предложил обговорить вопрос с Я. Кадаром во время предстоящей поездки партийно-правительственной делегации ЧССР в Будапешт. Хрущев поначалу согласился, заметив, что «этот разговор был у нас с Живковым, и они

---

[88] *Пописаков Г.* Экономические отношения между Народной республикой Болгарией и Советским Союзом /перевод с болг. под ред. Ю.В. Бернова / М., 1969. С. 218–220.

[89] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 55. П. 242. Д. 29. Л. 189.

[болгары] очень настаивали». В стенограмме позиция Хрущева с его слов передана так: «Но сейчас в свете текущего разлада в социалистическом лагере этот шаг не способствовал бы [его] укреплению. Все-таки может быть конфедерация? ...Потом, когда я приехал, я подумал, и я боюсь, когда он поговорит с Кадаром, это может быть как раз обратный результат. Поэтому я хочу поговорить с ним и отговорить, чтобы он этих вопросов с Кадаром не поднимал»[90]. Интересно, что сам Новотный в беседе с советским послом в Праге М.В. Зимяниным 16 октября 1964 г., уже после вынужденной отставки Хрущева, несколько по-иному расставил акценты. Как следует из записи в дневнике Зимянина, Хрущев «развивал идею» о конфедерации СССР с другими социалистическим государствами, а «тов. Новотный, естественно, не мог отбросить постановку вопроса о дальнейшем сближении и даже объединении наших государств в будущем, тем более что в принципе он и сейчас исходит из этого. Но тов. Хрущев проявлял в этом торопливость. Осуществление высказанных им намерений означало бы повод для международных конфликтов. Тов. Хрущев уже после отъезда в Москву вынужден был изменить, как известно, точку зрения»[91]. Влияние новой политической конъюнктуры на оценки Новотного очевидно. Конкретные же материалы не дают основания утверждать, что Хрущев намеревался искусственно ускорить интеграционные процессы в рамках «социалистического лагеря». В этой связи нельзя не согласиться с российским исследователем А.С. Стыкалиным, указавшим, что при снятии Хрущева его соратники безосновательно выдвигали подобное обвинение, в частности «припомнив» его желание решить и задачу включения Болгарии в состав СССР[92].

Уход Хрущева с политической сцены, однако, не означал заката идеи «сближения и объединения». Главной целью болгарского руководства становится обеспечение преемственности прежнего стратегического курса, что на практике означало спешное налаживание доверительных отношений с новыми советскими руководителями и, прежде всего, с Л.И. Брежневым. Задача была непростой, поскольку Москва первоначально несколько дистанцировалась от болгарского «протеже» Хрущева, присматривалась к нему. Живков, со своей стороны, не стал клеймить Хрущева, а, в отличие от некоторых лидеров других социалистических стран, предпочел действовать иначе: «под-

[90] Президиум ЦК КПСС. 1953–1964. Т. 1. С. 856–857.
[91] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 51. П. 323. Д. 10. Л.52–53.
[92] *Стыкалин А.С.* Указ. соч. С. 535.

ходить к этому случаю [отставке Хрущева. – *Т.В.*] так, как подходят к нему все организации Коммунистической партии Советского Союза»[93]. С этого времени Живков, как указывалось в материалах советского посольства в Софии, постоянно подчеркивает преимущества нового, брежневского, стиля руководства: «деловитость и уверенность», «точность и взвешенность формулировок», «вдумчивость», «отсутствие излишне шумных, громких эпитетов и внешних эффектов, ...свойственных докладам и выступлениям Н.С. Хрущева», стремление «на научной основе и без поспешностей» решать внутренние проблемы «коммунистического строительства в СССР» и т.п.[94]. Завидное умение Живкова тонко чувствовать ситуацию, определявшееся современниками как «особый, редкий нюх» болгарского руководителя[95], способствовало успеху. В целом можно сказать, что к концу 1965 г. ему удалось «разрулить» обстановку. На пленуме ЦК БКП 1 ноября 1965 г., по итогам поездки болгарской партийно-правительственной делегации в Москву (материалы пленума «по традиции» остались засекреченными, ознакомлены с ними были только первые секретари окружных комитетов партии) Живков торжествующе объявил: «Но что радостно, товарищи? Радостно то, что советские товарищи, которые до сих пор – я имею в виду после освобождения тов. Хрущева – не говорили о нашем сближении по экономической линии и вообще о нашем сближении, дружбе и дальнейшем расширении сотрудничества, а мы хотели знать, поддерживают ли они этот курс, которым Центральный комитет специально занимался, сейчас заявили: “Мы не только поддерживаем этот курс, но считаем его генеральной линией”. Тов. Брежнев выразился так: “Это должно быть генеральной линией сотрудничества между Советским Союзом и Народной республикой Болгарией”»[96]. С подъемом говорил об этом Живков и в беседе с советским послом Н.Н. Органовым вскоре после возвращения из Москвы[97].

В последующем лозунг сближения поддерживается обеими сторонами, хотя надо признать бóльшую активность болгар, которые постоянно используют его при решении многообразных экономиче-

[93] Цит. по: *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част II). С. 5.
[94] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 56. П. 243. Д. 6. Л. 128; Оп. 57. П. 246. Д. 8. Л. 18; П. 248. Д. 25. Л. 56 и др.
[95] *Кастелов Б.* Указ. соч. С. 709.
[96] Цит. по: *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част II). С. 9.
[97] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 57. П. 248. Д. 25. Л. 35.

ских задач, требовавших помощи и содействия советской стороны. Вместе с тем, в дальнейшей проработке вопроса о конкретных формах и путях сближения экономик не было сделано никаких принципиально новых шагов. Болгары неоднократно заявляли о желательности расширения кооперации и специализации, советская сторона, в свою очередь, как указывалось в одной из справок V Европейского отдела МИД СССР от 22 октября 1966 г., «с конкретными предложениями о путях дальнейшего сближения экономик практически не выступала». Вместе с тем по разным поводам стороны не раз констатировали необходимость вводить «новые, более высокие формы» сотрудничества в виде «прямых связей» между местными партийными и государственными органами и общественными организациями при участии сотен тысяч граждан. Болгарская сторона при этом шла дальше, полагая, что пришло время для превращения национальных предприятий в «филиалы» советских. В это время по советской инициативе возросло внимание к двусторонней Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству как постоянно действующему специальному органу сотрудничества.

Вместе с тем обращает на себя внимание нарастание критических оценок отдельных сторон экономического сотрудничества в аналитических материалах советского посольства в Софии. Прежде всего, указывалось на нежелание болгар учитывать возможности «старшего брата», стремление руководствоваться только собственными нуждами и интересами[98]. «Друзья» с завидным постоянством обращались в Москву с просьбами увеличить поставки многих видов промышленного сырья, фактически нарушая долгосрочные соглашения[99]. В наиболее трудные моменты поднимался вопрос об оказании срочной экономической помощи. Советская сторона нередко была вынуждена отказывать или удовлетворять поступавшие запросы частично. Тогда следовали повторные обращения, в том числе и на самом высоком уровне, и, как правило, болгары добивались успеха. Аналитики V Европейского отдела МИД СССР констатировали, что подобная тактика «в известной мере осложняет взаимоотношения между нашими странами»[100].

Возможность закрепить принципиальную позицию сторон на государственном уровне открылась в связи с подготовкой нового До-

[98] Там же. Д. 27. Л. 244.
[99] Там же. Д. 28. Л. 9, 10.
[100] Там же. Д. 27. Л. 156.

говора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между НРБ и СССР, развернувшейся весной 1967 г. Уже на стадии согласования проекта документа делегациями МИД СССР и НРБ в Москве 27 февраля – 1 марта[101] выявилось намерение болгарской стороны в максимальной степени отразить в документе идею «самого тесного сближения в политической, экономической и военной областях». При этом болгарские представители предложили исключить из проекта договора формулировку о взаимовыгодной основе сотрудничества. Глава делегации заместитель министра иностранных дел Болгарии И. Попов прямо указал на малую выгоду для Советского Союза от сотрудничества с Болгарией и невозможность практического оказания ею помощи СССР. «Если же оставить формулировку о взаимовыгодной основе, – пояснил дипломат, – то мы не сможем освободиться от нее и в последующих договорах с Венгрией, Чехословакией, Польшей». Однако предложение болгар не прошло. Руководитель советской делегации на переговорах Л.Ф. Ильичев, признав, что хотя «формулировка о принципе взаимности, может быть, и не будет... отражать истинного положения дел в буквальном смысле слова, но она соответствует характеру наших двусторонних отношений и смыслу социалистического интернационализма».

В целом, в согласованный сторонами текст проекта по просьбе болгар были включены формулировки о сближении в экономической и культурной областях, «незыблемости» послевоенных границ в Европе, внесено дополнение, согласно которому вооруженное нападение на одну из договаривающихся сторон будет рассматриваться другой стороной «как нападение на нее».

После подготовительного этапа последовала неофициальная встреча болгарской делегации (Т. Живков, Ж. Живков, Т. Цолов) с высшим советским партийным и государственным руководством в Москве в марте 1967 г., зафиксировавшая по словам Т. Живкова, «качественно новый этап болгаро-советских отношений»[102]. 23 марта 1967 г. на пленуме ЦК БКП по итогам поездки Живков информировал о предложении болгарской стороны строить двустороннее сотрудничество с Советским Союзом «в опытном порядке», сделав для болгар «исключение»[103]. Подтекст такого заявления можно интерпре-

[101] Там же. Оп. 58. П. 250. Д. 13. Л. 6–22, 23–25, 31–34.
[102] Там же. Л. 60.
[103] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част II). С. 16.

тировать по-разному, но, думается, есть основания трактовать его и через призму идеи «16-ой республики».

Можно предположить, что «новое качество» наступившего этапа двусторонних отношений определялось в немалой степени акцентами на сближение, помимо прочего, в военной сфере. Если на пленуме 23 марта 1966 г. Живков ограничился общей установкой, что «наша армия строится и воспитывается в том же духе, что и Советская армия»[104], то вскоре в этот вопрос были внесены конкретные существенные дополнения. К такому выводу подводят скупые материалы, относящиеся к встрече Живкова с Брежневым в Москве 15 сентября 1967 г. Отдельные моменты ее подготовки при посредничестве советского посла А.М. Пузанова свидетельствовали о намерении Живкова придать встрече сугубо конфиденциальный характер. На вопрос посла о цели поездки последовал уклончивый ответ: «В основном буду говорить по тем вопросам, по которым у нас был разговор с ним [Брежневым. – *Т.В.*] вдвоем в одной из последних встреч». Не оказалось у Живкова и вопросов, о которых, согласно принятой практике, следовало через посольство предварительно сообщить в ЦК КПСС. Вместе с тем Живков попросил посла обеспечить ему в Москве советского переводчика и не приезжать на аэродром для проводов, поскольку «никого из Политбюро и Совета министров не будет». Болгарский руководитель улетел в Москву только в сопровождении двух офицеров личной охраны[105].

Из материалов советского посольства узнаем, что в Москве Живков имел, как он заявил Пузанову 23 октября 1967 г., «очень обстоятельную и всестороннюю беседу с тов. Л.И. Брежневым» по вопросам болгаро-советских отношений[106]. Содержание беседы Живков приоткрыл позднее, при встрече с послом 22 декабря 1967 г.: в Москве обговаривалось, в том числе, и предложение Живкова, чтобы «на случай возможных военных осложнений в нашем районе действия БНА были заранее, то есть в настоящее время, спланированы и увязаны с действиями войск Одесского военного округа как единое целое. ...Пусть Генеральные штабы наших вооруженных сил поработают в этом направлении». Предположительно речь шла и о вопросах развития БНА на 1971–1975 гг., к которым ЦК КПСС отнесся «с пониманием»[107]. Вероятно, во исполнение конкретных договоренностей

[104] Цит. по: *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Там же.
[105] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 58. П. 249. Д. 8. Л. 130, 136. 138.
[106] Там же. Л. 155.
[107] Там же. Л.223, 224.

20 декабря 1967 г. министр национальной обороны Д. Джуров и начальник Генштаба А. Семерджиев вылетели в Москву. Представляется, что внимание к военной сфере было связано не только с международной обстановкой (шоковая реакция в связи с результатами Шестидневной войны на Ближнем Востоке), но и с возрастанием напряженности внутри «социалистического лагеря» («особая позиция» Румынии в вопросах внешней политики и международных отношений, усиление оппозиционных настроений в Чехословакии и др.). Важно, что инициативы Живкова в этой области отвечали намерениям Москвы усилить советский контроль над Объединенными вооруженными силами Варшавского Договора путем Военному совету предоставления права издания прямых приказов и распоряжений*. Соответствующее предложение, выдвинутое на совещании ПКК ОВД в июле 1966 г. в Бухаресте, было блокировано румынами, но подхвачено Живковым. В это же время отмечаются и новые нюансы в подходе болгарской стороны к сотрудничеству в идеологической области – возникает замысел создания специального органа координации в масштабах всего «социалистического лагеря», по выражению болгар, нечто вроде «идеологического СЭВа»[108].

В конце 1960-х гг. стало очевидно, что серьезно осложнявшая деятельность СЭВ проблема выравнивания уровней экономического развития стран-участниц превратилась в «ахиллесову пяту» сотрудничества. Ранее это констатировала и научная дискуссия, проведенная в Софии в октябре 1965 г. при участии авторитетных специалистов Института экономики БАН. В болгарском руководстве сложилось к концу десятилетия отчетливое понимание, что подлинная экономическая интеграция с СССР и другими социалистическими странами невозможна без «постепенного подтягивания НРБ к уровню наиболее развитых братских стран»[109]. Однако реалии свидетельствовали, что решение этой проблемы откладывалось на неопределенное время, что Болгария, по оценке советских наблюдателей в стране, «жила не по средствам», благодаря иностранным кредитам[110].

---

* Изначально Военный совет наделялся консультативными и рекомендательными функциями (Подробнее см.: *Грибков А.И.* Судьба Варшавского Договора. Воспоминания, документы, факты. М., 1998. С. 51–53).

[108] Там же. Оп. 57. П. 247. Д. 13. Л. 90.

[109] Там же. П. 248. Д. 28. Л. 42.

[110] Там же. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 78.

С нашей точки зрения, именно это обстоятельство в значительной степени обусловило новый всплеск внимания болгар к замыслу превращения страны в одну из республик Советского Союза как наиболее быстрого и прямого пути решения огромного комплекса накопившихся внутриполитических задач. Болгарское руководство посчитало, по всей видимости, что пришло время напомнить об этой идее, хотя бы и неофициальным способом. Так, при посещении Звездного городка 16 июня 1969 г. Живков во всеуслышание заявил: «Болгария хотела бы стать 16-ой республикой Советского Союза, но кое-кто вне нашей страны считает, что сейчас неподходящая для рассмотрения этого вопроса международная обстановка»[111]. Намек болгарского руководителя на советское руководство был более чем прозрачным, как, впрочем, и робкая попытка дистанцироваться от позиции Москвы в этом вопросе.

Таким образом, изучение корпуса документов из Архива внешней политики РФ подтверждает выводы болгарских исследователей о том, что замысел включения Болгарии в состав СССР в качестве союзной республики, безусловно, имел под собой, в первую очередь, экономические основания и был призван содействовать решению многотрудных и при том амбициозных народно-хозяйственных задач. Отсутствие конкретного поэтапного плана реализации задуманного, свидетельствовало о том, что стороны не имели ясности в вопросе, как осуществить прокламированную интеграцию на практике, ограничивались заявлениями и формулировками общего характера. Иное дело – «слияние», способное, как, по всей вероятности, считали в Софии, одним махом разрубить многочисленные узлы, завязанные на социалистическом этапе развития Болгарии. При этом политика всестороннего сближения социалистических стран вплоть до их политического объединения отвечала существу и конечной цели коммунистической идеологии, что, несомненно, во многом объясняет искренний энтузиазм некоторых протагонистов идеи «слияния».

Новые попытки придать импульс идее всестороннего сближения вплоть до объединения приходятся на 1970-е годы. На пленуме ЦК БКП в июле 1973 г. вторично было принято решение о превращении Болгарии в советскую республику, образно подкрепленное яркой метафорой – «стать одним организмом, орошаемым единой крове-

[111] *Каманин Н.П.* Скрытый космос. Книга 4-ая. Космические дневники генерала Каманина. 1969–1978. М., 2001 /Электронный ресурс/ Режим доступа – http://www.testpilot.ru/espace/bibl/kamanin/kniga4/06-69.html

носной системой»[112]. В принятом пленумом документе «Основные направления развития всестороннего сотрудничества с СССР на этапе построения развитого социалистического общества в НРБ» обосновывались принципы и формулировались установки на глубокое интегрирование Болгарии с Советским Союзом во всех сферах – экономике, политике, идеологии, военных вопросах, культуре[113].

Хотя замысел «16-ой республики» не был реализован, настойчивость Софии принесла свои плоды: Болгария превратилась в «любимое дитя» советского руководства. При Брежневе достигла апогея сложившаяся неравноправная система двустороннего сотрудничества: за важное стратегическое сырье – электроэнергию, нефть, стальной прокат и пр., поставлявшееся из СССР в огромных количествах и по ценам, значительно ниже мировых, Болгария расплачивалась продуктами сельского хозяйства и промышленными товарами низкого качества, не имевшими спроса на мировых рынках[114]. Интересный штрих: в личных беседах с зарубежными лидерами Живков неоднократно позволял себе «шутить», что Болгария являет собой «колониальное государство»: из своей «колонии» - СССР вывозит сырье, а продает ей, в свою очередь, машины и оборудование[115].

Документальные источники указывают, что предложенный болгарской стороной формат интеграции свидетельствовал о ее готовности воплотить в жизнь замысел государственно-политического «слияния». Используя прямые выходы на Брежнева, болгарское руководство культивировало иждивенческий прагматизм, оказавшийся в числе тех важных факторов, которые в конце 1980-х гг. ускорили крушение «живковизма».

---

[112] *Стоянов Л.* «Като един организъм, който се оросява от единна кръвоносна система» (За юлския пленум на ЦК на БКП от 1973 г.) // България и Русия: между признателността и прагматизма... С. 659–668.

[113] Подробный анализ документа см.: *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. (Част II). С. 22–24.

[114] *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2002. София, 2002. С. 147.

[115] См., например: *Гартхоф Р.*Свидетелства за студената война. Посланикът на САЩ Реймънд Гартхоф за българо-американските отношения (Непубликувани спомени и документи). София, 2001. С. 83–84.

В.В. Волобуев

Польская «оттепель» и послевоенный бэби-бум*

После войны Польша долгое время занимала первое место в Европе по приросту населения. Пик этого роста пришелся на 1950–1955 гг.[1] Это – годы шестилетнего плана, когда Польша осуществляла программу ускоренной индустриализации по советскому образцу. Как и в СССР, период польской индустриализации характеризовался с одной стороны, чрезвычайным ужесточением политического режима, а с другой – широким общественным авансом, выдававшимся рядовым рабочим. Никогда впоследствии рабочие не имели возможности так быстро сделать карьеру (не только профессиональную, но и бюрократическую). Одновременно послевоенные годы – это период резкого увеличения числа студентов. По этому показателю Народная Польша сразу обошла свою довоенную предшественницу: если в 1937–1938 гг. в польских вузах обучались 48 тыс.студентов, то уже в 1945 г. – 55 тыс[2]. Отличительной чертой студенчества той поры был большой процент среди них детей рабочих.

В 1956 г. Польшу потряс общественно-политический кризис, после которого были произведены существенные корректировки в общественно-политической системе. Политический режим был несколько смягчен, из вузов исчезли дисциплины, связанные с официальной идеологией, в школы вернулись уроки закона Божьего. В вузах стало неуклонно сокращаться число студентов рабочего происхождения, уступая место выходцам из семей интеллигенции[3]. На предприятиях начала внедряться концепция рабочего самоуправления, провозглашавшая участие трудящихся в руководстве производством. Вместе с тем была резко сокращена социальная мобильность. Исследователь жизни рабочих в социалистической Польше Г. Слабек пишет по этому поводу: «В начальный послереволюционный период революционно-харизматическая организация обладала внеправовым статусом; закон ее не стеснял. Партия располагала возможностью

* Статья подготовлена в рамках проекта «Поиски новой государственности: инакомыслие и диссидентство в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 60-е – 80-е гг. XX в.» Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

[1] http://www.wiking.edu.pl/article.php?id=269

[2] http://encyklopedia.pwn.pl/haslo.php?id=4575102

[3] *Olszewski E.* Nie mogą czy nie chcą studiować? // Przegląd kulturalny. 1958. № 35; *Dyoniziak R.* Młodzieżowa «podkultura». Warszawa, 1965. S. 146.

вмешиваться во все области административной деятельности. Во имя прозрачных, понятных обществу задач она обращалась непосредственно к энергии наиболее непримиримо настроенных по отношению к прошлому плебейских стихий. Таким образом, удавалось противостоять бюрократическим заторам, инерции и дезинтеграции. Осуществлялось сообразное с намерениями революционное перераспределение благ, изменение позиций и общественного статуса. Быстро происходило почти спонтанное восстановление экономики. Уменьшалась безработица. Миллионы человек с пользой для дела и к собственному удовольствию перемещались на западные земли и в города. Подавлялись коррупция и чувство несправедливости. Революция приобретала легитимизацию в масштабе, никогда после того не достигнутом. Именно первый период (особенно до 1948 г.) не случайно сохранился в памяти рабочих как самый лучший и в наибольшей степени удовлетворяющий их амбиции»[4].

В новых условиях после 1956 г. даже образование не гарантировало карьерного роста: заканчивая вуз, дети рабочих оставались в той же социальной группе, что и их родители[5]. Рабочее самоуправление ничем не могло помочь в этом смысле молодежи, так как быстро превратилось в пустую декларацию, причинами чего являлись: во-первых, утопичность самой программы (у рабочих отсутствовали знания, достаточные для того, чтобы разбираться в вопросах управления предприятием); во-вторых, навязывание руководящей роли партии (нашедшей свое выражение в новом уставе рабочего самоуправления, принятом в 1958 г.). Социологические опросы, проведенные в 1969 и 1978 гг., показали, что на предприятиях директор выступал как единоличный хозяин, а все свои решения он согласовывал с парткомом[6]. Рабочие, помнившие времена Берута, говорили по этому поводу: «Раньше я не мог критиковать министра или правительство, зато мог критиковать директора или мастера. Теперь я могу критиковать правительство или министра, но за критику директора или мастера меня могут уволить»[7].

Постоянной головной болью властей оставалось создание новых рабочих мест: быстрый рост населения грозил образованием

---

[4] *Słabek H.* Obraz robotników polskich w latach 1945–1989. Warszawa – Kutno, 2004. S. 353.
[5] Ibid. S. 298.
[6] Ibid. S. 273.
[7] *Głowacki A.* Kryzys polityczny 1970 roku. Warszawa, 1990. S. 44.

больших групп незанятой молодежи, которые могли взорвать общество. К 1970 г. в Польше жили 32 млн. 642 тыс. чел., из которых 47,8 % родились после войны. Средний возраст граждан Польши составлял 27,5 лет[8]. Свыше 40 % промышленных рабочих были моложе 30 лет, а на строительстве новых объектов число таких рабочих достигало 50–60 %[9]. Правящая элита неустанно изыскивала возможности для трудоустройства людей. При этом на повышение зарплат средств уже не оставалось – все средства шли на индустриализацию. И выходило, что за целое десятилетие, с 1960 по 1970 г., реальные зарплаты поляков не поднялись ни на йоту. Основным способом повышения благосостояния польских семей было взросление детей, которые устраивались на работу, пусть и за мизерную плату.

В целом население страны в 1950-е – 1960-е гг. исповедовало эгалитаристские ценности. Подтверждением этого служат социологические опросы рубежа 1950-х – 1960-х гг., когда подавляющее большинство респондентов высказывались за развитие человечества по социалистическому пути, а также за уничтожение или уменьшение социальной дифференциации польского народа[10]. Вместе с тем польское общество, характеризовалось сужением социального простора (т.е. уменьшением независимой общественной инициативы) и преобладанием семейных и неформальных связей[11]. Иными словами, социализм в это время был уже не только государственной идеологией, навязываемой сверху, но и мировоззренческой платформой большей части населения, которая формировалась в семье и от родителей переходила к детям. Если учесть, что огромное большинство поляков того периода совмещали социалистические идеалы с религиозностью, мы получим среднестатистического жителя ПНР образца 1950-х – 1960-х гг., для которого «социалистические» настроения яв-

---

[8] *Eisler J.* Grudzień 1970. Geneza, przebieg, konsekwencje. Warszawa, 2000. S. 40.

[9] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 55. П. 41. Д. 39. Л. 74.

[10] *Huszczo A.* Public opinion in Poland // Public opinion in European socialist systems /Edited by W.D.Connor and Z.Y.Gitelman/ New York–London, 1977. P. 44–62.

[11] *Zaremba M.* Biedni Polacy 68. Społeczeństwo polskie wobec wydarzeń marcowych w świetle raportow KW i MSW dla kierownictwa PZPR // Marzec 1968. Trzydzieści lat pozniej. T.1 /Pod red. M.Kuli, P.Osęki i M.Zaremby/ Warszawa, 1998. S. 162.

лялись столь же неотъемлемой чертой характера и поведения, как и посещение костела по воскресеньям.

К концу 1960-х гг. поколение послевоенного бэби-бума достигло порога совершеннолетия и переступило его. В обществе явственно чувствовалась необходимость смены поколений.

Не остался в стороне от этого процесса и партийно-государственный аппарат. Партработники низшего звена, не имея возможности быстро сделать карьеру, искали пути потеснить засидевшихся начальников. Постепенно они начали сплачиваться вокруг группировки так называемых «партизан» во главе с честолюбивым заместителем министра внутренних дел Мечиславом Мочаром. Начало чистки было лишь делом времени. Предлогом для нее послужила речь В. Гомулки 19 июня 1967 г. на очередном съезде профсоюзов, в которой первый секретарь, раздраженный выражением поддержки Израилю со стороны поляков в «шестидневной войне», фактически объявил о наличии в стране «скрытых сионистов» и призвал их покинуть Польшу. Кампания длилась до лета 1968 г. и привела к изгнанию из страны около 15 тыс. человек. Среди них было несколько сот ученых, около 200 сотрудников прессы и издательств, 91 артист, 26 кинематографистов и более 300 врачей. К сентябрю 1968 г. с ответственных постов в Варшаве были сняты 774 человека, в том числе 5 министров, 22 заместителя министра, 133 директора и заместителя директора отдела. В целом волна отставок способствовала обновлению кадров в ПОРП. Проявлением этого стало то, что 82 члена руководящих органов партии не были переизбраны в новый состав на V съезде ПОРП[12].

В самый разгар антисионистской кампании вспыхнули студенческие волнения, охватившие всю Польшу. Они начались как акции в защиту национальной культуры, но быстро переросли в политические выступления с демократическими требованиями. Забастовками были охвачены все вузы страны, во многих городах проходили демонстрации молодежи. Анализ социального состава задержанных милицией участников акций протеста показывает, что из 2275 чел. студентами являлись всего лишь около 600, зато рабочими – 937, причем, все задержанные не перешагнули порог в 30 лет[13]. По сути,

[12] *Friszke A.* Polska. Losy państwa i narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 300–301.

[13] *Eisler J.* Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 396; *Zaremba M.* Op. cit. S. 159.

это был бунт молодежи против системы. Не случайно автор одной из идеологических брошюр отмечал в 1969 г.: «Более половины населения страны не переступило 29-летнего порога, а 40 % нет и девятнадцати. Молодежь, которая родилась и воспитывалась в Народной Польше, не знает жизни в условиях капитализма, часто не может на основе собственного опыта понять весь объем перемен к лучшему, совершенных в нашей стране благодаря социализму»[14]. И он был прав. Новое поколение поляков не склонно было сравнивать окружающую действительность с довоенным временем, поэтому оставалось глухо к риторике власти, пропагандировавшей успехи Народной Польши. Молодежь имела перед глазами пример западных стран, где куда более высокий жизненный уровень сочетался с широкой демократией. Именно это, а не умозрительный коммунизм официальной пропаганды стало для нее ориентиром. Власти ответили на выступления молодежи репрессиями, ужесточением контроля за вузами и возвращением в обязательный курс обучения идеологических дисциплин.

Но прошло чуть более двух лет, и Польшу вновь охватили сильные волнения. На сей раз локомотивом протестов явились рабочие, не пожелавшие терпеть резкого повышения цен на продовольственные товары в преддверии рождественских праздников. Но наибольшей активностью в ходе выступлений отличалась как раз рабочая молодежь – это не раз отмечали польские органы госбезопасности и охраны правопорядка, а равно и советские дипломаты, имевшие возможность наблюдать за акциями протеста. «Рабочие преимущественно в возрасте 20–22 лет, – отмечали работники советского генконсульства в Гданьске, описывая акции протеста. – Это вчерашние учащиеся, а может быть, некоторые из них в 1968 году демонстрировали со студентами…»[15]. Сотрудники польской Службы госбезопасности, говоря о членах рабочей делегации, подписавшей договор с властями в Гдыне 15 декабря 1970 г., сообщали: «В состав делегации входили молодые люди, которые работают на предприятии всего 2–3 года»[16]. Неформальным лидером протестов в Гдыне был 21-летний рабочий Э. Хульш, а секретарем забастовочного комитета – В. Шиманьская, которую ранее, в 1968 г., уже исключили из вуза за участие в студенческих волнениях. Гомулка также не раз обращал внимание

[14] Pytania i odpowiedzi /Red. odp. T.M. Jaroszewski/ Warszawa, 1969. S. 23.
[15] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 55. П. 416. Д. 36. Л. 60.
[16] Grudzień 1970 w dokumentach MSW. Wybór, wstęp i opracowanie J. Eisler. Warszawa, 2000. S. 61–62.

на особую роль молодежи в «рабочем восстании». Так, на заседании Политбюро 17 декабря (в самый разгар волнений) он произнес небольшую речь, в которой среди прочего заявил: «Противнику удалось вызвать волнения, особенно среди молодежи… В прошлом молодежь много раз манифестировала и пела "Еще Польша не погибла" и вела страну к гибели… Нужно обратить внимание на наивную молодежь… Нужно разъяснить, что та самая молодежь, которая сегодня поджигает здания и участвует в погромах, завтра может заплатить за это потерей страны, в которой выросла… Наша молодежь воспитана на бунтарских, героических традициях. Это – глупое воспитание. Позитивным явлением видится то, что студенты сохраняют спокойствие. Перегорели в марте 1968 года»[17]. В марте 1971 г., уже после своей отставки, Гомулка направил обширное послание в ЦК, еще раз констатировав: «Ход событий на Побережье ясно показывает, что их наиболее активными и агрессивными участниками была молодежь. И пусть в большинстве это была рабочая молодежь, не следует отождествлять ее с рабочим классом как таковым… декабрьские события вскрывают огромные провалы в идейно-политическом воспитании молодежи, ее необычайно низкий интерес к проблемам строительства социализма в стране, отсутствие чувства общественной дисциплины, государственной пользы и ответственности за судьбу страны…»[18].

Некоторое время это мнение оставалось господствующим, всячески муссируясь в польской прессе. Однако новое руководство во главе с Э. Гереком заявило о сугубо экономических причинах общественного взрыва, в связи с чем председатель Главного правления Союза социалистической молодёжи А. Жабиньский заявил на пленуме этой организации 15 февраля 1971 г.: «Родившаяся в период декабрьских событий концепция о том, что именно "взбунтовавшаяся молодежь", а не объективные причины явились поводом для этих событий, была совершенно ошибочной, поскольку не возрастные особенности, а классовое чувство руководило поступками молодых рабочих, выражавших вместе со своими отцами и старшими братьями протест против стиля руководства и неправильных экономических решений… по этим же причинам участие в событиях принимала

[17] *Eisler J. Trepczyński S.* Grudzień'70. Wenątrz «Białego Domu». Warszawa, 1991. S. 100–102.

[18] Gomułka i inni. Dokumenty z archiwum KC. 1948–1982. Wstęp, wprowadzenia i przypisy J. Andrzejewski [A. Paczkowski]. Warszawa, 1986. S. 224.

часть членов ССМ, у которой чувство рабочей солидарности взяло верх над сознанием обязанностей и дисциплины члена организации…»[19].

Таким образом, послевоенный демографический взрыв явился существенным фактором усиления социальной напряженности в Польше на рубеже 1960-х – 1970-х гг. Негибкая политическая система, в которой отсутствовал отлаженный механизм смены кадров, вкупе с неэффективной экономикой, привели к нарастанию недовольства среди широких слоев польского населения, прежде всего молодежи. Процесс этот, начавшись в самом конце 1960-х гг., вылился в общественные взрывы 1968, 1970, 1976 и 1980 гг., в которых социальная неустроенность была столь же важной причиной акций протеста, как и ряд политических постулатов правящей элиты.

[19] АВП РФ Ф. 122. Оп. 56. П. 422. Д. 38. Л. 2.

Б.С. Орлов

Немецкая «оттепель» на фоне берлинской стены (Заметки очевидца)

Так получилось, что волею судеб, а точнее волею главного редактора «Известий» Алексея Ивановича Аджубея, я оказался в самом конце 1963 г. в ГДР в качестве корреспондента этой газеты. До этого я работал в немецкой редакции Московского радио и имел возможность на протяжении ряда лет общаться с приезжавшими в СССР гражданами ГДР, главным образом с членами разных делегаций, а также с туристами. Ну, а теперь представилась возможность своими глазами увидеть, как строится социализм на немецкой земле.

Известно, насколько субъективными могут быть оценки ситуации со стороны тех, кто видят одно и то же, но воспринимают происходящее далеко не одинаково. При всем том, что, описывая в репортажах обстановку в ГДР, я старался быть объективным, это было восприятие человека, – кстати, к тому времени уже достигшего возраста Христа (33 года), – который формировался в атмосфере, существовавшей в стране после 1945 г., то есть после победы над гитлеровской Германией, и особенно после смерти Сталина в 1953 г. и XX съезда КПСС (1956 г.). Я был убежден в том, что социализм представляет собой наиболее справедливый общественный строй, позволяющий человеку раскрывать его способности и устраивать жизнь в обстановке гуманности и справедливости.

Я, конечно, видел недостатки, существовавшие в нашей стране в разных областях жизни, особенно в деревнях, жителям которых только при Хрущеве, наконец-то, выдали паспорта, а до этого они были такими же крепостными, как их прадеды до реформ Александра II (1861 г.). Передо мной все отчетливее открывалась картина страшных преступлений в лагерях ГУЛАГа, но при этом я полагал, что все это объясняется, главным образом, неразвитостью общественных отношений, при которых большевики, придя к власти, начали строить новое общество. (Об этом, кстати, предупреждал один из наиболее уважаемых мною авторитетов Георгий Валентинович Плеханов – первый русский марксист и при этом наиболее острый критик Ленина еще до Октябрьского переворота 1917 г.).

Отсюда вывод, который, кстати, разделяли многие мои друзья: надо продвигаться в сторону подлинного социализма, возрождать демократические порядки и партии, к чему в свое время призывала Роза Люксембург, развивать культуру, образование, одним словом, заниматься просветительством – этим главным каналом влияния на

общество, к чему в предшествовавший период призывала русская интеллигенция. Деятельность Н.С. Хрущева на посту главного лица в партии как бы показывала, что для продвижения в эту сторону возможности есть. Одно то, что Хрущев осмелился публично осудить преступную деятельность Сталина – человека, который в глазах не только преобладающего большинства жителей страны, но и мировой общественности прогрессивного толка олицетворял высшее проявление мудрости, прозорливости, гениальности, свидетельствовало о том, что сложившаяся система поддается реформированию.

Период деятельности Хрущева, как правило, принято оценивать как «оттепель», используя название одного из рассказов писателя Ильи Эренбурга. Но в природе оттепель – это кратковременный период во время зимы. Глядя на происшедшее в тот период с позиций сегодняшнего дня, полагаю, что это было не только кратковременное размораживание системы, основанной на репрессиях. Верно, что после отставки Хрущева наступил период брежневского «застоя». Но самого Хрущева не расстреляли и не посадили, а дали возможность доживать свой век в роли пенсионера и даже надиктовывать мемуары. Да и к практике «большого террора» 1930-х гг. партийная бюрократия не могла, да и не хотела возвращаться.

Но изменения происходили не только в умонастроениях правящей номенклатуры. То, что крестьянам, наконец-то, выдали паспорта; что горожане получили возможность из «коммуналок» перебираться в пусть скромные, но отдельные квартиры пятиэтажек, строящихся в массовом порядке; что создание совнархозов вело к ослаблению жесткой плановой системы и формированию относительно самостоятельно действующей прослойки хозяйственников на местах; что в культурной жизни начался период небывалой популярности «толстых» литературных журналов, и поэт становился одной из знаковых фигур в общественном мнении – эти и другие явления создавали условия для формирования более свободного типа личности, все активнее задумывающегося о смысле и предназначении своего существования. Так что «оттепель» Хрущева, по существу, была прологом «Перестройки» Горбачева. Но об этом ниже.

Обо всем этом я подробно рассказываю, чтобы пояснить, с каким настроением и видением происходящего в стране я прибыл в ГДР, задавая для себя главный вопрос: как реализуются идеи социализма в промышленно развитой стране, наиболее пригодной, согласно марксистским установкам, для социалистических преобразований. А тем более, в условиях, когда после войны на территории Германии сложились две общественно-политические системы – капиталистиче-

ская и социалистическая, находящиеся в постоянной конкуренции друг с другом.

Более того, по существу, это была конкуренция не просто между Восточной и Западной Германией, но между двумя основными мировыми системами с их жестким идеологическим и военным противоборством. Генрих Гейне, описывая свое состояние, однажды выразился примерно так: трещина мира проходит через мое сердце. К моменту моего прибытия в Берлин «трещина мира» проходила, прежде всего, через Германию, и ее зримым проявлением была пресловутая Берлинская стена.

Примечательно, что в первые же дни приезда в Берлин я столкнулся именно с проблемой Берлинской стены. По прибытии я намеревался подготовить первую обстоятельную публикацию, или, иными словами, предъявить, так сказать, журналистскую визитную карточку, но не получилось. Приближались рождественские праздники, и бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт предложил властям ГДР разрешить родственникам из двух частей разделенного города посетить друг друга. Власти ГДР пошли на это. Видимо, не без согласия руководства СССР. Но, так или иначе, сквозь эту, казалось бы, на века выстроенную железобетонную плотину, да еще оплетенную колючей проволокой, потек пусть маленький, но живой ручеек человеческого общения. А мне пришлось срочно писать корреспонденцию о «берлинских пропусках» (Passierscheine).

Позже, уже будучи сотрудником ИНИОН и работая над политическим портретом Брандта[1], я понял, что это был его первый шаг в политике «малых шагов» по сближению немцев в разделенной стране, к которой в то время отнеслись скептически, но которая, в конце концов, оказалась эффективной. Присутствуя на съезде СДПГ в Западном Берлине в ноябре 1989 г., я услышал в выступлении Брандта ставшую широко известной фразу: «Теперь сращивается то, что принадлежит друг другу». И надо было так сложиться моей судьбе, что 9 ноября 1989 г. уже поздней ночью вместе с моими коллегами – социал-демократами я въехал в Восточный Берлин уже с другой стороны, через знаменитый пропускной пункт Чарли. Стена как знак непримиримой враждебности двух систем, двух миров и двух частей разделенного народа перестала существовать. До этого момента прошла, начиная с декабря 1963 г., четверть века. Но тогда, в самом начале

[1] *Орлов Б.С.* Общественно-политические взгляды Вилли Брандта: Научно-аналитический обзор. М., 1972.

журналистской деятельности в ГДР, мне было важно воспринимать историю с «берлинскими пропусками» как начало движения от состояния непримиримой идеологической враждебности к установлению пусть скромных, но именно человеческих контактов.

С таким настроением я и начал знакомиться с ГДР, освоив известинскую «Волгу» и совершая на ней поездки в разные концы республики. Со стороны властей, представленных прежде всего Отделом печати МИДа, я ощущал благожелательное отношение. Я прекрасно понимал главную причину такого отношения. Дело было не во мне, а в тех, кого я представляю. Прежде всего, главного редактора газеты А.И. Аджубея, а через него – аж самого Генерального секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, поскольку Аджубей был женат на его дочери Раде. Но, надо сказать, этим возможным каналом связи ГДР-овские власти не пользовались. Более того, они оказали мне журналистскую услугу: дали возможность встретиться с Максом и Анной Клаузенами. Супруги в свое время входили в группу Рихарда Зорге, когда тот представлял влиятельную немецкую газету в Токио, и Макс под кодовой кличкой «Рамзай» передавал разведывательную информацию в Москву. (Кстати, и информацию о дате нападения гитлеровской Германии на СССР, которую Зорге узнал от немецкого посла в Токио). Макс и Анна жили в Восточном Берлине под другой фамилией – скромные, приветливые люди. Очерк о них был помещен в «Известиях»[2].

Одним словом, я мог свободно ездить по стране и обращался в МИД лишь в тех случаях, когда нужно было устроить встречу с каким-то важным деятелем. Говорю это к тому, что лично я «под колпаком “Штази”» себя не чувствовал, хотя могу предположить, что некоторые мои контакты фиксировались. В частности, посещение корпункта «Известий» в Берлине на Ремервег штрассе Робертом Хавеманом, известным физиком, критически относящимся к происходящему в ГДР. По своим позициям он чем-то напоминал нашего Андрея Сахарова. Хавеман позвонил по телефону и спросил, не может ли он заехать. Я ответил согласием. За чашкой кофе он сказал, что хотел бы через Аджубея, который после поездки по Западной Германии возвращался через Берлин в Москву, передать письмо Хрущеву. В нем он делился своими соображениями о происходящем в ГДР. По этому поводу разразился скандал. Меня вызвали в Москву. Алексей Иванович в своем кабинете выслушал мои соображения («хороший

[2] *Орлов Б.* Центр слушает «Рамзая»: Встреча с Максом и Анной Клаузен – соратниками Рихарда Зорге // Известия. 30 сентября 1964 г.

журналист должен знать все, что происходит в стране его пребывания»), посоветовал вести себя дальше осмотрительнее и разрешил вернуться в Берлин. Примечательно, что со стороны властей ГДР никаких знаков неудовольствия происшедшим в мой адрес не было проявлено.

В Берлине я окунулся в довольно разнообразную культурную жизнь. Этим я обязан в первую очередь Херберту Бергнеру, главному редактору еженедельника «Вохенпост», которого я в свое время, работая на Московском радио, сопровождал в качестве переводчика в поездке по Средней Азии. Он познакомил меня с писателем Бруно Апицем, роман которого «Голый среди волков» – о мальчике, которого прятали узники нацистского концлагеря – был популярен в читательских кругах ГДР.

Несколько раз я встречался с писательницей Анной Зегерс, брал у нее интервью по поводу ее известного романа «Седьмой крест». Не менее известным был роман Эрвина-Штриттматери «Оле Бинкоп». Особое внимание привлекала к себе молодая писательница Криста Вольф, и прежде всего ее произведение «Расколотое небо» – о судьбах влюбленных, живущих в разделенной Германии.

В ГДР следили за литературной жизнью в Москве. Переводили на немецкий всякое – и серьезные работы, и вещи, которые можно было использовать в пропагандистских целях. Много разговоров было, например, вокруг романа Галины Николаевой «Битва в пути». А сейчас в России мало кто знает эту писательницу и этот роман!

Приезжал при мне в ГДР и Михаил Шолохов. Его принимал в резиденции на Вандлицзее сам Ульбрихт. Я присутствовал на этой встрече. Ульбрихт говорил о том, какую роль при проведении коллективизации в ГДР играл роман «Поднятая целина». Михаил Александрович слушал как-то задумчиво и все больше отмалчивался. Потом у Шолохова была встреча с немецкими писателями в одном из кафе. У меня было такое ощущение, что Шолохов без особого восторга воспринимал славословие в свой адрес и думал о чем-то своем.

Признаться, меня больше привлекала театральная жизнь. Прежде всего, театр Бертольда Брехта «Берлинский ансамбль». Я посетил практически все его спектакли, начиная с «Трехгрошовой оперы». Сама манера игры, призывающая зрителя не просто эмоционально переживать происходящее, а задумываться над сутью вещей, не совпадала с официальной пропагандой, построенной на абсолютной правильности проводимой властями политики. Не случайно, что режиссер Юрий Любимов поставил в Театре на Таганке брехтовский

спектакль «Добрый человек из Сезуана», руководствуясь примерно такими же побуждениями. И это тут же уловил московский зритель, в чем я убедился, присутствуя на московской постановке пьесы.

Мировой известностью славились спектакли режиссера Фельзенштейна в театре «Комише опер», особенно его спектакль «Сказки Гофмана».

При мне «Берлинский театр» по своей традиции напоминавший мне московский МХАТ, поставил пьесу Евгения Шварца «Дракон». Пьеса пользовалась особой популярностью: в ней прочитывались сатира на культ личности Ульбрихта.

В сатирическом театре «Дистель» ухитрились даже – пусть и косвенно – критиковать министра культуры. Одним словом, в те времена культурная жизнь в ГДР отнюдь не замыкалась на идеологической зарегламентированности, присущей тоталитарному режиму.

Для человека, приехавшего из Москвы, по-иному представала и политическая жизнь. Нас в СССР с малых лет приучали к тому, что мы живем в государстве трудящихся, интересы которых может представлять только одна партия – коммунистическая. А тут, наряду с Социалистической единой партией Германии (СЕПГ), действовали и христианские демократы, и либеральные демократы, и Крестьянская партия. Правда, очень скоро, наблюдая за деятельностью парламента – Народной палаты, я убедился в том, что имела место фактическая имитация многопартийной системы: всем заправляла СЕПГ, а точнее ее верхушка во главе с Ульбрихтом. Но чисто внешне все выглядело вполне благопристойно, «все, как у людей». Суть такой имитационной демократии – позволять играть в разные политические игры как угодно долго, держа при этом в своих руках основные нити управления.

Больше всего на меня произвела впечатление развернувшаяся кампания по внедрению «новой экономической системы». Ее суть заключалась в том, чтобы предоставлять максимум экономической самостоятельности на базе рыночных категорий предприятиям и, прежде всего, так называемым Объединениям народных предприятий. Такая самостоятельность предоставлялась и отдельным звеньям предприятий, включая бригады. Словом, внедрялась практика, про которую в свое время Ленин говорил: «Социализм – это учет». Но в данном случае имелся в виду учет, выражающийся в стоимостных категориях. С немецкой педантичностью осваивать эту систему принялись на всех предприятиях ГДР. На разных уровнях проводились всевозможные семинары, конференции. Главными учителями при этом были создатели системы Э. Апель и Г. Миттаг.

Могу сказать, что в немецком обществе в это время я наблюдал определенное воодушевление. Постоянно подчеркивалось, что по своему развитию ГДР входит в первую десятку промышленно развитых стран мира. И это при том, что по сравнению с Западной Германией по целому ряду сложившихся исторических причин Восточная Германия была преимущественно сельскохозяйственным районом. При мне состоялось открытие нефтепровода «Дружба», нитка которого протянулась из СССР до небольшого городка Шведт. При мне же строился новый город с прозаичным названием Айзенхюттенштадт (город железоплавильных печей) на базе металлургического завода. Позже скажут, что этого делать было не надо, что строительство означало лишь следование догматической установке, согласно которой каждая социалистическая страна должна была иметь свою металлургическую базу. Но в то время это воспринималось как проявление кипучей созидательной деятельности.

Я, разумеется, обо всем этом писал. В «Известиях» появилась моя статья с подробным рассказом о деятельности Объединения предприятий по производству пишущих машинок и другой техники. В том числе пишущей машинки «Эрика», которая надежно служила мне потом долгие годы.

В Эрфурте, центре объединения, я знакомился с деятельностью различных звеньев этой системы, потом написал очерк «Социалистический концерн». Это название я заимствовал из одного из выступлений Ульбрихта, и мне показалось, что оно точно отражает своеобразие ситуации – попытку соединить социалистические принципы хозяйствования и рыночные механизмы. Статья долго гуляла по кабинетам ЦК в Москве, потом ее решились все-таки опубликовать[3]. Факты, изложенные в статье, перекликались с примерно такими же поисками, которые велись в нашей стране и которые в яркой публицистической манере выразил мой приятель – известинец Геннадий Лисичкин в своей нашумевшей работе «План и рынок»[4].

Но меня интересовала не только экономика, но и образ жизни людей, условия жизни, культура быта. По сравнению с Советским Союзом, жители ГДР находились в более благоприятных условиях. Власти пытались извлечь урок из массовых выступлений рабочих 17 июня 1953 г., протестовавших, в первую очередь, против повышения

[3] *Орлов Б.* Социалистический концерн // Известия. 17 января 1965 г.
[4] *Лисичкин Г.С.* План и рынок. М., 1966.

норм выработки, когда для их усмирения пришлось выводить на улицы Берлина советские танки.

Вместе с тем существовал постоянный фактор давления – происходившее в Западной Германии. И традиционный вопрос: «В какой Германии немцу жить хорошо», естественно, волновал жителей ГДР, когда они тайком смотрели телевизионные передачи ФРГ, расспрашивали западных родственников, приезжавших в гости, видели, на каких машинах те приехали, во что одеты, какой марки у них приемник или магнитофон, и т.д. Так получилось, что на западных границах «социалистического содружества» именно ГДР играла главную роль «витрины социализма». Это обстоятельство постоянно приходилось учитывать и в Восточном Берлине, и в Москве, и, по возможности, доказывать преимущества социализма как общественного строя. В этом, на мой взгляд, одна из главных причин, по которой в ГДР существовала довольно развитая социальная система – от детских садов, спортивных площадок до льготных домов отдыха и возможности совершать туристические поездки в другие страны социализма, главным образом поближе к морю, в Болгарию. Содержать такую систему власти ГДР были в состоянии лишь при поддержке «большого брата» – Советского Союза, осуществлявшейся по разным каналам.

Кстати, одним из самых распространенных пропагандистских лозунгов в тогдашней ГДР был: «Учиться у Советского Союза – учиться побеждать». Украшая чуть ли не каждый забор, он, видимо, раздражал людей своей назойливостью. Я и сам говорил своим коллегам в личных беседах: не только вы, но и мы должны учиться у вас. Ну хотя бы дисциплине, аккуратности, устройству быта, умению рационально использовать существующие ресурсы и т.д. На меня смотрели как на человека, говорящего что-то крамольное. «Что вы, что вы, – возражали мне. – Вы ведь в космос первыми человека запустили, обогнав американцев».

Но мы в СССР не только Гагарина в небо послали... Наше руководство решило сместить главного возмутителя номенклатурного спокойствия и «отца» первой советской «оттепели». Тут же последовала реакция по цепочке: опала ждала людей, близких к Хрущеву, в том числе и А.И. Аджубея. Он был направлен рядовым сотрудником в малоизвестный журнал «Советский Союз». Лично для меня это означало, что я остаюсь без прикрытия и поддержки, особенно учитывая мои довольно сложные отношения с нашим послом в ГДР. Я попросил отозвать меня в Москву, что и произошло.

Ну, а в ГДР на прекращение «оттепели» в Москве реагировали соответственно: приходилось сворачивать, пусть робкие, начинания в разных областях культуры и, что самое существенное, приостанавливать введение новой экономической системы. На это по-разному отреагировали отцы экономической реформы. Г. Миттаг, срочно сворачивая реформаторские знамена, превращался в традиционного номенклатурщика высокого ранга. Один из самых способных деятелей ГДР Э. Апель окончил жизнь самоубийством.

Можно и так сказать: его выстрел поставил точку в процессе кратковременной ГДР-овской реформы.

Примечательно, что в трехтомнике «История Германии», подготовленном историками Кемеровского университета при поддержке коллег из Бохумского университета, в хронологической таблице в числе важных знаковых дат отмечено: «3 декабря 1965 г. – гибель председателя Государственной плановой комиссии ГДР Э. Апеля»[5].

Сторонникам же «оттепели» в Москве, Берлине и в других столицах социалистических стран оставалось размышлять над тем, как поступать дальше, осмысливать глубинные причины неудач и попрежнему задаваться главным вопросом: поддается ли реформированию социалистическая система или это дело безнадежное? Надо ли мириться со сложившимся положением вещей? И, наконец, что делать?

Разумеется, эта тематика активно обсуждалась в Отделе социалистических стран «Известий», где я стал работать после возвращения из Берлина. При этом особый интерес проявлялся к тому, что происходило в «самом веселом бараке соцлагеря», как окрестили западные журналисты Венгрию. Как далеко пойдет в своих реформах Янош Кадар, если вспомнить, чем закончились выступления венгров в 1956 году?

Но вот в информационных сообщениях ТАСС стали появляться пространные выдержки из статей в чехословацком журнале «Литерарны листы», в которых обсуждались разные аспекты взаимоотношений личности и общества при социализме. Появился и термин «социализм с человеческим лицом». Поначалу он вызывал сомнение. Почему именно «с человеческим лицом»? А без него возможен ли вообще социализм как таковой? Но вскоре к термину привыкли, как

[5] История Германии. Том. 2. От создания Германской империи до начала XXI века / Под общей редакцией Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2000. С. 576.

и к образной характеристике «Пражская весна». Под ними стали понимать совокупность реформ, проводившихся чехословацкими коммунистами.

И так вот получилось, что мне была предоставлена возможность своими глазами увидеть, что происходит на самом деле. В самом начале 1968 г. я получил приглашение газеты «Руде право» посетить страну по журналистскому обмену. Прибыв в Прагу, познакомился с главным редактором газеты Олдржихом Швесткой и другими сотрудниками газеты, а затем в течение двух недель разъезжал по городам и весям Чехии. То, что я увидел, как бы позволяло мне ответить на главный вопрос: в состоянии ли коммунистическая партия проводить реформы, которые ведут к соединению идей социализма с подлинной демократией, допускавшей наличие «инакомыслящих», если вспомнить известное выражение Розы Люксембург. В Чехии я окунулся в атмосферу воодушевления, открытости, свободного выражения мыслей. То была настоящая «Пражская весна» – весна надежд. Партия свободно дискутировала с людьми по всем интересующим общество проблемам. Мне рассказывали, что девочки из пригорода поджидают Дубчека у его дома, чтобы приветствовать букетиками полевых цветов. Мыслимо ли было такое на Кутузовском проспекте, где проживали советские вожди?

Словом, я возвращался в Москву окрыленный: то, что не удалось претворить в жизнь в ГДР, доведут до логического конца в Чехословакии. В «Известиях» я опубликовал ряд материалов на эту тему[6].

Но судьба недолго дала мне возможность пребывать в столь радостном состоянии. 20 августа 1968 г. меня вызвал к себе заведующий отделом Николай Григорьевич Новиков: «Срочно собирайся. Через два часа вылет с Чкаловского аэродрома. Полетишь в ГДР, а там ориентируйся по обстановке».

И вот самолет с группой журналистов садится на аэродроме возле Дрездена. Далее на автобусе едем до Фрайбурга. И уже оттуда – вперед на Прагу, либо следуя в танковой колонне, либо обгоняя ее.

То, как встречали пражане поздней ночью советские танки, – пожалуй, самое сильное потрясение в моей жизни. Гусеницами наших танков были раздавлены надежды на возможность социалистического обновления. Здесь, в Праге, закончилась моя журналистская

[6] *Орлов Б.* Судьба Мирослава. Репортаж о поездке в ЧССР // Известия. 24 января 1968 г.

деятельность. Писать, что мы пришли сюда с целью подавить контрреволюцию, значило перечеркнуть самого себя...

Но дело было не только во мне. Уже по возвращении в Москву в последнем разговоре с главным редактором «Известий» Львом Николаевичем Толкуновым состоялся короткий обмен мнениями, проходивший, в общем-то, в спокойных тонах. «Мы сейчас проигрываем тактически, – сказал Толкунов, имея в виду реакцию мировой общественности на наше вторжение в ЧССР. – Но стратегически мы выигрываем». «Совсем наоборот, – заметил я. – Может быть, мы тактически и выиграли, но стратегически это означает проигрыш, провал для всей коммунистической системы».

Так оно и получилось. Но на это понадобилось еще два десятка лет. Самое примечательное: импульс к такому ходу событий исходил из Москвы, от руководства партии, которая попыталась доделать то, что не удалось чешским реформаторам. Попытаться жить в условиях многопартийной демократии и экономической системы с включением в нее рыночных механизмов. В этом, собственно говоря, и была главная идея Перестройки М.С. Горбачева. А уж что получилось на самом деле, – вместо обновления социализма мы скатились к капитализму в его первоначальном диком варианте, – это уже не его вина, а беда, причем беда всего общества, которому с такими потерями приходится осваивать новую реальность.

Оглядываясь назад, мы видим, как в разных ситуациях поразному прослеживается противоречивая тенденция – следовать ценностным установкам провозглашенного социализма в условиях, когда возникающая в правящей партии номенклатурная прослойка пытается подмять под себя, затормозить этот процесс. НЭП начала 1920-х годов в советской России, XX съезд КПСС и разоблачение культа личности Сталина, слабая «немецкая оттепель» в середине 1960-х годов, реформы Кадара в Венгрии, «Пражская весна» 1968 г. и, наконец, Перестройка Горбачева (1986–1991) – это ведь инициативы, которые исходили от правящих коммунистических партий.

Уже после Праги размышляя, как жить дальше, чем заняться, приобщившись затем к научной деятельности, я мысленно не раз прикидывал, что произошло бы в ЧССР, если бы своими танками мы не сорвали реформаторский процесс. Провозглашая реальную многопартийность и рыночную экономику, партия должна была бы признать политическую конкуренцию с другими партиями, которые вовсе не хотели двигаться в сторону социализма. Фактически коммунисты ставили бы себя в положение социал-демократической партии,

вынужденной предлагать свой убедительный ответ избирателю. И вовсе не обязательно, что в этой конкурентной борьбе они бы выиграли.

Это, кстати, наглядно проявилось в ГДР, когда 18 марта 1990 г. в республике состоялись первые свободные выборы в Народную палату. Избирательный блок ХДС – «Альянс за Германию» получил более 48% голосов, вновь образованная Социал-демократическая партия – 20%, а СЕПГ вместе с отколовшейся от нее Партией демократического социализма – 16,3%[7].

Уже после объединения (1990 г.) на общегерманских выборах, а также на земельных выборах часть избирателей продолжала голосовать за левые партии, хотя, например, в Саксонии, которая в свое время поставляла партийные кадры правящей СЕПГ, на многие годы воцарились христианские демократы во главе с известным политиком Куртом Биденкорфом.

В эти годы обнаружилось, что несколько десятилетий, прожитых в Восточной Германии, сказались на поведении, образе жизни, мировоззренческих позициях ее населения. Появились неформальные характеристики тех, кто живет в Западной Германии («весси»), и в Восточной («осси»).

Более того, возникло явление, которому дали название «остальгия» – производное от явления «ностальгия», но в его восточногерманском варианте.

Спустя 15 лет после объединения Восточную Германию посетил редактор влиятельной «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Ф. Перганде, который, познакомившись с обстановкой, дал такое объяснение возникшей ситуации: «Граждане ГДР слишком привыкли к уравнительной повсеместной опеке социалистического государства, к тому, что рабочее место есть само собой разумеющееся, к государственной системе распределения жилья, к местам в яслях и детских садах и к единой школьной системе. В области экономики восточные немцы считали виноватыми “опекунов”, в социальной сфере – западных немцев»[8].

Обратил внимание Ф. Перганде и на проявление «остальгии». Он писал: «Молодые люди носят спортивно-тренировочные костюмы бывшей ГДР-овской армии, они охотно ездят на крошечных “трабантах”, которые в свое время называли “мыльницами” или “клопами”.

[7] История Германии. Том. 2. С. 500.

[8] *Перганде Ф.* Цветущие ландшафты, плохое настроение // Internationale Politik (на русском языке). 2005. № 5. С. 10–17.

Даже Ленин становится своего рода поп-звездой. Проявляется интерес к русским товарам, прежде всего к сувенирам»[9].

До сих пор не сложилось единого мнения относительно характеристики режима бывшей ГДР. Был ли он вариантом тоталитарной системы, которая пришла на смену нацистской, но с принципиально иной мотивацией? Один из теоретиков германской социал-демократии, долгие годы бывший директором Академии имени Густава Хайнемана во Фройденберге, Хорст Хайман определяет систему в ГДР как «реально существующий социализм», то есть как систему со всеми ее плюсами и минусами. Говорится и о «режиме правящей СЕПГ», о «государстве Штази», то есть службы госбезопасности, державшей под контролем жизнь всех граждан ГДР, о чем, кстати, свидетельствовали километровые полки с личными делами граждан ГДР, обнаруженные в зданиях Штази уже после объединения.

В каждой из этих характеристик фиксируется лишь один из признаков «ГДР-овской модели». Но они не раскрывают всей сложности процессов в стране, где после тотального поражения гитлеровской Германии народ не по своей воле оказался в разных зонах оккупации, а затем в двух конфронтационных общественно-политических системах.

Идеологическая мотивация режимов социалистической ориентации, предусматривающая создание таких условий, которые, согласно марксистским канонам, обеспечивали бы «всестороннее развитие личности в условиях социальной справедливости», побуждала руководящие звенья правящей партии продвигаться в этом направлении, создавая, помимо прочего, развитую социальную систему всеобщего образования и поощрения национальной культуры. В наиболее сложной ситуации оказалось руководство СЕПГ, поставленное перед необходимостью постоянно доказывать, что именно в Восточной Германии «немцу жить хорошо», и сверять свои решения проблем с тем, как к этому отнесутся в Москве.

Мне довелось работать в ГДР относительно короткое время, когда в условиях хрущевского десятилетия в конце 1950-х и первой половине 1960-х гг. руководство СЕПГ попыталось реализовать свой вариант «оттепели», рискнув сформулировать принципы «новой экономической системы» с включением в нее рыночных элементов. Но как только обстановка в Москве изменилась, партийная бюрократия в Восточном Берлине резко сменила курс.

[9] Там же.

Я вовсе не собирался выставлять в каком-то выгодном свете деятельность правящего режима в ГДР, который с одобрения Москвы пошел на сооружение в самом центре Европы опутанной колючей проволокой границы – «Берлинской стены». Парадокс заключается в том, что на ее фоне были предприняты попытки реализовать вариант «немецкого пути к социализму». Не замечать этого периода и ограничиваться происходившим в ГДР за сорок лет ее истории сухой констатацией существования «режима правящей СЕПГ» – значит упрощать сложные исторические процессы, происходивших на немецкой земле после окончания Второй мировой войны, а то и сводить их до уровня примитивных трактовок. Я счел своим долгом поделиться своими наблюдениями об увиденном в ГДР в эти годы и помянуть добрым словом тех, кто искренне полагал, что принимает участие в создании справедливого общества в лучших традициях немецких гуманистов.

Собрав часть очерков, написанных в этот период, в отдельной книге и дав ей название «Поиск в пути»[10], я косвенно полемизировал с названием упомянутой выше некогда популярной книги Г. Николаевой «Битва в пути». Искать решение проблем на пути реформ, а не путем битв с «классовыми противниками» в соответствии с идеологическими установками – таким представлялся мне тогда оптимальный вариант развития процессов, происходивших в ГДР. История вынесла свое решение. Поиск в ГДР прекратился. И теперь он продолжается уже в единой Германии в ходе противоборства различных политических сил со своими представлениями о будущем страны и народа, ее населяющего.

[10] *Орлов Б.* Поиск в пути. Очерки о Германской Демократической Республике. М., 1968.

М. Барат

Отклики в Венгрии на снятие Н.С. Хрущева

Снятие Н.С. Хрущева на заседании Центрального комитета КПСС 14 октября 1964 г. было для венгерского руководства неожиданным. Оно не располагало никакой информацией ни о подлинной причине отстранения советского лидера, ни о ходе заседаний Президиума ЦК КПСС и партийного пленума. Только 15 октября руководители братских партий получили информацию о прошедших изменениях в руководстве ЦК КПСС и избрании Л.И. Брежнева Первым секретарем*.

Во время пленума ЦК КПСС Я. Кадар находился в Польше, возглавляя партийно-правительственную делегацию. Телефонный звонок Брежнева в полдень 15 октября застал его в Новой Гуте. Новый руководитель КПСС, сообщая о решении пленума, сразу же постарался успокоить Кадара: изменений в советско-венгерских отношениях не будет, остается прежней и личная дружба.

В тот же вечер о событиях в Москве будапештскому руководству сообщил Ю.В. Андропов, а 16 октября – приехавший в венгерскую столицу на заседание Всемирного совета профсоюзов В.В. Гришин. К этому времени Кадар уже имел дополнительную информацию от посла СССР в Варшаве А.Б. Аристова[1] и считал необходимым, чтобы членов венгерского руководства проинформировал советский посол в Будапеште Г.А. Денисов.

Вечером 15 октября о происшедших изменениях в советском партийном и государственном руководстве стало известно секретарям Будапештского горкома и областных горкомов ВСРП. Секретарь ЦК ВСРП Б. Биску на оперативном совещании руководителей Министерства внутренних дел дал указание главе МВД А. Бенкеи привести в полную боевую готовность пограничные и внутренние войска, подразделения госбезопасности и полицию, поскольку «существуют враждебные элементы, которые в таких случаях стараются ловить рыбу в мутной воде»[2].

16 октября 1964 г. на заседании Политбюро ЦК ВСРП в отсутствие Кадара Б. Биску ознакомил руководство с полученной из Москвы информацией о ходе пленума ЦК КПСС и о принятых мерах

---

* С 1966 г. Л.И. Брежнев занимал пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

[1] Magyar Országos Levéltár (далее – MOL) (Венгерский Национальный архив) M-KS 288. f. 4. cs. 70. ő. e.

[2] Ibid. f. 5. cs. 346. ő. e.

безопасности. Перед заседанием Политбюро отдельно было проведено информационное совещание секретарей ЦК, которые, в свою очередь, довели важные новости до заведующих отделами ЦК и министров.

В сложившейся ситуации венгерское руководство волновали, в первую очередь, два вопроса: следует ли ожидать изменений в политической линии КПСС и была ли отставка Хрущева вызвана внешним давлением или такового не было? Поскольку предварительная информация не давала повода для беспокойства, то важное значение для «верхов» получил вопрос, как сообщить членам партии и населению страны о причинах снятия Хрущева. Из сообщений, поступавших в ЦК ВСРП, было очевидно, что общество ждет более подробной информации. Было также ясно, что в Венгрии снятие Хрущева нельзя объяснять, оперируя формулировками, рассчитанными на советского человека. Венгерское общество не смогло бы воспринять обвинение Хрущева в «нарушении ленинских норм» партийной жизни. Ведь венгры считали, что советский лидер много сделал именно для их восстановления, являясь инициатором ликвидации культа личности Сталина и последовательным борцом против последствий произвола сталинского периода.

Венгерское руководство оказалось в трудном положении. С учетом вышеназванных обстоятельств и, без преувеличения, огромной популярности Хрущева в Венгрии предстояло, информируя население, воздать должное попавшему в опалу лидеру и при этом, однако, следовать официальным оценкам советского руководства. Как высказался член Политбюро М. Шомоди, надо было найти такие формулировки, чтобы избежать их «исправлений» в дальнейшем. Центральный орган ВСРП газета «Непсабадшаг» уже 16 октября опубликовала сообщение ТАСС об освобождении Хрущева от занимаемых им должностей и о назначениях Брежнева и Косыгина. Однако подробная информация появилась только после публикации в «Правде» соответствующих официальных материалов.

16 октября в Бюро ЦК ВСРП поступили первые сообщения об откликах в стране на решения пленума ЦК КПСС. «Коммюнике ЦК КПСС и Верховного Совета [СССР] явилось огромной неожиданностью и глубоко поразило людей. Все говорили об этом; в трамваях, автобусах, на заводах, в учреждениях и магазинах это – главная тема разговора. В провинции в городах люди, собираясь группами, обсуждали вопрос отставки Хрущева. Царила полная растерянность; неосведомленность способствовала распространению разного рода слухов. Секретари первичных парторганизаций постоянно звонили в за-

водские, районные, уездные и городские комитеты [ВСРП], а те, в свою очередь, в областные комитеты, и просили предоставить свежую информацию. Сегодня до 12 часов дня на радиовещание позвонили более 60 человек, большинство просят, чтобы по радио сообщили что-нибудь успокаивающее. Люди испытывают огромную тревогу, на сердце тяжело: боятся, что не удастся сохранить мир, опасаются, что международное положение утратит стабильность, что усилится напряженность. Имя Хрущева для венгерской общественности слилось с понятием "мир"», – указывалось в одном из документов[3].

Из поступавшей с мест информации становилось очевидным, что никто не верил в официальные причины отставки. Одни справедливо замечали, что если Хрущев действительно был так стар и болен, как говорилось, то вряд ли он проявлял бы такую активность вплоть до последнего времени. Другие недоумевали: коль скоро Хрущев ушел со своего поста из-за болезни, то почему не оценили его заслуги по достоинству? Характерно, что большинство граждан говорили о *снятии* советского руководителя. Если же речь заходила об отставке, то она признавалась вынужденной. В частности, люди утверждали, что таким образом преследовалась цель облегчить переговоры с Китаем, урегулировать спорные вопросы в международном коммунистическом движении и восстановить его единство. Многие вообще считали, что снятие Хрущева произошло под давлением китайского руководства, для которого Хрущев был как «красная тряпка для быка». Китайцы якобы отказывались садиться за стол переговоров до тех пор, пока Хрущев находился на своем посту. Иногда решение «по Хрущеву» связывалось с внутренней ситуацией в Советском Союзе. Говорилось, в частности, о трудностях в экономике, особенно в сельском хозяйстве (не мог справиться с проблемами), о разногласиях в советском руководстве в связи с предстоящим визитом Хрущева в Германию (оппоненты Хрущева не желали этой поездки и поэтому отстранили его)[4].

И коммунистов, и беспартийных волновал вопрос, не изменится ли политическая линия КПСС и ВСРП. Некоторые ожидали, что либерализм Хрущева сменится более твердым и непреклонным курсом во внутренней и внешней политике Советского Союза и всего

[3] MOL M-KS 288. f. 5. cs. 346. ő. e. Документ опубл. в: *Baráth, Magdolna.* Kis októberi forradalom. Hruscsov leváltása és a magyar pártvezetés // Múltunk. 2007. 4. sz. 181–198.
[4] Ibid. 185.

«социалистического лагеря». Беспартийные опасались перемен в отношениях к себе. Волнения вызывали слухи и о том, что международное положение снова ухудшится, что советское руководство откажется от принципа мирного сосуществования, что восторжествует политическая линия китайцев. По этой причине, по мнению многих венгров, «провал» Хрущева будет способствовать приходу на пост президента США кандидата от Республиканской партии. В партийных кругах распространилось мнение, что если бы Хрущев подал в отставку тремя годами раньше, то удалось избежать разногласий в международном коммунистическом движении. Имелись и злорадствующие (Хрущев проиграл бой китайцам), и «шутники» (китайцы завоевали золотую медаль на Олимпийских играх, поскольку «Мао нокаутировал Хрущева»).

Диапазон мнений и версий дополняли слухи о том, что Хрущева сняли без его ведома, что он вместе с зятем Алексеем Аджубеем арестован и сослан на Кавказ, что своих постов лишились также главные редакторы газет «Правда» и «Известия» и председатель Радиокомитета[5].

Венгерское руководство понимало, что обществу требуется информация; в противном случае оно будет ориентироваться на западное радиовещание[6]. Политбюро ЦК ВСРП поручило И. Сирмаи на встрече с редакторами газет обсудить создавшееся положение и выработать общую позицию. Предполагалось учитывать «дух» передовой статьи «Правды», подчеркивать в публикациях, что основой политики КПСС и в дальнейшем будут являться решения XX и XXII съездов партии. Сирмаи рекомендовал хотя бы вкратце упомянуть о значении XX съезда и о том, что новое советское руководство неуклонно следует его курсом, а советский народ продолжает строительство коммунизма, выполняя принятую съездом программу. «Учитывая, прежде всего, наше общественное мнение и те отношения, которые за прошедшие годы сформировались между венгерскими коммунистами, венгерским народом и Коммунистической партией Советского Союза во главе с товарищем Хрущевым, я считаю, что нам в наших комментариях нужно сказать о нем в положительном плане. Думаю, что-то в таком смысле: мы желаем товарищу Хрущеву,

[5] Ibid.

[6] По информации Биску были случаи, когда владельцы радиоприемников ставили их на подоконник, включали на полную мощность и коллективно слушали передачи радиостанции Свободная Европа (MOL M-KS 288. f. 5. cs. 346. ő. e.).

имеющему огромные заслуги в деле ликвидации последствий страшного сталинского периода и в борьбе за мир, за мирное сосуществование, счастливых, долгих лет жизни и крепкого здоровья*. ...В одном-двух предложениях мы можем сказать и о том, что мы, венгры, с особым уважением и благодарностью вспоминаем о той помощи, которую оказали нам товарищ Хрущев и советский народ в 1956 г., в подавлении контрреволюции», – предлагал Сирмаи[7]. Он считал важным выразить доверие Советскому Союзу и КПСС. Однако, по его мнению, было необходимо также подчеркнуть, что изменения в руководстве КПСС не затронут политического курса ВСРП. «Ввиду того, что в обществе имеют место определенные оживления как справа, так и слева, считаю также своевременным заявить: мы и в дальнейшем продолжим нашу прежнюю политику, борьбу на два фронта, и впредь будем полагаться на коллективный опыт народа; мы отвергаем любые проявления догматизма и сектантства и продолжим борьбу против мелкобуржуазной расхлябанности, инертности, либерализма и пр.»[8].

Участники встречи согласились с предложением Сирмаи «солидно» упомянуть в прессе и о достоинствах Хрущева, даже если в позициях советской и венгерской сторон существуют отдельные расхождения в оценках. Такой подход учитывал бы настроения венгерского общества.

В передовой статье «Правды» за 17 октября 1964 г. имя Хрущева не упоминалось, об ошибках прежнего руководства говорилось следующее: «Ленинская партия – враг субьективизма и самотека в коммунистическом строительстве. Ей чужды прожектерство, скороспелые выводы и поспешные, оторванные от реальности решения и действия, хвастовство и пустозвонство, увлечение администрированием, нежелание считаться с тем, что уже выработали наука и практический опыт. Строительство коммунизма – дело живое, творческое, оно не терпит канцелярских методов, единоличных решений, игнорирования практического опыта масс»[9]. «Непсабадшаг» за 20 октяб-

* З. Комочин с этой формулировкой не согласился. Он считал издевкой в тогдашней ситуации желать Хрущеву долгой счастливой жизни и не сомневался, что по этому поводу в Будапеште сразу же появятся анекдоты.

[7] MOL M-KS 288. f. 5. cs. 346. ő. e.

[8] Ibid.

[9] Незыблемая ленинская генеральная линия КПСС // Правда. 17 октября 1964 г.

ря подробно аннотировала передовую статью «Правды», но процитированный выше абзац не приводился.

Позиция венгерского руководства была изложена в статье «Дальше по ленинскому пути», опубликованной в «Непсабадшаг» 17 октября. «Решения XX и XXII съездов [КПСС], – писала газета, – отражают основную историческую необходимость современности. Отряды международного коммунистического движения, в том числе и венгерские коммунисты, именно поэтому одобряют их, считают своим путеводителем заявления [совещаний] в Москве 1957 и 1960 годов и политику, в разработке которой большую роль сыграли Центральный комитет КПСС и товарищ Никита Хрущев»[10].

Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар возвратился в Будапешт из Варшавы 19 октября. Не известно, получил ли он к тому времени новую информацию об обстоятельствах снятия Хрущева. Выступая при встрече венгерской делегации на будапештском вокзале, бóльшую часть своей речи Кадар посвятил итогам визита венгерской партийно-правительственной делегации в Польшу, но в конце выступления он положительно высказался о Хрущеве и его политическом курсе, вступив тем самым в открытое противостояние с новым советским руководством. «На этой неделе произошли разные события. Одни очень нас обрадовали, но было и такое известие, которое поразило всех нас. Об этом я хотел бы сказать прямо и честно. Известно, что в Советском Союзе в высшем руководстве произошла кадровая перестановка. Товарища Хрущева, который, ссылаясь на свой возраст и неудовлетворительное состояние здоровья, просил освободить его от должности, освободили, и на его должности были назначены товарищи Брежнев и Косыгин. В каждой партии и в каждой стране такие решения – внутреннее дело данной партии и данной страны. *Я лично считаю, что товарищ Хрущев имеет очень большие заслуги в борьбе против культа личности Сталина, за сохранение мира во всем мире. Он боролся за мир* (здесь и далее курсив в оригинале. – *М.Б.*). Я считаю, что тысячи венгров, которые еще недавно, в этом году, здесь, в нашей стране, могли приветствовать и от всей души приветствовали товарища Хрущева, представителя великой Коммунистической партии Советского Союза, своего государства, народа и неустанного борца за мир, действовали правильно, и им не надо по этому поводу задумываться теперь, задним числом. Для нас является главным и решающим, что *политическая позиция Венгерской социалистической рабочей партии, правительства Венгерской Народной Республики в*

[10] Tovább a lenini úton // Népszabadság. 1964. október 17.

вопросах мира, мирного сосуществования, в стремлении к единству социалистических стран, в вопросах международного коммунистического движения ни на йоту не изменилась и не изменится и в дальнейшем»[11].

Открытое выступление Кадара, шедшее в известной степени в разрез с решением ЦК КПСС, объяснялось не только личной симпатией к опальному бывшему первому секретарю КПСС. В большей мере его волновал вопрос (по этому поводу Кадар не единожды высказывался в беседах с советским послом Г.А. Денисовым), останется ли прежним внутренний и внешний курс в СССР. 20 октября он говорил советскому дипломату: «Нам не было ясно, осталась ли прежней линия КПСС, выработанная XX и XXII сьездами КПСС, остается ли неизменным курс КПСС в борьбе с китайскими раскольниками и догматиками, остается ли прежней внешняя политика советского правительства. ... Нас волнуют события, происшедшие в Советском Союзе, не с позиции, кого и как освободили, хотя и это представляет определенный интерес для нас, а какой в будущем будет генеральная линия КПСС. То, чем живет КПСС, – это не внутреннее дело одной КПСС, а, как считают у нас, дело всего мирового коммунистического движения»[12].

Кадар, несомненно, принимал во внимание неблагоприятную для себя возможность активизации внутрипартийной оппозиции в том случае, если в Москве ведущие позиции займут сторонники твердого курса. Страх перед подобной перспективой преследовал Кадара, начиная с лета 1964 г. Именно в то время аппаратчики из ЦК КПСС интересовались, будет ли ЦК ВСРП возражать против поездки М. Ракоши на лечение в Кисловодск. Распорядившись передать в ЦК КПСС, что для решения вопроса следует получить заключение врачей, Кадар, по существу, дал понять советской стороне, что считает поездку Ракоши нежелательной. Однако из отдела ЦК КПСС сообщили, что врачебное заключение имеется[13].

---

[11] Hazaérkezett Lengyelországból a magyar párt- és kormányküldöttség. A delegáció fogadása a Nyugati pályaudvaron // Népszabadság. 1964. október 20.

[12] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 077. Оп. 47. П. 230. Д. 8.

[13] Из аппарата ЦК КПСС в Будапешт позвонил В.А. Крючков, сообщивший, что Ракоши в последнее время проявляет большую активность. Советская сторона опасалась, что он без ведома ЦК КПСС решится на отъезд из СССР,

Это вывело Кадара из равновесия, вызвав болезненную реакцию. Решив, что Москва действует преднамеренно, он рекомендовал И. Доби отклонить приглашение советской стороны на поездку в Кисловодск на лечение, чтобы избежать встречи там с Ракоши[14]. Заместитель министра иностранных дел К. Эрдеи в беседе с послом Г.А. Денисовым 27 ноября 1964 г. пояснил: Кадара беспокоит переданная ему заместителем министра образования и культуры ВНР Д. Ацелем информация, согласно которой интеллигенция поговаривает о возвращении Ракоши в страну и о том, что он будет «висеть над Кадаром»[15]. Надо признать, что опасения Кадара имели под собой основания, поскольку Ракоши действительно активизировал свои попытки добиться скорейшей отмены своей «ссылки». Сразу же после решения ЦК КПСС 14 октября 1964 г. он обратился с соответствующим письмом к венгерскому руководству. В письме Ракоши упомянул и о том, что он уведомил ЦК КПСС о полном согласии с его политической линией[16]. Это сильно обеспокоило Кадара и, по словам Эрдеи, напряжение спало только после встречи Кадара с Брежневым в ноябре 1964 г., на которой советский руководитель заверил, что для ЦК КПСС не существует «вопроса Ракоши» и что тот является «политическим трупом».

Изменения в партийном и государственном руководстве Советского Союза занимали венгерское общество и в дальнейшем. Вызывало удивление, что Брежнев, выступая на торжественном приеме в честь космонавтов*, никак, ни положительно ни отрицательно, не

обратившись с соответствующей просьбой в посольство какой-либо другой страны (MOL M-KS 288. f. 5. cs. 341. ő. e.).

[14] 25 августа 1964 г. Кадар информировал о своей беседе с Доби членов Политбюро. Одновременно он поручил секретарю ЦК ВСРП по международным делам сообщить в ЦК КПСС, что венгерское руководство считает неправильными «необдуманные мероприятия» в связи с отдыхом Доби в Кисловодске (MOL M-KS 288. f. 5. cs. 42. ő. e.).

[15] АВП РФ. Ф. 077. Оп 47. П. 230. Д. 8. Л. 341. В Будапеште якобы получили распространение «загадки», кто раньше вернется в Венгрию – Кадар из Польши или Ракоши из Советского Союза?

[16] MOL M-KS 288. f. 4. cs. 70. ő. e. Вопрос о Ракоши именно по этой причине фигурировал в записке, переданной Брежневу при первой встрече с Кадаром.

* 12 октября 1964 г. состоялся первый в мировой истории космонавтики полет многоместного космического корабля «Восход», во время которого экипаж в составе Владимира Комарова, Константина Феоктистова и Бориса Егорова впервые работал на орбите без скафандров (Прим. ред.).

отозвался о Хрущеве. Передовая статья «Правды», подчеркнувшая преемственность прежней советской внешней политики, не успокоила венгерское общественное мнение. При отсутствии достаточной информации расширился круг людей, слушающих западные радиостанции. Многие сравнивали отстранение В.М.Молотова, Н.А. Булганина и бывшего венгерского социал-демократа, члена Политбюро ЦК ВСРП Д. Марошана с отставкой Хрущева. Оживились слухи, что уход Хрущева явился ценой сближения с китайцами; другие связывали его с визитом А. Аджубея в ФРГ или с проблемами в советском сельском хозяйстве.

Вышеупомянутая речь Кадара по возвращении из Польши произвела сенсацию в кругах венгерской интеллигенции своей откровенностью и прямотой. Симпатия и доверие к нему возросли. Однако возник вопрос, выразил ли Кадар свое личное мнение или говорил от имени всего Политбюро? Не было сомнения, что венгерский лидер действительно намерен продолжать прежнюю политику, но слабо верилось в то, что он будет иметь такую возможность. Высказывалось мнение, что выступление в защиту Хрущева затруднит положение Кадара: «Мы не Польша, у нас советские войска дислоцируются в большом количестве, мы не можем иметь особую, отличную от Москвы, точку зрения даже по частным вопросам, в противном случае возникнет возможность вмешательства путчистского характера. ...В партийном аппарате осталось еще немало сектантов, которых смогут использовать, если в том возникнет необходимость»[17].

Вернувшись из Москвы, посол Г.А. Денисов 20 октября поделился с Кадаром новой информацией о происходящем в Москве, в частности, о заседании Президиума ЦК КПСС с участием советских послов, на котором им было поручено ознакомить братские партии с принятым решением «по Хрущеву». В тот же день Кадар на заседаниях Секретариата и Политбюро ЦК ВСРП довел новую информацию до сведения соратников, особо подчеркнув свое удовлетворение в связи с тем, что позиция советского руководства в полемике с китайским руководством не изменится и что у нового руководства нет намерений очернить Хрущева.

Видимо, еще перед беседой с Денисовым венгерское руководство приняло решение направить в Москву членов Политбюро Б. Биску и Д. Немеша с целью уточнения обстановки и получения до-

[17] MOL M-KS 288. f. 22. cs. 1964/8. ő. e.

полнительной информации. По просьбе Кадара посол сообщил в Москву о желании венгров встретиться с советским руководством. Это желание было удовлетворено: сразу по прибытии Биску и Немеш беседовали с М.А. Сусловым, А.П. Кириленко, Б.Н. Пономаревым и Л.Н. Толкуновым[18].

Биску откровенно сообщил советским руководителям, что в Венгрии население страны, в том числе и члены партии, не понимают причин снятия Хрущева вообще и, в частности, почему это сделано сейчас, а не раньше? Венгерское руководство, по словам Биску, считает вредной кампанию дискредитации Хрущева, потому что это снижает авторитет КПСС и, кроме того, ею в своих целях «может воспользоваться противник». Венгерские руководители, отметил Биску, поняли, что Хрущев нарушил принцип коллективного руководства, они не сомневаются в правильности принятого решения, но им не ясно, почему соратники Хрущева «слушали его, потупив глаза, почему молчали и не выражали своего несогласия с его действиями»[19]. Венгры высказали также недоумение по поводу обвинений Хрущева в насаждении собственного культа личности. Они считали ошибочным приравнивать его к культу личности Сталина. Такой подход, помимо прочего, затрудняет борьбу против культа личности Мао Цзэдуна и остатков культа личности Сталина. Исходя из вышесказанного, венгерская делегация подняла вопрос о возможности оставить Хрущева в составе Президиума ЦК КПСС.

М.А.Суслов на конкретных примерах объяснил причины, приведшие к снятию Хрущева, и подробно изложил ход заседания ЦК КПСС. Он старался успокоить венгров: советская сторона не намерена начинать кампанию критики Хрущева, поливать его грязью. Суслов заверил делегацию ВСРП в том, что речь идет не об изменении главного политического курса КПСС, а о его практическом осуществлении: «Главная линия [нашей партии] – ленинская линия, мы боролись, боремся и будем бороться за нее». Суслов подчеркнул также, что не изменится и внешнеполитический курс Советского Союза, направленный на укрепление братского сотрудничества с социалистическими странами: «Мы являемся вашими друзьями. Мы хотим ук-

[18] О встрече с представителями ВСРП Суслов 22 октября 1964 г. проинформировал членов Президиума ЦК КПСС (Подробнее см.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: в 3-ех томах. Том 1. Черновые протокольные записи заседений. Стенограммы / Глав. ред. А. А. Фурсенко/. М., 2004. С. 872.

[19] MOL M-KS 288. f. 4. cs. 70. ő. e. (Запись об этой встрече опубл. в: *Baráth, Magdolna.* Kis októberi forradalom... 199–209).

реплять нашу дружбу. Нашу дружбу ничто не может омрачить. Президиум, все его члены, поручили мне сообщить Вам это »[20].

Представители ВСРП, вернувшись из Москвы, информировали Политбюро о прошедшей встрече.

Одновременно с беседой в Москве на заседании Секретариата ЦК ВСРП 20 октября 1964 г. было принято решение изложить позицию венгерского руководства в письме, адресованном ЦК КПСС. «То откровенное, дружеское отношение и доверие, которое связывает нас с Коммунистической партией Советского Союза, делают возможным для нас дать товарищеские замечания по поводу снятия товарища Хрущева, способа его снятия», – говорилось в письме[21].

Обсуждение проекта указанного письма началось на заседании Секретариата и продолжилось на следующий день на заседании Политбюро, причем острота формулировок была местами несколько сглажена[22].

Венгерское руководство, не сомневаясь в правильности решения ЦК КПСС по существу, выразило, вместе с тем, несогласие со способом его обнародования. Венгры вновь подчеркнули, что ошибки Хрущева, изложенные советским руководством перед ЦК ВСРП, непосредственно не влияли на руководство венгерской партии, на венгерское общество. «Нашему обществу известна, в первую очередь, позитивная сторона деятельности товарища Хрущева – выработка линии XX съезда [КПСС], его роль в сохранении мира. Венгерский народ знает товарища Хрущева как человека, который относился с пониманием к нашим проблемам, который, будучи во главе советского народа и Коммунистической партии Советского Союза, много помогал нам, сыграл огромную роль в помощи, оказанной нам Коммунистической партией, советским государством, советским народом в подавлении контрреволюции. .... Большая роль и заслуги товарища Хрущева в ликвидации культа личности, беззакония, в формулировании политического курса XX и XXII съездов Коммунистической партии Советского Союза, в борьбе за мир вызывали уважение венгерского населения. Это было продемонстрировано на встречах товарища Хрущева с трудящимися Венгрии», – указывалось в

[20] *Baráth, Magdolna.* Op. cit. 205.
[21] MOL M-KS 288. f. 5. cs. 348. ő. e.
[22] Ibid. f. 7. cs. 218. ő. e.; f. 5. cs. 347. ő. e.

документе[23]. В Венгрии и других странах «социалистического лагеря» с бóльшим пониманием встретили бы сообщение об отставке Хрущева, если бы при этом признали и его заслуги.

На заседании Политбюро 21 октября 1964 г. Кадар упомянул о состоявшемся между ним и Брежневым в тот же день телефонном разговоре и приглашении посетить Советский Союз. По словам Кадара, из разговора он понял, что советская сторона испытывает «некоторую неопределенность», находится «в позиции защиты»[24]. Венгерский лидер сообщил также о своем решении принять приглашение Брежнева и посетить Москву в начале ноября.

24 октября 1964 г. Кадар встретился с Г.А. Денисовым и информировал его о закрытом пленуме ЦК ВСРП по вопросу об итогах пленума ЦК КПСС от 14 октября 1964 г., подчеркнув единодушие венгерских коммунистов. Объясняя различия в подходе к рассмотрению вопроса о Хрущеве между ЦК КПСС и ЦК ВСРП, Кадар особо остановился на причинах, по которым венгерское руководство решило в постановлении пленума ЦК ВСРП специально отметить положительные и отрицательные стороны деятельности Хрущева: «Это мы делаем для того, чтобы венгерский народ правильно нас понял, чтобы исключить неверные толкования этого вопроса. Наш народ видел в Н.С. Хрущеве только положительные стороны, а КПСС знала и его негативные стороны, которые не были известны членам ЦК ВСРП и венгерскому народу». КПСС имеет большой авторитет и влияние на международное коммунистическое движение, поэтому отсутствие в публикуемом постановлении ЦК КПСС подробного обоснования освобождения Хрущева и игнорирование его заслуг вызвали определенную реакцию в братских коммунистических партиях. Первый секретарь ЦК ВСРП просил передать новому советскому руководству, что «настоящие друзья КПСС остро отреагировали на постановление октябрьского пленума ЦК КПСС..., а ее недруги отнеслись к этому событию спокойно»[25].

Кадар, как и другие члены венгерского руководства, были обеспокоены также тем, что ошибки Хрущева расценивались как проявления нового культа личности: «Нам было бы более понятным говорить о личных ошибках, ошибках в методах управления. Хотя в ошибках проявились и определенные элементы [возвеличивания

[23] MOL M-KS 288. f. 5. cs. 348. ő. e. Письмо опубл. в: *Baráth, Magdolna.* Kis októberi forradalom... 209–212.
[24] Ibid. f. 5. cs. 347. ő. e.
[25] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 47. П. 230. Д. 8. Л. 312.

Хрущева], и опасность культа личности, мы все же считаем более целесообразным не подходить к этим явлениям как к культу личности. Если в общественном мнении с нашей помощью смешаются ошибки в управления и культ личности, проявления которого пока все еще наблюдаются в международном коммунистическом движении, то это осложнит борьбу с ними. В сознании нашего общества культ личности означает не только отсутствие партийной демократии и коллективного руководства, но и догматическую, оторванную от народа политику, нарушение законности, массовое уничтожение честных людей», – говорилось в письме[26].

Вручая Денисову для передачи письмо, адресованное Брежневу, Кадар вновь подчеркнул, что замечания ВСРП есть товарищеские замечания, «они идут от всей души и не содержат никаких задних мыслей»[27].

По всей вероятности, Кадар хорошо понимал, что Брежневу нелегко будет примириться с откровенным выступлением венгерского руководителя в защиту Хрущева. Вместе с тем он отдавал себе отчет, что из политических и экономических соображений вынужден поддерживать хорошие отношения с новым советским руководством. Перед отъездом в Советский Союз, 2 ноября 1964 г., Кадар на заседании Политбюро ознакомил собравшихся с тем кругом вопросов, которые хотел обсудить с Брежневым (венгерская позиция в связи с освобождением Хрущева от занимаемых постов, вопросы межпартийных отношений и международного коммунистического движения, внешнеполитический курс КПСС, советско-венгерские отношения и сотрудничество). Перед членами Политбюро он не скрывал и свою личную проблему: «Мне очень трудно разговаривать с товарищами Брежневым, Косыгиным, Микояном и другими руководящими товарищами о дружбе и подобных вещах, поскольку я не могу быть с ними полностью прямым и искренним». Именно поэтому он хотел выразить, что его мнение о Хрущеве не изменилось: «Масса тех ошибок в деятельности товарища Хрущева, информация о которых получена в последнее время, не изменит то, что я продолжаю уважать его за его положительную и огромную деятельность, развернутую ради главного курса XX съезда, ради мирного сосуществования, и особен-

[26] MOL M-KS 288. f. 5. cs. 348. ő. e. Опубл. в: *Baráth, Magdolna.* Kis októberi forradalom... 211.
[27] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 47. П. 230. Д. 8. Л. 314.

но за все сделанное для венгерского народа, для укрепления советско-венгерской дружбы»[28].

Зная о разногласиях в советском руководстве в начале октября 1956 – весной 1957 г., касающихся его личности, а также о сохранении в новом составе Президиума ЦК КПСС отдельных лиц, которые раньше высказывались против него[29], Кадар стремился выяснить, не лишен ли он политического доверия Москвы. Более того, он считал нужным поднять этот вопрос даже в том случае, если «это в настоящий момент мешало бы нашим отношениям с советскими товарищами»[30].

Кадар информировал членов Политбюро и о том что, через два–три дня после сообщения о снятия Хрущева посла Венгрии в Москве Й. Сипку посетил сотрудник Госполитиздата и сообщил, что в сборнике речей и выступлений Кадара, подготовленном к изданию в Советском Союзе, слишком часто упоминается имя Хрущева. Было предложено «почистить» текст, убрав часть упоминаний, в связи с чем Кадар даже раздумывал об отзыве рукописи из издательства[31]. Желание продемонстрировать свои симпатии к бывшему первому секретарю ЦК КПСС проявилось и в том, что, отправляясь в Советский Союз с официальным визитом, Кадар взял с собой ящик любимых Хрущевым венгерских яблок. Среди подарков, предназначенных для советских руководителей, имелся пакет и для Нины Петровны Хрущевой. (Получая пакет, сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Иванов был так удивлен, что, вероятно, не веря глазам своим, даже снял очки)[32].

Переговоры между Кадаром и Брежневым состоялись 7 и 10 ноября 1964 г. Поскольку записка с предложениями Кадара о возможных темах обсуждения была передана советскому лидеру только во время первой встречи, обмен мнениями о связях между двумя партиями, по существу, имел место при второй встрече. Информируя членов Политбюро ЦК ВСРП 17 ноября 1964 г. о переговорах в Москве, Кадар отметил, что атмосфера встречи дала возможность поднять весьма деликатные и субъективные вопросы. По его словам, со-

[28] Ibid. MOL M-KS 288. f. 5. cs. 349. ő. e.

[29] Кадар назвал имя М.С. Суслова, поддержавшего Ракоши в 1951 г. во время процесса против Кадара и Каллаи и защищавшего Ракоши весной 1956 и в 1957 гг.

[30] MOL M-KS 288. f. 5. cs. 349. ő. e.

[31] Ibid.

[32] Ibid. 351. ő. e.

ветская сторона с удовлетворением восприняла заявление, что руководство ВСРП не хочет далее заниматься вопросом о снятии Хрущева. Тем не менее, никто в венгерском руководстве не сомневался в верности констатации З. Комочина на закрытом заседании Политбюро ЦК ВСРП: трудно будет добиться «восстановления того полного согласия, которое существовало до сих пор в советско-венгерских отношениях, поскольку эта гармония в определенной степени ослабеет»[33].

Однако Кадар не был склонен к открытой самокритике, к отказу от прежних оценок, высказанных непосредственно после возвращения из Польши. Не исключено, что К. Эрдеи, заместитель министра иностранных дел Венгрии, с первых дней ноября 1956 г. принимавший участие почти во всех встречах Кадара с советскими лидерами, с ведома и одобрения, а может быть даже по просьбе, первого секретаря ЦК ВСРП, встретился 27 ноября с послом Г.А. Денисовым. Из дневника советского посла следует, что Эрдеи в строго доверительном порядке сообщил об исключительно сильном положительном впечатлении Кадара от встречи с новым руководством КПСС. Судя по записи, у Денисова сложилось впечатление, будто Эрдеи стремился смягчить резкость прежних высказываний Кадара и даже оправдаться от его имени. Венгерский дипломат утверждал, что Б. Биску, Д. Немеш, Ш. Гашпар и И. Сирмаи на закрытом заседании Политбюро, осудив постановление октябрьского пленума ЦК КПСС, «оказали сильный нажим на тов. Кадара, как во время разговора с ним по телефону, когда он был в Польше, так и по возвращении его в Венгрию»[34].

Однако надо отметить, что все сказанное Эрдеи не соответствует действительности. Пока не известно, почему он представил дело так и почему именно указанные лица стали «козлами отпущения». Во всяком случае, можно предположить, что информация Эрдеи давала возможность Кадару отказаться от своих прежних высказываний без потери престижа. Миссия Эрдеи принесла результат. Буквально через день после беседы Денисов сообщил Кадару о том, что Брежнев и Подгорный в целях укрепления личных контактов с руководителями ЦК ВСРП и венгерского правительства приняли приглашение приехать в Венгрию на один–два дня поохотиться. Кадар выразил благодарность за внимание, оказанное ЦК КПСС венгерской партии, и по-

[33] Ibid. 349. ő. e.
[34] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 47. П. 230. Д. 8. Л. 340.

ставил в известность советского посла, что венгерское руководство считает вопрос о Хрущеве закрытым[35].

[35] Там же. Л. 344.

А.С. Стыкалин

В. Гомулка: «Мы довольны решением ЦК КПСС о т. Хрущеве...»

Предлагаемый вниманию читателей документ из фондов ЦК КПСС, хранящийся ныне в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), относится к октябрю 1964 г. Сместив на октябрьском пленуме Н.С. Хрущева, руководство КПСС во главе с новым первым секретарем ЦК Л.И. Брежневым встало перед необходимостью информировать лидеров социалистических стран о мотивах произошедшего верхушечного переворота. Среди тех зарубежных коммунистических лидеров, встрече с которыми придавалось особое значение, был руководитель Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) В. Гомулка – не только по причине того, что за его спиной стояла 30-миллионная страна, с которой СССР (Россию) издавна связывали очень непростые отношения, но и в силу особенностей его политического имиджа.

В конце 1940-х гг. Гомулка, хотя и был человеком, прошедшим должную коминтерновскую выучку, вызывал немалое раздражение в Кремле своим слабым соответствием формировавшимся канонам руководителя «братской партии», подотчетной Сталину и Коминформбюро. Так, вопреки давлению Москвы он упорно продолжал отстаивать свою концепцию «польского пути к социализму» даже в первые месяцы после начала открытого конфликта Сталина с Тито летом 1948 г., ставшего грозным предупреждением для всех лидеров стран «народной демократии». Предпочтение в Кремле было отдано Б. Беруту, проявившему гораздо большую готовность смириться с крайне незавидной для польского политика ролью московского вассала. Гомулка был обвинен в «правонационалистическом уклоне» и оказался на время вне большой политики. Исключенный в конце концов из партии и проведший более трех лет (до декабря 1954 г.) под арестом, Гомулка был, однако, востребован польской нацией позже, осенью 1956 г., в условиях глубокого кризиса всей системы. Всего через два месяца после восстановления Гомулки в партии волна общественного подъема вынесла его на пост первого секретаря ЦК ПОРП. Решительно выступив тогда за равноправие польско-советских отношений, настояв на удалении из силовых структур ПНР большой группы советских советников и их польских ставленников, Гомулка сумел значительно разрядить обстановку, нейтрализовать грозившие обернуться мощным взрывом антикоммунистические и антисоветские настроения в Польше. «В первый раз со времени своего возникновения

польский коммунизм освободился от обвинений в том, что является российской марионеткой, обреченной на вечный и непримиримый конфликт с польскими национальными устремлениями... В первый раз за свою долгую, переменчивую и трагическую карьеру польский коммунизм взял на себя роль выразителя национальных устремлений к независимости и свободе», – писал в те дни на страницах журнала «Скотсмэн» уроженец Польши, выдающийся британский левый политолог И. Дойчер[1].

При том, что за Гомулкой в глазах Москвы закрепилась стойкая репутация «правонационалистического уклониста», Н.С. Хрущев и его окружение сумели осознать (или, по крайней мере, почувствовать), что из всей коммунистической элиты Польши только он и его сторонники из таких же «национал-уклонистов» смогут облечь идею социализма в «упаковку», хоть сколько-нибудь привлекательную с точки зрения польского национального сознания. В варшавском Бельведере также были готовы пойти на компромисс. И ялтинско-потсдамские договоренности 1945 г., и подписанный в Варшаве в мае 1955 г. договор об образовании нового военного блока – Организации Варшавского Договора – воспринимались Гомулкой, отнюдь небезосновательно, как гаранты сохранения незыблемости той системы международных отношений, которая смогла обеспечить для польской нации максимально благоприятное в новейшее время геополитическое пространство. Свою безусловную верность союзническим обязательствам Польши он подтвердил в начале ноября 1956 г., когда публично выразил несогласие с планами советского военного вмешательства в Венгрии, а через две недели и на переговорах в Москве.

Между тем, завоевания польского октября 1956 г. не получили институционального закрепления, и в течение считанных лет произошел откат к хотя и не слишком тиранической, но все же весьма неэффективной административно-бюрократической модели социализма. Летом 1958 г. Гомулка довольно спокойно смирился с фактом казни И. Надя, хотя еще за год до этого активно выражал несогласие в связи с началом судебного расследования. Внешняя политика перекликалась с внутренней: наносится удар по собственным партийным «либералам» и внепартийным интеллигентам, воспринявшим идеи XX съезда КПСС как призыв к глубинному реформированию существующей системы на основе подлинной демократизации. К середине 1960-х гг. «Народная Польша» все более соответствует статусу рядо-

[1] Цит. по: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 95.

вого члена «социалистического содружества». Сохранявшийся видимый флер некоторого «либерализма» и открытости в культурной политике испарился, как только обозначилась реальная угроза позициям партократии: достаточно вспомнить о том, что в 1968 г. страну вынуждены были покинуть многие видные интеллектуалы еврейского происхождения. Расстрел рабочих выступлений в Гданьске в конце 1970 г. ознаменовал собой бесславный конец режима Гомулки.

За два года до этого польский лидер сыграл весьма нелицеприятную роль в событиях вокруг «Пражской весны», будучи в числе вдохновителей военной интервенции 21 августа 1968 г. На его позицию проливают свет и введенные в научный оборот записи нескольких встреч лидеров социалистических стран[2], и некоторые другие источники, в том числе мемуары. Так, генерал армии А. Майоров, в августе 1968 г. выполнявший одну из ключевых функций при осуществлении военной операции в Чехословакии, вспоминает, как за считанные дни до вторжения лидер ПОРП, предпочитавший получать информацию из первых рук, пожелал принять у себя советского командарма, недавно участвовавшего в маневрах войск ОВД на чехословацкой территории, и внимательно выслушал его сообщение о внутриполитическом положении в стране[3]. Пером мемуариста Гомулка превращен в прожженного, ловкого, весьма циничного политика, в котором заносчивость и презрение к толпе сочетались, впрочем, с неплохой интуицией и способностью достаточно трезво оценивать обстановку, делая надлежащие выводы для собственной безопасности. По всей вероятности, вынесенное из беседы заключение о том, что «швейки» не окажут серьезного сопротивления объединенным вооруженным силам Варшавского Договора, вызвало у польского лидера удовлетворение. Беседуя с советским эмиссаром рангом ниже себя, Гомулка, кстати сказать, не отказал себе в удовольствии пустить несколько шпилек в адрес русского генерала, чьи предки, казаки, в свое время «пролили немало крови польской».

Что же касается событий октября 1964 г., советских лидеров занимала позиция, конечно, не только Гомулки, но и других восточ-

---

[2] *Латыш М.В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998.

[3] *Майоров А.М.* Вторжение. Чехословакия 1968. Свидетельства командарма. М., 1998.

ноевропейских руководителей, особенно тех, кто в той или иной мере проявлял самостоятельность во внешней политике – Й. Броз Тито, Г. Георгиу-Дежа. Интересовала Москву и позиция венгерского лидера Я. Кадара, с конца 1950-х гг. находившегося в особенно тесных, доверительных отношениях с Хрущевым. Весть о снятии Хрущева застала Кадара как раз в Варшаве, где тот встречался с Гомулкой. По возвращении на родину 19 октября венгерский лидер выступил на митинге на привокзальной площади Будапешта. Он заявил, что удивлен вестью, пришедшей из Москвы, высоко оценил заслуги Хрущева, добавив, впрочем, что руководство Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) готово работать со всеми, кого изберет советский народ. Публичное несогласие Кадара с дворцовым переворотом в Москве на следующий день стало темой комментариев западной прессы. Президиуму ЦК пришлось срочно командировать в Будапешт опытного М.А. Суслова. В беседе с влиятельным советским функционером Кадар выразил озабоченность произошедшим, не скрыл опасений по поводу возможной смены курса, призвал к сдержанности в отношении к Хрущеву[4]. В целях установления более неформальных связей с венгерским лидером Л.И. Брежнев и Н.В. Под-

[4] Выполненная зав. общим отделом ЦК В.Н. Малиным обрывочная запись выступления М.А. Суслова на Президиуме ЦК КПСС 22 октября в полной мере отражает опасения и пожелания Я. Кадара: «Сурово [критиковали Хрущева], не сказали о заслугах. Неожиданно. [Спросили] не вносим ли мы изменения в политику и в вопросе о культе личности [Сталина]. Просили: начнется проработка Хрущева, не проводить ее, не говорить в печати – вот был культ Сталина, вот культ Хрущева» (См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004. С. 872). Реакция Кадара на снятие Хрущева нашла отражение также в донесениях посла СССР в Венгрии Г.А. Денисова (См. публикацию (в венгерском переводе) документов из Архива внешней политики России: *Baráth M.* Kádár, Hruschov, Brezsnyev. Szovjet külügyi dokumentumok a magyar pártvezetés reakciójáról Ny. Sz. Hruschov leváltására // Történelmi Szemle. Bp., 2003. № 3–4). Кадар дал понять послу, что возможная перемена курса – не внутреннее дело КПСС, а проблема всего мирового коммунистического движения. В письме от имени Политбюро ЦК ВСРП, адресованном в ЦК КПСС, не подвергалось сомнению право КПСС решать свои кадровые вопросы без консультации с союзниками, содержались заверения в неизменности дружеских отношений, но в то же время отмечалось, что венгерское общество знает Хрущева, прежде всего, с положительной стороны (*Földes Gy*. Kádár és Hruschov. Barátság felső fokon //Rubicón. Bp., 2000. № 7–8).

горный посетили в феврале 1965 г. Венгрию, побывали с Кадаром на охоте. Обязанный Хрущеву своим возвышением, Кадар, однако, после вполне удавшейся февральской встречи оказывал знаки внимания опальному руководителю КПСС, что было делом совершенно необычным с точки зрения практики межпартийных связей и вызывало раздражение Брежнева и его окружения[5]

В реакции лидеров Польши и Венгрии на снятие Хрущева нашли отражение векторы эволюции двух коммунистических режимов. Уроки, извлеченные венгерской коммунистической элитой из «национальной трагедии» 1956 г., определили в целом компромиссный характер ее внутренней и внешней политики на протяжении последующих трех десятилетий. Свидетель венгерской революции польский публицист и поэт В. Ворошильский в послесловии к своему знаменитому «Венгерскому дневнику», написанному 20 лет спустя, в середине 1970-х гг., имел все основания заметить: «С течением лет террор в Венгрии ослаб, обнаружился и исторический парадокс: в то время как обожаемый в Октябре (1956 г. – *А.С.*) “вождь нации” Гомулка постепенно загонял страну в состояние все большей политической и экономической зависимости от СССР, растущего угнетения, нищеты и лжи – ненавидимый (и справедливо) Кадар как бы искал пути выхода из ловушки, довольно успешно пускался в экономические эксперименты, умеренно либерализировал режим, стремился прийти к соглашению с народом и его интеллигенцией»[6]. На каждом из этих двух, названных Ворошильским, незаурядных коммунистических политиков лежало, по выражению И. Дойчера, клеймо «Made in Stalinism», и каждый из них был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму, как он его понимал. Однако общая тенденция эволюции двух режимов была схвачена польским публицистом довольно точно. В Польше относительный успех национально ориентированных, реформаторских сил в октябре 1956 г. не был закреплен подлинным реформированием системы, что обусловило попятное движение. В Венгрии с начала 1960-х гг. режим неуклонно развивался по пути либерализации, причем процесс этот не был остановлен и вступлением СССР в брежневскую эпоху. Во второй половине 1960-х гг. в основном формируется та специфиче-

[5] Kádár János utolsó küldeménye N.Sz. Hruschov részére // Levéltári Szemle. Bp., 1996. № 3.

[6] *Ворошильский В.* Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. N. 4. С. 145–146.

ская венгерская либерально-прагматическая модель социализма, которая на протяжении почти двух десятилетий служила своего рода витриной «социалистического содружества». И в этой связи вполне закономерен вопрос, которым задавался В. Ворошильский: может быть, «именно восстание, хоть и проигранное, на более длительный срок создало условия, в которых правители считают менее рискованным обращаться к народу с жестами примирения, нежели вечно завинчивать гайки?»[7]

Гомулка воспринял отставку Хрущева совсем не так, как Кадар (значительное изменение польским лидером своего политического лица за восемь лет, с октября 1956 г. по октябрь 1964 г., находит в публикуемом ниже документе наглядное отражение). Об опасениях ресталинизации в СССР на его встрече с советскими руководителями речи не было. Напротив. Человек, который в октябре 1956 г. был для многих поляков символом борьбы за национальный суверенитет и против сталинского наследия, теперь упрекает Хрущева за то, что тот толкает Польшу в объятия империалистов, проявляет излишнюю активность в публичной критике Сталина, давая тем самым сильное оружие в руки польских оппозиционеров. Показательна критика лидером ПОРП руководства итальянской компартии за «опасные ликвидаторские тенденции», а в сущности именно за последовательность в осуждении сталинских методов. Впрочем, Гомулка вероятно был не до конца искренен, за его словами проглядывает и обида на то, что Польше не были предоставлены ожидавшиеся кредиты, и прагматический расчет[8].

Претензии Гомулки к Хрущеву (часто обоснованные) во многом перекликаются с тем, что говорилось в его адрес на октябрьском пленуме, – о непоследовательности внешнеполитического курса, о явно авантюристических шагах (в частности, в период Карибского кризиса), о непродуманности внутренних реформ. Подобно Брежневу и его окружению, польский лидер был движим заботой о повышении эффективности складывавшейся в СССР административно-бюрократической системы «зрелого социализма», предсказуемости в функционировании ее основополагающих механизмов, что было важно для руководителя союзнического государства.

---

[7] Там же.

[8] Подробнее о позиции польского лидера см.: *M.Tomala.* Informacja Władysława Gomułki, 1 sekretarza KC PZPR, o przyczynach zwolnienia N.S. Chruszczowa ze stanowisk partyjnych I rządowych, złożona na plenum KC PZPR // Dzieje Najnowsze. Rocznik XXX. 1998. № 1.

Эволюция взглядов Гомулки по сравнению с октябрем 1956 г.[9], изменив в негативную сторону его имидж в глазах миллионов поляков, не сделала его, однако, «своим» для официальной Москвы. Брежнев, хотя в целом и мог положиться на Гомулку во внешнеполитическом плане, не любил его: резкость и прямота критических высказываний польского лидера в адрес КПСС нередко выводили генсека из благостного состояния. События декабря 1970 г. в Гданьске предоставили Брежневу повод для того, чтобы помочь польской коммунистической элите спихнуть все более неудобного и для нее, и для Кремля лидера, с которым у Генерального секретаря ЦК КПСС так никогда и не сложились сколько-нибудь доверительные отношения[10].

Записка Л.И. Брежнева, А.Н. Косыгина, Ю.В. Андропова в ЦК КПСС о беседе с делегацией ПОРП

Москва, 27 октября 1964 г.

ЦК КПСС

В соответствии с решением 24 октября имели встречу с тт. Гомулкой, Циранкевичем и Клишко[11]. Беседа продолжалась более 4-х

[9] Показательно выступление В. Гомулки на VIII пленуме ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.): «XX съезд КПСС стал стимулом поворота в жизни страны. Живительная, здоровая струя всколыхнула партийцев, рабочий класс, всю общественность. Люди начали выпрямлять плечи. Молчащие, приневоленные умы начали освобождаться от отравляющего угара лжи, фальши и лицемерия. Деревянную речь, заполнявшую партийные трибуны и публичные кафедры, а также страницы печати, начало вытеснять живое творческое слово. Иногда звучал и фальшивый тон. Но не этот тон давал направление. Широкой волной разлилась критика прошлого. Критика насилий, извращений и ошибок, которые не обошли ни одной области жизни» (Цит. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 169. Л. 126).

[10] См.: *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1992. С.459–463.

[11] Решение о встрече представителей КПСС с представителями ПОРП было принято на заседании Президиума ЦК КПСС 22 октября. Участники заседания наметили круг проблем, которые, по всей вероятности, затронут в ходе беседы польские лидеры, были продуманы ответы на возможные вопросы (См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Протокол 166а. Пункт Iб. О встрече с т. Гомулкой и возможные вопросы М., 2003. С.872–873). Поста-

часов и проходила в очень хорошей обстановке[12]. Как мы, так и польские товарищи, откровенно высказали свои мнения по вопросам, возникшим в связи с решениями октябрьского Пленума ЦК КПСС.

Мы информировали руководителей ПОРП о положении, создавшемся в последнее время в ЦК КПСС в связи с неправильными действиями и ошибками т. Хрущева. Рассказали об обсуждении этого вопроса на заседании Президиума и Пленума ЦК КПСС[13]. Подчеркнули полное единодушие Президиума и всего Центрального Комитета при решении вопроса о т. Хрущеве, а также ту полную поддержку, которую решение Пленума получило в партии и в народе[14].

Тов. Гомулка, выслушав наше сообщение, сказал: мы довольны решением ЦК КПСС о т. Хрущеве и считаем это решение совершенно правильным. Лично у меня, сказал т. Гомулка, на протяжении ряда лет были довольно тесные отношения с т. Хрущевым. Мы часто встречались и беседовали. Но при этом не было возможности действительно по-товарищески обсуждать вопросы. Хрущев не любил, когда ему возражали, был нетерпим к мнениям других товарищей. Вся-

---

новление Президиума ЦК КПСС уполномочило первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина и секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова обсудить с представителями ПОРП вопросы дальнейшего развития отношений между двумя партиями, а также всестороннего сотрудничества СССР и ПНР. Как явствует из публикуемой записки о ходе встречи, многие из ожидавшихся членами Президиума ЦК КПСС вопросов действительно были поставлены польской стороной.

[12] Встреча состоялась близ польско-советской границы, в районе Беловежской пущи. Как отмечалось в «Правде» 26 октября, она прошла «в обстановке дружбы, сердечности и полного единства взглядов».

[13] См. рабочую запись заседания Президиума ЦК КПСС от 13–14 октября, выполненную зав. общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малиным (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С. 862–872. Опубл. в: Источник. 1998. № 2. С. 125–135. Публикацию материалов октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС см.: Исторический архив. 1993. № 1. С. 3–19).

[14] Российский историк Ю.В. Аксютин, изучивший общественные настроения в СССР в связи с отставкой Хрущева (главным образом, на основе более поздних опросов), пришел к выводу о неоднозначной реакции граждан на это событие. Он показывает, что в обществе существовали реальные опасения политического похолодания, частичного отката к сталинским методам (*Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 466–475).

кий раз, когда мы пытались говорить с ним по вопросам, где наши взгляды не совпадали, он реагировал нервно и грубо[15].

Мы уже давно были недовольны тем, что между социалистическими странами не проводятся консультации по вопросам внешней политики[16]. Тов. Хрущев выступал от имени всех социалистических стран без совета с нами, нередко менял позиции по важным международным проблемам. А это не мелочь, подчеркнул т. Гомулка.

---

[15] Первая встреча Хрущева и Гомулки после долгого перерыва (с которой фактически и началось их близкое знакомство) также состоялась в крайне напряженной обстановке – утром 19 октября 1956 г. в варшавском аэропорту Окэнче. Советская делегация во главе с первым секретарем ЦК КПСС без приглашения прилетела в Варшаву, чтобы повлиять на решения открывавшегося в тот день пленума ЦК ПОРП, созванного в условиях углублявшегося политического кризиса в стране. Избегая рукопожатий с членами Политбюро ЦК ПОРП, Хрущев, по свидетельству очевидцев, рассыпал угрозы в их адрес, обвинял в антисоветской политике, желании отдать страну американцам. Заметив среди встречавших Гомулку, Хрущев спросил советского посла П.К. Пономаренко: «А это кто?». Поняв, что речь идет о нем, Гомулка вызывающе произнес: «Я – Гомулка, которого вы три года держали в тюрьме». (Подробнее см.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005). Н.С. Хрущев в мемуарах также не мог не признать, что «встреча была необычно холодной. Мы прилетели очень возбужденные, и я, едва поздоровался, сразу же на аэродроме выказал недовольство происходящим» (*Хрущев Н.С.* Время. Люди. События. (Воспоминания: в 4–х кн.). Кн. 3. М., 1999. С. 235). Именно на пленуме, состоявшемся 19–21 октября, Гомулка, вопреки очевидному давлению Москвы, был не только кооптирован в ЦК ПОРП, но и избран первым секретарем партии. Отношения лидеров двух стран до некоторой степени нормализовались в ходе первой поездки Гомулки в Москву в новом качестве 15–18 ноября 1956 г.

[16] Консультации по вопросам внешней политики проводились, в частности, в ходе регулярно проходивших заседаний Политического Консультативного Комитета Организации Варшавского Договора (ПКК ОВД). Так, 24 мая 1958 г. ПКК подтвердил решение Москвы о сокращении численности войск стран ОВД; в феврале 1960 г. на заседании ПКК речь шла о модернизации армий, значении военной техники. В некоторых случаях консультации могли быть чисто формальными. Кроме того, несогласие кого-либо из партнеров по ОВД с позицией Хрущева вызывало, как правило, недовольство с его стороны.

В прошлом году дело дошло до серьезных разногласий в связи с предложением т. Хрущева заключить с США такое соглашение о нераспространении ядерного оружия, которое не мешало бы американцам создать так называемые многосторонние ядерные силы НАТО[17]. Тов. Хрущеву было известно, что мы выступаем против этого. И мы были весьма удивлены, когда к нам обратились с просьбой поддержать такое предложение. Мы, конечно, высказали свои возражения, и это очень раздражило т. Хрущева[18].

Тов. Гомулка сказал, что для них всегда была непонятной позиция т. Хрущева по германскому вопросу. Конечно, отношения с Западной Германией следовало нормализовать. Но тезис о «втором Рапалло», который не раз выдвигал Н.С. Хрущев, не мог не вызвать возражений. Ведь в настоящее время нет реальных условий для отрыва ФРГ от западных держав и потому разговоры о «втором Рапалло» могли бы лишь дезориентировать народы таких стран, как ГДР, Польша и Чехословакия. Мы считаем, сказал т. Гомулка, что т. Хрущев не понимал тактической игры дипломатов Западной Германии. Его согласие на визит в ФРГ было выгодно Бонну и в то же время

[17] Американский план по созданию «многосторонних ядерных сил НАТО» получил наиболее развернутое выражение в предложениях, которые госсекретарь США Д. Раск изложил в мае 1964 г. на весенней сессии Совета НАТО в Гааге. Не в пример своим союзникам по ОВД – ГДР, Польше и Чехословакии – Москва весной–летом 1964 г. довольно слабо реагировала на этот план что, очевидно, было напрямую связано с наметившейся перспективой улучшения отношений СССР с ФРГ. Как явствует из записи заседания Президиума ЦК КПСС от 22 октября, члены Президиума предвидели, что в ходе встречи с Гомулкой с польской стороны будет поднят вопрос о «многосторонних ядерных силах НАТО» и о необходимости принятия странами-членами ОВД системы ответных мер (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 873). В конце 1964 г. советское правительство осудило планы США и ФРГ в ряде дипломатических нот и заявлений. Уже после отставки Хрущева, в декабре, делегация СССР внесла на обсуждение XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН меморандум, в котором высказалась против распространения ядерного оружия в любой форме, в том числе под флагом многосторонних ядерных сил НАТО.

[18] Имеюшиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности установить, в ходе какой конкретной встречи Хрущева и Гомулки возник спор из-за проблемы многосторонних ядерных сил НАТО.

создавало трудности для нас[19]. Безответственные заявления Аджубея еще более осложнили положение[20]. Тов. Гомулка заметил, что ему

[19] В беседе Гомулки с представителями КПСС нашел отражение один малоизвестный эпизод в истории советско-германских отношений 1960-х гг. К лету 1963 г. руководство СССР в свете ряда заявлений президента Дж. Кеннеди довольно скептически оценивало перспективы советско-американских переговоров по урегулированию общегерманских проблем и, в первую очередь, по вопросу о статусе Западного Берлина. В силу этого оно решило использовать открывшуюся возможность прямого диалога по тому же кругу вопросов с К. Аденауэром. 12 июня 1963 г. на заседании Президиума ЦК обсуждалась идея «второго Рапалло», одинаково выгодного и СССР, и ФРГ (подписанный в Рапалло близ Генуи в апреле 1922 г. советско-германский договор ознаменовал собой, как известно, прорыв экономической и политической блокады Советской России). ((Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С. 733). Польские лидеры крайне опасались, что сближение Москвы и Бонна приведет к смягчению жесткой советской позиции относительно незыблемости границ по Одеру и Нейсе; именно такую цель и преследует правительство ФРГ. Вместе с тем идея поездки Хрущева в ФРГ, судя по ходу обсуждений, сохраняла актуальность до осени 1964 г. Участники заседания Президиума ЦК КПСС 22 октября ожидали постановки с польской стороны на предстоящей встрече вопроса о предполагаемой поездке Хрущева. В записи заседания отмечено: «О поездке в ФРГ – сказать, что вопрос о поездке в Президиуме ЦК не решался» (Там же. С. 873). Поездка не успела состояться. Заместитель министра иностранных дел СССР В.С. Семенов, долгие годы работавший на германском направлении и последовательнее многих других в 1950-е – начале 1960-х отстаивавший концепцию жизнеспособности ГДР, 22 марта 1966 г. после возвращения из Варшавы, где встречался с Гомулкой, сделал запись в дневнике о том, что у польского лидера есть склонность к «некоторой драматизации положения» в отношении ФРГ (От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 124).

[20] Зять Хрущева главный редактор «Известий» член ЦК КПСС А.И. Аджубей посетил ФРГ в июле 1964 г. во главе делегации советских журналистов. Во время поездки Аджубей встретился с новым федеральным канцлером Л. Эрхардом; в ходе встречи был обсужден вопрос о перспективах налаживания отношений между СССР и ФРГ и официальном визите Хрущева. Поездка Аджубея в ФРГ широко комментировалась западногерманской прессой, увидевшей в ней симптом того, что от СССР можно добиться определенных

были вообще непонятны в ряде случаев мотивы поездок Н.С. Хрущева в капиталистические страны (Франция)[21].

Тов. Гомулка критиковал также действия Н.С. Хрущева в период Карибского кризиса 1962 года. Он заявил, что ракеты были размещены на Кубе без консультации с другими социалистическими странами – союзниками СССР. Впоследствии Кеннеди добился удаления с Кубы советских ракет, и политическая позиция социалистических стран в кубинском вопросе в итоге была ослаблена. Мы не исключаем, подчеркнул т. Гомулка, возможности новой интервенции США на Кубе. Понятно, что даже в этом случае нельзя допустить развязывания мировой ядерной войны. Но как помочь Кубе? Какую позицию мы займем? Мы хотели бы иметь ясность в этом вопросе.

По-настоящему не была также согласована и позиция по такому важному вопросу, как договор о частичном запрещении ядерных испытаний[22]. Предложение о приеме МНР в Организацию Варшавского Договора было также внесено т. Хрущевым совершенно неожиданно[23].

уступок, в частности, в вопросе «двух Германий». Некоторые высказывания зятя Хрущева, сделанные в ходе бесед с немцами, вызвали крайне негативную реакцию руководств ГДР и Польши, так что «Известиям» пришлось отреагировать («Известия». Московский вечерний выпуск. 1964 г. 8 августа). Согласно версии журнала «Шпигель», Аджубей якобы говорил своим собеседникам о том, что лидер ГДР В. Ульбрихт «не вечен» и можно загодя готовиться к улучшению советско-западногерманских отношений (См. дневники В.С. Семенова: Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 115). Как следует из записи заседания Президиума ЦК от 22 октября 1964 г., советские лидеры ожидали, что польская сторона затронет вопрос о поездке Аджубея в ФРГ: «о Аджубее – если поднимут вопрос – не будем проверять, болтливый» (Там же. С. 873).

[21] Речь идет, вероятно, о государственном визите Н.С. Хрущева во Францию по приглашению президента Ш. де Голля (23 марта – 3 апреля 1960 г.). Причины скептического отношения Гомулки к поездке Хрущева во Францию, где советский руководитель еще раз изложил свою программу разоружения и концепцию решения германского вопроса, не ясны.

[22] Речь идет о Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанном в Москве 5 августа 1963 г. представителями СССР, США и Великобритании.

[23] В 1963 г. Хрущев сначала активно поддержал просьбу МНР о вхождении ее в ОВД, однако затем отверг ее под давлением восточноевропейских союзников, убедивших его не делать столь резких жестов антикитайской на-

Тов. Гомулка подробно высказывался о положении в международном коммунистическом движении и об отношениях с Китаем. Мы очень озабочены сложившимся в комдвижении положением и разногласиями с руководством КПК. О Китае, сказал он, мы писали специальное письмо Хрущеву, но он не захотел его принять[24].

Недавно США бомбили территорию ДРВ[25]. Все мы довольно спокойно отнеслись к этому факту. Но ведь он означает, что США уже практически используют для целей агрессии трудности, возникшие в мировом коммунистическом движении. Нужно начинать говорить с руководством КПК, – сказал т. Гомулка. Конечно, китайские руководители скатились на путь национализма, но и на это были кое-какие причины. Если подумать о перспективах развития КНР на ближайшие 10 лет, то, видимо, мощь ее будет возрастать, однако китайцы вряд ли пойдут на авантюры в международных делах. Надо добиваться, чтобы КНР была вместе с нами в основных международных вопросах. Тов. Хрущев считал, что с руководителями КПК договориться нельзя[26]. Конечно, у нас остаются разногласия с руково-

правленности (См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В трех томах. Том первый. Становление «реального социализма». 1945–1965. М., 2000. С. 381).

[24] Публикатор не располагает этим документом. Проблемы отношений КПСС и КПК неоднократно обсуждались в ходе бесед Гомулки с советскими лидерами.

[25] Целью военного присутствия США в Южном Вьетнаме и Тонкинском заливе было не допустить захвата власти в Сайгоне коммунистами. 2 августа 1964 г. военные корабли США были атакованы северовьетнамской стороной. Через несколько дней Конгресс США принял резолюцию, согласно которой президенту были предоставлены полномочия предпринимать открытые военные действия против Северного Вьетнама. Это был решающий шаг в эскалации войны во Вьетнаме, приведший к прямому столкновению США с коммунистическим режимом Северного Вьетнама, опиравшимся на всестороннюю помощь СССР. С августа 1964 г. ВВС США неоднократно подвергали бомбардировкам территорию ДРВ.

[26] Упрощенный тезис. На самом деле позиция Хрущева была здесь непоследовательной, что сказывалось и на политике СССР. Периоды «вялотекущей» полемики, когда доминировала установка на поиск компромиссных решений (например, в первые месяцы 1963 г.), периодически сменялись вспышками острых взаимных обвинений, звучавших в прессе. Непоследовательность позиции Хрущева в вопросе о полемике с КПК, отчасти обусловлен-

дством КПК, но в данной обстановке они могут не быть такими острыми, как прежде. Сейчас руководители КПК выжидают[27]. Не следует возвращаться к публичной полемике с ними. Надо поискать путей для прямых переговоров, может быть на самом высоком уровне. Следовало бы хорошенько прозондировать возможность такой встречи, приглядеться к нынешним действиям китайских руководителей. Мао Цзэ-дун вряд ли захочет выезжать за пределы Китая. Вместе с тем поездка в Пекин руководителей КПСС могла бы быть неправильно понята в мире. Поэтому нужно продумать и эту сторону вопроса[28].

Тов. Гомулка подчеркнул также, что перед встречей с руководством КПК необходимо посоветоваться с другими братскими партиями, прежде всего с партиями социалистических стран Европы[29].

Коснувшись вопроса о совещании братских партий и предстоящем заседании Редакционной комиссии, т. Гомулка заметил, что

ная, впрочем, тактикой КПК, состоянием отношений с Китаем в каждый конкретный момент, отражается и в записях заседаний Президиума ЦК КПСС, фиксировавших полярные суждения типа: «надо избежать полемики» (15 февраля 1963 г.), «настало время публично скрестить шпаги с китайцами» (23 июля 1963 г.) (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С. 698, 734).

[27] Руководство КНР, чрезмерно персонифицировавшее внешнюю политику СССР, надеялось, что с уходом «ревизиониста» Хрущева ужесточится линия СССР в отношениях с США, произойдет отказ от программы разоружения. На заседании Президиума ЦК от 22 октября в преддверии встречи с Гомулкой решено было следующим образом изложить польским «друзьям» установки СССР в отношении Китая: «По китайскому вопросу позиции не менять, в печати [критику] пока прекратим. Это тактически. Они начнут, мы начнем» (Президиум ЦК КПСС. Т.1. С. 873).

[28] На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. из уст главного докладчика М.А. Суслова звучала критика китайских лидеров за проведение раскольнической работы в мировом коммунистическом движении, было заявлено, что КПСС будет и впредь бороться с их антиленинской позицией. Вместе с тем после смещения Хрущева руководство КПСС предприняло попытку активизировать диалог с руководством КПК, дав понять, что возникшие наслоения в двусторонних отношениях можно преодолеть, начав политику «с чистого листа».

[29] В соответствии с решением, принятым Президиумом ЦК КПСС 29 октября, приглашению делегации КНР в Москву предшествовали консультации с лидерами компартий социалистических стран (по телефону и путем обмена шифртелеграммами).

эти вопросы надо взвесить с учетом сложившейся сейчас обстановки. Он упомянул о том, что из 26 партий – прежних участников Редакционной комиссии – пять партий отказываются принять сейчас участие в ее работе. С нашей стороны было сказано, что КПСС исходит из того, что комиссия начнет свою работу 15 декабря, как было условлено[30].

Польские товарищи затронули также вопросы экономического сотрудничества между СССР и Польшей. По их словам, ЦК ПОРП подготовил письмо т. Хрущеву, в котором имелось в виду спросить его прямо: чего вы хотите от Польши и каким путем она должна идти?[31]. Польша стремится ослабить свою зависимость от США, сократить получение от них кредитов, хлеба и другой помощи. А т. Хрущев неоднократно заявлял полякам: зачем вы просите экономическую помощь у Советского Союза? Ведь вам американцы дают, – берите у них![32].

---

[30] Весной–летом 1964 г. КПСС выступила с инициативой провести совещание представителей 26 братских партий, составлявших Редакционную комиссию большого Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г., для того, чтобы обсудить актуальные вопросы мирового коммунистического движения в целях преодоления имеющихся серьезных разногласий. Некоторые компартии проявляли колебания, ставя свое решение в зависимость от участия в работе Редакционной комиссии компартии Китая. Между тем КПК (так же, как компартии Кореи, Албании, Японии) открыто выступила против проведения совещания, не изменив своей позиции и после отставки Хрущева. В конце ноября Москва предложила отложить созыв Редакционной комиссии с тем, чтобы иметь возможность лучше подготовиться к заседанию и дополнительно проконсультироваться с представителями ряда партий. Идея проведения совещания Редакционной комиссии вылилась в конечном итоге в организацию консультативной встречи представителей 18 коммунистических и рабочих партий, которая состоялась в Москве 1–5 марта 1965 г. Новое большое Совещание представителей коммунистических и рабочих партий прошло несколькими годами позже, 5–17 июня 1969 г.

[31] Документ публикатору не известен.

[32] В 1964 г. доля СССР в экспорте (импорте) Польши составляла 34% (31%), тогда как доля США соответственно 2,6% (5,5%) (Ежегодник БСЭ. 1965. С. 332). Советы Москвы обратиться за помощью к западным странам, как правило, были связаны с неспособностью или нежеланием СССР удовлетворить некоторые просьбы Польши о поставках конкретных товаров. Напри-

Тов. Гомулка признал, что получение кредитов от США влияет на политику Польши, связывает ей руки в борьбе против американского империализма. Вы не должны, сказал он, толкать нас в лапы империалистов. Касаясь ошибок т. Хрущева во внутренних делах, т. Гомулка отметил, что польские друзья уже давно с большим сомнением относились к таким мероприятиям, как разделение обкомов, видели его противоречивые указания в области руководства сельским хозяйством, стремление давать советы во многих областях, с которыми он не был знаком[33].

мер, во время советско-польских переговоров в октябре–ноябре 1958 г. Н.С. Хрущев заявил: «Я видел Ваш список товаров. Там есть несколько позиций, которые равнозначны просьбе предоставить Вам золотой кредит – хотите от нас золото. Так как ряд товаров, которые Вы просите, например медь, мы покупаем за золото. Золото Вам мы дать не можем» (Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3-ех томах. Т. 1. Становление «реального социализма». М., 2000. С. 384). На заседаниях Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущев неоднократно выражал озабоченность «ухаживаниями» США за Польшей, их стремлением поставить экономику этой страны в зависимость от американских поставок и кредитов. Целью американской политики была, по его мнению, реставрация капитализма в Польше. «Гомулка это видит и понимает, но выводов не делает. Он думает, что достаточно понимать, и это уже страхует от того, на что ставку держат американцы... А это неверно, потому что потом захочешь оторваться и не сможешь. Это очень деликатный вопрос. Я намеки делал Гомулке. Он говорит – вы же не даете нам хлопок и пр. Он открыто это говорит, потому что он чувствует свою якобы моральную силу, что он вынужден на это идти, что мы критикуем его, а сами не можем оказать помощь с тем, чтобы он этого не делал. Но от этого положение не меняется, а факт остается фактом, что Польша становится все больше в зависимости от американской экономики» (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. Стенограмма заседания Президиума ЦК КПСС от 8 января 1962 г. С. 540–541). В ходе других заседаний Хрущев выражал удовлетворение стремлением Гомулки освободиться от экономической зависимости от Запада, его заинтересованностью в расширении кооперации в рамках СЭВ (Стенограммы заседаний от 5 ноября 1962 г. и 9 ноября 1963 г. – Там же. С. 643–644, 693). Некоторое недоверие к Гомулке все же сохранялось: этот союзник «как козел – куда прыгнет не известно» (Стенограмма заседания от 10 ноября 1963 г. – Там же. С. 778).

[33] Тов. Хрущев буквально страдал зудом всевозможных реорганизаций и перестроек, – говорил М.А. Суслов на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК, – а на деле эти перестройки и реорганизации лишь бесцельно дергали людей,

Нам, сказал т. Гомулка, далеко не все нравилось из того, что т. Хрущев публично говорил о Сталине. Мы сомневаемся, что этот вопрос нужно было поднимать на XXII съезде КПСС. Ошибкой было также переименование Сталинграда в Волгоград. В Советском Союзе, добавил он, появилось немало вредных книг вроде повести Солженицына, которые бросали тень на советский строй[34]. Такая литература создала немалые трудности и для ПОРП. Она подогревала существующие в Польше антирусские настроения. То, как было осуществлено развенчание Сталина, сказал т. Гомулка, уже нанесло вред международному коммунистическому движению. Пример – Итальянская компартия, где развиваются опасные ликвидаторские тенденции. Западная пропаганда в связи с решениями Пленума ЦК КПСС усиленно шумит о том, что компартии других стран не будут теперь считаться с КПСС. Ясно, что это рассчитано на разложение социалистического лагеря и мирового коммунистического движения. И в такой обстановке руководство Итальянской компартии считает возможным занимать позицию, которая дает пищу вражеской пропаганде[35].

Тов. Гомулка сказал также, что считает правильным решение не развертывать широкой кампании публичной критики Н.С. Хрущева, как это было сделано после XX съезда в отношении Сталина[36].

сеяли среди них чувство растерянности, неуверенности» (Как снимали Н.С. Хрущева. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив, 1993. N. 1. С. 12).

[34] Речь идет о повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», опубликованной в 1962 г. в журнале «Новый мир».

[35] Метод отстранения Хрущева и, в частности, отсутствие гласности при принятии столь важного политического решения, вызвали критику руководства наиболее влиятельной из западных компартий – итальянской, что нашло отражение и в прессе. Один из лидеров ИКП Э. Берлингуэр, в начале ноября посетивший Москву, выразил опасения итальянских коммунистов в связи с возможностью возврата к сталинским методам в политике КПСС (*Urban J.B.* Moscow and the Italian Communist Party. From Togliatti to Berlinguer. Ithaca and London, 1986; *Хормач И.А.* СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе. Вторая половина 1940-х – первая половина 1960-х годов. М., 2005. Т.2. С. 853–862).

[36] Участники заседания Президиума ЦК КПСС 22 октября 1964 г. подчеркивали необходимость сдержанного подхода в вопросе о культе личности («Не говорить [полякам], что мы развенчивали культ»; в то же время не надо и

Присутствовавшие на встрече тт. Циранкевич и Клишко неоднократно подавали реплики, полностью солидаризируясь с высказываниями т. Гомулки. В конце беседы польские товарищи высказали предложение, чтобы после двусторонних бесед руководителей КПСС с представителями других братских партий состоялась неофициальная встреча руководителей партий стран СЭВа. На этой встрече можно было бы посоветоваться по вопросам укрепления единства в социалистическом лагере и в мировом коммунистическом движении, в частности, об отношениях с КПК[37].

Польские товарищи тепло благодарили за беседу. Они высказали большое удовлетворение по поводу состоявшейся встречи[38].

Л. Брежнев
А. Косыгин
Ю. Андропов
27 октября 1964 г.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 552. Л. 16–20. Подлинник.

«выхолащивать» вопрос о культе личности) (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С. 873).

[37] Серия встреч руководителей КПСС с лидерами социалистических стран состоялась в Москве в первой половине ноября в дни празднования 47-й годовщины Октябрьской революции. В январе 1965 г. в Варшаве прошло заседание ПКК ОВД. Актуальные вопросы экономического сотрудничества стран СЭВ обсуждались на очередной сессии СЭВ, заседавшей в Праге 28 января – 2 февраля 1965 г.

[38] Встреча получила высокую оценку и советского руководства. 27 октября Президиум ЦК КПСС, заслушав сообщение Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина о беседах с представителями ПОРП, принял постановление «одобрить проведенную тт. Брежневым Л.И., Косыгиным А.Н. и Андроповым Ю.В. работу во время встречи с представителями ПОРП, считать результаты встречи полезными» (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.3. (Протокол 167. Пункт IV). М., 2008).

Т.А. Джалилов

Канун «Пражской весны» глазами советских дипломатов

Литература, посвященная событиям «Пражской весны», на данный момент столь обширна, что требует отдельного историографического исследования[1]. Не обойден вниманием исследователей и вопрос о причинах и формах вызревания чехословацкого кризиса 1968 г. Среди чешских и словацких историков общепризнанным на данный момент остается выдвинутый еще в 80-е годы XX в. З. Млынаржем, активным участником реформаторского движения, тезис о том, что «политический успех "Пражской весны" был обусловлен именно тем, что движение общества "снизу" и движение в партии "сверху" встретились и в значительной степени объединились. А это было бы невозможно без многолетнего воздействия реформаторского коммунизма внутри правящих диктаторских структур». «Коммунисты-реформаторы, действовавшие в коридорах власти, подчеркивал Млынарж, не могли, разумеется, ничего сделать без ведома партийного руководства во главе с Новотным. Когда о временах Новотного говорят как о сплошном царстве мрачного сталинизма, в которое в январе 1968 г. ворвался светлый луч дубчековской реформаторской политики, то истинная картина 60-х годов в Чехословакии значительно искажается. Некоторые черты режима Новотного в 1964–1967 гг. в действительности были аналогичны либеральным проявлениям "кадаризации" 70-х годов»[2]. Новейшие исследования известного чешского историка К. Каплана также убедительно опровергают черно-белую антитезу: сталинизм А. Новотного – пришедшая из ниоткуда «Пражская весна». В них на основании большого фактического материала показывается, что чехословацкое общество в 1960-е гг. переживало сложный и многогранный процесс общественно-политической трансформации[3].

При этом не может не вызывать удивление тот факт, что столь значимая тема, как воздействие советского фактора на развитие ситуации в стране в период, предшествовавший «Пражской весне», оказался вне поля зрения ученых. До сих пор в историографии доми-

---

[1] Наиболее полный разбор историографии, посвященной событиям «Пражской весны», см.: *Kaplan K.* Antonín Novotný. Vzestup a pád «lidového» aparátčíka. Praha. 2011.

[2] *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 68–69.

[3] См.: *Kaplan K.* Kronika komunistického Československa. Díl 4. Kořeny reformy 1956–1968; Společnost a moc. Praha, 2008.

нирует точка зрения, согласно которой советское руководство «проспало» зарождение «Пражской весны», было абсолютно не в курсе, происходившего в ЧССР, и даже появившийся в Праге 8 декабря 1967 г. Брежнев, по словам российского исследователя М. Латыша, «так и не усвоив существа разногласий "чехословацких товарищей" ... как следует из записи состоявшегося у него 13 декабря телефонного разговора с венгерским лидером Я. Кадером, усмотрел "главную причину этих трудностей в том, что тов. Новотный не знает, что такое коллективное руководство и как общаться с людьми"»[4]. А потому позиция Брежнева в этой ситуации якобы наиболее емко характеризуется пассажем из воспоминаний А. Черняева: «Еще не хватало влипнуть в их внутреннюю склоку. Пусть сами разбираются. Пошли они к...!»[5].

Естественно, возникает главный вопрос: как состыковывается подобный постулат с общепризнанным представлением о тотальном контроле Москвы над общественно-политическими процессами, протекавшими в странах «народной демократии»? Для того чтобы подойти к разрешению указанного противоречия нам необходимо, по крайней мере, ответить на два вопроса: во-первых, насколько в действительности была исчерпывающей и достоверной та информация, которой обладало советское руководство о развивавшихся в ЧССР общественно-политических процессах и, во-вторых, какие решения принимались Кремлем на основании имевшихся данных.

В аппарат ЦК КПСС (бывший на тот момент средоточием властных функций в СССР) стекались сведения, собираемые советскими людьми, занимавшими разные посты при посольстве, консульстве, представительствах советских учреждений, центральных газет и журналов, международных организаций и учреждений. Весьма широкий круг источников можно дополнить упоминанием о советских деятелях науки и культуры, писавших отчеты о пребывании за границей, о чехословацких общественных и политических деятелях, напрямую обращавшихся в ЦК КПСС, дипломатах соцстран, регулярно информировавших по тем или иным вопросам сотрудников Отдела ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, и т.д. При этом речь идет не только о документах, направлявшихся «наверх» в силу служебных обязанностей (политических отчетах посольства, служебных записках дипломатов и чиновников различных ведомств, записях протокольных бесед и т.п.).

[4] *Латыш М.В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998. С. 17.
[5] Цит. по: Там же. С. 18.

Многие как советские, так и чехословацкие граждане считали своим долгом «в неофициальном порядке» проинформировать Старую площадь по тем или иным вопросам, поделиться своими соображениями. Важно отметить, что «визави ЦК КПСС» были очень разные люди: от будущих реформаторов Дубчека, Цисаржа, Шика до будущих «нормализаторов» Биляка и Ленарта. Поэтому точка зрения, выдвигаемая рядом исследователей, что Москва слышала исключительно голос «консерваторов-сталинистов» и формировала свою позицию только под воздействием их взглядов, применительно к периоду, предшествующему «Пражской весне», вызывает большие сомнения. К тому же ставшие в будущем ключевыми фигурами «нормализации» Биляк, Гусак в этот период по многим вопросам выступают с позиций, близких реформаторам.

Другое дело, что ЦК КПСС был не просто и не только главной бюрократической инстанцией в системе советских органов власти, принимавшей те или иные решения исходя из их «полезности», «выгодности». Являясь, по сути, высшей партийной инстанцией, аппарат ЦК КПСС действовал сообразно жестким идеологическим установкам, воспринимая действительность через призму «марксистско-ленинской теории», соотнося все свои решения с марксистской доктриной. Без учета этого обстоятельства (очевидного для старшего поколения историков, но, увы, зачастую не принимаемого во внимания более молодыми исследователями) многое, как в действиях самого ЦК КПСС, так и в позиции, аргументации его источников информации, кажется нелогичным, непонятным. Применительно к рассматриваемой теме сказанное означает, например, то, что при анализе положения дел в социалистических странах первостепенное внимание уделялось состоянию экономики (согласно марксистскому дискурсу считавшейся базисом). В качестве ключевых экономических показателей при этом выделялись весьма непривычные для современного экспертного сообщества показатели: методология и уровень планирования, выполнение плановых показателей, степень вовлеченности всех экономических субъектов в реализацию плановых задач, наличие опережающего роста производства средств производства, социально-экономическое положение рабочего класса и т.п.; в качестве же негативных факторов рассматривались – привлечение иностранных займов, высокий уровень экспорта и ориентация на вовлечение в мировую систему разделения труда и т.д.

Ставшие доступными сегодня архивные документы наглядно свидетельствуют, что рассматриваемая под таким углом зрения

ситуация в Чехословакии середины – второй половины 1960-х гг., безусловно, должна была вызывать серьезную обеспокоенность в ЦК КПСС. Рассмотрим некоторые из них.

13 января 1964 г. первый секретарь посольства СССР в ЧССР Ф.М. Метельский сообщал о состоявшейся у него беседе с заместителем председателя Госплана ЧССР Винклареком. «В ходе беседы, – докладывал Метельский, – тов. Винкларек заявил, что положение в экономике ЧССР остается очень сложным. Поверьте мне, – заявил он, – я уже около 15 лет работаю в Госплане и хорошо разбираюсь в этих вопросах, и я пока не вижу возможности оздоровления экономики. … Единственная возможность нормализации в развитии чехословацкой экономики – это помощь СССР. Речь идет не о финансовой помощи, а о помощи в сырье, о загрузке наших мощностей, о кооперации в машиностроении и т.д. К сожалению, на данном этапе переговоров по многим вопросам мы еще не пришли к соглашениям. …В период заключительных бесед по плану и содержанию памятной записки по результатам переговоров Госпланов ЧССР и СССР 15 января, советский представитель тов. Бачурин попросил, чтобы работники Госплана ЧССР более реально проанализировали свои потребности и, может быть, снизили некоторые свои просьбы к СССР, так как в ходе переговоров выяснилось, что их удовлетворение в первоначальном объеме или очень трудно или невозможно для советской стороны. Иными словами, нужно сузить концы ножниц между вашими просьбами и нашими предложениями, – сказал он. На это Винкларек в шутку заметил: где сузить? Здесь? И показал на свое горло»[6].

Последняя часть документа для нас особенно ценна, так как наглядно показывает, что одним из основных способов выхода из экономических затруднений в Праге считали резкое увеличение помощи со стороны СССР. Серьезная проблема заключалась в том, что в этот период Советский Союз сам начал испытывать ощутимые трудности в области экономики и оказался не в состоянии удовлетворять все возрастающие запросы своих партнеров по «социалистическому лагерю». Очевидно, понимая это, «чехословацкие товарищи» прибегали, по сути, к прямому шантажу. 7 февраля 1966 г. уже упоминавшийся нами Ф.М. Метельский ознакомил ЦК КПСС с точкой зрения заведующего Экономическим отделом ЦК КПЧ Б. Шимона: «При определении мер преодоления имеющихся трудностей ряд экономистов предлагали более широкий выход на капиталистический

[6]Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 674. Л. 7, 9.

рынок с целью включения в международное капиталистическое разделение труда и преодоление на этой основе автакратичности (так в тексте. – *Т.Д.*)[7] производства и нехватки многих видов сырья и продовольствия. ЦК КПЧ не может согласиться с этими предложениями прежде всего по политическим соображениям. …С другой стороны, мы имеем неограниченный мировой социалистический рынок. Здесь у нас общие цели и идеология и неисчерпаемые источники развития. Правда, – подчеркивал Шимон, – в СЭВе не все идет гладко. Многие вопросы экономического сотрудничества не решаются[8]. Мы еще далеки от свободного движения товаров и рабочей силы на социалистическом рынке, чего уже добились в европейском экономическом сообществе»[9]. В завуалированной форме ЦК КПСС был поставлен перед дилеммой: либо советское руководство усилит помощь ЧССР и в рамках СЭВ будет сформирована эффективно функционирующая экономическая система, либо Прага будет вынуждена искать способы решения своих проблем, «интегрируясь в международное капиталистическое разделение труда», т.е. выходя из сферы влияния Москвы…

Естественно, такая постановка вопроса вызывала серьезную озабоченность Кремля. В ходе подготовки неофициального визита первого секретаря ЦК КПЧ, Президента ЧССР А. Новотного в Москву 18–19 января 1966 г. посольство СССР в Праге 13 января 1966 г. направило в ЦК КПСС записку «О некоторых вопросах экономического положения в ЧССР и чехословацко-советских экономических отношениях». «Трудности в народном хозяйстве [ЧССР], – читаем в ней, – усугублялись тем, что жизненный уровень продолжал расти при отсутствии роста национального дохода. За третью пятилетку национальный доход возрос на 11 млрд. крон, а потребление – на 24 млрд. крон, при этом за 1962–1964 гг. национальный доход возрос всего на 350 млн. крон, а потребление – на 15 млрд. крон. В результате этой диспропорции между производством и потреблением возникли инфляционные тенденции. Ежегодно население не реализует около 4 млрд. крон своих доходов. Проведенные в 1962–1964 гг. меры по некоторому повышению цен и оплаты сферы услуг в силу их незна-

[7] По всей вероятности, речь шла о набиравшей силу тенденции к автаркии в экономической политике румынского и албанского руководства.

[8] В это время отчетливо проявлялись нараставшие трудности в развитии экономических связей Чехословакии с ГДР и Польшей.

[9] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 860. Л. 102–103.

чительности не дали результатов. …В 1963 г. именно в ЧССР впервые возник небывалый прецедент, когда в социалистической стране имело место падение производства и национального дохода. В 1964 и 1965 гг. рост общественного производства был возобновлен. …Однако, как отмечал председатель Госплана ЧССР т. О. Черник, вследствие недостаточно критической оценки создавшегося положения и влияния субъективизма и волюнтаризма в экономике 1964 и 1965 гг. не ликвидировали наиболее существенных диспропорций. В эти годы продолжался рост реальных доходов населения, что обостряло диспропорцию между потреблением и источниками производства. Введенные в строй за последние годы основные производственные фонды не дают еще необходимой отдачи. Продолжается процесс опережения роста основных фондов по сравнению с ростом производительности труда. Снижение себестоимости продукции происходит медленно. Не произошло существенного поднятия технического уровня чехословацкого производства. Хотя сельскохозяйственное производство и ведется интенсивно, оно уже длительное время находится в застое. …Требуя все больших дотаций из бюджета, сельское хозяйство не создает необходимых условий для повышения жизненного уровня населения. …Ухудшение экономического положения в стране, диспропорция между потреблением и его источниками, вызвали рост задолженности капиталистическим странам. К концу 1964 года по сравнению с 1960 г. задолженность в западной валюте возросла 2,2 раза, т.е. на 1013 млн. инвалютных крон, а в свободно конвертируемой валюте даже в 2,8 раза, т.е. на 1150 млн. инвалютных крон. В 1965–1966 гг. она вновь увеличивается на 1,8 млрд. инвалютных крон. …Анализ материалов декабрьского Пленума ЦК КПЧ показывает, что положение в экономике ЧССР продолжает оставаться сложным. По вопросу о путях выхода из создавшегося положения в руководящих кругах ведутся острые дискуссии»[10].

О том, что на фоне экономического кризиса в руководстве КПЧ возникли «острые дискуссии», в ЦК КПСС были хорошо осведомлены. Информация об этом стала поступать из советского посольства в Праге уже с начала 1965 г[11]. 5 марта 1966 г. член Президиума ЦК КПЧ З. Фирлингер через советника-посланника посольства СССР в ЧССР И.И. Удальцова информировал ЦК КПСС о «большой озабоченности» в связи с состоянием дел в руководстве народ-

[10] Там же. Ф. 5. Оп. 49. Д. 860. Л. 30–31, 40.

[11] Архив внешней политики Российской Федерации (Далее – АВП РФ) Ф. 0138. Оп. 52. П. 328. Д. 7. Л. 14–16.

ным хозяйством ЧССР, подчеркнув, что «очень плохо дело обстоит с подготовкой пятилетнего плана. Этот план, сказал он, у нас никак не получается, не сверстывается. Трудности у нас сейчас большие, продолжал он, но самое трудное, я думаю, будет после XII съезда партии. Сейчас все у нас заняты подготовкой к съезду, тем, чтобы обеспечить такую расстановку кадров, которая, как он выразился, "позволила бы сохранить власть в тех же руках"; все внимание сосредоточено на том, чтобы обеспечить проведение съезда, а многим важным хозяйственным вопросам не уделяется необходимого внимания, и трудности в этой области не ослабевают, а возрастают»[12].

Если З. Фирлингер не вдавался в подробное объяснение, почему в момент экономического кризиса в ЧССР возникла столь острая необходимость сосредоточить все силы на том, чтобы «сохранить власть в тех же руках», то несколькими месяцами ранее, после декабрьского (1965 г.) пленума ЦК КПЧ, посвященного, в основном, экономическим вопросам, другой видный чехословацкий партийный деятель – секретарь ЦК КПЧ Д. Кольдер – в беседе с послом СССР в ЧССР С.В. Червоненко напрямую говорил о своем желании «проинформировать узкий круг советских товарищей в ЦК КПСС. Он мог бы – подчеркивал Кольдер, – откровенно побеседовать с заведующими отделами, которые в ЦК КПСС занимаются проблемами экономики Советского Союза. Т. Кольдер при этом добавил, что ему кажется, что в ЦК КПСС не очень хорошо знают, в каком положении находится экономика Чехословакии и какие могут быть политические последствия, если вовремя не обратить внимание на создавшуюся обстановку. Поэтому он хотел бы поподробнее информировать обо всем этом ЦК КПСС. Желательно было бы, – говорил т. Кольдер, – чтобы на таких беседах присутствовал и представитель отдела ЦК КПСС, которым руководит т. Андропов Ю.В.»[13]. К сожалению, мы не знаем, состоялась ли эта встреча в ЦК КПСС, однако уже из цитированной записи беседы Д. Кольдера с С.В. Червоненко хорошо видно, чтó так волновало представителя чехословацкой партийной элиты. Пользуясь своеобразным «эзоповым языком», Кольдер, отмечая возникшие на пленуме дискуссии, счел необходимым «в доверительном порядке» рассказать послу о «заслуживающем внимания выступлении» кандидата в члены ЦК КПЧ Я. Долежаловой, руководившей работой среди женщин в Остравской области. По словам Кольдера,

[12] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 859. Л. 231.

[13] Там же. Л. 23–24.

«оценивая положение между XII и XIII съездами КПЧ, т. Долежалова, подчеркнула, что КПЧ находилась в сложной политической обстановке в связи с разоблачением культа личности, в связи с отстранением Хрущева от руководства, в связи с китайским раскольническим курсом. К сожалению, – продолжала она, – партия не получила четкого и оперативного разъяснения всех этих проблем, в результате чего многие вопросы механически переносились в областные, районные и местные партийные организации, и там развертывались различные дискуссии, которые не всегда имели правильную трактовку. Обращаясь к материалам, которые представлены на нынешнем пленуме ЦК КПЧ, она сказала, что и здесь, на этом пленуме, мы пока что не видим мужества со стороны руководства ЦК КПЧ дать объективный анализ причин невыполнения наметок XII съезда КПЧ, … плохого положения в сельском хозяйстве, …плохого положения в деле осуществления программы по поднятию жизненного уровня населения …Затем т. Долежалова говорила о том, что в КПЧ и в стране имеет место проявление тенденции ненужной ложной демократии и что, видимо, это объясняется тем, что по многим вопросам нет полной ясности, что в республике замечается ослабление государственной, партийной и производственной, трудовой дисциплины. …Она приводила пример в связи с освобождением министра школ и культуры ЧССР т. Цисаржа, вокруг чего возникли ненужные различные ситуации, особенно среди творческой интеллигенции и студенческой молодежи. …К сожалению, такие факты имеют место не только в отношении т. Цисаржа, но и в связи с перестановкой кадров в ЦК КПЧ и правительстве ЧССР, – подчеркнула она. Со своей стороны т. Кольдер в этом месте высказался в том плане, что выступление на пленуме ЦК КПЧ т. Долежаловой членами ЦК было выслушано с вниманием и что, по его, Кольдера, мнению, оратор выражала настроение большинства членов КПЧ, работников центральных учреждений и обкомов»[14].

«У нас в последнее время, – продолжал т. Кольдер, – нередко принимаются хорошие решения, но не доводятся до конца, не организуется их проведение в жизнь, мы много декларируем, – подчеркнул он, – чтобы исправить положение, сложившиеся в творческих союзах, надо иметь там подготовленное, твердо стоящее на позициях социалистического реализма и партийности ядро работников, через которых ЦК КПЧ мог бы проводить свою линию. Такого ядра в творческих союзах сейчас нет, оно растеряно, – говорил он. …Кольдер

[14] Там же. Л. 26–27.

сказал, что недавно состоялся республиканский съезд студентов, на котором отделы ЦК КПЧ, которые отвечают за работу среди молодежи, фактически потерпели фиаско. На съезде студентов было трудно провести партийную линию. Как бы обобщая, т. Кольдер говорил о том, что с кадрами надо работать терпеливо и ежедневно, особенно с представителями творческой интеллигенции. В этой связи он привел пример о том, как он лично и другие товарищи из ЦК КПЧ работают с профессором-экономистом О. Шиком, который, если бы не внимание со стороны ЦК, мог бы сползти на ошибочные позиции в деле экономического строительства в стране. Шик сейчас, – продолжал т. Кольдер, – не освободился от ошибочных взглядов, но все же он полностью не перешел на югославский путь управления народным хозяйством. Продолжая, т. Кольдер заметил, что в результате всех этих недостатков в руководстве идеологическим фронтом проблемы, возникшие в научных учреждениях, вузах и творческих союзах, превратились в проблему всей партии»[15]. Ситуация, обрисованная Кольдером, получила подтверждение и в беседах С.В. Червоненко с заведующим идеологическим отделом ЦК КПЧ П. Ауэрспергом. Он информировал посла СССР о трудностях, которые возникли в среде творческой интеллигенции, часть которой демонстрировала тенденции к отходу от принципов партийности в литературе, искусстве, от принципов социалистического реализма, к либерализации и ревизионизму[16]. Практически о тех же тенденциях «советским товарищам» говорил и вице-президент Чехословацкой академии наук, академик В. Штолл: «Надо прямо сказать, что положение в литературных газетах и журналах у нас не благополучно. Как известно, декабрьский пленум ЦК КПЧ резко осудил деятельность ряда редакций, которые публиковали на страницах газет и журналов подчас вредные статьи. В некоторых из них исподволь, а в отдельных просто открыто, брались под сомнение вопросы развития социалистического реализма, партийности в литературе и искусстве и т.д. Однако вопреки решениям Пленума ЦК КПЧ подобного рода публикации не прекратились и в настоящее время. Об этом, например, свидетельствуют вышедшие уже после пленума ЦК КПЧ литературные журналы “Пламень”, “Гость до дому”. Из номера в номер в “Литературных новинах”, “Культурном животе” и других газетах публикуются статьи и материалы, направленные против руководящей роли партии в литературе

[15] Там же. Л. 28–29.
[16] Там же. Л. 6–7.

и искусстве. Характерно отметить, что делается это под благовидным предлогом ликвидации последствий культа личности. Некоторые литературные критики пытаются взять под сомнение буквально все, что было создано в области литературы и искусства за весь период существования социалистической революции, т.е. с 1945 г. по настоящее время. Под предлогом ликвидации последствий культа личности берутся под сомнение даже те литературные произведения, в которых показывается руководящая роль партии, пафос нашего народа в борьбе за новую жизнь, подвергаются уничтожающей критике лучшие писатели и поэты и т.д. В последнее время появляются статьи, в которых берется под сомнение работа покойного Президента Академии наук ЧССР, одного из выдающихся деятелей науки и культуры, лучшего друга Советского Союза Зденека Неедлы. И в то же самое время литературные газеты и журналы продолжают превозносить творчество Кафки, Сартра, Фишера и других. Например, Сартру, Фишеру отводятся первые страницы вышедшего после декабрьского пленума журнала “Пламень”. В этом же плане опубликована статья в молодежном журнале, в котором так же, как и в журнале “Пламень”, превозносится Сартр. …Необходимо отметить и то обстоятельство, заявил т. Штолл, что под предлогом критики культа личности Сталина в ряде статей протаскиваются антисоветские взгляды. К сожалению, такие, с позволения сказать, литераторы и критики, не получают должного отпора. Вам вероятно известно, сказал т. Штолл, что газета Союза писателей Словакии “Культурни живот”, возглавляемая некто П. Штевчеком, продолжительное время вела и практически продолжает вести буквально подрывную работу в литературе и искусстве Чехословакии. На декабрьском пленуме ЦК КПЧ был предрешен вопрос о снятии с работы главного редактора Штевчека. Об этом было объявлено и на пленуме ЦК КП Словакии при обсуждении итогов декабрьского пленума ЦК КПЧ. Однако до сих пор Штевчек продолжает возглавлять газету, публиковать на ее страницах ревизионистские статьи и материалы. В защиту Штевчека выступили известные словацкие писатели Мнячко, Минач и др. Большую поддержку Штевчек получает от восстановленного в партии и являющегося в настоящее время членом идеологической комиссии ЦК КПЧ Новомеского. ...Мне кажется, сказал тов. Штолл, что нынешний Президиум Союза чехословацких писателей не способен исправить создавшееся положение в литературе. Этого не желают многие члены правления Союза писателей»[17].

[17] Там же. Д. 673. Л. 72–74.

28 марта 1966 г. сотрудник советского посольства в Праге И.И. Удальцов (кстати сказать, до этого долгие годы проработавший в аппарате ЦК КПСС и, по сути, руководивший «чехословацким направлением» Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран) сообщил на Старую площадь о состоявшейся у него беседе с членом Президиума ЦК КПЧ, секретарем ЦК КПЧ Й. Гендрихом, игравшем, по мнению чехословацких историков, роль «серого кардинала» при лидере КПЧ А. Новотном. «В ходе беседы т. Гендрих, – сообщал в Москву Удальцов, – остановился на некоторых вопросах, связанных с положением в чехословацкой литературе и искусстве. …Еще много будет трудностей с писателями, продолжал т. Гендрих, но особенно плохо обстоит сейчас у нас дело в области кинематографии. При этом надо отметить, что наиболее неблаговидную роль играет здесь кинокритика, упорно толкающая нашу кинематографию по неправильному пути безыдейности, подражания худшим образцам западного искусства. Уже в самое последнее время, продолжал т. Гендрих, наши кинематографисты создали несколько совершенно безобразных фильмов абсурдного, эротического, крайне пессимистического характера»[18]. В ходе беседы советский дипломат поставил вопрос о тенденциях развития чехословацкой исторической науки: «Насколько я знаком с последними статьями чехословацких историков, у меня складывается впечатление, что в основе некоторых неправильных положений, содержащихся в этих статьях, лежит отказ от классового подхода к оценке исторических событий и деятельности отдельных лиц. Это, по моему мнению, проявилось, в частности, в статье Я. Кршена о Э. Бенеше и в некоторых других статьях. Тов. Гендрих согласился с этим, – сообщает Удальцов, – и сказал, что он считает этот вопрос главным при характеристике положения в чехословацкой исторической науке. Отход от классовых позиций у некоторых историков объясняется, с одной стороны, серьезным влиянием западной буржуазной науки, а, с другой стороны, политической и теоретической незрелостью ряда молодых историков, которые проявляют большую активность, но не имеют необходимого идейного фундамента»[19]. Развивая свою мысль, Гендрих рассказал о состоявшейся 11 марта в ЦК КПЧ встрече с группой ведущих историков и отметил, что «он не вполне удовлетворен тем, как она прошла, поскольку ее участники больше ставили во-

[18]Там же. Д. 859. Л. 227.
[19] Там же.

просы организационного характера, чем историко-партийные и теоретические проблемы. … В дальнейшем ходе беседы т. Гендрих высказал свое мнение по ряду вопросов истории КПЧ и ЧССР, ставших в последнее время предметом дискуссии. Прежде всего, он остановился на дискуссии, возникшей вокруг статьи В. Краля, в которой критикуется книга Г. Гусака "Свидетельство о Словацком национальном восстании". Статья В. Краля, по словам Гендриха, в основном правильная, и мы ее поддерживаем. Она была опубликована с ведома Президиума ЦК КПЧ. Хотя в ней и есть отдельные неточные формулировки, но в главном она правильно подвергает критике книгу Г. Гусака, содержащую весьма серьезные недостатки принципиального характера. Тов. Гендрих заметил, что на только что состоявшейся в Братиславе районной партийной конференции три делегата выступили с критикой статьи В. Краля, в защиту взглядов Г. Гусака. Надо прямо сказать, продолжал он, что в этом споре много политического»[20].

Последняя теза, высказанная Й. Гендрихом, – явное свидетельство обострившихся в рассматриваемый период национальных противоречий. О сути вызревавшего конфликта ЦК КПСС был уже хорошо осведомлен благодаря полученной 25 марта 1966 г. информации Генконсульства СССР в Братиславе. В ней сообщалось: «Тов. Биляк, а затем тов. Дубчек и член Президиума ЦК КПС, председатель Словацкого Совета профсоюзов тов. В. Даубнер в доверительном порядке поделились о состоявшемся в январе с.г. в Тренчине районном партийно-хозяйственном активе. В работе актива принял участие тов. А. Новотный, которому после его обстоятельного выступления был задан ряд вопросов, касающихся мер ЦК КПЧ по выравниванию экономического уровня Словакии до чешских областей и усилению словацкой прослойки в руководящем составе центральных учреждений ЧССР. По словам собеседников, тов. А. Новотный остро реагировал на эти вопросы, тем более что они были поданы без подписи как анонимные. Он заметил, что вопросы проникнуты националистическим духом и что, по-видимому, националистические веяния в Словакии достаточно сильны, если они дают знать о себе даже на партийном активе. Сделанные тов. А. Новотным замечания и его неожиданный уход с собрания серьезно взволновали тренчинских товарищей, которые, как отметили собеседники, "совсем сбились с ног, не зная, что делать в связи с этим". Собеседники, каждый по-своему, но в целом высказались примерно в том смысле, что если после вы-

[20]Там же. Л. 225.

ступления тов. А. Новотного в Кошице[21], в котором он упомянул о словацком национализме, для нормализации обстановки, особенно среди братиславской интеллигенции, потребовалось два–два с половиной года, то и теперь для этого потребуется столько же, а может быть и больше. ...В еженедельнике ЦК КПЧ "Культурна творба" от 24 февраля с.г. напечатана статья Вацлава Краля "О "Свидетельстве" Гусака несколько по-иному", в которой с определенных позиций подвергается разбору книга Г. Гусака "Свидетельство о Словацком национальном восстании". Статья Краля вызвала в Словакии отрицательную реакцию, прежде всего, среди интеллигенции, особенно историков. Она расценивается как определенная попытка поставить под сомнение политическую концепцию Словацкого национального восстания, его значения для чехословацкого народа. Статья, по словам "друзей", несколько возрождает былую версию о словацком буржуазном национализме и тем самым усиливает шероховатости в отношениях между чехами и словаками. Некоторые из этих замечаний "друзей" совпали с положениями, содержащимися в статье Ю. Шпитцера "Уважение к людям – уважение к истории", напечатанной в "Культурном животе" от 11 марта с.г. "Тенденция статьи Краля, пишет Шпитцер, является ясной. Здесь не идет речь о критике книги Гусака, здесь ставятся обвинения, которые вели к деформациям исторической трактовки восстания с неблагоприятными последствиями для его участников". Статья Ю. Шпитцера сопровождена примечанием о том, что по проблематике, которую затронул Краль, на следующей неделе намечена беседа чехословацких историков, итоги которой будут опубликованы в еженедельнике "Культурна творба". Однако вышестоящие органы от беседы предложили отказаться, и никаких публикаций по этому вопросу не допускать. Такое решение среди интеллигенции, а также и "друзей" было расценено как "зажим",

[21] Речь идет о выступлении А. Новотного в июне 1963 г. на собрании партактива Словакии в г. Кошице. Реагируя на статью журналиста М. Гиски в газете «Культурни живот», в которой был поставлен вопрос о необоснованном затягивании реабилитации лиц, обвиненных в «буржуазном национализме», А. Новотный вновь выдвинул тезис о том, что «критика национализма в Словакии, проводившаяся в 1949 г. на IX съезде КПС, была в принципе правильная, так как его носители хотели быть в первую очередь словаками, а только потом коммунистами» (подробнее об этом см.: *Cisař. Č.* Politik a člověk. Praha, 1997. S. 251–252).

лишний раз свидетельствующий, мол, о том, «что́ чехам можно, то словакам не дозволено"»[22].

Очевидно, что чувство некоей «ущемленности» испытывала не только словацкая интеллигенция, но и партийное руководство КПС. В беседе с советским дипломатами 4 февраля 1966 г. первый секретарь ЦК КПС А. Дубчек высказал несколько своих соображений по национальному вопросу. «В целом он считает, – сообщали в ЦК КПСС сотрудники генконсульства СССР в Братиславе, – что этот вопрос после определенного затишья стал несколько активизироваться. Причиной послужили не всегда правильные отношения центральных органов к инициативе словацких организаций. В ряде случаев все то, что выходит из Словакии, эти органы не против поставить под сомнение как проявление словацкого национализма. …Была также затронута государственно-правовая сторона национального вопроса. Ссылаясь на мнение многих авторитетных товарищей, в том числе чешских партийных и государственных деятелей, т. Дубчек высказался в том смысле, что, может быть, в свое время лучше было бы все же решить указанную сторону вопроса таким образом, как это предлагали К. Готвальд, Г. Димитров, Д. Мануильский, т.е. на федеративной основе»[23].

Конфликт между партийными элитами Праги и Братиславы достиг такой остроты, что Дубчек счел необходимым «пожаловаться советским товарищам». Генконсул СССР в Братиславе И.С. Кузнецов информировал ЦК КПСС: «Дубчек упомянул о той неприязни, которую испытывает к нему тов. Гендрих, а также о некоторых шагах последнего по зондированию возможности для отстранения от работы секретарей ЦК КПС тов. В. Биляка и тов. Ф. Барбирека, хотя это наиболее принципиальные и преданные делу партии товарищи. Тов. Дубчек в принципе не исключает и такого оборота дела, когда за его бескомпромиссность …руководство ЦК КПЧ поставит вопрос о его освобождении от работы в ЦК КПС, например, “под предлогом перевода в ЦК КПЧ как выросшего работника, получившего соответствующий партийный опыт и закалку, а затем под любым “благовидным” предлогом направит на какую-нибудь второстепенную роль”»[24].

Обобщая сведения о «нарастающих кризисных явлениях в ЧССР», советские дипломаты в политическом отчете посольства

[22] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 859. Л. 238–239.
[23] Там же. Л. 145.
[24] Там же. Л. 52–53.

СССР в ЧССР за 1966 г. докладывали в ЦК КПСС: «Продолжалось с нарастающей силой идеологическое давление с Запада, под воздействие которого попали значительные слои населения, прежде всего – интеллигенции и молодежи. Серьезно активизировались внутренние враждебные элементы. …это также оказало отрицательное воздействие на определенные слои интеллигенции, служащих государственных учреждений и молодежи. Именно в этих слоях стали нарастать проявления антисоциалистических, антигосударственных и антисоветских настроений, вызывавшие серьезную озабоченность и тревогу у руководства ЦК КПЧ. В создавшейся обстановке, усложнявшейся определенными экономическими трудностями и отрицательным влиянием известных процессов в социалистическом лагере, …ЦК КПЧ оказался перед необходимостью принимать неотложные меры для оздоровления обстановки, пресечения антисоциалистических и антисоветских проявлений. …Выражением тенденций, противостоящих политике ЦК КПЧ, явились попытки некоторых работников хозяйственных органов государственного аппарата, идеологических учреждений, определенных групп интеллигенции ослабить связи и сотрудничество ЧССР с Советским Союзом, расширить контакты с Западом, опорочивать деятельность КПЧ и органов народной власти в прошлом и настоящем, распространять антисоциалистические, мелкобуржуазные взгляды, противопоставлять молодежь старшему поколению и т.п. Эти тенденции проявились в ряде фильмов, произведений художественной литературы и изобразительного искусства, в некоторых телевизионных передачах, в позиции ряда литературно-художественных, молодежных и даже историко-партийных журналов. Борьба этих двух тенденций нашла известное отражение и в рядах КПЧ»[25].

Итак, из документов, направленных советскими дипломатами из Праги и Братиславы в первой половине 1966 г., явно вырисовывается картина нарастающего напряжения в чехословацком обществе. Поэтому не удивительно, что в политическом письме посольства СССР в ЧССР за I квартал 1966 г. ставятся вопросы связанные «с возможными внешнеполитическими мероприятиями Советского Союза в отношении Чехословакии». В этом документе, датированном 26 марта 1966 г., во главу угла был поставлен вопрос о сближении экономик ЧССР и СССР. «По мнению посольства, – говорится в этом документе, – тезис о сближении экономики ЧССР и СССР в

[25] Там же. Д. 673. Л. 63–64.

настоящее время приобретает исключительно важное значение для дальнейшего укрепления политических и экономических отношений между нашими странами; не вдаваясь в обсуждение точности формулировки этого тезиса можно утверждать, что он является не только весьма перспективным с точки зрения экономики, но и исключительно актуальным в политическом отношения, т.к. в нем заключена линия ориентации Чехословакии на Советский Союз. Эта линия затрагивает самую решающую сферу наших взаимоотношений экономического сотрудничества. К тому же нам выгодно поддерживать это стремление ЧССР не только по политическим, но и по экономическим соображениям. ...Имея в виду, что экономическое сотрудничество в рамках СЭВ приобретает все большее политическое значение и становится важнейшим фактором внутреннего экономического развития сравнительно небольших социалистических, стран Европы, считали бы обходимым иметь четкую многолетнюю перспективу политики СССР в отношении СЭВ и смелее идти на заключение долгосрочных соглашений в его рамках. …Все эти вопросы, однако, могут быть успешно реализованы при условии, если советское государство будет иметь не только пятилетний план развития народного хозяйства, но и перспективные планы, хотя бы по основным направлениям, с обязательным их сочетанием с внешнеполитической программой, рассчитанной по меньшей мере на десять лет. Без этих условий, несмотря на самую высокую политическую зрелость руководящих кадров социалистических стран и их интернационализм, нельзя стабилизировать экономические отношения социалистических стран с СССР в рамках СЭВ и, следовательно, обеспечить влияние СССР в самой решающей сфере – экономике, тем более, что западные страны весьма настойчиво осуществляют натиск на социалистические государства в целях их отрыва от Советского Союза. …По мнению посольства, в разработке перспективных внешнеполитических шагов Советского Союза в отношении социалистических стран (в данном случае речь идет о европейских социалистических странах) не менее важное место, наряду с предлагаемыми мерами по дальнейшему развитию экономических связей, должны занять проблемы нашего идеологического влияния. …Факты настоятельно требуют разработки в Центре акций, направленных на активное противодействие идеологическому натиску Запада, а также на усиление внешнеполитической пропаганды и идеологического влияния Советского Союза на социалистические страны. …Как нам известно, руководство КПЧ весьма обеспокоено проникновением западной идеологии в ЧССР. …Важным вопросом, на наш взгляд, является более четкая разработ-

ка идеологических установок. Одновременно назрела необходимость уточнить и вопрос о главной опасности в международном коммунистическом и рабочем движении. В последние годы, прежде всего, в связи с раскольническим курсом китайского руководства и осуществлением линии XX съезда КПСС на ликвидацию последствий культа личности, острие идеологической борьбы было направлено против догматизма. В то же время была несколько ослаблена борьба против ревизионистских тенденций. Следует отметить, что издержки курса по ликвидации последствий культа личности были особенно чувствительны в тех братских партиях и странах, где этот курс переплетался с тенденциями так наз. либерализации внутриполитической жизни. Все это, по нашему мнению, требует усиления борьбы за чистоту марксизма-ленинизма как против догматизма, так и против ревизионизма. Ослабление борьбы с ревизионизмом может привести к тому, что он превратится в главную опасность в нашем движении, особенно в настоящих условиях»[26].

Рассматривая этот документ, составленный первыми лицами посольства, следует принимать во внимание такие факторы, как грядущий XXIII съезд КПСС и нараставшее внутри советских правящих кругов стремление осуществить пересмотр решений XX и XXII съездов КПСС. По-видимому, именно этим можно объяснить сформулированные в политписьме предложения усилить борьбу за чистоту марксизма-ленинизма, одновременно направленную против проявлений догматизма и ревизионизма. Это была политически откровенно выжидательная позиция. Что же касается предложений о необходимости долгосрочного перспективного планирования, усиления роли СЭВ, об углублении и развитии советско-чехословацких связей в области культуры, науки, туризма, то в сложившейся обстановке второй половины 1960-х гг. итоги их реализации оказывались далеко не адекватными результатам, ожидавшимся в посольстве.

Так, 15 марта 1966 г. в пражской галерее братьев Чапеков открылась выставка скульптора Э. Неизвестного и художника В. Янкилевского, организованная Союзом чехословацких художников на базе частных коллекций чехословацких граждан (в первую очередь, искусствоведа Д. Конечного и профессора Сиблика). В информации посольства СССР в ЧССР от 31 марта 1966 г. «Об открывшейся в Праге выставке Э. Неизвестного и В. Янкилевского» отмечалось, что ее открытие было «положительно встречено частью деятелей изобра-

[26]Там же. Л. 130–150.

зительного искусства и работников Чехословацкого союза художников». Позитивные отзывы опубликовала и чехословацкая пресса – еженедельник ЦК КПЧ по вопросам политики и культуры “Культурни творба”, журнал Союза чехословацко-советской дружбы “Прага-Москва”, “Литерарни новины”. Высокая оценка выставки была дана органом ЦК КПЧ “Руде право” – 12 апреля 1966 г. Иржи Шмидт писал: «Неизвестный… это – художник-мыслитель, он хочет о мире не только размышлять, не только о нем мечтать, но он хочет мир будоражить. …В его рисунках чувствуется такая сила, внутренняя динамика и огромный идейный стержень их возможной скульптурной реализации».

Однако особенного прилива энтузиазма в связи с успехами советских художников в Праге посольство СССР не испытывало, более того оно поспешило доложить в ЦК КПСС о том, что «посольство СССР не было заранее проинформировано об открытии этой выставки. На открытие выставки не были приглашены представители посольства, как это практикуется в подобных случаях. …Работниками посольства высказано чехословацким товарищам из Союза чехословацких художников удивление подобными действиями, не способствующими, по нашему мнению, укреплению сотрудничества чехословацких и советских художников»[27]. Итогом такой информации стала разъяснительная работа с представителям ЦК КПЧ во время их визита в Советский Союз. Последним в ЦК КПСС было высказано «мнение о нежелательности организации подобных выставок… В беседе в Отделе ЦК КПСС инструктор идеологического отдела ЦК КПЧ т. Кливар признал, что организация таких выставок является ошибкой»[28].

Обостренная реакция советского посольства и сотрудников ЦК КПСС легко объяснима: деятели советского искусства, чье творчество столь заинтересовало чехословацкую общественность, у себя на родине имели репутацию людей «политически неблагонадежных», «запятнавших себя» увлечением «модернистскими течениями»[29]. Пропагандируя «такое искусство» за рубежом, советские дипломаты опасались сами попасть в разряд «проявивших политическую близорукость» со всеми вытекающими последствиями, именно поэтому

[27]Там же. Д. 674. Л. 175–176.

[28] Там же. Л. 188.

[29] Подробнее об этом см.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. М., 2009.

они стремились как можно скорее «принять меры», разъяснить чехословацким товарищам их серьезную ошибку.

Эта показательная история, как нам представляется, наглядно демонстрирует, в какой сложной обстановке приходилось работать сотрудникам советских внешнеполитических ведомств. Понимание важности и неотложности энергичных действий нивелировалось страхом навлечь на себя гнев «высших сфер», разбивалась об извечное чиновничье «как бы чего не вышло». Зачастую сотрудникам советского посольства было, с точки зрения личных карьерных интересов, гораздо проще ничего не делать (максимум, чем это грозило, – обвинением в «безынициативности»), чем проявлять активность с риском получить ярлык «политически незрелого работника». Иногда дело доходило до смешного: 6 декабря 1965 г. в ЦК КПСС была направлена запись беседы первого секретаря посольства М. Метельского с секретарем чехословацко-советской Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству Шинделяржем. Высокопоставленный чехословацкий чиновник говорил советскому дипломату: «Особенно не понятно, почему вы запрещаете поездки детей, которые ведут друг с другом многолетнею переписку. Ведь именно в это время закладываются основы крепкой дружбы на всю жизнь. Даже я, проработав много лет в Москве, не могу послать своего сына в Москву, где у него много друзей. Недавно с просьбой помочь организовать взаимные поездки подростков, которые много лет переписываются друг с другом, ко мне обратился один товарищ, с которым я ранее долго совместно работал. После многих попыток я ему помочь не сумел»[30]. Стремление перестраховаться принимало немыслимые, наносящие серьезный ущерб делу, размеры.

Основная проблема, как нам представляется, заключалась в том, что все начинания советского посольства в Праге не выходили за рамки давно сложившегося внешнеполитического курса Москвы в отношении восточноевропейских соцстран, в то время как резко менявшиеся реалии политической жизни требовали выработки принципиально иных, новых подходов. Но ни МИД СССР, ни тем более посольство СССР в ЧССР, не обладали достаточными для этого полномочиями.

В рамках советской политической системы существовала лишь одна «инстанция», обладавшая необходимыми возможностями для

[30] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 860. Л. 9.

выработки и принятия фундаментальных решений по принципиальным вопросам и располагавшая подходящим «инструментарием» для их претворения в жизнь, – ЦК КПСС.

Даже на основании того сравнительно небольшого комплекса документов, который мы имели возможность рассмотреть в рамках данной статьи, нам представляется, что можно с уверенностью говорить: в ЦК КПСС обладали всей полнотой сведений о том сложном клубке экономических и политических проблем, дестабилизировавших общественную ситуацию в Чехословакии. Ни о каком «незнании» или «недооценке событий» речи быть не может. Тем более, что на всех цитированных нами документах (как, впрочем, и на подавляющем большинстве материалов, выявленных по исследуемой теме) стоит одна и та же, «стереотипная» резолюция сотрудников отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран: «Материал информационный, использован в работе отдела». Установить – каким образом поступавшая информация использовалась отделом ЦК КПСС по документам не представляется возможным, поскольку на сегодняшний день не удалось обнаружить ни одной «инициативной записки» отдела в адрес вышестоящих инстанций – Политбюро ЦК КПСС и Секретариата ЦК КПСС, в которой бы обращалось внимание на нарастание кризисных явлений в ЧССР и предлагались бы какие-либо меры по разрешению кризиса. Так же на данный момент не выявлено ни одного постановления Политбюро и Секретариата ЦК КПСС за 1964–1967 гг., которое позволило бы говорить о том, что высшие органы ЦК КПСС были обеспокоены ситуацией в Чехословакии и занимались ее разрешением.

Конечно, можно предположить, что вопрос решался, согласно излюбленной «цековской» формулировке, «в доверительном порядке», на основании устных указаний, однако, как показывает длительный опыт работы с материалами аппарата ЦК КПСС, даже в этом случае некоторые документальные следы не могли не сохраниться. Так, если хранящейся в РГАНИ личный фонд Ю.В. Андропова (бывшего с 1957 г. по 1967 г. заведующим отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и, одновременно, с 1962 г. по 1967 г. Секретарем ЦК КПСС, «курировавшим» соцстраны) действительно практически полностью был «вычищен» (видимо, в период пребывания Андропова на посту генерального секретаря ЦК КПСС), то в личном фонде Л.И. Брежнева (также хранящемся в РГАНИ) практически полностью сохранились стенограммы переговоров и записи его бесед с чехословацкими партийными и государственными деятелями, а также значительный

комплекс материалов по чехословацкой тематике, связанных с подготовкой и проведением встреч на высшем уровне. Из документов явствует, что во время переговоров с Л.И. Брежнвым А. Новотный неоднократно обращался с просьбами об оказании экономической помощи ЧССР и, как правило, «находил понимание советских товарищей». Никаких иных примет, свидетельствующих о серьезности сложившегося положения дел в Чехословакии, указанные документы не содержат. Так же, как не находит подтверждения распространенный в историографии тезис об отрицательном отношении советского генсека к Новотному, вызванном его «особо доверительными» отношениями с Н.С. Хрущевым и настороженным отношением к отставке последнего. Архивные документы свидетельствуют, что отставка Хрущева на октябрьском пленуме ЦК КПСС была действительно неожиданностью как для чехословацкого лидера, так и для чехословацкого общества в целом. Это нашло свое отражение в заявлении Президиума ЦК КПЧ от 20 октября 1964 г., в котором отмечалось, что «партия и общество Чехословакии восприняли с удивлением сообщение об освобождении тов. Хрущева от руководящих постов в ЦК КПСС и в правительстве СССР»[31]. Это вызвало немедленную реакцию советской стороны. В этот же день Новотного со специальным поручением посетил посол СССР в Чехословакии М.В. Зимянин[32], чтобы «уяснить содержащиеся в заявлении положения»[33]. Новотный вынужден был объяснять причину появления данной формулировки в принципиально важном для нового советского руководства документе. Подчеркнув наличие единства КПЧ и КПСС и поддержку решений пленума ЦК КПСС, он сказал, что вышеназванные положения в заявлении Президиума ЦК КПЧ «связаны только с тем, что в сообщении о пленуме ЦК КПСС не давалось ответа на неизбежно возникающие вопросы. Он, Новотный, считал бы более правильным, если бы ЦК КПСС в своем сообщении информировал бы о том, что Хрущев в борьбе за генеральную линию ЦК имеет заслуги, но за последние годы с работой не справлялся и совершал ошибки. При отставке тов. Хрущева по возрасту и состоянию здоровья, ему надо бы-

[31] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 51. П. 23. Д. 10. Л. 65.

[32] М.В. Зимянин был послом СССР в ЧССР в 1960–1965 гг., на этом посту его сменил С.В. Червоненко (1965–1973 гг.).

[33] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 51. П. 23. Д. 10. Л. 65.

ло бы выразить благодарность»[34]. Иными словами, возражение чехословацкой стороны вызывала только «этика» проведения отставки.

Значительно более жесткой была реакция венгерского лидера Я. Кадара, который при первой же встрече 9 ноября 1964 г. с вновь избранным генеральным секретарем ЦК КПСС поднял «больной» для советской стороны вопрос о методах отстранения от власти Н.С. Хрущева. «Решение о т. Хрущеве, – говорил Кадар Брежневу, – в первый момент вызвало у нас настоящий шок, поскольку мы знали лишь одну сторону его деятельности. Многим было жалко его, в том числе и мне. Человеку 70 лет, всю жизнь посвятил служению дела социализма, советской власти. В таких случаях жизнь лучше заканчивать по-другому. ...И, надо сказать, что освобождение Хрущева вызвало у нас известный политический надлом – возникла неразбериха, неопределенность. Хотел бы еще раз вернуться к вопросу о положительной оценке деятельности Хрущева. Перед поездкой в Москву мы советовались у себя в Политбюро, и я сказал там, что, так или иначе, мне трудно не уважать старика, не за ошибки, а за всю его жизнь, за то, что он сделал ради укрепления советско-венгерской дружбы. Если учитывать допущенные им ошибки, то он, конечно, был снят правильно. Но ведь мы же, ко всему прочему и люди**.** Лично с Хрущевым, с вами, с т. Аристовым и с другими мы познакомились в тяжелую пору 1956 года. Вы тогда оказали нам большую помощь**.** И я лично никогда не забуду тех людей, кто был тогда рядом с нами, ни Хрущева, ни вас, ни Аристова, ни остальных. Подобные субъективные моменты, как мне кажется, тоже имеют некоторое отношение к политике.

Любой некоммунист знает, что коммунисты работают и днем, и ночью, не жалеют ни сил, ни здоровья. И нас нередко упрекают в том, что мы, мол, нередко используем людей до самого конца, а потом выбрасываем, как выжатый лимон. Это отнюдь не способствует росту симпатий к коммунистам.

Для меня является вопросом чести сказать вам, что плохо об этом человеке я думать не могу. Я обычно трудно сближаюсь с людьми, но перейдя с кем-нибудь на “ты”, я не могу так просто от него отказаться, даже если он допустил ошибки. ...Искать встречи с Хрущевым я не собираюсь, возможно, никогда его больше не увижу, но если мы встретимся, то я обязательно с ним поздороваюсь»[35].

---

[34] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 51. П. 23. Д. 10. Л. 66.

[35] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 497. Л. 15–22.

Безусловно, подобных резких заявлений А. Новотный никогда себе не позволял: на фоне напряженных, «наполненных подводными камнями» советско-венгерских переговоров той поры стенограммы встреч руководства КПСС и КПЧ производят впечатление удивительного благодушия.

Будто непреодолимая пропасть разделяла, с одной стороны, аппарат ЦК КПСС, тщательно накапливавший сведения о нараставшем напряжении в чехословацком обществе в 1964–1967 гг., и высшее партийное руководство, не реагировавшее на эту информацию, с другой. До некоторой степени прояснить столь парадоксальную ситуацию может датированная 18 января 1968 г. записка «К урокам Чехословацких событий». На документе резолюция Л.И. Брежнева «т. Александрову. Переговорить со мной» и многочисленные подчеркивания, свидетельствующие о серьезном внимании, уделенном генсеком тексту, установить автора которого не представляется возможным (однако, очевидно, что он принадлежал к ближайшему окружению Брежнева).

По мнению автора записки, на момент ее составления чехословацкий кризис был благополучно преодолен! А это наводит на мысль о том, что события «Пражской весны», действительно, могли стать полной неожиданностью для советского политического руководства.

Как отмечает автор документа, «события в Чехословакии отрицательно сказались на авторитете нашей страны и партии. Это связано с тем, что в глазах широкой общественности, в глазах большинства коммунистов Советский Союз рассматривался (и, видимо, не без оснований) как сила, препятствующая обновлению руководства»[36]. Вину за случившееся он возлагает на «соответствующие органы и, прежде всего, посольство СССР в Праге», которые, располагая значительным количеством фактов, «все же не смогли правильно оценить ситуацию и, соответственно, не смогли правильно ориентировать ЦК КПСС». Тем самым автор снимает всю ответственность с аппарата ЦК КПСС. Суть чехословацкого кризиса в значительной степени объясняется в записке тем, что «общество, партия, люди переросли (или перерастают) существующий уровень руководства, его компетентность, существующие формы организации общественной жизни». Иными словами, дело сводится к вопросу о партийном руководстве и внутрипартийных конфликтах. И все же автор документа вынужден констатировать: «Все это (события в ЧССР. – *Т.Д.*) еще и

[36] Там же. Д. 879. Л. 1.

еще раз настоятельно требует тщательно разобраться в обстановке, определить и отчетливо выявить свое принципиальное отношение к действительно прогрессивным и назревшим преобразованиям. Это один из реальных путей повышения авторитета КПСС и СССР и усиления нашего влияния на процессы, происходящие в мировой системе социализма»[37].

Это, пожалуй, самый главный урок, который могло извлечь советское руководство. Только предложив обществу стран «социалистического лагеря» привлекательную модель будущего, пойдя на подлинную замену отжившего новым, выработав систему необходимых реформ и возглавив их, ЦК КПСС мог рассчитывать на реальное преодоление кризисных явлений. Пока же все внимание советского руководства фокусировалось на борьбе, развертывавшейся в высших кругах партийной элиты в ЧССР. При этом важно иметь ввиду, что она воспринималось и оценивалась в значительной степени через призму советских внутриполитических событий, связанных с относительно недавней отставкой Хрущева, а все надежды возлагались на замену «упустившего ситуацию» лидера партии на нового, более «удачного», «способного навести порядок». Применительно к ЧССР замена на посту первого секретаря КПЧ А. Новотного на А. Дубчека воспринималась в аппарате ЦК как замена «чехословацкого Хрущева на чехословацкого Брежнева». Последующее развитие событий выявило односторонность такого подхода, который только «загонял болезнь вглубь»: ее обострение было неминуемо, что и доказала наступившая в 1968 году «Пражская весна».

[37] Там же. Л. 3.

Ар.А. Улунян

1968 год. Бухарест в ожидании советского вторжения (Дипломатия и оборона)

Политика Румынии в рамках восточного блока продолжает оставаться в центре внимания как румынских, так и зарубежных исследователей. Для Бухареста особым был 1968 год, когда Советский Союз и его союзники по Варшавскому Договору осуществили интервенцию против Чехословакии. Еще в начале 1960-х гг. Румыния заняла внутри ОВД особую позицию по многим военным и политическим вопросам. Это сильно беспокоило как Москву, так и ее союзников по пакту. Зимой 1968 г. американские дипломаты, аккредитованные в Бухаресте, отмечали: «Наблюдение за румынской внешней политикой дает основания считать, что румыны продолжат следовать отчетливо проявившимся курсом, хотя они могут сделать некоторые уступки Москве, больше формального, чем сущностного, характера»[1]. Действия Н. Чаушеску были направлены на то, чтобы добиться для себя свободы маневра как в рамках восточного блока, так и во взаимоотношениях с Западом, и, прежде всего, США. Подобная политика начинала восприниматься с подозрением в Москве и среди ее наиболее последовательных союзников[2]. На состоявшейся 23 марта 1968 г. в Дрездене встрече компартий государств-членов ОВД (представители Румынии на ней отсутствовали) Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев выступил с резкими обвинениями в адрес чехословацкого руководства[3], что положило начало ухудшению отношений между Москвой и Прагой. Ближайший советский союзник

---

[1] Aigram from the Embassy in Romania to the department of State. Bucharest, January 19, 1968 // Foreign Relations of the United States. Eastern Europe. 1964–1968. Vol. XVII. Washington, 1996. P. 436.

[2] См: Пленум на Централния Комитет на Българската комунистическа партия, състоял се на 14 март 1968 год. Стенограма – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=17966&navinfo=14465.

[3] Stenographic Account of the Dresden Meeting, March 23, 1968. Our Source: *Navratil, Jaromir.* «The Prague Spring 1968». Hungary: Central European Press, 1998. Pp. 64–72. Original Source: SAPMOB, ZPA, IV 2/701/778; Prague Spring. Historical Document – http://library.thinkquest.org/C001155/documents/doc09.htm; *Баева И.* 1968 година – повратна за Източна Европа // 1968 – Четрдесет година после. Београд, 2008. С. 38.

по Варшавскому пакту – Болгария также избрала довольно жесткую линию в отношении происходившего в Праге.

В конце марта 1968 г. руководство БКП во главе с т. Живковым пришло к выводу о возможном в сложившейся ситуации военном решении «чехословацкой проблемы»[4]. На Пленуме ЦК БКП 29 марта 1968 г. отчетливо выявилось, что так наз. чехословацкая проекция была лишь поводом для озвучивания вполне конкретной программы болгарского руководства, реализация которой имела бы масштабные последствия. Так, в частности, Т. Живков заявил, что происходящее в Чехословакии являлось «делом югославского руководства, которое пытается через Румынию, Польшу и Чехословакию создать в нашей семье свое объединение. Нет необходимости применять сталинские методы прошлого, но мы должны действовать таким образом, чтобы навести порядок и в Чехословакии, и в Румынии, а затем и в Югославии... Какую линию проводит югославское руководство? Контрреволюционную, антисоветскую! Какую линию проводит румынское руководство? Контрреволюционную, антисоветскую!.. Разумеется, мы отдаем себе отчет, что не надо торопиться, но мы должны действовать...»[5].

Советские «верхи» с беспокойством следили за действиями руководства ряда стран Восточной Европы, где, по их мнению, к весне–лету 1968 г. получили распространение идеи реанимации военно-политического блока, аналогичного некогда существовавшей Малой Антанте. Эти планы, как отмечали советские эксперты, вызвали интерес и поддержку в Чехословакии и Румынии, к которым подключилась Югославия[6]. (Предупреждения о намерении Югославии, Румынии и Чехословакии «развалить социалистический лагерь» и создать новый альянс поступили к тому времени также из Варшавы от В. Го-

---

[4] Информация за среща на представители на партиите и правителствата на НРБ, ГДР, СССР, УНР, ЧСР и ПНР във връзка със събитията в Чехословакия, състояла се в Дрезден на 23.III.1968 г. 29 март 1968 г. С. 17, 18 – http://www.nbu.bg/webs/historyproject/dokumenti_63-89/razdel5t4v/f1bop35ae127l.pdf.

[5] Пленум на ЦК на БКП. 29 март 1968. Част III. С. 42, 43 http://1968bg.com/index.php?option=com_content&task=view&id=247&Itemid=10

[6] *Степанов А. Ф.* Особый курс руководства АПТ и некоторые аспекты албано-китайских отношений (К вопросу о разногласиях между Албанией и Китаем.). М., 1978. С. 103.

мулки[7]). Однако, как свидетельствуют источники, столь однозначная советская оценка базировалась скорее на опасениях Кремля потерять контроль над Восточной Европой, нежели на реальных фактах[8].

Для той части политических кругов США, которая была вовлечена в разработку и принятие решений по внешнеполитическим вопросам, все очевиднее становилась перспектива изменения ситуации в Восточной Европе. При этом не исключался и силовой вариант. В одном из документов, прогнозировавшем развитие ситуации в регионе и возможные действия Вашингтона, указывалось: «Вероятно, что в неожиданных на данный момент условиях, Советский Союз будет вынужден почувствовать для себя необходимость военного вмешательства в Чехословакии или даже Румынии; интервенция в Польшу или спокойную сейчас ГДР маловероятна»[9].

4 мая 1968 г. посол Румынии в Италии К. Буртика передал в Бухарест информацию, полученную от руководства Итальянской компартии, о готовящейся интервенции вооруженных сил Варшавского пакта против Чехословакии, а 17 мая уже румынский посол в Берлине сообщал в МИД своей страны о том, что в руководящих кругах ГДР существует мнение об угрозе безопасности для ГДР, ПНР и СССР, «исходящей извне», т. е. от Чехословакии[10].

Западные политики и даже союзники СССР не знали о том, что в начале мая 1968 г. советское партийно-государственное руководство уже имело план действий. 6 мая 1968 г. Брежнев заявил на заседании Политбюро ЦК КПСС: «Нам нужно обезопасить себя и весь “социалистический лагерь” на западе, на границе с ФРГ и Австрией.

---

[7] *Betea L.* Solul lui Brejnev // Istoria comunismului românesc. Serial publicat în Jurnalul Naţional. 19 august 2008. – http://istoriacomunismului.blogspot.com/2008/08/solul-lui-brejnev.html

[8] См. об этом в: *Улунян Ар.* Миф «Новой Малой Антанты». К истории появления одной концепции (60-е гг. XX в.) // Европейские сравнительно-исторические исследования. История и сообщества. Вып. 3. М., 2010.

[9] 21. Memorandum From the Deputy Under Secretary of State for Political Affairs (Bohlen) to the Under Secre tary of State (Katzenbach). Washington, April 28, 1968 // Foreign Relations of the United States (далее – FRUS) 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Washington, 1996. P. 74.

[10] Об отношении официального Бухареста к «Пражской весне» см: 1968. Primăvara de la Praga. Documente diplomatice. Ianuarie 1968 – Aprilie 1969 / Ediţie de Preda D. Cuvânt înainte: Severin A. Studiu introductiv: Popişteanu C. / Bucureşti. 2009.

Мы знаем, что введение войск и принятие других мер, которые мы намечаем, вызовет бунт в буржуазной печати. Очевидно, и в чешской. Ну что же, это не впервой. Зато мы сохраним социалистическую Чехословакию, зато каждый подумает после этого, что шутить с нами нельзя. Если будут стоять десять дивизий наших на границе с ФРГ, разговор будет совершенно другой»[11].

В частном разговоре министра иностранных дел СРР К. Мэнеску с послом США в ООН А. Гольдбергом, состоявшемся вечером 9 мая 1968 г. в Нью-Йорке, румынский дипломат выразил «обеспокоенность в связи с отсутствием опровержений, как из советских, так и чехословацких источников, по поводу нынешних сообщений о передвижении советских войск»[12]. Румыния, заявил министр, пожелав, чтобы его слова были переданы Госсекретарю США Д. Раску, готова дать отпор любой иностранной попытке интервенции[13]. Содержание беседы было срочно передано лично Н. Чаушеску[14]. Мэнеску считал, что в случае, если в самое ближайшее время стороны не дадут опровержение с формулировкой «империалистические фальшивки», то «ситуация будет очень серьезной»[15]. По линии румынской разведки Бухарест был хорошо осведомлен о начавшейся фактически в мае 1968 г. подготовке вероятной вооруженной интервенции СССР и его союзников в Чехословакию. Одним из важных источников румынской разведки был некий старший офицер вооруженных сил ПНР, имевший непосредственное отношение к руководящим структурам

---

[11] Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 6 мая 1968 г. цит. по: *Латыш М. В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998. С. 104. О международных аспектах чешского кризиса см.: Prager Frühling. Das internationale Krisenjahr 1968. Beiträge. Bd. 1. Köln, Weimar, Wien, 2008; Prager Frühling. Das internationale Krisenjahr 1968. Dokumente; «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. Bd. 2. Köln – Weimar – Wien, 2008.

[12] Telegram From the Department of State to the Embassy in Romania. Washington, May 10, 1968 // FRUS.1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Washington,1996. P. 443.

[13] Ibid. P. 444.

[14] *Betea L.* Op. cit.

[15] Telegram From the Department of State…May 10, 1968 // FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. P. 443.

ОВД[16]. Вероятно, служивший в Дирекции зарубежной информации (внешняя политическая разведка Румынии) генерал Н. Косма получил от этого польского офицера через находившегося на связи полковника той же службы И. Бикела сведения о том, что якобы Л.И. Брежнев, руководитель КГБ Ю.В. Андропов, а также ряд высших советских военачальников обсуждали вопрос о проведении военной операции против Чехословакии, Румынии и Югославии[17].

Усиление внешнеполитической активности Бухареста весной 1968 г. имело цель укрепить позиции Румынии на международной арене. Визит французского президента Ш. де Голля в Румынию 14–18 мая 1968 г. представлял особый интерес для Н. Чаушеску, так как Париж подчеркнуто демонстрировал свою особую позицию в отношениях с США и НАТО, выйдя в 1966 г. из военной структуры альянса. Для Бухареста этот факт имел исключительное значение, поскольку создавал определенную аналогию с румынской позицией в коммунистическом блоке и Варшавском пакте. Визит де Голля планировался еще в 1967 г., но был отложен в связи с Шестидневной войной на Ближнем Востоке, а в мае 1968 г. находился под угрозой срыва из-за начавшихся студенческих волнений во Франции. Однако французский президент счел поездку в Румынию важной как проявление уважения к Чаушеску[18], а члены делегации стали очевидцами проявлений поддержки румынами «особого курса» Франции[19]. В свою очередь, проведение 20–30 июня 1968 г. командно-штабных

[16] См. интервью В. Рончи с генералом в отставке, бывшим главой СГБ СРР в 1968–1972 гг. Йоном Стэнеску: *Roncea V.* «Ii primeam pe rusi cu foc de arma» // Ziua, 20.08.2008; *Betea L.* Op. cit.

[17] *Florian Bichir F.* URSS pregătea invadarea României // Evenimentul Zilei, 21.8.2008.

[18] *Dinică Ciobotea D., Marinaş I.* Charles de Gaulle la Craiova. Bucureşti, 2007. P. 16.

[19] Об этом, в частности, писала позже в своих воспоминаниях С. Столожан – переводчица де Голля с румынского языка, отмечая неподдельный энтузиазм, существовавший в румынском обществе по поводу проводимой Н. Чаушеску политики: *Stolojan S.* Cu de Gaulle în România. Bucureşti, 1994. Впервые эта книга вышла в Париже на французском языке в 1991 г.: *Stolojan S.* Avec de Gaulle en Roumanie. Paris, 1991.

учений ОВД «Шумава» рассматривалось румынским военным командованием как подготовка к интервенции в Чехословакию[20].

В начале августа 1968 г. взаимоотношения Бухареста и Москвы свидетельствовали о том, что советское руководство взяло курс на временную изоляцию румын, стремилось оказать нажим, включая демонстрацию военной силы, на этого члена Варшавского пакта, подчеркивающего свою самостоятельность. В начале августа бюллетени информации Совета государственной безопасности (СГБ), печатавшиеся в количестве 5-ти экземпляров только для высшего руководства[*], сообщали о концентрации войск с конце июля 1968 г. на сопредельной с румынской территорией Молдавской ССР. В них приводились разведданные румынской службы радиоперехвата и пеленга, свидетельствовавшие о возраставшей активности радиообмена между советскими военными частями, расквартированными в Молдавской и Украинской ССР[21]. Одновременно сообщалось о деятельности советского военного атташе и его коллег из других восточноевропейских стран, направленной на сбор военной информации, и попытках различных советских организаций направить под различными предлогами «туристов» в Румынию с целью получения информации. В специальной записке СГБ № 148 от 5 августа 1968 г. о «некоторых враждебных действиях, предпринимаемых советскими властями против СР Румынии», указывалось на ужесточение советской стороной пограничного режима, ограничение посещений родственников, демонстративно грубое обхождение с гражданами Румынии, а также на обращения советских граждан в посольство СРР в Москве с

---

[20] См. ссылку на соответствующий документ Министерства обороны СРР: Arhivele Militare Române (AMR), fond Direcţia Operaţii, dosar 3,vol.1, ff. 306-307 в: *Dumitru L.-C.* Atitudinea României faţă de criza Cehoslovacă din 1968. Consideraţii de ordin geopolic // Ministerul Apărarii. Universităţii Naţionale de Apărare «Carol I». Buletinul. 2004. N 3. P. 134.

[*] Бюллетени предназначались Н. Чаушеску, главе СГБ Н. Стэнеску, секретарю ЦК РКП В. Трофину, отвечавшему за кадровую работу, и В. Патилинецу – военному советнику Чаушеску, являвшемуся также заместителем заведующего Военным отделом ЦК РКП, курировавшим МВД, госбезопасность, Министерство юстиции и прокуратуру.

[21] См. публикацию материалов из архивов ЦК РКП и СГБ в: *Grigorescu L.-D., Moraru C.* Trupe în apropierea frontierei şi «turisti» în interior – http://www.cimpoesu.ro/petru/tolba/Resume/1_Interludiu.doc.

заявлениями, осуждавшими политический курс румынского руководства[22].

Тем временем Чаушеску демонстративно посетил Прагу 15–17 августа 1968 г., т.е. фактически накануне интервенции ОВД, даты начал которой он точно не знал, пытаясь таким образом оказать моральную поддержку А. Дубчеку и его сподвижникам. Примечательно, что еще накануне, выступая в Военной академии в Бухаресте по случаю очередного выпуска, он заявил: «Решение внутренних проблем относится исключительно к компетенции партии и народа соответствующей страны, и вмешательство любого рода может только нанести вред делу социализма, дружбе и сотрудничеству социалистических стран»[23]. В ходе визита 16 августа был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, что вызвало серьезную обеспокоенность в Кремле.

20 августа 1968 г. в 20 ч. 15 мин. по местному времени советский посол А.Ф. Добрынин зачитал на экстренной встрече с американским президентом Л. Джонсоном сообщение об операции стран ОВД против Чехословакии. Ровно через два часа Джонсон срочно собрал заседание Совета национальной безопасности, на котором было принято решение об аннулировании планировавшегося президентского визита в СССР. На следующий день, 21 августа, Джонсон выступил с осуждением действий СССР и его сателлитов.

Коллективная агрессия под руководством СССР против Чехословакии была серьезно воспринята американским руководством. 23 августа на встрече политического и военного руководства США была озвучена информация о том, что «румыны испытывают значительные опасения, так как, если Россия двинулась на Чехословакию, она могла бы выступить в то же время и против Румынии. Это объясняет мобилизацию румынских сил». Особое внимание было уделено тому,

---

[22] См. об этом в: «Информация, представленная Советом Государственной безопасности руководителям партии о враждебном отношении советских властей к Румынии летом 1968 г. 5 августа 1968 г.» (Informare făcută de Consiliul Securităţii Statului conducerii partidului, referitoare la atitudinea ostilă a autorităţilor sovietice faţă de România în cursul verii anului 1968, din 5 august 1968 // 21 august 1968 – Apoteoza lui Ceausescu. Betea L. (coord.), Diac C., Mihai F.-R., Tiu I. Iaşi, 2009. P. 89–96.

[23] Цит. по: *Petrescu D.* Continuity, Legitimacy and Identity: Understanding the Romanian August of 1968 // Cuadernos de Historia Contemporánea. Vol. 31. 2009. P. 78.

что «Румыния... заняла одну из наиболее жестких публично озвученных позиций по Чехословакии». Также отмечалось, что это касается не сугубо двусторонних отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами, а «является вопросом, когда Советский Союз выступает против всех остальных»[24]. 24 августа 1968 г. помощник Госсекретаря США по европейским делам Дж. Лэдди направил Д. Раску предложения о возможных действиях США и их союзников в случае нападения СССР на Румынию. Попытка выяснить не только реальную ситуацию с передвижением советских войск около границ Румынии, но и отношение официального Бухареста к происходящему была предпринята заместителем Государственного секретаря Ч. Боленом и ответственным за восточноевропейское направление Госдепартамента Г. Капланом во время их встречи с румынским послом в США К. Богданом 23 августа 1968 г. Однако ответ посла был уклончив якобы в связи с отсутствием у него необходимой информации[25]. Такая позиция объяснялась нежеланием румынской стороны слишком глубоко посвящать Вашингтон в характер своих отношений с Москвой и не создавать впечатления у американцев, что Румыния жалуется США на СССР[26]. Для Бухареста было важно не только подчеркнуть свою самостоятельность в восточном блоке, но и использовать свое членство в нем как инструмент давления одновременно и на Вашингтон, и на Москву. Именно поэтому К. Богдан заявил о том, что Румыния не собирается покидать ОВД[27].

За происходящим на «чехословацком направлении» пристально следила и Великобритания – ближайший союзник США по НАТО. Накануне вторжения в Чехословакию Вашингтон и Лондон серьезно рассматривали вопрос о противодействии СССР и его союзникам в случае, если они не ограничатся Чехословакией, а продолжат продвижение в направлении Германии, Австрии, Албании и Югосла-

[24] 163. Memorandum of Conversation. SUBJECT: Eastern European Situation. PARTICIPANTS: Romania: Ambassador Corneliu Bogdan. United States: Deputy Under Secretary Bohlen, George R. Kaplan, EUR/EE. Washington, August 23, 1968 // FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Washington, 1996. P. 449.

[25] Ibid.

[26] Memorandum of Conversation. Washington, August 23, 1968 // FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Washington,1996. P. 449.

[27] Ibid.

вии[28]. Среди предлагавшихся мер были демонстративное усиление сухопутных сил НАТО в Европе и военно-морского присутствия в Средиземноморье, оказание помощи Югославии и усиление берлинского гарнизона, а также сокращение культурного обмена между Западом и СССР, включая его союзников – вероятных участников агрессии против Румынии[29].

Для Бухареста произошедшее стало дополнительным обоснованием необходимости общенациональной идейно-политической мобилизации. В современной румынской историографии высказываются предположения о том, что Москва планировала одновременную интервенцию против Чехословакии и Румынии. При этом нередко делается ссылка на якобы состоявшуюся беседу между Н. Чаушеску и Л.И. Брежневым, в ходе которой румынский лидер сумел успокоить своего собеседника и, таким образом, устранить угрозу вторжения. Вместе с тем, в румынской общественно-политической публицистике достаточно активно обсуждается тема искусственного использования режимом Чаушеску военной угрозы Румынии со стороны СССР в собственных целях. Более того, утверждается, что такой угрозы не было[30]. Отсутствие в научном обороте российских архивных материалов не дает сегодня возможность подтвердить или опровергнуть данную точку зрения.

За всеми идейно-теоретическими установками и интерпретациями коммунистической доктрины проглядывали контуры новой реальности – выдвижение на первый план национально-государственных интересов в виде «национальных оттенков» мар-

---

[28] NATO braced for European war with Soviets after 1968 invasion // Czech Radio 7, Radio Prague. – http://www.radio.cz/en/article/11361.

[29] Information Memorandum From the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy) to Secretary of State Rusk.Washington, August 24, 1968 // FRUS.1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Washington, 1996. P. 450.

[30] *Berdeli E.* Adevăruri despre august ’68: Ceauşescu n-a fost «invitat» la Praga, Moscova nu dorea invadarea României // Gardianul, 24.8.2008. Особую критику в румынской научной прессе, а также общественно-политических публикациях вызвала книга покойного журналиста и историка Михая Пелина «За кулисами румынского шпионажа: ДИЕ 1955–1989», в которой автор утверждал: неприглашение Чаушеску участвовать в интервенции могло означать, что она находится на втором месте после А. Дубчека в «черном списке» Кремля (*Pelin M.* Culisele spionajului românesc : D.I.E. 1955–1989. Bucureşti, 1997).

ксизма-ленинизма, а также укрепление власти конкретного лидера и его окружения. Наиболее отчетливо это отразилось в решениях заседания Исполнительного комитета ЦК РКП 21 августа 1968 г.[31] и в речи Н. Чаушеску на внеочередной сессии Великого Национального собрания 22 августа 1968 г. Характерно, что в эти дни оглашен был и основной принцип румынской оборонной доктрины (выступление Чаушеску на митинге 22 августа 1968 г. с балкона здания ЦП РКП): ведение общенародной войны в случае нарушения национального суверенитета страны. Помимо организации Патриотической гвардии, власти начали предпринимать дополнительные меры: формирование дивизий горных войск в целях создания очагов сопротивления в горной и лесистой местности; формирование восьми батальонов специального назначения; изменение кодов и шифров связи; закупка в ФРГ радиопередающего оборудования на подвижной основе для организации подпольного вещания в случае захвата противником или разрушения стационарных объектов радиопередач[32]. На заседании Постоянного Президиума ЦК РКП 11 сентября 1968 г. были одобрены предложения о мерах по улучшению дислокации и совершенствованию структуры подразделений вооруженных сил Румынии и их численности, а также принято решение о преобладающем значении национального командования для вооруженных сил стран-участниц ОВД, что, однако, не снимало с повестки дня обсуждения этой темы на заседании ПКК[33].

К осени 1968 г. в Советском Союзе была сформулирована внешнеполитическая доктрина с принципиальным тезисом об «ограниченном суверенитете» в отношении стран ОВД, получившая впоследствии известность как «доктрина Брежнева». Еще 25 августа газета «Известия» опубликовала статью В. Кудрявцева, в которой прослеживались ее основные элементы. Позже орган ЦК КПСС газета «Правда» поместила «теоретическую» статью специалиста по исто-

---

[31] Protocol No. 5 of the Meeting of the Executive Committee of the CC of the RCP, on the Situation in Czechoslovakia. Bucharest, 21 August 1968 (Опубл. в: *Deletant D., Ionescu M.* Romania and the Warsaw Pact 1955–1989 // Cold War International History Project. Working Paper № 43. Washington, 2004).

[32] *Betea L.* Op. cit.

[33] *Opriş P.* Doctrina militară a României, asemănătoare cu cea a Iugoslaviei. 4.9.2009 // Jurnalul. Ro – http://1989.jurnalul.ro/stire-special/doctrina-militara-a-romaniei-asemanatoare-cu-cea-a-iugoslaviei-519821.html

рическому материализму профессора С. Ковалева[34], а 3 октября 1968 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко озвучил ее основные положения, выступая на Генеральной Ассамблее ООН. Представители американского политического руководства призвали союзников по НАТО серьезно отнестись к новой советской внешнеполитической доктрине, подчеркнув, что, хотя она «еще полностью не оценена», однако явно «не ограничена географически. Социалистическое "содружество" не имеет географических границ»[35].

Состояние советско-румынских межпартийных связей к тому времени свидетельствовало о переходе к открытой конфронтации: еще 23 августа 1968 г. Политбюро ЦК КПСС направило Исполкому РКП послание, в котором заявило об ошибочной позиции румынского руководства. С 25 августа были отменены обмен туристами, выезды и въезды по частным приглашениям. 3 сентября Кремль отклонил предложения руководства РКП о проведении совещания компартий Европы и двусторонней встречи с румынской партийной делегацией по чехословацкому вопросу. Как отмечалось в записке отделов ЦК КПСС «О некоторых мероприятиях в области советско-румынских связей», которая рассматривалась 17 сентября 1968 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС, «линия руководства РКП по существу остается недружественной, препятствующей достижению единства социалистических стран. Смысл позиции ЦК РКП в отношении событий в Чехословакии не изменился, в беседах с представителями компартий третьих стран румынские руководители по-прежнему допускают прямые антисоветские выпады, в стране продолжается формирование отрядов Патриотической гвардии в целях "отражения вооруженного вмешательства в дела Румынии"»[36].

По линии политической разведки, сотрудник которой И. Георгеску работал под прикрытием в посольстве СРР в Москве, Бухарест получил информацию, подтверждавшую вероятность советского вторжения. Георгеску советовал перейти ко всеобщей мобилизации в стране. Уже после падения коммунистического режима в Румынии в

---

[34] *Ковалев С.* Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран // Правда, 2.9.1968.

[35] 332. Memorandum of Conversation. New York, October 7, 1968, 8:30 p.m. SUBJECT: Secretary's Dinner for NATO Foreign Ministers // FRUS. 1964–1968. Vol. XIII. Western Europe Region. Washington, 2001. P. 771.

[36] Из протокола № 57 заседания Секретариата ЦК КПСС от 17 сентября 1968 г. (Картотека повесток дня заседаний Секретариата ЦК КПСС).

прессе появилась версия, по которой источником сведений являлся один из сотрудников советских разведывательных служб (его имя упоминается), который, якобы, имел особые служебные отношения с И. Георгеску. Глава Совета Государственной безопасности (СГБ) СРР генерал И. Стэнеску был уверен, что вслед за Чехословакией наступит очередь Румынии, а затем и Югославии[37]. Н. Чаушеску, однако, крайне настороженно отнесся к полученной информации[38]. В то же время, опасаясь дезинформации, румынский лидер стремился исключить возможность повторения чехословацкого варианта. На протяжении последующих двух недель, вплоть до сокращения концентрации советских войск на границе Молдавской ССР и Румынии, Бухарест пребывал в напряженном ожидании вторжения[39]. Именно последнее, а также стремление максимально использовать внешнюю угрозу для усиления собственных позиций в обществе и способствовать укреплению личной власти[40] обусловило согласие Чаушеску с планом СГБ интенсифицировать формирование Патриотической гвардии и создать ее территориальные структуры.[41]

24 августа 1968 г. на югославской территории в г. Вршц состоялась встреча Й. Б. Тито и Н. Чаушеску, которого сопровождал член Политбюро ЦК РКП и вице-президент Государственного совета генерал-лейтенант Э. Боднэраш, активно участвовавший в перегово-

---

[37] См.: § Ce aflase Securitatea despre invazie. Interviu cu Ion Stănescu, preşedintele Consiliului Securităţii Statului (1968–1972) // 21 august 1968 – Apoteoza lui Ceausescu / Betea L. (coord.), Diac C., Mihai F.-R., Tiu I./ Iaşi, 2009. P. 96–103.

[38] См. раздел «Spionaj în trei, la vedere» в статье: Ceauşescu era mai atent la spionii Pactului de la Varşovia decat la cei ai NATO // Confidential Press– http://www.confidentialpress.ro/special.php?newa_id=65

[39] *Roncea V.* Op. cit.

[40] Публичное осуждение со стороны Н. Чаушеску интервенции Варшавского пакта дало возможность Бухаресту рассчитывать на поддержку западных демократических государств по вопросам торговли и экономики: *Dumitru L.-C.* România şi Tratatul de la Varşovia 1955–1968. Obedienţă şi nesupunere.Rezumatul tezei de doctorat cu titlul. Bucureşti : Universitatea din Bucureşti, Facultatea de Istorie, 2009. P. 30; *Miroiu A.* Locul României în Tratatul de la Varşovia (IV) // Editia Scrisa 2004, 25. – http://www.revista22.ro/locul-romaniei-in-tratatul-de-la-varsovia-iv-1095.html

[41] См. интервью В. Рончи с генералом в отставке, бывшим главой СГБ СРР в 1968–1972 гг. Йоном Стэнеску: *Roncea V.* «Ii primeam pe rusi cu foc de arma» // Ziua, 20.08.2008.

рах двух руководителей. Румынская сторона информировала югославов о своей позиции в связи с вторжением в Чехословакию и принятых мерах. Сообщив о решении Великого Национального собрания, в соответствии с которым нахождение иностранных войск на территории страны допустимо только с разрешения этого органа (данный шаг объяснялся намерением избежать призыва к вступлению в страну чужих армий со стороны «группы активистов»), Чаушеску подчеркнул, что Бухарест рассчитывает на помощь Югославии в отражении агрессии СССР и его союзников. (Прозвучала ссылка на китайский прецедент от 23 августа*). Кроме того, было заявлено, что румынская сторона рассчитывает на использование «югославского коридора» в случае военных действий СССР, Венгрии и Польши против Румынии, так как страна окажется блокированной и не сможет получить вооружение и технику по Черному морю или по суше. Румыны попытались получить у Тито гарантии поддержки в возможном конфликте с СССР. Однако югославский руководитель, крайне озабоченный складывавшейся ситуацией, не пошел на этот шаг. Более того, Тито настаивал, чтобы Бухарест, несмотря на осуждение действий СССР и стран-участниц «антипражской коалиции», стремился избегать конфронтации с Москвой и не давать повода для применения военной силы. Он крайне скептически отнесся к идее совместного отпора Югославии и Румынии в случае возможного нападения на последнюю. Явно не желая ввергать свою страну в военное противостояние с СССР и его союзниками по Варшавскому Договору, Тито оправдывал свою позицию тем, что соседняя Италия, воспользовавшись удобным моментом, может захватить часть территории Югославии (Истрию). Югославский руководитель рекомендовал Чаушеску продемонстрировать свою лояльность в отношении ОВД и констатировать, что Румыния не готовится выходить из пакта. Тито заявил также, что, если отступающие под натиском армий Варшавского Договора румынские войска перейдут румыно-югославскую границу, они обязаны будут передать югославским властям тяжелое вооружение и не вести никаких боевых действий с югославской территории. Единственное, что получило одобрение югославского руководителя, – предложение румын об обмене контрраз-

* 23 августа 1968 г. свою помощь Румынии в случае неспровоцированной агрессии против нее обещал Китай.

ведывательной информацией между двумя странами о намерениях ОВД и СССР.[42]

Учитывая резко отрицательную реакцию США на ввод войск ОВД в Чехословакию, особенно заявление президента Л. Джонсона от 30 августа 1968 г. о недопустимости агрессии, румынская сторона через посла К. Богдана передала запрос в Госдепартамент США о том, располагает ли американская сторона какими-либо новыми данными относительно концентрации и перемещения советских войск на границе Румынии. По сути дела, румын интересовало, имеется ли у американской стороны новая информация о советских планах нападения на Румынию. Помощник госсекретаря Дж. Ледди не предоставил никаких новых сведений, сославшись на уже имевшиеся, но сообщил об обращении Госдепартамента к советскому руководству, переданному через посла А.Ф. Добрынина, – отказаться «во имя гуманности» от возможного нападения на Румынию, «если Советы таковое планируют», поскольку это имело бы непредсказуемые последствия[43]. Со своей стороны, Богдан сообщил о желании главы румынского МИД К. Мэнеску продлить свое пребывание в Нью-Йорке, отложив встречу с министром иностранных дел М. Стюартом, приезд которого планировался в Бухарест в начале сентября, до тех пор, пока ситуация не прояснится.

Тактика румынского руководства в конце августа – начале сентября 1968 г. сводилась к следующему: укрепление боеспособности вооруженных сил и создание массового ополчения; достижение единства с Белградом для проведения совместных действий в случае нападения на Румынию; обеспечение морально-политической поддержки со стороны ведущих европейских государств и США для укрепления собственных позиций и, наконец, поиск путей примирения с Москвой. Показательно, что, придавая большое значение упомянутому выше заявлению американского президента от 30 августа 1968 г., румынские власти публично на него не отреагировали, стремясь

---

[42] Stenograma discuţiilor dintre Nicolae Ceauşescu şi Iosip Broz Tito de la Vîrşeţ, din 24 august 1968 (fragmente) // 21 august 1968 – Apoteoza lui Ceausescu / Betea L. (coord.), Diac C., Mihai F.-R., Tiu I./ Iaşi, 2009. P. 157-173. Подробнее о позиции Югославии по «чехословацкому вопросу» см: Pelikán J. Titovi pogovori v Moskvi aprila 1968 in Čehoslovaška kriza // Acta Historie. (Ljubljana). 2010. V. 18, N. 1–2.

[43] Telegram From the Department of State to the Embassy in Romania, Washington, August 31, 1968 // FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. P. 453.

избежать «всего, что может рассматриваться [Москвой] как “провокация”»[44].

Как отмечалось в сообщениях из посольства США в Москве, с начала сентября 1968 г. в советской прессе перестали упоминаться в негативном плане Румыния, Югославия и Австрия[45]. Однако отмеченная ЦРУ США военная активность Болгарии, выразившаяся в проведении учений и перемещении войск на севере страны, т. е. на сопредельной с Румынией территории, а также в восточной части (Черноморье и румынское побережье), свидетельствовала о возможной подготовке военных действий против Румынии[46]. 19 сентября 1968 г. по каналам британской и нидерландской разведывательных служб, о чем сообщалось в срочной телеграмме британского представительства при НАТО в Форин офис, прошла детальная информация о существовании плана захвата Румынии силами отдельных стран-участниц Варшавского пакта. Операция должна было начаться 22 ноября в 4 часа утра с территории Советского Союза, Польши и Венгрии. В складывавшейся ситуации Лондон был готов прибегнуть к военной акции с тем, чтобы не допустить советской интервенции на Балканах. 6 сентября 1968 г. этот вопрос обсуждался на секретной встрече премьер-министра Г. Вильсона, министра обороны В. Хили и министра иностранных дел М. Стюарта[47].

Есть основания считать, что информация, получаемая румынским руководством, а также западными дипломатическими и разведывательными службами о подготовке в Москве военной акции против Румынии, была дезинформацией. Вероятно, она специально распространялась советской стороной в интересах сложной дипломатической игры с далеко идущими последствиями. Зарубежные обозреватели полагали, что Москва, используя жупел большого вооруженного конфликта в Европе, была готова дать гарантии невмешательства во внутриполитические дела СРР, но только в обмен на то, чтобы не происходило ослабления южного фланга Варшавского пакта вдоль черноморского побережья, «включающего, помимо Украинской и

---

[44] The Situation in Czechoslovakia and Rumania. Intelligence Memorandum. Central Intelligence Agency. 2.9.1968. P. 5. – http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000452285

[45] Ibid. P. 2.

[46] Ibid. P. 4.

[47] *Bright M.* Revealed: Britain on brink of war with Soviet Union in 1968 // The Observer, 9.1.2000.

Молдавской социалистических республик, Румынию и Болгарию»[48]. Собственно, так и получилось. Москва дала официальные обещания Вашингтону о том, что она не будет прибегать к вооруженной интервенции против Румынии и обострять берлинский вопрос[49], а Чаушеску через месяц после оккупации Чехословакии заявил, что не будет заходить в своей критике советской политики далее сделанных заявлений и принял в весьма мирной атмосфере командующего Объединенными вооруженными силами ОВД маршала И.И. Якубовского и начальника штаба генерала С.М. Штеменко. Во время встречи обсуждался принципиальный вопрос о реформировании Варшавского пакта. Румынская сторона постаралась не допустить обострения отношений с Кремлем, показать свою приверженность союзническим обязательствам и вместе с тем избежать подчинения диктату Москвы[50].

Вопросу реформирования пакта была посвящена и состоявшаяся 29–30 октября 1968 г. в Москве встреча министров обороны стран-членов ОВД. В ней после долгого перерыва приняла участие румынская делегация во главе с министром обороны генерал-полковником И. Ионицэ. Советские представители предложили расширить полномочия общекомандной структуры, подконтрольной Москве. Румыны заострили внимание на крайне важном с точки зрения гарантий суверенитета государства вопросе о недопущении размещения объединенных вооруженных сил на территории какой-либо страны без согласия ее правительства[51].

---

[48] *Stankovic S.* Moscow Exerting Pressure Upon Rumania, Yugoslav Correspondent Claims. 24.9.1968. P. 1. Radio Free Europe Research. Box. Folder-Report 50-7-112. – http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/50-7-112.pdf

[49] 332. Memorandum of Conversation. New York, October 7, 1968, 8:30 p.m. // FRUS. 1964–1968. Vol. XIII. Western Europe Region. P. 772.

[50] Note of Discussions between Nicolae Ceausescu and Marshal I.I. Jakubovsky. 28.9.1968 (AMR [Romanian Military Archives], fond V2, vol.3, dosar 13/37, ff. 64–70.) –http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=va2.document&identifier=5034BA26-96B6-175C-97220116C72CB06C&sort=Coverage&item=Eastern%20Bloc

[51] Report by the Romanian Minister of Armed Forces to the Chairman of the Romanian Council of Ministers (Ion Gheorghe Maurer) on the Participation in the Summit of the Warsaw Treaty Defense Ministers. 30 Oct 1968. – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=16501&navinfo=15342

Твердая позиция румынской стороны была известна на Западе. На протяжении октября месяца американская дипломатия неоднократно получала подтверждения о продолжавшемся давлении Москвы по таким вопросам, как проведение учений Варшавского Договора в Румынии и размещение советских войск на румынской территории[52]. В Вашингтоне считали, что если советское руководство сочтет ситуацию на Балканах угрожающей стратегическим интересам СССР, то прибегнет к военным методам «решения проблемы»[53]. Однако в целом такая перспектива в начале ноября 1968 г. представлялась маловероятной. Констатируя внимание Москвы к «югославскому направлению», американские разведслужбы считали, что Советы не будут предпринимать военных акций против Румынии и уж тем более против Югославии.

Тем не менее ситуация вокруг Румынии к середине ноября 1968 г. вновь воспринималась в кругах НАТО как исключительно опасная в связи с требованиями Москвы полного выполнения Румынией своих обязательств перед блоком с целью обеспечить оборонные возможности ОВД в регионе. В создавшейся ситуации, как отмечал источник ЦРУ, румынское правительство находилось в сложных условиях[54].

За день до ожидаемого нападения, 21 ноября, глава британского МИД М. Стюарт направил в британское посольство в Румынии телеграмму, в которой отмечал: «Мы проверили последнюю информацию и пришли к выводу о том, что русские готовят военную опе-

---

[52] Телеграмма от посолството на САЩ в Бон относно войските на Варшавския пакт в Източна Европа, 12.10.1968. С. 1, 2 (NARA, Washington, RG 59, CFP Files, 1967–1969, DEF-WP, Box 1716) // CD. България във Варшавския Договор.

[53] 333. Telegram From the Department of State to the Mission to the North Atlantic Treaty Organization. Washington, October 16, 1968 // FRUS. 1964–1968. Vol. XIII. Western Europe Region. P. 777.

[54] Intelligence Information Cable.Bucharest, November 21, 1968 // Foreign Relations of the United States.1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Washington, 1996. P. 461, 462. В опубликованном документе имя информатора не было рассекречено. Однако по тому, что было оставлено при публикации, можно сделать вывод о восточноевропейском происхождении источника и его близости к одной из разведывательных служб восточного блока.

рацию против Румынии. Общее число войск, предназначенных для интервенции, достигает 150 тыс. человек»[55].

Подавление «Пражской весны» в августе 1968 г. серьезно повлияло на ситуацию в Варшавском пакте и характер взаимоотношения между его членами, включая СССР. Румыния, не исключавшая вероятность существования у СССР планов военного нападения с целью замены партийно-государственного руководства страны[56], стремилась добиться максимальной самостоятельности действий, включая военную сферу, не провоцируя лишний раз Москву. Одновременно румынское руководство предприняло комплекс военно-организационных мер, направленных на укрепление обороны страны на «восточном направлении».

Это нашло свое выражение в разработке новой военной доктрины «общенародной войны» и организации всей системы обороны – от создания органов управления до комплектования вооруженных сил, их технического оснащения, а также внешнеполитического обеспечения обороноспособности страны в целом. Вооруженные силы дислоцировались в трех военных округах со штабами в Бухаресте (обеспечивал южное и черноморское направление), Тимишоаре (западное и юго-западное) и Клуж-Напоке (центральное и северное). В боевых условиях предусматривалось их развертывание в три армии (девять дивизий). Две танковые дивизии, одна из которых была размещена под Бухарестом, а другая – в г. Липова (Трансильвания), отвечали, соответственно, за оборону столицы и за западное направление, а горнопехотные бригады в Тыргу-Муреше и Синае прикрывали важные со стратегической точки зрения проходы в горах.

---

[55] Документ по этому вопросу был рассекречен британским архивом Public Record Office (PRO) в 2000 г. Цит. по: *Bright M.* Revealed: Britain on brink of war with Soviet Union in 1968 // The Observer, 9.1.2000; *Florian Bichir F.* URSS pregătea invadarea României // Evenimentul Zilei, 21.8.2008.

[56] В 2008 г. была опубликована книга писателя-историка Алекса Михая Стоэнеску с описанием якобы планировавшейся и проводившейся советским руководством в отношении Румынии многоходовой операции «Днестр» (*Stoenescu A. M.* Romania postcomunistă 1989–1991. Bucureşti, 2008). Вопрос о существовании такого плана активно обсуждался в румынской публицистике и меньше в научных публикациях. Впервые о подобных планах публично сообщил бежавший в 1978 г. в США один из руководителей румынской разведки И. М. Пачепа в 1987 г. (*Pacepa I. M.* Red horizons: chronicles of a Communist spy chief. New York, 1987).

Уже осенью 1968 г. были передислоцированы основные подразделения румынских вооруженных сил. По решению Генерального штаба Бухарест должна была прикрывать 57-я танковая дивизии, которая перебазировалась ближе к столице; Брэилу – 67-я механизированная дивизия, Деж – 81-я механизированная дивизия; Куртя-де-Арджеш – 81 механизированная дивизия и 4-я горная бригада. В соответствии с замыслом румынского военного командования такая дислокация позволяла сконцентрироваться на защите наиболее важных со стратегической точки зрения направлениях. Принципиальное значение имела транспортная инфраструктура, способная обеспечить надежную связь важных регионов страны в горной местности. Особо важная роль отводилась Трансфэгэрашскому шоссе (151 км), прокладка которого началась силами Министерства обороны с 1 июля 1970 г. по настоянию Н. Чаушеску. После четырех лет работ, которые велись ударными темпами, 20 сентября 1974 г. шоссе было торжественно открыто[57]. Оно связало Валахию и Трансильванию через Карпатские горы и перевалы. Была создана возможность в условиях войны и возможной оккупации Румынии обеспечить функционирование «центра сопротивления» в этом районе.

14 марта 1969 г. Великое Национальное собрание СРР приняло закон № 5 «О создании, организации и функционировании Совета обороны Социалистической Республики Румынии»[58]. В соответствии со ст. 3-ей закона в полномочия Совета входили: «разработка основополагающей концепции системы обороны; утверждение мер по организации и подготовке вооруженных сил и Патриотической гвардии; утверждение планов мобилизации и использования вооруженных сил и Патриотической гвардии в период войны; утверждение мер по дислокации и передислокации воинских подразделений на территории страны; принятие основных мер оперативной подготовки на территории страны; утверждение и определение способов исполнения планов по обеспечению материальных средств, необходимых для защиты и безопасности страны, а также планов мобилизации национальной экономики; определение основных мер организации и мате-

[57] Подробнее о строительстве и более 400 погибших в период проведения этих работ: *Gheorghe D.* Ultimii santieristi de pe Transfăgărăşan //România Liberă.11.8.2008.

[58] Lege nr. 5 din 14 martie 1969 privind înfiinţarea, organizarea şi funcţionarea Consiliului Apărării Republicii Socialiste România // Buletinul Oficial. 14.3.1969. № 32.

риальной поддержки местной противовоздушной обороны и утверждение планов размещения и эвакуации населения; заслушивание докладов министра обороны, председателя Совета Государственной безопасности, министра внутренних дел и начальника Генерального штаба, Главнокомандующего Патриотической гвардии, а также руководителей других административных органов государства, имеющих отношение к обороне и безопасности государства; рассмотрение вопроса и предложения Великому Национальному собранию, соответственно Государственному совету, об объявлении чрезвычайного положения, частичной или общей мобилизации и объявление войны; в случае неожиданного вооруженного нападения немедленное принятие всех необходимых мер в целях отражения нападения и организации обороны; руководство в военное время непосредственно боевыми операциями и обеспечение мобилизации людских и материальных ресурсов на территории всей страны; Совет обороны может исполнять и другие обязанности по защите и обеспечению безопасности страны»[59]. Возглавил Совет Генеральный секретарь РКП Н. Чаушеску. В соответствии со статьей 5-ой закона он являлся также главнокомандующим вооруженными силами. В состав Совета обороны на правах членов входили премьер-министр, министры обороны, внутренних дел и иностранных дел, председатель Совета Государственной безопасности, председатель Госплана, члены ЦК РКП и лица, назначенные Государственным советом. Секретарем Совета был назначен начальник Генштаба румынских вооруженных сил генерал-полковник И. Георге. Являясь совещательным органом, отвечавшим перед ЦК РКП, Великим Национальным собранием и Государственным советом, Совет обороны мог созываться только его председателем и принимать решения открытым голосованием[60]. Создание новой структуры, в задачу которой входила координация действий по всем вопросам обороны и безопасности, позволяло главе коммунистического режима – Н. Чаушеску узаконить свой личный контроль над оборонной сферой. Вместе с принятым ранее решением о формировании параллельной вооруженным силам военной организации – Патриотической гвардии, подчинявшейся фактически через ее глав-

[59] Ibid.

[60] Подробнее об эволюции этого органа и юридическом оформлении его статуса в системе институтов государственной власти Румынии см.: *Rijoveanu C.* Consiliul Apărării al Republicii Socialiste România – http://www.nationaler-verteidigungsrat.de/downloads/1_rijnoveanu_consiliul_apararii.pdf

нокомандующего главе РКП, должность председателя Совета обороны укрепляла позиции Н. Чаушеску в создававшейся им политической системе и вело к абсолютизации его личной роли при принятии решений по вопросам оборонной политики.

Тем временем глава Румынии продолжал получать информацию по каналам разведки о возможности развития ситуации именно по «чехословацкому» сценарию[61]. В середине января 1969 г. военный атташе Румынии в Греции сообщил о состоявшейся беседе с западногерманским военным атташе. Последний заявил о том, что в соответствии с данными, полученными на Западе, «в марте–апреле [1969 г.] планируется проведение совместных учений войск Варшавского пакта», и в случае, «если учения войск стран Варшавского пакта будут проходить на румынской территории, целью советского руководства, как это уже было в Чехословакии, будет продление пребывания советских войск и также [попытка] смещения нескольких высших руководителей партии и государства, выступающих, так или иначе, против советского курса». В случае провала плана был предусмотрен запасной вариант, в соответствии с которым, как сообщил западногерманский атташе, «советское руководство реализует план на случай непредвиденных обстоятельств с тем, чтобы провести диверсии среди [населения] и создать просоветские группы, противодействующие мерам, предпринимаемым румынским правительством, как внутри страны, так и на международном уровне». Целью этих действий, как указал немецкий военный, было смещение со своих постов главы РКП Н. Чаушеску, премьера И. Маурера и министра обороны И. Ионицэ[62]. Доклад румынского атташе, в силу его исключительной важности, генерал-полковник И. Георге немедленно направил Н. Чаушеску.

Несмотря на кажущуюся нереальность подобного сценария, заинтересованность НАТО в ослаблении Варшавского блока и связанная с этим возможная дезинформация, а также вполне вероятное встречное использование советской стороной своих каналов введения в заблуждение румынского руководства с целью оказать давление на

---

[61] О «войне нервов» между Москвой и Бухарестом в «послепражский» период см.: *Stanciu C.* Războiul nervilor. Dispute Ceauşescu – Brejnev 1965–1971. Târgovişte, 2011.

[62] *Deletant D.* Introduction. Romania, 1948–1989. An historical overview // Romania and the Warsaw Pact: 1955–1989. P. 86, 87.

него, развитие событий именно в этом направлении не исключалось в Бухаресте, начиная с августа 1968 г.

И.В. Руднева

Либерализм в Хорватии в 1960-е годы: трансформационные процессы

В 1960-е гг. Югославия находилась в процессе поиска новых векторов экономического и политического развития для преодоления кризисных явлений, охвативших страну. Эти поиски, в основе которых лежали идеи либерализации общественной, политической и экономической жизни, создали условия, благодаря которым в Хорватии к концу десятилетия сложилось и окрепло националистическое, так называемое массовое движение (в историографии оно более широко известно как «маспок»[1]).

Процессу трансформации от либерализма к национализму способствовали:

- атмосфера споров и дискуссий по поводу демократизации страны и расширения прав республик, что выразилось в постановке вопроса о роли хорватской нации и в пересмотре многих положений хорватской истории;
- расширение прав республик в связи с принятием Конституции 1963 г.;
- завершившийся к концу десятилетия процесс омоложения партийных кадров, приход к руководству Союза коммунистов Хорватии (СКХ) представителей молодого поколения, готовых возглавить хорватское «массовое движение»;
- неоднозначные результаты экономической реформы, позволившие ставить вопрос о расширении экономической самостоятельности республики;
- ослабление органов государственной безопасности после смены их главы А. Ранковича;
- возможности более тесных контактов с хорватской эмиграцией, где бережно сохранялась и развивалась хорватская национальная идея.

Остановимся подробнее на этих условиях.

На волне актуализации в Хорватии национального вопроса и споров о роли нации произошли события, которые во многом предопределили расстановку сил в будущем хорватском «массовом движении», задали тон будущим политическим разногласиям и способствовали кристаллизации настроений в обществе. Иллюзия демократизации придала уверенности хорватским деятелям науки и образова-

[1] Masovni pokret – в переводе с хорватского языка – массовое движение.

ния, которые решили, что пришло время озвучить проблемы национальной истории.

На рубеже 1963–1964 гг. ЦК СКЮ обратился к хорватскому партийному руководству с просьбой представить замечания ко второму изданию «Очерков истории СКЮ». Дело в том, что хорватская сторона неоднократно критиковала «Очерки» за необъективное освещение истории Хорватии, поскольку в ее написании сами хорваты не участвовали. Институт истории рабочего движения (ИИРД) настаивал на переводе «Очерков» на хорватский язык.

В заседании специально созданной комиссии по этому вопросу приняли участия сотрудники ИИРД, а также наиболее влиятельные и уважаемые партийные функционеры: В. Бакарич[2], А. Берус[3], М. Белинич[4], Р. Чолакович[5]. Предметом особого внимания комиссии стали события межвоенного периода, участие в Народно-освободительной войне и, неожиданно, по инициативе ИИРД, национальный вопрос. Указанное мероприятие важно по нескольким причинам. Во-первых, на заседании впервые после войны проявили активность националистически настроенные представители исторической науки, обозначившие наличие в республике точки зрения, которая отличалась от официальной коммунистической идеологии. Подняв национальный вопрос, они встретили серьезный отпор со стороны части хорватского партийного руководства во главе с В. Бакаричем. Во-вторых, на заседании также впервые после окончания войны была поставлен вопрос о месте хорватов в составе Югославии.

На встрече 1964 г. хорватские историки предложили пересмотреть роль в истории лидера Хорватской крестьянской партии В. Мачека и главы Сербского правительства Д. Цветковича, подписавших в 1939 г. Соглашение о создании Бановины Хорватии. После

---

[2] В. Бакарич – юрист, политик, крупный государственный деятель. Член КПЮ с 1933 г. председатель правительства Народной республики Хорватии (1945–1953), председатель Исполнительного веча Сабора НРХ, председатель Сабора НРХ с 1953 г., секретарь ЦК СКХ, член Исполнительного бюро Президиума СКЮ и председатель Социалистического союза трудового народа Хорватии (ССТНХ).

[3] А. Берус – член Исполнительного веча Союзной Народной скупщины, член ЦК СКЮ.

[4] М. Белинич – член Центрального веча Союза профсоюзов Югославии, депутат Народной скупщины.

[5] Р. Чолакович – председатель правительства до 1948 г, с 1953 г. – член Исполнительного Союзного веча.

войны коммунистическая пропаганда обвинила этих политических деятелей в предательстве. Однако с точки зрения хорватской национальной идеи именно они сумели достичь соглашения, которое в наибольшей степени отвечало чаяниям хорватского народа. В ходе обсуждения «Очерков» выдвигались предложения полностью их реабилитировать.

Так, М. Цветкович, председатель Союзного Веча Народной скупщины, заявил, что договор Цветковича–Мачека был судьбоносным событием предвоенного времени. К тому же похожие процессы шли по всей Европе, поэтому он предложил рассматривать указанный документ с учетом практики тогдашней политической жизни бановины и белградского режима[6]. Иными словами, хорватский историк явно ностальгировал по политическим успехам хорватов в границах Королевства Югославии, выражая при этом сомнения в объективности оценок подписантов коммунистическим режимом (Уже в конце войны действия Цветковича и Мачека резко осуждались коммунистами).

Еще дальше пошел Ф. Туджман, возглавлявший с 1961 г. ИИРД. В своем выступлении он попытался рассмотреть события прошлого не только в реальном международном контексте, но и в глобальном масштабе, апеллируя к общеевропейским и мировым процессам. Туджман обратил внимание на существование пакта между Германией и СССР и утверждал, что югославское правительство «находилось под давлением международных событий и внутренних обстоятельств»[7]. Заметим, что и сегодня такие подходы являются традиционными для хорватской историографии.

Ш. Шенович акцентировал внимание на исключительном вкладе хорватов в Народно-освободительную войну, считая, что борьба за освобождение в Хорватии началась уже в 1942 г. как значительный фактор для всей Югославии. В то время, когда освободительная борьба в Сербии, Черногории, Герцеговине переживала стадию стагнации, Хорватия, Словения и Босния стали центром Народно-освободительной войны и социалистической революции во всей Югославии[8]. Эта позиция отразила существенный пересмотр устоявшихся стереотипов. В очередной раз в своей истории Хорватия, в

---

[6] *Babić G.* Jugoslavija u Hrvatskoj. Beograd, 2000. S. 36–37.
[7] Ibid. S. 49.
[8] Ibid. S. 129.

данном случае в лице историков, пыталась пересмотреть свое значение в многонациональном государстве.

Напряжение нарастало с каждым выступлением. Яков И. Блажевич заявил, что хорватский народ долгое время угнетался, и у сербских коммунистов не было никаких проблем, кроме классовых, в отличие от хорватских коммунистов, которым предстояло решать еще и национальный вопрос. В. Бакарич согласился с тем, что до войны национальный вопрос являлся единственным нерешенным вопросом в Югославии, но при этом уточнил, что необходимость противостоять фашизму в Европе определила приоритет интернациональных задач. Он сумел свести к минимуму обсуждение национального вопроса, а на попытки сотрудников ИИРД поднять его вновь, заявил: «Институт в Загребе, которому благоволит ЦК СКХ, является выразителем националистических взглядов. Это наша самая точная его оценка»[9]. Глава СКХ пытался пресечь попытки сторонников хорватской национальной идеи говорить о своей самобытности, исключительности и тем самым обозначить какой-либо свой, самостоятельный путь развития Хорватии.

Текст стенограммы заседания отражает накаленную атмосферу заседания. В частности, В. Бакарич постоянно прерывал Ф. Туджмана, резко переводил разговор на другую тему, ограничивал время обсуждения того или иного вопроса. Историков тем не менее поддержала часть партийного руководства. В активную полемику вступили П. Грегорич, Р. Чолакович, А. Берус, М. Почуча, И. Рукавина и М. Ивекович. Двадцать пять лет спустя Ф. Туджман охарактеризовал ситуацию так: «Вокруг Института собрались революционеры – И. Рукавина, В. Холевац, И. Шибл, П. Грегорич из далматинско-чиновничьих кругов. Это было расценено как создание параллельного ЦК»[10].

Оценивая эти события, следует сказать, что они стали своего рода пробой сил в постановке национального вопроса. Фактически началось формирование круга националистически ориентированных функционеров уже в новых исторических условиях. Все они были выходцами из Далмации (этот регион всегда считался кузницей хорватских национальных лидеров). Дискуссия показала, что условия для этого уже сложились. Еще несколько лет назад подобные позиции историков были бы единодушно осуждены членами ЦК СКХ, а вот в 1964 г. часть хорватского руководства поддержала националистические высказывания.

---

[9] Ibid. S. 98.
[10] Ibid. S. 144.

В прессе о заседании комиссии ЦК СКХ по вопросам истории не было сказано ни слова. Только через несколько дней в газете «Комунист» появилась статья М. Груич «Националистический поворот Института» с критикой позиции сотрудников ИИРД. Г. Бабич в сборнике документов «Югославия в Хорватии» привел следующее высказывание З. Бркича, секретаря ЦК: «Впервые случилось, что В. Бакарич остался в меньшинстве. Он этого не простит»[11]. Действительно, позднее В. Бакарич часто вспоминал это заседание. Для него и его сторонников пересмотр истории Хорватии в национальном контексте стал неожиданностью, еще более неожиданной оказалась поддержка инициатив ИИРД некоторыми крупными хорватскими партийными деятелями, такими как И. Рукавина, В. Холевац. В. Бакарич констатировал, что проявления национализма в Хорватии отмечались еще в 1952 г., но его усиление произошло именно в начале 1960-х гг.

В последующие годы националистически настроенные деятели науки воздерживались от комментариев на столь высоком уровне и использовали для выражения собственных взглядов в основном периодические издания.

Сотрудники ИИРД стали инициаторами регулярных обсуждений хорватской истории. Но если раньше эти обсуждения проходили в закрытом режиме и редко становились достоянием общественности, то теперь они стали регулярно публиковаться на страницах газет и журналов Матицы хорватской, организации, занимавшейся вопросами культуры и литературы. В научных кругах начинается поиск национальных героев, знаменательных событий хорватской истории. Так, например, бан Й. Елачич, активный участник революции 1848 г., политический лидер XIX в., был назван «самым патриотичным хорватом своего времени», «самым прогрессивным государственным деятелем своей эпохи». Возвращение в прошлое постоянно сопровождалось сравнениями с современностью. Ф. Туджман на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня рождения лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича заявил, что можно было избежать больших жертв в ходе Второй мировой войны, если бы общество внимательнее относилось к национальному хорватскому движению.

Пересмотру подверглась и послевоенная история Хорватии. Инициировал эти исследования также ИИРД. Сотрудники института указывали на то, что исторические заслуги Хорватии после войны не

[11] Ibid. S. 146.

были оценены в должной мере, наоборот, «клеймо усташества» распространилось на всю Хорватию. Статья Б. Бушича о жертвах Народно-освободительной войны буквально перевернула всю ранее существовавшую историографию. Прежде всего, ее автор предложил изменить соотношение сил народно-освободительного движения, главную роль в нем отводя хорватскому народу. Хорваты, утверждал Бушич, понесли и самые большие демографические и военные потери[12]. Сравнив понятия «четник» и «усташа», закрепленные в официальной Военной энциклопедии, историк пришел к выводу, что четничество историография пощадила, поскольку умалчивает о массовых преступлениях четников в отношении македонцев и албанцев накануне Первой мировой войны, о преступлениях против несербского населения в монархической Югославии, о событиях во время Второй мировой войны (Вишеград, Фоча)[13]. Преступления же усташей, по мнению Бушича, преувеличены, а возложенная на них моральная и правовая ответственность автоматически переносится на весь хорватский народ.

---

[12] *Šute I.* Hrvatski književni list – između slobode i zabrane // Hrvatski zbornik. 1999. № 52. S. 86.

[13] В апреле 1941 г. Югославия была оккупирована Германией. На территории Хорватии было провозглашено Независимое государство Хорватия (НГХ) во главе с А. Павеличем, в которое летом 1941 г. были включены Босния и Герцеговина, часть Далмации и Срем. Границы НГХ были определены в соответствии с договорами, заключенными с Германией и Италией в мае 1941 г. Восточная часть страны считалась германской, западная – итальянской. В отдельных частях страны развернулось партизанское движение, в том числе и в районе Фочи и Вышеграда. Эти территории были неподконтрольны НГХ. С первых дней войны усташи проводили политику дискриминации в отношении представителей сербского народа. Для них был введен запрет на службу в армии, закрыты православные школы, введен комендантский час, ограничена свобода передвижения. Все сербское население было зарегистрировано и должно было носить отличительные повязки. Министром просвещения НГХ М. Будаком была озвучена формула в отношении сербского населения – треть сербов обратить в католичество, треть – депортировать, треть – уничтожить. Развязанный в годы войны террор против сербов, насильственное обращение в католицизм, массовые убийства мирных жителей, насильственные депортации спровоцировали ответный террор.

Для исследований сотрудников Института был характерен возросший интерес к исторической статистике. В частности, серьезные изменения претерпели данные о погибших в ходе войны на территории Хорватии. По мнению молодых историков, потери не превышали 60 тыс. чел. Однако авторы ранее изданной Энциклопедии Лексикографического института посчитали новые данные серьезно заниженными: по их подсчетам, только в лагере Ясеновац содержались 70 тыс. заключенных, в Банице – 80 тыс., в Земуне – 60 тыс., Шабаце – 30 тыс., Митровице – 10 тыс.[14]. Статья Б. Бушича о жертвах войны была перепечатана в эмигрантской газете «Хрватска ревия» (1969 г.) и в книге «Бляйбургская трагедия хорватского народа» (1976 г.), то есть обрела массового читателя, в том числе и за рубежом.

Некоторые хорватские политики поддержали националистические круги в попытке преодолеть комплекс вины хорватов, оправдать их перед другими народами Югославии. Так, председатель правительства Д. Харамия подчеркивал: «Хорватия никому ничего не должна. Свои обязательства она выполнила в ходе Народно-освободительной войны, выполняла она их и после войны. Наш народ обвинили в геноциде и оболгали. Я об этом говорю не из каких-то националистических убеждений, а потому, что это правда. Мы должны открыто смотреть в будущее»[15].

Еще одним фактором трансформации идей либерализма к национализму стало изменение роли республик путем расширения их прав по Конституции 1963 г. Страна получила новое название - Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). В Основном законе закреплялись традиционные права и свободы граждан. Верховным органом самоуправления становилась Скупщина, в силу чего предусматривалось изменение ее структуры. Чтобы подчеркнуть усиление роли трудящихся в обществе, в парламенте федерации, кроме Союзного веча, создавались еще четыре самоуправленческих веча: хозяйственное, культурно-просветительное, здравоохранения и социальной защиты, организационно-политическое (по 120 человек).

Новая Конституция являлась достаточно противоречивым законом. Республики получили право непосредственно сотрудни-

[14] *Zanko M.* U toj (nacionalističkoj) ludosti ima sistema // Geneza maspoka u Hrvatskoj. Beograd, 1990. S. 225.

[15] *Haramija D.* Nisam želio biti statist // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb, 1990. S. 350.

чать между собой, минуя Центр: основывать хозяйственные организации, реализовывать совместные экономические проекты. Поднимая статус национальных меньшинств, которых стали называть народностью, Конституция одновременно принижала значение нации в системе социалистического самоуправления. Закрепленные в документе изменения значительно ограничивали права республик в отстаивании своих прав на уровне федерации. Вече народов собиралось лишь по мере необходимости и становилось структурой Союзного веча.

В Конституции 1963 г. впервые было сказано о том, что в политическую систему социалистического общества Союз коммунистов Югославии входит как его основная движущая сила. Важным институтом политической системы был объявлен Социалистический союз трудового народа Югославии (ССТНЮ), которому отводилась роль политической основы социалистической демократии и системы самоуправления трудового народа. ССТНЮ должен был стать общественной трибуной, с которой можно было заявить о возникших проблемах, внести свои предложения, разрешить конфликты. Однако важные решения все же принимались союзными и, прежде всего, партийными органами.

Принятые во второй половине 1960-х гг. 42 поправки к Конституции 1963 г., существенно сузили компетенции федерации. Она была лишена каких-либо инвестиционных функций, не могла брать на себя финансовых обязательств. Кроме того, в соответствии с поправками был создан Президиум федерации, выполняющий функции коллективного руководящего органа. В его состав входили представители республик (по 3 человека) и автономных краев (2 человека). Были расширены права предприятий, а также Веча народов. Возобновлялись его прежние самостоятельные заседания, которые не проводились с 1953 г.

Во второй половине 1960-х гг. страна разделилась на сторонников сохранения существующего федеративного устройства и адептов дальнейшего реформирования политической системы, вплоть до создания конфедерации. Основой для споров стала XX поправка к Конституции, содержащая определение республики как «государства, основанного на суверенитете народа и на власти и самоуправлении рабочего класса, социалистического самоуправляющегося демократического сообщества рабочих людей, граждан и равноправных на-

родов и народностей»[16]. Поправка фактически стирала границы между определениями республики и государства.

Среди важных условий трансформационных процессов в Хорватии внимания заслуживает процесс смены поколений. Масштабные изменения в партии, политике, культуре, экономике предстояло осуществить молодому поколению коммунистов, более восприимчивому к новым веяниям, от которого логично было ожидать позитивных перемен. Задуманные преобразования требовали образованных кадров, способных реагировать на быстроменяющиеся условия. Старшее поколение опасалось радикальных шагов. Кроме того, разросшаяся за послевоенные годы бюрократия вызывала недоверие у населения.

Во всех республиках Югославии появились молодые лидеры, выступающие за реформы, бóльшую демократизацию и либерализацию. В 1964 г. Й. Броз Тито принял решение о ротации: в отставку были отправлены республиканские руководители старшего поколения. В руководстве Хорватии после кадровых перестановок остались только два ветерана – В. Бакарич и М. Цветкович. Эти люди обладали огромным влиянием и авторитетом в СКЮ и внутри республики. На V съезде СКХ (26–29 апреля 1965 г.) была сделана попытка сместить и В. Бакарича.

Одной из центральных фигур партийной и политической жизни Хорватии стал М. Трипало. Родился он в 1926 г. в Сини. Закончил Юридический факультет и Высшую партийную школу. Член КПЮ с 1943 г., участвовал в освободительной борьбе на территории Далмации и боснийской Краины. После войны Трипало долгое время возглавлял Центральный комитет Союза молодежи Югославии. В 1962 г. переехал из Белграда в Загреб, где стал секретарем городского комитета СКХ Загреба.

Первое свое политическое задание М. Трипало выполнил во время подготовки VIII съезда СКЮ (1964 г.), сделав доклад в поддержку нового курса. Именно на этом съезде В. Бакарич сформулировал тезис о «федерализации федерации», то есть о необходимости изменить федеративное устройство СФРЮ, предоставив республикам бóльшую самостоятельность. В 1966 г. на VI пленуме ЦК СКЮ Трипало как представитель Хорватии был включен в состав Комиссии по расследованию деятельности Управления государственной безопас-

[16] *Petranivić B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1984. Zbirka dokumenata. Beograd, 1985. S. 978.

ности (УГБ). Являясь секретарем городского комитета СКХ Загреба, Трипало получил доступ к материалам «Аналитического исследования негативных и враждебных проявлений в области культуры и искусства»[17]. Однако уже на этом этапе своей политической карьеры он отказался от критики представителей интеллигенции и средств массовой информации, многие из которых упоминались в этих материалах, и не придал их огласке, заявив, что это не его дело. Несомненно, он хорошо понимал, что СМИ и интеллигенция будут полезны ему в будущем. Молодой и амбициозный политик пользовался популярностью в республике и считался главным преемником В. Бакарича. Л. Булатович, являвшаяся главой канцелярии Трипало, вспоминала: «Молодежь его обожала. У него был стиль народного лидера, обаятельного человека из большой политики»[18].

Трипало стремился преодолеть закрытость партийной системы. Отличительной чертой его деятельности стала апелляция к общественности. Первой попыткой проявить самостоятельность стали его статьи в газете «Борба» о реорганизации в партии, написанные в соавторстве с В. Темпо (конец 1967 г.). Й. Броз Тито находился тогда за границей. Публикация была расценена Э. Карделем, С. Миятовичем, В. Влаховичем как нарушение внутрипартийной дисциплины. Они считали, что обнародование закрытой информации будет иметь негативные последствия. Трипало и Темпо были названы антипартийными элементами. Однако личный секретарь Тито успел сообщить о происходящем главе государства и тот, прочтя статьи, поддержал инициативу молодых политиков.

Первые после начала реформирования выборы в Хорватии в 1967 г. были значительно более демократичными, чем ранее. Но неожиданно для СКХ ими воспользовались силы, настроенные против реформ, а также националисты. В результате в Далмации кандидаты от партии проиграли. Обычно выборы жестко контролировались партией. Существовали комиссии Социалистического союза трудового народа или так называемые «политические избирательные комиссии», которые выдвигали «лучших» кандидатов. В обществе таких кандидатов называли «служебными». Были и «неслужебные» кандидаты, которые не фигурировали в списках Социалистического союза, но выполняли роль поддержки первых в предвыборной борьбе. Перед выборами М. Трипало обратился с просьбой к избирательным комис-

---

[17] *Radelić Z.* Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991: od zajedništva do razlaza. Zagreb, 2006. S. 364.

[18] *Булатовић Л.* Исповести. Београд, 1995. С. 39.

сиям «способствовать» выбору не только «хороших», но и «способных» претендентов в интересах проводимых в стране реформ. Официально не вмешиваясь в ход выборов, Союз коммунистов и ССТН, неофициально все же влияли на результаты, считая это своим «священным долгом». Особенно это было заметно в краях, где местные руководители встречались и просто договаривались, кто будет их депутатом[19].

На местах нередки были злоупотребления, когда на общинных выборах кандидаты назначали себя на второй срок. В Имотской общине был случай, когда на место депутата претендовало 44 человека, многие из которых не фигурировали в «служебных» списках. Подводя итог этим выборам, В. Бакарич назвал их «более слабыми», чем он ожидал, поскольку во многих областях партия проиграла, а к власти пришли «не те» люди. В целом эти выборы стали, по его мнению, шагом назад[20].

Политика омоложения партийных кадров продолжилась в 1968 г. Накануне IX съезда СКЮ было принято решение о создании новых партийных органов – Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ из числа наиболее влиятельных и авторитетных в республиках лиц. От Хорватии в Исполнительное бюро ЦК СКЮ вошел М. Трипало, а в Президиум – В. Бакарич. Возможно, Тито боялся, что популярность и влияние республиканских лидеров превзойдут его собственный авторитет. Однако эти перемещения способствовали тому, что на политической сцене появились новые национальные лидеры, решительные и амбициозные.

На VI съезде СКХ (5–7 декабря 1968 г.) был завершен процесс обновления партийных кадров. Средний возраст членов ЦК составил примерно 45 лет. На место председателя ЦК СКХ В. Бакарич и Й. Броз Тито предложили С. Дабчевич-Кучар. Родилась она в 1923 г. в Корчуле. Училась в Сплите и Загребе, доктор экономических наук, преподаватель университета. До 1969 г. С. Дабчевич-Кучар занимала пост председателя правительства республики. Одним из ее главных достоинств в глазах окружающих было умение ярко и убедительно выступать перед аудиторией. Кроме того, в отличие от многих хорватских функционеров, она не участвовала в «подковерной» борьбе, являлась сторонницей политических перемен и экономических ре-

[19] *Spehnjak K.* Izbori u Hrvatskoj 1967 i 1969 // Časopis za savremenu povijest. 1998. № 30. S. 327.
[20] Ibid. S. 332.

форм, отстаивала интересы Хорватии. Став лидером СКХ, С. Дабчевич-Кучар собрала вокруг себя команду молодых политиков. В своих воспоминаниях она отмечала, что не все пошли за ней, некоторые прошли лишь половину пути, испугавшись перемен. Отставшие предпочли партийную дисциплину, те же, кто не испугался, по мнению С. Дабчевич-Кучар, способствовали либерализации и демократизации: «Мы получили все рычаги власти, кроме армии и УГБ. Везде наши люди. Нас поддерживают Загреб, Сплит, Осиек и другие»[21]. Вне партии своими союзниками С. Дабчевич-Кучар считала директоров предприятий, Матицу хорватскую, Общество писателей Хорватии и университет.

На выборах 1969 г. были учтены просчеты 1967 г., вызванные пассивностью партийных органов, правда, без проблем и на этот раз не обошлось. Так, в общине Шибеник избиратели не хотели принимать кандидата, который пользовался поддержкой всех политических организаций. В некоторых местах кандидатов пришлось переизбирать несколько раз.

В Сабор Республики Хорватии, благодаря новым поправкам в избирательных законах, смогли пройти молодые кадры. Новое руководство республики взяло курс на демократизацию и либерализацию в общественной жизни, которая подразумевала привлечение новых людей, особенно из числа молодежи, основание новых периодических изданий, элементы критики, ослабление цензуры. Либерализация экономического механизма была направлена на ограничение государственного контроля.

Важным трансформационным фактором явилось ослабление роли органов Государственной безопасности после ареста в 1966 г. А. Ранковича. Первый заместитель маршала Тито, заместитель председателя Союзного правительства, он активно выступил против планов Э. Карделя по децентрализации страны, о чем будет сказано ниже. В силу своей должности этот человек, как никто другой, знал о настроениях в стране, о положительных и отрицательных тенденциях в каждой из республик. Известно, что в УГБ только по Хорватии хранилось около миллиона личных досье политически неблагонадежных лиц:

---

[21] *Dabčević-Kučar S.* 1971 g. hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb, 1997. 2 sv. S. 117.

Досье Управления государственной безопасности за 1966 г. [22]

Республика	Число учтенных	Число трудоспособных граждан согласно переписи 1961 г.	% учтенных
Хорватия	1 300 000	1 954 000	67
Словения	200 000	769 000	28
Сербия – без Косова	200 000	2 465 000	8
Босния и Герцеговина	172 274	1 286 000	13
Косово	120 000	335 000	36
Македония	96 531	554 000	17
Черногория	36 000	162 000	22

При подготовке VIII съезда (1964 г.) во все отделения Управления на местах были разосланы анкетные листы с вопросами о политической ситуации в стране, результаты этих опросов остались тайной. Подобные действия вызывали раздражение республиканских элит. Ходили слухи, что наблюдение ведется и за самим Тито. Влияние Ранковича было настолько велико, что он был первым, кого прочили в преемники маршалу[23]. Однако решающую роль в судьбе этого человека сыграли не «успехи» его профессиональной деятельности, а позиция, которую он занял в отношении проводимых в стране реформ.

А. Ранкович обращал внимание соратников по партии на то, что появилась тенденция превращения Союза коммунистов в коалиционную партию, и что таким образом можно потерять единство страны. В это же время Э. Кардель, разрабатывая шаг за шагом теорию самоуправления, тяготел больше к самостоятельности республик и их самоопределению. Автор системы самоуправления упирал на то, что в стране растет опасность великодержавного гегемонизма и лик-

[22] *Radelić Z.* Op. cit. S. 702.
[23] *Tripalo M.* Hrvatsko proljeće. Zagreb,1990. S. 77.

видации самоуправления народа. И. Броз Тито колебался в выборе стратегии. Сначала он был на стороне А. Ранковича, таким образом, выступая за жесткое единство страны. Но затем поддержал Э. Карделя, что и решило судьбу Ранковича. После его отставки значительно больше полномочий получили республиканские УГБ.

Ослабление контроля федерального центра за проявлениями в республиках опасных для многонационального государства тенденций способствовало возобновлению в политических и общественных кругах Хорватии дискуссий о месте и роли республики в рамках федерации. В журнале «Праксис», который выходил в Загребе с 1964 г., так называемые левые силы выступили с критикой положения дел в республике. Группа авторов, опираясь на марксистскую идеологию, активно обсуждала проблемы самоопределения и равноправия, монополии партии. Авторы журнала уверяли своих читателей, что самоуправление – это инструмент манипулирования в руках партийной бюрократии, которая заняла место прежней капиталистической буржуазии. Большое внимание они уделяли проблемам безработицы и социальных различий в обществе и призывали к большей либерализации[24]. Однако на этом этапе хорваты боялись услышать в свой адрес обвинения в национализме, поэтому постоянно подчеркивали, что выступают против любых проявлений националистических настроений. О том, что руководство республики поддерживало инициативы либерально настроенных общественных деятелей, свидетельствует тот факт, что журнал подвергался критике властей, но не закрывался. Мало того, он ими же и финансировался.

Менее терпимыми настроения хорватских коммунистов были по вопросу о будущем Хорватии в составе Югославии. Благодаря новым архивным документам, мы можем утверждать, что в Хорватии сразу после отставки Ранковича сторонники децентрализации страны из числа коммунистов начали разрабатывать планы будущего «массового движения». В материалах III пленума ЦК СКЮ (май 1969 г.) сохранилось полуанонимное письмо на имя Й. Броз Тито, В. Бакарича, Э. Карделя и «всех ответственных руководителей», в котором на одиннадцати страницах излагалась оценка ситуации в Хорватии. Подписали его «коммунисты Боснии и Хорватии». В письме говорилось о территориальных спорах с Сербией, об ограниченных возможностях хорватской молодежи на образование и военную службу по сравнению с сербами, о непропорциональном распределении должностей по национальному признаку, особенно в рядах милиции, о

[24] *Radelić Z.* Op. cit. S. 371.

несправедливом распределении федерального бюджета, о предвзятости судов в отношении подсудимых хорватской национальности.

Поднимались в письме и вопросы языка: вытеснение латиницы и насаждение кириллицы, недостаток учебников на хорватском языке. Авторы письма обратили внимание на ущемления прав хорватов в области культуры: запрет на установку памятников хорватским историческим деятелям, невозможность петь национальные песни из-за опасения быть названными шовинистами, двойные стандарты в религиозном вопросе. Письмо содержало конкретные предложения об усилении влияния хорватской культуры, использовании в образовательных учреждениях не только сербского, но и сербскохорватского языка. Ставился вопрос о повышении удельного веса хорватов в структуре МВД и государственном аппарате республики. Авторы письма предложили ввести латиницу в Югославской Народной Армии, усилить контроль за судебными решениями, помнить и чтить крупных исторических деятелей независимо от их национальности[25]. Таким образом, авторы четко сформулировали недовольство существующим положением в Югославии, высказали конкретные претензии, хотя как члены партии, казалось, должны были всячески укреплять «братство и единство», а не выискивать примеры несправедливости, способные спровоцировать межнациональную напряженность. Это означало, что ситуация после 1966 г. существенно изменилась: югославская федерация брала курс на конфедерацию.

Не менее важным условием для постановки национальных вопросов в конце 1960-х гг. стали результаты экономической реформы, которая начала проводиться с 1965 г. и была направлена на дальнейшее развитие рыночных отношений и увеличение производственной и коммерческой самостоятельности предприятий, усиление эффективности хозяйствования.

Ориентация на широкое использование товарно-денежных отношений оказала решающее воздействие на формирование программы реформы, в которой одной из главных предпосылок развития самоуправления стала хозяйственная самостоятельность предприятий как независимых товаропроизводителей. Важнейшим условием и первоочередной задачей реформы стало превращение предприятий в основных носителей расширенного воспроизводства, для чего были значительно уменьшены их финансовые обязатель-

[25] *Митрович М.* Югославская действительность в анонимных посланиях Й. Броз Тито // Славяноведение. 2008. №3. С. 48–59.

ства перед государством, проведена дальнейшая децентрализация управления и расширены прерогативы самоуправленческих органов предприятий.

Автор реформы Э. Кардель ввел понятие «экономический аспект национальной политики». Он был убежден, что национальный вопрос «можно решать только на основе самоопределения – в виде национального государства или в виде добровольного государственного союза равноправных народов»[26]. В этих новых условиях Хорватия увидела для себя перспективы большей экономической самостоятельности.

Результаты проведения в жизнь экономической реформы оказались далеко неоднозначными. С одной стороны, произошел переход экономики на путь интенсификации, предприятия энергичнее подтянулись к мировому уровню. Вместе с тем, в ходе реализации реформы стали нарастать такие отрицательные тенденции, как нестабильность экономического роста, увеличение структурных диспропорций, усиление инфляции, повышение цен. Еще более серьезными оказались негативные социально-экономические последствия реформы: обострение проблемы занятости, рост числа рабочих, вынужденных выезжать на работу за границу, ухудшение материального положения трудящихся, усиление социальной дифференциации.

Хозяйственная реформа должна была создать новые предпосылки для преодоления экономической замкнутости отдельных регионов и включения их в общенациональный рынок. Однако за годы реформы разрыв в уровне экономического развития между слаборазвитыми и развитыми республиками не только не сократился, но, напротив, значительно увеличился. Государство все больше задействовало рыночные механизмы, которые диктовали свои условия развития. При этом общий план перспективного развития экономики так и не был принят. В результате в хозяйственной системе использовались как командно-административные, так и рыночные механизмы. Особенно активно новые отношения развивались в Словении и Хорватии, традиционно ориентированные на внешние рынки, особенно на хорватском побережье, которое развивались за счет туризма и торговли.

Самоуправление способствовало расширению хозяйственной активности на предприятиях, в общинах, городах и портах. Производитель самостоятельно распоряжался значительной долей своих доходов и сам принимал решение о распределении их между рабочими

[26]Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 193. S. 7.

и служащими. Выросло число банков, которые аккумулировали средства предприятий, финансировали рабочие организации, давали кредиты на развитие местной экономики. Национальные элиты не устраивало существование федеральных банков, через которые проходили доходы республик, а также планы федерального центра по созданию фондов для поддержки слаборазвитых регионов, экономическое отставание которых стремительно росло. Например, участие в инвестиционных проектах к концу 1960-х гг. по сравнению с началом десятилетия в развитых регионах страны выросло и составило 70,6%, в неразвитых уменьшилось до 12,9%. А по планам на 1966–1970 гг. соотношение должно было составлять 65, 6:34, 4[27].

Недовольство результатами экономического развития, попытка «самоуправленческого» уравнивания производителей в политической сфере вызвали резкое недовольство в Хорватии, которая стремилась к экономическому усилению и укреплению национальной самобытности. Она активно включилась в споры между теми, кто выступал за расширение прав республик во всех областях, и теми, кто отстаивал усиление единства федерации через размывание республиканских границ и расширение пространства «производителей» в ущерб национальным интересам. Стороны обвиняли своих оппонентов: одни – в унитаризме и централизме, другие – в национализме и шовинизме.

По данным за 1969 г. общий бюджет федерации пополнился на 18 млрд. динаров за счет трех республик – Сербии, Хорватии и Словении, обеспечивших 85% всех средств. Сербия вложила в бюджет 37,6%, Хорватия – 27,1%, Словения – 20,2%, Босния и Герцеговина – 8,9%, Македония – 4,9%, Черногория – 1,3%[28]. Разногласия между республиками начались по вопросу распределения доходов, финансирования проектов и валютного регулирования. Значительная часть средств уходила в экономически более слабые республики. А развитые были недовольны объемом финансирования из центра. Так, если в 1968 г. Хорватия получила 273 млн., Словения – 381, то Босния и Герцеговина – 380[29].

В этой ситуации становится вполне понятным стремление Союза коммунистов Югославии пересмотреть во второй половине 1960-х гг. некоторые концептуальные положения экономической ре-

---

[27] *Стојановић П.* Арифметика једног фонда // НИН. 1970 г. 7 јун. С. 10.

[28] *Стојановић П.* Плус и минус у каси федерације // НИН. 1970. 5 апр. С. 11.

[29] *Стојановић П.* Арифметика једног фонда... С. 10–11.

формы и перейти к реорганизации хозяйственной системы. Первые шаги в этом направлении были предприняты IX съездом СКЮ (март 1969 г.), в документах которого отмечались определенные деформации, возникшие в процессе проведения реформы, и намечались меры по их преодолению. Й. Броз Тито в конце 1960-х гг. выделил основные проблемы в экономике страны: «Неликвидность и высокий уровень инфляции, рост цен, что вместе взятое в значительной мере ведет к снижению роста жизненного уровня. Нестабильность экономики имеет серьезные последствия для общей политической обстановки в стране»[30].

Последний фактор трансформации либерализма в 1960-е гг. в Хорватии, на котором мы остановимся, – расширение связей с Западом. Это было обусловлено, прежде всего, экономическими интересами в связи с выездом югославских граждан на заработки за границу. В Хорватии в 1963 г. было подано 28120 прошений на работу на Западе. Количество желающих уехать росло[31]. Деньги тех, кто работал за границей, стали значительной статьей национального дохода. Увеличилось и число туристов. По данным администрации Загреба, в 1964 г. было выдано 47479 разрешений на въезд в страну. Так, только в 1964 г. Югославия заработала на туристах и рабочих за границей более 60 млн. долларов[32].

У лидеров Хорватии появилось желание самостоятельно распоряжаться этими средствами, а не делить их с более отсталыми в экономическом плане регионами Югославии. Свои требования они основывали на цифрах. По данным анкет Комитета по эмиграции и народностям в Загребе, во второй половине 1966 – начале 1967 г. возраст около 82% граждан, временно работавших в Западной Европе, составлял 21-40 лет. Это была самая активная и трудоспособная часть общества. Из них 63% были хорватами, 24% – сербами, 13% – остальными народностями. Если число рабочих из Сербии составляло 26%, то из Хорватии – 54%[33]. Люди ехали на заработки, но по возвращении их нужно было трудоустраивать, решать жилищные проблемы. Все это требовало больших финансовых затрат.

---

[30] Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Гл. ред. О.Т. Богомолов/. М., 1985. С. 25.

[31] *Perić I.* Hrvatska državotvorna misao u XIX–XX stoječu. Zagreb, 2002. S. 442.

[32] *Radelić Z.* Op. cit. S. 318.

[33] *Dabčević-Kučar S.* Op. cit. S. 228.

На фоне общей либерализации общественной и культурной жизни в стране Хорватия наладила связи с хорватской эмиграцией через Матицу эмигрантов Хорватии, культурно-просветительное общество, основанное в 1951 г., которое осуществляло культурное и научное сотрудничество с соотечественниками за границей. В 1964–1968 гг. его возглавлял В. Холевац. Эта организация получила большую свободу действий и финансирование. Исполнительный комитет ЦК СКХ официально выделил это направление в числе приоритетных[34]. Начался активный обмен литературой, фильмами, организовывались туристические визиты соотечественников в Хорватию; для студентов были открыты шесть стипендий в университете Загреба. Матица эмигрантов Хорватии начала издавать ежемесячный журнал «Матица» и ежегодный «Календар», подписка на которые постоянно увеличивалась.

За счет этой организации директор Института истории рабочего движения Ф. Туджман осуществил поездку в США для чтения лекций по истории, а по возвращении начал активно выступать в общинах, стараясь как можно шире популяризировать свои взгляды. Институт активно участвовал в культурных мероприятиях внутри республики, используя памятные даты из исторического прошлого, чтобы лишний раз напомнить обществу о хорватской самобытности.

Постепенно в республике меняется отношение к эмиграции, считавшейся прежде враждебной по отношению к социалистическому режиму. В хорватской эмиграции было несколько волн. Первая волна относилась к 1941–1945 гг. Тогда эмигрировало много представителей Хорватской крестьянской партии. В годы войны партия разделилась. Одна ее часть не стала возвращаться в Хорватию, вторая попыталась сотрудничать с коммунистами и даже участвовала в первых послевоенных выборах, но в условиях укрепления власти Й. Броз Тито и его сторонников также предпочла уехать из страны (Ю. Крневич, И. Шибашич, И. Юкич, Р. Бичанич). Многие эмигрировали нелегально после падения профашистского режима НГХ (И. Реберски, И. Пернар, Р. Мишетич и др.). В годы Второй мировой войны представители усташеского режима возглавляли Матицу хорватскую. После войны, эмигрировав, А. Павелич, В. Вранчич, И. Оршанич, И. Девчич и др. не прекращали оказывать этой организации помощь и, в свою очередь, видели в ней политическую силу, с помощью которой мож-

[34] *Spehnjak K.* Većeslav Holjevac u političkim događajima u Hrvatskoj 1967 godine // Časopis za savremenu povijest. 2000. № 32. S. 568.

но было попытаться ликвидировать ненавистный им коммунистический строй. В выпускаемых хорватскими эмигрантами периодических изданиях, таких как «Республика Хрватска», с начала 1960-х гг. подчеркивалась невозможность существования Хорватии в рамках югославской федерации, право республики на самостоятельность, а также недопустимость превращения самой республики в некий вид федерации (тем самым сербскому населению отказывали в возможности стать автономной территориальной единицей в рамках Хорватии).

Вторая волна эмиграции из Хорватии пришлась на 1946–1964 гг., причем уехавшие из страны накануне хорватского «массового движения», являлись активными хорватскими политическими деятелями.

Эмигранты первой волны в основном осели в США, Канаде и Аргентине. Обладая большими материальными и финансовыми средствами, разрабатывая планы по свержению коммунистического режима в Югославии, они представляли реальную угрозу единству федерации. Место пребывания второй волны – Европа, и деятельность ее представителей в основном была связана с издательской, научной и культурной сферами.

В марте 1962 г. вышел «Закон об амнистии», по которому представителям политической эмиграции разрешили въезд в Хорватию. Паспорта были выданы 50 тыс. эмигрантам, но в Хорватию вернулись около 200 чел. У многих семей, наконец, появилась возможность объединиться. Из Хорватии уехали 35 тыс. граждан[35].

Однако возможностью вернуться воспользовались и враждебно настроенные по отношению к Югославии силы. По данным спецслужб, только в 1964 г. в Биеловаре, Осиеке, Сплите, Загребе и других городах Хорватии были проведены 11 нелегальных собраний «проусташеского» характера. В них участвовали более 200 чел. В ходе расследований к суду по политическому обвинению «за национализм» были привлечены 500 чел.[36].

В 1968 г. Комитет по миграции и народностям выступил с обзором деятельности эмиграции в отношении СФРЮ. В частности, в нем была представлена информация о прошедшем с 20 августа по 1 сентября 1968 г. в Европе симпозиуме хорватских интеллектуалов. Речь на нем шла о будущем Хорватии. Газета «Хорватска ревия» в Мюнхене в 1969 г. взялась опубликовать все материалы симпозиума

[35] *Radelić Z.* Op. cit. S. 318.
[36] *Bilanžić D.* Hrvatska moderna povjest. Zagreb, 1999. S. 444.

под названием «Хорватия сегодня и завтра». Хорватские интеллектуалы демонстрировали свою любовь к хорватскому народу, подчеркивая, что лучше других знают хорватскую действительность. Например, один из участников симпозиума Б. Радица заявил: «Наступит время, когда мы сможем перекинуть мосты Хорватии в мир, в котором мы все сейчас живем. Особую идейную эволюцию пережил ЦК СКХ, который сегодня стремится к прогрессивным тенденциям в экономике и национальном самоопределении»[37]. Эмиграция в тот период уже признавала прочные позиции Югославии на международной арене. Начало реформ в Хорватии вызвало в среде эмигрантов ликование, для них открывались невиданные ранее возможности сотрудничества, влияния и финансирования своих сторонников.

Рассмотренные условия способствовали тому, что идеи дальнейшего развития Югославии, в основе которых изначально были заложены тезисы общеевропейского либерализма, в Хорватии приобрели националистическую окраску. Хорватские политические лидеры при поддержке деятелей культуры и науки, прикрываясь планами реформ по либерализации экономики, общественной жизни, политической системы, начали формировать собственный курс, националистический по своему характеру.

[37] Hrvatski Drzavni Arhiv. Zavod za Migracije i naronosti. Kraci osvrt programa neprijateljske emigracije prema SFRJ. D 4351 16, S. 4.

А.С. Аникеев

М. Джилас и диссидентское движение в Югославии в 1960-е годы

Диссидентское движение в Югославии в послевоенные годы, в принятом в литературе понятии протеста против тоталитарной политической системы, стало разворачиваться в 1960-е гг., но еще осенью 1953 г. с критикой партийной идеологии и практики и отдельных элементов существующего режима выступил М. Джилас. Убежденный коммунист, один из организаторов антифашистской борьбы в годы войны, человек из высшей партийной иерархии, возглавлявший идеологическую и пропагандистскую работу в КПЮ, заместитель премьер-министра, глава парламента (Скупщины) становится первым в своей стране диссидентом. Всех занимаемых постов его лишают вскоре после публикации им серии критических статей в официальном партийном органе газете «Борба».

Талантливый писатель, публицист и социолог Милован Джилас родился в Черногории 12 июня 1911 г. в семье офицера. Окончив гимназию, в 18 летнем возрасте он поступил на филологическое отделение Философского факультета Белградского университета. Тогда же началась его литературная карьера, появляются рассказы и эссе в белградских журналах. В том же 1929 г. он включается в политическую борьбу против диктатуры короля Александра; в 1932 г. вступает в компартию и вскоре оказывается под арестом. Выйдя из тюрьмы в 1935 г., Джилас участвует в отправке югославских добровольцев в Испанию для борьбы против диктатуры Франко. 1937 год отмечен важной вехой в его биографии: в ходе внутрипартийной борьбы в КПЮ Джилас примыкает к группе Тито и вскоре входит в состав ЦК партии, а с 1940 г. он уже член Политбюро ЦК КПЮ. После оккупации Югославии в 1941 г. и принятия ЦК КПЮ 4 июля решения о начале восстания Джилас направляется в Черногорию для организации там вооруженной борьбы. В ноябре того же года ему поручают возглавить редакцию партийной газеты «Борба». Эту работу он успешно ведет, продолжая участвовать в боевых действиях партизанских отрядов в Черногории и Боснии. В конце 1943 г. Джилас принимает участие в разработке политической платформы АВНОЮ, а затем входит в Исполком этого органа. В марте 1944 г., уже в чине генерал-лейтенанта, он приезжает с делегацией в Москву, где встречается со Сталиным, с которым у него складываются особые отношения. Джилас посвящает этой встрече статью в «Борбе», воссоздает реалистичный портрет

советского вождя, подчеркивая, что он – обычный человек, но «одновременно гениальный и великий, как никто в наше время». Еще раньше, в ноябре 1942 г., он публикует в партийном органе статью-панегирик о Сталине: для Джиласа тех лет советский лидер – «Ленин, живущий сейчас с нами». В послевоенные годы Джилас занимает руководящие посты в партии и правительстве. Весной 1945 г. он снова в Москве, в составе делегации, возглавляемой Тито, на подписании Договора о дружбе и сотрудничестве, где вновь встречается со Сталиным. В октябре 1947 г. Джилас представляет югославских коммунистов на организационном совещании Информационного бюро коммунистических и рабочих партий в Польше, а в декабре Сталин приглашает его в Москву, чтобы разобраться с проблемами, возникшими в югославо-албанских отношениях. В советской столице Джилас проводит несколько месяцев[1].

После возникновения в феврале–марте 1948 г. советско-югославского конфликта Джилас оказывается в группе ближайших соратников Тито, призванных сформулировать основы идейно-политической концепции национально ориентированного социализма, противопоставив сталинизму самую точную и верную, как считали югославские коммунисты, интерпретацию марксизма. Возглавили теоретическую часть группы Э. Кардель и М. Джилас. Вместе с ними эту работу осуществляли Б. Кидрич, главный теоретик экономической реформы, а также М. Пьяде, В. Бакарич и другие. Чтобы убедить партийные массы в правильности избранного в конфликте с Москвой курса, югославскому руководству предстояло обосновать ошибочность сталинской трактовки ленинского теоретического наследия, доказать, что основная причина возникшего конфликта лежит в отходе Сталина и его окружения от марксистских принципов. Джилас вспоминал, что вместе с Э. Карделем, Б. Кидричем, В. Бакаричем и другими соратниками стал инициатором идеологического «ответа» Москве, поскольку разгоравшийся конфликт, по его словам, «стал наносить ущерб “нашей” партийной идеологии». «Мы должны были убеждать Тито, – пишет Джилас, – что мы упустим возможность, потеряем уверенность и равновесие, если не вступим в идеологическую борьбу с советской системой, не обоснуем свои позиции идеологически». Указанная группа настаивала на дискуссии с советской

[1] *М. Джилас.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 3–5; *V. Dedijer.* Veliki buntovnik Milovan Djilas. Prilozi za biografiju. Beograd, 1991. S. 297–335.

стороной в области теории, в то время как Й. Броз Тито, А. Ранкович и другие функционеры-«практики» склонялись к выявлению противоречий в сфере власти и государства[2]. Джилас сообщает также об одном интересном и важном факте, позволяющем, если он достоверен, по-новому взглянуть на причины советско-югославского конфликта. В своей книге «Тито – мой друг и мой враг» (в сербском варианте – «Дружба с Тито») Джилас пишет, не уточняя времени происходивших событий, о психологических «страданиях» Тито, связанных со «столкновением с Москвой», которое югославский лидер, тем не менее, как утверждает Джилас, сам и подготавливал, и не он один, хотя и был в этом вопросе отнюдь не самым радикальным. По мере того, как югославское руководство стало ощущать советское стремление к экономическому и политическому господству, оно, как пишет Джилас, начало «в узком, а затем и в более широком кругу бросать упреки советской системе и критиковать советскую политику по отношению к нам, а в некотором отношении и по отношению к Восточной Европе». Тито высказывался осторожно, но настойчиво, естественно в узком кругу, и, по словам Джиласа, «только после того, как в его сознании создалось представление об опасности, грозящей лично ему, Югославии, его делу»[3].

Конфликт с СССР болезненно воспринимался в партии и в определенных слоях населения Югославии. Советская помощь на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы, активная поддержка со стороны СССР усилий большей части югославского народа, направленных на строительство нового общества, способствовали тогда формированию особого, братского отношения к России, в значительной степени персонифицированного. Неожиданный, непонятный для многих, разрыв связей привел к столкновению жесткой, независимой и антисталинской позиции, занятой в конфликте руководством партии, и представлений рядовых партийных кадров. Это противостояние выразилось в появлении так называемых информбюровцев – сторонников антиюгославской резолюции Информбюро от июня 1948 г. В начале 1950-х гг. этих людей стали преследовать и подвергать репрессиям. К 1956–1957 гг. через так называемые лагеря перевоспитания прошли десятки тысяч человек.

В то же время навязанный советской стороной конфликт и последовавшие за ним события – жесткое политико-идеологическое и экономическое давление на Югославию, процессы над «титоистами»

---

[2] *Милован Джилас.* Тито – мой друг и мой враг. Paris, 1982. С. 46.

[3] Там же. С. 47.

в странах советского блока – способствовали тому, что высшее партийное руководство сумело добиться во внутренней политике радикального пересмотра и переоценки всего комплекса отношений с СССР. Джилас, несмотря на свою любовь к СССР, искреннее восхищение Сталиным («я был наивно влюблен в него как революционерка-подросток в своего Валентина», – писал он в одной из статей в «Новой мысли»), за что ему пришлось позднее не раз оправдываться, сумел в 1948–1949 гг. преодолеть свою эмоциональную увлеченность. В нем возобладала солидарность с товарищами по партии, верность долгу и партийной дисциплине, а как писатель и гуманист, тонко чувствовавший человеческую природу (это уже было видно в его произведениях военной поры), он начал понимать грубую сущность сталинского тоталитарного режима и тогда же разглядел его зловещие отсветы в югославской действительности.

Включившись в подготовку идеологического «ответа» Москве, Джилас начинает заново перечитывать классиков марксизма. Расширяя и углубляя свои представления о теории коммунизма, он пытается сопоставить сделанные выводы с текущей практикой социалистического строительства в Югославии и принципами, на основе которых развивается компартия. Он также изучает работы теоретиков социал-демократии, произведения Троцкого и исследования западных авторов по истории и теории коммунизма. Итог этой напряженной и углубленной работы – появление новой теоретической концепции, выходившей за рамки обозначенной Тито конвенциональной критики сталинизма.

Свои взгляды Джилас постепенно делает достоянием не только соратников по партии. В политическом эссе «Современные темы», появившемся в 1950 г. на страницах «Борбы», он подверг резкой критике советскую политику в отношении Югославии и стран Восточной Европы, партийную бюрократию в СССР, подчеркнув, что и в Югославии часть коммунистов превращается в бюрократов, нарушающих законы и презирающих народ. Его идеи в области демократизации партии находят в тот период поддержку в партийных верхах. На 4-ом пленуме ЦК КПЮ, проходившем в начале 1951 г., была принята резолюция о теоретической работе в партии, закрепившая предложение Джиласа о необходимости свободной дискуссии в

партии и обмена мнениями независимо от занимаемых ее участниками постов[4].

Критический анализ советской партийной и государственной системы Джилас продолжил весной 1952 г., опубликовав в газете «Свидетельства» статью «Класс или каста», посвященную формированию особого бюрократического слоя в советском обществе. Вокруг этой статьи развернулась оживленная дискуссия: двое молодых ученых, Я. Становник и З. Кристл, отважились вступить в полемику, адресовав Джиласу письма критического содержания. В мае–августе 1952 г. Джилас полностью опубликовал в журнале «Коммунист» письма своих оппонентов и ответы на них. Это была новая форма общения высшего партийного функционера с рядовыми гражданами, попытка прислушаться и учесть мнение простого человека, к чему он призывал и своих товарищей по партии. Значительная часть материалов статьи и дискуссии вошли, как об этом писал Джилас, позднее в его работу «Новый класс»[5].

Важным этапом на пути разработки новой теории становится VI съезд КПЮ (СКЮ), состоявшийся в ноябре 1952 г. На нем были приняты решения, которые в случае их реализации могли бы серьезно повлиять на жизнь страны, изменить роль партии в обществе, сделав ее существенно демократичнее и приблизив к народу. В докладе Э. Карделя шла речь о развитии «социалистической демократии», децентрализации и демократизации экономики, общественной и культурной жизни, подчеркивалась необходимость борьбы с бюрократией, а также с буржуазными и клерикальными элементами. Б. Кидрич, теоретик экономической реформы, говорил о важности усиления рабочего контроля на предприятиях. По инициативе Тито партия получила на съезде новое название – Союз коммунистов (по аналогии с созданным К. Марксом «Союзом справедливых», а затем «Союзом коммунистов»). Заслуга в этих переменах принадлежала и М. Джиласу, который выступил на съезде с развернутым докладом острой антисталинской направленности.

В условиях сохранявшейся жесткой конфронтации с Москвой, при совершенно неясной перспективе развития отношений со странами советского блока, не исключавшей вооруженное разрешение конфликта, демократизация партии и усиление ее связи с обществом

---

[4] *A. Djilas.* Hronologija zivota i rada Milovana Djilasa. Beograd, 2011 (elektronska verzija). S. 7.

[5] *V. Kalezić.* Đilas. Milenik i otpadnik komunizma. Kontroverze pisca I ideologa. Beograd. 1988. S. 62–63.

были жизненно необходимы. По некоторым прогнозам вторжение на югославскую территорию могло начаться в ноябре 1952 г. Тито как прагматичный политик адекватно оценивал ситуацию и демонстрировал готовность идти на отдельные либеральные шаги ради консолидации партии и общества. Важным фактором были в тот период и отношения с США и их союзниками, которые приступили к оказанию широкой экономической и финансовой помощи Югославии. Так что провозглашенный на съезде курс на демократизацию партии и страны имел и дополнительный адрес.

Демократические установки и атмосфера VI съезда, очевидно, вселили уверенность в Джиласа. Он полагал, что пропаганда новых идей, их дальнейшее обогащение будут благожелательно восприняты партией и обществом. В начале 1953 г. он основывает журнал «Новая мысль» – неформальное партийное издание с целью развития социалистических идей и критики ленинско-сталинского догматизма. В действительности, журнал фактически стал трибуной для всех югославских интеллектуалов, не отрицавших руководящей роли СКЮ, но считавших необходимым избавить партию от наследия сталинизма, придав ей новый, обновленный, импульс. Как верно замечает сербский историк В. Станич, само название журнала уже символически отражало начало движения Джиласа в сторону диссидентства[6]. В редколлегию журнала, помимо самого Джиласа, вошли известные писатели О. Давичо и Д. Чосич, партийные функционеры, разделявшие взгляды Джиласа, – В. Влахович, М. Митрович, И. Вильфан, М. Попович. С отдельными материалами выступали в журнале И. Андрич, М. Крлежа, М. Богданович и другие известные писатели, хотя основными авторами была молодежь: З. Гаврилович, М. Павлович, Д. Костич, Б. Михайлович, Э. Кош и другие, известные в литературных кругах. Уже в первых номерах журнала Джилас публикует статьи, содержащие положения, которые он осенью 1953 г. в развернутой форме сформулирует в серии своих публикаций в газете «Борба». Одновременно он регулярно помещает статьи и в «Новой мысли», вплоть до закрытия журнала в январе 1954 г. Все написанное Джиласом для журнала, а также и усилия по его созданию, подбору авторов и формированию профиля, можно рассматривать в качестве подготовительного этапа его последующей деятельности как одного из са-

[6] *Вељко Станић.* Милован Ђилас 1953/54: између револуције и слободе // Токови историје. 2008. Бр.3–4. С. 256.

мых серьезных восточноевропейских критиков тоталитарной коммунистической системы.

К лету 1953 г., после визита Тито в Великобританию и смерти Сталина, настроения высшего югославского руководства стали постепенно меняться. Угроза с Востока, всегда персонифицировавшаяся югославами в образе советского диктатора, была снята, а отношения с Западом становились все более прочными. В этих условиях югославский лидер мог позволить себе вернуться на позиции усиления роли партии в обществе, убедить в необходимости этого свое окружение. При этом он не отказывался открыто от уже проводившихся структурных реформ партии и общества.

Сигналом, свидетельствовавшим о начавшемся отходе Тито от прежних установок на демократизацию партии, стал 2-ой пленум ЦК СКЮ, состоявшийся в июне 1953 г. в летней резиденции Тито на о. Бриони. Он был посвящен идеологической работе в партии после принятия в январе Конституционного закона об основах общественного и политического устройства ФНРЮ. В законе были сформулированы установки о самоуправленческом характере развития югославского общества, закреплялась проведенная в марте реорганизация сельских кооперативов (задруг), фактически означавшая роспуск колхозов. Как позднее писал Джилас, на пленуме Тито попытался продемонстрировать, с известной долей лицемерия, возможность существования различных точек зрения в высшем руководстве партии. С этой целью он уговорил Джиласа выступить с изложением своего мнения, отличного от мнения других[7].

В октябре 1953 г. в газете «Борба» появилась первая из серии статей (всего их было 17) под названием «Новое содержание»; в ней анализировалась текущая ситуация в стране, где происходила, по Джиласу, борьба трех элементов – старых буржуазных, социалистических бюрократических и социалистических демократических. Он считал, что для победы последних необходимы усилия для продолжения революции, поиск новых идей, нового стиля и языка, способных преобразиться в демократию и социализм, в новые гуманистические отношения, в творчество. В этом заключалось, по мнению Джиласа, будущее революции[8]. В последующих статьях он коснулся многих болезненных проблем общественной жизни страны, в частности, вопроса законотворчества и четкого, непредвзятого применения законов, не избирательного, партийного, а строго соответствующего

[7] *Милован Джилас.* Тито – мой друг… С. 83.
[8] *В. Станич.* Указ.соч. С. 267.

общепринятым стандартам (статья «Законность» от 8 ноября 1953 г.). Джилас выступал против ограничения в правах по классовому признаку, подчеркивая, что коммунист должен бороться за равноправие всех перед законом, включая выходцев из буржуазной среды, но одновременно вести идейную борьбу против буржуазных представлений, против возрождения капитализма. Джилас считал своей главной задачей конструктивную, творческую, активную критику общественной жизни, но уже первая, декабрьская, реакция ближайшего окружения показала неприятие его идей. А. Ранкович прямо сказал Джиласу, что его статьи наносят вред партии, а Э. Кардель свое отрицательное отношение подчеркнул фразой: «Ты против партии, а я нет»[9]. В следующих статьях, которые стали выходить с периодичностью три раза в неделю, Джилас выступил против монополии партии в политической, экономической и культурной сферах, противопоставляя ей диалог различных «субъективных сил», способствующий появлению демократических проектов. Он призывал к свободному индивидуальному выражению мнения, отмечая, что время больших теоретических программ, «которых у нас хватает», уже прошло. В последующих статьях Джилас, отвечая своим критикам, которых он причислял к сторонникам «югославского сталинизма», подчеркивал, что пытался рассмотреть варианты различных путей к социализму и коммунизму. Он утверждал, что не может существовать двух истин одновременно, но имеют место попытки замаскировать истину ложью, а социализм бюрократизмом[10]. 25 декабря 1953 г. Джилас избирается председателем союзной Скупщины, что свидетельствовало, с одной стороны, о его популярности, причем, не только в депутатском корпусе, а с другой, об отсутствии в то время в «верхах» четкого решения «по Джиласу». Уже на следующий день после этого события появляется его следующая статья «Субъективные силы» с критикой монополии компартии на истину, привилегий коммунистов и их выделения в особый сегмент общества. «Сознательные, или так наз. субъективные силы, – писал он, – не сводятся сейчас к коммунистам или сознательным рабочим (как это было раньше); это понятие следует распространить на всех тех, кто выступают действительно за независимую – демократическую и социалистическую (а только такой она и может быть независимой) – Югославию, без различия их идейных и иных позиций». Складывание привилегированного слоя

[9] Там же. С. 270.
[10] Там же. С. 271.

партийных функционеров на основе представления о том, что коммунисты – люди особого сорта, писал он далее, будет мешать равной конкуренции на основе профессионализма и знаний, делить людей по идейной и политической принадлежности. «Такая теория и практика может оторвать коммунистов от масс и превратить их в попов и жандармов социализма». Джилас высказывал совершенно крамольные для высшего партийного функционера мысли, полагая, что бюрократизм представляет для социализма бóльшую опасность, нежели капитализм. Отсюда, по его мнению, следовало ограничить активность СКЮ и Социалистического союза*, но предоставить больше места «свободной индивидуальной инициативе "простых людей"»[11].

Реакция руководства не заставила себя долго ждать. Запланированная на 7 января 1954 г. публикация статьи «Революция» была запрещена, а спустя три дня в прессе появилось сообщение о предстоящем пленуме ЦК СКЮ, на повестку дня которого был вынесен «вопрос М. Джиласа». Характерна и символична для его долгих исканий мысль, завершающая последнюю, запрещенную, статью о революции. Джилас писал, что «душа революции может быть сохранена только в условиях подлинной свободы, поскольку ее совершили свободные люди, борясь за свободу и во имя свободы»[12]. Тогда же, в январе 1954 г., в «Новой мысли», появилось эссе «Анатомия одной морали», в котором была подвергнута критике повседневная жизнь и нравы югославской партийной верхушки. После этой публикации журнал был закрыт.

Статьи Джиласа, несмотря на нечеткость ряда формулировок и уязвимость некоторых положений, вызвали немедленную реакцию Тито, увидевшего в рассуждениях Джиласа серьезную опасность для партийного руководства и партии в целом. Биограф Тито В. Дедиер и некоторые современные сербские авторы, как, впрочем, и сам Джилас в своих поздних работах, усматривают в такой реакции югославского лидера изменение в целом его позиции, отход от декларированных на VI съезде демократических принципов построения и функционирования партии. Указанные авторы справедливо объясня-

* Речь идет о Социалистическом союзе трудового народа Югославии (ССТНЮ) – массовой общественно-политической организации, рассматривавшейся как политическая основа системы самоуправления и социалистической демократии в Югославии (Прим. ред.).

[11] *В. Станич.* Указ. соч. С. 272.

[12] В. Станич, цитируя последнюю статью М. Джиласа, ссылается на работу *M. Đorgović.* Đilas vernik i jeretik. Beograd, 1989. S. 307–309.

ют причину такого поведения Тито тем, что он никогда не стремился к подлинной демократизации партии, но лишь делал конъюнктурные шаги, призванные укрепить положение СКЮ в обществе и показать Западу, что югославская компартия – совершенно другая, принципиально отличная от ВКП(б)/КПСС, структура. Представляется, что переломным моментом в попытках Джиласа возглавить своего рода либеральное движение в партии и в обществе стала кончина в марте 1953 г. И.В. Сталина, которого югославское руководство считало главным виновником конфликта 1948 г.

После смерти советского руководителя Тито сразу же начал обдумывать перспективы возобновления отношений с Кремлем в расчете на скорую их нормализацию. При этом, как об этом позднее писал Джилас, вектор политики Тито начал существенно меняться. «Либеральная» составляющая стала элиминироваться, несмотря на необходимость решения проблемы Триеста, ради чего, собственно, Югославия и вступала в Балканский пакт*. Тито, ощутив безопасность с Востока, вновь «позволил» себе стать коммунистом, никогда не сомневавшимся в необходимости единовластия партии, действовавшей якобы «от имени пролетариата», и знавшем об опасности для этой партии и своей личной власти любых уступок либерально-демократическим тенденциям. Смерть Сталина, изменила и титовскую концепцию либерализации.

10 января 1954 г. статьи Джиласа получили критическую оценку Исполкома ЦК СКЮ, а через два дня на заседании этого органа, проходившем без приглашения Джиласа, Тито выдвинул против него целый ряд обвинений и потребовал на правовой основе разобраться с ним и с поддерживавшими его «мелкобуржуазными интеллектуалами, студентами». Он предостерег от либерального подхода к этому вопросу, предложив «политически ликвидировать» Джиласа. Тогда же было решено созвать внеочередной пленум ЦК СКЮ для рассмотрения возникшей проблемы[13].

О причинах, которые побудили Джиласа выбрать для публикации своих работ конец 1953 г., можно только догадываться. Возможно, он, как идеалист, революционный романтик, сторонник троцкистской теории перманентной революции и борьбы с бюрократией, рассчитывал, публикуя свои теоретические работы и выдвигая обви-

* Союз Греции, Турции и Югославии, созданный в 1953–1954 гг. под эгидой США (Прим. ред.).

[13] Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 613.

нения против высшей партноменклатуры, к которой он и сам в то время принадлежал, найти поддержку у той части партийной элиты, которая, должна была опасаться возвращения Югославии в орбиту советского тоталитаризма. Не была готова к такому развитию событий и часть интеллигенции, студенчество, представители других социальных групп, разделявших взгляды Джиласа, в том числе, его идеи идеологического плюрализма. Э. Кардель на упомянутом заседании Исполкома ЦК рассказал о своем разговоре с Джиласом, который, подчеркивая необходимость продолжения антибюрократической кампании, указывал на появление в стране элементов левого социалистического движения и даже не исключал возможности создания социалистической партии[14]. Уместно предположить, что Джилас, обращаясь в своих работах, посвященных критическому анализу советского строя и проблемам борьбы с бюрократией в Югославии, к широкой аудитории, рассчитывал подтолкнуть партию и общество к постепенной демократизации в духе решений 6-го съезда и, возможно, даже возглавить этот процесс. Дальнейшие события показали, однако, что на этом этапе он оказался почти в одиночестве. В известном смысле можно считать его единомышленником В. Дедиера, главного редактора «Борбы», предоставившего страницы партийной газеты для статей Джиласа. Но понеся за это наказание, Дедиер быстро отошел в сторону, хотя и не порвал с Джиласом.

На 3-ем, внеочередном, пленуме ЦК СКЮ (январь 1954 г.) было рассмотрено так наз. дело Джиласа. Формулировки были жесткими: соратники сочли его «ренегатом» и «предателем». Причины тревог, терзавших в тот период партийную верхушку, стали понятны уже из речи Тито, первым взявшего слово на заседании пленума. Он признал в случившемся собственную вину, отметив, что Джилас и раньше «писал статьи и просил оценить свое творчество», но ему было предложено продолжать свое дело, поскольку, как сказал Тито, «Джилас в своих работах высказывал те идеи, которые все мы много раз обсуждали или о которых писали». И только в декабре, прочитав его публикации в «Борбе», Тито, по его словам, понял, что «тов. Джилас зашел слишком далеко, фактически призывая к ликвидации Союза коммунистов, а также говоря о «таких вещах, которые могли нанести огромный ущерб не только единству нашей партии, но и целостности нашей страны»[15].

---

[14] Там же.

[15] Titov govor na Trećem (vanrednom) Plenumu CK SKJ. 17–18 januara 1954 g. // Komunist. 1954. Br. 1–2.

Тито напомнил, что на рубеже 1940-х – 1950-х гг., в период острой конфронтации с СССР и активного поиска собственного пути к социализму, принятия законов о самоуправлении и децентрализации, сам Тито, Кардель, Кидрич, Пьяде, Джилас и другие постоянно говорили на партийных форумах и в печати о необходимости возвращения к марксистским истокам. Активно обсуждались идеи отмирания государства, организации общества на основах самоуправления и прямой демократии, при этом всесторонней критике подвергалась сталинская модель советского общества. В 1950 г. появился сборник статей Джиласа с анализом этой модели. Весной 1952 г. исследование феномена бюрократии в СССР было продолжено в уже упоминавшейся статье «Класс или каста», вызвавшей полемику между сторонниками Джиласа и его оппонентами.

Отголоски этих дискуссий прозвучали и в упомянутом выступлении Тито на пленуме: югославский лидер объявил себя первым, кто поднял вопрос об отмирании Союза коммунистов, отметив при этом, что никогда не говорил о необходимости сделать это «через 6 месяцев, год, или два, указывая, что предстоит длительный процесс». По его мнению, «к этому нельзя приступать до тех пор, пока не будет обезврежен последний классовый враг, пока социалистическое сознание не проникнет в широкие народные массы. В существующей обстановке речь вообще не может идти об отмирании партии, ликвидации Союза коммунистов; напротив, необходимо бороться за его идейное укрепление».

Основная вина Джиласа, по словам Тито, состояла в желании ликвидировать СКЮ и восстановить капитализм в форме западной демократии, которая, в действительности, как считал югославский лидер, представляла собой анархию[16].

Ответная речь Джиласа, несмотря на некоторую сбивчивость, свидетельствовавшую о его растерянности, представляла собой попытку не только оправдаться, признать отдельные ошибки, но и защитить основные положения своей концепции, которая в значительной степени являлась продолжением того, о чем он говорил, поддержанный всеми, еще на VI съезде СКЮ в ноябре 1952 г. Так, он неожиданно заявил, что признает себя ревизионистом в смысле отношения к ленинизму, «идеология» которого не отвечает в своей основе «нашим интересам». Эта идея, как подчеркнул Джилас, не является какой-либо копией социал-демократической идеи, а сформирова-

[16] Ibid.

лась в его сознании независимо и самостоятельно. По его мнению, ленинское положение о фракциях и группах в партии уже устарело, как и однопартийный принцип, который в социалистической теории нигде не прописан. Отвечая Э. Карделю, который, затронув вопрос о многопартийности, подчеркивал, что это будет движением в обратном направлении, Джилас призвал отказаться от советского наследия – ленинской революционной теории партии, не отвечающей больше, по его выражению, «нашим интересам», и приступить к ее реформированию[17].

Важным для понимания личности Джиласа, его взглядов и теоретических исканий представляется его заявление о том, что «с ранней юности и до настоящего времени он остается свободным человеком и коммунистом, в чем не видит никакого противоречия, – говорить то, что думаешь, и делать то, о чем есть договоренность или приказ». «Делать все без ропота и говорить все без задних мыслей». - Этому я научился в революционном движении, и этому меня учила гуманистическая культура в течение всей моей жизни», – подчеркивал Джилас[18].

Принятые пленумом решения по «делу Джиласа» свидетельствовали о жесткой и бескомпромиссной позиции, занятой Тито и его ближайшим окружением. Попытки Джиласа выйти в своих поисках «подлинного марксизма» за рамки, установленные югославской партийной верхушкой, были расценены как противоречащие линии партии, принятой на VI съезде СКЮ. Его взгляды, по мнению пленума, внесли замешательство в общество и создали, как было сказано в резолюции, политическую основу для идейного и организационного раскола СКЮ и его последующей ликвидации. Пленум постановил вывести Джиласа из состава ЦК, снять со всех партийных постов и вынести последнее предупреждение. Недавний любимец партии был назван главным носителем антисоциалистических настроений и крайних анархистско-либеральных взглядов[19].

Этот приговор можно рассматривать как логическое завершение проявившейся уже летом 1953 г. в высшем руководстве партии тенденции отхода от сравнительно либеральных установок VI съезда СКЮ. Не исключено, что причиной стала смерть Сталина, и Тито больше не нуждался в демонстрации Западу квазилиберального и ан-

---

[17] *V. Dedijer.* Op. cit. S. 409–414.

[18] Ibid. См. также: *М. Джилас* Лицо тоталитаризма... С. 378–379.

[19] Komunist. 1954. Br. 3–4.

тимосковского фасада Югославии. «Дело Джиласа» могло теперь пригодиться для рассылки по двум адресам – американцам, как дополнительное свидетельство независимости и твердого следования марксизму, и Хрущеву, как подтверждение того, что в Белграде так же верны делу мирового коммунизма, как и в Москве. Публичную порку Джиласа, критиковавшего советский тоталитарный режим, Тито мог бы использовать и как дополнительный аргумент в ходе начавшегося процесса нормализации с Москвой. Очевидно, что, главным обвинением против Джиласа было его стремление «перескочить» последовательные этапы строительства социалистического общества, применить демократические принципы в стране, в которой еще имелась значительная масса врагов социализма, без воспитания которых или их ликвидации, как считал Тито и его единомышленники, Югославия вновь вернулась бы к капиталистической анархии. В то же время, по мнению самого Джиласа, основной причиной его осуждения стало, как он сам об этом позднее писал, покушение на единоличную власть Тито и абсолютное место партии в обществе.

Джилас оказался человеком последовательным и неустрашимым – настоящим диссидентом. Весной 1954 г. он вышел из партии и продолжил свою теоретическую и публицистическую работу. За интервью газете «Нью Йорк Таймс» в декабре того же года, в котором нелицеприятно для «верхов» охарактеризовал политический режим в Югославии и заявил о необходимости оппозиционной партии для демократического развития страны, он в январе 1955 г. был осужден на три года условно. Поддержав осенью 1956 г. революцию в Венгрии и осудив югославскую позицию невмешательства, Джилас получает уже три года строгого заключения, а через год за издание в США завершенной в тюрьме главной теоретической работы «Новый класс» еще дополнительно семь лет. Тогда же его лишают всех наград, в том числе, и военных, и воинского звания генерал-полковника югославской армии. Все три раза его судили по статье 118 Уголовного кодекса Югославии за «враждебную пропаганду». Поскольку Джилас продолжает публиковать свои сочинения, режим Тито не оставляет в покое своего главного «государственного преступника». После выхода в свет работы «Беседы со Сталиным» Джиласа, недавно досрочно выпущенного из тюрьмы, вновь арестовывают 7 апреля 1962 г. по обвинению в разглашении государственной тайны. Освободившись в 1966 г., он получает разрешение выехать за границу, где читает лекции в западных университетах. Вернувшись в Югославию

в 1970 г., Джилас до 1986 г. становится невыездным[20]. В начале 1980 г. в Париже выходит его очередная книга «Тито – мой друг и мой враг», вызвавшая резкую критику в партийных кругах. Воссоздавая сложный образ югославского коммунистического лидера, Джилас отмечает сильные черты его характера, особо проявившиеся в годы войны и конфликта со Сталиным, и в то же время рисует портрет обычного человека, подверженного таким слабостям, как привычка к роскоши, тяга к светскому общению, наслаждению жизнью. Все это табуировалось большевистской моралью, но, безусловно, вызывало интерес и симпатии на Западе

Вторым, после М. Джиласа, югославским диссидентом принято считать Михайло Михайлова (Михаила Николаевича Михайлова), родившегося в семье русских эмигрантов первой волны в 1934 г. в с. Панчево. Его отец был агрономом, мать преподавала в школе математику. Первым литературным и социологическим произведением 20-летнего Михайлова стала книга «Лето Московское. 1964». Это живое и талантливое описание жизни Москвы начала 1960-х гг., впечатлений от встреч с известными советскими писателями (автор готовил тогда дипломную работу, посвященную творчеству Ф.М. Достоевского), ироничные зарисовки городского быта и поведения москвичей. Вместе с тем, при анализе советской действительности и феномена «хомо советикус» автор явно испытывал влияние классических либеральных идей, почерпнутых, в том числе, и из работ Джиласа. Михайлов, в частности, подвергает критике советскую однопартийную диктатуру как главное препятствие развитию подлинной демократии, практику насильственной индоктринации, а, по сути, оболванивания населения с помощью коммунистических идей[21]. Эти моменты, а также упоминание Ленина и Октябрьской революции в таком контексте привлекли внимание югославских властей, приступивших к расследованию столь серьезного, по их мнению, проступка. Поначалу делу не был дан ход, и оно было закрыто, но вскоре возобновлено, как считает Р. Данилович, по настоянию советского посольства. 30 апреля 1965 г. Михайлов был осужден на 9 месяцев заключения по статье «нанесение вреда иностранному государству». Последовало увольнение из Загребского университета, на Философском факультете которого в Задаре он работал ассистентом. После отбытия срока Михайлов продолжил свою общественную деятель-

[20] Hronologija zivota i rada Milovana Đilasa. Op.cit., s.7–11.

[21] *Михайло Михайлов.* Лето Московское. 1964. Мертвый дом Достоевского и Солженицына // Посев. 1967.

ность и в начале 1966 г. публично протестовал против ареста и осуждения Джиласа, указывая, что от его судьбы зависит, «хотят ли наши дети быть рабами тоталитарного общества и потенциальными шизофрениками или свободными, здоровыми людьми в демократической стране». 11 июля 1966 г. он направил письмо Тито с изложением своей программы демократических преобразований, предполагавшей отказ от однопартийности. В письме он также сообщал, что 10-13 августа в Задаре пройдет легальная встреча нескольких десятков людей из разных республик с целью создания, в соответствии с законами и Конституцией Югославии, независимой и демократической газеты, которая в перспективе станет ядром единого демократического, общественно-политического движения. За несколько дней до намеченного собрания Михайлов был арестован и приговорен к году тюрьмы[22]. Интересен, в связи с этим комментарий югославских дипломатов в Софии, прямо рассчитанный на то, что он станет известен советской стороне. Так, согласно информации, которой поделился 3-й секретарь югославского посольства в Софии М. Стефанович 21 октября 1966 г. с ответственным работником МИД Болгарии Н. Николовым «случай с Михайло Михайловым, который пытался основать независимую газету в Задаре и таким путем создать возможность для основания второй партии в Югославии, не был случаем, а был сознательно допущен. Это было проявлением, подтверждающим югославскую демократичность. Такой линии мы будем придерживаться впредь, но в каждом случае будем разоблачать, наказывать и судить»[23]. Вскоре эта информация оказалась у советского посла в Болгарии Органова, а затем в Москве. Не совсем ясно, правда, каким образом югославские власти проявили свою демократичность, если главный организатор этой акции был за два дня до ее проведения арестован, получил вскоре четыре года тюрьмы по 118 статье «враждебная пропаганда» и вышел на свободу только в 1970 г.

Судьба Михайлова в последующие годы очень напоминала судьбу Джиласа: тюрьма, свобода, и опять тюрьма, высылка из страны, возвращение на родину. Он продолжал активно выступать в защиту своего идейного вдохновителя и учителя на страницах «Граней», «Посева», «Форума» и других издающихся на Западе журналов, но иногда в тех же журналах вступал с ним в полемику, в частности,

---

[22] *Р. Даниловић.* Употреба непријатеља. Политичка суђења 1945–1961. у Југославији. Ваљево, 1993.

[23] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 57. П. 248. Д. 27. Л. 249.

оппонируя ему в вопросах критики марксизма. Так, по поводу статьи Джиласа «Отчуждение – в природе человека», в которой тот попутно подвергал критике популярное в то время движение «новых левых», Михайлов писал, что выступает в странной роли защитника Маркса от Джиласа[24]. В другой статье «Джилас и сегодняшняя Югославия» он заметил: «Спор с Джиласом – вещь деликатная, но мне кажется, что по стечению обстоятельств, я, по сути, единственный человек, могущий спорить с Джиласом на равных правах, без риска навлечь на него политические неприятности» [25].

Предпринятая в данной статье попытка более тщательно, чем это было ранее в отечественной литературе, проанализировать общественно-политическое развитие Югославии в первой половине 1950-х гг. в связи с «делом Джиласа» приводит к следующему выводу. Советско-югославский конфликт обусловил необходимость противопоставления сталинизму новой концепции марксизма в югославской интерпретации. Оживление в партии теоретической работы заставляет Джиласа, одного из главных теоретиков КПЮ, провести естественную экстраполяцию критических выводов по теории и практики тоталитарной системы в СССР на югославскую реальность, которую он изначально рассматривал как реплику сталинизма. Весь «произведенный» им к началу 1954 г. материал: отдельные публикации, статьи в «Новой мысли» и, наконец, в «Борбе» на рубеже 1953–1954 гг., свидетельствовали о, несомненно, новой ситуации в Югославии, в чем-то схожей с последующими событиями в Польше, Венгрии, и даже с «Пражской весной» 1968 г. Разница заключалась лишь в том, что критика Джиласом сталинской системы началась еще при жизни Сталина, а в других странах «народной демократии» только после смерти советского вождя. Причина провала его либерального «движения», несмотря на несомненную поддержку со стороны части новой и старой интеллигенции, студенчества и партийцев, заключалась в быстрой и организованной реакции Тито, единственного беспрекословного авторитета в югославском обществе в тот период, увидевшего в идеях Джиласа грозящую партии и лично ему, Тито, опасность. Его резкая критика на 3-ем пленуме ЦК СКЮ взглядов Джиласа была обусловлена четким пониманием того, что любая отсрочка в такой оценке может привести к необратимым последствиям, появлению у Джиласа опоры не только в «мелкобуржуазной» среде, но и в партии, включая ее высший эшелон. «Белградская весна»

[24] Грани. 1972. № 83. С. 155.
[25] Посев.1966. № 21.

1953–1954 гг. во главе с Джиласом не имела перспективы не только потому, что не пользовалась широкой поддержкой партийной элиты. Серьезным фактором было бы отсутствие солидарности и понимания со стороны Запада, который, решая свои стратегические задачи, в первую очередь создание Балканского пакта, целиком в этом вопросе зависел от Тито, рассчитывал только на него. Какие-либо официальные замечания по поводу «дела Джиласа» могли бы только обострить отношения с Югославией в тот ответственный период. Несмотря на то, что продвижение демократии в Югославии было одной из важных целей западной политики, и это так или иначе постоянно закладывалось в законы о предоставлении военной и экономической помощи, выражение открытой симпатии Джиласу вызвало бы подозрения у югославской партийной верхушки и могло бы свести на нет уже отвоеванные ранее Западом уступки. В то время для США и их союзников было достаточным существование Югославии вне «социалистического лагеря» даже с небольшим набором квазидемократических, там это хорошо понимали, институтов – рабочего самоуправления без права распоряжаться аккумулированными средствами, и так далее.

В 1960-е годы Джилас, а затем Михайлов являлись основными представителями диссидентского движения в Югославии, к которому можно было отнести и определенную часть интеллектуальной сербской, хорватской и словенской элиты, выступающую в защиту демократических свобод. С. Цветкович называет среди сербских диссидентов Д. Йовановича, Д. Йоксимовича и Б. Пекича[26]. Среди хорватских можно указать П. Матвеевича. Власти различными способами пытались пресекать выступления своих идеологических оппонентов, принимая во внимание внутриполитическую обстановку, ситуацию в СКЮ, расстановку националистических сил в партии и в стране, а также действуя в зависимости от состояния отношений с СССР и Западом. Тито и номенклатурная верхушка, стремились, как всегда прагматически, просчитывать все варианты реагирования на каждый возникающий «случай», сохраняя свободу рук и возможность для последующего маневра. Однако, как показывает исторический опыт, любые маневры однопартийной диктатуры, даже в такой смягченной форме, как югославская, имеют имманентно присущие ей временные пределы существования.

[26] *С. Цветковић.* Портрети дисидената. Београд, 2007.

А.И. Филимонова

Косово в 60-е годы XX века: генеральная репетиция независимости?

Косово и Метохия (КиМ) с XII в. являлось составной частью средневекового сербского государства Неманичей. Военная победа Османской империи над сербами в легендарной Косовской битве 1389 г., ставшей национальным символом сербского народа, привела к переходу Косова под управление Блистательной Порты. Это положение сохранялось до первой Балканской войны, когда сербская армия освободила и вернула Косово в состав Королевства Сербии (1912 г.). В 1918 г. Королевство прекратило существование как самостоятельное государство, став частью унитарного югославянского государства Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия).

В ходе Второй мировой войны, после капитуляции Королевства Югославии (апрель 1941 г.), ее территория подверглась оккупации и расчленению: одни ее части были присоединены к иным государствам, на других создавались марионеточные квазигосударственные образования. Косово и Метохия в августе 1941 г. была разделена на три зоны оккупации – германскую, итальянскую и болгарскую. На большей части территории под протекторатом фашистской Италии была создана «Великая Албания», Болгарии отошла небольшая южная часть Косова, а север края немцы взяли под свое непосредственное управление. Последнее обстоятельство было связано с отсутствием в указанном районе албанского населения, а также с желанием немцев самим осуществлять эксплуатацию богатого серебряного рудника «Трпча». Сербы на территории албанского «государства», руководители которого сделали выбор в пользу сотрудничества с иностранными оккупационными силами, оказались, по сути, вне закона.

На территории КиМ орудовали отряды «баллистов» (членов албанского националистического движения «Бали Комбтар» – «Национальный фронт»), а также другие стихийно возникшие и не связанные друг с другом банды. Они совершали массовые преступления против сербов: во время войны в КиМ были убиты около 10 тыс. чел., а изгнаны более 100 тыс. Поскольку граница с Албанией была откры-

та, албанцы беспрепятственно переселялись на опустевшие земли (за военный период число переселенцев достигло почти 100 тыс. чел.)[1].

После освобождения страны от оккупантов новая власть приняла доктрину о федерализации страны по этническому принципу («этнический федерализм») и организации власти по принципу верховенства представительного органа («принцип единства власти»)[2]. На втором заседании Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) 29 ноября 1943 г. было принято решение о федеративном устройстве страны. Согласно системе организации верховной государственной власти, закрепленной в учредительном акте, Югославия конституировалась на основе принципа суверенности (самоопределения) народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины. Унитарное устройство «первой Югославии» представляло собой федеративную структуру из шести самостоятельных единиц. Что касается представителей других народов, проживавших в Югославии и названных в итоговой резолюции «неюгославянскими народами», то пункт 4 резолюции о создании Югославии на федеративных началах устанавливал за ними права национальных меньшинств.

Итак, югославянские народы получили право на самоопределение, национальным меньшинствам гарантировались национальные права, но исключая при этом право на самоопределение. Воеводина и Косово и Метохия в качестве федеративных единиц, составлявших федеративную Югославию, не указывались. Поэтому на втором заседании АВНОЮ в Яйце делегация от КиМ не присутствовала. В качестве причины указывалась «техническая ошибка»: приглашение якобы не успело вовремя дойти до адресатов. Албанские историки в 1970-х – 1980-х гг. полагали, что «техническая ошибка» на деле являлась сознательным действием с целью не допустить албанских представителей и таким образом избежать вынесения на повестку дня вопроса о статусе Косова и Метохии[3].

Однако в системе организации новой власти Воеводина и Косово и Метохия в результате народно-освободительной борьбы полу-

---

[1] *Павић А.* Косово и Метохија: политичко-историјски контекст. Извештај за потребе Хашког трибунала. (Рукопись).

[2] *Marković R.* Kosovo se ne može odvojiti // Političke analize, 2002. Электронная версия – http://www.srpskapolitika.com/Tekstovi/Analize/2006/021.html

[3] *Marović M.* Balkanski džoker: Albanija i Albanci – istorijska hronika nastajanja i razvoja albanskog pitanja. Bar, 1995. Knj. VIII. S. 388.

чили автономию (1945). Но предвестники будущего автономного статуса проявились ранее. В октябре 1942 г. был создан Главный народно-освободительный комитет Воеводины. В конце 1943 г. – начале 1944 г. состоялось первое заседание Народно-освободительного комитета КиМ (Буяновская конференция).

Резолюция Буяновской конференции в планах архитекторов великоалбанского проекта

Албанцы, оказавшиеся с 1912 г. в территориальном и национальном пространстве Сербии, не считали ее своим государством. Будучи инструментом турецкого террора и геноцида в отношении сербов, они воспринимали Косово и Метохию как «албанскую землю», а албанские лидеры традиционно культивировали массовое шовинистические и ирредентистские настроения. Позиция албанских коммунистов отражала идеологию «этнической Албании». Главный Народно-освободительный комитет Албании, созданный в Пезе в сентябре 1942 г. в соответствии с моделью народной власти, сформированной в ходе югославской революции, взял курс на объединение всех албанских национальных сил против оккупантов. Комитет вступил в переговоры с националистическим и в основном прозападным «Бали Комбтаром». На конференции в Муки 1–2 августа 1943 г. договор с «баллистами» был достигнут. Он подразумевал основание совместного Комитета национального спасения (КНС), получившего все полномочия по руководству народно-освободительным движением. КНС принял крайне радикальные национальные лозунги и символы, но, что важнее, – идею «этнической Албании», в состав которой было включено и Косово. В конференции в Муки принимали участие и члены ЦК Коммунистической партии Албании (КПА), и делегаты Главного Народно-освободительного комитета Албании. Тем самым в албанской коммунистической партии свое ясное выражение обрела националистическая идеология, т.е. готовность народную борьбу с оккупантами вести на основе классических целей и лозунгов программы великоалбанского гегемонизма[4].

После второго заседания АВНОЮ албанское партийное руководство решило «взять политический реванш», поспешив закрепить «право албанцев Косова и Метохии на присоединение к государству-

[4] *Bogdanović D.* «Knjiga o Kosovu»: Kosovo i albanska narodnost u novoj Jugoslaviji // http://guskova.ru/q?a=l&doc=/~mladich/Kosmet/ knjiga_o _Kosovu/nova_Jugoslavija

матери». Так был создан Народно-освободительный комитет КиМ, учредительное заседание которого состоялось 31 декабря 1943 г. – 2 января 1944 г. на территории Албании в с. Буяне (область Малесия). Комитет действовал на территории Косова, Метохии и части Албании – Малесии. Однако для создания полномочного комитета основы не существовало: в Косово и Метохии не было исполнительных органов коммунистической власти – ни в общинах, ни в селах края. В связи с этим комитет представлял собой скорее инициативную группу, а не орган власти. Тем не менее, на учредительном заседании комитет (подчеркнем – без какого бы то ни было согласования с ЦК КПЮ) принял решение, заложившее основы автономии Косова и Метохии, и поставил тем самым руководство югославской революцией перед свершившимся фактом.

Представители Косова и Метохии собрались в период острых разногласий между ЦК КПА и ЦК КПЮ по поводу статуса областей Югославии после победы в народно-освободительной борьбе. ЦК КПА настаивал на том, чтобы проблема была решена признанием права на присоединение Косова и Метохии к Албании, несмотря на то, что война еще не была окончена. ЦК КПЮ выступил против, полагая, что в данный момент удовлетворение аппетитов «великоалбанской реакции» ослабит борьбу с Германией и ее сателлитов в Балканском регионе. Тогда без консультаций с ЦК КПЮ Областной комитет КПЮ Косова и Метохии в ноябре 1943 г. поменял свое наименование на Краевой комитет Косова и Дукаджина*. Эти области провозглашались самостоятельными, на их территории основывались областные комитеты. Извещенный об изменении названия ЦК КПЮ в письме от 28 марта 1944 г. потребовал от Областного комитета КПЮ вернуть прежнее наименование. Критика югославянского партийного руководства указывала на невозможность изменения названия в связи с тем, что в область Дукаджин входят и края, находящиеся за границами югославского государства. Комитет требование выполнил[5]. Кроме того, в письмах ЦК КПЮ и самого Тито (6 декабря) в адрес ЦК КПА и Областного комитета КПЮ Косова и Метохии содержалось предупреждение об ошибочной и преждевременной по-

* Наименование «Метохия» албанцы не употребляют, используя термин «Дукаджин» (по имени албанской средневековой семьи Дукаджинов, управлявшей Северной Албанией и Западным Косовом).

[5] *Marović M.* Op. cit. S. 382–382.

становке вопроса о статусе частей территории Югославии, населенных албанцами.

Тем не менее, итоговое решение – Буяновская резолюция – содержало требование о присоединении КиМ (текст резолюции на албанском языке, говорит о Косове и Дукаджине) к Албании. Резолюция конференции в Буяне гласила: «Косово и Метохия – край, населенный в большинстве шиптарским* народом, который как ранее, так и сейчас, стремится объединиться с Шипнийей**. В связи с этим осознаем необходимость указать истинный путь, которым должен следовать шиптарский народ для осуществления своих стремлений. Единственным способом для шиптаров Косова и Метохии объединиться с Шипнийей является совместная борьба с другими народами Югославии против оккупантов и их приспешников. Это единственный путь завоевания свободы, когда все народы, включая шиптаров, получат возможность решить свою судьбу на основе права на самоопределение, включая отделение….»[6].

Примечательно, что в резолюции не говорилось о других народах, проживающих в Косово и Метохии: сербах, черногорцах, турках, хорватах и др. Подчеркивались исключительно стремления шиптаров, что всецело соответствовало доминировавшей в то время в руководстве КПА доктрине об «этнически чистой Албании». Не случайно в работе Комитета приняли участие всего 7 неалбанцев (сербов и черногорцев) из 49 присутствующих (и двух отсутствующих) членов. Треть его состава составляли те, кто не были выходцами из Косова и Метохии. Тем самым Энвер Ходжа обеспечивал контроль за работой данного политического органа и закрепление позиций КПА в резолюции Буяновской конференции.

Резолюция Буяновской конференции служила двум целям. Во-первых, она являлась политическим ответом на решение Второго заседания АВНОЮ о создании федеративной Югославии. Во-вторых, аннулировала решения Второй Призренской лиги – Национального конгресса албанцев (сентябрь 1943 г., Призрен) о сохранении «Великой Албании» в границах, созданных фашистами[7]. Резолюция Второй Призренской лиги, действовавшей рука об руку с немецкими оккупационными силами, вносила разброд и сумятицу в умы партийного руководства Косова и Метохии. Буяновская конференция прояснила

* Шиптары – самоназвание албанцев.

** Шипнийя – Албания (*от албанск.*)

[6] Цит. по: *Marović M.* Op. cit. S. 384.

[7] Ibid. S. 386.

ситуацию, указав принципиально иной путь решения албанского национального вопроса в Косово и Метохии, по сути, возвращаясь к программе Первой Призренской лиги (1878) с ее «великоалбанскими» устремлениями в отношении соседних народов. Таким образом, резолюция Буяновской конференции явилась великоалбанской программой, послужила основой для эскалации межэтнической ненависти[8].

Вторая Призренская лига создала свои вооруженные формирования под названием «Косовский полк». В течение последних трех месяцев 1943 г. – начала 1944 г. они проложили кровавый путь от Косовской Митровицы до Тираны, вырезая не только сербское и черногорское население Косова и Метохии, но и тех албанцев, кого они считали сторонниками народно-освободительной борьбы или итальянскими шпионами. В июле 1944 г. Призренскую лигу возглавил Джафер Дэва. Последнее, что ему удалось сделать – сформировать т.наз. батальоны по обороне Косова от коммунистов при мощной поддержке немцев, поставлявших ему оружие. Так было положено начало массовой милитаризации населения Косова и Метохии и кровопролитной гражданской войне…

Тегеранская (1943) и Ялтинская (1945) конференции союзников постановили, что Югославия переходит в советскую сферу влияния. Вступление Красной Армии в Югославию осенью 1944 г. открыло путь установлению коммунистической власти во главе с Йосипом Броз Тито. Зимой 1944–1945 гг. на Сремском фронте состоялось решающее сражение по освобождению Югославии, в котором с обеих сторон были задействованы около 250 тыс. чел. Наряду с подразделениями Югославской армии, в боевых действиях участвовали Красная Армия, Болгарская армия и бригада «Италия». Немцы удерживали этот фронт ради обеспечения вывода частей группы армий «Е» из Греции, Македонии и Косово, а потому оборонялись с особым ожесточением. После многомесячных позиционных боев началось наступление Югославской армии, окончившееся прорывом немецкой обороны и завершением операции по освобождению Югославии. Весьма показательны слова Тито, сказанные по поводу освобождения от оккупантов в ноябре 1944 г.: «Сербии не на что надеяться, пощады ей не будет»[9]. Однако, как указывает А. Павич, речь

[8] Ibid. S. 387.

[9] *Samardžić M.* Prvi put u srpskoj javnosti: zločini komunista // PRESS. 05. 04. 2009.

шла не об угрозе расправы, а о следовании марксистко-ленинским принципам, согласно которым титульная нация по определению является «угнетателем» в отношении других народов[10].

В ходе отступления из Косова албанские националисты выступили организаторами очагов восстания против Народно-освободительной армии Югославии (самым массовым было Дреницкое восстание в декабре 1944 – феврале 1945 г.). Сопротивление албанского населения было настолько массовым, что Белград был вынужден ввести в Косово и Метохии военное управление, действовавшее до июля 1945 г. Только после подавления восстания силами армии были созданы условия для интеграции области в новую Югославию.

В историографии распространен тезис о том, что Воеводина и Косово и Метохия на основе собственных решений, подтвержденных центральным государственным органом (Президиумом АВНОЮ), присоединялись к Сербии. Однако, как указывает профессор права Белградского университета Р. Маркович, с юридической точки зрения принятие самостоятельных решений Воеводины и Косова и Метохии – юридически неверная формулировка, поскольку и Воеводина, и Косово и Метохия являлись составными частями унитарного государства Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия), в котором не существовало отдельных административно-территориальных единиц[11]. Автономный статус Воеводины и Косова и Метохии был закреплен на основе принятых Президиумом Народной скупщины Сербии от 1 и 3 сентября 1945 г. законах об Автономной Косовско-Метохийской области и о создании Автономного края Воеводины. Косово и Метохия впервые (Воеводина раньше, когда еще была в составе Австро-Венгрии) стали не географическим понятием, а политико-административной единицей в составе федеральной единицы Сербия (Народная Республика Сербия). Эти два закона, как и позднее Конституция ФНРЮ 1946 г. и Конституция НР Сербии 1947 г., имеют основное юридически-конституционное значение для формирования автономных единиц в Сербии[12].

После 1945 г. подход коммунистической власти к решению национального вопроса самым драматическим образом отразился на сербском народе, прежде всего, в отношении установления новых

[10] *Павић А.* Указ. соч.
[11] *Marković R.* Op. cit.
[12] Ibid.

республиканских границ и определения автономий в их составе. Сербия единственная из шести республик получила две автономные области (Косово и Метохия и Воеводина), позднее они получили статус автономных краев. В последующие десятилетия обретение дополнительных прав позволило им равняться на республиканский статус, а по Конституции 1974 г. и превзойти его, что само по себе является мировым и историческим феноменом. Подобный подход к сербскому народу соответствовал идеологической линии Коминтерна – расколоть, расщепить и поставить под контроль «народ-угнетатель»[13].

Косово и Метохия после окончания Второй мировой войны

После окончания Второй мировой войны и подавления антисербских восстаний в КиМ сложилась тяжелая атмосфера. Значительное число албанского населения бежало в горы, опасаясь репрессий военно-полицейских сил. В Приштине здания Военного управления, Оперативного штаба и Областного комитета партии, заложенные мешками с песком с выглядывавшими пулеметными стволами, походили на осажденные крепости. Тем временем продолжалась акция преследования недобитых банд «баллистов».

В первые месяцы на скорую руку создавались партийные комитеты и гражданские органы власти. Однако в КиМ по окончании войны не проводилась «денацификация» по образцу Германии, что позволило пособникам оккупантов среднего и низшего звена быстро влиться в новую правящую гарнитуру – коммунистическую партию. Это само по себе воспламенило искры будущего пожара. Но на первых порах влияние коммунистов было слабым, поскольку народно-освободительная борьба не затронула широкие албанские массы. Они не испытывали особого доверия к коммунистам, рассматривая их власть как временное явление. В целом на территории КиМ царила анархия. Срочно требовалось решать аграрную проблему, вопрос национальных символов и употребления национального языка в органах власти, амнистии для албанцев (хотя албанские банды еще продолжали бесчинствовать) и др. Народ в целом не был разоружен – напротив, запуганный как своими «деятелями», так и новой коммунистической властью, он стремился вооружиться как можно больше. В итоге в крае буквально не осталось ни одного невооруженного

[13] *Павић А.* Указ. соч.

мужчины*. Сражаясь до последнего, националистические силы албанцев отступили в горные массивы Северной и Средней Албании, где орудовали до своего полного уничтожения. В результате сопротивление националистических сил в КиМ и Албании коммунистической властью было подавлено с крайней жестокостью – буквально утоплено в крови.

Гражданская война, краткосрочная, но кровопролитная, оставила глубокий след и на другой стороне – в КПА и ее руководстве. Здесь кроется причина той запредельной жестокости, с которой Энвер Ходжа и его сподвижники устанавливали лично-партийную диктатуру. Стороны обвиняли друг друга в страшных преступлениях над своим народом. Однако сторона-победитель, та, что вела освободительную войну, осуществила в Албании революцию, расправляясь со своими политическими противниками – «предателями», «контрреволюционерами» и прочими «врагами народа». Политическая незрелость албанцев, низкий уровень цивилизационного развития, особенно в северных частях страны, обусловливали неразборчивость в средствах и методах действия и придавали этому процессу еще более жестокий характер.

В рамках стратегии ослабления сербского фактора в Югославии коммунистическое руководство во главе с Йосипом Броз Тито не предприняло мер для исправления последствий насильственного изменения этнической структуры КиМ в условиях фашистской оккупации страны. Более того, оно сознательно способствовало укреплению албанского фактора в Косово и Метохии. Так, югославская коммунистическая власть 6 марта 1945 г. приняла постановление «О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания», в котором говорилось: «В последнее время без одобрения народной власти осуществляется возвращение и переселение семей колонистов (поселенцев) которые раньше жили в Македонии, Косове, Метохии, Среме и Воеводине». В связи с этим принималось решение «временно запретить возвращение колонистов в их прежние места проживания» («пусть все остаются на своих местах»)[14]. Т.е. всем сербам, заселившим КиМ после 1912 г. и изгнанным в период фашистской оккупации, запрещалось возвращаться в край. Это красноречи-

* Проблема разоружения албанцев не решена и по сей день. По данным различных международных организаций, в крае на настоящий момент насчитывается более 500 тыс. единиц нелегального легкого стрелкового вооружения.

[14] *Павић А.* Указ. соч.

вый показатель, более всего остального свидетельствующий о намерениях новой власти относительно разрешения сербско-албанского вопроса.

В Албании формировалась национально-государственная модель крайне радикального типа, которую впоследствии возьмут на вооружение и применят на практике лидеры косовского сепаратизма. Речь идет о т.наз. доктрине албанизма как части идеологии «этнически чистого албанского пространства». Поскольку после окончания гражданской войны Албания была признана в довоенных границах, то «Великая Албания» просуществовала всего 4 года, притом в условиях фашистской оккупации. Однако мечты о ней не оставляли Энвера Ходжу, что оборачивалось настоящим кошмаром для соседей – прежде всего, Греции и Югославии, в которых проживало компактное и многочисленное албанское национальное меньшинство. В самой Албании проводилась политика *национальной ассимиляции* неалбанцев, а после разрыва албанско-югославских отношений она (с небольшими отступлениями) перешла в стадию *денационализации* неалбанского населения.

Отметим, что политика ассимиляции других народов в Албании проводилась с 1930-х гг. После заключения Лондонского мирного договора 1913 г. и формирования албанского государства и до австро-венгерской оккупации Албании в 1918 г. осуществление прав национальных меньшинств в Албании осуществлялось под патронатом международного органа в Скадре. После международного признания и приема в Лигу Наций (1921) Албания выполняла международные соглашения о правах меньшинств. До 1933 г. в стране существовали школы и на сербско-хорватском языке. Но в 1933 г. декретом было введено обучение исключительно на албанском языке. После протестов Италии и Греции обучение на итальянском и греческом было восстановлено, однако это не коснулось сербско-хорватского языка. Так был нанесен решающий удар по статусу нацменьшинства сербов в Албании, а их, согласно документам XIX в., на территории Албании насчитывалось 100 000 чел.[15]

В результате Албания оставалась единственной страной Восточной Европы, в которой до 1989 г. при переписи населения отсутствовала графа о национальной принадлежности. Новый импульс политика денационализации неалбанского населения получила с принятием двух государственных декретов. Первый (1966) обязывал каж-

[15] Ibid. S. 560.

дого гражданина сменить имена своим детям на современные революционные или иллирийские имена. Если родители отказывались это делать добровольно, то сменой имен занимались местные органы власти или партия. Второй (1975) обязывал поменять традиционно-исторические названия населенных пунктов, в которых проживали сербы, черногорцы или македонцы, придав им албанское звучание[16].

Против Югославии Албания развернула фронт пропагандистской и диверсионно-террористической борьбы. В 1946 г. в США была основана Третья Призренская лига, цель которой, так же, как и двух предыдущих, заключалась в создании «Великой Албании». Регулярно забрасывавшиеся из Албании диверсионно-террористические группы расправлялись с сербскими пограничниками, сотрудниками госбезопасности, активистами. Население систематически получало оружие, пополнявшее арсенал, оставшийся еще со времен «баллистов», что представляло серьезную угрозу безопасности в КиМ.

Дальнейшую судьбу КиМ определили планы Тито–Ходжи по созданию Балканской федерации. Однако стороны разошлись в главном: для Белграда Косово должно было стать «мостом будущего объединения двух государств в одно», тогда как Тирана просто рассчитывала включить Косово в состав Албании. Советско-югославский конфликт, возникший в 1948 г., положил конец планам Тито, который тогда сделал резкий поворот в сторону Запада. Для последнего Югославия была важной «буферной зоной», отделяющей его от советского блока. Геополитический кульбит Тито позволил западным правящим кругам рассматривать Югославию как инструмент дестабилизации всего «социалистического лагеря» Восточной Европы. Тито стал частым и желанным гостем на Западе, а вопрос демократизации жизни в Югославии отошел на второй план.

---

[16] Ibid. S. 561. В самый разгар переговорного процесса между Белградом и Приштиной (2011 г.) власти сепаратистской «Республики Косова» обязали сербов иметь паспорта данного «независимого государства», настаивая на их признании Сербией. Пока ломались дипломатические копья, те сербы Косова и Метохии, кто были вынуждены пойти на эту меру, по получении паспортов с удивлением обнаружили, что их фамилии оканчиваются не на привычное «ич», а на «и», на албанский манер, а гражданство указано как «косоварское». Так современная Приштина в полной мере применяет на практике все «наработки» режима Э. Ходжи по ассимиляции сербского населения с его последующей денационализацией.

Для Албании конфликт 1948 г. открыл путь к новой фазе национальной борьбы под националистическими лозунгами, замаскированными марксистско-ленинскими формулами. Вследствие этого великоалбанский национализм приобрел «левореволюционную направленность» и крайний радикализм. В целом Косово сыграло особую роль в создании «революционной истории албанского народа». Именно Косово дало самых влиятельных и пассионарных албанских национальных лидеров, которые придали особый импульс созданию независимой Албании. Основы коммунистического движения заложил Али Келменди родом из Джаковицы. Второй «великан» албанского революционного движения – Эмин Дураку – также был джаковчанин. Многие эмигранты из Косова оказались на властном Олимпе в Тиране; родом из Косова был и наследник Энвера Ходжи, хранитель его дела, Рамиз Алия. С другой стороны, косовские «возвращенцы» – те, кто еще ранее из Косова убежал в Албанию, вернулись и заняли в крае ключевые посты[17].

Высшие сербские коммунистические функционеры следовали идеологии «братства и единства всех народов и народностей» в Югославии. Во имя этого принципа происходил «расчет с сербскими националистами», участвовавшими в Движении сопротивления под контролем югославского правительства в изгнании в Лондоне. В этом аспекте попытки министра внутренних дел Югославии Александра Ранковича ограничить албанский национализм и сепаратизм в Косово скорее следует рассматривать не как проявление «сербского национализма», а как «югославский коммунистический патриотизм», предполагавший борьбу с элементами (представителями любого народа или народности), угрожавшими единству и территориальной целостности коммунистической Югославии.

«Битву за Косово» не мог проиграть никто. Каждая сторона исходила из культа «кровь и земля». Но на стороне албанцев оказался самый мощный – демографический – фактор.

Этническая структура населения Косова и Метохии в послевоенный период

Согласно последней предвоенной переписи 35,6 % населения КиМ составляли сербы и черногорцы[18]. При анализе югославских

[17] *Marović M.* Op. cit. S. 564.
[18] Ibid. S. 385.

переписей населения, проведенных после Второй мировой войны, заметна одна из важнейших характеристик развития населения Косово и Метохии в этот период – быстрый рост численности албанцев. За 1948–1991 гг. прирост составил 223 % – с 498 242 до 1 607 690 чел. За тот же период доля албанцев в структуре населения КиМ возросла с 68,4 % до 82,2 %[19]. Только за время между переписями населения 1961 и 1971 гг. численность албанцев увеличилась на 42% (с 646 605 до 916 168 чел.), т.е. на 269 563 чел. За тот же период (1948–1991) в Косово и Метохии число сербов и черногорцев, второй и четвертой национальных групп по численности, уменьшилось. В 1948–1961 гг. сербская популяция еще сохраняла тенденцию роста: число сербов за этот период увеличилось с 171 911 в 1948 г. до 227 010 в 1961 г. Однако с середины 1960-х гг. в сербской популяции проявилась тенденция падения численности. Перепись населения 1981 г. показывает наличие в крае всего 209 497 сербов – на 8,2 % меньше, чем в 1971 г. Это уменьшение продолжилось и в 1980-х, и в 1990-х гг.

Изменение численности черногорцев в эти годы (1948–1991) имело ту же тенденцию. В 1948 г. в КиМ проживали 28 050, а в 1991 г. – 20 045 черногорцев. Их доля в структуре населения уменьшилась с 3,9 % до 1,0 %. Число представителей оставшихся двух значительных национальных групп в Косово – мусульман и цыган – варьировалось от переписи к переписи. Но в целом их численность и доля в структуре населения в 1948–1991 гг. выросли. У цыган рост составил 381 % (от 11 230 в 1948 г. до 42 806 в 1991 г.), а доля выросла с 1,5 % до 2,2 %. Рост мусульманского населения был еще больше. Его численность в 1991 г. (57 408) была на 593 % больше, чем в 1948 г. (9 679). Доля мусульман в структуре населения выросла с 1,3 % до 2,9 %[20].

Первый период автономии Косова и Метохии

Автономия Косова и Метохии прошла три фазы. Первая охватывает 1946–1968, вторая – 1968–1990, третья – 1990–1999 гг. На первом этапе КиМ занимала положение децентрализованной региональной единицы стандартного типа в составе Республики Сербии;

[19] Jugoslavija 1918–1988: Statistički godišnjak. Beograd, 1989. S. 42–43; Statistički godišnjak Jugoslavije za 1992. godinu. Beograd, 1992. S. 62–63.

[20] Электронная версия – http://ruserbia.com/drugie-pishut/710-albanskij-populyatsionnyj-bum-v-kosovo-i-metokhii-posle-vtoroj-mirovoj-vojny

на втором – получила статус конституционного элемента югославской федерации; на третьем – постепенно утрачивает это свойство (после принятия Конституции 1992 г.) при возвращении к региональной автономии, существующей в странах с развитой региональной децентрализацией (Италия, Испания). После 1999 г. Косово теряет автономию и переходит под управление ООН. В 2008 г. происходит одностороннее нелегальное провозглашение независимости т. наз. Республики Косова, а переговорный процесс 2011–2012 гг. ведет к признанию ее как независимого государства Республикой Сербией.

На этом пути Косово и Метохия, в отличие от Воеводины, располагавшей статусом автономного края, являлись автономной областью (до 1963 г.). Это подразумевало меньший объем прав. Согласно Конституции ФНРЮ 1946 г., компетенция автономной области определялась Конституцией НР Сербии, а ее высший правовой акт – статут – подтверждала Народная скупщина Сербии. Ее органы (представительный орган, исполнительные и управляющие органы) учреждались Конституцией ФНРЮ и Конституцией НР Сербии.

Характерно, что статус автономных образований начал постепенно повышаться. Оба образования по своему положению в республике и типу организационной структуры были уравнены, хотя это не сразу отразилось в названиях: Воеводина являлась краем, а Косово оставалось Косовско-Метохийской областью. Автономные права были фактически равными: различие касалось лишь обретения Воеводиной по конституционному закону 1953 г. судебной автономии в объеме полномочий, равных республиканским.

Конституционный закон 1953 г. несколько расширил автономию Косова и Метохии (разрешив самостоятельно принимать свой статут), но сохранил положение Конституции 1946 г., при котором полномочия автономии определялись республиканской конституцией. Конституция СР Сербии прописывала также основы организации и компетенцию органов власти Автономной Косовско-Метохийской области. Соответственно, республиканская конституция являлась правовой основой автономных единиц и основным законом, определявшим их статус и организацию, в то время как статут был всего лишь «дополнительной конституцией» автономной области. Иными словами, автономия Косова и Метохии была закреплена в республиканской конституции.

Конституция СФРЮ 1963 г., известная как «конституция самоуправления», определила новое название «союзного государства» – Социалистическая Федеративная Республика Югославия, террито-

рия которого провозглашалась «единой, состоявшей из территорий социалистических республик». Основной закон страны впервые уравнял положение двух автономных единиц (после 18 лет их существования), которые получили одинаковое наименование «автономные края»[21]. Согласно этой конституции, территорию автономного края определяет республика своим законодательством. Одновременно Воеводина лишалась судебной автономии (КиМ ею и не располагала), в то время как Конституция СР Сербии от 1963 г. предусматривала, что Верховный суд Сербии будет иметь свои филиалы в Нови Саде (Воеводина) и Приштине (Косово и Метохия).

В целом Конституция 1963 г. имела компромиссный характер, прежде всего, в определении статуса автономных краев: все больше проявлялась тенденция к их конституированию как особого, независимого фактора югославского государства. После Брионского пленума ЦК КПЮ 1966 г. началась ревизия конституционных положений, приведшая к фактическому выдвижению краев на уровень республики Сербии.

По Конституции 1974 г. автономные края обрели статус «конститутивного элемента федерации», хотя и находящегося в составе Республики Сербии, но *наряду* с другими республиками СФРЮ. Для изменения границ Федерации, как и границ между республиками и краями, теперь требовалось согласие не только республик, но и автономных краев. Союзная и республиканская конституции в качестве базового принципа провозглашали *принцип договора* всех факторов федерации, в которые *на равноправной основе* включались и соответствующие органы автономных краев – *наряду*, а не *посредством* республики. Тем самым автономные края фактически обретали оригинальный источник власти и права вплоть до атрибутов государственности[22]. Устанавливался консенсус республик и краев в отношении принятии решения, включая изменение конституции. Утверждалось право на самоопределение вплоть до отделения, но носитель этого права – народ или республики – не был определен[23].

---

[21] Устав Социјалистичке Федеративне Републике Југославије, 7. април 1963 // Архив Југославије – Электронная версия – http://www.arhivyu.gos.rs/active/srcyrillic/home/glavna_navigacija/leksikon_jugoslavije/konstitutivni_akti_jugoslavije/ustav_sfrj_1963.html

[22] *Bogdanović D.* Op. cit.

[23] Устав Социјалистичке Федеративне Републике Југославије, 21. фебруар1974 // Архив Југославије – Электронная версия – http://www.arhivyu.gos.rs/active/sr-latin/home/glavna_

При этом не были в достаточной мере разработаны вопросы функционирования и положения самой Республики Сербии: не определено, в частности, ее положение среди автономных краев, входивших в ее состав, и в структуре федерации. Возникшие вскоре после принятия Конституции 1974 г. дискуссии относительно конституционного оформления Республики Сербии не привели, однако, к каким-либо практическим результатам[24]. И в итоге в косовский кризис 1981 г. Сербия «ввалилась» с комплексом нерешенных вопросов о взаимоотношениях республики и краев. Более того, именно в начале 1980-х гг. стало ясно, что *«косовский вопрос» – это в первую очередь вопрос конституирования края как модели албанской государственности с тенденцией к формированию самостоятельной республики в югославской федерации. Проблема враждебной, националистической (шовинистической) антисербской деятельности албанских сепаратистских кругов носит второстепенный, подчиненный характер.*

В целом, подводя итог, следует отметить, что согласно Конституции 1974 г. страна была конфедерирована, Сербия – децентрализована, автономные края превратились в «государства в государстве». Именно Конституция 1974 г. подготовила основу для расчленения Югославии в начале 1990-х гг.

Новые условия для развития албанского национализма в Косово и Метохии

По мере расширения национальных прав албанцев и оформления политической, экономической и культурной модели косовской автономии больший размах обретал и албанский национализм. Борьба албанцев за национально-территориальные права сопровождалась репрессиями государственных силовых структур, которые с конца 1954 до середины 1957 г. осуществляли систематическую акцию по изъятию нелегального боевого оружия. В 1956 г. органы госбезопасности (УДБА) в Печском срезе провели особо жесткую акцию – проверку «ненадежных элементов» и разоружение населения, неблагонадежно настроенного в отношении Югославии. Однако число выявленного оружия не было впечатляющим – те, кто знали истинное положение вещей, утверждали, что была конфискована лишь неболь-

navigacija/leksikon_jugoslavije/konstitutivni_akti_jugoslavije/ustav_sfrj_1974..html

[24] *Bogdanović D.* Op. cit.

шая часть арсенала, которым традиционно располагали албанцы, особенно в горных сельских районах. Всего было изъято 14 тыс. единиц огнестрельного оружия – от револьверов и пистолетов до пулеметов. В 1957 г. акция была распространена на всю территорию КиМ. Однако в гораздо большей степени она вызвала контрэффект: албанцы восприняли ее как проявление глубокого недоверия к себе как к «гражданам второго сорта», в отношении которых применимы иные законы и нормы.

Установленные владельцы оружия предстали перед судом. Наиболее значительные политические последствия вызвал известный Призренский процесс (середина 1956 г.), на котором 10 албанцев были осуждены за «шпионаж и подрывную деятельность против народа и государства». Процесс быстро стал «совершенно секретным», поскольку вскрылась связь влиятельных албанских функционеров из Приштины с диверсионной группой (обнаружилось, что она является креатурой албанских спецслужб). Десятилетие спустя по требованию Краевого комитета была проведена ревизия процесса, он был назван «сфальсифицированным» со стороны госбезопасности. Скупщина Косова в 1966–1968 гг. приняла решение все материалы Призренского процесса 1956 г. собрать и уничтожить как «махинацию» органов госбезопасности. Но возникает логичный вопрос: имела ли Скупщина края на то право? Нужно ли было возобновлять процесс? Вопросы с новой силой прозвучали в середине 1980-х гг., но в адрес властей сразу посыпались обвинения в попытках дисквалификации албанских кадров в Косово.

В конце 1950-х гг. были предприняты первые попытки радикального сопротивления и политической организации албанцев КиМ. Албанская молодежь массово подвергалась идеологической индоктринации, пропаганда против «сербского доминирования» постепенно обретала откровенно антисербский характер. Подтверждением этому служат кампания против Общества защиты памятников сербской культуры, осквернение памятников, поджоги объектов культуры. Отмечены были и случаи нападений на учителей-сербов. Попытки властей пресечь подобные действия успешно нивелировались избитой коминтерновской формулой о «великосербском гегемонизме». Первой оппозиционной организацией албанцев стало «Антиревизионистское революционное движение» (Приштина, Подуево), объединившее представителей албанской интеллигенции, в основном учителей и преподавателей вузов. Однако эта организация вскоре была раскрыта, а ее лидеры осуждены. Один из главных идеологов Адем Демачи был приговорен к трем годам лишения свободы. Однако по-

сле освобождения он сразу приступил к формированию новой, более массовой организации «Национальное движение за присоединение Косова и Метохии к Албании». Демачи возглавил движение, объединявшее уже более 300 человек. Когда в 1963 г. организация была раскрыта, то обнаружилось, что среди ее членов были 35 коммунистов. 38 членов организации были осуждены на длительное тюремное заключение. Однако сразу же возникло новое объединение – «Марксистская албанская партия» во главе с профессором этнологии Кадри Халими, к которой примкнули даже чиновники правоохранительных органов. Но и их деятельность закончилась скамьей подсудимых (процессы прошли в 1964 г.): члены организации обвинялись как «агентура Тираны». Тем не менее, организованное сопротивление албанцев набирало ход. Оно развивалось поступательно и неуклонно.

В тот период Тито, по воспоминаниям современников, подвергся мощному словенско-хорватскому влиянию. Так, перед VIII Конгрессом СКЮ (декабрь 1965 г.) произошло резкое изменение государственного курса и национальной политики. Неожиданно и отчетливо проявились новые тенденции: вместо нападок на национализм республик и республиканский партикуляризм с тенденциями сепаратизма начались нападки на югославянский государственный централизм, что означало поворот к конфедерации. В политическом лексиконе изменения отразились в замене дефиниции «югославянство» на «единство».

В связи с обострением национализма на партийных форумах ЦК СКС и краевых комитетов СКС, на которых рассматривались вопросы Косова, отмечались попытки партийных органов переложить ответственность на полицейские структуры. Как следствие, кампания против «сербской полиции» (за попытки разоружения края) быстро приобрела облик национального реваншизма со стороны албанцев. Так, в октябре 1966 г. на заседании краевого комитета СКС КиМ была сформулирована официальная оценка действий госбезопасности, приведших к тяжелым политическим последствиям и грубому превышению служебных полномочий. Результатом явились отставка Александра Ранковича и наступление Тито на госбезопасность. Ситуация в Косово изменилась коренным образом: баланс сил начал резко меняться в пользу албанцев. Все чаще значимые посты в партии, полиции, судах и местных органах власти стали занимать албанцы. Председателем Краевого комитета СКС по Косову и Метохии стал Вели Дэва, председателем Скупщины автономного края – Фадиль Ходжа, секретарем внутренних дел Управления государствен-

ной безопасности – Джевдет Хамза, главным прокурором – Резак Шаля, председателем Верховного суда – Рамадан Враничи. Секретарем Исполнительного комитета и председателем самой крупной партийной организации – Приштинской – были также албанцы Аслан Фаззлия и Махмут Бакали. Председателем Исполнительного веча (правительства) был серб – Илия Вакич, однако и он в дальнейших межэтнических разногласиях в краевом руководстве твердо отстаивал позицию албанской стороны.

Статус сербов и черногорцев стремительно сводился к положению нацменьшинства. В последующие два года изменения проходили при полном молчании общественности и политического руководства Сербии. Только в начале 1968 г. прозвучало недовольство последствиями «новой национальной политики в Косово и Метохии». Так, в феврале 1968 г. на пленуме Краевого комитета, посвященном проведению общественно-экономической реформы, начатой в середине 1960-х гг., был поставлен вопрос: почему специалисты сербской и черногорской национальности уезжают в Сербию? Причина была очевидна – давление со стороны албанцев. Однако местное партийное руководство сей факт признавать отказывалось, предпочитая объяснять кадровый отток «естественными причинами»: стремлением к большим заработкам и лучшей жизни. Аргументом служило то, что край все еще представлял собой наиболее отсталую часть Югославии: зарплата составляла 40% среднего уровня по Югославии, безработица была в два раза выше. Невозможно было отрицать тот факт, что албанцы брали на работу «своих», оставляя «излишек» – сербов и черногорцев – на улице.

В мае 1968 г. Краевой комитет партии констатировал стагнацию в экономике и ослабление ее потенциала, несмотря на мощные вливания Фонда поддержки слаборазвитых регионов (начал работать с 1961 г.): за первые пять лет КиМ получили 405 млн. динаров, т.е. более 20 % общих средств Фонда. До конца 1970-х гг. выплаты увеличились до 30 % средств, предназначенных всей Югославии[25].

И, наконец, разорвалась бомба. В мае 1968 г. состоялось заседание ЦК СКС о ситуации в КиМ. Члены Комитета Йоца Марьянович и Добрица Чосич впервые открыто обрисовали положение в крае. Они ударили в набат, указав на губительные последствия для всех: сербов, албанцев, Сербии и Югославии. Так, видный историк Марьянович обозначил угрожающие процессы – формирование национальной албанской символики; отъезд сербской и черногорской интелли-

[25] *Marović M.* Op. cit. S. 616–617.

генции. Но гораздо более глубокие проблемы в своем тщательно обдуманном выступлении поднял писатель Добрица Чосич. Во-первых, он констатировал царящую атмосферу «уязвленного национального и исторического достоинства, некий всеобщий гнев, охвативший широкие слои сербского народа», «тревожные антисербские настроения … в известной среде». Во-вторых, подверг анализу ситуацию в Косово и Метохии: невозможность более не замечать давление с целью выселения сербов, их систематическое вытеснение с руководящих постов; стремление специалистов уехать из Косова, неравноправие перед судом, несоблюдение законности, оскорбления по национальному признаку. Чосич отметил необходимость серьезной проверки всей информации на этот счет и потребовал ответа на вопрос, почему партийные органы в КиМ «не замечают» шовинистических настроений и «националистического психоза» среди лиц албанской национальности; не придают значения ирредентистским и сепаратистским настроениям. «Все сводится, – подчеркнул Чосич, – к политической фразеологии, отражающей вербальную асимметрию в направлении исключительно сербского шовинизма».

Чосич попал точно в цель. В период подготовки конституции он указал на «очевидное стремление албанцев право на самоуправление реализовать как право на формирование государственности и косовского суверенитета». И произнес судьбоносные слова, даже более применимые к современному положению дел, нежели к концу 1960-х гг.: «В Косово в нынешней ситуации возможны только две формы государственности: югославская или албанская, одна или другая. Комбинация двух… с позитивным результатом невозможна… Бюрократическо-этатистски трактуемое равноправие шиптаров в Сербии и Югославии и развитие их суверенитета не может закончиться неоирредентизмом, политические различия между народами Косова и Метохии, Албании и Югославии выльются в перманентные и открытые столкновения». Чосич предложил отбросить национальные предрассудки, чиновничью конспирологию и бюрократические компромиссы. «В противном случае, – отметил он, – энергия албанцев направляется по ретроградному пути, их свобода ставится под угрозу, бюрократия укрепляется и начинает доминировать»[26].

Следует отметить, что сепаратистские устремления в КиМ не были спорадическими явлениями в Югославии. Это были общие процессы в государстве, где проходила смена национально-

[26] Ibid. S. 618–619.

государственной модели. Антиюгославянская волна становилась все мощнее и неудержимее. Агрессивный наступательный национализм проявил себя в Хорватии и Словении. Однако реакция Белграда была парадоксальной. Чосич отмечал, что «сербы мыслили мелко, не видели дальше своего носа, общественно-политическая элита впала в декаданс, всюду царили растерянность и моральный кризис. Сербское общество больше, чем остальные, нуждалось в обновлении. Идеологию партии, идеологию революции сербы как народ-победитель восприняли слишком близко к сердцу. Но идеология начала отмирать сверху, откуда, как из дырявого мешка, хлынула политическая ложь. Наступил кризис сознания, общество охватили настроения разочарования и недовольства… Это связано с тем, что сербы воспринимали Югославию как истинную, наилучшую форму своего политического суверенитета и национального единства. А началась дезинтеграция общественного сознания – сербская элита, в т.ч. интеллектуальная, стала погрязать в интригах, шло ее разрушение, причем очень примитивное. В итоге революционная власть выродилась в олигархическую бюрократию… Именно в этом государстве сербам суждено было пережить разрушение своей этнической, культурной, исторической идентичности. Хорваты, албанцы, словенцы и венгры стали воспринимать сербов как своих самых заклятых врагов (национальная бюрократия, превратившаяся в бюрократическую олигархию, требовала "свое себе"…)»[27].

На Марьяновича и Чосича обрушилась лавина критики. Но самые тяжелые обвинения в их адрес раздались со стороны сербских функционеров Краевого руководства – членов ЦК СКС. Результатом публичного остракизма стало исключение Чосича из партии. Примечательна модель поведения албанской стороны – ни на одном из партийных форумов не раздалось ни единого слова осуждения. Правда, до тех пор, пока с общественной и политической сцены не были удалены главные участники тех событий. И лишь взяв под свой контроль ключевые позиции во властных структурах КиМ, албанцы обрушили на всех своих противников вал критики и осуждения, припомнив им все «грехи».

«Косова – Республика!»

В 1968 г. события в Косово и Метохии приобрели драматический характер. После майского заседания сербское партийное и госу-

[27] *Павић А.* Указ. соч.

дарственное руководство предпочло закрыть глаза на трезвые предупреждения о нарастании волны национализма вплоть до шовинизма. Албанцы воспринимали малейшую критику как попытку отобрать завоеванное и начали сплачивать ряды для сопротивления «великосербскому гегемонизму». Повсеместно была развернута антисербская кампания. В июне по всему краю прокатились волнения. В Приштинском университете в рамках протестных митингов за улучшение условий обучения и критики социальных различий зазвучали лозунги «Косово – албанское!», как противопоставление сербскому лозунгу «Косово сербское и им останется».

В узком кругу Комиссии по Статуту края, в состав которой входили преподаватели Приштинского университета, началась работа над изменениями Конституции Югославии, Конституции Сербии и Статута Косова и Метохии. Первые дискуссии в комиссии прошли в апреле 1968 г. Тогда председатель комиссии Фадиль Ходжа сообщил о достижении договоренности об изменении названия края – предполагалось, что он станет Автономным краем Косово (без Метохии) с утверждением его государственных символов: эмблемы, герба и флага. Политическое руководство края на первый план выдвинуло вопрос о статусе Косова в Республике и Федерации. Вопрос звучал так: как уравнять край с остальными республиками и предоставить Косову статус федеративного элемента? При этом в концепции автономии Косова ключевым пунктом стала самобытность Косова; положение о том, что Косово является составной частью Сербии, отошло на второй план.

Вели Дэва настаивал, чтобы автономия Косова была принята именно на основе принципа самоопределения. Он констатировал, что на одной стороне – «наша позиция, о том, что право на самоопределение принадлежит национальным меньшинствам, а на другой стороне – что албанское население края как раз не относится к национальным меньшинствам. Формулировками и переформулировками мы сейчас не можем изменить существующее положение. Это самый крупный спор во всей конституционной дискуссии, в которой нет ни одной точки соприкосновения»[28]. Дева, желая показать настроения албанцев и тем самым оказать дополнительное давление на Белград, по сути, играл с огнем. И огонь превратился в огненную бурю, охватившую весь край.

[28] Цит. по: *Marović M.* Op. cit. S. 622.

Первые «искры» вспыхнули в Джаковице. 19 августа 1968 г. в журнале «Рилинда» («Возрождение»), выходившем на албанском языке, были изложены т.наз. Семь пунктов, отразившие результаты научной дискуссии, проведенной среди албанской интеллигенции. На первом месте постулировалось право албанцев на самоопределение: «Изменения конституции, связанные с этим вопросом, необходимо провести таким образом, чтобы ясно гарантировать право на самоопределение народностям, равно как и народам». Далее выдвигались требования расширения дискуссии, проведения общенационального обсуждения; прибытия представителей Федерации и ЦК СКЮ в Косово. В качестве главного пункта указывалось: «Косово и Метохия должны стать субъектом, непосредственно связанным с Федерацией, иметь все атрибуты и полномочия федеративной единицы, как те, что обладают статусом республики». Республике предстояло носить название «Социалистическая Республика Косово». Высшим законодательным актом должна была стать Конституция Косова. В новой конституции не следовало делать терминологические различия между «народом» и народностью», особенно когда речь шла об албанской народности, численно превосходившей или, по крайней мере, равной некоторым другим народам, проживающим в Югославии». В конечном итоге Конституция должна была гарантировать равные права в использовании национальных символов, т.е. албанского флага и др., и не в частных случаях (на свадьбах, торжествах и т.п.), а как право на официальное вывешивание флагов на территориях проживания албанцев [29].

В августе 1968 г. во многих городах Косова прошли бурные общественные дискуссии. Примечательно, что профессура Приштинского университета – все те, кто в последующие два десятилетия станут символами «албанского возрождения», – остро реагировала на обвинения в национализме или сепаратизме. В ходе публичных обсуждений прозвучал их тезис: «Если бы мы были националистами, т.е. сепаратистами, мы бы не разговаривали, а требовали отделения»[30]. Во главе «движения интеллигентов» стояли ректор Приштинского университета Дервиш Рожай, директор Института албанологии Фахми Агани, прокурор Резак Шаля, председатель Верховного суда Приштины Рамадан Враничи и другие писатели, артисты, журналисты.

[29] Цит. по: Ibid. S. 623.
[30] Цит. по: Ibid. S. 624.

Ноябрьские демонстрации 1968 года

В середине октября 1968 г. Фадиль Ходжа от имени Краевой комиссии по Статуту и конституционным вопросам доложил, что требования края были приняты так, как их сформулировала Комиссия. Речь шла о ключевом вопросе статуса края в федерации и в Сербии. Одновременно снова разгорелась общественная дискуссия между сторонниками и противниками применения принципа права народа (народности) на самоопределение. При этом проявила себя явная спешка с изменением существующего положения. Еще до принятия итогового решения Союзной и Республиканской скупщинами в крае началась подготовка к проведению массовых демонстраций. Их целью, возможно, было стремление оказать дополнительное давление на эти государственные органы.

Группа студентов в составе: Осман Думоши, Скендер Кастрати, Адил Пирева, Геладин Рекалиу, Июрахим Гаши, Селати Новосело, Иляз Пирева, Африм Лоха, Скендер Моколли, Хасан Дерамаку, Шемси Хохо и др. инициировали выход албанцев на демонстрации. В октябре – начале ноября 1968 г. «предупредительные» демонстрации, достаточно мирные и немногочисленные, прошли в Печи, Призрене и Сувой Реци. Поскольку ожидаемого эффекта они не принесли, 27 ноября на улицы вышли несколько тысяч студентов Приштинского университета. Эта демонстрация носила принципиально иной характер – не протестный, связанный с социальными проблемами молодежи и студентов, а организованно-агрессивный: по пути следования студенты разбивали витрины, поджигали автобусы и автомобили, в местах остановки проводили митинги. Очевидцы событий отмечают слаженность действий демонстрантов, хорошо подготовленные выступления, заранее сделанные плакаты и растяжки с лозунгами «Республика Косова!». Демонстрации охватили города Урошевац, Гнилане и Подуево. Центральная власть предпочла в основном скрыть от общественности масштаб и суть требований демонстрантов, отдав распоряжение средствам массовой информации строго дозировать информацию. Против демонстрантов были применены полицейские силы. По данным албанской стороны, один студент был убит, «многие ранены», прошли аресты,100 человек были осуждены; организаторы получили от 2 до 5 лет лишения свободы, участники – от 1 до 6 месяцев. Тито призвал «не драматизировать» значение демонстраций 1968 г.

Межнациональные отношения неудержимо сползали в пропасть. В ноябре 1968 г., несмотря на сопротивление сербов, из названия края было исключено слово «Метохия» («церковное владение»). В декабре 1968 г. по конституционным поправкам край получил статус федеративной единицы, хотя и не в полном объеме, как требовали албанцы, но с серьезными уступками в пользу последних. В начале марта 1969 г. Краевая скупщина приняла Конституцию Косова, по которой Косово приобрело черты федерального образования, фактически становясь автономной республикой.

Так в течение второго периода автономии край стал «социалистическим автономным краем», а Косово и Метохия стали просто Косовом. Впервые совокупность полномочий Косова утверждалась его собственным законодательством – конституционным законом, в соответствии с принципами конституции Югославии и конституцией Сербии, в то время как федерация защищала его (края) гарантированные конституцией права и обязанности. Также гарантировалось, что территория Косова не может быть изменена без согласия скупщины. Косово получило и судебно-правовую автономию, воплощенную в Верховном суде и других органах правосудия. Конституционным законом Верховному суду Косова разрешалось, в соответствии с конституцией Сербии, определять соответствие актов Косова с конституционным законом и другими законами Косова, что явилось началом конституционного судопроизводства в Косово. Впервые Косово получило право посредством скупщины и исполнительного веча подавать в Конституционный суд Югославии прошения об оценке конституционности и законности[31].

Обретя столь важную законодательную базу, албанская сторона отказалась от применения права наций на самоопределение, поскольку оно принадлежит нацменьшинствам. Вели Дева по этому поводу заявил, что «автономия Косова создана на основе воли населения, а не на принципе самоопределения наций». Автономия, помимо прочего, подразумевала право получения албанцами образования на национальном языке – с этого момента начинается «албанская культурная революция».

Принятие Конституции Косова произошло на т.наз. Саборе, в заседании которого принимали участие все без исключения представители общественно-политической и религиозной элиты албанцев края: федеральные и республиканские депутаты Косова, председате-

[31] *Marković R.* Op. cit.

ли всех общественно-политических объединений и организаций, религиозные лидеры. Тем самым конституционным изменениям была обеспечена поддержка на высшем и массовом уровне. Фадиль Ходжа на заседании Сабора, помимо прочего, подчеркнул, что «… теперь край находился в составе Социалистической Республики Сербии, но одновременно является частью федеративной структуры Югославии, конституционные права которого непосредственно защищает Федерация»[32].

Это был ясный сигнал албанцам о том, что достигнут максимум требований, возможный в существующих условиях. Однако албанская национальная бюрократия не считала, что ее требования выполнены в полном объеме. Ни поправки к Конституции СФРЮ от 1971 г., ни Конституция 1974 г. не остановили ее растущие аппетиты. При этом весьма примечательно, что партийное руководство страны во главе с Тито не расценивало требования о предоставлении Косову республиканского статуса как контрреволюционные, как это произошло позднее – в ходе массовых демонстраций албанцев в 1981 г.

К тому времени албанские националистические силы претерпели коренную трансформацию. Разрозненные круги интеллигенции консолидировались в рамках государственных учреждений – Академии наук Косова, Приштинского университета, центров культуры и просвещения, включая организации, носящие сугубо хозяйственно-экономический характер. В этих центрах формирования новой албанской национальной идеологии обсуждались требования предоставления Косову полной самостоятельности, т.е. такого статуса, который в подходящий момент позволит ему отделиться от Югославии.

Одновременно был достигнут еще один необходимый показатель: майоризация, т.е. численное преобладание, албанцев во всех сферах общественной жизни. Методами достижения такого положения служили, с одной стороны, увольнения с работы «неалбанцев», неравноправное отношение к ним в государственных и судебных органах, давление, угрозы, порча имущества, физическая расправа – это привело к массовому выселению сербов и других «неалбанцев» из края. С другой стороны, осуществлялась целенаправленная ассимиляция турок и «перевод» их в статистической документации в албанцев.

Первыми стали уезжать специалисты – экономисты, работники просвещения и здравоохранения. Уже к концу февраля 1969 г. в

[32] Цит. по: *Marović M.* Op. cit. S. 626.

Приштине партийное руководство по требованию сербов поставило на повестку дня обсуждение проблемы массовой миграции неалбанского населения. По приведенным данным только за последний год Косово покинули 300 специалистов - сербов и черногорцев. Первый секретарь Общинного комитета Приштины Махмут Бакали признал, что последствия демонстраций весьма ощутимы – они принесли осложнения в международных отношениях и выраженное национальное обособление в определенных кругах. Однако Бакали, выразив озабоченность, тем не менее, заметил, что в целом отъезд специалистов – «нормальное явление».

Однако «лицо» массовой миграции определяли все же не специалисты. В том же феврале 1969 г. Секретариат краевого комитета СК Косова констатировал, что наибольшее число сербов и черногорцев, покидающих пределы края, составляют выходцы из сельской местности. Многие села обезлюдели, имущество продавалось за бесценок, тем, кто отказывались это делать, угрожали физической расправой. Участились случаи поджогов домов, угона скота, грабежа и других видов насилия в отношения сербов и другого неалбанского населения, что делало их жизнь в крае невыносимой. Воцарились настроения утраты доверия к власти, беспомощности, апатии и безнадежности. Однако органы власти не только не реагировали на подобные инциденты, но, напротив, сами оказывали давление на сербов – обвиняли в различного рода правонарушениях, выносили в судебном порядке несоразмерные наказания и т.п. Все это формировало у населения четкое понимание, что единственный выход для него – покинуть родные места.

Перепись населения 1971 г. показывает, что только за десятилетний период (1961–1971) численность сербов относительно общей численности жителей Косова уменьшилось с 23,6% до 18,3%, черногорцев – с 3,9% до 2,5%. А вот численность албанцев, наоборот, возросла с 67,1% до 73,7%. Еще более красноречивой была статистика трудовой занятости: в 1966–1970 гг. были трудоустроены 7 187 албанцев, тогда как число получивших работу сербов уменьшилось на 732 чел., а черногорцев – на 331 чел.[33].

Областной комитет СК Косова, рассматривая проблему миграции после обнародования результатов переписи, с тревогой констатировал, что ежегодное число выезжающих из Косово сербов равно числу новорожденных в сербских семьях, тогда как среди черногорцев число выезжающих превосходит показатель рождаемости. Было

[33] Ibid. S. 628.

принято решение выявить причины и выработать способы решения проблемы, обеспечить срочные меры по предотвращению изменения национальной структуры края. Однако дальше общих слов дело не пошло: партийное руководство во главе с М. Бакали удовлетворилось принятием в целом «умиротворяющего» заключения, парализующего всякую активность по пресечению негативных явлений. Более того, партийные функционеры, поощряя политику ускоренной замены кадров на албанские во всех сферах общественной жизни края, стимулировали процесс форсированной албанизации ключевых сфер – государственных и партийных органов, промышленности, сельского хозяйства, народного образования, науки и культуры. Иными словами, партийно-государственные органы края, в которых все отчетливее проявлялась роль албанских функционеров, зримо продемонстрировали свой мимикрирующий националистический характер. По этому поводу Добрица Чосич точно заметил, что «наше несчастье носит маску демократии».

Одновременно в 1969 г. албанцы Косова предприняли первые попытки интернационализировать албанский вопрос. Были установлены контакты с представителями иностранных СМИ, а в крае начали создаваться органы, в компетенцию которых входило развитие международных контактов. В частности, под маской демократизации и децентрализации началось сотрудничество с Албанией. Таким образом, события 1968–1969 гг. можно характеризовать не только как эскалацию албанского национализма в крае, но и как первую попытку интернационализации «косовского вопроса».

Следующим шагом явилось усиление деятельности политических организаций, направленной на активизацию организованного «албанского сопротивления». Его рупорами стали «Революционный комитет по объединению Косова с Албанией» под руководством Кадри Халими и Али Алиу, «Революционное движение объединения албанцев» во главе с Адемом Демачи – лидером общенационального движения «за свободу и национальное объединение албанцев»[34].

Таким образом, выявляется фундаментальное отличие процессов в Косово от событий в Западной Европе. В Германии, Франции, Великобритании, Испании и других странах 1968 год ознаменовался

[34] Izlaganje Predsednika Skupštine Krasniqija povodom 40–godišnjice demostracija 1968 godine // Skupština Republika Kosova. 24.11.2008. http://www.assembly-kosova.org/?cid=3,128,2120

«пробуждением молодежи», вылившимся в формирование нового правого движения: молодежь протестовала против социально-политической системы в целом, условий обучения, угрозы перевода холодной войны в горячую фазу и начала Третьей мировой. В Косово 1968 год заложил основы планомерной и многоуровневой подготовки к коренной трансформации этнической структуры и правового статуса края. Была осуществлена национальная консолидация албанцев, т.е. процесс албанизации Косова в политическом, административном и интеллектуальном аспекте. Была сформирована и внедрена в массовое сознание единая идеологическая платформа, албанский национальный вопрос в крае приобрел государственно-правовой характер (но только для большинства населения), что позднее сделало возможным обособить Косово в рамках федеративного государства, придать ему высший статус – республики и тем самым обеспечить условия для выхода из состава единого государства. Сербы Косова и Метохии, ущемленные в правах, перешли в разряд граждан «второго сорта», подвергаясь насилию и террору со стороны своих соседей-албанцев при полной поддержке органов власти. Далее последовал 30-летний период подготовки и реализации независимости т.наз. Республики Косова...

Ю.П. Гусев

Особенности венгерской литературы 60-х годов XX века*

Оттепель, наступающая после долгих жестоких морозов, наступающая не вовремя (весну ведь никто не считает оттепелью), недаром воспринимается как аномалия. Оттепель радует, но и пугает: она расслабляет, благоприятствует болезням, создает условия для неустойчивости, способствует нелогичным, а то и экстремальным явлениям и поступкам. Так и в культурной жизни. В СССР вдруг выходят огромным тиражом, смущая умы, такие крамольные произведения, как «Один день Ивана Денисовича», «Теркин на том свете» и т.д. Недаром любой жесткий режим быстро спохватывается и спешит вернуть «здоровый» мороз, как это и произошло в СССР. Правда, вылечить последствия «оттепели» до конца уже не получилось: возникло диссидентство, Сахаров, всякое явное и тайное вольнодумство, а через двадцать–тридцать лет все полетело к чертям. Что заставляет сделать вывод: «оттепель» – с одной стороны, чья-то (Хрущева, например) небрежность, ошибка, а с другой стороны – объективный симптом, первый звонок скорой гибели.

Подозреваю, что чехам, с их рациональной ментальностью, с их уравновешенностью и методичностью, в самом деле удалось бы преобразовать оттепель в весну. Неслучайно чешская «оттепель» называлась – «Пражская весна».

Своеобразие венгерской «оттепели» в значительной степени связано, конечно, с личностью Яноша Кадара, которого Хрущев назначил усмирителем венгерской смуты. И в общем не ошибся в нем: Кадар вернул Венгрию в «социалистический лагерь», уничтожил Имре Надя и его соратников, попытавшихся гуманизировать «реальный социализм». Но создается впечатление, что в душе Кадара осталась глубокая психическая травма, которая в конце концов и разрушила его как личность (его последняя речь на съезде венгерских коммунистов недвусмысленно говорит об этом). Но и раньше, уже в 1960-х годах, он словно бы пытается в той или иной форме успокоить свою неспокойную совесть. То, что руководство культурной политикой он поручил Дёрдю Ацелю, – одно из подтверждений этого.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ: грант № 12-04-00082/12 «История венгерской литературы в портретах: от Ренессанса до постмодернизма».

Не вдаваясь в подробный анализ культурной политики Венгрии 1960-х годов, скажу лишь, что связанный с именем Ацеля принцип «трех Т» (támogatás, türés, tiltás – поддержка, терпимость, запрет) способствовал размыванию жестких, диктаторских подходов в сфере искусства, да и идеологии в целом (поскольку искусство считалось сферой идеологии). Вряд ли Кадар и Ацель избрали такую тактику сознательно, продуманно; однако трудно представить, что они совсем не отдавали себе отчет, к чему ведет курс «трех Т». А вел он к тому, что простейшие психологические мотивы побуждали писателей (неважно, крупных или мелких) переползать из категории «поддерживаемых» в категорию тех, кого «терпят», тем более что ощутимой разницы (возможность публиковаться, материальные блага) не было, а моральный капитал у оппозиционера заведомо более высок, чем у охранителя. Уже в 1970-х годах «охранителей» в сфере искусства практически и не осталось: все перешли в «терпимые», что, в сущности, представляло собой некое мягкое диссидентство.

Во всяком случае, в 1960-х годах не столько, может быть, культурная политика, которая пока лишь складывалась, сколько сама атмосфера «оттепели» способствовала тому, что в литературе Венгрии произошел невероятной мощи взлет. Он напоминает ситуацию первого десятилетия XX века – период быстрого и интенсивного обновления литературы, период, связанный с творчеством Эндре Ади и возникновением журнала «Нюгат», объединившего вокруг себя все сильное, талантливое, ищущее в литературе. Но если тогда доминировала все же поэтика, то сейчас, спустя полвека, – мировоззренческая, философская сторона художественного творчества.

Писатели, выведенные из равновесия «оттепелью», появлением новых точек зрения, новых критериев, пытались понять, осмыслить мир, в котором они живут, – и в этих своих поисках иногда достигали результатов, до которых не поднимались и профессиональные мыслители.

Скажем, Эндре Фейеш в своем знаменитом романе «Кладбище железного лома» (1962) в сущности перечеркнул один из основных тезисов, на которых строилась идеология социализма, – тезис о рабочем классе как движущей силе новой истории. Тибор Череш в романе «Холодные дни» трезво, без лжи и умолчания, взглянул на Вторую мировую войну и место Венгрии в ней, место, которое во многом предопределило и послевоенную историю страны.

Но дальше всех пошел в этом направлении писатель Ференц Шанта. С его именем связаны три романа – но какие это романы! Я убежден, что они и сейчас в высшей степени актуальны; если о них

не говорят, то причина этого – в психологической ситуации, наступившей после «перелома», который как бы перечеркнул все предыдущие десятилетия, со всем, что в них было и плохого, и хорошего.

В романе «Пятая печать» (1963) Шанта обращается ко временам Второй мировой войны, анализируя моральную, философскую проблематику венгерского фашизма, пытаясь решить вопрос о том, возможно ли было сопротивление фашизму в стране, где близкие к фашизму нормы пронизывали всю жизнь, и общественную, и частную. Роман «20 часов» (1964) объективно и нелицеприятно рассказывает о человеческих конфликтах, связанных с потрясением 1956 года.

Но я особо хочу остановиться на маленькой повести «Предатель» (1966), где Ференц Шанта ставит такие вопросы, которые касаются едва ли не всей новейшей (а может быть, и не только новейшей) истории человечества.

«Предатель» – типичная притча, с фантастическим сюжетом, который почти ничего не прячет, в котором исторические маски персонажей – скорее формальное «алиби», чем, например, способ обмануть бдительность властей. Рассказчик – фигура активная, но совершенно абстрактная, лишенная каких-либо характерных черт: это может быть и сам писатель, материализующий в литературных образах игру своей фантазии, а может быть и всемогущий Господь – поскольку он вызывает из небытия давно умерших персонажей. Те, в свою очередь, тоже фигуры условные, тезисные, хотя и обладают некоторой исторической конкретностью: в своей земной, долитературной жизни они, по концепции автора, являлись участниками или, по крайней мере, свидетелями, очевидцами событий, связанных с Гуситскими войнами в Чехии (первая половина XV в.). Это – Вацлав Яшек, гуситский воин; Ян Житомир, крестоносец, сражавшийся против гуситского движения; епископ Эусебиус; и, наконец, безымянный бедняк крестьянин, который в противоборстве исторических сил оказывается всегдашней страдающей стороной, хотя и гуситы, и крестоносцы, и католическое духовенство оправдывают свои действия интересами народа, т. е. того же крестьянина.

Повесть «Предатель» с точки зрения ее художественного мира очень компактна, проста; но это та самая простота, которую принято называть сестрой гениальности. Действие повести, в котором участвуют всего пять персонажей, происходит в одной комнате в течение одной ночи (почти буквальное воспроизведение классического принципа триединства). Да и действие это (нечто вроде судебного разбирательства, в котором и следователем, и судьей, и исполнителем при-

говора выступает нарратор) сосредоточено вокруг одного-единственного события. Но, несмотря на такую простоту (или – благодаря такой простоте), в повести обнаруживается невероятная глубина, в которой, при внимательном подходе, выявляются и исторические, и психологические, и моральные, и кардинальнейшие философские аспекты.

Сначала я воспринял «Предатель» как произведение, в котором Шанта дал свое осмысление Второй мировой войны. В венгерской литературе произведений об этой войне мало – по известным и понятным причинам: Венгрия воевала на стороне Гитлера, и в десятилетия просоветской ориентации писать правду о войне было, видимо, весьма непросто. Так что, если не считать фальшивых, романтических фантазий насчет практически в Венгрии не существовавшего «антифашистского сопротивления», в венгерской литературе 1940-х – 1980-х годов появилось лишь несколько правдивых произведений, освещающих отдельные эпизоды и стороны этого трагического пятилетия. И вот, радостно подумал я, передо мной – произведение, в котором, в символических образах Вацлава Яшека и Яна Житомира, воплощено противостояние двух лагерей, двух армий, которые смертельно враждебны друг другу, стремятся уничтожить друг друга, но - с точки зрения крестьянина, который в этой повести представлен как чех, но вполне мог быть и венгром, и поляком, и словаком, и т. д. – мало чем отличаются друг от друга. Ибо, прежде чем они истребят друг друга, они вытопчут поле этого крестьянина, отнимут у него все, обрекая его семью на голод и гибель, заставляя его самого воевать то на одной, то на другой стороне, не давая ему заниматься своим извечным и самым нужным на свете делом: возделывать землю и растить детей. Недаром после того как Вацлав и Ян убивают друг друга, крестьянин хоронит их в одной могиле – предварительно сняв с них одежду, которая сгодится на что-нибудь в его нищей хате…

Вскоре однако выяснилось, что все не так просто: данный слой смысла повести – не единственный, да и, вероятно, совсем не главный. Под ним все более отчетливо проступал другой (возможно, тоже не последний), куда более емкий и широкий. Слой, в котором речь идет не о политике и даже не о том, как простой человек зависит от политики, как он становится ее жертвой: речь идет, если угодно, о судьбе человечества, о том, зайдет ли оно в тупик или сумеет «вырулить» на продуктивный путь. Речь идет о том, на какие ценности следует ориентироваться человеку в его общественном поведении, какую модель бытия выбрать (если, конечно, еще не поздно, если поезд еще не ушел, если выбор еще возможен).

Вацлав Яшек и Ян Житомир – смертельные, непримиримые враги, и в то же время они – почти не различимые подобия, почти зеркальные отражения друг друга. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство (нарратор совсем не зря упоминает его; более того: он со значением его подчеркивает), что гусит Вацлав прежде был наемником в папских войсках, а Ян, напротив, сражался на стороне гуситов. В какой-то момент оба они как бы прозрели, постигли истину («истина» – едва ли не самое часто встречающееся в повести слово) и перешли – каждый – в противоположный лагерь. Но происшедшая «рокировка» ничего в сущности не изменила: просто фигуры на доске поменялись местами. Ненависть Яна и Вацлава друг у другу, как и все, с чем она сопряжена и что из нее вытекает, остались прежними; в конце концов, встретившись в поединке, они убивают друг друга. Крестьянин же, недалеко от хижины которого это происходит, хоронит их, как уже упоминалось, в одной могиле, хоронит голыми и в обнимку, как братьев.

Но важны тут не столько сами события, сколько мотивировка, смысл, понимание их персонажами – все это и раскрывается в том своеобразном ночном судебном заседании, которое составляет сюжет повести «Предатель».

Собственно говоря, суд этот совершается – над крестьянином. Это он – предатель. Его заставили воевать против гуситов крестоносцы – он дезертировал, бежал к своей семье (у него девятеро детей). Его забрали в свою армию гуситы – он бежал и от них, по той же причине. Он предал всех, он предал истину. Ведь и Вацлав, и Ян свято уверены, что владеют истиной. И ради торжества этой истины они готовы идти на смерть; ради торжества этой истины они готовы уничтожить, стереть с лица земли все и вся; в том числе и народ, во имя которого они взяли в руки оружие.

Что же такое эта истина (здесь уже не имеет значения, чья она – Вацлава или Яна)? Это – в основном – некоторая система религиозных догматов; шире – некоторая система убеждений, принципов, идей, которые, как убеждены и Ян, и Вацлав, как убеждены гуситы, с одной стороны, и участники организованных папой и германским императором крестовых походов против гуситства, с другой стороны, – должны стать обязательными для всех людей без исключения, и лишь при таком условии жизнь людей (человечества) станет правильной, угодной Богу, а значит, счастливой.

Одним словом, речь идет – об идеологии.

Идеология, как мы можем утверждать сейчас, в начале XXI века, досыта насмотревшись идеологий, наевшись идеологией, уцелев (кто уцелел) в шабаше идеологий, – вещь одновременно и чрезвычайно тяготеющая к догматизму, и крайне нестабильная. Компоненты ее могут часто и быстро меняться, отчего идеология меняет свой характер, нередко свой знак, становится своей противоположностью. Одна лишь черта остается ее постоянным признаком: агрессивность. Возможно, именно этот критерий и отличает идеологию от миросозерцания: миросозерцанием обладает любой человек, любая социальная группа, но ни человек, ни группа не станут навязывать свое миросозерцание другому человеку, другой группе. Идеология же стремится к максимальному господству; носители одной идеологии считают носителей другой идеологии (даже если последняя отличается от первой только деталями, нюансами, как, например, меньшевизм от большевизма) своими кровными врагами, которых нужно или заставить принять данную идеологию, или уничтожить.

Ференц Шанта, устами одного из персонажей своей повести, высказывает эту мысль четко и недвусмысленно.

«Правда любого Гуса – в Жижке! После каждого Гуса приходит свой Жижка! Приходит, как чума, как холера, и обрушивается на народ, словно болезнь или сама смерть».

(Эта цитата лишний раз доказывает, что речь идет не о гуситстве; или, во всяком случае, не об объективной положительной или отрицательной роли этого движения в истории Чехии или Европы. Имена Гуса, Жижки можно заменить другими – выбор велик!)

Таким образом, главное противоречие, главный конфликт здесь – не между разными идеологиями, а между идеологией (любой идеологией) и жизнью. Той естественной, здоровой, сущностной жизнью, которую в повести «Предатель» представляет крестьянина.

Ведь именно он, крестьянин, сохраняет и поддерживает существование человеческого рода, его жизнеспособность, его духовную, творческую, а значит, сугубо человеческую составляющую. На его плечах лежит самая необходимая и в то же время самая тяжкая задача: противостоя природе, противостоя господским сословиям, которые находятся в постоянном соперничестве, в постоянной борьбе друг с другом, но именно от него, крестьянина, требуют невероятного напряжения сил, – восстанавливать и пополнять то, что господа, церковные и светские, разрушают и истребляют.

Устами крестьянина Ференц Шанта высказывает свое отношение и к идеологии – идеологии как таковой: «…Крестоносец ты или гусит – мне все одно! Все одно мне, какое оружие у тебя, и какое

знамя, под которым ты меня на смерть гонишь, потому что тебе только кровь моя нужна, а пользы мне от них все равно не видать!»

И тут, собственно, открывается еще один уровень обобщения, или философии, или мудрости – как угодно. Уровень, на который мы едва-едва начинаем выходить, хотя выйти на него рано или поздно придется, ибо это – в интересах самосохранения человека и человечества.

Вся новейшая история, по крайней мере полтора–два ее столетия, вынуждают сделать печальный, но единственно спасительный вывод. Суть его – в той простой мысли, что изменить мироздание невозможно, пока оно само не изменится. Это справедливо и на уровне человеческого бытия. Все попытки внести в него коррективы: революционным путем учредить свободу, равенство, братство, построить справедливое общество, уничтожить мир насилья, перепрыгнуть из феодализма в социализм, минуя стадию капитализма, вырастить «нового человека», и т.д. и т.п. – оборачиваются в лучшем случае фарсом, в худшем – трагедией. Улучшать бытие можно лишь в рамках данного уклада (формации), добиваясь оптимальной реализации заложенных в ней возможностей.

Собственно, все прежние восстания, революции и т.п. не ставили целью изменить уклад общественной жизни. Спартак хотел освободить себя и своих товарищей, но не ликвидировать институт рабства. Пугачев хотел сесть на трон, но не заменить царизм, например, демократией. Декабристы хотели ограничить самодержавие конституцией. И так далее. До того момента, когда появились идеологии как доктрины преобразования основ мироустройства.

Очень характерно, что для Шанты, как и для Фейеша, и для Череша, 1960-е годы стали не только вершиной их творческого развития, но и завершением его. Ни Фейеш, ни Череш не создали после этого чего-либо значительного. А Шанта просто перестал писать. Когда я встретился с ним (это было лет пять назад) и стал допытываться, не пишет ли он чего-нибудь – «в стол», например, – он разубедил меня в этом. Сказал, что читает старых философов, классиков...

Недавно я обнаружил, что Эразм Роттердамский в своей знаменитой «Похвале глупости» вовсе не иронизирует над невежеством, а именно обличает схоластическое умствование, от которого происходят все наши беды. То есть можно, видимо, сказать, что Эразм еще в далеком XVI веке постиг пагубность идеологий, которые, являются формой схоластики, ведут к крови, убийствам, к трагедии.

Может быть, Эразм Роттердамский и помог Ференцу Шанте написать его притчу.

В.А. Хорев

В стремлении к интеллектуальному раскрепощению человека... (О творчестве Витольда Гомбровича и Славомира Мрожека)*

Художественный XX век унаследовал от XIX в. привычное реалистическое видение человека в системе общественных отношений. Но именно в XX в., начавшемся с истребления человеческой жизни и личности, осуществилась настоящая художественная экспансия субъективного опыта личности. На основе открытий в области психологии и психоанализа, а иногда и значительно опережая их, в литературе шел процесс художественного самопознания и самовыражения, анализ скрытого от самого человека смысла его подсознания, мотивов и форм взаимоотношений с самим собой и другими. Возникла новая поэтика, а в ней широкое распространение получили приемы интроспекции, внутреннего монолога, потока сознания, отстраняющего гротеска, абсурда, пародии.

Для польской литературы все это связывается с именами «великой троицы» – Станислава Игнация Виткевича, Витольда Гомбровича, Бруно Шульца. Имена их в советские времена не были известны русскому читателю. Впрочем, не популяризировались они и в ПНР. Но именно они, по образному определению Ольги Медведевой, «стали своеобразным паролем польской литературы» межвоенного двадцатилетия, «открывшим ей вход во "всемирную библиотеку" XX столетия»[1]. Разумеется, это очень разные писатели, но объединяет их, пожалуй, обостренное ощущение угрозы гибели культуры и самоценности индивидуального опыта человека, исходящее из потрясений XX в., а еще стилистика, в которой они широко использовали гротеск как способ видения мира.

Творчество Витольда Гомбровича исключительно важно для понимания «польскости» и связанных с нею проблем. В польской литературе со времен романтизма можно выделить два типа патриотизма, равно связанных с историей страны, ее борьбой за националь-

---

* В расширенном варианте статья под названием «Витольд Гомбрович и Славомир Мрожек» опубл. в: Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура. Сборник статей / Отв. ред. В.А. Хорев и М.В. Лескинен / М., 2006. С.111–121.

[1] История литератур западных и южных славян: в 3-х тт. М., 1997–2001. Т. 3. М., 2001. С. 399.

ную независимость, за свободу против угнетения. Один тип определен воспеванием и утверждением достоинств родины в поэзии Адама Мицкевича, другой нашел выражение в творчестве Юлиуша Словацкого, которому принадлежат обращенные к Польше знаменитые слова гневного обвинения в адрес национального прошлого: «Ты была попугаем и павлином народов» (в русской литературе некоторой параллелью здесь могут быть обличительные «Философические письма» Чаадаева). Творчество Гомбровича развивалось в русле именно такой «обличительной» традиции. Гомбрович полемизирует с романтическим клише, показывает, что умами многих поляков все еще владеют обесцененные стереотипы романтического мышления – надежда на чудо, идея польского мессианизма, мученичества, жертвенности и т.д. Но при этом он идет дальше и глубже – внутрь такого сознания. Одна из главных тем Гомбровича – тема маски. По мысли писателя, человек никогда не бывает самим собой, а принимает те или иные, навязанные окружением, позы и маски. Свобода личности проявляется в ее способности снять маску, разрушить отжившую форму, но при этом… приходится надевать новую маску и создавать новые формы.

К сожалению, в России творчество Гомбровича долгое время оставалось неизвестным.

Сегодня у нас изданы все его основные произведения, за исключением «Дневника», печатавшегося лишь фрагментами[*]. Но, как верно заметил недавно Борис Дубин, «русского» Гомбровича «ни как катастрофического толчка к самоосмыслению, ни как фокуса острой полемики, ни как разворачивающегося события собственной жизни, по-моему, до сих пор нет. Не видно усилий к его пониманию: писатель, о котором на всех уважающих себя языках мира написаны книги, не удостоился на русском ни одной самостоятельной, принципиальной статьи …»[2].

Иначе дело обстояло в Польше, хотя и там после войны легально были изданы в период «оттепели» лишь «Фердыдурке» (в 1957 г.), ранние рассказы писателя (сборник «Бакакай», 1957), пьеса «Ивона, принцесса Бургундии» (1960). После 1976 г., в результате деятельности нелегальных издательств многие произведения запре-

[*] В 2012 г. «Дневник» В. Гомбровича были переведен и издан в России: *Гомбрович В.* Дневник / Перевод с польского Юрия Чайникова / СПб., 2012 (Прим. ред.).

[2] См.: *Гомбрович В.* Дневник. 1957–1961. Фрагменты книги в переводе Ю. Чайникова // Иностранная литература. 2004. № 12. С. 210.

щенных писателей-эмигрантов начали издаваться небольшими тиражами. Тогда были изданы «Дневники» Гомбровича. Тем не менее в 1978 г. критик Томаш Бурек с прискорбием и пессимизмом писал о том, что значительная часть современной польской литературы не находит нормального пути к читателю в стране. Несмотря на то, что «новые книги польского пилигримства» передавались из рук в руки, переписывались и зачитывались до дыр, «их распространение ограничено, элитарно», и в домашние библиотеки широкого читателя они смогут попасть разве через сто лет[3]. К счастью, этот пессимистический прогноз Бурека не оправдался – в 1986 г. польский читатель получил собрание сочинений Гомбровича, изданное государственным издательством, хотя и не без цензурных вмешательств в текст «Дневника».

Прозаические и драматические произведения Гомбровича, этого «философа гротеска», как и другого польского мастера гротеска – Станислава Игнация Виткевича дали вдохновляющий импульс развитию литературы гротеска – одной из доминант литературы XX в. Заслугой Гомбровича перед польской литературой, о которой писал в письме С. Мрожеку известный польский историк литературы Ян Блоньский, является, в частности, то, что он «открыл определенный тип насмешки, определенный тип quasi-фантастического повествования, который, впрочем, implicite содержался в польской литературной традиции и который отразился эхом не только у тебя»[4]. Но, как ни парадоксально, ни драмы Виткевича, ни драмы Гомбровича при жизни их создателей не имели такого успеха, как пьесы продолжателя созданной ими традиции гротескно-сатирического изображения жизни – Славомира Мрожека. Известный историк театра Ян Котт заметил по этому поводу, что «Виткевич пришел слишком рано, Гомбрович – не вовремя, Мрожек первым пришел в подходящий момент. К тому же и по польским, и по западным часам»[5].

О Мрожеке у нас долгое время знали тоже больше понаслышке – его имя в условиях советской цензуры было «непроходным»[6]. Не просто формально новаторские, но и общественно значи-

---

[3] Цит. по: *Tomkowski J.* Dwadzieścia lat z literaturą 1977–1996. Warszawa, 1998. S. 47.

[4] *Btoński J., Mrożek S.* Listy 1963–1996. Kraków, 2004. S. 434.

[5] *Kott J.* Rodzina Mrożka // Dialog. 1965. № 4. S. 74.

[6] Изданные у нас книги Мрожека: *Мрожек С.* Хочу быть лошадью. Сатирические рассказы и пьесы. М., 1990; *он же.* Как я сражался и другие, не менее

мые произведения Мрожека появились в конце 50-х годов, когда не только польская литература и польский театр, но и общество в целом испытывали потребность в очистительном, отстраняющем смехе, помогающем сокрушить устаревшие каноны мышления и поведения. Мрожек начал с конструирования гротескных, абсурдных ситуаций, в которых причудливо преломлялась реальная действительность, ее уродливые стороны, логическое развитие которых обнажает их опасность для нормального человеческого существования. Саркастический смех Мрожека был близок не только польскому, но и зарубежному читателю и зрителю, особенно имевшему опыт существования в «социалистическом лагере».

На протяжении всей своей творческой жизни Мрожек соотносит себя с Гомбровичем. Можно даже говорить о «комплексе Гомбровича», который постоянно преодолевает в себе Мрожек. Вот несколько его высказываний:

«Витольд Гомбрович преследует меня, словно кошмар. Но моя жизнь без этого немыслима (…)

Гомбрович создал пространство, куда должны вступать его наследники, а я хотел бы пересечь оное и оказаться вовне. Главный из взрослых людей – отец: он создает домашний очаг, окружение, обстановку, ожидающую новорожденного, но ребенок вырастает, и он должен принять наследство, хотя когда-нибудь он и распорядится им по-своему. Вот истоки моего двойственного отношения к Гомбровичу – я назвал бы его “борьбой за независимость” Да, “независимость” – хорошо звучит, но в этом слове скрыто другое – “зависимость”».

Тема Гомбровича – один из лейтмотивов многолетней переписки (1963–1996) Мрожека с Яном Блоньским, которая издана в Польше в 2004 г. Эта переписка помогает понять и то общее, что объединяет двух талантливых художников, и специфичность их художественного мировосприятия, и сопротивление Гомбровичу, которое испытывал и в котором хотел разобраться Мрожек. «Влияние на меня Гомбровича очевидно», – признается Мрожек в письме Блоньскому от 11 февраля 1964 г. и видит его в той же самой склонности «скорее к процессу, к манипуляции, чем к материи, которая менее важна и каждый клочок которой может служить реквизитом для демонстрации движения»[7]. Но Мрожек не считает для себя «прирож-

удивительные истории из разных книг и журналов 1951–1993. М., 1995; *он же.* Тестариум. Избранные пьесы и проза. М., 2001; *он же.* Дневник возвращения. Рассказы. М., 2004.

[7] *Btoński J., Mrożek S.* Op.cit. S. 84.

денной» гомбровическую схему незрелость / созревание, особенно по отношению к Польше, тем более, что Мрожек был писателем другого поколения и другого исторического опыта, которого не пережил с Польшей Гомбрович.

«С Гомбровичем тяжело, – пишет он в другом письме Блоньскому. – По-видимому, все можно свести к вопросу о том, где кончается эпигонство и начинается претворение и продолжение, и наоборот. В принципе я не боюсь “нахождения под влиянием”, в принципе, потому что притворяться, будто я родился первым в мире – было бы верхом лицемерия. В физике также пользуются законами, открытыми ранее, и все в порядке. Конечно, лучше быть совсем оригинальным, но и не слишком хорошо, так как кто-то совсем оригинальный имеет небольшие шансы на признание, ибо люди еще не знают, с чем это едят. Лучше всего подсмотреть и развить»[8].

Несомненно, что общим для Гомбровича и Мрожека является стремление к интеллектуальному раскрепощению человека, который испытывает постоянное давление политических мифов и коллективных эмоций, к пробуждению собственного «я» в частице толпы, оболваненной пропагандой, лишенной индивидуального существования. По словам Ч. Милоша, XX век подтвердил правоту Гомбровича. Гомбрович показал, что «ничто так не угнетает, как самообман людей, которым кажется, что, поддаваясь чувству стадности и заражаясь маниями толпы, они следуют собственным побуждениям, родившимся в глубине их собственного “я”, тогда как на самом деле их поистине обезьянью зависимость от пропаганды и рекламы нетрудно было бы вычислить с помощью усовершенствованных компьютеров»[9]. Всесилие тотального принуждения и демагогии демонстрирует во многих своих произведениях и Мрожек.

Мрожека с Гомбровичем роднит и отношение к «польскости», неприятие ими польских обычаев, традиций и «незыблемых» ценностей. Отвечая Милошу на его критику романа «Транс-Атлантик», Гомбрович писал: «Я стремлюсь к преодолению национальной формы как таковой, к созданию дистанции по отношению к любому “польскому стилю”, каким бы он ни был»[10].

---

[8] Ibid. S. 176.

[9] *Милош Ч.* Кто такой Гомбрович? // Иностранная литература. 2004. № 12. С. 233.

[10] *Gombrowicz W.* Dziennik. 1953–1956. Kraków, 2001. S. 28. Здесь и далее цитаты из «Дневника» даны в переводе автора статьи.

И для Мрожека «польскость» – это бремя, горб, комплекс, от которого неизвестно как избавиться: «Дело в том, что мы прямо-таки маниакально соотносим все с территорией над Вислой. Это феномен, который с такой последовательностью и в такой концентрации не встречается у других народов. Вряд ли у итальянца, идущего по дороге, сидит в подсознании, что это итальянская дорога, а видящего дерево, что это итальянское дерево. Для него это просто дорога и дерево. Я могу сказать о себе, что в Польше для меня все является польским. Когда я еду поездом из Кракова в Варшаву, меня ни на минуту не покидает сознание, что в окно я вижу польскую деревню, что на меже я встречу польского крестьянина, и все вместе это наши непреходящие польские дела (…) Во всяком случае Польша угнетает поляка не только тогда, когда он находится за границей, а прежде всего в Польше. Мне кажется, что польский национализм, особенно в исторической перспективе, определяется не классическим значением этого слова, чувством национального превосходства, а именно отождествлением каждого камешка с польскостью, маниакальном видении мира сначала сквозь Польшу и лишь затем глазами. Даже интимные переживания, даже плохое самочувствие относятся на счет Польши...»[11].

Гомбрович разбивает стереотип отчизны, стереотип польского традиционного историко-национального сознания, сложившийся в польской литературе. Так, например, в «Транс-Атлантике», вызвавшем возмущение в среде эмиграции, он не только пародирует «священных коров» польской литературы – шляхетскую «гавенду»*, «Пана Тадеуша» А. Мицкевича и «Трилогию» Г. Сенкевича. В образах Барона и Пыскала находят гротескное выражение два полюса «польскости» – аристократический и плебейский, оба никчемные. Национальную традицию символизируют пустые ритуалы – охота на несуществующих зайцев и дуэль без пуль в оружии.

Подобным образом поступает Мрожек. Например, можно вспомнить его «Эмигрантов» или рассказ «Как я сражался», в котором гротескно представлена исторически ставшая непреложной для носителей польского национального сознания норма поведения – героическая жертвенность, пусть бессмысленная, во имя национальной идеи. В городе создается баррикада. Жители принесли, привезли, притащили на нее все, что имели: лампы, железо, картон, стеклянные

[11] *Bioński J., Mrożek S.* Op.cit. S. 51–52.

* Гавенда – польский фольклорный жанр, в котором доминирует личность рассказчика (Прим. ред.).

банки, ленты, фотографии, белье и грампластинки, швейные машинки, перины и одеяла, протезы от Союза инвалидов, «инкунабулы из архива Исторического музея и книги из академии наук». Но баррикада рухнула, все усилия по ее возведению оказались бесполезными (см. и блестящий рассказ «Мониза Клавье»).

Полемизируя с романтическими клише, Мрожек, как и Гомбрович, прибегает к пародии. Он часто перефразирует мотивы, строки, формулировки известных классических произведений. Например, формула «Умер последний заговорщик. Родился новый верноподданный» подытоживает превращение героя пьесы «Полиция» из бунтаря в лояльного обывателя и отсылает читателя к известному сюжету драмы Мицкевича «Дзяды» – превращению мечтателя Густава в бунтаря Конрада.

В пьесе «Индюк» звучит эхо драмы Ю. Словацкого «Кордиан» – отзвук намерений романтического героя, не воплотившихся в поступок. Действие пьесы «Индюк», по авторской ремарке, вообще «происходит в романтизме». Не случайно ее героиня Лаура говорит строфами Словацкого, а другие персонажи пародируют диалоги драм романтиков и более позднего «неоромантика» С. Выспяньского. «Пылкие натуры, шальные идеи, в общем – это наша романтическая традиция, атаки улан, “Очи черные”…» – со скрытой иронией говорит о себе Морис, герой драмы «Контракт». Этот расхожий и поверхностный, хотя и не беспочвенный миф о польском национальном характере, над созданием которого потрудилась не только романтическая литература, но и ее бесчисленные эпигоны, Мрожек безжалостно высмеивает во многих своих драмах. Пародийная игра Мрожека с романтизмом, с одной стороны, показывает сегодняшнюю нежизнеспособность романтизма как способа мышления, философии, мировоззрения, с другой – активизирует внимание того читателя, которому доступно понимание переклички двух эпох польской культуры.

Размышляя о сходстве ситуаций в своем «Танго» и «Венчании» Гомбровича, Мрожек признавал, что «всю проблему формы в свое время я осознал благодаря Гомбровичу. Проблема эта играет в моей драме немаловажную роль. Но я утешаю себя тем, что форма, проблема формы – это словно один из физических законов, открытых предшественниками»[12].

Исследование с помощью гротеска бессмысленности многих форм (в том числе и языковых), которыми скована жизнь каждого

[12] Ibid. S. 179.

человека, сближает Мрожека с Гомбровичем. Но и разделяет этих художников немалое.

«Дневник» Гомбровича открывается эпатирующей читателя записью:

Понедельник. Я.
Вторник. Я.
Среда. Я.
Четверг. Я[13].

Цель автора – задеть своим эгоцентризмом, еще раз, на собственном примере показать, что для него – как он писал в своем «Дневнике», полемизируя со Стефаном Киселевским о критике национальной польской проблематики – «личность является чем-то гораздо более значительным, чем нация». Национальная проблематика, по Гомбровичу, – это «проблематика коллектива, в то время как я обращаюсь к проблематике личностной»[14].

У Мрожека, наоборот, силен интерес к общественному механизму человеческого существования, к проблемам отчуждения человека в обществе, конформизма личности и насилия над ней: «Я не хочу отказываться от “общественного”», – писал он, стремясь при этом выйти за локальные польские рамки. «В этом смысле, – развивал он свои соображения, – я хотел, чтобы в “Танго” было общественное начало, то есть исторически достоверное, не обязательно лишь в Польше, но и в Европе вообще (проблема поколений, особенно среднего поколения со всем тем, что оно собой представляет и из чего исходит). Итак, я бы сказал так: “общественное” в нашем прежнем польском понимании – нет, никогда, хватит уже этого. “Общественное” в расширенном издании – да, это даже неизбежно. А к “я” у меня нет полного доверия (…) К “я” меня не тянет, ни побеккетовски*, путем редукции, ни как-либо иначе»[15].

В центре творчества Гомбровича, по его словам, «Человек в человеке. Человек по отношению к человеку. Человек, усиленный человеком. Разве это моя иллюзия, что я вижу в этом скрытую новую действительность?»[16]. Размышляя о человеке в связи с другим чело-

[13] *Gombrowicz W.* Dziennik... S. 9.
[14] *Gombrowicz W.* Dziennik. 1957–1961. Kraków, 2001. S. 72.
* Беккет, Сэмюэл (1906–1989) – ирландский писатель, один из основоположников театра абсурда, продолжатель традиции литературы «потока сознания». Лауреат Нобелевской премии по литературе (1969) (Прим. ред.).
[15] *Btoński J., Mrożek S.* Op. cit. S. 228–229.
[16] *Gombrowicz W.* Dziennik. 1953–1956. S. 35.

веком, о «я» в отношении к “не я”, Мрожек писал: «Проблематика вроде бы известная, но он (Гомбрович. – *В.Х.*) в ней самостоятелен и неповторим, он ставит ее заново и специфично, в собственной индивидуальной форме (…) Можно сказать, что образцовый Гомбрович как бы родился не только с готовой проблематикой, но и с определенным способом ее представления, и это делает его “великим”. Все, что следует у него затем, вся его позднейшая литературная биография, начиная с первой книги, является лишь развитием, обработкой, обогащением этого “приданого”. Обо мне этого сказать нельзя. (…) Я прихожу к “проблеме” я – не я не совсем снаружи, но и не целиком изнутри, так как не родился с ней и никогда не был в ней, как и в других, так замечательно замкнут, как Гомбрович»[17].

Свою проблематику Мрожек называл: «человек в тоталитарной системе», которая «тоже является неким вариантом отношений между я и не я, между человеком и “миром”». По его словам, «было какое-то счастливое совпадение между мной как таковым и “человеком в тоталитаризме”, потому что при абсолютном доминировании тоталитаризма над человеком, при полном отсутствии шансов у этого последнего, я был отличным представителем “человека вообще” в такой ситуации и, наверное, поэтому, разыгрывая свое фундаментальное отношение к миру вообще под маской издевки над тоталитаризмом, неплохо это делал»[18].

«При всем том, что меня с ним может связывать, – писал Мрожек о Гомбровиче, – я чувствую нашу взаимонепроницаемость и отличия, и это, наверное, хорошо, так и должно быть»[19]. Разницу в писательских установках, во многом исходящую из различного опыта восприятия современной Польши и ее реальной истории, ощущал и Гомбрович. В личной беседе с Мрожеком в 1965 г. Гомбрович, по словам Мрожека, убеждал его, что он «не должен сублимироваться», что его призвание – остаться художником в «нечистом состоянии», выражающим свое время. «Ясно, – пишет Мрожек, – что художника в “нечистом состоянии” он ставит ниже, чем в “чистом”, но тоже довольно высоко»[20].

Впрочем, вряд ли можно считать, что сам Гомбрович – это художник в «чистом состоянии». Хотя он и утверждал, что «ценность

[17] *Btoński J., Mrożek S.* Op. cit. S. 316, 318.
[18] Ibid. S. 318–319.
[19] Ibid. S. 304.
[20] Ibid. S. 248–249.

чистого искусства заключается в том, что оно разбивает схемы»[21], его творчество, начиная, пожалуй, с «Транс-Атлантика», наряду с исследованием межличностных отношений, доминирующим в «Фердыдурке», охватывает сферы национального мышления, истории, философии познания. Иным было творческое развитие Мрожека: от анализа абсурдных проявлений в жизни польского, а затем и человеческого общества вообще, к ощущению тупика, в который человечество стремительно само себя загоняет. «Мир не поощряет к участию в его делах, – пишет он в 1996 г. – Раньше как бы там ни было, что-то было, всегда было чего ожидать. Сначала, чтобы кончилась война, потом, чтобы Советский Союз, а теперь чего ожидать? Чтобы у каждого китайца был автомобиль, как в Америке, а у каждого поляка три телевизора и пять видеомагнитофонов? Меня это не интересует. Больше того: я не люблю этого»[22].

В отношении Мрожека к своему великому учителю сильнейшее притяжение сочетается с не менее сильным отталкиванием. И это является ярким свидетельством реального присутствия и развития традиции Гомбровича в польской литературе. «Воздействие, оказываемое Гомбровичем, сильно и мучительно, и в то же время оно – залог избавления от его чар. Ибо, если хочешь выжить, надо противостоять им с равной силой. А такое воздействие побуждает к творчеству», – писал Мрожек[23].

Гомбрович был и остается сильным катализатором польского литературного сознания.

---

[21] *Gombrowicz W.* Dziennik. 1953–1956. S. 31.
[22] *Btoński J., Mrożek S.* Op. cit. S. 595.
[23] *Мрожек С.* Указ. соч. С. 212.

Д.К. Поляков

«Одномерный человек» в чешской литературе шестидесятых годов (романы Владимира Парала)

> Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, прирастают душой к автомобилю, стереосистеме, бытовой технике, обстановке квартиры. Сам механизм, привязывающий индивида к обществу, изменился, и общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом.
>
> *Герберт Маркузе. Одномерный человек (1964)*

Нет нужды говорить, что 1960-е годы стали революционной эпохой для всего мира – недаром на Западе их уже на исходе десятилетия окрестили «безумными шестидесятыми». В государствах Восточной Европы (в характерном для той эпохи расширительном понимании этого термина) или, иначе, «восточного блока», как и в Советском Союзе, эта «особость» будто бы удваивалась. Шестидесятые годы в социалистических государствах проходили под знаком «оттепели», что означало раскрепощение, либерализацию, гуманизацию и политической, и экономической, и культурной жизни, и повседневности. Хотя процесс этот шел трудно и непоследовательно (примеры известны), а где-то, как в Чехословакии, оказался трагическим образом прерван, тем не менее он остался в памяти современников и потомков как «золотые шестидесятые»[1], а главным его итогом для социалистических стран стала принципиальная невозможность возврата к ранее утвердившейся «сталинской» модели общественного и культурного устройства.

«Непростой» и противоречивый период и сегодня (а может, именно сегодня) относится к наиболее рефлексируемым временам новейшей истории: его достижения, промахи, потери и несбывшиеся надежды по-прежнему вызывают интерес не одних лишь специали-

---

[1] Своеобразный pendant к московской конференции «Непростые шестидесятые» представляет конференция, состоявшаяся в Праге в 1999 г. и носившая название «Золотые шестидесятые: чешская литература и чешское общество в годы оттепели, бурления и… разочарований».

стов[2]; культурные и научные завоевания этих лет являются предметом многочисленных инспираций, осмыслений и переосмыслений, формирования мифов и их развенчания.

Своеобразным флагманом перемен в жизни стран тогдашнего «социалистического лагеря» стала Чехословакия: хотя схожие процессы «таяния» происходили повсюду, их масштаб был беспрецедентным именно здесь. Достаточно вспомнить восторженные и удивленные отклики об атмосфере в стране граждан тоже «оттепельного» и менявшегося СССР, приезжавших туда в то время: «….На протяжении нескольких месяцев я буквально упивался информацией о том, какие неслыханные вещи творятся в Чехословакии при Дубчеке», – историк и политолог Г. Мирский[3]; «Интервьюеры мало спрашивали, а больше говорили сами, захлебываясь рассказывали о своих переменах. Свобода! Свобода от слежки, от цензуры, от госбезопасности, от московских „советников“ во всех областях жизни. Свобода от страха», – актер С. Юрский[4]. Печальный финал попыток построить «социализм с человеческим лицом» также известен: их остановило введение в страну войск Варшавского Договора и целиком разрушила «нормализация» – за этим обтекаемым названием скрывалось усиление цензуры и ослабленного было партийно-государственного надзора за всеми сферами жизни общества. «Оттепель» шестидесятых годов сменилась очередными «заморозками» следующего десятилетия.

Общественные перемены, как это всегда бывает, шли рука об руку с переменами в области культуры, и в авангарде преобразований выступала в такой ситуации литература – она «была тем, что формировало рождавшееся гражданское общество, давая ему воз-

---

[2] Приведем далеко не полный список литературы, посвященной этому времени. Помимо уже вышеупомянутого чешского сборника, это книга «Социокультурный феномен шестидесятых» (М., 2008), тематический номер журнала «Искусство кино» (2004, № 5), разделы в интересном (хотя и неровном) сборнике «СССР: Жизнь после смерти» (М., 2012) и др. Чешской литературе 1960-х годов посвящены обстоятельные исследования Г. Косковой «В поисках утраченного поколения» (Прага, 1996) и С. А. Шерлаимовой «Литература „Пражской весны“: до и после» (М., 2002), к которым мы не раз будем обращаться.

[3] *Мирский Г. И.* Жизнь в трех эпохах. М., 2001. С. 207.

[4] *Юрский С. Ю.* Игра в жизнь. М., 2002. (Цит. по: Прага: Русский взгляд. М., 2003. С. 287).

можность саморефлексии и самоосознания»[5], попутно трансформируясь и сама, возвращая себе пестроту в области и формы, и содержания.

Расцвет культуры был особенно очевиден в сопоставлении с предыдущим периодом, начавшимся в Чехословакии «победоносным Февралем» 1948 года, а точнее – приходом к власти коммунистов, в результате чего культура оказалась в тисках идеологического диктата, несомненно, влиявшего и на содержательные стороны произведений литературы и искусства, и на их формальную организацию. Так, основным прозаическим жанром стал, разумеется, роман (или роман-эпопея), а главной его разновидностью – так называемый производственный роман (или, по-чешски, *budovatelský*, букв. – «роман о строительстве»). В качестве образца для подражания литературы европейских социалистических стран взяли советскую модель такого романа в упрощенной и схематичной, «лакировочной» версии того времени. Потому нет ничего удивительного в том, что при малейшем улучшении идеологического климата во второй половине 1950-х гг. эта литература, не популярная среди читателя и в пору своего расцвета, сразу же уступила место литературе иного рода[6].

Шестидесятые годы не только вернули в чехословацкий культурный контекст опыт авангарда 1930-х годов и вновь привлекли в него западноевропейские и американские философские, литературные и вообще культурные достижения, недоступные в предыдущий период, но и «сменили фокус» художественного произведения – с «коллективного героя» на человека как индивидуальность, обратились к сферам личного, интимного. Литература и искусство того времени «с подлинно ренессансным пафосом и драматизмом изображали личность как самое великое чудо всех времен»[7]. И новые произведения популярных авторов (для чешского читателя это были прежде всего Милан Кундера, Богумил Грабал, Йозеф Шкворецкий, Вацлав

---

[5] *Janoušek P. a kol.* Dějiny české literatury 1945–1989. D. III. 1958–1969. Praha, 2008. S. 13.

[6] О чешском производственном романе см.: *Hodrová D.* Žánrový půdorys tzv. budovatelského románu // Vztahy a cíle socialistických literatur / Red. H. Hrzalová, R. Pytlík. Praha, 1979. S. 121–141. Электронный ресурс – http://cl.ff.cuni.cz/sorela/hodrova01.htm. Общую характеристику литературной ситуации в Чехословакии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. см.: *Шерлаимова С.А.* Указ. соч. С. 6–10.

[7] *Ничев Б.* Современный болгарский роман. М., 1983. С. 282.

Гавел, Ладислав Фукс и др.) ни формально, ни содержательно не вписывались в каноны социалистического реализма, официально провозглашенного единственным творческим методом социалистических литератур. Среди «открытий» и крупнейших имен чешской литературы того времени – Владимир Парал, дебютировавший в 1964 г. небольшим романом «Ярмарка исполненных желаний»[8].

Феноменальная популярность пришла к писателю тотчас после дебюта. Увы, российскому (а до того советскому) читателю он остался абсолютно не известен, поскольку переводы его книг на русский язык отсутствуют. Однако в отечественной научной литературе произведения Парала не только упоминались, но и анализировались; о них чаще всего говорится как о «производственных» (строго в кавычках), а иногда и как о «производственно-эротических» романах[9].

На мой взгляд, едва ли здесь стоит употреблять термин «производственный» пусть даже в качестве этикетки, указывающей на то, что действие того или иного романа происходит на производстве – только это роднит его с классическим «будовательским» романом, аллюзию на который сразу вызывает этот термин. У Парала «производственная» тема в своем развитии не просто отходит на второй план, но исчезает вовсе, а рабочее место (химическое предприятие на севере Чехии) становится лишь «стаффажем», статичной кулисой для эффектных похождений героев.

В самом деле, достаточно в нескольких словах описать содержание первых романов писателя, чтобы понять, насколько они даже тематически далеки от бывшего господствующего жанра. Так, дебютное произведение Парала «Ярмарка исполненных желаний» (*Veletrh splněných přání*, 1964) посвящено будням инженера-химика Милана Ренча: он составляет отчеты на работе, встречается с любовницей, застает ее с другим, пытается изменить ей в ответ, безуспешно выбивает себе командировку в ГДР, снова встречается с любовницей, которая опять ему неверна, а когда привычный ход вещей внезапно нарушается настигшим его чувством к другой девушке, он «освобождается» от него, силой овладев ею и тем самым вернув свою жизнь в

[8] Такова общепринятая версия; в то же время, как указывает Л. Махала, настоящий дебют состоялся годом раньше, когда Парал опубликовал роман «Шесть адских ночей» под псевдонимом Владимир Лабан (затем изменив его на Ян Лабан). См.: *Machala L.* Od pekelných nocí k radostnému ránu (Objev a omyl à la Páral) // Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Facultas Philosophica. Moravica 6. 2008. S. 167–171.

[9] *Шерлаимова С.А.* Указ. соч. С. 104.

привычную колею. На единственном герое-протагонисте, также химике Яцеке Йоште, держится действие романа «Катапульта» (*Katapult*, 1967). Практически случайно изменив жене с попутчицей при возвращении из командировки, он – в безуспешных попытках избавиться от рутины семейной жизни – пускается в круговерть измен, поместив в газете объявление о знакомстве и выбрав из более чем ста претенденток семь самых подходящих, с которыми и завязывает отношения. С тех пор его передвижения между домом и любовницами, живущими в разных пунктах трассы Праги – Брно, куда Йошт ездит в командировки, регулируются лишь расписанием поездов. Герои «Частного вихря» (*Soukromá vichřice*, 1966)[10] также поглощены поисками ответа на вопрос, как избавиться от рутины повседневности, и находят его в сексуальной сфере, меняя партнеров «по кругу», но в итоге обретая новые стереотипы семейной и/или любовной жизни: круг замыкается, а вихрь оборачивается бурей в стакане воды. Более масштабен четвертый роман писателя – «Любовники и убийцы» (*Milenci a vrazi*, 1969), являющий собой амбициозную попытку построить модель всего человеческого общества на примере одного дома в Усти-над-Лабем, где живут директор химического предприятия с семьей, а также молодые инженеры и рабочие, одинокие и семейные. Все герои поделены на «красных» и «синих», захватчиков и осажденных; по Паралу, жизнь неумолимо идет по заданной траектории: агрессивные «красные», добиваясь своего, со временем успокаиваются, «синеют», в то же время появляются новые «красные» и т. д. Соответственно этому главный герой «Любовников и убийц» Борек Троян, поначалу молодой инженер, успешно соблазнивший жену директора завода, сам становится директором, а в конце романа умирает от сердечного приступа в постели с секретаршей-любовницей.

Как видно, основная тема параловских книг 1960-х годов – это поглощение человека установившимися клише и стереотипами и невозможность освободиться от их власти. Кто-то (как Ренч) вполне удовлетворен этим, другие (как Йошт или герои «Частного вихря») пытаются их разрушить. Общим является то, что выход из стереотипно-рутинных жизненных ситуаций параловские герои ищут и находят прежде всего в сексе. Ключевым словом здесь является «удовлетворение»: роман «Любовники и убийцы» имеет подзаголовок

[10] Более эксплицитный вариант перевода – «Метелица частной жизни» – предложен в кн.: *Шерлаимова С.А.* Указ. соч. С. 104.

«Журнал удовлетворения перед 2000 годом», а серию из пяти первых романов – помимо четырех уже упомянутых, к ним относится «Профессиональная женщина» (*Profesionální žena*, 1971) – Парал объединил под общим названием «Пять способов удовлетворения».

Мир героев упомянутых романов можно назвать «одномерным», и аллюзия на известную работу Герберта Маркузе «Одномерный человек» не будет случайностью. Симптоматично, что она появилась тогда же, в 1960-е годы (1964 – в США, 1967 – в ФРГ, нем. перевод). Констатируя становление общества потребления и потребителей, Маркузе в своем труде анализирует прежде всего функционирование западного мира, создавшего новое, бесклассовое общество, подверженное гипнозу многочисленных масс-медиа, продвигающих и внедряющих в сознание новый культ – потребление. Пытаясь удовлетворить свои потребности (по Маркузе – ложные), массовый потребитель становится их рабом, а само общество превращается в неототалитарное (в широком смысле), одномерное. Сам философ настаивал на универсальности своей теории и возможности ее приложения как к капиталистическому, так и к социалистическому обществу: «…Вполне безразлично, обеспечивается ли возрастающее удовлетворение потребностей авторитарной или неавторитарной системой. В условиях повышающегося уровня жизни неподчинение системе кажется социально бессмысленным, и уж тем более в том случае, когда это сулит экономические и политические невыгоды»[11].

Действительно, с повышением уровня жизни своеобразное общество потребления стало формироваться и в социалистических странах («сейчас – пятьдесят квадратных метров, плюшевые ковры, холодильник, телевизор, дальше положено машину, потом дачу – забот полон дом, и уже давно нам куда теснее, чем в этих бедных шестнадцати метрах»[12] – уже в тексте 1966 года Парал устами своего героя со всей лаконичной наглядностью сформулировал потребительскую триаду «квартира – машина – дача»). Любопытен в этой связи тот факт, что книги Парала были поняты и приняты, например, в капиталистической Западной Германии: немцы «были очарованы тем, что их молодые инженеры переживают те же жизненные проблемы, испытывают то же ощущение пустоты, и весело добавляли: „С той разницей, что у нас инженер из Кельна или Франкфурта не

[11] *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 2008. С. 18.
[12] *Páral V.* Katapult. Praha, 1967. S. 28.

ходит в выходные купаться на реку, а летит на Канары, и интригует, чтобы попасть на ярмарку не в Лейпциг, а в Токио“»[13].

Уложить эту проблему «молодых инженеров с ощущением пустоты» в прокрустово ложе традиционных рассуждений о мещанстве мешает то, что ее носители, к каковым герои Парала относятся в первую очередь, сами стали явлением нового типа, активно начавшим распространяться в 1960-е годы. Это были представители нового и стремительно увеличивавшегося класса «технической интеллигенции». Появление нового героя, техника «по профессии и по вере»[14] (у нас бы сказали – *технаря*), и складывание общества потребления были тесно связаны. Ускорение жизненного темпа не привело к формированию новых смыслов, а «технологическая основа» «современного индустриального общества»[15] стремительно уподобляла его членов машинам, на разные виды ситуаций реагирующим разными, зависящими от заданного алгоритма, клишированными реакциями. То же и у Парала: все действия его инженеров многократно повторяются, вариации на тему минимальны, а жизнь их «лишена не только глубокого смысла, но и какой-либо необходимости искать его»[16]. Тексты Парала того времени – разработка по сути одного и того же «сюжета увядшей активности», как гласит подзаголовок к «Ярмарке исполненных желаний».

Многочисленными приметами времени рассматриваемые романы насыщены уже на самом поверхностном уровне: они проявляются в виде характерных предметов, явлений или лиц тогдашней действительности. Так, в тексты вплетены упоминания об «иконах» тех лет – мировых, как Анита Экберг или Марчелло Мастроянни, и локальных, как певец Вацлав Нецкарж или поэт Олдржих Микулашек, а героев «Катапульты» можно застать за чтением… «Ярмарки исполненных желаний». Интереснее, однако, что эти приметы (или

---

[13] *Bartíková H.* Profesionální muž: Vladimír Páral o sobě a jiných, zajímavějších věcech. Český Těšín, 1995. S. 99. О прочих различиях – при множестве типологических сходств – между социалистическим и западным «средним классом» см.: *Туровская М.* Советский средний класс // Неприкосновенный запас. 2002. № 1 (21). Электронный ресурс = http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/tur.html. Также см. главу «Обуржуазивание советского общества» в.: *Мирский Г.И.* Жизнь в трех эпохах. М., 2001.

[14] *Páral V.* Veletrh splněných přání. Praha, 1964. S. 7.

[15] *Маркузе Г.* Указ. соч. С. 19.

[16] *Kosková H.* Hledání ztracené generace. Praha, 1996. S. 147.

даже «модерность» шестидесятых годов) пробиваются и из самой романной структуры: будучи стилизованными то под «лабораторный отчет» («Частный вихрь», в конце которого даже приводится список использованной литературы), то под «расписание поездов» (при этом с отчетливо спортивным разделением на «первый период», «второй период» и «добавочное время», как «Катапульта»), то одновременно под журнальный роман с продолжением и личное дело («Любовники и убийцы»), тексты Парала не только описывают современность, но и сами являются ею. Писатель будто отказывается от устаревшего, «векового» жанра романа (или повести) в пользу жанров актуальных, нехудожественных.

Так, одним из любимых «формальных приемов» Парала стало использование при характеристике действующих лиц «анкетного» слога (приведение при первом упоминании имени героя возраста в скобках, сухое перечисление анкетной информации и т. д.). Сухость и аскетизм текстов проявляется и в языке, и в положении, которое в них занимает автор: романы написаны в er-форме, и он превращается в фиксатора событий, подчеркнуто отстраненного и не выдающего собственного присутствия – настолько, что речь можно вести не об объективизме, а об «автоматизме» фиксации. Такой стиль Парал, по его собственному признанию, частично заимствовал из реферативных журналов по химии (дипломированный химик, он стал профессиональным писателем только в 1967 г.), и свои тексты он формально приблизил к бесстрастным информационным сводкам. Эту идею эксплицируют подзаголовки, с самого начала настраивающие на «нехудожественность», утилитарную объективность текстов: «Лабораторный отчет о жизни насекомых» («Частный вихрь»), «Расписание железнодорожных, морских и воздушных путей в рай» («Катапульта»). «Я использовал речь этих журналов, их абсолютную лаконичность, их компрессию, где сообщение сжато, поскольку всей этой химии – горы. Я переписал „Случай с серебряной зажигалкой“ (первая версия «Ярмарки исполненных желаний». – *Д. П.*), и возник так называемый технологический стиль письма», – вспоминал писатель[17].

[17] *Bartíková H.* Op. cit. S. 97. Симптоматично, что такая отстраненная манера письма, с сознательным дистанцированием автора от расстановки хоть каких-то знаков собственного отношения к происходящим ситуациям (это противоречило бы избранному стилю) породили даже обвинения самого писателя в пропаганде беспорядочных половых связей и в том, что его творчество «прямо или косвенно способствовало распаду многих семей» (см. http://cs.wikipedia.org/wiki/Vladimír_Páral, дата запроса – 2 февраля 2013 г.).

Точно так же Парал достигает и эффекта «одномерности». Его демонстрируют не пространные описания «быта и нравов» (таковые отсутствуют), не только сюжет, выдающий шаблонность действий героев и однотипность их реакций, но прежде всего само построение романного текста. Его подчеркнуто нейтральная, «объективизированная» форма, избранная Паралом в дебютном произведении и затем регулярно воспроизводимая, характеризуется «лаконичным, сжатым слогом, достигаемым благодаря обильному использованию сокращений, скобок, бессоюзных предложений, безглагольных предложений, экспрессивной лексики, атакующей воображение реципиента»[18]. Ср. предложение, содержащее описание рабочего дня лаборантки Богунки из «Частного вихря» и последующих приготовлений к встрече с любовником: «От проходной через двор в подвал к шкафчику 3631 и на четвертый этаж дверь 142, однорукий принес образцы проб, 24141–24165 годятся, 14:00 и бегом домой, из трех свитеров и трех юбок сварганить не такую комбинацию, как в тот раз и перед этим, новый лак для ногтей – восемнадцать крон, и уже почти кончился, ну что за сумасшествие, сегодня уж точно в последний раз»[19].

Самого писателя видят нашедшим и привнесшим в чешскую литературу «формальные творческие приемы, которые оригинальным способом выражали чувства человека, живущего в механизированном, автоматизированном мире второй половины двадцатого века…»[20]; именно констатация *автоматизма* (героев, их действий, поступков, вообще микро- и макромира) мгновенно объединила всех критиков, писавших о параловских текстах.

Возможно, романы Парала – если вообще сопровождать их каким-то эпитетом – стоило бы окрестить «технологическими»: как сами тексты представляют собой стилизацию нехудожественных жанров, так и линии поведения героев явлены нам изначально подчиненными некоему алгоритму, технологии, модели, отступление от которой чревато разрушением картины мира. И герой делает все, чтобы не допустить этого (как в «Ярмарке исполненных желаний»), или до-

---

Заметим, что документальных подтверждений таких обвинений в статье не приводится, однако сам факт их наличия весьма показателен.

[18] *Vojtková M.* Vladimír Páral // Slovník českých spisovatelů od roku 1945. D. 2, M–Ž. Praha, 1998. S. 171.

[19] *Páral V.* Soukromá vichřice. Praha, 1966. S. 57.

[20] *Kosková H.* Op. cit. S. 147.

вольствуется возникновением новой стереотипной модели (как в «Катапульте»).

Потому не случайно, что текст «от автора» – повторю, романы Парала написаны в er-форме – постоянно смешивается с внутренними репликами героев, и границу между ними провести невозможно: утилитарный текст не предполагает такой многоуровневости, поэтому речь «от автора» и «от героя» соположены, находятся в одном ряду. (Ср. приведенное выше описание рабочего дня Богунки или фрагмент из «Катапульты»: «Яцек вернулся последним автобусом и молча прошел по квартире <…> на свой балкон, лететь или не лететь, не лететь – это конец, но как взлететь, с гор пришел тяжелый грозовой фронт во все небо, внезапно полило, первые капли попали Яцеку на ноги, и он легко стряхнул их, ведь человек не может раствориться в воде…»[21].

В ту же самую плоскость могут вплетаться и внешние тексты, прежде всего газетные и вообще информационные: постановка трех этих уровней (авторская речь, речь и внутренние монологи героев, внешние тексты) в один синтагматический ряд и замена подчинительных связей сочинительными дают эффект мгновенной, «фотографической» (или даже, если употребить современный термин, *клиповой*) смены событий. (Ср.: «В пять утра он механически встал (включил радио), завел часы, да ведь у нас сегодня выходной, отличный день (перестрелка на сирийской границе), отправимся в Дечин, Теплице и Прагу (десять тысяч человек ночью эвакуировано), сказочные свободные сутки (два миллиарда и еще шестьсот миллионов голодают), кусочек за кусочком растапливал во рту тающий шоколад (он любил сладкое) и голым размялся на ковре (Атлетико Бильбао выиграло турнир в Бильбао)…»[22].

Текст динамизируется многочисленными предикатами, бесконтрольная аккумуляция которых создает эффект скорости, одновременного выполнения нескольких действий, а возможная постепенная утрата субъекта подразумевает то, что действия уже происходят сами по себе, автоматически, независимо от его воли: «Он перешел площадь, прошел по обеим сторонам главного проспекта, вернулся на площадь, обошел ее, подсел к шахматистам, посоветовал атаковать конем, но конь закрывал короля, вышел на площадь, боялся взглянуть на часы, взглянул на часы, в кондитерской съел четыре куска торта (он любил сладкое), взглянул на часы, стоя выпил ма-

[21] *Páral V.* Katapult... S. 173.
[22] *Páral V.* Veletrh splněných přání... S. 20.

ленькую кружку светлого пива, зашел в кино, но фильм уже начался, поехал на трамвае в другое кино, билетов нет, вернулся в первое кино и увидел конец итальянского фильма, у кого-то застрелили девушку, стрелял убийце в живот из автомата, расстрелял его семью, поджег забор, стрелял на площади, его застрелил друг, Приходите к нам еще, Еда в нашем буфете, купил коробку конфет и белую рубашку, чтобы нашлась причина пойти домой, пошел домой по своим улицам (двенадцать часов свободы), взял со столика у лестницы свои газеты и у себя дома лег на диван (Фармакология, наука на службе здоровья человечества), ел конфеты (две тысячи казнено, восемь тысяч замучено, сорок тысяч), высыпал в рот целую горсть конфет (еще один тайный спутник запущен с мыса), пошел выпить воды, открыл шкаф, кинул взгляд на свои костюмы и ровную стопку рубашек, посмотрел последнюю запись в сберкнижке, постучал по переплетам стопки своих книг и мизинцем измерил толщину слоя пыли на корешках, оценил свои зубы в зеркале, минуту ходил туда-сюда, переодел рубашку и с зажженной сигаретой высунулся из окна»[23].

При этом, несмотря на создающуюся иллюзию стремительности, все движения героев оказываются «бегом на месте»: текст, с одной стороны, все больше конденсируется и становится лаконичным, но с другой стороны, эта лаконичная и конденсированная форма заключает то же содержание, что предыдущие части. Показателен в этом смысле пример из «Частного вихря», когда небольшие главы, посвященные героям (и названные по первым буквам их имен – Ада, Станда, Йожа, Богунка), к концу книги «стягиваются» до одного предложения:

«А-7 Мой замечательный красный халат!

С-7 Мои замечательные домашние штаны!

Й-7 Мой замечательный синий халат!

Б-7 Моя замечательная хлопчатобумажная пижамка!»[24].

Жизнь на все увеличивающейся скорости стала присуща обществу потребления, ритм жизни которого ускоряется при минимизации ее смысловой стороны: темп задает сама технизированная окружающая среда, о чем писал и Маркузе: «…Вещи скорее задают ритм, чем угнетают, ритм человеку как инструменту, т. е. не только его телу, но также уму и даже душе <…> Машинный процесс в технологическом

[23] *Páral V.* Veletrh splněných přání... S. 30.

[24] *Páral V.* Soukromá vichřice... S. 131–132.

универсуме разрушает внутреннюю личную свободу и объединяет сексуальность и труд в бессознательный, ритмический автоматизм»[25].

Эффект этого самого «ритмического автоматизма» в текстах Парала достигается многочисленными повторами. Повтор вообще стал центральным формальным приемом его «технологических» романов (помимо уже упомянутого сближения их с нехудожественными текстами и обширного вплетения в романную ткань фрагментов иных жанров – объявлений, писем, новостей). Более того, из художественного приема повтор превращается в основной способ, даже принцип выстраивания романного действия. Он функционирует как на уровне отдельных эпитетов и, далее, фраз, так и на уровне ситуаций и/или мотивов, в итоге выходя на самую высокую плоскость обобщения – уровень жизни индивида (и одновременно – всего пространства романа) как лишь одного из звеньев бесконечного повтора стандартных ситуаций (победа «захватчиков» над «осажденными» неизменно ведет к рождению новых «захватчиков» и к переходу бывших победителей в стан «осажденных» – «Любовники и убийцы»).

В «Ярмарке исполненных желаний» большинство действий героя сопровождается авторскими примечаниями-лейтхарактеристикам и в скобках («он был техник» или «он любил сладкое»), несколько раз с минимальными изменениями повторяются сцены встреч героя с любовницей, его пути из дома и домой и т. д.

В следующем романе писатель идет дальше, буквально воспроизводя целые диалоги и описания действий героев в различных ситуациях: перед ужином, в постели, на работе: «„Здрасьте, шеф. Хорошо. Закончены пробы 450, 451, 452 – Сейчас сделаю, шеф!“ – и по политому бетону, металлическим лестницам и по кафельной плитке, в женском туалете снова дымят, надо бы им выключить свет снаружи… <…> „Сейчас сделаю, шеф!“ – и по кафельной плитке, металлическим лестницам и по политому бетону, выключить свет бабам в сортире, пригнать смазчиков в восьмой цех, наподдать мастеру из хлорирования <...>, после работы – топорик и клещи, до самой темноты строгать брусочки, дома – в домашние штаны, <...> и свалиться в кровать, „Здрасьте, шеф! Хорошо. Закончены пробы 456, 457, 458“»[26].

То же наблюдаем и в «Катапульте», где в сложном переплетении находятся повторяющиеся диалоги (например, с женой и доче-

[25] *Маркузе Г.* Указ. соч. С. 50.
[26] *Páral V.* Soukromá vichřice... S. 89–91.

рью после возвращения из командировок) и мотивы (белый плюш, который Йошт обещает купить жене перед каждой командировкой, и всякий раз забывает это сделать), регулярно возвращающиеся мысли героя и, наконец, семикратное повторение самого стереотипа семейных будней, от которого бежал герой (каждая из семи любовниц Йошта готова выйти за него замуж и тщательно спланировать их совместную жизнь).

В том же романе фигурируют и шаблонные реплики, готовые для ответа в любой ситуации: они, как правило, усвоены из публицистического «новояза» или выпестованы в профессиональном жаргоне:

«– А вам действительно нужно так много готовиться к работе? – спрашивает бабушка снова.

– *Техника идет вперед семимильными шагами,* – сказал Яцек уверенно, – и то, чему я научился десять лет назад…

– Я знаю, тут как раз об этом говорили по телевизору…».

«- А когда ты собираешься вернуться в Брно?

– Над этим *уже идет работа*… <…>

– Любой молодой человек должен…

– Я как раз десятый год в Усти.

– Уже? – изумилась мать. – Кошмар!

– Над этим *уже идет работа*. У генерального, думаю, найдется для меня кое-что…».

То же самое, но в иной ситуации и ином окружении:

«– Коллега, – сказал Йозифек, наклоняясь над столиком, – готова уже целлюлоза с углеродом С 14?

– Думаю, что… над чем-то таким *уже идет работа*»[27].

Примечательно, что такие small talks могут обрываться в любом месте: нагромождение малозначимых реплик-клише само по себе уже ведет к утрате смысла, поэтому их неполнота не препятствует пониманию.

«– Я очень рад… - Милан Ренч сиял от удовольствия.

– Но это останется между нами! – сказал Йозеф Голик.

– Да, разумеется…

– Не то чтобы я…

– Конечно, я очень ценю…

– Я хотел только…

– Прекрасно понимаю…

[27] *Páral V.* Katapult... S. 65, 56, 86. (Курсив везде наш. – *Д. П.*)

– Но в любом случае…

– Можете положиться…»[28].

Базой для содержательно иных, но таких же «автоматических» разговоров могут быть не клишированные формулы вежливости, а полезная информация, почерпнутая из профессиональных журналов:

«– Так вот, этот газобетон…

– У него исключительные изоляционные свойства.

– К тому же он очень дешевый.

– Скоро наладят его массовое производство.

– Выпьем?

– Выпьем»[29].

Средства массовой информации (газеты, журналы, радио, телевизор) вообще неотступно сопровождают героев книг Парала. Прежде всего это газеты – медиатор, передающий герою, а за ним и читателю, актуальные известия, которыми насыщены тексты писателя (так, в «Любовниках и убийцах» каждую главу замыкает или прерывает некая газетная новостная заметка, своеобразно синтезирующая обозначенные в ней события или, наоборот, контрастирующая с ними). Увеличение роли масс-медиа в окружающей действительности – та же примета шестидесятых годов и развивающегося общества потребления; здесь уместно будет вновь сослаться на Маркузе, видевшего «индивидуальную мысль» «поглощенной в настоящее время средствами массовой коммуникации и воздействия на сознание»[30].

Данный тезис наиболее успешно из всех текстов Парала иллюстрирует «Ярмарка исполненных желаний». Основным средством экспликации такого воздействия в романе служат газетные заголовки, неотступно сопровождающие главного героя. Сначала они появляются на положенном месте, т. е. непосредственно в читаемой газете, в качестве воспринимаемой информации: покинув любовницу, Ренч отправился в центр города, позавтракал в кафе «Савой», «выпил два стакана цитрусового мошта, почитал газеты (великолепное достижение соколовских шахтеров, привязан к столбу и сломаны шейные позвонки, на соревнованиях в Копенгагене гребцы взяли золото, серебро и бронзу)». Постепенно они, однако, выходят за рамки отведенного для них пространства, перекочевывая из газеты в сознание героя и произвольно возникая в нем в самые различные моменты, например, в магазине: «Милан… засовывал возвращенную 50-кронную купюру

[28] *Páral V.* Veletrh splněných přání... S. 33.

[29] Ibid. S. 7.

[30] *Маркузе Г.* Указ. соч. С. 21.

в бумажник (семь тысяч убито, сто тысяч без крова, помощь со всего мира)»[31]. В пространных внутренних монологах Ренча оказываются причудливо смонтированными газетные заголовки, фрагменты читаемых героем научных статей, его собственные мысли, услышанное вокруг и вообще тексты самого разного происхождения.

Гротескные черты приобретает показ роли газет в ином случае. Бесстрастное «всевидящее око» автора не покидает героя в самых необычных местах. Так, подчиненные на работе «раздражали его, он закрылся в туалете, сел, снимал с гвоздя осьмушки газет и внимательно читал их одну за другой, размер бумаги не согласовывался с длиной строк (Бомбы воззвал ных местах Гватема взорвала в здании миссии Патриотические си правительственных вой ли в джунгли)». Разумеется, чем больше подобной информации прокручивается и прочитывается, тем меньшую ценность она имеет. Парал засвидетельствовал переход газеты из источника информации в неизменный атрибут жизни (потому что почерпнуть там нечего, кроме кроссворда), именно стремясь поскорее добраться до последней страницы, герой и прочитывает всю эту информацию.

То же самое происходит и с радио, которое постоянно сопровождает главного героя, носящего с собой транзисторный приемник. Обращение к радио, как и многие другие действия Ренча, носит механический характер. Собственно, именно эта *механизация* человека и его существование под властью сформировавшихся стереотипов является центральной темой всего параловского творчества, ярче всего проявившейся именно в текстах шестидесятых годов. «В пять утра он механически встал (включил радио), завел часы, да ведь сегодня у нас выходной, отличный день»; «…дошел по своим улицам домой, взял со столика у лестницы свои журналы, бросил их на диван в своей комнате и включил радио (всемирный фармакологический конгресс с удовлетворением констатирует всеобщий), повернулся на другой бок (забили до смерти одного шахтера, а другого избивали так долго, что он сошел с ума), сел и начал подстригать ногти (еще один подземный ядерный взрыв)…»[32].

Такая обостренная связь человека с информационным миром, с масс-медиа – одна из безусловных примет общества потребления: так и герой «Катапульты» обозначает свое возвращение к жене после случайно проведенных на природе нескольких дней блаженства с

[31] *Páral V.* Veletrh splněných přání... S. 31.
[32] Ibid. S. 23, 40–41.

любовницей как возвращение «из книжки сказок в ежедневную печать»[33] (об особых отношениях героев Парала с миром вещи – еще одной константой общества потребления – мне уже приходилось писать)[34].

…Итак, «непростой» и противоречивый характер шестидесятых годов в судьбе социалистических стран отразился не только в ряду «великих исторических событий», но и в повседневности: с реабилитацией самого права людей на личное, интимное пространство, на собственную жизнь в это время формируется и своеобразный аналог западного «общества потребления», что, повторю, было связано с несомненным ростом уровня жизни, «технизацией» и даже «технократизацией» самой эпохи. Критика присущей ему «одномерности» тоже была во многом типологична, и здесь можно провести самые разные, пусть иногда и слишком смелые параллели. Достаточно вспомнить хотя бы французскую литературу «шозизма» (буквально – «вещизма»), в том числе роман Ж. Перека «Вещи» (1965) с подзаголовком «Одна из историй шестидесятых годов», остро критичную по отношению ко всякому потребительству, и чешскую, и французскую «новую волну» в кинематографе с их антимеханистическим пафосом.

Про романы же Владимира Парала можно сказать, что тема, время и сам писатель будто счастливо нашли друг друга. Куда меньшая оригинальность и собственно художественная уязвимость (несмотря на успех у читателя) его романов, написанных в следующие десятилетия и рисующих позитивный исход борьбы человека с окружающими его стереотипами, – лишнее тому подтверждение.

---

[33] *Páral V.* Katapult... S. 30.

[34] *Поляков Д. К.* Вещный мир 1960-х гг. и чешская литература: случай Владимира Парала // Концепт вещи в славянских культурах / Отв. ред. Н. В. Злыднева. М., 2012.

К читателю

Вот и перевернули Вы, уважаемый читатель, последнюю страницу нашей книги. Ее авторы и составители стремились расширить Ваши представления о сложном и противоречивом для нашей страны и региона Восточной Европы десятилетии.

Непростые 60-е... Резонно задаться вопросом, а вообще бывают ли в человеческой истории «простые» времена? Переломы, подъемы и спады, противостояние и открытые конфликты, в том числе и военные, духовный взлет и, наоборот, нравственное падение – каждый из нас, не только историков, сможет привести свои примеры этого, в том числе и применительно к XX столетию. Огромный, без преувеличения, диапазон явлений мы сознательно объединили одним понятием «непростые 60-е». Будучи, по нашему мнению, достаточно нейтральным, оно вместе с тем является емким и всеохватывающим, могущим охарактеризовать, пусть в общем плане, изучаемый хронологический период.

Центр по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны[*] Института славяноведения РАН не впервые обращается к тематике 60-х. В 2010 г. свет увидел сборник статей «1968 год. “Пражская весна”. Историческая ретроспектива» (отв. ред. д.и.н. Г.П. Мурашко), изданный по итогам научной конференции в связи с 40-летием чехословацких событий. Годом позже был опубликован сборник «В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в.» (отв. ред. д.ф.н. Н.М. Куренная), отразивший некоторые итоги исследований общественных настроений в СССР и странах Восточной Европе в контексте трансформации политических режимов в послевоенные годы. Конференция на эту тему прошла в Институте славяноведения осенью 2010 г. и выявила не только значительный исследовательский интерес ее участников, но и наличие серьезных лакун в изучении данной тематики. В апреле 2012 г. межинститутская конференция, организованная в Инславе, обсудила разнообразные вопросы экономики, политики и культуры СССР и стран Восточной Европы, связанные с «феноменом 60-х». Результатом совместных усилий участников стал настоящий сборник статей. Его авторы – сотрудники Института славяноведения РАН и других академических институтов России и дальнего зарубежья – Института российской

[*] До 2011 г. назывался Научным центром истории сталинизма в Восточной Европе.

истории, Института всеобщей истории, Института экономики, Института научной информации по общественным наукам, Института современной истории Сербской академии наук, а также российских и венгерских архивов.

Среди авторов – не только историки, политологи, культурологи, журналисты и архивисты. По сложившейся традиции мы не обошли вниманием процессы, развивавшиеся в художественной сфере. Изучение особенностей состояния литературы трех «проблемных» социалистических стран – Венгрии, Польши и Чехословакии важно по той причине, что острейшие политические кризисы 1956 и 1968 гг. не только во многом перевернули сознание общества, но и поставили под вопрос судьбу социализма советского типа. Литература в этих условиях способствовала зарождению и оформлению протестного потенциала в обществе.

Авторов сборника объединяет любовь к документальному источнику. Видение ими конкретных процессов и событий 60-х годов сформировалось, благодаря, прежде всего, вдумчивому анализу архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Предложенная авторская интерпретация событий и документов поддерживает в ряде случаев высокий «градус» дискуссионности, но не перекрывает возможности иных подходов и исследовательских ракурсов.

Мы надеемся, что сборник будет способствовать воссозданию сложной многоаспектной картины недавнего прошлого и атмосферы действительно непростого, но оказавшегося судьбоносным по своему содержанию и последствиям десятилетия.

Продолжение следует...

Редколлегия

Наши авторы

Аникеев Анатолий Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Барат Магдольна (Венгерская республика) – заведующая отделом Исторического архива венгерских спецслужб

Волобуев Вадим Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Волокитина Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, руководитель Центра по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны

Гусев Юрий Павлович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Гуськова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса

Джалилов Теймур Агабаевич – главный специалист Российского государственного архива новейшей истории

Желицки Бэла Йожефович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Животич Александр (Республика Сербия) – д-р, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии Сербской академии наук

Костырченко Геннадий Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Куренная Наталия Михайловна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Мурашко Галина Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Орлик Игорь Иванович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Филиала международной экономики и политических исследований Института экономики РАН, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Орлов Борис Сергеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Покивайлова Татьяна Андреевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Поляков Дмитрий Кириллович – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Руднева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Твардовская Валентина Александровна – доктор исторических наук

Улунян Арутюн Акопович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Филимонова Анна Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Хорев Виктор Александрович (1932–2012) – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шестаков Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, ученый секретарь Института российской истории РАН

Шинкарев Леонид Иосифович – журналист-международник; в 1960-е гг. – собственный корреспондент газеты «Известия» по Сибири

Содержание

Н.М. Куренная. Парадоксальное и драматическое время… Вместо вступления — ***3***

В.А. Шестаков. Реформа А.Н. Косыгина и административно-командная система в СССР — ***12***

Г.П. Мурашко. НТР и советская научно-техническая интеллигенция: формирование новых взглядов на исторические перспективы развития СССР в 60-е годы XX века — ***33***

В.А. Твардовская. Переписка из двух «лагерей» (А. Тойнби и Н.И. Конрад о судьбах человечества) — ***53***

Г.В. Костырченко. Н.С. Хрущев и Союз советских писателей: проблема диалога власти с творческой интеллигенцией — ***74***

Л.И. Шинкарев. *Специальный отчет № 4 И. Ганзелки и М. Зикмунда о поездке по Советскому Союзу (1963–1964 гг.): судьба документа* — ***87***

И.И. Орлик. Восточная Европа в политике Запада в 1960-е годы: новые тенденции. Историческая ретроспектива — ***112***

В.В. Марьина. Советская «оттепель» в зеркале чехословацких документов: некоторые вопросы внешней политики СССР и положения в «социалистическом лагере» — ***127***

А. Животич. Советский Союз и югославско-албанские отношения (1956–1961) — ***158***

Т.А. Покивайлова. От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех — ***177***

Е.Ю. Гуськова. Европейский либерализм 60-х годов XX века и югославские реалии — ***206***

Б.Й. Желицки. Венгерская экономическая реформа 60-х - начала 70-х годов XX века: социальные аспекты — ***219***

Т.В. Волокитина. Тодор Живков: «...НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ую республику СССР») ***239***

В.В. Волобуев. Польская «оттепель» и послевоенный бэби-бум ***273***

Б.С. Орлов. Немецкая «оттепель» на фоне Берлинской стены (Заметки очевидца) ***280***

М. Барат. Отклики в Венгрии на снятие Н.С. Хрущева ***294***

А.С. Стыкалин. В. Гомулка: «Мы довольны решением ЦК КПСС о т. Хрущеве...» ***310***

Т.А. Джалилов. Канун «Пражской весны» глазами советских дипломатов ***328***

Ар. А. Улунян. 1968 год. Бухарест в ожидании советского вторжения (Дипломатия и оборона) ***352***

И.В. Руднева. Либерализм в Хорватии в 1960-е годы: трансформационные процессы ***374***

А.С. Аникеев. М. Джилас и диссидентское движение в Югославии в 1960-е годы ***395***

А.И. Филимонова. Косово в 60-е годы XX века: генеральная репетиция независимости? ***413***

Ю.П. Гусев. Особенности венгерской литературы 60-х годов XX века ***442***

В.А. Хорев. В стремлении к интеллектуальному раскрепощению человека... (О творчестве польских писателей Витольда Гомбровича и Славомира Мрожека) ***450***

Д.К. Поляков. «Одномерный человек» в чешской литературе шестидесятых годов (На примере творчества Владимира Парала) ***460***

К читателю ***476***

Наши авторы ***478***